

ОЛАУС
ПЕТРИ

ШВЕДСКАЯ
ХРОНИКА

ОЛАУС ПЕТРИ • ШВЕДСКАЯ ХРОНИКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

OLAUS
PETRI

EN SWENSK
CRÖNEKA

Översättning, efterskrift och kommentarer av
Andrej SCHEGLOV

MOSKVA
NAUKA
2012

ОЛАУС
ПЕТРИ

ШВЕДСКАЯ
ХРОНИКА

Перевод, послесловие, комментарии
А. Д. ЩЕГЛОВА

МОСКВА
НАУКА
2012

УДК 94
ББК 63.3(0)
П29

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 12-01-16038*

Серия «Памятники исторической мысли»
основана в 1966 году

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ПАМЯТНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ»

*В.П. Буданова (ученый секретарь), А.В. Подосинов,
В.А. Тишков, В.И. Уколова (председатель)*

Ответственный редактор
А.А. Сванидзе

Рецензенты:
кандидат исторических наук *Е.В. Казбекова*,
доктор исторических наук *О.В. Чернышева*

ISBN 978-5-02-038032-5

- © Институт всеобщей истории РАН, 2012
- © Щеглов А.Д., перевод на рус. яз.,
послесловие, комментарии, 2012
- © Российская академия наук и издательство
«Наука», серия «Памятники исторической
мысли» (разработка, оформление),
1966 (год основания), 2012
- © Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ К ШВЕДСКОЙ ХРОНИКЕ

Всем, кому доведется читать или слушать эту хронику, желаю я, Олаус Петри, стокгольмский проповедник, знания о спасении¹.

Бог, создавший все во благо и на пользу людям, по своей извечной доброте и провидению установил и повелел: дела людей, деяния правителей, что некогда жили в этом мире, надлежит описывать ради исправления и предостережения потомков, дабы те могли узнать, какие начинания сопровождаются успехом, а какие — неудачны и ведут к дурному исходу. Благодаря этому потомки на примере процветания или неблагополучия предков могут узнать, как поступать в различных обстоятельствах и что, как правило, полезно, а что — вредно. Воистину, для потомков это — великое благо: ведь лучше стать умудренным на чужом горьком опыте, чем на своем.

И истории, сиречь хроники², следует писать таким образом, чтобы в них, настолько подробно, насколько то возможно, излагалось, от каких причин произошли беспорядки и войны, и каким образом был сохранен мир и покой. В таком случае их читают с пользой, и для потомков они — все равно что зеркало, в котором те могут видеть, что ведет к порядку, а что к беспорядку, как возникают страны и города, и как они приходят в упадок. Недостаточно знать, что в этом мире часто случались войны; следует знать, от каких причин они произошли. Воистину, чаще всего жертвами беспорядков становятся те, кто дал для них повод; те же, кто сумел избежать причины — избежали и беспорядков; поэтому полезно знать, отчего могут произойти войны. Равным образом, недостаточно знать, что иногда в этом мире имелись благочестивые государи, хранившие мир и покой: следует знать, каким образом они этого достигали. Все это создатель хроники должен изложить в наизидание потомкам.

Но много было тех, кто писал хроники, и однако же довольно мало тех, кто делал это должным образом, что достаточно явно видно на примере как иноземных хронистов, так и шведских с датскими³. Все они пишут о войнах, но отчего эти войны произошли, и с чьей стороны война являлась более справедливой — о том говорится очень мало; поэтому потомки не могут извлечь надлежащую пользу из истории своих предков. И многое было написано людьми

пристрастными. Такие люди превозносили тех, чьей стороны держались, а об их противниках отзывались с презрением; с истиной же при этом совершенно не считались. Это хорошо видно в датских и шведских хрониках: датчане похваляются великими деяниями, которые их государи совершили в Швеции, а шведы высоко ставят свои подвиги, совершенные в Дании. Поэтому сейчас из датских и шведских хроник узнать истину просто невозможно — даже если есть желание и необходимость.

Издравле (исправи Боже) существует затаенная и, пожалуй, естественная неприязнь между датчанами и шведами: смотрят друг на друга свысока, и никто не хочет уступить. Оттого-то и хроники, которыми мы ныне располагаем, таковы, каковы были мысли тех, кто их писал. И в силу этого шведские хроники не согласуются с датскими, и ни одна из сторон не пишет ничего хорошего о другой; поэтому не стоит и пытаться извлечь из этих хроник какую-то пользу.

Но вот и я занялся составлением одной небольшой хроники из других⁴ и включил в нее то, что счел наиболее похожим на правду (ибо я хочу писать то, что истинно⁵), дабы из этой хроники можно было узнать, как в прошлом обстояли дела в Шведском королевстве, каково было его положение при правителях—уроженцах страны, и как им управляли иноземные государи; как было при королях, и как — при регентах. И неизменно можно видеть, какие беспорядки, смуты и распри приходилось испытывать нашим предкам; поэтому не следует удивляться, если и нам приходится переживать тяжелые времена. Наши предки познали зло этого мира так же, как и мы: мир не меняется — в нем всегда беспокойно и трудно. Тот, кому доведется жить в этом мире, должен свыкнуться с тем, что испытает больше зла, чем добра, больше войн и прочих бедствий, чем покоя.

Также, наблюдая непостоянство мира, можно подчас заметить, что высшие мира сего вскоре оказываются свергнуты и становятся низшими. Воистину у высших в этом мире самое опасное положение: много тех, кто стоит ступенью ниже; поэтому чем выше человек поставлен, тем больше у него недругов. Недаром говорят: колесо счастья быстро вертится в этом мире⁶. Маленький человек может быстро возвыситься, а высокопоставленный — мгновенно низвергнут. Благодаря этому те, кто унижен, могут надеяться на лучшую участь, высокопоставленные же могут осознать опасность, что колесо, несущее их, повернется. Поэтому они могут отказаться от высокомерия и насилия, уразумев: Бог вскоре может унижить их самих и возвысит тех, кого они угнетали. Такое, как можно видеть, нередко случалось в прошлом, а может случиться и ныне.

Часто выходило: те, кто безжалостно угнетал других, впоследствии попадали под такой гнет, что вынуждены были просить о милости тех, кому сами не оказывали милости, покуда находились в силе. Так уж повелось: кто-то — вверх, кто-то — вниз; с этим приходится считаться и высоким, и низким⁷.

Теперь, прежде чем мы перейдем к нашей материи⁸, следует отметить: в наших шведских хрониках мало рассказывается, как обстояли дела в Шведском королевстве до того, как туда пришло христианство: наши предки либо писали об этом мало, либо вообще ничего не писали. Когда же что-то и писали, то делали это при помощи письменности, которая в древности употреблялась в Швеции; ныне ее именуют руническим письмом. Если и существовали письменные сведения, они несомненно были записаны руническими знаками, ведь латинская письменность, употребляемая ныне, пришла в Швецию с теми, кто обратил эту страну в христианство. А когда распространилась латинская письменность, со временем была утрачена прежняя, а с ней и все, что при ее помощи было написано. Однако некоторое время эта письменность еще употреблялась наряду с латинским письмом: доказательством тому могут служить рунические календари, и по сей день распространенные у крестьян, а также множество рунических камней, возведенных после того, как сюда пришло христианство⁹. Также в древних книгах законов и других рукописных шведских книгах присутствуют отдельные рунические буквы, использованные наряду с латиницей¹⁰.

Как бы то ни было: записали ли наши предки что-либо руническим письмом или же нет — очевидно, что до нас дошло очень мало сведений о том, как обстояли дела в Шведском королевстве до того, как туда пришло христианство. И хотя Датская хроника¹¹ много рассказывает о том, что якобы происходило в старину в этих трех королевствах, и начинает свое повествование с далекого прошлого, ей все же не следует особенно верить. Ведь у датчан в отношении древних исторических сочинений присутствует тот же изъян, что и у нас; кроме того, легко заметить, что [датские историки] только и думают, что о чести и славе. Посему, увы, по всей видимости, истина у них отнюдь не на первом месте — хотя именно о ней должны больше всего заботиться создатели хроник. Но пусть о том судят другие.

Несомненно, в этих трех королевствах, как и во многих других странах, жили грубые, неразумные люди, которые и понятия не имели о добрых обычаях и вежестве, и начали учиться вежливости и хорошему обхождению, только когда стали христианами. Поэтому не следует удивляться, что они писали мало или не писали вооб-

ще ничего. Хорошо заметно: наши предки в отношении сказаний и поэм имели тот же обычай, что и греки с римлянами: о замечательных людях, которые прославились подвигами и великими деяниями, они слагали песни, сказания, римы¹² (которые они называли «фриды»)¹³ и другие подобные сочинения, и украшали их вымыслом и иносказаниями, воздавая великую хвалу и почести тем, кто заслужил — выдающимся людям, проявившим доблесть в борьбе с врагами и низвергшим тех, кто вершил насилие и произвол.

Таких выдающихся людей они называли богатырями¹⁴ и исполинами¹⁵, подобно тому как греки называли героями своих доблестных мужей — таких как Гераклес и многие другие. Тех же, кто вел себя, как тираны, и творил по отношению ко всем насилие и произвол, и никого не щадил, называли великанами¹⁶, ресами¹⁷, троллями и другими подобными именами. А поскольку эти тираны жили в неприступных замках и крепостях, то люди называли эти замки горами¹⁸, а тех, кто в них жил — горными троллями, а их зловердных жен — гиграми¹⁹ и тому подобными прозвищами, о чем красноречиво свидетельствуют древние песни, а также легендарная история Дидрика Бернского²⁰. Когда же хотели описать злых и жестоких тиранов, их называли безобразными, рослыми, страшными, неуклюжими и огромными, хотя те были не больше и не уродливее других людей. Однако за их тиранию и произвол люди приписывали им эти свойства, а порой называли их в песнях медведями, змеями и драконами.

Тех же, кто убивал подобных зловердных людей, народ прославил в песнях и фридах²¹, называя таких людей великими героями, изгнавшими и победившими великанов, ресов, троллей, медведей и змеев. Эти победы чаще всего одерживались в бою один на один: в таких поединках проявлялось величайшее мужество, и потому за них оказывался наибольший почет. Равным образом, наши предки называли гномами тех, кто своим коварством и кознями причинил много зла. Хотя у них не было столь великой силы, как у ресов, они, тем не менее, причинили немалое зло своим скрытым коварством и зловердностью, и были столь ловкими плутами, что никто не мог устоять против их коварства. Поэтому про них говорили: мол, на головах у них такие шапки, что никто не может их видеть; оттого-то и поныне ходят рассказы о шапках гномов. В римах и песнях об этих гномах рассказывается, что они были маленькими; их описывают так потому, что у гномов было мало силы, хотя и много коварства. Также о них говорится, что они жили в горах — то есть укрывались так, что никто не мог причинить им зло. Однако герои порой преодолевали их коварство и побеждали их. Поэтому, подобно тому как их восхваляли за великие силу и мужество, бла-

годаря которым они побеждали огромных йеттов и ресов, так же их восхваляли за великий ум, благодаря которому они одерживали верх над означенными коварными и злокозненными людьми.

Вышесказанное изложено здесь для того, чтобы показать, какие сказания и сочинения были в ходу и пользовались большим успехом у наших предков в языческие времена. Нетрудно убедиться, что от этих рассказов и сочинений мало толку: они настолько расцвечены баснями и иносказаниями, что невозможно вычленишь в них достоверную историю. Однако те, кто первым стал писать шведские и датские хроники, начинали свое повествование с древних устных преданий, песней и тому подобного приукрашенного вымысла, который имел хождение в этих странах; и на этом-то они основывали свои сочинения²². Потому теперь и не ясно, так ли было на самом деле или иначе. Конечно, кое-что из того, на чем основывались устные предания и песни, действительно могло иметь место. Но то, что не записано, а передается устно от одних к другим, как правило, не вполне достоверно: каждый что-то прибавляет или опускает и рассказывает не совсем так, как слышал.

Также много неясности происходит от того, что нет определенной даты упоминаемых событий: нечто могло случиться во втором столетии, а могло — в седьмом или девятом. Поэтому нередко может быть отнесено к более позднему времени то, что следовало бы отнести к более раннему. Не очень-то достоверны и те сведения о Швеции, что иноземные хронисты, датчане и немцы, включили в свои хроники, ибо эти хронисты основывались на пустых слухах. И хорошо видно, как часто они отходят от истины, описывая то, что на памяти у людей; поэтому нет сомнения, что так случилось и в отношении древних историй. Также часто можно видеть, что у них столь же мало достоверности в отношении своей собственной истории, сколь в отношении нашей; и будет правильным вывод: ни у шведов, ни у немцев, ни у датчан нет таких, как нужно, достоверных хроник о том, что происходило в их странах до того, как туда пришло христианство. Но впоследствии кое-что было написано, хотя и весьма мало — особенно у нас в Швеции. Большая часть того, что написано у нас, создана на протяжении трех последних столетий: в этом можно убедиться в первую очередь по древним регистрам и скрепленным печатями грамотам²³; потому и данная хроника повествует большей частью об этих трех столетиях. Но в отношении того, что было ранее, не существует таких свидетельств; об этом еще будет идти речь ниже.

Большинство тех, кто пишет исторические сочинения, повествуют о том, откуда произошел описываемый народ, о его корнях. Но поскольку у нас, шведов, нет достоверных древних историй,

потому у нас нет и сведений о том, откуда произошел шведский народ и как была заселена Швеция. Всеобщие истории²⁴ достаточно много рассказывают о королевстве готов, о том, какое оно древнее. Однако этих готов не следует отождествлять с гётами, живущими в Швеции. Ибо древние готы (если вообще они действительно такие древние, как некоторые полагают) — те, кто первыми назывались «Göthe», жили там, где сейчас находится Венгрия, либо еще дальше; и в то время в Швеции скорее всего еще никто не жил. Ведь готы (если истинно все, что о них написано) появились в тех местах своего расселения вскоре после Ноева потопа. И поэтому в то время они не могли изойти из нашей страны; более вероятно, что со временем некоторые из них пришли сюда и стали здесь жить. Но все это не достоверно и, пытаясь установить истину относительно таких древних событий, легко впасть в заблуждение; а потому лучше отказаться от этих попыток, нежели излагать нечто сомнительное.

Весьма вероятно — а в сущности, несомненно, что немцы, шведы, датчане и норвежцы в древности представляли собой единый народ: свидетельством тому является язык; ибо в древности у них всех было одно наречие, хотя, после того как народ разделился, оно претерпело значительные изменения, как всегда бывает в подобных случаях. Легко убедиться: чем древнее немецкие и шведские книги, тем больше обнаруживается сходства в их языке, когда их сопоставляешь и изучаешь на этот предмет.

Можно привести и множество других доказательств того, что все они были единым народом. Древние латинские историки много писали о местных обычаях немцев²⁵, об их управлении и общественном устройстве, которые ныне в большей степени сохранились в этих трех королевствах, чем в Германии. По всей видимости, таким древним обычаем является деление людей на сотни, возглавляемые хёвдингами²⁶, что у нас имеет место и по сей день. Ведь вся наша страна поделена на херады, которые в старину назывались хундари²⁷, поскольку изначально в них жило по сотне бондов, хотя теперь — где-то больше, где-то меньше. И их хёвдинги назывались хундарихёвдинги — [по-латыни] Centurio²⁸, а теперь именуются херадсхёвдинги²⁹. Далее, жители этих трех королевств имеют в отношении песней, рим и других стихов те же обычаи, что и немцы: и это происходит оттого, что в прошлом они говорили на едином языке и являлись единым народом. И было бы слишком долго перечислять все, что древние историки справедливо приписывают немецкой народности, и что ныне, пожалуй, более распространено у нас, чем у немцев. Поэтому очевидно, что шведы, датчане и

норвежцы изначально являлись немцами, которые настолько размножились, что заселили эти земли.

Вообще, это всегда было в обычае у немцев — осваивать новые края. Они заселили Англию, страну вендов³⁰, значительную часть Лифляндии³¹, Пруссию и многие другие страны. Схожим образом, саксонские немцы³² заселили эти три королевства. Но когда это произошло, и было ли здесь до их прихода другое население — неизвестно. Мне представляется наиболее вероятным, что немцы первыми населили эти земли и, таким образом, являются первым народом, который здесь жил.

Существует также древнее предание (которое некоторые историки берут на веру), что готы, столь много свершившие в Греции, Италии, Испании и других землях, якобы вышли из Швеции³³. Истинно ли это — о том я предоставляю судить другим. Однако весьма вероятно, что языком этих людей был немецкий, поскольку все они носили немецкие имена, как то: Тидерик, Эрмерик, Фильмер, Альрик, Дитмар, Адольф и тому подобное. Некоторые утверждают, что у готов и вендов был один и тот же язык. Но если готы вышли из Швеции, то они говорили на немецком языке. Если же их языком был вендский, непонятно, как это согласуется с тем, что они вышли из Швеции; можно разве что предположить, что они так долго жили среди вендов, что усвоили их язык и забыли свой собственный, или, что не исключено, венды в то время говорили на немецком наречии, хотя ныне говорят на славянском. А некоторые считают, что вандалы, много свершившие в древности, не были тем же народом, что современные венды³⁴.

Те, кто утверждает, что готы вышли из Швеции, полагают, что они первым делом захватили Рюген, лежащий в Штральзунде, а затем прибыли в страну вендов, сиречь Померанию, и жили там долгое время, после чего пошли в поход на Грецию. Но я предоставляю другим судить, что из сказанного наиболее истинно. Если правда, что готы вышли отсюда, во всяком случае это не могло случиться за столь много лет до Рождества Христова, как полагают некоторые, утверждая, что это произошло во времена Авраама, за две с лишним тысячи лет до того, как родился Христос³⁵. Такое утверждение совершенно неверно; если упомянутый исход имел место, то намного позже. По всей видимости, он действительно произошел до Рождества Христова, но когда именно — неизвестно.

Наши шведские хроники воздают шведам великую хвалу за то, что готы, которые, по мнению хронистов, вышли из пределов Швеции, столь много совершили в чужих землях³⁶. Но если рассудить по совести, в этих деяниях мало чести. Нет особой чести в

том, чтобы творить насилие и произвол в землях других народов (которые не сделали нам никакого зла), резать и жечь, убивать и грабить тех, кто хотел бы жить в мире. Для нас было бы большей честью, если бы наши предки всегда являлись миролюбивыми и кроткими, жили тихо, довольствовались тем, что им дал Бог, а не грабили и истребляли других.

Что ж, пусть тот, кому хочется, прославляет доблесть готов; те, кто от них пострадал, не восхваляли их, а называли сбродом негодяев и тиранов, захвативших чужие города и земли, на которые не имели никаких прав. Как с очевидностью следует из хроник, эти завоеватели лишили сотни тысяч людей имущества и жизни — вот та величайшая доблесть, которую они проявили. И это не говоря уже об ущербе, который они нанесли латинскому языку и книгам ученых — а это невозполнимый ущерб, о котором ныне сожалеют многие образованные люди³⁷. Заслужить почет, предавая огню, убивая, воюя, может лишь тот, чье дело — правое; в противном случае это злодейство и насилие, а не доблесть. Но довольно об этом.

Следует также знать, что эта страна, как и все страны и королевства, в древности была исполнена идолопоклонничества. И поскольку наши предки произошли от немецкой народности, то они, несомненно, имели ту же идолопоклонническую религию, что и немцы — хотя, вероятно, со временем эта религия претерпела некоторые изменения. Повсюду в этой стране имелись особые леса, именуемые священными рощами³⁸: с ними связывалось немало суеверий, и дьявол посылал там людям множество видений³⁹. Об этих-то рощах в книге законов Швеции говорится, что не следует верить в камни и рощи⁴⁰; и там-то жители страны поклонялись своим богам. Такие священные рощи и поныне существуют в этой стране, хотя теперь они не имеют применения, и никто не знает, каким образом они использовались в древности.

А в Уппсале, где раньше был шведский королевский престол, находился и самый что ни на есть престол язычества⁴¹. Говорят, этот богато украшенный языческий храм стоял недалеко от места, где сейчас расположен кафедральный собор⁴². И в том храме, как утверждают, поклонялись трем богам. Первый и главный из них звался Тор: это, вне сомнения, тот самый бог, которого латиняне называли Юпитером⁴³. Тора, которого считали величайшим богом, изображали в виде нагого юноши, сидящего на повозке вроде мужицкой телеги⁴⁴, и держащего жезл в одной руке и семь звезд — в другой⁴⁵. И от его имени произошло название четверга — Torsdaghen, так же как и у немцев — Dunnerdagh. Именем этого бога было принято клясться: «Да, [клянусь] богом Тором!»,

«Нет, [клянусь] богом Тором!», что и поныне делают старые крестьяне. Запрет на этот обычай содержится в книге законов, где говорится, что нельзя приносить жертвы идолам — то есть нельзя клясться их именами⁴⁶. Этому богу поклонялись, чтобы он оберег от ненастья, молнии, бури и тому подобного и чтобы он давал довольство злаков и всевозможных плодов.

Второй бог именовался Один; у немцев он звался Воден, и это тот самый бог, которого латиняне называли Меркурием. Поэтому неправдоподобно упоминание Датской хроники о том, что здесь в Швеции якобы жил колдун по имени Оден⁴⁷, которого местные жители считали богом. Ведь и у немцев был тот же бог, которого, как сообщает английская хроника, они именовали Воден, и по имени этого бога они называли день недели — *Vodhens dagh*, который мы, в свою очередь, называем *Od hens dagh*. В наших шведских хрониках говорится, что этому богу поклонялись, дабы получить помощь в войнах и битвах. Но более вероятно, что ему поклонялись ради богатств, чтобы получить вдоволь денег и другого добра. Поэтому и поныне принято говорить: те, кто стяжает много денег и других богатств, — служат Одину⁴⁸.

Третьим божеством являлась богиня, которая звалась Фригга; весьма вероятно, что именно ее латиняне звали Венерой. И в честь нее, как сообщает Английская хроника, немцы называли пятницу — *Ffrigga dagh*. Отсюда и у нас пятница — *Ffrigga dagh*, поскольку у нас те же боги, что и у немцев. Этой богине поклонялись, дабы обрести добрый супружеский союз, множество детей, мир и покой. Все эти три божества возвышались в упомянутом храме: Тор в середине, а двое других — по сторонам.

Рассказывается в нашей шведской хронике и еще об одной богине, которая у латинян звалась Церера⁴⁹; в Швеции, равно как и в других краях, ей поклонялись, дабы получить добрый урожай зерном. Был здесь известен и Нептун: оттого и поныне рассказывают о Водяном⁵⁰, который, дескать, живет в воде и забирает к себе утопленников. Почитали ли здесь каких-либо других известных богов — о том нет сведений. Впрочем, был еще один бог у немцев: они называли его Кроде⁵¹, а латиняне именовали Сатурном; похоже, и этот бог был до некоторой степени здесь известен. Оттого-то и называют злых людей: «кродовы шельмы». Было у немцев, как некоторые полагают, еще одно божество⁵², которое у них звалось Ядут: потому те, кого бьют и подвергают насилию, кричат: «Ядут!»⁵³ Другие языческие божества в Швеции не упоминаются⁵⁴.

У каждого из вышеперечисленных богов — Тора, Одина, Фригги и, вероятно, Цереры — имелись свои особые священнослужители.

ли, которые в праздники, посвященные этим божествам, приносили им жертвы. А каждый девятый год люди со всего королевства, во главе с королем, собирались на всеобщее празднество, где вместе, с дарами и жертвоприношениями, шли в вышеупомянутый храм и там приносили жертвы богам ради благополучия всей страны. Тогда в жертву приносились живые существа — и люди, и животные, притом обязательно мужского пола; и их кровь проливалась в честь этих божеств. А трупы людей и животных они вешали в священной роще, расположенной рядом с тем языческим храмом — по общему мнению, на том самом месте, где сейчас стоит Крестьянская церковь⁵⁵. И достаточно здесь сказано о почитании языческих богов, которое в прошлом имело место в этой стране.

Далее, некоторые полагают, что нынешнее Шведское королевство в старину являлось пятью королевствами⁵⁶. Первое из них заключало в себе Финляндию и всю Абовскую епархию, второе — Хельсингеланд и весь Норланд, третье — Упланд, Сёдерманланд и Нärke, и это было главное королевство, которое называлось Sverige или Swidhia Rijke. Четвертое звалось Götha rijke — вся Линчёпингская епархия, Вэренд и Вестеръетланд; пятое включало в себя Вермланд и Даларну.

Являлись ли Хельсингеланд с Норландом и Вермланд с Даларной двумя разными королевствами, о том я предоставляю судить другим, мне же это не кажется правдоподобным. А в отношении Финляндии все вполне очевидно: она не так давно находится под властью Швеции и была ею подчинена постепенно, по частям. Что-то (по довольно правдоподобным сведениям) присоединил к Шведскому королевству Святой Эрик, что-то — Биргер ярл, и что-то — король Биргер: все это достаточно подробно описано в хрониках⁵⁷. Также очевидно, что у ётов имелся собственный король, и похоже, что их королевство простиралось до Эресунна⁵⁸. По крайней мере, в него наверняка входил Халланд: ведь согласно нашей книге законов, он является частью Швеции⁵⁹. Однако эта область переходила из рук в руки, попеременно находясь то под властью Дании, то под властью Швеции. А упомянутые выше два королевства, Свейское и Ётское, со временем объединились под властью единого государя и стали единым королевством. Отсюда и происходит нынешний титул шведских государей, именующих себя королями свеев и ётов. Но еще триста лет назад конунги этого королевства, как правило, называли себя королями свеев и лишь изредка — королями ётов⁶⁰: это убедительно подтверждают сохранившиеся до наших дней грамоты королей Сверкера Младшего и Вальдемара. Напротив, король Магнус Амбарный Замок и его

преемники неизменно на письме именовали себя королями свеев и ётов. И довольно об этом предмете.

Наши шведские хроники, как правило, в числе прочего разъясняют, что за страна — Швеция⁶¹. Мне же это показалось ненужным, ведь данный труд предназначен для тех, кто живет в этой стране и безо всяких описаний знает, как в ней обстоят дела. Следует, впрочем, иметь в виду, что в древности это королевство было намного богаче, чем ныне, по части всевозможных товаров. Отсюда в чужеземные страны вывозилось неслыханно много меди, железа, свинца и всяких мехов⁶². И в большом объеме совершалась торговля между этим королевством и англичанами: потому-то сюда и было ввезено так много английской монеты, которая столь долго имела здесь хождение⁶³. Наибольший размах эта торговля с англичанами приобрела четыреста лет назад. Ведь в то время еще не было знаменитых ныне городов на балтийском побережье — ни Любека, ни каких-либо других. И все земли вокруг Балтийского моря были некрещенными; за исключением Швеции и Дании — первых стран на Балтике, принявших христианство. Поэтому шведы и отправлялись в плавания в Англию, которая также являлась крещенной страной. Кроме того, в прошлые столетия Швеция была богата зерном, и много сотен ластов⁶⁴ вывозилось из страны — в Пруссию и другие края, как явствует из древних грамот и регистров. И из хроник можно уяснить, что здесь в королевстве в обращении находилась весьма хорошая монета. Однако со временем монета настолько обесценилась, что стала наносить ущерб сельской местности и городам и наносит ущерб поныне⁶⁵.

Следует также заметить, что те из наших шведских хроников, которые писали более или менее разумно и основательно⁶⁶, начинали повествование с конунгов, которые правили в то время, когда родился Христос — поскольку, пишут они, то, что было до того, нам совершенно неизвестно. Это и мы признаем и заявляем: неизвестно не только то, как обстояли здесь дела до Рождества Христова, но также и то, что случилось в течение долгого времени после рождения Христа — как здесь было отмечено выше. Поэтому существует много неясности в отношении первых королей, которые здесь поименованы. Возможно, их было больше, а может, и меньше, нежели перечислено здесь. Датская хроника⁶⁷ повествует о многих шведских королях, которые в наших хрониках не упоминаются; также и здесь будут перечислены несколько королей, которых [в действительности] здесь в королевстве не было — о чем речь пойдет ниже⁶⁸.

И поскольку эта хроника написана ради простых людей⁶⁹, дабы те извлекли из нее некое наставление, потому здесь не толь-

ко записана история, сиречь повествование о случившихся событиях, но также, наряду с этим, насколько было возможно, приведены особые поучения. Из них можно почерпнуть ценные сведения; увидев же, что имело место нечто хорошее и полезное, взять это себе в пример и следовать этому, независимо от того, высокий ты или низкий. Видя же, что было предпринято нечто неразумное, мы можем, таким образом, извлечь урок из чужих неудач и не допустить, чтобы подобное произошло с нами. Ведь если читать хроники только из любопытства или ради развлечения, то это все равно, что не читать их совсем.

Равно и Бог, ниспославший людям наущение, что происшедшие события следует записывать, сделал это не затем, чтобы такие записи читались лишь ради забавы и развлечения. Его намерение заключалось в том, чтобы люди узрели круговорот, тщету и непостоянство этого мира, увидели, как дьявол (которого Христос называет князем мира сего) ведет свою игру и сеет среди высоких и низких смуту и бедствия. Также мы, по замыслу Бога, должны осознать, что хотя дьявол сеет всяческое зло и подает везде повод для смуты, однако Бог часто сводит на нет его злой умысел и приводит все к лучшему концу, нежели тот, на который рассчитывал дьявол, верша свои козни. Узрев это, мы научимся воздавать Богу хвалу, которая Ему подобает, и просить Его о помощи супротив дьявола. Вот то главное, на что мы, будучи христианами, должны обращать внимание во всех исторических сочинениях, будь то языческих или христианских. И если они прочитаны подобным образом, то люди извлекают из них пользу, и история имеет правильное употребление.

Некоторые, однако же, скажут: «Зачем говорить и писать на костях и прахе мертвецов, дабы их порок и ошибки были у всех на устах? Жизнь их прошла, они умерли; лучше забыть их грехи, нежели вспоминать о них», и так далее⁷⁰. Ответ на это таков. Истории, сиречь хроники, пишутся не для тех, кто покинул мир и совершил то, что описано; но для их потомков, дабы те на примере жизни предков научились, что им делать или чего следует избегать. Поэтому следует записывать и хорошие, и дурные деяния наших предков. А поскольку совершалось больше зла, чем добра, поскольку дурных людей во все времена всегда было больше, чем добрых⁷¹, то и пишется больше о том, чего было больше в действительности.

То же самое можно видеть в библейских повествованиях, написанных по наущению самого Бога: Он пожелал, чтобы было записано как доброе, так и дурное, чтобы были, с одной стороны, упомянуты деяния Авраама, Исаака, Иакова, Моисея, Иисуса

Навина, Давида и проч., а с другой — описаны дела Каина, Нимрода, Фараона, Саула, Иеровоама, Ахана, Ахава, Ирода и многих подобных им. И легко убедиться, что тех, о ком в Библии написано что-то хорошее, очень мало по сравнению с другими, о которых написано только плохое. Поскольку же злые люди беспрепятственно совершали то, что им заблагорассудилось, то и Бог позволил беспрепятственно записывать эти деяния и обнародовать их перед всеми людьми. Отдадим же должное Богу: Он прекрасно знал, о чем полезно писать, а о чем бесполезно, и Он дозволил писать и говорить на костях мертвецов — воистину, для пользы потомков. Нам во благо описана жизнь как злых, так и добрых людей. Как говорит апостол Павел: «Все, что писано было прежде, написано нам в наставление»⁷².

А коль Бог повелел описывать и злых, и добрых, и особенно — злых, то не удивительно, что люди так и поступают. Это видно во всех хрониках — и языческих, и христианских: мало тех, о ком сказано что-то хорошее⁷³. Добрых в этом мире мало, а злых всегда много; те, кто пишет, охотно сообщали бы о мертвых хорошее, а не дурное — если бы позволяла истина, с которой создатели хроник должны считаться. И тот, кто хочет, чтобы о нем была создана добрая хроника и осталась добрая посмертная слава, должен творить добро. Если же он творит зло, то наказанием ему будет дурная слава, наряду с другими карами, которые ему пошлет Бог. И мы знаем, что Каин, Фараон, Антиох, Сарданапал, Нерон и им подобные не только попали в ад, но и оставили о себе вечную дурную славу. И все сказанное выше да послужит небольшим вступлением к той хронике, которую мы теперь с Божьей помощью начнем.

ШВЕДСКАЯ ХРОНИКА

Согласно нашим хроникам, первый король, который правил в Швеции, звался Эрик⁷⁴. В хрониках сказано, что он повелел заселить Сконе, Зеландию, Фальстер и другие островные земли, входящие в Данию. Это, разумеется, неверно: как мы уже объяснили, эти три королевства заселили немцы⁷⁵. Поэтому скорее всего Дания была заселена раньше, чем Швеция.

Датская хроника сообщает: первого из шведских королей, носивших имя Эрик, возвел на престол король Фроде по прозвищу Миротворитель. Было, дескать, так: король свеев по имени Альрик и король ётов по имени Гестиблинд долго враждовали; таким образом в королевстве, ныне едином, имелось два короля⁷⁶. И поскольку упомянутый Гестиблинд не мог тягаться с королем свеев, он попросил короля Дании, которого звали Фроде, оказать помощь в борьбе с королем Альриком. Тот согласился и прислал в помощь Гестиблинду большое войско во главе с прославленным человеком по имени Эрик Мудрый. Этот Эрик убил короля Альрика и его сына и в конце концов стал королем и над Страной свеев, и над Ётландом; случилось это около Рождества Христова. Датская хроника называет еще несколько королей, которые будто бы правили Швецией до того, как туда прибыл Эрик Мудрый. Вот их имена: Хундинг, Регнар, Хотброд, Аттиль, Йарвер, и, наконец, вышеуказанные Альрик и Гестеблинд. Ни о ком из них нет достоверных сведений; итак, оставим все как есть. Вышеуказанный Эрик долго правил Швецией и в конце концов умер.

После смерти Эрика Мудрого королевский престол, по сообщению Датской хроники, унаследовал его сын, король Хальдан⁷⁷. Он терпел немалый ущерб от [неких] двенадцати братьев из Норвегии; но с помощью Фридефа, сына короля Фроде, сумел их одолеть. А шведская хроника утверждает: после смерти короля Эрика королевство унаследовал его сын Гольдерик⁷⁸; он, дескать, во главе большого войска вторгся в чужие земли и проявил там великую доблесть. Трудно судить, насколько все это достоверно.

Рассказывают, что после Гольдерика королем в Швеции был Филимер Великий, которого хроники и другие исторические труды

восхваляют за доблесть⁷⁹. Некоторые же называют его Вилцинум или Вилкин. И все, что наша шведская хроника сообщает о нем, полностью заимствовано из сказания о Дидрике Бернском и не имеет никакого отношения к Швеции. Правда, в иноземных хрониках действительно упоминается, что Филимер был королем готов, которые жили в других странах⁸⁰. Но какое это имеет отношение к жителям Швеции? Ведь нельзя считать королями Швеции тех, кто в чужеземных странах были королями готов.

После смерти Филимера, королем, как рассказывают, стал его сын Нордиан; его изгнал король Руси Хернит, который долго правил королевством, а затем передал власть своему сыну, которого также звали Хернит. Все это, как сообщает Шведская хроника, случилось в Швеции. Однако вряд ли этим сведениям стоит верить: они целиком заимствованы из сказания о Дидрике Бернском. А то, что там описано, даже если и является правдой, произошло в том Готском королевстве, которое находилось за Венгрией. Датская хроника сообщает о короле, который якобы управлял Свеаландом и звался Сивард, и о короле, который правил Ёталандом и звался там Карлом⁸¹. Оба правили одновременно — по-видимому, спустя сто с небольшим лет после Рождества Христова. Но об их деяниях и правлении нет сведений; известно лишь что они выдали дочерей за двух сыновей датского короля. Один сын звался Фроде; он получил в жены дочь короля Сиварда, которую звали Ульвид. Второй звался Харальд; он получил дочь ётского короля, которую звали Сигниль.

Датская хроника сообщает также о короле Швеции, которого звали Эрик; он долго воевал с [королем] Дании Хальданом Бергграмом. В конце концов, в сто восьмидесятом году от Рождества Христова Хальдан взял верх и стал королем как Швеции, так и Дании⁸². В то время в Швеции жил могущественный человек по имени Сивальд; он восстал против Хальдана и вместе со своими семьёю сыновьями поднял восстание против короля. Но Хальдан взял верх и убил Сивальда и сыновей. У Хальдана не было детей, и перед смертью он сделал королем Дании своего родича Унгвина, короля ётов. Спустя некоторое время после смерти Хальдана король свеев Рагвальд убил вышеназванного Унгвина, короля Дании. Тогда королем Дании стал Сивольд, сын Унгвина. С ним вступил в войну упомянутый Рагвальд, вторгшись с огромным отборным войском в Зеландию. Но там он погиб в бою; свеи были разбиты; случилось это в двести двадцатом году от Рождества Христова.

Затем королем Швеции стал Инге. О его деяниях известно лишь следующее: в его правление было единодушно постановлено, что королевский престол должен находиться в Уппсале, а не в

каком-либо другом месте Шведского королевства⁸³; ибо здесь находился храм шведских богов, и в основном именно сюда приходили на поклонение жители со всего королевства. Вероятно, тогда же было решено, что провозглашать королей надлежит обязательно у камня Мура.

Инге оставил после себя двух сыновей — Неарка и Фроде. Они совместно находились у власти по смерти отца и правили так хорошо, что простые люди почитали их наравне с богами. Потом Неарк умер, и Фроде правил один⁸⁴. Так вот, шведские хроники приписывают шведскому Фроде те же добродетели, которыми датчане наделяют своего Фроде⁸⁵. И я не знаю: то ли датчане позаимствовали что-то, относящееся к упомянутому шведскому королю, и отнесли на счет своего Фроде, то ли шведы воздали своему Фроде хвалу, которую на деле заслужил датчанин. В хрониках часто можно видеть: если двоих одинаково зовут, одному приписывают то, что совершил другой. Так или иначе, вполне возможно, что оба были благочестивыми государями и блюли прочный мир, каждый в своем королевстве, как требует должность короля; оттого-то у наших предков возник обычай — желать друг другу «мира Фроде» (*Ffrodha fridh*)⁸⁶. Этот Фроде столь сурово карал за насилие и произвол, что никто — ни высокий, ни низкий — не смел отобрать что-либо у другого. При таких государях страны и королевства, как правило, процветают. Латиняне называли таких благочестивых государей: *Patres patrie* — «отцы отечества»⁸⁷. Потому и указанного Фроде так любили, и простой народ воздавал ему такой почет, словно тот был богом. И нам, христианам, должно быть стыдно: мы видим у язычников добродетели, которых часто нет у нас самих.

После смерти Фроде правил Урбар; говорят, у него было три сына: Эстен, Норе и Дан. Про этих трех сыновей рассказывают много неправдоподобного; потому опустим это.

Когда умер Урбар, королем стал его сын Эстен. Поскольку норвежцы убили эстенова брата Норе, который был их королем, Эстен, дабы посрамить их, поставил королем над ними пса⁸⁸ и дал норвежцам указ: если кто-то не станет оказывать этому псу службу, которая причитается королю, того разрубят на куски. А Датская хроника сообщает, что человека, который дал этого пса норвежцам в короли, звали Гуннар⁸⁹. Возможно, это был военачальник короля Эстена, который совершил упомянутый поступок, будучи уполномочен своим государем.

После Эстена королем Швеции был Съельм; говорят, слуги утопили его в чане с медом⁹⁰. Датская же хроника сообщает, что

задолго до того здесь был король по имени Хундинг, который сам утонул в меду⁹¹. Возможно, один слух пошел от другого.

После смерти Съельма королем стал его сын Сверкер. То был силач; рассказывают, что он ухитрился так ударить по камню, что рука вошла в камень по локоть⁹². Так уж было заведено у наших предков: описывать силу и мощь при помощи подобных небылиц. О некоторых героях рассказывают, что те вырывали с корнем деревья и ими поражали врагов, и бросали во врагов огромные камни, которые никто не мог поднять, и делали еще многое, на что требовалась недюжинная сила — как можно заметить из Датской хроники, в которой полно таких выдумок. Легко убедиться, что наши предки-язычники больше любили басни и иносказания, чем простую и ясную истину.

Тогда же, а может, чуть раньше или чуть позже, готы (те, которые жили в чужеземных странах) стали столь могущественны, что вторглись в Грецию войском в триста тысяч человек и убили императора Деция, а затем отступили в направлении Венгрии. Случилось это в двести пятьдесят третьем году от Рождества Христова⁹³.

После смерти Сверкера королем стал его сын Валандер. О нем рассказывают, что его загнала насмерть Мара⁹⁴. Когда Валандер умер, королем стал его сын Висбур, а того вместе с прислугой сожгли сыновья, чтобы скорее получить наследство. Алчность — корень всякого зла: не считается ни с рассудком, ни с честью, не щадит ни друзей, ни родичей.

После Висбура королем Швеции стал его сын Домальдер, и в его правление в стране случился неурожай: растения не плодоносили. Весьма вероятно, что Бог таким образом наказал всю страну за злодеяние, которое король и его братья совершили по отношению к отцу. Так часто случается: Бог наказывает подданных за проступки государей. Когда простые люди королевства увидели, какое бедствие их постигло, они, видимо, решили, что богов разгневало злодеяние короля. Поэтому они схватили его и, дабы умиловать богов, принесли в жертву богине, которая звалась Церера⁹⁵. В ее честь они сожгли короля, чтоб было у них зерно. И поделом королю: как сам сжег отца ради вещей и денег, так и его сожгли ради зерна. Но все это были дела языческие.

Когда умер Домальдер, королем стал Домар. Как некоторые полагают, он жил мирно; умер в преклонном возрасте. Больше о нем ничего не известно.

Когда умер Домар, королем вместо него стал Аттиль; много рассказывают о его великих деяниях и подвигах. Как сообщают наши хроники, он покорил Данию и, к позору для датчан, поставил

над ними королем своего пса по имени Ракка — за то, что они убили его родича короля Хальдана. А затем, когда другие псы растерзали Ракку, Аттиль поставил над датчанами короля по имени Лэс; а когда тот умер, Аттиль поставил над ними королем злодея по имени Снё; а того съели вши. Все это, со множеством подробностей, описано в Шведской хронике⁹⁶; и отсюда пошел слух о короле Ракке. Датская же хроника ничего о том не сообщает. Правда, там говорится, что шведы якобы поставили королем над норвежцами пса по кличке Снерринг; произошло это, дескать, после смерти короля Хальдана. Но о короле Ракке, равно как и о Лэсе, и о вышеупомянутом Снё, Датская хроника не повествует. Чему больше верить в рассказах об этих псах — Снерринге и Ракке, пусть каждый судит сам. Если описанное — правда, то речь идет об огромном унижении. Может быть, Снерринг и Ракка являлись людьми, свирепыми как псы — и потому их называли псами, ведь в древности в ходу были басни и иносказания.

Когда умер Аттиль, королем стал Дигнер; а после его смерти королем Швеции стал Дагер. Он хотел заставить датчан платить ему дань⁹⁷, как они платили при его отце и деде. И потому он пал в битве, близ брода, который — вероятно, в честь этой битвы — стал называться Оружейным бродом.

Дагер оставил после себя двух сыновей — Альрика и Эрика. Королем стал Альрик. Эрика же обуяла зависть: он сам хотел быть королем. Поэтому он убил Альрика уздечкой⁹⁸. Когда кто-то мечтает о высокой должности — он словно отравлен: от таких мечтаний происходят зависть, вражда меж отцом и сыном, меж братом и братом; так произошло и в данном случае. Опасно и занимать высокую должность: твоими врагами становятся те, кто раньше были твоими братьями и друзьями.

После Альрика королем стал его сын Ингемар; его жена повелела повесить его на позолоченной цепи⁹⁹. Дело было на островке под названием Агнафит; там ныне расположен Стокгольм. Почему она так распорядилась — неизвестно. Но очевидно: ее пособники любили ее куда больше, чем короля, потому и разделались с ним.

Затем королем стал Ингеллер; ходили дурные слухи о его жене, которую звали Бера; из-за этих слухов он был убит собственным братом. А некоторые полагают, что брат, убивший его, сам хотел стать королем — потому и убил¹⁰⁰. Не по-доброму разошлись братья.

После Ингеля королем Швеции стал Йерундер. Рассказывают, что он покорила Данию и, чувствуя себя там в безопасности, решил, что ему ничто не грозит, и распустил шведское войско.

Но тут-то датчане и схватили его, и повесили возле пролива Одда, близ Лимфьорда¹⁰¹.

Датская хроника сообщает: в то время в Швеции имелся король по имени Альвер¹⁰². Когда он умер, после него осталось трое сыновей: Олаф, Инге и Ингелль. Эти трое начали войну против датского короля Харальда Хильдетанда. Но он одолел их, убил Олафа и Инге, а с Ингеллем заключил мир и отдал ему в жены свою сестру. Ингелль долго был королем; а когда умер, оставил сына, прижитого от сестры Харальда. Звали этого сына Ринг. Поскольку он был еще юн, его дядя Харальд назначил ему опекуна и распорядился, чтобы Ринг унаследовал власть над королевством.

Шведская же хроника утверждает, что Иерундер оставил сына по имени Хакон Ринг: он-то и стал королем по смерти отца¹⁰³. И Хакон Ринг решил отомстить за то, что отца так постыдно убили. И стал готовиться к битве с Харальдом Хильдетандом, которого датчане сделали своим королем. И обе стороны собрали немалое войско: целых семь лет готовились к сражению. Хакон Ринг привлек на свою сторону ётов, норвежцев, жителей Готланда и свеев. А у Харальда в войске имелись немцы, датчане, венды и фризы. Оба войска сошлись в Вэренде, на пустоши Бравалла, и отважно сражались. Однако в войске Хакона Ринга имелись лучники, которые пробивали стрелами любые доспехи, и эти лучники навели ужас на датское войско. Харальд был слеп; находясь в повозке, он слышал отчаянные крики и спросил возницу, что происходит на поле битвы. Но разгневанный возница толкнул короля с повозки и дубинкой размозжил ему голову. Узнав о смерти короля Харальда, Хакон Ринг приказал своим воинам прекратить бой. Оказалось, что потери шведов составили двенадцать тысяч человек. А из войска короля Харальда, по сообщению Датской хроники, было убито тридцать тысяч отборных воинов, не считая прочего люда. Так Хакон Ринг отомстил за смерть отца¹⁰⁴.

Когда сражение утихло, датчане единодушно избрали Хакон Ринга королем; так дело кончилось миром, и все обратилось к добру. Затем победитель велел разыскать среди останков тело Харальда Хиллетанда, предал огню, собрал пепел и захоронил с почестями, подобающими королю. За это датчане прониклись к нему уважением. Затем датчане пожелали, чтобы король Хакон разрешил им взять в правительницы деву по имени Хета; король согласился. Но Сcone он оставил за Швецией, и поставил над этой областью своего родича из Норвегии, по имени Уло. Кончилось тем, что датчане, недовольные правлением Хеты, провозгласили Уло своим королем. А Хакон Ринг умер в глубокой старости: был

он уже так немощен, что с ним приходилось обращаться, как с младенцем.

В правление Хакона Ринга, а может, немного ранее, готы снова вторглись в Грецию. Там они убили императора Валента: сожгли его в крестьянском доме, где он скрывался; кроме того, предали неслыханному разрушению Константинополь¹⁰⁵. Но императрица дала им деньги, и они вновь покинули страну. Случилось это в триста шестьдесят восьмом году от Рождества Христова.

После Хакона Ринга королем стал его сын Эгиль Вендельская Ворона. Против него восстал житель королевства по имени Тённе и победил короля, выиграв восемь крупных сражений. И Швеция, конечно, очень страдала от этих усобиц. С древних времен в Швеции идут внутренние войны, к ущербу для всего королевства. А Эгиль, проиграв восемь сражений, выиграл девятое. Тённе погиб, войско его было разбито, и Эгиль снова стал полновластно править. А через некоторое время его забодал бешеный бык: при-
скорбная для короля кончина¹⁰⁶. Такой же конец постиг датского короля Фроде Миролюбивого: его забодала бешеная корова¹⁰⁷. Итак, множество слуг и большая власть не могут отвратить беду, когда она приходит: она постигает и высокого, и низкого.

После смерти Эгиля королем стал Октар, или Готар. А в Дании в то время правил король по имени Сивард; у него были две красивые сестры. Король Октар возжелал одну из них себе в жены, и с этой целью послал к королю Сиварду доверенного человека по имени Эббе. Тот получил благоприятный ответ, и с тем вернулся к своему государю. Тогда Октар снова послал Эббе в Данию с подобающей свитой, дабы тот привез деву в Швецию. Но когда тот прибыл в Халланд и расположился там в некоем доме на постой, с ним вероломно поступил хозяин дома. Все, кто сопровождал Эббе, были убиты, а сам он едва спасся. Октар, узнав о случившемся, решил, что расправа была совершена по приказу короля Сиварда — и возможно, был прав, хотя Датская хроника это начисто отрицает¹⁰⁸. Ведь если бы злодеяние совершилось вопреки желанию датского короля, дело не дошло бы до распри. Итак, Октар собрал все свое войско и вторгся в Халланд. Там его встретил со своим войском Сивард, король Дании. Но Сивард потерпел поражение и спасся бегством, и лишился как Халланда, так и Сконе. В конце концов, пытаясь вернуть Халланд и Сконе, он и сам был убит. Так небольшое происшествие может положить начало великой распри.

Поскольку в нашей стране все убеждены, что готы происходят из Швеции¹⁰⁹, мне представляется необходимым кратко поведать о важнейших из деяний, которые они совершили в чужеземных краях. Выше упомянуто, как они повергли двух императоров

Греции — Деция и Валента¹¹⁰; и когда они правили Грецией, множество готов нахлынуло в Азию; говорят, готы обитают там и по сей день. Через тридцать семь лет после низложения Валента, король готов по имени Радгаст¹¹¹ с двухсоттысячным войском вторгся в Вальскеланд¹¹². Но он и его войско потерпели поражение. Спустя некоторое время в Вальскеланд вновь вступило полчище готов; их короля звали Альрик¹¹³. Ему сопутствовал успех: он дошел до Рима и осадил город, а спустя два года взял его. Случилось это в четыреста двенадцатом году от Рождества Христова. Но Рим в тот раз не сильно пострадал: король Альрик вскоре покинул город, а через некоторое время умер. После его смерти готы взяли себе короля по имени Адольф¹¹⁴; также и он пошел на Рим. Но он пощадил город ради сестры императора Гонория, которую звали Плацида¹¹⁵: ее он взял себе в жены.

И готы вновь ушли из Вальскеланда, пробыв там десять или двенадцать лет, и пришли в Галлию, которая теперь называется Франция, а оттуда, в свою очередь, устремились в Испанию, и там осели и живут до сих пор, а их короли, один за другим, правили там. Так продолжалось вплоть до нынешнего времени; поэтому говорят, что император Карл и его брат Фердинанд происходят из готского королевского рода. Те готы, которые сначала были в Вальскеланде, а затем осели в Испании, стали называться вестготами. И хотя они отделились от тех готов, которые обитали за Венгрией, вблизи от Греции, все же те, кто остались, были достаточно сильны. И через шестьдесят шесть лет после того, как вестготы покинули Вальскеланд, император Зенон¹¹⁶ направил большое скопище готов из числа тех, кто остался близ Греции, в Вальскеланд, дабы свергнуть неких тиранов. Короля этих готов звали Тидрик¹¹⁷. Он со своими воинами выполнил то, что поручил император, и затем правил Римом и Вальскеландом тридцать два года. Это был выдающийся правитель; столица его находилась в городе, который именуется Верона, а по-немецки называется Берн¹¹⁸. Отсюда и правитель называется Тидрик Бернский. И о его великих деяниях сочинено много сказаний и песней, и все слышаны о подвластных ему исполинах и богатырях.

Те готы, которые вместе с Тидриком Бернским пришли в Вальскеланд, стали называться остготами. После того как их короли, один за другим, правили этой страной более сорока лет и достигли большого могущества, император Юстиниан вознамерился вернуть эту страну в состав империи. Он начал воевать с готами, жившими в Вальскеланде, одолел, захватил в плен их короля Виттиха¹¹⁹ вместе со всей его высшей знатью; всех их в качестве пленников увезли в Грецию. Но хотя готам и был нанесен большой урон, они

не были окончательно побеждены. Они поставили над собой другого короля, которого звали Тотила. Этот король достиг такого могущества, что отвоевал все утраченное готами ранее и с бою взял Рим. И Тотила пожелал заключить мир с императором, пообещав не разрушать город, если мир будет заключен. Но император не пожелал кончить дело миром. Тотила, узнав о том, повелел всем жителям Рима сняться с мест и переселиться в другие города; повеление было исполнено. Тогда Тотила со своими готами сравнял с землей все башни и городские стены и, предав город огню, спалил и разрушил его до основания. Случилось это в пятьсот сорок восьмом году от Рождества Христова. О деянии Тотилы пошел слух: готы разрушили Рим.

После всех перечисленных событий вновь прибыли воины императора, увидели, что Рим полностью уничтожен и принялись заново отстраивать город — насколько то возможно в краткие сроки. Но Тотила вернулся, снова взял город и начал созывать назад ранее изгнанных горожан и прилагать все усилия, чтобы возродить Рим.

В конце концов готы были полностью побеждены; к тому времени их короли, один за другим, правили Вальскеландом шестьдесят лет или чуть дольше. И достаточно сказано здесь о готах, живших в чужеземных краях. Итак, вернемся к хронике нашей страны.

После того как вышеупомнутый Октар некоторое время пробыл королем Швеции, его, как сообщает Шведская хроника, убил родной брат, которого звали Фасте¹²⁰. А Датская хроника повествует, что он повелел убить некоего Сиббе¹²¹ за то, что тот прелюбодействовал с его сестрой; и по этой причине друзья упомянутого Сиббе обратились к королю Дании Йермеру и помогли ему завоевать Швецию; в той расправе был убит Октар.

Затем королем стал Адильс, сын Окта¹²². Отправляясь в путь, дабы совершить языческое жертвоприношение, он упал с лошади и разбился.

У Адильса был сын, которого звали Эстен¹²³, он стал королем по смерти отца. Эстена сожгли родичи, а вместе с ним и его прислугу. Но из-за чего — неизвестно.

Датская хроника сообщает: в Дании был король по имени Сне¹²⁴. Он силой увез жену шведского короля (имя этого шведского короля неизвестно). Из-за этого между указанными двумя королями началась жестокая распря, в которой терпел поражение то один, то другой. Так много тысяч людей лишились жизни из-за порочности одного человека.

В правление Снё в его стране воцарилась такая дороговизна, что народ не мог прокормиться. Поэтому многие были вынуждены покинуть страну. Сперва они прибыли на Готланд, затем на остров Рюген в Штральзунде, а потом в Германию. Эти люди стали называться лангобарды¹²⁵, потому что у них были длинные бороды. Лангобарды прибыли в конце концов в Вальскеланд и там осели, и их страна называется теперь Ломбардия. И этот первый исход, как некоторые полагают, произошел в триста восьмидесятом году¹²⁶. Но откуда вышли лангобарды: из Сконе, Дании или каких-либо иных северных краев, и действительно ли это случилось через столько лет после Рождества Христова — этого я с точностью не могу сказать. Некоторые латинские историки утверждают, что лангобарды задолго до указанного времени жили в Германии¹²⁷; а некоторые полагают, что лангобарды — это саксонские немцы¹²⁸. Что ж, это вполне возможно — и при том лангобарды действительно могли быть выходцами из Дании и других северных краев. Ведь эти три страны — Швеция, Дания и Норвегия — были заселены саксонскими немцами. Но об этом и других подобных предметах каждый вправе судить по-своему.

Когда король Эстен умер, королем стал его сын Ингемар¹²⁹. Говорят, он свершил много деяний в Дании и завоевал эту страну. В конце концов он был убит на острове Лагундё.

После Эстена королем стал Брентемундер¹³⁰. К нему исполнился зависти его брат по имени Сивард. Он убил Брентемундера в области Нэрке, в местности, именуемой Хёгахед. Опасен тот пост, на котором не можешь доверять родному брату. Воистину, чем выше пост, тем больше опасность и тем ниже падение.

Следует иметь в виду, что хотя о вышеназванных королях, которые, как сообщается, правили Швецией, написано мало, все же нет сомнений, что некоторые из них свершили больше, чем написано. И по тому, какой их постигал конец (для большинства из них — весьма печальный), видно, как обстояли дела в этой стране. Неизменны были здесь ссоры и распри, сын восставал против отца, брат убивал брата, жена умерщвляла мужа, и так далее. Если короли подобным образом покидали мир, легко представить, что творилось в стране: без волнений и переворотов тут не могло обойтись: ведь у тех, кого так лишали жизни, имелись наследники, которые воздавали злом за зло — и подчас с лихвой. Хорошо известно, чем сопровождаются подобные смены государя и как обращаются с друзьями низложенного короля. Оттого и возникают внутренние распри и усобицы. Ведь, опять же, у каждого из пострадавших обязательно найдется друг, недовольный, что с его другом плохо поступили, а у того, в свою очередь, — еще друзья,

которые придут на помощь, и так в конце концов соберется целое полчище — и начнется великая смута. Такие внутренние смуты то и дело происходили в этом королевстве, не говоря уже о раздорах и ущербе, вызванных войнами против иноземцев. Хорошо видно, что случалось, когда король погибал на поле брани — а так произошло с несколькими королями. Короче говоря, в Швеции всегда творилось много зла.

Следует отметить, что Гельмольд в Вендской хронике упоминает город, находившийся на померанском побережье Балтийского моря, близ устья Одера. Город этот звался Винет и был весьма велик. И туда плавало немало кораблей из различных стран и королевств, и множество людей посещали этот город — ведь тогда это был важнейший торговый город на Балтике. Этот город был населен всевозможным людом из числа ётов, немцев и вендов. В конце концов меж горожанами возникла распря: каждое из землячеств хотело стоять выше других. Поэтому ёты, жившие там, послали гонца к королю Швеции Харальду, ибо он был королем над родной их предков, и пожелали, чтобы он пришел к ним на помощь, дабы оградить их от притеснений.

Харальд не заставил себя уговаривать: дело пахло хорошей добычей. Он призвал себе в помощь короля Дании Хеннинга, и вдвоем они сравнивали город с землей, не оставив камня на камне. И когда был разрушен Винет, который до того был главным торговым городом и все равно что воротами в Балтийское море, тогда, как некоторые полагают, взамен возвысился город Висбю на Готланде. Это весьма похоже на правду, ведь по всей вероятности Висбю — древнейший город на Балтийском море. В старину туда стекалось множество народу из всех стран, и от этого города Балтика получила морское право — потому этот город, очевидно, древнейший. Вышеупомянутый Винет был разрушен в восьмисотом году от Рождества Христова. А о вышеназванном короле Харальде, который совершил это разрушение, ничего не говорится в наших шведских хрониках. Отсюда с очевидностью следует, что в них перечислены не все шведские короли.

Датская хроника сообщает [еще] о двух королях, которые, дескать, были здесь в Швеции. Одного из них звали Фрё, он враждовал с королем Норвегии Сивардом, одолел его и убил. И повелел, чтобы всех знатных женщин Норвегии принуждали к постыдному и непристойному сожителству. Когда король Дании Регнер, родич короля Сиварда, узнал о том, что Фрё сотворил в Норвегии, он отправился в Норвегию и сразился с Фрё, одолел его и убил. И Фрё, как осквернитель женщин, вполне был достоин злой участи.

После Фрё королем Швеции стал Херод. У него была единственная дочь, которая звалась Тора; ее взял в жены король Дании Регнер, и прижил с ней много сыновей, из которых одного звали Бьёрн, другого Ивар.

Когда Херод умер, королем стал его внук Бьёрн. Впрочем, тут не все ясно: возможно, несколько королей, перечисленных здесь после Бьёрна, на самом деле правили до него. Этот Бьёрн, по-видимому, был королем в то время, когда Святой Ансгарий впервые прибыл в Швецию и проповедовал там христианскую веру¹³¹. И весьма уместно рассказать подробно, как здесь начало распространяться христианство, и когда это произошло.

Дело было так: король Швеции (несомненно, вышеназванный Бьёрн¹³²) послал гонца к императору Людовику — первому из [императоров], носивших такое имя¹³³. Среди поручений, с которыми был послан гонец, содержалась просьба прислать в Швецию проповедников. Просьба весьма обрадовала императора, ибо он был благочестивый государь. Поэтому он распорядился, чтобы добродетельный муж Ансгарий, епископ Бременский, взял на себя этот труд.

Ансгария не пришлось уговаривать; он отправился в путь и в восемьсот сорок пятом году от Рождества Христова прибыл в Бьёркё¹³⁴. Король Бьёрн радушно принял его и разрешил проповедовать. Тот воспользовался разрешением и обратил своей проповедью многих в христианскую веру. Пробыв в Швеции полтора года, он уехал назад¹³⁵, стал архиепископом Гамбургским, а к шведам послал проповедником достойного человека по имени Симон¹³⁶. Через некоторое время против Симона ополчились многие люди и изгнали его из страны; и семь лет здесь не читались проповеди.

Тогда Ансгарий во второй раз отправился в путь и вновь прибыл в Шведское королевство — ведь он был для этих королевств словно бы архиепископ. Как и в первый раз, он явился в Бьёркё. Но начать проповедь он смог с большим трудом — настолько сопротивлялся народ. В конце концов было получено разрешение: те, кто хотят, могут стать христианами. Ансгарий долгое время проповедовал в Бьёркё, в то время главным городе [Швеции], а также, насколько было возможно, в окрестностях; затем он вернулся назад. И поскольку здесь не осталось никого, кто мог читать проповеди, а Ансгарий умер, то сошло на нет все, что было достигнуто по части обращения в христианство; народ вернулся к своим языческим богам. Да и то лишь в малой части королевства у людей имелась хоть какая-то возможность услышать проповедь. Вся же Швеция столь обширна, что ее невозможно было обратить усилиями нескольких человек за короткое время.

После короля Бьёрна, судя по времени, правил король Ингеллер¹³⁷. Ему пришлось воевать с человеком по имени Ивар Широкие Объятья¹³⁸ — по-видимому, тот приходился братом королю Бьёрну. И короля Ингеллера объял такой ужас, что он сам повел сжечь себя в своем жилище, вместе с прислугой¹³⁹. А было бы больше для него чести, если бы он пал на поле битвы, сражаясь с врагами. Но он был, как говорится, лев в мирное время, ягненок — в бою.

Во времена святого Ансгария — либо когда он находился и проповедовал в Швеции, либо несколько ранее, то есть в восьмьсот сороковые годы от Рождества Христова, — собралось огромное войско из шведов, норвежцев и датчан, подобно тому как некогда собиралось войско готов. С большими силами эти люди выступили в поход; первым делом подчинили значительную часть страны вендов и предали огню Гамбург. Тогда же едва не был убит Святой Ансгарий; но он сумел спастись. Впоследствии этих людей называли норманнами¹⁴⁰. Весьма вероятно, что эти люди и были тем самым войском дубинщиков, которое когда-то выступило в поход из наших краев — о чем до сих пор сохранилось предание. Где именно они начали собираться в войско, пока что не удалось выяснить. Однако из иноземных хроник вполне ясно — эти норманны являлись выходцами из этих трех королевств. Кроме того, весьма вероятно, что поначалу в этом полчище не у всех имелись мечи, копья и луки. Поэтому поначалу они были вооружены дубинами, покуда не удалось добыть другое оружие — поэтому их прозвали «войском дубинщиков».

Некоторые, основываясь на старинном предании, сообщают, что полчище гуннов вышло в поход из Швеции¹⁴¹; однако это неверно. Ведь полчище гуннов выступило из Руси¹⁴². Потому и Русь некогда называлась Хуннегорд¹⁴³, что там жили гунны. И вышли они оттуда более чем за двести пятьдесят лет до того как выступили в поход норманны.

А упомянутые норманны сожгли Гамбург и нанесли пожарами и убийствами неимоверный ущерб в окрестностях этого города. Затем они направились во Фрисландию и разграбили ее. Затем двинулись дальше, вступили в сражение с саксами и взяли верх. В том сражении было убито множество немецких государей и епископов. И в той же битве был убит князь саксов по имени Брун¹⁴⁴, в честь которого назван Брунсвик¹⁴⁵. Продвигаясь дальше и дальше они разрушили множество городов — Кёльн, Людих, Утрехт, Трир, Ахен и многие другие города с их окрестностями. Разорив столько земель и городов в Германии, они вторглись во Францию, и более сорока лет предавали ее грабежу. В конце концов они

получили землю, на которой часть из них поселилась; ныне эта земля называется Нормандия¹⁴⁶. Со временем некоторые из них направились в Англию и нанесли там большой ущерб. Далее, скопища этих людей устремились в Вальскеланд, захватили Сицилию и Апулию и изгнали оттуда греков. Более сорока тысяч этих людей дошли до самого Иерусалима. Немало бедствий причиняли они также венецианцам. Некоторые из них дошли до Рима и предали город гораздо большему разрушению, чем ранее готы. И было бы слишком долго описывать в этой хронике все деяния норманнов. Итак, довольно о них.

Когда король Ингель умер, королем стал Олаф Лесоруб¹⁴⁷. Он правил мирно и умер в почтенном возрасте, оставив двух сыновей. Одного звали Хальдан Белоногий; он отправился в Норвегию и стал там королем¹⁴⁸. От него пошел норвежский королевский род, который затем долго продолжался¹⁴⁹. Другого сына короля Олафа звали Инге¹⁵⁰; он стал по смерти отца королем в Швеции. Он взял в жены дочь датского короля Регнера и прижил с ней сына, которого называли Эрик.

После короля Инге королем стал его сын Эрик по прозвищу Ветряная Шапка¹⁵¹: рассказывали, что боги посылали ему ветер, дувший в ту сторону, в которую он поворачивал шапку. И всякий раз, когда ему требовался ветер, он поворачивал шапку в нужную сторону. Возможно, он употреблял какое-то дьявольское искусство; оттого и пошел упомянутый слух: ведь дьявол много общался с язычниками. Потому и по сей день много говорят о рунах, рунических палочках и всяком колдовстве, которое было распространено у язычников как в Швеции, так и в других странах.

Затем королем стал Эрик Победоносный¹⁵². Его прозвали Победоносным потому, что ему сопутствовали удача и успех в войнах. Рассказывают, что он завоевал Финляндию, Эстляндию, Лифляндию и Курляндию, и удерживал их все время, покуда правил. Он воевал и с королем Дании Свеном¹⁵³; сначала отвоевал у него Халланд и Сконе, а затем захватил всю Данию. И король Свен бежал в Норвегию, но там его не приняли; посему он отправился в Англию, но и там не обрел пристанища. Тогда он прибыл в Шотландию, где получил убежище, и там прожил изгнанником семь лет, покуда не умер король Эрик; затем он вернулся в Данию.

Здесь следует отметить, что к тому времени шведы пять—шесть раз или более подчиняли Данию Швеции — если верить всему, что написано в древних шведских хрониках. Равным образом, из Датской хроники следует: к тому времени, когда правил Эрик Победоносный, Дания семь раз подчинила себе Швецию. Итак, легко заметить, что эти два королевства нечасто жили в мире, а уж

в языческие времена неизменно воевали друг с другом. Тут находила коса на камень; ни одна сторона не может похвастаться, что хорошо поживилась за счет другой. Что один отбирал у другого — за то сам платил вдвойне убитыми и ранеными.

Воистину, всегда лучше (если только можно) пощадить врага, чем обречь на смерть друга. Невыгодная сделка: купить гибель врага ценой гибели друга. Порой больше скорби и ущерба от потери одного человека, чем радости и пользы от истребления десяти тысяч врагов. Но никто не считается с этим, покуда не испытает это на собственном опыте. Поэтому шведам не следует хвалиться своими многочисленными победами над Данией, равно как и датчанам — их победами над Швецией: обе стороны терпели ущерб и разорение. Всегда большую славу приносит мир, чем война. И государи, которые неизменно стремились к миру между землями и королевствами, снискали больше чести, нежели те, кто много свершил воюя. Но мало кто принимает это к сведению — над милосердным воином обычно глумятся.

После Эрика Победоносного королем стал его сын, которого некоторые называют Эрик Орсэль. Но, как правило, его именуют «кроткий король Стенкиль»¹⁵⁴. Как некоторые полагают, он направил гонца к Гамбургскому или Бременскому епископу¹⁵⁵ с просьбой прислать в Швецию проповедников. К тому времени было предано забвению все, что проповедовал Святой Ансгарий во времена короля Бьёрна: ведь в стране уже не читалось никаких проповедей в течение шестидесяти, если не восьмидесяти, лет. Тогда в Швецию были посланы два достойных человека: одного звали Адельвард, другого Стафан; они прибыли в Сигтуну¹⁵⁶, где находился король Стенкиль, который их радушно принял. Они проповедовали там, и король сам принял крещение, а вместе с ним множество людей. Однажды, когда Адельвард служил мессу, было пожертвовано [в пользу церкви] семьдесят марок чистого серебра¹⁵⁷. Из этого с очевидностью следует, что многие обратились к тому времени в христианскую веру¹⁵⁸.

Поскольку здесь упомянута Сигтуна, необходимо немного рассказать о торговых городах, которые имелись в Швеции в древние времена. И следует прежде всего отметить, что люди в старину, и здесь, и в других странах, были грубы и невежественны и не общались с чужеземцами. Потому у них не существовало и крупных торговых городов¹⁵⁹; у каждой области имелось особое торговое местечко, которое назывось «чёпинг»: об этом свидетельствуют наши древние книги законов. В такие местечки сходились крестьяне и обменивались друг с другом товарами. И в то время, за некоторыми исключениями, почти не употреблялись привозные

иноземные товары. Не много встречалось и купцов, мало имелось торговых городов. Крестьянин носил одежду, которую сам изготавливал; не было тех сумасбродств, тех излишеств, которые присутствуют ныне. Потому и не было необходимости в большом количестве иноземных товаров, раз они не употреблялись. А те товары, что имелись, все до одного изготавливались в Швеции. Ими жители страны обменивались в чёпингах, платя товаром за товар. И товары, подобно монете, измерялись в марках, эре и эртугах (которые тогда назывались оттугами). Это хорошо видно из эстьётской книги законов, где говорится об эре вадмаля и марке вадмаля¹⁶⁰. Двенадцать альнов¹⁶¹ считались за один эре; в марке, таким образом, было девяносто шесть альнов. Несомненно, стоимость других товаров таким же образом измерялась в марках, эре и эртугах. Исходя из этой стоимости, люди совершали обмен: скажем, за марку вадмаля — марку холста, или как-то по-другому, в зависимости от рыночной цены. Такая вот торговля шла в шведских чёпингах, сиречь торговых местечках¹⁶².

Городов же, которые можно более или менее считать торговыми городами, было три: Бьёркё, Сигтуна и Скара¹⁶³. И, по-видимому, Бьёркё принадлежал к древнейшим: ведь оттуда другие торговые города получили городское право, которое и поныне кое-где называется Бьёркёрэтт. Крупнейшим же городом являлась Сигтуна, чему имеется множество доказательств. Она долго процветала, начиная с того времени, как в Швецию пришло христианство.

Следует также знать, что в старину в Швеции было мало монеты. Но вся монета, что имела в наличии, была серебряной монетой высокой пробы¹⁶⁴: марка пеннингов равнялась марке чистого серебра. Доказательством служит сигтунская монета, где четыре малых пеннинга содержали полквинтина серебра. Монета же большего достоинства содержала большее количество серебра, согласно установленным соотношениям. Была здесь в ходу и английская монета: в древних грамотах и регистрах часто упоминаются деньги, именуемые стерлингами¹⁶⁵. Со временем монету начали портить, добавляя медь. И монета стала настолько различаться¹⁶⁶, что древнюю стали называть: марка, эре и эртуг серебром, а ту, в которую добавлена медь, — марка, эре и эртуг нарицательные или условные. Также и древние книги законов повествуют о марке двух видов: выкупной и платежной¹⁶⁷, и выкупная марка была, по всей видимости, более высокой пробы, чем платежная. Весьма возможно, что маркой выкупной называлась марка серебра, а более поздняя монета именовалась платежной. Итак, достаточно об этом предмете.

Вышеназванные Адельвард и Стафан некоторое время проповедовали в Сигтуне и ее окрестностях; сам король Стенкиль принял крещение. Затем Стафан отправился в Хельсингеланд, многих обратил там в веру Христову, и, как некоторые полагают, в конце концов был там убит. А Адальвард остался в Упланде и проповедовал в Сигтуне, Бьёркё и других местах, и, пожалуй, поторопился, низвергнув тамошних идолов и предав огню священные рощи. Король советовал ему не низвергать идолов: ведь из-за этого могло подняться восстание и против него, короля, который пригласил таких проповедников в Швецию, и против самих этих проповедников. Но Адельвард не принял во внимание совет короля Стенкиля. Вследствие этого поднялось мощное восстание. И сам король, как говорят, отпал от Христовой веры, пытаясь тем самым успокоить народ, однако это не помогло. Более того, он и сам был убит; был убит и Адельвард; похоронили Адельварда в Бьёркё¹⁶⁸. Вот до какой степени людей возмутило, что свергнуты их огромные идолы близ Уппсалы.

У достойных людей, Стафана и Адельварда, были благие намерения, но им не хватало смирения: потому-то, что они своей проповедью воздвигли, вскоре рухнуло. Нужно смирение, чтобы проповедовать для неразумных людей и подвигнуть их к исправлению. Идолов следовало сперва изъять из сердца и лишь затем — с алтаря. Вышеупомянутый Стафан, как сообщают, был убит в Хельсингеланде, в лесу, именуемом Эдмарден, и похоронен там, где ныне стоит Нуральская церковь¹⁶⁹. И очевидно, что вера Христова не получила широкого распространения в Швеции во времена короля Стенкиля. Ведь проповедников было так мало: что могли они сделать в такой необъятной стране?

После смерти короля Стенкиля королем стал его сын (или, как некоторые полагают, брат) по имени Олоф; его прозвали Олоф Скотконунг¹⁷⁰. Он направил гонца в Англию к королю Милдреду¹⁷¹ с просьбой прислать в Швецию проповедников. Тот, вняв просьбе, послал в Швецию Святого Сигфрида, Святого Эскиля, Святого Давида¹⁷² и еще нескольких человек. И Олоф Скотконунг сам был крещен Святым Сигфридом в источнике Хусабу в Вестеръётланде; ныне этот источник называется «Сигфридов источник»¹⁷³. Случилось это в девятьсот восемьдесят девятом году от Рождества Христова, или немногим позже.

Этот Олоф Скотконунг считается первым христианским королем нашей страны¹⁷⁴. Ведь Стенкиль, хотя и принял христианство, потом все же отпал от него. Олоф же остался непоколебимым христианином. В его правление было позволено проповедовать христианскую веру по всей стране. И с тех пор вера Христова утвер-

дилась в Швеции. Однако не может быть, чтобы в его правление все королевство обратилось в христианство: слишком мало имелось здесь проповедников для такой большой страны. Думается, лишь спустя несколько столетий во всем королевстве появилось столько священников, сколько требовалось. И невозможно было легко и быстро искоренить идолопоклонничество, которое было здесь распространено. Очевидно, что часть жителей являлась христианами, а часть пребывала в язычестве или тайно придерживалась языческой веры. Это хорошо видно в Церковном разделе шведской книги законов, который, несомненно, создан спустя несколько столетий после [правления] Олофа (Олафа) Скотконунга. В этом Церковном разделе запрещается верить в [священные] рощи и тому подобное¹⁷⁵. Отсюда ясно, что такая вера еще и в то время была распространена: бессмысленно было бы запрещать то, что не имело распространения.

Потребовалось долго утверждать христианство в этом королевстве, прежде чем, наконец, было полностью искоренено идолопоклонничество. А прозвище Скотконунг король Олоф, по общему мнению, получил потому, что ввел налог в пользу Рима — «Ром-скотт», который с тех пор платила Швеция¹⁷⁶. Средства надлежало отправить в Рим — чтобы помочь папе в борьбе с сарацинами, врагами христианства. Несомненно, короля призвали к тому английские проповедники: ведь несколько ранее тот же обычай — платить налог Риму — ввел в Англии король по имени Адольф.

Следует также заметить, что в то время, когда в Швецию пришло христианство, наречия не столь различались, как ныне: немецкий, английский и шведский языки мало отличались друг от друга. Поэтому и немцы, и англичане могли проповедовать здесь без посторонней помощи¹⁷⁷. Еще следует знать, что когда Швецией правил Олоф Скотконунг, в Дании вновь пришел к власти тот самый король Свен, которого ранее изгнал Эрик Победоносный¹⁷⁸. А тогдашний король Норвегии, которого звали Олаф Трюгьясон¹⁷⁹, задумал изгнать короля Свена из Дании. Для этого ему требовалась поддержка. Потому он направил гонца к матери шведского короля¹⁸⁰ (которая была еще не стара), желая взять ее в жены, и получил согласие. Король Свен, узнав об этом, испугался, что теперь ему будут противостоять два короля. Тогда он пошел на хитрость, добиваясь, чтобы Олаф Трюгьясон отказался от задуманной женитьбы. Король Свен тайно, не выдавая себя, намекнул Олофу Трюгьясону, что тот вполне может получить в жены его дочь — прекрасную девушку. И мать Олофа Скотконунга, прибыв, как обещала в Норвегию к жениху, встретила дурной прием; пришлось ей, под насмешки и издевательства, вернуться домой. Затем Олоф

Трюгьясон послал гонца к королю Свену и попросил руки его дочери — но получил отказ. А король Свен, в свою очередь, послал гонца к матери Олофа Скотконунга с предложением стать его женой. Ту не пришлось уговаривать: теперь у нее появилась возможность отомстить за унижение, которое она претерпела в Норвегии. Итак, она прибыла в Данию; звали ее Сигрид Богатая. Король Свен прижил с ней сына; тот вслед за отцом стал королем Дании, получив имя Кнут Богатый.

Норвежский король, увидев, что его обманули, собрал войско и пошел войной на короля Свена. Но тот заручился союзом со шведским королем; потому Олаф Трюгьясон потерпел поражение и утопился, прыгнув в море, дабы не попасть в руки врагов. И Олоф Скотконунг стал, таким образом, еще и королем Норвегии.

Здесь следует также заметить, что в правление упомянутого короля Свена в Дании утвердилось христианство, которая, впрочем, к тому времени проповедовалась там уже более ста лет. Но и в Дании, как и в Швеции, люди то обращались в христианство, то отступали от него — покуда к власти не пришел король Свен. Он приложил много усилий для распространения христианства, которое притеснял в молодости, до того как был изгнан из королевства. В его правление в Данию прибыл великий проповедник по имени Поппон¹⁸¹; он, не получив повреждений, пронес голыми руками раскаленное железо в присутствии короля и его приближенных, чтобы доказать, что его проповедь истинна. Благодаря этому деянию христианская вера, как сообщает Датская хроника, имела огромный успех. И в связи с этим был принят закон, что сложные споры следует разрешать при помощи каленого железа; об этом мы подробнее поговорим ниже. Также следует знать, что упомянутый Олаф Трюгьясон был первым христианским королем Норвегии¹⁸². В его правление в страну прибыл английский проповедник по имени Бернард¹⁸³; он проповедовал там некоторое время и сам обратил короля в Христову веру и крестил его.

Также следует отметить: до того как Олаф Трюгьясон стал королем, в Норвегии правил король по имени Харальд Гренландец¹⁸⁴; его убили в Швеции. Он был сожжен недалеко от Уппсалы, по распоряжению королевы Сигрид, матери Олофа Скотконунга. Но как это произошло и по какой причине, неизвестно¹⁸⁵. У этого Харальда имелся сын по имени Олаф — тот самый, которого теперь называют Олафом Святым¹⁸⁶. Олаф был молод, когда его отца убили. Пока страной правил Олаф Трюгьясон, юноша вырос и возмужал. Он был недоволен, что Норвегией стали править шведы; к тому же ему очень хотелось отомстить за смерть отца. Поэтому он собрал огромное войско, и со множеством кораблей направился

через пролив Эресунн в Балтийское море. Там он нанес немалый урон шведам, жившим близ побережья. Вошел он также и в Меларен, и повсюду там нанес огромный ущерб. Но, узнав, что Олоф Скотконунг собрал свои корабли, Олаф Харальдссон обратился в бегство. Не имея возможности выйти в открытое море тем же путем, которым прибыл, он распорядился близ Агнафита, где ныне находится Стокгольм, прорыть новый канал — по всей видимости, нынешний Сёдерстрём. Так он покинул Меларен и устремился к Готланду, который принадлежал Олофу Скотконунгу. Там Олаф Харальдссон собрал со всего населения огромную дань, перезимовал и отбыл в Англию, где провел три года. Оттуда он вновь отправился в Норвегию, где убил нескольких шведских наместников и, самое главное, человека по имени герцог Хакон. Затем он подчинил себе область Викен, созвал друзей и начал покорять страну. Запретил платить налог в пользу шведов и не позволил норвежцам иметь дело со шведами.

Олоф Скотконунг, узнав об этом, собрал большой отряд и послал в Норвегию. Но командир отряда в пути был убит, и поход увенчался неудачей. Норвежцы испугались, что это плохо для них кончится — ведь датский король Кнут Богатый был заодно со шведским королем. К тому же норвежцы не могли обойтись без торговли со шведами. Поэтому норвежцы сообща посоветовали Олафу Харальдссону примириться с королем Швеции и попросить в жены его дочь. Тот последовал совету и отправил посольство к Олофу Скотконунгу, очень рассчитывая на посредничество некого герцога Рагвальда. Но шведский король был настолько разгневан на Олафа Харальдссона, что не пожелал вступить с ним в дружбу. Однако в конце концов он внял уговорам многих, кто желал дружбы между двумя королями. Он отдал за Олафа Харальдссона дочь¹⁸⁷, отправив ее с подобающей свитой в Тунсберг. И хотя между датским королем Кнутом Богатым и королем Олафом Харальдссоном шла великая распря (ведь упомянутый Олоф ранее воевал против Кнута на стороне англичан), Олоф Скотконунг все же добился, что покуда он жил, между этими двумя королями сохранялся мир, ибо Кнут Великий был его братом со стороны матери, а Олаф Харальдссон — зятем. А король Олаф Харальдсон, став полновластным правителем Норвегии, начал, как и король Швеции, усердно насаждать христианскую веру.

Когда же Олоф Скотконунг умер, королем стал его сын Амунд Углежог¹⁸⁸. Это был второй христианский король Швеции. А Углежогом его прозвали потому, что он издал в своем королевстве закон: если некто совершит по отношению к другому произвол или нанесет ущерб, то из его собственного дома следует изъять

какую-то часть: в одних случаях весь дом, в других половину или четверть, или больше, или меньше, смотря по размеру нанесенного ущерба. И [части] домов, изъятые таким образом, полагалось сжигать¹⁸⁹. Несомненно, что он, по тем временам, не без оснований издал такой закон. Король, как мы видим, не взимал штрафов в свою пользу, а карал пожаром того, кто нанес ущерб¹⁹⁰. Впрочем, наверное, истцу все же возмещали урон.

И раз уж речь зашла о законах, думается, полезно рассказать о них подробнее¹⁹¹. И следует знать, что в былые времена¹⁹² не так много преступлений, как ныне, было перечислено в писанных законах. Большинство проступков выносились на суд короля, который определял наказание. Поначалу не было и книги законов: король сам являлся такой книгой¹⁹³. Что ему казалось справедливым, то и было законом: это видно на примере закона, согласно которому подлежал сожжению дом человека, нанесшего ущерб. И ныне говорят: разумная воля короля — закон. Со временем начали появляться письменные указы — немногочисленные и довольно простые. Это хорошо видно в древних книгах законов, употреблявшихся триста — четыреста лет назад. Они настолько кратки и составлены в таких незатейливых выражениях, что их можно толковать то так, то этак. Но с течением времени книга законов все более совершенствовалась¹⁹⁴. В старину у наших предков имелось много разных судебных обычаев. Некогда существовал обычай: если между двоими возник спор и его нельзя разрешить на основании разумных доводов и свидетельских показаний, тогда тяжущиеся должны биться друг с другом¹⁹⁵. Кто взял верх, тот и выиграл тяжбу. Датская хроника сообщает, что закон об этом издал король по имени Фроде Миролюбивый. Говорят, такой же способ разрешения спорных дел до сих пор существует на Руси.

И поскольку мы упомянули здесь поединки, будет, пожалуй, бесполезно, как пример и диковину, привести дословно закон о поединках, который действовал в те времена и записан в древних книгах законов¹⁹⁶: *Giuer Ψ (madher¹⁹⁷) oquepins ord¹⁹⁸ manni, þu er ei mans maki¹⁹⁹, och ei Ψ i brysti²⁰⁰, Jach er Ψ sum þu, þeir sculu mōtas a þriggia wegħa motum, Cumber þan ord hauer giuit, och þan cumber ei þer ord hauer lutit²⁰¹, þā mun han wara sum han hetir, Er ei eidganger, oc ey witnesbeer, Er hwarti firi man eller kunu²⁰², Cumber och þan ord hauer lutit, och ei þan ord hauer giuit, þā opar han try nipingx opp²⁰³, och merkir han a iorþu, þā han Ψ þes werri þet talafi han ei halla þorþi, Nu mōtas þeir bapir, þeir sculu vapnum²⁰⁴, faller þan ord hauer lutit, gilder med haluum geldum²⁰⁵, faller þan ord hauer giuit, Glöper orda werster, tunga houudbani²⁰⁶, ligger han i ogildom acri.*

И поскольку выражения в этом законе древние и краткие, уместно будет их немного пояснить. Смысл таков: если один вызовет другого на поединок и оскорбит, заявив: «Ты — не мужчина, и нет в груди твоей сердца мужчины», а другой ответит: «Я — мужчина, как и ты», и примет вызов, то они должны встретиться на открытом месте у скрещения трех дорог. Если тот, кто бросил вызов, явится, а тот, кто вызван, не явится, то пусть он зовется и будет тем, кем его назвали. Это значит: он не мужчина, считающийся достойным того, чтобы принести клятву или являться свидетелем, или быть попечителем мужчины или женщины, ибо нет у него сердца мужчины. Если же к месту поединка явился тот, кто вызван, а вызвавший не явился, тогда явившийся должен трижды во весь голос назвать противника извергом, то есть ничтожным и бесчестным человеком. И он должен сделать на земле отметку в знак того, что был готов к бою. Тогда тот, кто вызвал и не явился — еще хуже. Это значит: бесчестный, не сумевший сдержать слово. Если же явятся оба, то они должны сойтись в доспехах, с оружием в руках. Если будет убит тот, кто вызван, за него следует уплатить половину виры, причитающейся за мужчину. А если будет убит тот, кто вызвал, пусть лежит на негодной земле, или на негодном месте; это означает: за его убийство никто не будет наказан. Ибо тот, кто, пустословя, возводит напраслину на другого, сам — худший человек, напраслина — худшая из речей, язык хулителя — главный преступник.

Этот закон, установленный в языческие времена, некоторое время употреблялся и после того, как в эту страну пришло христианство. Поэтому он и записан в древнейших из сохранившихся книг законов²⁰⁷. О таких поединках, где двое сражались, либо отстаивая свои права, либо ради удалства и доблести, сочинено множество песней, сказаний, фрид и авантюр²⁰⁸. Затем упомянутый обычай сошел на нет; взамен постановили: когда истину нельзя установить при помощи разумных доводов и свидетельских показаний, ответчик должен пронести каленое железо голыми руками. Если ему удавалось сделать это, не получив ожога, дело решалось в его пользу; а если не удавалось, он нес наказание. И по сей день существуют древние книги, содержащие запись этого обычая относительно спорных дел: «Подлежит испытанию железом и Божьим судом. Если не пострадает от железа — пусть будет оправдан; если получит ожог — пусть будет признан виновным»²⁰⁹. Эти слова, содержащиеся в книге законов, с очевидностью доказывают: когда дело было таково, что судьи не могли вынести по нему решение, то ждали, что Бог, знающий всю правду, даст о ней знать и не допустит, чтобы невиновный получил ожог. Потому и выносили дело на

суд Божий и не приносили так много клятв, как ныне; этот обычай еще и поныне соблюдается в Лифляндии. Но затем и этот обычай был отменен, о чем здесь будет поведано ниже. Ведь по сути это неправильный закон: соблюдая его, искушают Бога. Воистину, Бог знает всю правду, но люди не должны Его искушать. На суде следует использовать другие средства²¹⁰. И довольно об этом.

Когда Олоф Скотконунг умер, его зятю, королю Норвегии Олафу Харальдссону, пришлось нелегко: знатные люди этой страны восстали против короля, отправились к датскому королю Кнуту Богатому и пожаловались: их король, мол, упразднил древние законы и обычаи, и к тому же отнял земельные владения (он отчуждал в пользу короны земли тех, кто не хотел принимать христианство). И они перешли под власть вышеназванного короля Кнута и провозгласили его своим государем. Тогда тот повелел королю Олафу явиться и принять от него королевство. Тот отказался так поступить и заключил союз со своим шурином, королем Швеции Амундом. Вдвоем они начали войну против короля Кнута. Но эта война кончилась плачевно для всех: каждая из сторон понесла огромный ущерб. В той войне участвовал швед по имени Ульф Спрокелэгг; о нем можно прочесть в Датской хронике. Все-таки недруги короля Олафа становились сильнее и сильнее и в конце концов взяли над ним верх. Тому пришлось бежать из страны. Сперва он направился в Швецию и там оставил жену на попечение ее брата. Сам же поехал к королю Руси, женатому на его сестре²¹¹. Там, на Руси, он остался надолго. А король Кнут поставил над Норвегией человека по имени Хакон; тот долгое время правил страной, но в конце концов утонул. Когда он умер, друзья короля Олафа послали за ним, чтобы он вернулся, ибо в стране не было государя. Он собрался в путь, направился через Емтланд домой и достиг Стикластада; там, в год от Рождества Христова тысяча двадцать восьмой, враги встретили его и убили.

Здесь следует также отметить: вышеупомянутый Амунд Углежог, говорят, принял крещение от проповедника по имени Бернард, что подвизался в Норвегии, и получил от него имя Якоб, но сохранил прежнее имя — Амунд²¹². Кроме того, в житии святого Эскиля упоминается еще один король, который, дескать, в то время или несколько ранее правил Швецией и звался Инге; его якобы изгнал некий Свен Кровавый. Но Шведская хроника о том не сообщает, и неизвестно, насколько заслуживают доверия упомянутые сведения, содержащиеся в житии. Вполне может быть, что вышеназванный Инге был в этом королевстве значительным человеком, и все же не королем. Он твердо держался христианской веры, а Свен Кровавый ее, напротив, яростно преследовал.

Когда Амунд Углежог умер, королем стал Амунд Мерзкий²¹³. Он был третьим христианским королем. Прозвище же свое он получил по всей видимости потому, что сотворил глупость и навлек на себя позор. Он совместно с датчанами взял да и размежевал границы между Сконе и Швецией, отделив Сконе от Шведского королевства. Ранее эта область подчинялась Швеции: ведь Ётланд простирался, по-видимому, до Эресунна. Однако за Халланд и Сконе между Швецией и Данией часто велись войны, и эти области переходили то к Швеции, то к Дании. И обе стороны полагали, что имеют право на эти земли; и кто одерживал верх, тот и владел ими. Но Амунд Мерзкий распорядился размежевать границу между Швецией и Сконе, и так отказался от прав, которые шведы имели на эти земли.

В конце концов Амунд начал сокрушаться, что так сумасбродно поступил. Потому он решил с оружием в руках отобрать то, что столь глупо утратил. Но, как говорится, играй, да не отыгрывайся. Он собрал огромное войско и вторгся в Сконе; там его встретил король Кнут Богатый и одержал над ним победу. Кончилось тем, что король Амунд был убит, погибло и большинство его воинов. Сражение произошло близ моста под названием Стонгапелле. Шведы понесли там огромный урон из-за неразумия короля. Разумный государь — особый дар Божий. Неразумный же государь — бедствие для страны. И вот пример: король неразумно отдал то, что ему причиталось по праву, и неразумно попытался вернуть, к ущербу и разорению для страны. Неудивительно, что шведы прозвали его Амундом Мерзким. Таков был обычай наших предков — давать государям прозвища в соответствии с их качествами и деяниями. Так, первый король Эрик получил прозвище Мудрый, король Фроде — Миротворивый, Эрик Ветряная Шапка, Эрик Победоносный, Стенкиль Кроткий, Олоф Скотконунг, Углежог, Амбарный Замок²¹⁴, Смек²¹⁵ и тому подобное²¹⁶. Легко заметить: подданные очень вольно говорят о государях после их смерти. Насколько вольно государи делали, что им заблагорассудится, настолько же вольно люди говорят о них. Это видно на примере Александра Великого, да и всех государей.

Затем королем стал Хакон Рыжий²¹⁷. Он родился в Вестер-ётланде, в хераде Виста²¹⁸, в деревне, именуемой Льем или Левене. Там же он был похоронен, после того как правил в течение тринадцати лет.

После Хакона Рыжего королем стал Стенкиль Младший²¹⁹. Он приходился племянником Олофу Скотконунгу, и был могуч и силен. Он любил вестьётов больше, чем других подданных, и был искусным стрелком. Говорят, он вел войну с датчанами и разбил их

в трех сражениях. Но из-за чего он вел эту войну и как звали датского короля, который с ним воевал — о том ничего не сообщается. Возможно, спор шел из-за Сконе.

После Стенкиля королем стал Инге²²⁰. Это был благочестивый и справедливый государь, в высшей степени разумно правивший королевством. Так и надо править странами и королевствами: государство без правосудия — это воровской притон, разбойничье гнездо. А ведь бывает, как в том присловье: тяжело жить, когда вместо закона — произвол. Этот король Инге тоже воевал с датчанами из-за Сконе, отвоевал эту область и удерживал в течение трех лет. В конце концов его убили в Сконе ночью в постели. Вестъёты, узнав о том, направились к месту, где он был убит, отвезли тело на родину и похоронили — как некоторые полагают, там, где ныне находится Варним²²¹. И все шведы горько оплакивали его кончину.

Когда король Инге умер, королем стал его брат Хальстен²²². Это был благочестивый, добродетельный человек. Он правил подданными в мире и добром согласии, и все решал наилучшим образом. Когда он скончался, шведы оплакивали его, как родного отца. Великая честь для короля — что подвластные ему люди оплакивают его, скорбя, что он их покинул. И величайший позор для государя, если подданные радуются его кончине.

По смерти Хальстена королем стал его сын Филипп²²³. Он был весь в отца — мягкосердечный и добрый, и за это шведы уважали и любили его. В его правление, в год тысяча сто тридцать шестой от Рождества Христова, королем Дании стал Святой Кнут. Единственная дочь этого короля, Ингрид, как сообщает Датская хроника, была выдана замуж за одного из знатнейших людей этой страны, которого звали Фольке.

И дабы понятнее стало то, о чем речь пойдет ниже, уместно привести небольшую родословную, из которой можно уяснить, откуда произошел этот род. Фольке Фильбитер был некрещеным; у него было трое детей, принявших христианство: звали их Ингемунд, Хальстан и Ингевальд. У упомянутого Ингевальда был сын — Фольке Толстый, он-то и женился на дочери датского короля Кнута Святого, которую звали Ингред, и прижил с ней двоих сыновей. Одного из этих сыновей звали Бенгт Снивильс, другого — Кнут. У Бенгта было трое сыновей: герцог Биргер, герцог Карл и Магнус Миннишёльд. У герцога Биргера был один сын по имени Филипп; у герцога Карла — один сын по имени Ульф; а Магнус Миннишёльд приходился отцом Биргеру ярлу. От одного из двух упомянутых Фольке, либо Фольке Фильбитера, либо Фольке Толстого, по-видимому, произошел род Фолькунгов, о котором будет немало сказано ниже.

Затем королем стал Инге Младший²²⁴, брат короля Филиппа. Он был благочестивый и праведный государь, так же как его отец и дядя. При нем в стране царили мир и справедливость²²⁵, а потому в королевстве все обстояло благополучно; тем самым он снискал великий почет. Война справедлива и необходима лишь тогда, когда с ее помощью можно достичь мира. Если кто-то, воинственно настроенный, не хочет жить в мире, с ним следует вступить в войну, дабы заставить блюсти мир. Кто так ведет войны, нанося поражения тем, кто сеет смуту и творит произвол, те стяжают своими войнами великую честь и похвалу. Но еще большей чести и похвалы достоин тот, кто использует все возможности, дабы сохранить мир, не вступая в войну. Дорого куплен мир, за который заплачено множеством убитых и раненых. Мир, достигнутый, если то возможно, без войны — много лучше. Потому этот Инге, равно как и его отец и дядя, заслужил великую честь и похвалу.

То была особая милость, ниспосланная Богом шведам: Он дал им в правители столь благочестивых и достойных людей. Из мирских даров, которые Бог посылает человеку, главный — достойные и добродетельные начальники. А одно из величайших бедствий, которые могут постигнуть страны и королевства, это когда властителями и государями становятся тираны; такое, несомненно, случается вследствие Божьего гнева и немилости.

Итак, в Швеции все обстояло вполне благополучно, покуда правил упомянутый Инге и его род; если бы только Богу было угодно, чтоб этот род продолжился! Но по воле Божьей род этот слишком рано прекратился. Короля Инге отравили во Врете, в области Эстерьётланд. Убили, наверное, те, кто не мог творить столько зла, сколько хотелось — ведь король неизменно наказывал²²⁶ за произвол. Возможно также, что некоторые из убийц состояли в сговоре с теми, кто сами хотели прийти к власти. Супругу короля Инге звали Рагнильдой. Ныне ее называют Святая Рагнильд, говорят, она похоронена в Телье²²⁷. Их дочь звали Кристиной; ее взял в жены Святой Эрик²²⁸. Датская же хроника утверждает, что король Дании Николаус женился на одной из дочерей короля Инге и что эту дочь звали Маргаретой; а также, что этот король Инге погиб оттого, что лошадь проволочла его, когда он повис, застряв ногой в стремях. Но наши шведские хроники единодушно утверждают, что его отравили во Врете и что для шведов его столь ранний уход из жизни явился огромной потерей, и что они оплакивали его, как родного отца²²⁹.

Когда король Инге умер, эстьёты избрали королем человека по имени Рагвальд Узколобий²³⁰. Нрав у него был совершенно не такой, как у ближайших предшественников. Этот король был суров,

надменен и горд; как нетрудно убедиться, норов у него был крут, а разум не велик. Потому он был слишком дерзок, неизменно стремился взять лбом и презирал всех и вся. Возгордившись, он направился в Вестеръетланд, где пренебрег миром и заложниками²³¹. Между тем, согласно древнему обычаю и праву областей, когда король объезжает королевство, жители каждой области должны встречать его с миром и заложниками, то есть обеспечить ему мир и безопасность и сопровождать его в пути по своей области. А король Рагвальд пренебрег этими мерами, полагая: все его настолько боятся, что мир и заложники не требуются. Вестъёты же, увидев, что к ним и к их областному праву отнеслись с таким пренебрежением, сообща выступили против короля и убили его возле Карлабю, близ Скары, в год от Рождества Христова тысяча сто тридцать девятый.

Такова была кончина гордеца; чудны дела Божии в мире сем: против возгордившихся государей восстанавливает Он строптивых подданных — к ущербу для обеих сторон, или по крайней мере для одной из них. Так страны, населенные строптивыми людьми, часто попадают под власть тиранов — жестоких государей и правителей. А тираны, в свою очередь, умирают смертью тиранов, чаще всего от рук слуг или подданных, как с очевидностью следует из хроник. Но не следует думать, что подданные правы, убивая государей, как бы жестоки те ни были. Подданные не могут быть судьями, которые вправе лишать государей жизни. Потому подданные, убивающие властителей, платят за это дорогую цену. Бог, правящий всем, неизменно наказывает одного негодяя другим негодяем. Те, кому любо быть злыми и жестокими, все время должны быть готовы к тому, что найдется кто-то другой, кто возьмет над ними верх. Государи, как правило, много теряют, когда стремятся, чтобы подданные больше боялись их, чем любили. К этому стремился и король Рагвальд, потому и печален его удел. Ведь люди всегда ненавидят и замышляют зло против того, кого боятся и от кого ждут зла. Где многие ненавидят и никто не любит — там в конце концов дело кончится плохо.

После смерти короля Рагвальда жители Эстеръетланда избрали королем Сверкера Старшего, поскольку он был одним из самых знатных людей в королевстве. И для ясности уместно привести родословную этого короля²³². У язычника Кеттиля был сын по имени Коль, он принял в старости христианство. У Коля был сын по имени Корнике, отец упомянутого Сверкера. У Сверкера же было три сына: Карл, ставший королем, герцог Ханс и Симон Сик. У герцога Ханса было два сына, Коль и Бурислеф, оба они стали королями. А Симон Сик был отцом Ингрид Ильвы — матери

Биргера ярла; и так далее. Датская же хроника повествует о некоем Магнусе, уроженце Дании, который в то время якобы являлся королем Швеции, но в основном пребывал в Дании, где и был убит. Но поскольку наши хроники не упоминают его в числе королей, мы не будем на нем останавливаться. Те, кто хочет узнать о его делах, могут прочесть о них в Датской хронике.

В то время в Норвегии жила благородная дева, которую захотел взять в жены король Дании. Но король Сверкер, опередив его, женился на ней и прижил с ней трех вышеупомянутых сыновей — Карла, Ханса и Симона²³³. Этот король Сверкер основал монастырь в Альвастре²³⁴, пригласив туда, равно как и в Варнхемскую обитель²³⁵, монахов из чужеземных стран; произошло это в тысяча сто пятидесятом году от Рождества Христова. А вскоре, поспешая в рождественскую ночь к заутрене, король Сверкер был убит своим конюхом. Произошло это между Олабеком и Тольфстадом в год от Рождества Христова тысяча сто пятьдесят первый; похоронили короля в монастыре Альвастра, близ главного алтаря.

В правление упомянутого короля Сверкера, в год от Рождества Христова тысяча сто сороковой, возник город Любек. У этого города, за первые сто лет его существования, сменилось множество властителей²³⁶. В числе прочего, целых двадцать четыре года город находился под властью датского короля, покуда в конце концов любекцы не отобрали обманом замок, принадлежавший в этом городе королю Дании, и не получили большие привилегии и вольности от императора Фридриха Второго. Отобранный замок жители Любека впоследствии преобразовали в монастырь Черных братьев²³⁷.

В год от Рождества Христова тысяча сто сорок восьмой в Линчёпинге состоялся церковный собор²³⁸, на котором присутствовал кардинал Николаус де Альбано²³⁹ — англичанин, впоследствии ставший папой под именем Адриана Четвертого. Как некоторые утверждают, этот Николаус привез в Швецию из Англии Святого Хенрика и сделал его епископом Уппсальским. В Уппсале в то время еще не было архиепископской кафедры. До того как в Уппсале появился первый архиепископ, там сменилось пять епископов. Первого звали Эверин, второго — Николаус, третьего — Свен. Четвертым был Святой Хенрик, пятым — некий Копман. И весьма вероятно, что все поименованные пятеро, или почти все, были иноземного происхождения. Ведь в течение долгого времени, с тех пор как в Швецию пришло христианство, епископами и священниками этой страны по большей части являлись англичане и другие иноземцы. Из наших шведских людей нельзя было быстро подготовить епископов и священников, тем более что их требовалось

много. И тут подспорьем оказалось то, что английский и немецкий языки в то время весьма походили на шведский. Множество английских часословов, сохранившихся в Швеции, подтверждение тому, что здесь имелось много английских епископов и священников. Равно и английские колокола — свидетельство тесных связей шведов с выходцами из Англии.

Говорят, когда король Сверкер умер, эстьёты избрали королем его сына Карла. Но у них ничего не вышло: народ Упланда избрал королем человека по имени Эрик Йедвардасон, которого ныне называют Святым Эриком²⁴⁰; из-за этого возникла смертельная ненависть и начался великий раздор между Эстерётландом и Упландом. Упландцы неизменно поддерживали род Святого Эрика, а эстьёты — род Сверкера, а эти два рода враждовали друг с другом, к ущербу и разорению всего королевства. Произошло это [избрание короля] в тысяча сто пятидесятом году от Рождества Христова.

Этот Эрик взял в жены дочь короля Инге-младшего и с ней прижил сына по имени Кнут; отец же Эрика, говорят, был зажиточным бондом²⁴¹. Некоторые же полагают, что Эрик произошел из королевского рода. Но не столь важно, из какого он рода. Отнюдь не позор для него, если он был крестьянским сыном. Напротив, честь ему и хвала, если он, будучи выходцем из низкого рода, заслужил такое уважение, что все сочли его достойным королевского звания. Тот благороден, кто признан благородным за то, что жил добродетельно. И никакой чести, а напротив, величайший позор, когда приходишь из высокого рода, а ведешь себя недостойно. Вот истинная честь: человек низкого происхождения возвысился благодаря добродетели. И великий позор — высоко вознестись, а затем быть низвергнутым из-за порока. Благородным делает добродетель, к какому бы роду ни принадлежал человек, — высокому или же низкому.

Об этом короле Эрике много написано — как благородно и достойно он вел себя, будучи королем²⁴². Не удивительно, что добрая молва идет о королях и государях, которые хорошо обращаются с подданными. Многие снискали от тех государей добро; многие могут и помянуть их добром. И добрая слава их, со слов множества очевидцев, заносится в хроники, другим в назидание. Итак, несомненно, что этот король Эрик был благочестивым, добродетельным человеком, раз его, выходца из незнатного рода, единодушно избрали королем и сочли более достойным, чем Карла, избранного эстьётами, сына короля Сверкера. В житии много говорится о достойных деяниях короля Эрика; в частности, там сказано, что он старался не отягощать подданных, а напротив, насколько можно,

облегчать их бремя. Он оставил подданным то, что по праву мог с них взыскать: ему, мол, хватит и доходов с собственных владений. Еще будут, мол, после него другие правители, что не пощадят имущество подданных²⁴³.

В тот же год, как Эрик был избран королем, он решил распространить христианскую веру в Финляндии²⁴⁴. Во главе большого войска, взяв с собой Святого Хенрика, епископа Уппсальского, он прибыл в эту страну, вступил в сражение с финнами, победил их, даровал прощение и мир и распорядился, чтобы для финнов проповедовалось Слово Божие. А отправляясь домой, оставил в Финляндии епископа Хенрика, дабы тот стал для финнов епископом и проповедником. Год спустя, в год от Рождества Христова тысяча сто пятьдесят первый, епископ Хенрик был убит.

Между тем король Эрик стал выяснять, что в королевстве нуждается в улучшении и исправлении. Он создал много полезных законов и указов на благо простого люда. Невозможно с достоверностью определить, какие из законов, которыми мы ныне пользуемся, были установлены этим королем. Так или иначе, король Биргер в своей книге законов упоминает о законах святого короля Эрика; и вообще часто употребляется выражение «Законы короля Эрика Святого»²⁴⁵.

Когда он уже правил страной десять лет, датчанин Хенрик Скэтларе со своим сыном Магнусом задумали его убить²⁴⁶. Некоторые полагают, что эти двое вступили в сговор с сыном короля Сверкера Карлом, поскольку тот ранее был избран королем. Хенрик и Магнус со своими приспешниками ворвались в Эстра Арос, именуемый ныне Уппсалой²⁴⁷, и убили короля Эрика, который, не чая опасности, не имел при себе охраны. Убийцы сделали королем означенного Магнуса Эрикссона — как бы на законных основаниях: его мать Ингрид была дочерью Рагвальда, короля Швеции. Так, в год от Рождества Христова тысяча сто шестидесятый, король Эрик был убит; похоронили его в Уппсале. Тогда по всей стране, прослышав о смерти короля, люди, объятые горем, все как один вознамерились отомстить за убийство. Собралось множество народу — сначала в Хельсингеланде, где находилась свита короля Эрика, а затем во многих других областях. Говорят, к ним присоединился и Карл, сын короля Сверкера — не потому, что хотел отомстить за смерть короля, которая ему пришлось кстати. Просто он хотел править единовластно: по некоторым сведениям, он сам провозгласил себя королем за два года до смерти короля Эрика.

Итак, люди со всех областей собрались и вступили в бой с означенным Магнусом, провозгласившим себя королем, и одержали победу над ним и ватагой его приспешников. Произошло это

недалеко от Уппсалы, там, где ныне стоит Датская церковь; вероятно, она так называется именно потому, что там потерпели поражение датчане. Таким образом, у Магнуса мечом отобрали то, что мечом взял он сам. Так бывает всегда: то, что отнято силой оружия, затем приходится с оружием в руках защищать, а потом это силой оружия отбирает кто-то другой.

После того как был убит Магнус Хенриксон, королем стал Карл, сын короля Сверкера Старого²⁴⁸. Он правил миролюбиво, поддерживал мир с Данией. В год от Рождества Господня тысяча сто шестьдесят второй он основал монастырь во Врете²⁴⁹. Кроме того, он совместно со шведским герцогом Ульвом послал гонца в Рим, и договорился с папой Александром Третьим, чтобы Уппсальская епископская кафедра стала архиепископской. Папа утвердил это решение, постановив, чтобы епископы Скары, Линчёпинга, Стренгнеса и Вестероса отныне повиновались епископу Уппсальскому, как своему законному архиепископу. Поскольку епископ Векшё в папской грамоте не упомянут, возможно, он по-прежнему подчинялся архиепископу Лундскому, который, покуда не было учреждено архиепископство Уппсальское, главенствовал и над остальными вышеперечисленными епископами. В Або же тогда еще не существовало епископской кафедры. Первый архиепископ Уппсальский звался Стафан²⁵⁰. Он был монахом из монастыря Альвастра; архиепископом он стал в год от Рождества Господня тысяча сто шестьдесят третий.

Поскольку выше здесь был упомянут герцог Ульф, уместно, пожалуй, немного поговорить о герцогах²⁵¹. Следует знать, что в былые времена в Швеции было много герцогов: это хорошо видно как из вышеперечисленных сведений, так и из последующего изложения. И подобно тому, как здешние короли именовали себя королями Швеции, так и герцоги величали себя герцогами Швеции²⁵². Как свидетельствуют древние книги законов, герцоги эти именовались ярлами. Впрочем, в Норвежской книге законов делается различие между ярлом и герцогом²⁵³. А в Англии и Шотландии ярл — то же самое, что граф²⁵⁴.

Итак, когда король Карл правил страной уже семь лет или немногим более, на него напал сын Святого Эрика Кнут и убил его на острове Висингсё за то, что тот состоял в сговоре с убийцами отца. Похоронили короля Карла в Альвастре, в одной могиле с отцом, королем Сверкером, в год от Рождества Христова тысяча сто шестьдесят восьмой.

Затем королем стал Кнут, сын Святого Эрика²⁵⁵, который ранее три года скрывался в Норвегии. Он достиг такого могущества, что сумел убить короля Карла, который, по-видимому, изгнал

Кнута из Швеции и вступил в сговор с убийцами кнутава отца. Кнут умертвил и двух других королей. Одного из них звали Коль, другого Рислеф или Бурислеф, оба были сыновьями герцога Ханса, брата короля Карла. Один за другим они провозгласили себя королями, восстав против короля Кнута. Но он победил их и убил обоих. Великими трудами и битвами обрел он королевскую власть; много было у него противников, но всех он одолел.

То было, несомненно, трудное для страны время — когда столько королей было убито: каждый из противников был силен. Вероятно, сторону короля Кнута держали упландцы, ранее избравшие королем его отца. А их противников, родичей короля Карла поддерживали эстёты, а также, по-видимому, жители еще нескольких областей. Видимо, великое братоубийство творилось в Швеции. Несчастно королевство, за которое так бьются; великий оно терпит ущерб. Если бы предводители бившихся осознали, как опасна должность государя и по какому строгому счету предстоит им ответить за свое правление! Тогда бы уж они не стали столь рьяно сражаться из-за власти над странами и королевствами. Ведь однажды придется им держать ответ перед Богом, как они правили Его народом. Народ принадлежит не им, а Богу; горе, если жалкий смертный стремится к власти, проливая столько крови, жертвуя столькими жизнями. Такая беда — Божья кара странам и королевствам.

А король Кнут, одолев всех врагов, мирно правил двадцать три года. Умер он в год от Рождества Господня тысяча сто девяносто второй и был похоронен в Варнхеме. Здесь следует заметить, что род Святого Эрика и род короля Карла долгое время правили поочередно; ниже мы в этом убедимся. То ли они так договорились, то ли силой отбирали друг у друга власть; в последнем случае наверняка не обошлось без смуты. В правление короля Кнута в год от Рождества Христова тысяча сто восемьдесят пятый, Стафан, первый архиепископ Уппсальский, умер и был похоронен в Альвастре. Его преемника звали Йоханнес; в год от Рождества Христова тысяча сто восемьдесят седьмой эсты убили его близ Альмарестэкета и сожгли Сигтуну²⁵⁶. А в тысяча сто семидесятом году от Рождества Господня началось строительство городских стен Ростока; шестнадцать лет спустя в Лифляндии была основана Рига²⁵⁷. Этот король Кнут, как ранее его отец, создал несколько новых законов; они включены в книгу законов Эстерьётланда.

После смерти короля Кнута королем стал Сверкер Младший²⁵⁸, сын короля Карла. Человек добродетельный и разумный, он правил долго и мирно. Но в конце концов из-за вражды между его родом и родом Святого Эрика он убил сыновей короля Кнута

при Эльяорсе. Совершил он убийство, несомненно, для того, чтобы королевская власть сохранилась за его родом. И все же один из сыновей короля Кнута спасся, укрывшись в Норвегии. Там он пробыл два с половиной года; звали его Эрик. Упландцы, узнав о злодеянии короля Сверкера, вспыхнули гневом и восстали против короля. С ними был Эрик, сын короля Кнута; он-то, по всей видимости, и был зачинщиком восстания. Король Сверкер, когда разразился мятеж, обратился за помощью к датскому королю Вальдемару. Но всегда лучше обходиться без иноземной помощи. Король Вальдемар, откликнувшись на просьбу, выслал большое подкрепление; командира войска звали Эббе Сонасон. И датское войско короля Сверкера вступило в бой со шведами в Вестерхётланде, в местечке Лена; и датчанам был учинен такой разгром, что память о нем долго передавалась из поколения в поколение. Эббе Сонасон и его брат Лауренц были убиты; король Сверкер с горсткой уцелевших воинов спасся бегством. Случилось это в тысяча двести восьмой год от Рождества Христова.

Два года спустя король снова собрал войско и вступил в бой со шведами при Йестильрене; там убили его самого, и герцога Фольке, и многих других. Похоронили короля Сверкера в Альвастре, в год от Рождества Христова тысяча двести десятый. Этот король Сверкер, по-видимому, первым из шведских королей, дал шведскому духовенству привилегию — подлежать не мирскому суду, а суду епископа²⁵⁹.

В год от Рождества Христова тысяча двести второй умер герцог Биргер Первый²⁶⁰; архиепископ Педер²⁶¹ умер в год Господень 1197; архиепископ Олаф Бараний Язык²⁶² умер в год Господень 1200.

Затем королем стал Эрик, сын короля Кнута²⁶³, внук Святого Эрика. Правил он достойно и мирно. Женой его была дочь датского короля Вальдемара; некоторые полагают, что ее звали Рикица. И покуда он правил, страна благоденствовала: Бог щедро ниспосылает милости странам и королевствам, где государи добродетельны; скорее всего, так было и в этом случае. Король Эрик правил семь лет; умер на Висингсё в год от Рождества Господня тысяча двести восьмой, и был похоронен в Варнхеме, в могиле отца.

В год от Рождества Христова тысяча двести восьмой был основан Штральзунд²⁶⁴. В год Господень 1219 умер Валериус, архиепископ Уппсальский²⁶⁵. А в год Господень 1220 язычники убили в Рутале герцога Карла и линчёпингского епископа Карла.

И следует знать, что в старину язычники, эсты и карелы, а также, вероятно, прусы и венды часто наносили Швеции немалый урон²⁶⁶. Балтийское море кишело разбойниками: венды и, конечно,

многие другие язычники, жившие на побережье, считали, что с полным правом могут грабить другие народы. Потому они хозяйничали на море, нападая то на Швецию, то на Данию. И пока не был основан Стокгольм, они беспрепятственно входили на своих шняках в Меларен и грабили побережье. Выше говорилось, что эсты убили епископа Йоханнеса; убили они и некоего герцога в местечке Асканэс на острове Экерё; местные жители звали его герцогом Хансом. Девять лет он пробыл в походе, сражаясь с русскими и ингерманландцами; а когда он вернулся, эсты лишили его жизни. Но его жена спаслась, добралась до Хундхаммара, не медля собрала там большой отряд, напала на эстов в Эстской шхере, которая теперь называется Эстские скалы, и там перебила эстов. Об этом сообщается в Шведской хронике. Но там не сказано, при каком короле это произошло. Неизвестно, случилось ли это тогда же, когда убили архиепископа, либо раньше или позже. Не исключено, что этот герцог Ханс приходился братом королю Карлу, сыну короля Сверкера Старшего.

В год Господень 1223 датский король Вальдемар, второй из королей, носивших это имя, основал Ревель, покорил эстов и обратил их в веру Христову²⁶⁷.

После смерти короля Эрика королем стал Юхан Младший, он же Юхан Кроткий, сын короля Сверкера²⁶⁸. Как и отец, он дал духовенству особые привилегии. Правил он всего три года, умер на Висингсё, в год от Рождества Христова тысяча двести двадцать второй, и был похоронен в Альвастре.

Затем королем стал Эрик Шепелявый²⁶⁹. Родителями его были король Эрик — сын короля Кнута, и королева Рикица — дочь датского короля Вальдемара. Он был коронован в тысяча двести двадцать третьем году от Рождества Христова. Был он хром и шепеляв (отчего и получил такое прозвище), но добродетелен и справедлив, с каждым поступал, как требует закон. У него были три сестры. Первую звали Элин; муж ее, Кнут, человек немалого ума, происходил из рода Фолькунгов. Вторую звали Мерета; ее муж, Нильс, отличался добродетелью. У Элин и Нильса был сын Абьёрн; у Абьёрна родился сын Ульф, а сын Ульфа Карл стал лагманом, искушенным в книжной премудрости.

Так вот, Фолькунги стремились, чтобы королем стал их родич — вышеназванный герр Кнут: он отличался и статью, и красноречием. Фолькунги начали оскорблять короля; дошло до войны; при Оластрёме, в год от Рождества Христова тысяча двести двадцать девятый, произошла битва. Король Эрик потерпел поражение и бежал в Данию; Фолькунги тотчас провозгласили герра Кнута королем Швеции. Но недолго он находился на престоле:

король Эрик собрал в Дании большое войско, вернулся в Швецию, сразился с врагами при Спарсэтре и взял верх. Кнут, король, провозглашенный Фолькунгами, был убит; лишились жизни и лучшие люди из его свиты. Ходенгер, сын Кнута, один из самых видных Фолькунгов, бежал в Йестрикеланд. Все же его схватили и по приказу короля Эрика обезглавили²⁷⁰. Похоронен он был, по собственной просьбе, в монастыре Ску. Спустя какое-то время пошел слух, что дивное видение явилось у его могилы — значит, этот человек святой²⁷¹. Ну, да что было, то и было, Бог ему судья. Но несомненно, был он мятежником против законных властей, повел супостатов войной на законного государя. За это и был он наказан, как подобает.

Король же Эрик, одолев врагов, обрел наконец покой и выдал замуж свою третью сестру Ингеборг за человека по имени Биргер из Бьельбу, того самого, которого называют Биргером ярлом²⁷², поскольку со временем он стал герцогом Швеции²⁷³. Отца его, как уже говорилось выше, звали Магнус Миннешельд, а мать — Ингрид Ильва. Этот Биргер из Бьельбу был правой рукой короля Эрика, карал непокорных, да, по большей части, сам и правил страной: король был простоват и не силен в красноречии. Биргер же был скор на ум и спор на язык — потому король и ценил его услуги.

В правление этого короля Эрика, в год тысяча двести сороковой от Рождества Христова, в Швецию прибыл папский посланник Гильхельм Сабинский²⁷⁴ и ввел значительные новшества для духовенства страны. Он запретил священникам вступать в брак; до этого им позволялось жениться²⁷⁵. Это хорошо видно из книги шведских законов, употреблявшейся в то время в Упланде. О наследстве священников и епископов там говорится дословно следующее²⁷⁶: «Если свейский священник умрет, да получат наследство дети его; если нет детей, да получит наследство родич ближайший, ученийший; а умрет чужеземный священник — англичанин либо датчанин, да получит епископ наследство. Если свейский епископ умрет, да получат наследство дети его; если нет детей, да получит наследство родич ближайший, ученийший; а умрет чужеземный епископ — да причтется наследство престолу и посоху²⁷⁷». Также и древняя эстётская книга законов упоминает о детях и внуках — наследниках епископов²⁷⁸. И сам упомянутый Гильхельм в своем указе, запрещающем браки священников, сообщает: когда он прибыл в Швецию, они, не таясь, жили со своими женами.

В год Господень 1234 умер архиепископ Олаф Забрал-скотинь²⁷⁹ — родич короля Эрика. Сразу после него архиепископом стал Йерлер²⁸⁰, давший Черным братьям помещение под монастырь в

Сигтуне²⁸¹. В год Господень 1248 началось строительство Висмара²⁸². В тот год умер и герцог Ульф, ярл Швеции²⁸³; и в тот же год был казнен упомянутый выше Хольнгер. Тогда же датский король с голштинским графом осадили город Любек. Шведы тогда пришли Любеку на помощь: их корабли прорвали сторожевую цепь, которую датский король выстроил на реке Траве, закрыв жителям города выход к морю. Сохранилось предание, что именно за ту помощь шведы с тех пор торгуют в Любеке беспošлинно.

Король же Эрик, обрета покой, задался целью обратить в христианство жителей Тавастланда, чтобы они перестали чинить ущерб христианам. Он собрал огромное войско, поставил над ним своего зятя — Биргера ярла и, как следует снарядив, отправил в Финляндию. Там Биргер ярл сразился с тавастами, одолел их и обратил в бегство. И приказал своим воинам преследовать врагов, но с условием: тех, кто захочет принять христианство — не убивать и не грабить, остальных — не щадить.

Конечно, человек может лишь сердцем по-настоящему обратиться в христианство, и к этому нельзя принудить мечом. Но все же государи имеют право принуждать упорствующих, чтобы те дозволяли проповедовать Слово Божие. Тогда люди, услышав ту проповедь, смогут стать добрыми христианами. Если Биргер ярл так и поступил, если он дал покоренному народу достойных проповедников — тогда он поступил как истинный христианский государь. Чтобы держать строптивых тавастов в узде, он построил в их краях крепость, назвав ее Тавастабург; сейчас она зовется Тавастахус²⁸⁴. Тем временем, покуда Биргер ярл находился в Финляндии, в год от Рождества Христова тысяча двести пятидесятый, на Мессу свечей умер король Эрик. Тотчас после его смерти королева удалась в Гудхемский монастырь²⁸⁵.

В то время в Грёнеборге, недалеко от Энчёпинга, жил прославленный человек, которого ценил и уважал народ во всей Швеции. Звали его Йоар Синий²⁸⁶. Посовещавшись с кем следовало, он провозгласил королем сына Биргера ярла — юнкера Вальдемара: ведь он приходился племянником покойному королю Эрику. Тем временем Биргеру ярлу в Финляндию пришла весть о кончине короля Эрика; тот опечалился и, устроив все надлежащие дела в Тавастланде, вернулся на родину. Созвав всех знатнейших людей королевства, он спросил: кто это так поспешно избрал его сына, еще ребенка, королем, не спросив отца? Биргер был разгневан — ведь он сам хотел стать королем. Со стороны матери, Ингрид Ильвы, он принадлежал к роду короля Сверкера. И поскольку королевская власть уже долгое время переходила то к потомкам короля Сверкера, то к потомкам Святого Эрика, Биргер ярл стре-

мился взойти на престол как, вероятно, единственный представитель обоих родов.

Йоар Синий ответил: то, что совершилось, не значит, что Биргера ярла не уважают: конечно, он достоин быть королем. Но он уже стар, годы его не те: вот и избрали люди королем его сына, рассудив, что избрание сына — не позор для отца. Но Биргер ярл все не мог успокоиться. Тогда Йоар Синий сказал: «Если ты недоволен тем, что есть — делай, что хочешь со своим сыном; мы найдем другого короля». Биргер ярл смолк, потом спросил: «А где вы найдете себе государя — нельзя же совсем без короля?» Йоар Синий ответил: «Вот на мне накидка — из нее и вынем короля».

Тут Биргер ярл испугался, что ни он, ни сын не взойдут на престол: пришлось ему смириться с тем, что сына избрали королем. И Вальдемар короновался в Линчёпинге в год от Рождества Христова тысяча двести пятидесятый. Так был положен конец спору между родом короля Сверкера и родом Святого Эрика: ведь король Вальдемар по отцу принадлежал к первому роду, а по матери — ко второму. Всего же у Биргера ярла было четверо сыновей: старший, Вальдемар, избранный королем, Бенгт, Магнус и Эрик²⁸⁷. Все четверо были еще слишком молоды, чтобы править страной. Поэтому к королю был приставлен старый рыцарь, чтобы, вплоть до совершеннолетия, учить его всяческой премудрости; а королевством покуда правил Биргер ярл.

В то время род Фолькунгов с новыми силами стал сеять смуту в стране: не пошли потомки в основателя рода — герцога Фольке, достойного, добродетельного. Их предводитель юнкер Карл стал главным врагом Биргера ярла; потому ярл все время старался его убить. В конце концов дошло до войны между Фолькунгами и Биргером ярлом²⁸⁸. Фолькунги огромным войском расположились близ моста Хервадсбру; туда же прибыл с большим отрядом Биргер ярл, а также его союзник — епископ Коль со своими верными людьми. Начались переговоры; Биргер ярл, епископ Коль и их сподвижники клятвенно пообещали Фолькунгам неприкосновенность, если те придут к ним по мосту для переговоров. И Фолькунги согласились, поверив обещаниям: ведь, ко всему прочему, еще и епископ дал клятву! Но как только они перешли по мосту, их схватили по приказу Биргера ярла и отрубили им головы. Эта потеря оказалась для Фолькунгов невосполнимой: род с тех пор пришел в упадок.

И хотя герцог Биргер был выдающийся правитель и сделал для Швеции много хорошего, но нельзя похвалить его за то, что так вероломно умертвил он тех Фолькунгов. Слово нужно держать — даже если дал его врагу. А если враги не держат слово и не забо-

тятся о чести, они никогда не придут к миру и согласию. Потому столь важно блюсти честь и выполнять обещания, тем более скрепленные клятвами. Пусть и гласит пословица: награда изменнику — измена, но пословицу эту нужно правильно понимать. Никого нельзя обманывать лживыми клятвами. Бог просто и ясно повелел: не произносить Его имени всуе — хоть перед другом, хоть перед врагом. Предательство — слишком большой проступок; исключительными должны быть причины, чтоб совершить его с правом на то. Оправдать предательство трудно, в сущности невозможно; предателя всегда ждет наказание. Коли поклялся врагу честью, истиной и верой Христовой и призвал Бога в свидетели, так сдержи слово, пусть даже сам этот враг — изменник. Карать изменников нужно, но не лживыми клятвами. Какая это победа над врагом, если ты сам стал таким же? Не спеши воздать произволом за произвол. Нельзя обокрасть соседа за то, что он обокрал тебя. Надо наказывать по-другому — разумно, не слишком жестоко. Но увы: закон — на острие копья, за кем поле боя — тот и прав, кто повержен — тот неправ, и так всегда. И все же со временем Бог воздает справедливостью тому, за кем правда. Пусть над этим поразмыслят те, кому доводится воевать; пусть рассудят, как обращаться с врагами. А мы теперь вернемся к нашей материи.

Юнкера Карла не было среди тех Фолькунгов, с которыми так вероломно поступил Биргер ярл. Тогда стараниями многих людей юнкер и ярл помирились. Но все время пытались друг друга убить — вот и вся дружба. И поскольку юнкеру Карлу жить в Швеции было опасно, друзья посоветовали ему уехать — чем дальше, тем лучше. Тот так и сделал: отправился в Пруссию, стал крестоносцем, и в конце концов в сражении с литовцами был убит — на радость Биргеру ярлу²⁸⁹.

Король Вальдемар тем временем возмужал и был уже жених. Потому Биргер ярл послал гонца к Эрику, королю Дании, и сосватал его дочь Софию сыну в жены. Свадьбу, как водится, пышную, сыграли в Йенчепинге²⁹⁰. Биргер же, хоть и состарился, до конца своих дней правил Швецией. И много внес изменений в шведские законы²⁹¹, и много ввел законов, которых раньше не было. Он распорядился, чтобы не только братья, но и сестры наследовали имущество: ранее в Ёталанде такого не было²⁹². Он постановил, чтобы человека, вторгшегося в чужое жилище, объявляли вне закона. Он понял, что неправилен обычай, который к тому времени был давно распространен: что в сомнительных и спорных тяжбах обвиняемый, как описано выше, должен пронести кусок раскаленного железа. Взамен этого обычая Биргер ярл ввел новый порядок доказательства вины: этот порядок приведен в Эстьетской книге

законов²⁹³. И ввел еще много установлений — как можно убедиться, ознакомившись с тем же судебником.

Между тем эсты, русские, ингры и многие другие чужеземцы то и дело проникали на своих кораблях и шняках в Меларен и чинили немалый ущерб жителям прибрежных местностей. Поэтому Биргер ярл построил Стокгольмский замок и город Стокгольм²⁹⁴, чтобы они, подобно замку, запирали вход в Меларен; для этого они служат и поныне. Поначалу город был невелик: сперва были воздвигнуты две башни — одна у Норрастрёма, где ныне стоит замок; другая — у Сёдрастрёма, где находился монастырь Черных братьев: в то время он высился на самом берегу Сёдрастрёма. И две стены тянулись от той башни, что стояла близ Норрастрёма, до той, что находилась у Сёдрастрёма: одна стена — с запада, другая — с востока. А между этими стенами находился город; ту часть Стокгольма и поныне зовут: «город за стенами». Со временем город, как легко убедиться, вырос, вышел за пределы этих стен. Герцог Биргер правил страной от имени своего сына, короля Вальдемара, пятнадцать лет. Затем, в год от рождества Христова тысяча двести шестьдесят шестой, он умер и был похоронен в Альвастре²⁹⁵.

После смерти Биргера ярла король Вальдемар начал самостоятельно править страной. Братья же короля получили каждый свою наследную долю и стали, себе во благо, обустраиваться в полученных владениях. Каждому из них досталась часть королевства: Магнус стал герцогом Швеции и получил Нючёпинг с Сёдерманландом и другими землями, которые он пожелал присоединить к своему герцогству. Юнкер Эрик, в свою очередь, получил земли и лены. А их брат Бенгт стал герцогом Финляндии. И хотя старший из братьев, Вальдемар, был королем над всем королевством, тем не менее герцог Магнус был намного мудрее и искуснее в правлении. И по части пышности и важности он не уступал королю и то и дело устраивал в своей усадьбе великолепные турниры — рыцари бились так, что треск стоял.

Что ж, и это подобает мудрому государю — упражнять своих подданных в мирное время, чтобы те знали, как действовать, если начнется война. В былые времена двор праведного государя был все равно что школа: там учились вежеству, хорошему обхождению, искусности во всех достойных делах. Потому о людях вежливых и рассудительных стали говорить, что у них придворное обхождение: таким хорошим обычаям люди учились при дворе²⁹⁶. И в хрониках немало говорится о том, как государи в былые времена упражняли своих подданных: тем ежедневно приходилось учиться, как действовать против врага на поле боя. Некоторые упражнялись неустанно, где бы ни находились. Такой человек, ехал

ли он на лошади, шел ли пешком, изучал местность, осматривал горы, ущелья, равнины. И мгновенно соображал, как себя поведет, если враг окажется на такой-то горе, в таком-то ущелье, в такой-то долине. Или наоборот: как защититься от врага, если сам окажешься в тех местах. День за днем учась подобным образом оценивать положение, те люди приобретали огромную сноровку: на какой бы местности им ни доводилось сойтись в битве с врагом, они уже заранее знали, как им следует действовать.

И в таких упражнениях приобреталась не только сноровка, но и отвага: ведь тот, кто в миг опасности знает, как действовать, всегда сильнее того, кто не ведает, что предпринять. Часто враг нападает в таком месте, где обороняться очень трудно. И тут нужны изобретательность и смекалка — иначе растеряешься, придешь в ужас. Вот почему так трудно стать настоящим воином. Ему не всегда заранее известно, на какой местности придется вступить в бой; ему нужно неизменно быть наготове. А чтобы уметь действовать в любых обстоятельствах, требуется большое мастерство, и кто хочет достичь этого мастерства — должен упражняться. Смилуйся, Боже, над тем бойцом, что только в схватке с врагом впервые познает, что такое воинское искусство! Если враг нас учит драться — тут бы хоть в живых остаться²⁹⁷. И поэтому упомянутый герцог Магнус поступал в этом отношении, как мудрый государь: упражнял своих служилых людей в рыцарских турнирах, чтобы они, благодаря этому, овладели воинским искусством и могли мужественно встретиться в бою лицом к лицу с врагом. Быть настоящим воином — дело трудное. Нетрудно носить хорошее оружие: это может и простой крестьянин. Но трудно пускать оружие в дело: тут необходимо большое искусство, немалый труд. И воин должен понимать: поскольку Богом ему вверен меч, дабы карать зло и защищать добро, постольку ему, несомненно, поручено, чтобы он упражнялся в искусстве владения этим мечом. Ведь если тебе что-то поручено, нужно знать, как исполнять поручение и что для этого требуется — иначе поручение останется невыполненным.

И поскольку герцог Магнус так искусно управлял своим двором, многие были рады служить ему, и оттого он становился все могущественнее. Король начал проявлять по этому поводу недовольство; дошло до ссоры между ним и герцогом. Тому весьма поспособствовала и королева София: она была надменна и высокомерна, и вела себя не так, как надлежит добродетельной государыне, что желает все обратить к добру. Напротив, она унижала королевского брата, ни разу не удостоила поговорить с ним дружелюбно. И в насмешку дала ему прозвище: герцог Магнус Ко-

тельник (тот был смугловат и довольно худ). А юнкера Эрика она прозвала Пустышкой; за это ее еще больше невзлюбили²⁹⁸.

А за некоторое время до того король Дании Эрик — отец королевы был убит своим братом Абелем; от него остались две незамужние дочери: одну звали Агнес, другую — Юта. Упомянутая Юта стала умолять, чтобы ей разрешили уехать к сестре — королеве Софии²⁹⁹. Опекуны Юты были против: им хотелось, чтобы Юта вступила в подобающий брак. Но она твердо стояла на своем, желая уехать к сестре; и она заявила, что хочет остаться девственницей. Опекунам пришлось уступить. И король Вальдемар, услышав, что она приехала, встретил ее, словно ангела Божьего. И в конце концов так близко с ней сошелся, что возлежал с ней и зачал ей ребенка; вся Швеция была возмущена таким поступком. А у королевы Софии от горя лицо увяло, красота поблекла; все ее насмешки вернулись назад, к ее порогу. Так обычно и бывает: насмешки возвращаются к порогу насмешника и сжигают его в собственном доме. У королевы было теперь двойное горе и к тому же великий позор — и от мужа, и от сестры. У самой же у нее к тому времени было трое детей от короля Вальдемара: сын — юнкер Эрик, и две дочери. Одну дочь звали Рикица, другую — Марина.

В правление указанного короля Вальдемара, в год Господень 1255, умер архиепископ Йерл³⁰⁰; похоронили его в Сигтунском монастыре³⁰¹. Этот архиепископ Йерл первым ввел в Уппсале должность каноников³⁰² в ее нынешнем виде; до этого там имелись только монахи. И эти монахи были наподобие каноников. В год Господень 1267 умер архиепископ Ларенц³⁰³; его похоронили в Энчёпинге; ранее он был монахом ордена Серых братьев. Его преемником стал архиепископ Фольке³⁰⁴ — родич Биргера ярла; он, с согласия папы, перенес архиепископский престол из Старой Уппсалы в Эстра Арос, который ныне зовется Новая Уппсала³⁰⁵. И он лично рукоположил восемь каноников; до него их всего было четверо, теперь же, его стараниями, их стало двенадцать. Но лишь немногие из них жили близ кафедрального собора; большей частью они пребывали в сельских приходах, и так поначалу было во всех кафедральных соборах Швеции. Когда же епископу требовался их совет, он созывал их всех вместе.

В год Господень 1273 мощи святого Эрика были перевезены из Старой Уппсалы в Новую Уппсалу. В то время там, где ныне находится кафедральный собор, имелась лишь деревянная церковь. Но под ней было каменное основание, и на этом основании стояла стена; за той стеной и находилась деревянная церковь. И следует заметить, что поначалу в Шведском королевстве было не много каменных церквей: по большей части церкви строились из дерева.

И церковей имелось не так много, как ныне: на целый херад приходилась всего одна церковь. Потому в книге законов и упоминаются церкви херадов³⁰⁶. Кроме того, людей в то время хоронили не на общих кладбищах, как сейчас; во владениях каждого рода имелось свое место погребения: такие родовые захоронения можно видеть и поныне. Потому и сказано в древних книгах законов, которые употреблялись в Швеции триста—четыреста лет назад: тот, кто имеет столько земли, сколько нужно, чтобы его похоронить, а именно семь футов в длину и три фута в ширину, такого человека следует считать землевладельцем, даже если он продал всю остальную землю. Но если он продал и участок, отведенный под могилу, он назывался «алль сэлла» — тот, кто продал всю землю; тогда он уже не считался владельцем земельного участка. Из этого с очевидностью следует: те, кто имел собственные места захоронений, могли их продать.

Поныне можно видеть множество подобных захоронений с земляными курганами, например в Старой Уппсале (где, несомненно, захоронены короли³⁰⁷) или же на Бьёрке³⁰⁸. Некоторые могилы обнесены камнями³⁰⁹, до сих пор существует поверье, что это могилы великанов. И в тех местах, где стоят рунические камни, тоже были захоронения³¹⁰; в надписях на этих камнях сообщается не что иное как имена тех, кто умер, и тех, кто воздвиг камень. На многих камнях имеется надпись *Litureisi*, то есть такой-то и такой-то, перечисленные поименно, возвели этот камень³¹¹. То были знатные люди — раз они в древности назывались ресы; отсюда, видимо, слова «конница» (*Reisigtygh*) и «всадники» (*reesenerer*)³¹².

В год Господень 1276 умер архиепископ Фольке.

Как уже говорилось, между королем Вальдемаром и его братом вспыхнула крупная ссора. В связи с этим в Трэнъянэсе состоялся съезд господ³¹³, в котором участвовали и сам король, и его брат. Там собрались и все епископы, и все рыцарство, и лучшие люди со всего королевства; сообща они стали думать, как снова сделать короля и его брата добрыми друзьями. Но противники затаили друг на друга такую злобу, что ничего поделать не удалось. Герцог Бенгт, их брат, который хорошо ладил с обоими, предложил им все свои наследные владения³¹⁴ в обмен на то, что они помиряются между собой: но и это не помогло.

Так они и расстались — заклятыми врагами. Король тотчас же отправился в Стокгольм, а герцог Магнус уехал в Нючёпинг. И в год от рождества Христова тысяча двести семьдесят пятый началась распря между королем Вальдемаром и его братом. А поскольку у герцога Магнуса и его брата герцога Эрика было недостаточно сил, чтобы воевать с королем, то они обратились за помощью к

королю Дании Эрику Кристоферссону и заключили с ним союз; на этот счет были даны прочные обязательства, изложенные в грамоте, созданной в Сундерборге, в год 1276 от Рождества Христова. И герцог Магнус собрал в Дании многочисленное войско из немцев и датчан; сам король Эрик добавил к этому войску сотню отборных всадников. А герцог Магнус и юнкер Эрик пообещали королю Эрику шесть тысяч марок чистым серебром за ту помощь, которую он им оказал. Затем они с немалым войском выступили из Дании в поход и направились в Вестеръётланд. И герцог Магнус во всеуслышанье объявил, что намерен взять власть над всей Швецией — или же умереть. Король ответил столь же дерзкой речью: он, мол, охотно сразится с герцогом Магнусом, если его немцы и датчане согласны подождать. И собрав все войска, какие только мог, пошел в поход к Тиведу.

Но он не был так осмотрителен, так искусен в воинском деле, как его брат. Он допустил грубую оплошность, стоившую ему большей части войска. Основные силы он отправил вперед — через Тивед к Хове, а сам с отборными воинами остался в Ронундабуде. Там он лег спать — так спокойно, словно никакой опасности не предвидится; а королева София тем временем забавлялась игрой в шахматы. Войско короля подошло к Хове; при войске не было никого, кто бы им повелевал и управлял. Тут внезапно напал герцог Магнус и одержал победу, разгромив воинов короля Вальдемара. Случилось то в год от Рождества Христова тысяча двести семьдесят седьмой. Когда сражение окончилось, к королю, гоня лошадь во весь опор, примчался всадник — тяжело раненный, истекающий кровью, и рассказал, что произошло, и посоветовал королю отступить, чтобы набрать новое войско. Но у того от ужаса душа ушла в пятки и помутился рассудок. Он бросил войско, что находилось при нем, и умчался по направлению к Вермланду. А воины, увидев, что государь их бросил, направились в Нёрке.

Герцог Магнус, как только узнал, что король обратился в бегство, отправил за ним погоню. Преследователи вскоре настигли короля, застали его за трапезой, схватили и доставили к своему господину. И вся страна перешла под власть герцога Магнуса, и никто не осмелился выступить против него. Король Вальдемар, когда его взяли в плен и доставили к герцогу Магнусу, стал умолять о снисхождении. На это герцог спокойно ответил: «Если бы вы оставили меня в покое и не следовали бы так часто советам вашей супруги, то и не случилось бы того, что произошло. Но я поступаю с вами так, что ни один достойный человек меня не упрекнет». И он созвал риксрод и все рыцарство в Вестеръётланд и, посоветовавшись со всеми, кто был сведущ в подобных делах, от-

дал своему брату, королю Вальдемару, Вестеръётланд, Вермланд с Далем, Эстеръётланд и Смоланд, и на том они помирились. Некоторые полагают, что герцог Магнус тотчас же после этого был провозглашен королем. Но более вероятно, что это произошло не так быстро, а некоторое время спустя³¹⁵.

Герцог Магнус, подчинив себе Швецию и примирившись с братом на условиях, описанных выше, отпустил датских воинов. По всей видимости, некоторые из них были недовольны полученным жалованием и, вероятно, поэтому по дороге домой нанесли в Швеции некий ущерб. Из-за этого вспыхнула новая ссора — между королем Данией Эриком и герцогом Магнусом. Вдобавок король Эрик стал настойчиво требовать обещанные шесть тысяч марок чистого серебра. На этом всякая дружба прекратилась, и прочный союз, за год до того заключенный в Сундерборге, сошел на нет.

Отсюда видно, что в сущности нельзя полагаться на союзы, заключенные между людьми — какими бы прочными эти союзы ни были. Любая мелочь может свести на нет все грамоты, печати, слова, обязательства — и то, от чего мы ждали пользы, оборачивается нам во вред. Так обычно и бывает: если государи заключают меж собой союз, не имея в советчиках Бога, то каков союз — таковы и его плоды. Бог дает людям понять: он более властен над тем, что должно свершиться, нежели люди, заключающие союзы. Из этого не следует, что вообще плохи союзы, заключаемые государями. Но нужно, чтобы государи отдавали себе отчет, что дело, ради которого заключается союз, праведное — чтобы заключить союз, угодный Богу, а не наоборот. Если же с союзом нет Бога, если люди не имеют Его перед глазами, не имеют страха пред Богом, то союзу сужден плохой конец, хотя поначалу вроде бы все складывается удачно³¹⁶.

Итак, между герцогом Магнусом и королем Эриком вспыхнула крупная ссора. Герцог стал готовиться к войне, намереваясь вторгнуться в Сконе и разорить эту область. Но ему пришлось отложить поход: ранее он отправил послов к голштинскому графу Гердту³¹⁷, чтобы посвататься к его дочери, девице Хелевиг. Он получил ее в жены, и в день святого Мартина в Кальмаре была сыграна свадьба. Хелевиг была добродетельной девушкой: все в Швеции отзывались о ней очень хорошо. Когда окончилась свадьба, герцог со всеми войсками, собранными в поход, вторгся в Сконе, и предал этот край, а заодно и Халланд, огню и мечу. Возле Рюгнабру³¹⁸ он повернул назад: дальше продвигаться было уже невозможно; засим он вернулся в Швецию.

Вот такую плату получил король Эрик взамен шести тысяч марок чистого серебра, что герцог Магнус был ему должен³¹⁹. Но, ве-

роятно, у герцога Магнуса имелись основания для такого поступка, иначе это было бы жестоко сверх всякой меры. Потому-то весьма основательно предположение, высказанное выше: что датские воины, не получив вознаграждение, нанесли в Швеции какой-то ущерб. Но что было, то было; в любом случае расплачиваться за все приходится бедным подданным. А в год, когда это произошло; умер юнкер Эрик — брат герцога.

Король Дании Эрик, видя, какой урон понесла его страна, стал думать, как отомстить. Но покуда стояла зима, он не мог ничего предпринять. Зато он начал склонять на свою сторону короля Вальдемара и, вероятно, пообещал помочь ему вернуть власть над Швецией. Король Вальдемар обрел надежду: раз герцог Магнус одолел его с помощью датчан, значит и он может одолеть герцога таким же образом. Поэтому он открыто объявил брату, что хочет либо всю Швецию, либо ничего. И обратился за помощью к королю Дании. На следующее лето он, получив помощь от датчан, вторгся в Вэрэнд³²⁰ и нанес там огромный ущерб, сжег город Векшё вместе с кафедральным собором. Но за ущерб, нанесенный тамошней церкви, он отдал ей Толлагарн³²¹ в вечное владение. И хотя в Вэрэнде и так уже было много воинов, разорявших этот край грабежами и пожарами, туда прибыл еще один большой отряд. Предводителями отряда были герр Пальне Вит и герр Бенгт Альсне. И вот, когда они находились в Вэрэнде и не ждали никакой опасности, на них напал герр Ульф Карлссон³²² с отрядом герцогских воинов и одержал победу, взяв в плен и герра Пальне Вита, и герра Бенгта Альсне.

Тогда на следующий год сам король Эрик вместе с королем Вальдемаром выступил в поход с огромным войском. Они вторглись в Вестеръётланд; король Эрик расположился в Аксвалле, а его люди, разъезжая по всему краю, разорили его дочиста. Так, опустошив Вэрэнд и Вестеръётланд, они с лихвой расплатились за ущерб, нанесенный королем Магнусом в Халланде и Сконе. И покуда король Эрик находился в Вестеръётланде, герцог не решился повести туда войско — то ли потому что не считал себя достаточно сильным, чтобы противостоять королю, то ли потому что хотел предотвратить кровопролитие, которое в таком случае было бы неминуемо. И король Эрик вернулся назад в Данию. И многие господа выступали посредниками, пытаясь примирить короля Эрика и герцога Магнуса при условии, что герцог уплатит королю обещанное серебро. А куда лучше было бы, если б они помирились раньше, не разоряя земли друг друга. Но коли Богу угодно наказывать страны и королевства войнами и усобицами, то кто-то должен дать повод и основание.

Как уже говорилось, герцог Магнус был искусным правителем, достойно содержал свой двор и устраивал разнообразные рыцарские турниры. Поэтому многие — и иноземцы, и шведы — стремились поступить к нему на службу. Так, из Дании прибыл некто по имени Педер Порсе³²³ — один из тех, кто требовал уплаты серебра, обещанного герцогом. Он был принят герцогом и получил в лен замок. И вот однажды этот человек устроил званый пир, пригласив на него и герцога. И когда герцог сидел за столом, Педер Порсе схватил его и силой заставил уплатить обещанное серебро. Герцогу ничего не осталось, как подчиниться требованию этого человека, и притом по-прежнему держать его в милости. Пусть же государи действуют осмотрительно, собираясь на званый пир, пусть размышляют, к кому направляются — к другу или к врагу.

Поскольку король Дании Эрик и герцог Магнус пожелали заключить меж собой прочный мир, то встретились у пограничного рубежа, оба с пышной свитой; и были устроены роскошные торжества с турниром, где множество рыцарей бились так, что треск стоял. И оба государя сошлись на том, что герцог должен уплатить королю Эрику четыре тысячи марок серебра кёльнского веса. Сначала было шесть тысяч, теперь — четыре; а в конце концов стало всего две тысячи: герцог предъявил огромный счет убытков, и потому из долга было вычтено четыре тысячи. И король Эрик получил в залог замок Лёдесе³²⁴ на время, пока не будет выплачено серебро. Замок был отдан под управление шведского рыцаря по имени Свантеполк³²⁵; ему надлежало каждый год отчислять королю по сто марок чистого серебра; и так — пока не будет уплачена вся сумма. И король Эрик выступил посредником между герцогом и королем Вальдемаром, радея, чтобы они помирились. Ведь король Вальдемар собирался остаться в Дании, где он владел городами Мальмё и Треллеборг³²⁶, полученными в приданое от королевы Софии. А поскольку упомянутая София к тому времени умерла, король Вальдемар не стремился править страной, а хотел лишь распоряжаться в своих наследных владениях. И он взял себе в Дании жену по имени Кристина, а когда она умерла, женился на дочери графа Гетускогского³²⁷, которую звали Катариной.

Спустя некоторое время после того как король Эрик примирил обоих братьев, король Вальдемар прибыл в Асканэс³²⁸. Там он передал брату не только выделенную ему половину королевства, но и все права на все королевство; и в присутствии всего риксрода он дал брату на то грамоту. И он осуществил эту передачу по доброй воле, без принуждения, и обязался, под страхом отлучения, что никогда не попытается оспорить это распоряжение.

Здесь следует пояснить, что в те времена, а также несколько ранее, те, кто заключал договоры или давал торжественные обязательства, поручали неким епископам отлучить их от церкви, если не сдержат обещание. Так поступил и король Вальдемар; и хотя он отрекся от королевства, все же герцог Магнус поначалу отказывался от королевского звания. Но, вняв настойчивым просьбам членов риксрода, в конце концов уступил. Обоснование было следующее: брат герцога, ввиду своей недостойной, распутной жизни не вправе находиться у власти. И риксрод подтвердил грамотой, что король Вальдемар полностью, безусловно передал брату власть над королевством. Упомянутая передача власти в Асканэсе произошла в год от Рождества Христова тысяча двести семьдесят девятый. Затем король Вальдемар отрекся от престола у камня Мура³²⁹, и герцог был провозглашен королем и короновался в Упсале. А король Вальдемар еще раз, в Шеннинге³³⁰, подтвердил передачу власти. И хотя он столько раз отрекался от власти, на деле он не держал слово и не исполнял клятву, а то и дело поднимал мятежи против короля Магнуса; и каждый раз после этого братья мирились вновь.

Слово и честь — вот главные сокровища государя; их ему и надлежит беречь пуще всего. И хотя вероломство, неумение держать слово — это такие пороки, за которые надлежит карать любого, все же более всего за такое следует наказывать государей. Слово короля ценится высоко, потому оно должно быть верное. Тот, кто занимает высокий пост, на того многие смотрят: потому ему следует достойно себя вести, чтобы не снискать всеобщее презрение, как то случилось с королем Вальдемаром; чем выше вознесся, тем ниже падать.

Выше уже говорилось, что при дворе короля Магнуса находилось много чужестранцев. Среди них был выходец из Дании по имени Ингемар; король так ему благоволил, что отдал за него за муж свою сестру Хелену. И этот Ингемар, гордый, что получил в жены сестру короля, начал вести себя заносчиво по отношению к шведам³³¹. Так же вели себя и другие иноземцы. Дело в том, что чужестранцы, которых король Магнус держал при своем дворе, были во многих делах искуснее шведов; потому они и держались с ними так высокомерно. Шведов же возмущало, что к ним относятся с таким презрением; особенно негодовали Фолькунги, которые по-прежнему обладали в Швеции большим могуществом. И они твердо заявили королю: пусть не возвышает над ними иноземцев. Однако же, как видно из последующих событий, король не придавал значения этим требованиям. Обратились Фолькунги и к вышеназванному Ингемару, требуя, чтобы он не помыкал так шведами,

если хочет, чтобы с ним общались по-хорошему. Но тот от них попросту отмахнулся: не ваше, мол, дело.

И вот однажды королева Хелевиг приехала к Скару, чтобы побеседовать со своим отцом — графом Гердтом Голштинским. Там же находился и датчанин Ингемар, ожидая прибытия короля. Присутствовали там и некоторые из Фолькунгов: Юхан Филпусон, Юхан Карлсон, Амунд Тувесон и герр Филпус из Румбю (или Рампабю). Все они, скопищем, убили упомянутого Ингемара. А графа Гердта они захватили в плен и отвезли в Имсеборг³³². Королева же укрылась в монастыре. И заводилой в этой игре был Юхан Филпусон; именно он немедленно распорядился осадить Йенчёпингский замок. Некоторые полагают, что участником этой игры был и король Вальдемар: его цель состояла в том, чтобы вернуться к власти в Швеции.

Король Магнус, узнав обо всем этом, пришел в гнев; особенно он негодовал по поводу графа Гердта — своего зятя, попавшего в плен. Король всячески подготовился к боевым действиям и вместе с тем направил Фолькунгам письмо. В этом письме он похвалил их, заявил, что не удивляется их поступку: они, мол, поступили как настоящие шведы, не желая, чтоб ими помыкали иноземцы. Так король Магнус уладил дело миром, добился, чтобы отпустили графа Гердта, дал графу возможность вернуться домой и как нельзя лучше успокоил волнения. Но когда все стихло, король вызвал зачинщиков мятежа к себе в Скару и там по его приказу их схватили и отправили в Стокгольм. Юхану Филпусону и Юхану Карлсону отрубили голову; герр Филпус из Румбю лишился жизни и всех земельных владений; Биргеру, брату Юхана Филпусона, также отсекали голову: так был подавлен тот мятеж.

Редко бывает, чтобы мятежники против законных властей хорошо кончали. Ведь сам Бог создал власти, потому Он их и защищает; и Он говорит: кто возьмется за меч, от меча и погибнет. Меч вверен властям; никому другому не дозволено братья за меч, не имея на то поручения. Но и властям следует знать: как подданным запрещено братья за меч, так и властям воспрещается обнажать меч без надобности, а если такое происходит, это произвол. И как подданным воспрещается поднимать восстание, так и властям воспрещено подавать повод к восстанию. И хотя упомянутые Фолькунги поступили неразумно, подняв свой мятеж, похоже, что король дал тому основательный повод, позволив, чтобы шведами помыкали иноземцы.

Такое уж свойство у шведов: они грубы, неотесанны, но они же великодушны, отважны, не желают, чтобы ими помыкали; поэтому они часто восстают, если чужеземцы относятся к ним с презре-

нием. Король Магнус не должен был позволять, чтобы иноземцы так унижали шведов, тогда бы дело не дошло до восстания. Ведь королем он стал ради шведов, какими бы неотесанными они ни были; потому и не должен был допускать, чтобы ими помыкали. Он был искусный государь, заключил союз со многими немецкими князьями: маркграфом Иоханном, маркграфом Отте и маркграфом Конрадом: по условиям союзов, каждый должен был прийти на помощь союзнику, если возникнет необходимость. Кроме того, он заключил новые союзы с королем Дании Эриком и графом Гердтом Голштинским. А Сковенберг получал ежегодное жалование графа Гердта: шестьсот марок пеннингов каждый год — немногим менее двухсот марок чистым серебром, настолько хорошая в то время была монета. По этим связям короля Магнуса с чужеземными государями видно: чужестранцы были у него весьма в чести. А шведы из-за этого оказались в пренебрежении: потому и вспыхнуло восстание.

Затем король Магнус заключил новый союз с королем Дании Эриком — еще более крепкий, чем предыдущий. И была совершена помолвка между юнкером Биргером, сыном короля, и девицей Маретой, дочерью короля Эрика, в то время еще весьма юного. А когда упомянутого короля Эрика убили, девицу Марету привезли в Швецию и воспитывали там, покуда она не достигла совершеннолетия. А когда была заключена помолвка между юнкером Биргером и девицей Маретой, шел год от Рождества Христова тысяча двести восемьдесят второй. А за год до этого члены риксрода пообещали королю Магнусу, что после его смерти изберут означенного юнкера Биргера королем; и это обещание было скреплено грамотами с печатями. Теперь король Магнус добился, что в стране установился прочный мир. Поэтому он устроил в Стокгольме пышные торжества. На них он посвятил в рыцари своего сына, юнкера Биргера, ранее провозглашенного наследником престола. А означенный юнкер Биргер посвятил в рыцари герцога Альбрехта Брауншвейгского и еще сорок человек. Во время этих торжеств король Магнус основал на Нормальме монастырь святой Клары³³³ и отдал в него свою дочь Рикицу. И еще много монастырей основал он в Шведском королевстве. Основал монастырь Серых братьев в Стокгольме, на острове, который тогда назывался Кидьяшер³³⁴. Основал и монастырь Серых братьев в Арбуге, также и в Линчёпинге; и создал еще много того, что, по его мнению, весьма преумножало службу Богу.

Известно, что в прошлом было много могущественных государей и других влиятельных людей, которые немало радели, чтобы свершалась служба Богу, и многим ради этого пожертвовали; да

простит их Бог за то, что они неизменно наносили урон истинному богослужению. А за усердие Бог их благословил, и все у них складывалось удачно: чем больше они жертвовали, тем больше возрастало их богатство; и в начинаниях им сопутствовал успех. А с теми, кто, не имея скромности, хочет загрести себе все, что можно, Бог поступает следующим образом: как те, кто дает, от того не беднеют, так и те, кто недостойно стяжает, от того не богатеют. Скромность подобает и тем, кто дает, и тем, кто берет.

В тысяча двести восемьдесят четвертом году от Рождества Христова король Магнус начал создавать в Швеции разумные постановления и указы; он ввел особые законы, которые приводит в своей книге законов король Биргер³³⁵. Согласно одному из них, бонды не были обязаны предоставлять проезжим людям пищу без денежного возмещения. Таким образом, и люди из королевской свиты, и все остальные должны были платить деньги за постой. И король следил за этим так строго, что никто не осмеливался чинить бондам насилие или отбирать у них что-либо, не заплатив. Потому-то народ и прозвал короля — «Амбарный Замок». Он приказал крестьянам запираť амбары на засов, чтобы туда не забредала скотина. Но сам он, король, пожелал стеречь крестьянские амбары от тех, кто творит насилие, он пожелал повесить на амбары такой замок, чтобы никто не посмел туда войти, не спросив разрешения у крестьянина.

И в этом отношении он проявил себя праведным королем. Ведь обязанность властей состоит в том, чтобы защищать подданных от насилия и произвола; именно поэтому власти взимают с подданных налоги и повинности. За налоги, которые бонд платит королю, бонду следует обеспечить законность и правосудие. На том же основании, на каком король требует с бонда налоги, бонд может требовать от короля законности и правосудия. Король Магнус это хорошо понимал: потому-то он и создал такой закон: если кто останавливается у бонда на постой, пусть расплатится с ним за еду. И это имя — «Амбарный Замок» — почетное: от него королю Магнусу больше чести и хвалы, чем если бы его называли римским цесарем. Воистину, мало кто в этом мире заслужил прозвище «Амбарный Замок»; во все времена было куда больше Амбарных воров³³⁶.

Наведя в стране порядок, король Магнус добился, чтобы его старший сын, юнкер Биргер, был объявлен королем — его преемником, и чтобы следующий по старшинству сын стал герцогом; ведь должность герцога существовала в Швеции издревле. В год от Рождества Христова тысяча двести восемьдесят пятый король Магнус выдал замуж Рикицу, дочь своего брата, короля Вальде-

мара. Она вышла за польского герцога по имени Примульц³³⁷. Другую же племянницу короля, Марину, взял в жены государь Дехольта по имени Рудольф³³⁸. В год Господень 1286 герцог Бенгт стал епископом Линчёпингским.

Итак, король Вальдемар, как говорилось выше, окончательно отрекся от власти над Швецией. Теперь он поочередно пребывал то в Дании, то в Швеции. Но где бы ни находился — всюду шла о нем дурная молва: он распутничал, общаясь с падшими женщинами. Об этом откровенно говорилось в грамоте риксрода, которую скрепил печатью и герцог Бенгт. Нередко король Вальдемар устраивал беспорядки, бунтуя против короля Магнуса; в связи с этим его часто призывали, чтобы он вел себя как порядочный человек. Его даже отлучили от церкви; но он все равно не исправился: продолжал безобразничать и распутничать, к возмущению народа. Поэтому брат короля Вальдемара, герцог Бенгт, и несколько членов риксрода посоветовали королю Магнусу схватить его и посадить под стражу, но содержать достойно, обращаться с почтением; и они подтвердили грамотой, что дали такой совет. Посему король Магнус повелел схватить короля Вальдемара и посадил его под стражу в Нючёпингском замке, в год от Рождества Христова тысяча двести восемьдесят восьмой.

В то время в Вестеръётланде жил рыцарь по имени герр Альгут: он приходился отцом Брюньольфу, епископу Скарскому. Было у него и много других сыновей: один из них, герр Фольке, умыкнул дочь герра Свантеполка, девицу Ингрид, и бежал с ней в Норвегию³³⁹. А эта девица была помолвлена с датским рыцарем по имени герр Давид Торстенссон. Вскоре после этого герра Альгута схватили, а с ним и герра Рёрика, его сына. Остальные же его сыновья — герр Педер, канцлер, герр Бенгт и герр Карл, в свою очередь, бежали в Норвегию. Состояли ли они в сговоре с герром Фольке, или же сами предприняли что-то против короля — не ясно. У епископа Брюньольфа из-за отца и братьев тоже ухудшились отношения с королем. Епископу пришлось торжественно присягнуть, что он не будет оказывать помощь братьям, бежавшим из страны; кроме того, он поручился за отца, чтобы вызволить его из-под стражи.

В тот же год вспыхнули раздоры между бондами Готланда и бюргерами Висбю; дело дошло до вооруженного столкновения³⁴⁰. Но король Магнус пресек эти беспорядки и наказал обе стороны штрафами. Бонды уплатили королю тысячу марок пеннингов и сто марок чистого серебра. А бюргеры уплатили двести марок чистого серебра и пятьсот марок пеннингов за то, что обнесли город стеной, не спросив дозволения у короля. И обе стороны, каждая под

угрозой штрафа в десять тысяч марок серебром, обязались, что не будут признавать над собой власть какого-либо государя, кроме шведского короля. А в год Господень 1289 умер архиепископ Магнус.

Король Магнус, чувствуя, что близится смертный час, собрал членов риксрода и призвал жить в мире, согласии и любви. У него было три сына: Биргер — тот самый, который был избран королем, Эрик и Вальдемар³⁴¹. Все они еще были слишком молоды, чтобы править. Поэтому король назначил достойного рыцаря по имени герр Торгильс Кнутссон опекуном своих детей и регентом Шведского королевства³⁴², покуда король Биргер не достигнет совершеннолетия. И сделав все распоряжения, король умер в год Господень 1290. Местом своего захоронения он избрал стокгольмский монастырь Серых братьев³⁴³. Посему бонды перенесли его тело из Висингсё, где он умер, в Стокгольм, где его похоронили.

После смерти короля Магнуса марск герр Торгильс стал править Швецией от имени короля Биргера. И покуда власть находилась в его руках, все в стране обстояло благополучно: марск был человек мудрый, рассудительный³⁴⁴. Королю Вальдемару, который все еще был жив, он обеспечил условия, еще лучшие, чем прежде: с ним во всех отношениях обращались так, как надлежит обращаться с королем. Но из Нючёпингского замка его не выпускали: все боялись, что он поднимет мятеж против правящего короля, как он уже неоднократно делал раньше в нарушение своих обещаний. Также и юнкер Эрик, сын короля Вальдемара, был схвачен и заключен под стражу в Стокгольмском замке, чтобы и он не устроил в Швеции какую-нибудь распрю. По всей видимости, он и умер в заключении; но содержали его достойно, как подобает.

Что ж: если этот юнкер Эрик действительно был каким-то образом уличен в том, что замышлял мятеж, тогда не мудрено, что ему пришлось томиться в заключении. Но если его ни в чем не уличили, а обрекли на вечное заключение только из-за подозрений и опасений, что он захочет что-то предпринять, то пусть всякий разумный человек рассудит сам, справедливо с ним обошлись или нет. Карать, наказывать власти должны в том случае, если совершено преступление. А если нет преступления — не должно быть и наказания. Бог повелел властям карать за содеянное, а не за то, что может быть содеяно: с мыслей пошлину не берут. Но если злой умысел выходит наружу, оборачиваясь словами или деяниями, и тому имеются доказательства — за такое незамедлительно надлежит наказывать. Тот, кто вооружен мечом, не должен кого бы то ни было наказывать, покуда нет веских оснований и доказательств: он полномочен наказывать в той степени, какую определяют здра-

вый смысл и доказательства вины. А за все тайное судит Бог; если Он хочет, чтобы за тайные проступки в законном порядке наказывали власти, то Он делает тайное явным. А если бы подозрения были достаточным основанием, чтобы, например, посадить в тюрьму, то никому на свете не жилось бы спокойно: всегда полным-полно клеветников и ябедников, которые наговорят на человека, наведя на него подозрения.

Посему тот, кому вверен меч, должен в такого рода делах вести себя разумно, не посягая на то, что ему не поручено, а находиться всецело во власти Бога. Иначе будут то и дело страдать невиновые — а за это Бог карает государей. Достаточно, если власти ведут тем, что явно; нет нужды, чтоб они утруждали себя тем, что тайно, тем, что в ведении самого Бога, откуда доказательства не сделали тайное явным. И даже если кто-то — преступник, покарать его власти должны, только если преступление доказано. Лучше оставить преступника ненаказанным, чем наказать невинового; нужно взять за правило: чем бить, лучше пособить³⁴⁵. Все это да послужит небольшим наставлением тем, кто наделен властью. А все-таки весьма вероятно, что этот юнкер Эрик вместе с отцом был уличен в заговоре с целью поднять восстание, иначе было бы слишком жестоко обречь его на пожизненное заключение.

В год Господень 1291 Шведское королевство посетило тяжкое бедствие: бушевала чума. Тогда умерли архиепископ Иоханнес, линчёпингский епископ Бенгт и стренгнесский епископ Анунд, что построил кафедральный собор и освятил его; после освящения, в тот же день, собор сгорел. В тот же год умерли векшенский епископ Боно, герр Амунд Карлссон, герр Густав Тувасон³⁴⁶ и множество других свободнорожденных мужчин и женщин; умерло и весьма много клириков. В тот же год вода в реке Мутала несколько дней стояла без движения³⁴⁷; то же произошло и со многими другими реками.

В год от рождества Христова тысяча двести девяносто третий марск герр Торгильс, что правил страной, собрал большое войско и послал в Карелию, поскольку карелы постоянно чинили ущерб Тавастланду и Финляндии. Теперь же шведы одолели и подчинили себе карел и основали Выборг³⁴⁸, чтобы усмирять карел и русских; руководили этой деятельностью прежде всего марск и вестеросский епископ Педер³⁴⁹; и тогда карелы обратились в веру Христову. Тогда же шведы отвоевали у русских Кексхольм³⁵⁰. Но вскоре русские вернули себе замок. Подчас овладеть замком или крепостью не так уж сложно; труднее их удержать. В тот же год умер король Вальдемар. В год Господень 1298 король Биргер справил свадьбу с девицей Мэретой, которая после смерти отца, короля

Дании Эрика, воспитывалась в Швеции. И свадьбу справили с надлежащей пышностью: с турнирами, где бились так, что треск стоял. И тогда брат короля — герцог Эрик, и с ним еще множество людей были посвящены в рыцари. А король Биргер дал своей супруге в утренний дар³⁵¹ город Энчёпинг и область Фьедрундаланд, и свою усадьбу Хусабу Трёгд.

Когда окончилась свадьба, снарядили множество кораблей и отправили большое войско в Карелию и на Русь. И шведы построили на берегу Невы замок под названием Ландскруна³⁵², и нанесли русским большой урон в Ингрии и других тамошних краях. Укрепив Ландскруну, разместив там вооруженный отряд и снабдив замок продовольствием и вообще всем необходимым, шведы вернулись на родину. Но поскольку стены были свежестроенными, в замке испортились продукты, и люди стали умирать от цинги. Тогда русские одолели шведов, захватили и разрушили замок³⁵³. А откуда происходили описанные события в Карелии и на Руси, прошло немало времени: когда шведы вернулись из похода, королева уже родила первенца — юнкера Магнуса.

Немногим ранее король Биргер улучшил Упландское законоуложение, сделав его намного совершеннее: из всех ранее созданных законов он отобрал и свел воедино лучшие; получилась книга законов, которые по сей день называют законами короля Биргера³⁵⁴. Здесь следует пояснить, что вплоть до правления упомянутого короля Биргера в Швеции торговали рабами³⁵⁵. Если у кого-то имелся раб, его можно было продать кому угодно — как лошадь или другую скотину: это хорошо видно из древних сборников законов. За сильного, здорового раба, как правило, давали две марки чистым серебром или другое имущество той же стоимости; об этом ясно сказано в книге законов Эстерьётланда³⁵⁶. Но король Биргер запретил продавать и покупать людей: ведь Христос выкупил всех христиан³⁵⁷; поэтому христиан нельзя ни продавать, ни покупать. И этот запрет король Биргер внес в свою книгу законов.

Когда шел год от рождества Христова тысяча триста второй, король Биргер и его супруга королева Мэрега были коронованы в Сёдерчёпинге. Тогда же герцог Вальдемар, брат короля, был посвящен в рыцари; состоялась и его свадьба с девицей Кристиной, дочерью герра Торгильса Кнутссона. Но этот брак был впоследствии расторгнут по причине духовного родства, о чем пойдет речь ниже³⁵⁸. И во время этих торжеств пришло письмо из Норвегии от короля Хакона: герцога Эрика приглашали приехать в Осло, чтобы встретить с королем Хаконом рождество: предполагалось, что герцог Эрик женится на дочери этого короля. И герцог в сопровождении многих шведских рыцарей отправился гостить у короля

Хакона; гости встретили радушный прием. Тогда же, несомненно, состоялись какие-то переговоры о браке между герцогом и дочерью короля. Но, по всей вероятности, стороны не пришли к какому-либо решению: это хорошо видно из событий, произошедших позже. А в Швеции повсюду царил добрый мир. Покуда король Биргер и его братья жили в согласии, все в стране обстояло благополучно.

В год Господень 1303 марск герр Торгильс сыграл в Стокгольме свадьбу с дочерью графа Равенсборгского³⁵⁹; первая жена марска к тому времени умерла. А когда окончилась свадьба, герр Торгильс заявил королю и его братьям, что хочет отдохнуть от тягот и невзгод, которые ему так долго пришлось переносить: ведь целых тринадцать лет он управлял королевством и являлся опекуном всех троих братьев; теперь же он достиг преклонных лет и хочет отойти на покой. Но он, мол, готов в любое время, когда ему будет предписано, нести службу.

Однако определенного ответа марск не получил. Ему только сообщили: поскольку герцог Эрик и герцог Вальдемар достигли совершеннолетия, то они желают получить долю отцовского наследства, а также положенные им земли и лены в Шведском королевстве. И они взяли себе в опекуны герра Абьёрна, занимавшего должность дротса; а марск, как и ранее, остался при короле. Но поскольку опекунов стало двое, то возникли разногласия: каждая из сторон искала выгоды для себя. И король начал вводить в стране множество новых налогов, что легли тяжким бременем на плечи простых людей. И некоторые полагают, что за всем этим стоял марск, поскольку хотел, чтобы король был богат и могуществен. Некоторые же считают, что марск, вступив во второй брак, захотел большей роскоши, нежели прежде; а расплачиваться за все пришлось простым людям. Но как было на самом деле — сказать нельзя. Ясно одно: марск все время радел о благе короля; ради короля он и стал человеком, которого возненавидели.

Ко всему прочему, началась вражда между королем и клириками: король требовал от церквей и монастырей налоги и вспоможения и собрался было схватить архиепископа и епископов, которые ему воспротивились. А несколько ранее Педер, епископ Вестеросский, был изгнан из Швеции; умер он в Трондхейме³⁶⁰. Кроме того, король дал приказ по всем трем фолькландам³⁶¹, чтобы уппсальское духовенство не взимало долю десятины, предназначенную для бедноты. Этот запрет действовал шесть лет; затем он был отменен, в соответствии с теми привилегиями, которые король Эрик Шепелявый, король Вальдемар, герцог Ульф и герцог Биргер пожаловали духовенству относительно указанной десятины. В тот же год, когда была сыграна свадьба марска, юнкер Магнус,

сын короля Биргера, был избран королем обоими герцогами, всеми епископами, всем риксродом и прочей знатью Швеции. Было провозглашено, что после смерти отца он станет править в качестве государя; и это постановление скрепили клятвами и грамотами. Марск дал особое обязательство: помогать королю Биргеру, его супруге и детям; в свою очередь, король пообещал марску много благ.

В год от рождества Христова тысяча триста четвертый вспыхнула ссора между королем и его братьями — герцогами Эриком и Вальдемаром. Ссора оказалась крайне пагубной для страны: ничего подобного в Швеции ранее не случалось. Все началось в год, когда герр Торгильс устроил званый пир на Аранэсе; на этот пир он пригласил короля и обоих его братьев. Когда пир закончился и все разъезжались по домам, король ехал бок о бок с обоими братьями. И король известил их: ему, мол, донесли, что они хотят уехать из страны и поднять против него восстание. Если они вправду такое замыслили, то пусть они надлежащим образом предупредят его. А если они хотят жить с ним в мире, то пусть они немедленно подтвердят это грамотой, черновик которой он заранее подготовил.

Речь короля привела герцогов в смущение: они толком не знали, что предпринять. Но ничего не оставалось делать, как выдать королю требуемую грамоту. В ней они обещали, что не выедут за пределы страны без ведома и дозволения короля. Также они пообещали, что будут являться к королю, только если он их пригласит; притом, когда они являются, их свита должна быть не большей, чем им предпишет король. И, наконец, они обязались, что не будут ни письменно, ни устно, ни в Швеции, ни за ее пределами вступать в заговор против короля, а напротив, во всех отношениях останутся верны ему, его супруге и его детям. Грамота была создана в Аранэсе³⁶², в день святой Вальпургии³⁶³, в год Господень 1304. И в этой грамоте Эрик именует себя герцогом Швеции, а Вальдемар — герцогом Финляндии. После того как была изготовлена грамота, они расстались; король поехал в Висингсё, а герцоги — в Ракабю³⁶⁴.

С вышеописанного происшествия началась вражда между королем Биргером и его братьями. Были они как-то замешаны в том, в чем он их обвинил, или же то были одни лишь подозрения, опасения, что они поступят с ним, как его отец со своим братом — то ведает Бог. Король первым пошел на открытую ссору; а вот были у герцогов какой-то тайный заговор против него — неизвестно. Через несколько дней король вызвал герцогов к себе в Висингсё: пусть, мол, они явятся и ответят на обвинения, которые он им предъявит. Они не очень-то поверили охранной грамоте, которую

он им выдал и хотели поостеречься и не ехать. И все-таки герцог Эрик с несколькими служилыми людьми явился к королю.

Прием был отнюдь не радушным: король огласил несколько обвинений, предъявляемых герцогу³⁶⁵. Первое: герцог-де отправлял за границу съестные припасы вопреки запрету, наложенному королем. Второе: герцог, мол, с оружием в руках разъезжал по стране вместе с недругами короля и творил неимоверный произвол. Третье: один из слуг герцога ударил королевского стражника за то, что тот отказался впустить этого слугу. Четвертое: герцог позволял себе чрезмерную пышность, слишком много упражнял своих служилых людей в турнирных поединках — вследствие этого королевский двор был ничто в сравнении с его двором.

Конечно же, то, о чем говорилось в четвертом обвинении, и было истинной причиной недовольства короля. Ведь герцог Эрик был жизнерадостным, приятным человеком: поэтому его все любили. А поскольку он то и дело устраивал упражнения и турниры, многие, и притом лучшие, с радостью служили ему, и это оскорбляло короля. Так часто бывает меж государями: один ревнует к доброй славе другого; возникает зависть. Неизвестно, что ответил герцог; во всяком случае, расстались они заклятыми врагами. И король объявил герцогам, что намерен наносить им урон, где бы ни пересеклись их пути.

Тогда им осталось одно: покинуть страну и обратиться за помощью к королю Эрику — мужу их сестры, в надежде, что он выступит посредником и примирит их с королем. Но чаяния не сбылись; король Эрик больше благоволил королю Биргеру, чем герцогам, ведь оба короля были женаты на сестрах друг друга. Едва герцоги покинули страну, король забрал себе все их владения, забрал Нючёпингский замок, которым управлял герцог Эрик, и изъял все имущество герцогов. Оба короля встретились для переговоров в Фаградале³⁶⁶. Герцоги же, узнав, что итог этих переговоров не сулит им ничего хорошего, уехали из Дании в Норвегию к королю Хакону, которому и пожаловались на свои беды. Он хорошо их принял, обещал поддержку, сказал, что поможет вернуть отобранные владения. И пожаловал им в лен замок и город Кунгелле, что находится неподалеку от Лёдесе³⁶⁷.

Король Биргер, узнав об этом, стал опасаться, что герцоги совершат нападение на Вестеръетланд. Поэтому он повелел построить замок на Гульдбергской пустоши³⁶⁸. Но это не помогло: у герцогов имелись искусные конные воины, которые раз за разом чинили ущерб в Вестеръетланде и захватили в плен тамошнего лагмана — герра Бенгта, и сожгли Лёдёсский замок. Кроме того, герцоги захватили область Даль и построили там крепость, что по-

лучила название Далаборг³⁶⁹. Король Биргер, узнав об этом, послал большое войско, в том числе восемь рыцарей, в Даль, чтобы прогнать оттуда герцогов и захватить построенный замок. Вступив в Даль, королевские воины немедленно направились к Агнабру³⁷⁰, разрушили мост и расположились там так, чтобы герцоги не смогли проникнуть в Даль из Норвегии. Герцог Эрик, узнав, что люди короля разрушили Агнабру, назначил предводителем своих воинов верного человека — Матса Кетильмундсона и приказал этим воинам ночью переправиться через реку на лошадях вплавь. И хотя это была опасная затея, все они верхом добрались до другого берега — за исключением одного воина, который утонул. Переправившись, они напали на людей короля, которые, не предвидя никакой опасности, спали глубоким сном. И много королевских воинов было убито либо захвачено в плен; были взяты в плен и восемь рыцарей, что находились в рядах этого войска.

Тогда король Биргер собрал войско в добрых десять тысяч человек и сам повел в поход, чтобы осадить Далаборг. Но и герцоги со своими воинами были уже наготове; к тому же король Хакон послал им в подкрепление большой отряд. Когда оба войска сошлись совсем близко, достойные люди стали пытаться их примирить. Дело кончилось миром; было постановлено, что король Биргер явит герцогам дружбу, вернет им владения, и весь взаимный ущерб будет прощен. И хотя герцог Эрик получил назад все свои владения в Швеции, все же короля Хакона вполне устроило, чтобы за ним осталась еще и Кунгелле. А герцогу Эрику было мало того, что за ним сохранилась Кунгелле; он пожелал заполучить еще и Варберг³⁷¹. Вышло так, что король Хакон выкупил этот замок у графа Якоба за толику денег; и как только король заполучил Варберг, он пожаловал его герцогу вместе с половиной Халланда. И достаточно очевидно, что власть короля Дании в то время не распространялась на Халланд. Ведь если бы эта область принадлежала датской короне, то король Дании не позволил бы норвежскому королю выкупить ее.

В год Господень 1305, в день святого Сигфрида³⁷², герцог Эрик и герцог Вальдемар заключили мир со своим братом — королем Биргером. В тот же год умер архиепископ Нильс; на его место в сан архиепископа был возведен Нильс, епископ Вестеросский. Поскольку король теперь помирился со своими братьями, вся ненависть обратилась против марска — герра Торгильса Кнутссона. Его обвинили в том, что он, дескать, строил много козней герцогам и многое делал без дозволения короля. Марск, приведя основательные доводы, отвел эти обвинения. Но доводы не были приняты во внимание: герцоги ненавидели марска за поддержку, кото-

рую он оказал королю, и хотели от марска избавиться. Они хорошо понимали: если марска не станет, им будет легче осуществить то, что они замыслили против короля.

По-видимому, и сам король свалил всю вину на марска. Поэтому он повелел схватить упомянутого герра Торгильса в Лене³⁷³ в Вестеръётланде и отвезти в Стокгольм. Там марска бросили в темницу; случилось это незадолго до Рождества. Тогда же был расторгнут брак между герцогом Вальдемаром и дочерью марска. Поводом послужило духовное родство между супругами: герр Торгильс являлся крестным отцом герцога Вальдемара³⁷⁴. Однако это родство не служило помехой, когда заключался этот брак. И теперь бы оно точно так же не мешало, если бы не случился раздор. Не мог марск быть настолько беспамятен, чтобы, выдавая за герцога свою дочь, начисто забыть, что является крестным отцом жениха. Но так уж повелось: коль впал в немилость, то кругом виноват.

В начале великого поста, в год Господень 1306, герру Торгильсу отрубили голову на Сёдермальме³⁷⁵. Там его и похоронили: король был настолько на него разгневан, что не желал схоронить его в освященной земле. Лишь перед самой Троицей, по просьбе многих достойных людей, марска перезахоронили в стокгольмском монастыре Серых братьев³⁷⁶. Неизвестно, имелись ли какие-то другие причины для казни, кроме тех, что здесь перечислены. В завещании, которое сохранилось до наших дней, марск признался в некоем прегрешении против короля. Но поразительно, как быстро оказалось забыто все добро, которое он совершил: ведь он так долго был опекуном всех троих братьев и обращался с ними, как родной отец. Да и всей стране не видать бы стольких благ, если бы не марск, который так хорошо ею правил. Но так уж заведено: добрые дела быстро предаются забвению. Один-единственный проступок может заслонить тысячу благодеяний. Эти три брата придали такое значение небольшой провинности, что забыли, с какой отеческой любовью к ним относился марск. Увы, на службе государю это обычное дело: кто лучше всех служит, того хуже всех награждают. Так случилось и с упомянутым герром Торгильсом. Но король Биргер и его братья заплатили за эту неблагодарность дорогую цену.

В тот же год — от рождества Христова тысяча триста шестой, незадолго до дня святого Михаила, герцоги справляли в Бьельбу свадьбу нескольких своих служилых людей. Празднества были пышные; пошел слух, что на них собрались все служилые люди герцогов. А на самом деле герцоги скрытно отослали своих людей в Хундхаммар³⁷⁷, затем сами тайно прибыли туда же и, раздобыв

нужное число лодок, отправились вплавь по Меларену. Вскоре они прибыли в Хотуну³⁷⁸, в королевскую усадьбу, где пребывал сам король с супругой и детьми. Они явились в день святого Михаила³⁷⁹; король сидел за обеденным столом. Герцогов радушно принимали, отвели им дом, где они с прислугой могли находиться. Но вечером они тайно вооружились и, внезапно напав, захватили короля Биргера, его супругу и детей. В плен был взят и Нильс, епископ Вестеросский, а также более двадцати рыцарей и фрельсисманов. Но один из служилых людей короля, по имени Арвид Смоландец, увидев, какая грозит опасность, взял юнкера Магнуса, старшего сына короля, бежал с ним прочь, нес его на своих плечах до самой Дании и со слезами на глазах передал на руки тамошнему королю.

Король Биргер, попав в плен, отрекся от власти в пользу герцога Эрика; к концу года уже все замки и крепости находились под управлением герцога. Немедленно перешел под его власть и Стокгольм. Однако Стокгольмский замок достался ему не сразу; Матсу Кеттильмундсону³⁸⁰ пришлось взять его в осаду, и в конце концов замок также перешел под власть герцога. Короля же отвезли в Нючепинг: там, в замке, его заключили под стражу; но и ему, и королеве обеспечили достойное содержание. Король Дании Эрик, узнав о том, что произошло, собрал все войска, какие мог, и поспешил на помощь королю Биргеру. Герцоги, упредив его, вышли ему навстречу в Богасунде³⁸¹; но до сражения на сей раз дело не дошло.

Герцог Вальдемар направился в Германию — якобы для того, чтобы совершить паломничество. На самом же деле благочестивый паломник собрал и принял на службу восемьсот немецких конных воинов³⁸². И когда эта немецкая конница прибыла в Швецию, герцоги вторглись в Сконе и стали там бесчинствовать, предавая край пожарам и убивая людей. Однажды во время этого похода они стремительно приблизились к Эднаюнг, где брат короля Эрика расположился с сотней всадников. Герцоги взяли его в плен вместе с его воинами. И весь край они опустошили дочиства, чтобы королю Эрику, когда он явится туда со своим войском, неоткуда было взять пропитание. Да и Халланд с Вестеръетландом вследствие этого похода оказались так разорены, что там почти ничего не осталось: немецкая конница, нанятая герцогами, не щадила ни врагов, ни друзей. А когда немцы осаждали какой-нибудь город, они непременно наносили огромный урон бондам округи. Особенную жестокость немцы проявили в окрестностях Сёдерчёпинга: истребили множество бондов за то, что бонды убили нескольких немцев, которые намеревались их ограбить. И жизни в тех краях просто не стало: чужеземцы творили, что хотели, и никто их не наказывал.

В конце концов из Дании прибыл король Эрик с большим войском. Герцоги со своими воинами встретили его близ Юнгебю³⁸³. Но до сражения дело не дошло; было заключено перемирие, и стороны договорились, что король Биргер будет отпущен на свободу и получит часть королевства. И имеются грамоты, свидетельствующие, что король Эрик примирил короля Биргера и его братьев; произошло это в год от рождества Христова тысяча триста седьмой. После того как стороны договорились, что короля Биргера отпустят на волю, король Эрик со своим войском отправился домой. А в Вестергётланде все было дочиста разорено и разрушено.

Через некоторое время герцоги собрали в Эребру весь риксрод; произошло это в тысяча триста восьмом году, незадолго до Пасхи. Там было обсуждено, на каких условиях король Биргер будет выпущен на свободу и какие он должен принять обязательства. И он согласился принять все условия и обязательства, которые от него требовали, и скрепил свои обещания торжественными клятвами. Поклялся на святынях, что все будет прощено, что он никогда ни тайно ни явно не будет чинить герцогам козней и что он удовлетворен той частью королевства, которая ему присуждена. И все статьи, приведенные в договоре о примирении, он утвердил, пригнул на святынях и принеся страшные клятвы.

Но обещаний своих он не сдержал. Так обычно и бывает: чем торжественнее клятвы и обязательства, скрепленные грамотами и печатями, тем хуже они выполняются. Ведь если тот, кто берет на себя обязательство — честный, порядочный человек, то он сделает то, что обещал, даже если не скреплял обещание клятвой или грамотой. А если он нечестен — мало проку от грамот, печатей и торжественных клятв. Едва лишь найдется предлог — все равно, какой — подобный человек воспользуется случаем и скажет, что не обязан выполнять свое обещание. Врожденная честь и порядочность человека больше способствуют исполнению обещаний, нежели множество клятв, грамот и печатей. И чем больше клятв и обязательств требуют от человека, тем меньше, стало быть, ему верят. Ведь если бы ему полностью доверяли, то не требовали бы столько клятв. А коли человек не верит другому, то не удивительно, что и ему самому не верят. В старину были вера и честь, а грамот и клятв было мало. Но со временем веры и чести стало меньше, а клятв, грамот, печатей — больше. И следует уразуметь: чем более торжественны клятвы и обязательства, тем пуще старается дьявол, чтобы они были нарушены; великие клятвы дают ему возможность строить свои козни.

Король Биргер, скрепив клятвами и печатями все обязательства, которые от него требовались, был отпущен на свободу; и

герцоги вместе с риксродом вновь принесли ему клятву верности. Но король недолго выполнял свои обязательства. Когда наступило лето, он отправился на Готланд, а оттуда — в Данию, и там его хорошо принял король Эрик и пообещал оказать помощь, чтобы король Биргер вновь безраздельно властвовал на Шведском королевством. Через некоторое время после того, как герцог Эрик вернул себе свои полномочия, у него вспыхнула ссора с королем Норвегии Хаконом, поскольку король захотел вернуть себе Варберг, который ранее по-дружески, оказав помощь в нужде, пожаловал герцогу. Но кроткий герцог Эрик (так его величают в одной хронике³⁸⁴) не хотел расставаться с тем, что некогда заполучил.

Тогда король Дании Эрик, пользуясь случаем, договорился с королем Хаконом, что юнкер Магнус, сын короля Биргера, получит в жены девицу Ингеборг, дочь упомянутого короля Хакона, к которой уже давно сватался герцог Эрик. Король Хакон пообещал свою дочь юнкеру Магнусу и в приданое назначил шесть тысяч марок чистым серебром. Когда это произошло, шел тысяча триста девятый год от рождения Христова; уговор был скреплен надежной грамотой. А немного погодя герцог Эрик стал вовсе стараться, чтобы помочь королю Биргеру вернуть власть над Швецией. Король Эрик собрал огромное множество воинов — и из Германии, и из других стран; всего, как сказано в Датской хронике, его войско насчитывало шестьдесят с лишним тысяч человек. С этим войском король Эрик и король Биргер выступили в поход; с ними вместе выступили герцог Мекленбургский и добрая сотня рыцарей. Поскольку это войско было такое мощное, герцоги Эрик и Вальдемар не решились с ним сражаться, а устроили так, чтобы там, где проходило войско, не было съестных припасов. А если кто-то покидал расположение войска, чтобы раздобыть все необходимое — таких людей противники убивали. Из-за этого воинам королей пришлось очень туго. Но это их не остановило: они дошли до Хулаведа³⁸⁵; там им собирались дать отпор герцоги. Тут под герром Матсом, что нес знамя, упала лошадь; из-за этого сломалось древко знамени. Воины, увидев это, пришли в ужас и обратились в бегство.

Тогда герцоги решили разделить свои силы; герцог Эрик направился в Кальмар, а герцог Вальдемар — в Стокгольм. А короли подошли с войском к Нючёпингу и осадили тамошний замок. Но те, кто находился в замке, мужественно защищались. Когда герцог Эрик явился в Кальмар, туда прибыли два больших корабля с немецкими конными ратниками; они предложили герцогу свои услуги. Герцог принял их на службу, тотчас направился с этим войском к Иенчёпингу, пошел на штурм тамошнего королевского замка, овладел этим замком и предал его огню; в числе прочих убитых

оказались два королевских рыцаря. Затем герцог Эрик устремился в Вестергётланд, набрал там большое войско и расположился близ Аксвалля³⁸⁶, намереваясь вступить в сражение с королем Эриком, когда тот будет возвращаться из Швеции.

А меж воинами короля, что находились близ Нючёпинга, возникли споры; все датские господа советовали королю Эрику вернуться домой — они, мол, осаждают замок с самого дня святого Михаила вплоть до Рождества, но так и не смогли им овладеть. К тому же, мол, вся округа разорена, поэтому негде добыть пропитание. Датская хроника сообщает, что зачинщики споров заранее получили от герцогов деньги. И вполне вероятно, что датские рыцари, которые начали споры, были больше расположены к шведским герцогам, чем к королю Биргеру, за которого сражались. Плохо, если войско больше желает победы врагам, нежели государю, за которого оно воюет. Если воины служат по доброй воле — от них может быть прок. А от тех, кто воюет по принуждению — жди беды; так было и в этом случае.

Датчане, видя, что король не уступает их требованию, бросили его и вернулись в Данию. Из-за этого король Эрик оказался в опасности: его вполне могли убить или захватить в плен, если бы на подмогу ему не поспешил герцог Мекленбургский со своими немецкими ратниками. Пришлось королю вернуться домой. Несмотря на огромное войско и немалые расходы, король ровным счетом ничего не добился; только разорил края, по которым прошли его воины. Бог обычно так наказывает государей, которые облагают подданных незаконными налогами: эти государи несут бесплодные расходы. Как они обременяли налогами других, так и им самим приходится платить налог — себе в убыток и в разорение. Так получилось с королем Эриком и королем Биргером. Таких примеров предостаточно — в назидание государям, чтобы они могли поучиться. Но, увы, никому до всего этого нет дела. Каждый стремится испытать судьбу и научиться на собственном горьком опыте — хотя куда лучше учиться на чужих ошибках. А из того, что предпринял король Биргер, не могло выйти ничего хорошего, раз он нарушил свои торжественные клятвы. И действительно, он во всем потерпел неудачу.

Когда король Эрик возвращался домой, его встретил герцог Эрик, и, учтиво к нему обратившись, попросил переговорить с королем Биргером — чтобы тот исполнял свои обещания и клятвы. И государи расстались друзьями. А на долю бедных подданных, доведенных до крайней нищеты, остались одни горести и страдания.

Следующим летом, на день Марии Магдалины, в год от рождества Христова тысяча триста десятый герцоги прибыли в Хель-

сингборг. Там посредники — король Эрик с герцогом Мекленбургским и другими государями — уладили дело так, чтобы король Биргер сохранил за собой третью часть королевства, отведенную ему согласно предыдущему мирному договору.

Как уже говорилось выше, между королем Норвегии Хаконем и герцогом Эриком началась ссора. И король Хакон подступил к Кунгелле и некоторое время держал эту крепость в осаде. Но, поняв, что крепость ему не взять, он повелел построить замок Бохус и передал его под управление графа Якоба. После того как это произошло, следующей зимой, герцог Эрик снарядил войско, вторгся в Норвегию, нанес там большой ущерб, захватил город Осло и осадил замок Акерсхус³⁸⁷. А когда трехтысячное войско короля Хакона подошло на помощь осажденным, герцог заставил это войско отступить.

Через некоторое время герцог тяжело заболел и был вынужден вернуться домой. Тогда норвежцы собрались в поход, вторглись в Даль и нанесли там немалый ущерб. Пользуясь тем, что король Эрик находился в Швеции и у герцогов было много других забот, король Хакон снова осадил Кунгелле и овладел этой крепостью. Но герцоги, заключив мир с королем Эриком, послали в Норвегию войско и взяли с бою Кунгелле. В конце концов противники договорились, что король Хакон отдаст за герцога Эрика свою дочь, которую он годом раньше обещал в жены юнкеру Магнусу — сыну короля Биргера. Произошло это следующей зимой после того, как король Биргер в Хельсингборге примирился со своими братьями.

Герцог Эрик, покончив с ратными делами, распустил немецкую конницу, а сам отправился в паломничество в Рим и в другие места. А когда он вернулся домой, король Хакон справил в Осло его свадьбу и свадьбу его брата. Герцог Эрик получил в жены дочь короля — девицу Ингеборг, а герцог Вальдемар — дочь покойного короля Эрика, которую тоже звали Ингеборг; королю Хакону она приходилась племянницей. Было то в год от рождества Христова тысяча триста двенадцатый. И поскольку упомянутые три брата — король Биргер и оба герцога — поделили между собой королевство, и каждый хотел жить на широкую ногу, то в стране было введено много повинностей и налогов, которые вконец разорили крестьян. И из-за таких налогов на Готланде вспыхнуло восстание против короля Биргера: жителей острова возмутило, что король решил ввести налог, превышающий тот, который они обычно платили. За это они однажды даже прогнали короля с острова и убили нескольких его служилых людей. В свою очередь, жители Смоланда избрали себе короля по имени Бугге³⁸⁸, чтобы он избавил их от невероятных притеснений, которые им пришлось испытать. Но

ничего из этого не вышло: королю Биргеру вскоре удалось убить означенного Бугге.

Дурные государи — беда для страны; Бог наказывает ими людей. Посему для подданных лучший способ бороться с такими государями — это честно признать, что они, подданные, заслужили такую участь, и вознести тайно молитву Богу. Ведь Бог сам посылает такую беду; кому же, как не Ему, более всего пристало избавить от нее. И подданные добиваются куда большего, когда просят Бога избавить от напасти, чем когда они сами, вопреки Его заповеди, берутся за меч. Ведь хорошо видно, что происходит, когда подданные сами пытаются изгнать дурных государей: либо их самих казнят, либо они получают еще худшего государя, чем тот, которого изгнали. Если же люди просят Бога, чтобы Он образумил их или убрал их прочь, то все кончается куда лучше: взамен Бог посылает праведных государей. Ибо, как говорит Соломон, сердце царя — в руке Божьей³⁸⁹.

В год Господень 1313 жители Готланда договорились с королем Биргером, что город и остров вместе будут платить королю сто десять марок чистым серебром, и девяносто таких же марок в счет ледунгсламе, то есть в зачет воинской повинности³⁹⁰. Кроме того, готландцы обещали: если найдут на своем острове какое-либо горное месторождение, то из руды, которую добудут, треть будут отдавать королю. В год Господень 1314 риксрод вновь принес королю Биргеру присягу: с того времени как между этим королем и его братьями вспыхнула ссора, было принесено уже много клятв на верность. Из этого с очевидностью следует, что король все время ждал опасности от своих братьев, хотя и примирился с ними. В тот же год умер архиепископ Нильс. И в стране в то время воцарилась неимоверная дороговизна; а на следующий год произошло неслыханно много гроз с громом и молниями. В год Господень 1316 над Рингстадахольмом³⁹¹ шел кроваво-красный дождь³⁹². А вскоре произошло жестокое кровопролитие, о котором мы здесь расскажем. Когда Бог намеревается послать странам и городам какие-то бедствия, то обычно Он сперва посылает некое чудесное знамение, чтобы предупредить людей: если они не исправятся — последует наказание. А на следующий год умер Брюньольф, епископ Скарский³⁹³.

В тот же год³⁹⁴ случилось так, что герцог Вальдемар ехал из Кальмара в Стокгольм. Поскольку путь пролегал через Нючепинг, герцог заехал там в гости к брату — королю Биргеру. Король радушно принял гостя и пригласил приехать еще раз, вместе с герцогом Эриком. Однако герцог Эрик опасался короля и не желал к нему ехать. Но герцог Вальдемар рассказал ему, как хорошо

его приняли: никакой опасности, мол, не предвидится. Поэтому они вместе, откликнувшись на приглашение короля, отправились в Нючепинг. И когда они были уже совсем близко от города, их предупредили, что король замыслил недоброе. Но герцог Вальдемар возмутился: слишком много, мол, тех, кто хочет посеять раздор между герцогами и их братом. Посему герцоги, невзирая на предупреждение, прибыли к королю. Их встретили с распростертыми объятьями. А когда они собирались лечь спать, люди из свиты герцога были устроены на ночлег в городе: герр Юхан Брунке, дротс короля³⁹⁵, подстроил так, что герцоги остались в замке одни.

А ночью, когда герцоги спали глубоким сном, король повелел распахнуть двери и схватить герцогов. И среди сумятицы, которая тогда поднялась, герцог спросил братьев: помнят ли они Хотунскую забаву? Теперь, мол, предстоит забава не лучше. И с тем он бросил их в башню и повелел заковать в кандалы; особенно жестоко обошлись с герцогом Эриком. Затем король повелел схватить людей из свиты герцога, что расположились в городе, и не мешкая, собрался ехать к Стокгольму, которым управляли люди герцога Вальдемара. Но туда уже дошла весть о том, что сотворил король. Поэтому воины, находившиеся в городе, сделали вылазку и прогнали короля прочь; пришлось ему вернуться в Нючепинг.

И тогда союзники герцогов стали готовить восстание против короля. Герр Маттес стал предводителем упландцев, герр Карл — смоландцев, герр Биргер — вестьётов; все они собрались вместе близ Нючепинга. Король, увидев это, запер башню, где томились герцоги, надежными замками и засовами, ключи же выбросил в реку; разместил в замке большой отряд и уехал в Стэкеборг. А Нючепингский замок был взят в плотную осаду. И герцоги, томясь в башне, умерли от голода. Говорят, герцог Эрик прожил без еды всего трое суток, поскольку его зверски били и мучили. А герцог Вальдемар, говорят, прожил без еды и питья одиннадцать суток. И удивительно вышло: король Магнус Амбарный Замок держал под стражей в Нючепинге своего брата — короля Вальдемара, а потом там же томились все три сына короля Магнуса — сперва король Биргер, а затем оба герцога. Воистину, чуден и справедлив суд Божий.

Король Биргер, увидев, сколь много людей восстало против него, послал гонца в Данию к своему сыну — юнкеру Магнусу, чтобы тот пришел на помощь. Означенный Магнус, получив от короля Эрика шестьсот конных воинов, вторгся в Эстерьётланд; там его встретил король Биргер. Близ Шерчинда³⁹⁶ им навстречу вышли воины герцогов. Король потерпел поражение и отступил в Вестерьётланд. Там, близ Карлабю³⁹⁷, собралось множество бон-

дов, чтобы сражаться с ним. Король заключил с ними перемирие на три дня; часть бондов отправилась домой за провизией. Воспользовавшись этим, король, в нарушение перемирия, напал на тех бондов, что остались; множество бондов было убито. Одержав эту победу, король решил, что теперь ему ничто не грозит, поэтому он рассредоточил свое войско по городам Эстерьётланда. Но герр Кнут Порсе, хранивший верность герцогам, внезапно напал на тех воинов, что расположились в Сёдерчёпинге, и взял их в плен. Те датские воины, что находились в Линчёпинге и других городах, услышав о том, что произошло, поспешили назад в Данию. Король Биргер, узнав об этом, бежал со своей королевой на Готланд, а сына, юнкера Магнуса, оставил в Стэкеборге; там его тотчас же осадили воины герцогов. Король попытался прислать ему с Готланда помощь: и войско, и съестные припасы. Но все стало добычей герцогских ратников.

Король подготовил новый поход: собрал все корабли, когги³⁹⁸ и шняки со всем войском, какое только смог собрать; предводителем этого войска стал герр Юхан Брунке. Когда они приблизились к Стэкеборгу, их встретили воины герцогов, сожгли их корабли и одолели их в бою; были взяты в плен герр Юхан Брунке, Ульф Свалебек, Людер Форс и Вальрам Шютте. Всех их отвезли в Стокгольм и заключили под стражу в башне. А через некоторое время члены риксрода собрались вместе и избрали герра Матса Кеттильмундссона регентом Шведского королевства. Он немедленно объехал страну и навел в ней порядок.

А те, кто находился в осаде в Нючёпинге, извлекли из башни мертвые тела герцогов Эрика и Вальдемара, положили на носилки и выставили перед замком, чтобы остудить пыл осаждающих: те увидят, что их господа мертвы, и перестанут за них сражаться. Но затея не удалась: осаждавшие замок, заявили, что будут сражаться ради сына герцога Эрика. С тем они взяли тела герцогов, отвезли в Стокгольм и похоронили в городской церкви. Некоторое время спустя сдался Нючёпингский замок, и его разрушили до основания. Те же, кто защищал Стэкеборг, продержались дольше, ведь в этом замке находился сын короля Биргера. Но в конце концов и им пришлось сдать замок. Условие было строгим: юнкер Магнус должен покинуть замок в качестве пленника. Всем же остальным было разрешено уйти из замка и забрать имущество. И Стэкеборг, как и еще несколько замков, что находились под властью короля Биргера, был разрушен до основания. А юнкера Магнуса отправили в Стокгольм и заточили в темницу. А поскольку датчане помогали королю Биргеру, когда он, как описано выше, умертвил стольких бондов в Вестерьётланде, то герр Матс, регент

Швеции, собрал все войска, какие только мог, и вторгся в Сконе. И камня на камне не оставил в этой области и привел в Швецию три сотни пленных, среди которых находилось много рыцарей и младших членов рыцарского сословия. Затем герр Матс созвал всех лучших людей королевства в Стокгольм; тогда герра Юхана Брунке, Ульфа Свалебека, Людера Фоса и Вальрама Шютте приговорили к колесованию, и все эти люди окончили жизнь на колесе. И есть старинное преданье, что холм Брункеберг назван так потому, что на нем колесовали герра Юхана Брунке.

Когда король Биргер, который все еще находился на Готланде, узнал, что герра Юхана и других, кто с ним был, подвергли колесованию и что шведы готовятся выступить против него в поход, чтобы расправиться с ним, он бежал в Данию. Король Эрик к тому времени умер, и королем Дании стал его брат Кристофер³⁹⁹. И этот король Кристофер относился к королю Биргеру и королеве Мерете совсем не так дружелюбно, как когда-то относился король Эрик. Король Кристофер говорил, что королева Мерета, сестра короля Биргера, всегда плохо с ним, Кристофером, обращалась. Все же он помог им в нужде, пожаловал им в лен усадьбу, именуемую Спикеберг, и два херада, относящиеся к этой усадьбе. А шведы тем временем захватили Готланд.

И в год от рождества Христова тысяча триста двадцатый, в день одиннадцати тысяч девственниц⁴⁰⁰, в Стокгольме состоялся херредаг; и юнкера Магнуса, сына короля Биргера, вывели из темницы; и было сообща принято решение, что он должен быть предан смерти за преступление отца. Магнус привел в оправдание веские доводы: он был возмущен тем, что убили братьев его отца. Легко убедиться, что он не участвовал в этом убийстве; ведь в то время он находился в Дании. Далее: когда его подвергли заключению, ему клятвенно пообещали, что жизнь его останется в неприкосновенности. И ко всему прочему, несколько лет назад оба герцога, риксрод и вся знать избрали его королем и принесли ему клятву.

Но эти доводы не помогли: все настолько ненавидели короля Биргера, что горели желанием выместить ненависть на сыне — раз уж нельзя расправиться с отцом. И юнкера Магнуса — возмужавшего, статного юношу — привели на Хельгеандсхольмен⁴⁰¹ и отрубили ему голову, и похоронили рядом с могилой Магнуса Амбарного Замка, его деда. А король Биргер и королева Мерета, узнав об этом, еще сильнее затосковали и вскоре умерли и были похоронены в Рингстаде⁴⁰².

Вот такая печальная участь постигла всех троих братьев, причинивших стране немалый вред и урон; и прискорбно, что столь пагубны оказались дела тех, кому в силу их положения надлежа-

ло приносить пользу. Их отец, король Магнус Амбарный Замок, надеялся, что своими распоряжениями наделит сыновей огромной властью⁴⁰³, так что после его смерти они будут могущественными государями, и в королевстве воцарятся мир и покой. Но эти распоряжения обернулись пагубой и для них, и для королевства. Из этого ясно, как заблуждаются люди в своих представлениях и начинаниях. Многие, стремясь обеспечить детей, дают им повод к тому, чтобы творить зло. Если бы эти три брата не занимали столь высокое положение, то и всему королевству, и им самим был бы от их деяний меньший вред — а то и вовсе никакого вреда. Но когда кто-то стремится к власти и не имеет надлежащего страха Божьего — такое редко приводит к добру.

И судя по всему, это обычное дело: чем больше детей у государя, тем больший от этого вред. Они редко живут в согласии, и ни один не хочет быть ниже других, если только Бог не вразумит их своей милостью. Об этой милости надлежит истово молить Господа. И со смертью упомянутых двух герцогов — Эрика и Вальдемара — в Швеции прекратил существование герцогский титул. С тех пор в этой стране не было герцогов — за исключением одного, получившего свой ранг от короля Магнуса. Но и этот герцог носил свой титул недолго; о том мы поведаем ниже. До этого же здесь всегда были герцоги. И похоже, герцогства в Швеции подверглись упразднению именно потому, что с ними были связаны раздоры и распри, о которых шла речь выше.

Когда король Биргер был изгнан из страны и шведы захватили все замки, герр Маттс Кетильмундссон созвал риксрод, всю знать и по несколько уполномоченных представителей от каждой лагсаги на тинг Мура⁴⁰⁴. Произошло это в тысяча триста девятнадцатом году в праздник Святого Иоанна Крестителя. Там, после долгих обсуждений, был избран и провозглашен королем Швеции юнкер Магнус, сын герцога Эрика. Тогда ему было всего-навсего три года⁴⁰⁵. В том же году скончался король Дании Эрик, и королем стал его брат Кристофер. А еще через два года умер король Норвегии Хакон, не оставив наследников, за исключением все того же юнкера Магнуса, который приходился королю внуком. Поэтому норвежцы, в свою очередь, провозгласили его королем Норвегии. Поскольку же он был ребенком, то Швецией, покуда король не возмужал, правил герр Маттс. Герцогиня, мать короля, также деятельно участвовала в правлении. И много лет в стране царил добрый мир, и многие зажили в достатке; и королевская сокровищница наполнилась богатствами⁴⁰⁶.

Спустя несколько лет в Дании началась мощная война против короля Кристофера⁴⁰⁷. От этой войны Дания понесла огром-

ный ущерб. Ко всему прочему, помещики из Голштинии и других немецких земель за оказанную военную помощь получили в залог множество земель и замков Датского королевства. Особенно прочно они обосновались в Сконе; жителям этой области немало пришлось терпеть гнета от голштинцев. Вдобавок их притеснили и шведы, поскольку сконцы все еще не уплатили выкуп за тех трехсот пленных, которых, как говорилось выше, захватил герр Маттс Кеттильмундссон.

Поскольку сконцы терпели такие притеснения со всех сторон, а в Дании никому не под силу оказалось избавить их от этого гнета, жители Сконе решили перейти под власть Магнуса, короля Швеции, с тем чтобы он выкупил эту область, присоединил к Швеции, а немцам возместил потери. Переговоры об этом начались в год тысяча триста тридцать второй от рождества Христова⁴⁰⁸. Тогда же умер архиепископ Олаф Мудрый.

На следующий год король взыскал в свою пользу половину церковной десятины со всего королевства в качестве вспомоществования для выкупа Сконе. И прежде всего король Магнус уплатил тридцать четыре тысячи марок чистым серебром кёльнского веса: их получил граф Иохан Голштинский⁴⁰⁹. Затем король уплатил десять тысяч марок чистого серебра, а потом еще двенадцать тысяч. Об этом неопровержимо свидетельствуют грамоты — расписки, которые он получил. После этого то ли был выплачен еще один взнос, то ли (что весьма вероятно) прощен долг, который пленным сконцам надлежало уплатить за свой выкуп. Вся сумма, за которую была выкуплена Сконе, в итоге составила семьдесят тысяч марок чистым серебром кёльнского веса. И датчане со всей ответственностью поручились, что Сконе, Халланд и Блекинге с Ветене должны отойти к Швеции: это подтверждают грамоты короля Вальдемара, а также грамоты многих епископов и членов датского Государственного совета. Ныне во многих местах хранятся списки с этих грамот⁴¹⁰. В поручительствах говорилось: если какой-либо датский король предъявит притязания на Сконе, весь датский риксрод должен ему воспротивиться. И каждый новый король при восшествии на престол должен поклясться, что не будет посягать на Сконе. Окончательное соглашение было заключено в год Господень 1343: прошло ни много ни мало десять—двенадцать лет со времени первого взноса до того, как был выплачен последний пеннинг. И с тем король Магнус получил, на безусловных началах, Швецию, Норвегию и Сконе.

В Швеции в то время все обстояло благополучно; страной правил герр Маттс Кеттильмундссон; а поскольку король уже возмужал, и пора ему было жениться, ему сосватали благородную девицу

из Франции, графскую дочь по имени Бланка⁴¹¹. И король Магнус был коронован в Стокгольме, в год от рождения Христова тысяча триста тридцать пятый. Было ему тогда девятнадцать лет. Спустя год он пожертвовал южный замок (или башню) в Стокгольме Черным братьям, чтобы они основали там монастырь⁴¹². А упомянутая королева Бланка родила королю двоих сыновей — Эрика и Хакона⁴¹³, и трех дочерей. Магнус, в тот же год как короновался, совершил эриксгату и дал, в числе прочего, вестьётам закон, согласно которому христианин не может быть продан в рабство; вплоть до того времени такие продажи совершались. Ранее, как уже говорилось выше, подобный закон издал король Биргер⁴¹⁴. Поныне существует книга законов, которые король Магнус дал сёдерманландцам⁴¹⁵.

В год 1341 умер архиепископ Педер, выходец из Черных братьев Сигтунского монастыря⁴¹⁶. В год 1344 умер Ульв, муж Святой Биргитты⁴¹⁷.

Король Магнус, получив безусловную власть над Сконе, стал полновластным монархом Швеции и Норвегии, а достигнув тридцатилетнего возраста, начал, после смерти Маттса Кеттильмундссона, самостоятельно править страной — не позволяя, чтобы им руководили, как раньше. И правил он чем дальше, тем хуже. По свидетельству всех шведских хроник, он стал распутничать, перестал уважать стариков и начал благоволить молодежи⁴¹⁸. Ни к чему хорошему это не могло привести: чтобы править как следует, требуется опыт — а его у старых больше, чем у молодых. Пусть порой молодые люди и хотят сделать что-то хорошее, а все-таки разумный совет там, где речь идет о правлении страной, дать они не могут. Старики же, по опыту зная, что к добру, а что — не к добру, могут дать куда более полезный совет: с годами они обрели и опыт, и мудрость. А король Магнус этого не учел — оттого-то вскоре дела пошли плохо. Пока им руководили другие, его правлением нахвалиться не могли; так продолжалось целых двадцать шесть лет. А в последующие двадцать лет, когда он правил сам, его проклинали на чем свет стоит.

Прошло какое-то время, и король решил усмирить русских и карел, которые всегда чинили ущерб его стране. Он собрал большое войско из шведов и иноземцев; в числе прочих с ним в поход выступил граф Генрих Голштинский⁴¹⁹. О судьбе этого похода очень заботилась Святая Биргитта, которая в то время жила. Она утверждала, что получила-де откровение о том, как следует вести войну⁴²⁰. Наставляла короля, каких воинов следует взять в поход, дабы снискать удачу; уверяла, что удачи не будет, если король не последует ее откровениям. Но король не придавал этим словам

значения, отнесся к ним (и, думается, справедливо) как к бабьим бредням. Вообще Святая Биргитта много рассуждала о короле Магнусе, ругала на чем свет стоит его жизнь и дела; и все это, как следует из сборников ее откровений, она выдавала за речи, ниспосланные свыше. Но ко всем этим речам при ее жизни не относились с таким уважением, как после смерти, когда папа утвердил ее в чине святой⁴²¹. Добиться этого, впрочем, удалось с трудом: многие ученые мужи воспротивились и заявили, что эти откровения — бред; пожалуй, так оно и есть⁴²².

Итак, король Магнус, снарядив огромное войско, выступил в поход на врагов. Поначалу все шло успешно: король отвоевал у русских замок Пекенсар⁴²³; тогда шел год от рождества Христова 1348. И он так яростно напал на врагов, что тем пришлось сдаться в плен. Но он позволил обмануть себя лживыми посулами. Ему обещали много золота и серебра — и, поверив, он отпустил пленников. И покуда он медлил и терял время, русские собрали большой отряд литовцев и татар, внезапно напали на войско и корабли короля и окружили со всех сторон. Король смог спастись из окружения, лишь с большой опасностью для себя и своих людей расширив русло реки, близ которой стоял его лагерь. Благодаря этому шведы смогли уйти на кораблях в открытое море, и бесславно вернулись на родину. Русские вновь захватили крепость Пекенсар и жестоко перебили оставшихся там шведов.

Поскольку война закончилась так плачевно для короля, пошел слух: это, мол, оттого, что он не послушал Святую Биргитту. И люди стали верить откровениям Святой Биргитты: все, что она впоследствии говорила о короле Магнусе, и другие речи, по ее словам, вдохновенные свыше, снискали большое уважение. Многие уверовали, что эти речи и вправду снизошли с небес. Что же до короля Магнуса, то поход его разорил: пришлось заложить замки и земли, чтобы выплатить вознаграждение тем, кто участвовал в походе. По некоторым хроникам, граф Генрих Голштинский получил под свое управление Кальмар и долго потом им распоряжался. Чтобы снарядить войско для этого похода, король изъяс в свою пользу весь денарий Святого Петра в своих владениях. Очевидно, что ему пришлось понести огромные расходы; ко всему прочему, вся страна была обложена множеством обременительных податей. В конце концов был заключен мир между упомянутым королем Магнусом и новгородским великим князем⁴²⁴, и было осуществлено размежевание границ между Русью и Швецией; с тех пор русские постоянно ссылаются на это размежевание, требуя отдать им

значительную часть Карелии. Но то, что взято в бою, не принято отдавать так легко, по доброму согласию.

В год от рождества Христова тысяча триста пятидесятый Швецию постигла неслыханная чума; ее называли Digre döden, что значит «Великий мор»; некоторые же называют ее «Черная смерть»⁴²⁵. Эта чума прошла по всему миру; за два года до того она вспыхнула в Индии и распространилась повсюду: от нее умерло столь много людей, что во всем мире в живых осталось меньше половины. Обезлюдено множество домов, множество деревень; эти заброшенные дома и деревни то тут, то там можно видеть и поныне. Где раньше жили люди, теперь сплошной лес. Такие бедствия должны научить нас, сколь суров гнев Божий; воздух был настолько отравлен, что мерли и люди, и скот.

В правление упомянутого короля Магнуса было постановлено, что все купцы, которые ввозят в Швецию москательный товар, должны на каждые сорок марок стоимости товара ввозить одну марку чистого серебра и обменивать это серебро на монету, получая взамен четыре с половиной марки; такой пробы была в то время монета. Делалось это, чтобы в Швеции было больше наличных денег. Этот указ потом неоднократно издавался вновь.

Как уже говорилось выше, король Магнус предался распутству⁴²⁶. Пошел слух, что король позволяет себе такие мерзости, о каких христианину непристойно даже говорить и помышлять, тем паче — ими заниматься⁴²⁷. Его то и дело призывали образумиться, но (как сказано в исторических сочинениях) он не только не исправился, но еще больше погряз в пороках. Пишут, что он презрел риксрод, подобрал себе советников по своему вкусу; коротко говоря, обвиняют его во всех мыслимых прегрешениях. Но как было на самом деле — то знает лишь Бог, который им всем судья.

Святая Биргитта много рассуждала об этом короле и охотно, пользуясь случаем, на примере его правления толковала о государях вообще; и все, что она говорила, выдавалось за откровение свыше. Многое она ему вменяла в вину: он, дескать, не подчинялся постановлениям Святой церкви; он-де отщепенец, был отлучен от церкви, и не считался с этим отлучением: стало быть, еретик. Он, мол, отъявленный клятвопреступник; страну обложил непомерными поборами, церковные лены и пребенды пожаловал нерадивым клирикам. Он-де не раз нарушал закон, отступал от добрых обычаев; при нем не соблюдали законов и не вершили правосудие; и так далее. В одном из своих откровений она сообщает: Дева Мария повелела риксроду поднять восстание и свергнуть короля, если тот не пожелает исправиться. Об этом Святая Биргитта сообщила риксроду, и очень старалась, чтобы все склонились к тому же мне-

нию. Но весьма похоже, что Дева Мария, на которую ссылалась Святая Биргитта, была не всамделишная, коли она пыталась посетить раздор и смуту. Значит, не все справедливо в тех обвинениях, которые возводились на короля Магнуса; и чем больше видишь, как старалась по этой части Святая Биргитта, тем больше возникает сомнений. Ведь некоторые пишут, да и сама Святая Биргитта признает, что он прилежно ходил в церковь, читал духовные книги, постился; из благочестивых соображений подолгу воздерживался от сожителства с супругой, на что та сама дала добро, и все-таки низко пал.

Наверное, он и в самом деле был не без греха — но уж слишком его выставляли в дурном свете. Во многом это произошло потому, что папа отлучил его от церкви и наложил на страну интердикт, сиречь запрет; и этот запрет действовал долгое время. Кары были вызваны тем, что король удержал в свою пользу денарий Святого Петра, который жители его владений раньше все время отсылали в Рим⁴²⁸. Вдобавок он взял под стражу абовского епископа Хемминга, по какой причине — неизвестно⁴²⁹; а за такое тогда отлучали от церкви. Поскольку же он не обращал внимания ни на отлучение, ни на интердикт, которых все в то время очень боялись, его сочли пропащим человеком и отзывались о нем дурно. Особенно же его возненавидели члены риксрода — за то, что он пренебрег знатью и стариками, и принял в совет молодежь незнатного происхождения, и поставил ее надо всеми остальными; этим члены риксрода и другие знатные люди были глубоко оскорблены.

Поэтому, чтобы свергнуть короля Магнуса, они избрали его сына, юнкера Эрика, которому было всего-навсего пять лет, королем Швеции, а юнкера Хакона, еще на год моложе, королем Норвегии. Некоторые полагают, что это избрание совершилось с одобрения короля и королевы, а некоторые считают, что, напротив, вопреки их воле; последнее гораздо вероятнее. А тем временем король Магнус возвысил одного из своих слуг; тот был во всех отношениях по нраву королю, но молод и низкого происхождения. Король назначил его герцогом, начальником над всеми жителями королевства, и отдал в его распоряжение все замки и крепости, вопреки воле риксрода. Этого человека стали звать герцог Бенгт. А юнкера Эрика король Магнус не желал признавать королем, а признавал лишь герцогом. За это короля еще больше невзлюбили⁴³⁰. И когда юнкер Эрик достаточно подрос, вокруг него сплотились те члены риксрода, которые провозгласили его королем; и началась распря между отцом и сыном. И шведы прогнали упомянутого герцога Бенгта, который так высоко вознесся, из Швеции в Сконе.

Король Эрик Святой.
Деревянная скульпту-
ра (ок. 1400 г.)

Городская печать Сток-
гольма (конец XIV в.)
с изображением Эрика
Святого

Король Кнут Эрикссон (фрагмент росписи церкви, конец XIII в.)

Печать короля
Кнута Эрикссона

Предполагаемое изображение Биргера ярла (изваяние из церкви Варнхемского монастыря, XIII в.)

Печать
Биргера ярла

Король Вальдемар
Биргерссон (предпо-
ложительно). Скульп-
тура в Скарском ка-
федральном соборе
(XIII в.)

Печать
Вальдемара Биргерссона

Предполагаемое изображение короля Магнуса Биргерссона по прозвищу Амбарный Замок. Изваяние в Скарском кафедральном соборе (XIII в.)

Печать
Магнуса Биргерссона

Король
Магнус Эрикссон
(фрагмент печати)

Одна из печатей
Магнуса Эрикссона

Тогда королева Бланка отправилась к королю Дании Вальдемару просить, чтобы тот помог герцогу Бенгту вернуться в Швецию. Но из этого ничего не вышло: шведы убили герцога в Сконе. Королева же, находясь в Дании, пообещала королю Вальдемару: если он откликнется на ее просьбу, то получит назад Сконе. Так в первый раз зашла речь о том, чтобы вновь отделить Сконе от Швеции. И король Вальдемар не упустил такую возможность: ему очень хотелось получить эту область назад. Шведы просто осыпались, послав королеву вести переговоры. Такие дела нужно поручать мужчинам, а не женщинам.

Долго продолжалась распря между королем Магнусом и королем Эриком, которого поддерживал риксрод; стране был нанесен огромный ущерб. Наконец, было достигнуто примирение. И в Йенчёпинге состоялся съезд господ; на него прибыли герцог Альбрехт Мекленбургский, женатый на сестре короля Магнуса⁴³¹, и граф Адольф Голштинский⁴³², женатый на племяннице короля. Там было заключено мирное соглашение: стороны простили друг другу весь причиненный ущерб; страна была поделена на две части. Король Эрик получил Сконе, Блекинге, южный Халланд, весь Смоланд, Кальмар, Эстерьётланд и Абовскую епархию. За королем Магнусом остался Стокгольм, весь Упланд, Эланд, Готланд, Вестерьётланд с Вермландом, Далем и северным Халландом. Еще на этом съезде было постановлено, что король Магнус должен отдать все грамоты, касающиеся покупки Сконе: их будут хранить четверо епископов и четверо самых именитых рыцарей. Но это сделано не было: грамот король Магнус не отдал. Из всего этого можно заключить: члены риксрода боялись, что король Магнус, согласно обещанию королевы, отдаст королю Вальдемару упомянутые грамоты. Съезд же, на котором были приняты указанные постановления, состоялся в год от рождения Христова тысяча триста пятьдесят седьмой, весной, в праздник евангелиста Святого Марка⁴³³. И хотя король Магнус и получил свою часть королевства, все же из указа, который включен в раздел Стадслага о клятвах и который был издан королем Эриком и риксродом в Стокгольме в праздник Святой Катерины в тот же год, видно, что король Эрик имел большую власть и поддержку, чем отец. Иначе бы король Магнус был упомянут в этом указе — тем более, что тот был создан в Стокгольме, относившемся к его части королевства. Итак, очевидно, что сына уважали больше, чем отца. Указ же, о котором здесь идет речь, включен в Стадслаг; в нем говорится о наказании тех, кто подбивает народ выступить против бургомистра и городского совета⁴³⁴.

Король Магнус с супругой убедились, что сын становится все сильнее и сильнее, и относится к ним с пренебрежением — хотя внешне почтительно, разве что считает себя главным в стране. Тогда (как все убеждены) они замыслили убить его, и тем самым лишить риксрод его поддержки. Они, якобы для дружеской беседы, пригласили сына к себе, а с ним несколько членов риксрода. И мать дала сыну смертоносное зелье, от которого он через двадцать дней скончался. И убедившись, что его отравили, молвил: «Те, кто дали мне жизнь — те и лишили жизни»⁴³⁵.

В год Господень 1360 умер архиепископ Хеннинг⁴³⁶. После смерти короля Эрика король Магнус вновь обрел большую власть и стал править всем королевством. Но он пообещал и поклялся, что будет вести себя лучше, чем доселе; такую клятву с него взял риксрод. Но какие бы клятвы они ни давали друг другу, в сердце все равно затаилась вражда. Ненависть была обоюдной: король Магнус был возмущен, что советники поставили над ним начальником сына; советники же были разгневаны тем, что Магнус убил их короля⁴³⁷. По-видимому, из-за этой вражды король Магнус и стал искать поддержки у короля Дании Вальдемара — надеялся получить помощь в борьбе против членов риксрода, дабы те не смогли поступить с ним так, как однажды уже поступили. Несомненно, что именно тогда начались переговоры о браке между королем Хаконем и дочерью короля Вальдемара. Но король Вальдемар оказался куда хитрее короля Магнуса: льстил, сулил золотые горы, да и, наверное, угрожал — и в конце концов получил Сконе вместе со всеми грамотами о правах на эту область⁴³⁸. И несомненно, король Вальдемар обещал королю Магнусу помощь в борьбе с врагами.

Вот тогда король Магнус за то, что дал себя обмануть, и получил прозвище Сmek⁴³⁹. И поскольку он вступил в союз с королем Вальдемаром, пошел слух, что оба короля хотят расправиться с государственными советниками. Король Вальдемар собрал большое войско, вторгся в Сконе, захватил замки и подчинил себе всю область. А король Магнус сделал вид, что собирается выступить на защиту Сконе, и так тянул время, что совершенно ясно: серьезных намерений у него не имелось. Все совершилось с его согласия; если бы он хотел, он мог бы дать отпор: у него под властью находились и Швеция, и Норвегия, и Сконе; у короля Вальдемара не было такой силы, чтобы его одолеть. Помимо прочего, король Магнус распорядился, чтобы король Вальдемар отправился на Готланд и усмирил жителей этого острова. Но зачем это понадобилось, не ясно. Некоторые полагают, он так поступил потому, что жители острова не желали платить такой налог, который он требовал.

Но так или иначе, ясно, что он их невзлюбил. Покарать же он их не мог, поскольку противился риксрод; посему поручил это другому.

И король Вальдемар разорил Готланд до основания. Трижды в течение одного дня он разгромил ополчение жителей острова; всего было убито 18 000 бондов: случилось это в год Господень 1361. Остров пришел в такой упадок, что больше уже не смог вернуть бывшее величие⁴⁴⁰. Раньше он был очень богат: там находилась стоянка балтийских торговых судов; теперь же она оказалась разрушена. И король Вальдемар распорядился вывезти с острова все богатства — несметное множество золота и серебра. Но это не пошло ему впрок: корабль, на котором везли богатства, пропал. Король назначил по всему острову своих фогдов и комендантов; но в скором времени бонды их всех убили. Король Вальдемар опустошил и Эланд, разрушил там замок; 5000 бондов были убиты, а остров полностью razорен.

Члены риксрода и многие другие шведы, которые и раньше-то были возмущены, теперь совсем разгневались: король Магнус ни много ни мало позволил отнять Сконе, предать огню и мечу земли короны. Обвиняли его и во многих других проступках; во всеуслышание, наводя ужас, перечислили его пороки. Пустили слух, что у короля одно на уме: погубить страну. Дошло до того, что шведы обратились к королю Хакону, сыну короля Магнуса, и провозгласили его своим монархом, как ранее его брата. И послушавшись шведов, он повелел взять под стражу отца (в Кальмарской церкви, в день Святого Мартина⁴⁴¹), и предал его заключению в Кальмарском замке. И было решено: король Хакон должен жениться на родственнице Альбрехта Мекленбургского Элисабет, сестре графа Генриха Голштинского, и расторгнуть помолвку с дочерью короля Вальдемара.

Следует иметь в виду: создатели хроник расходятся во мнениях, как обстояло дело с этим браком. Некоторые сообщают, что граф Генрих, брат девицы, получил в залог Кальмар тогда же, когда стороны договорились о браке; и что все это произошло с согласия короля Магнуса, с условием: если граф Генрих не исполнит свои намерения, то потеряет Кальмар, отданный ему в залог за большую сумму, и сверх того уплатит королю шестьдесят тысяч марок серебром. А король Магнус, со своей стороны, поручился: если он не совершит указанный брак, то все его рыцарство будет свободно от присяги этому королю и перейдет под начало графа Генриха; рыцари скрепили это условие торжественной клятвой. Некоторые же хронисты не упоминают об этом обязательстве. Как бы там ни было, очевидно: этот брак был выгоден прежде всего для членов риксрода. Он усиливал их в борьбе с королем Вальдемаром, захва-

тившим Сконе. Многие из них отправились в путь, чтобы доставить невесту. Но король Хакон передумал, и король Магнус снова повел переговоры о девице Маргарете, дочери короля Вальдемара — чтобы король Хакон получил ее в жены, как о том договорились ранее.

Некоторые полагают — и это похоже на правду — что, когда впервые зашла речь об этом браке, король Магнус, чтобы брак состоялся, предложил королю Вальдемару Сконе, как утренний дар. Но то был слишком большой дар и слишком большой убыток; до этого не было таких даров. В древнем вестъётском законе говорится: утренний дар короля не должен превышать двенадцати марок золотом⁴⁴². А марка золотом соответствовала в те времена 72 венгерским гульденам. Итак, упомянутый утренний дар был чрезмерно большим. И очевидно, что стороны заранее сговорились, что король Вальдемар захватит Сконе. Король Магнус не обладал такой властью, чтобы в открытую передать область; кроме того, он не хотел, чтобы люди видели, что она отошла к Дании по его воле. Но он явно дал на это добро: иначе бы не расстался с грамотами. Как дело обстояло с обоими браками — об этом создатели хроник повествуют недостаточно ясно. Впрочем, очевидно: члены риксрода хотели, чтобы король Хакон женился на сестре графа Генриха, а от брака с Маргаретой отказался. Но король Магнус расторг помолвку и женил сына на дочери датского короля. Также не вполне ясно из хроник, когда было дано обещание относительно передачи Сконе: до переговоров о женитьбе или одновременно с ними.

Как уже говорилось, вероятнее всего, король Магнус хотел вступить в союз с королем Вальдемаром, чтобы успешно противостоять риксроду. Потому и повелись переговоры о браке; и коварный король Вальдемар хитростью убедил короля Магнуса отдать Сконе.

Поскольку в Голштинию уже было отправлено надлежащее посольство, дабы, как обещано, доставить в Швецию сестру графа Генриха, король Магнус условился с королем Вальдемаром, что тот учинит препятствие свадебному поезду. Так и произошло. Осенью, когда те, кто сопровождал невесту, отплыли из Травемюнде, ветер пригнал их судно к датскому берегу; и король Вальдемар повелел схватить их и заключить под стражу в замках и тюрьмах Дании. Тогда герцог Альбрехт Мекленбургский, муж Эвфемии, сестры короля Магнуса, собрал все свое войско и (по-видимому, вместе с графом Генрихом) вторгся в Данию. И целых четырнадцать недель он предавал эту страну огню и мечу; в конце концов король Вальдемар после долгих переговоров отпустил пленников. Герцог Альбрехт, освободив девицу и ее свиту, велел шведам вернуться

домой и убедить короля Магнуса сдержать обещание и совершить брак.

Но дома их приняли как нельзя хуже. Король Магнус изгнал их из Швеции, а заодно и многих других, кто порицал его за пороки, за то, что так позорно отдал Сконе, и за многое другое. Были изгнаны двадцать четыре человека — самых видных в королевстве; в числе прочих Нильс, епископ Линчёпингский; герр Нильс Стурессон, дротс королевства; Бу Йенсон, впоследствии ставший дротсом⁴⁴³; герр Карл Антра; герр Карл из Ульвасы, герр Эрик Карлсон, герр Бенгт Филпусон, и многие другие свободнорожденные люди; всего числом двадцать четыре; всем им пришлось покинуть страну. Они прибыли на Готланд, где провели зиму, а затем отправились к герцогу Альбрехту Мекленбургскому. Тот принял их радушно и долго содержал при своем дворе. Шведы же слали письмо за письмом королю Магнусу, прося сменить гнев на милость и разрешить вернуться в свои вотчины; замолвил за них слово в своем письме и герцог Альбрехт — но без малейшего успеха. Король Магнус приложил все усилия, чтобы состоялась свадьба между его сыном королем Хаконом и дочерью короля Вальдемара Маргаретой. Свадьбу сыграли в Кальмаре, в год Господень 1363. Со свадьбой явно спешили: невесте в ту пору было десять лет отроду. И в ту же пору — чуть раньше или чуть позже — умерла королева Бланка.

Шведы, пребывавшие в изгнании, поняв, что король не сменит гнев на милость, повели себя по-другому: объявили королю Магнусу войну и провозгласили королем сына герцога Альбрехта — герцога Альбрехта Младшего, который приходился племянником королю Магнусу. В некоторых же хрониках говорится: когда король Магнус расторг помолвку сына с сестрой графа Генриха Голштинского, члены риксрода отказались от службы королю и перешли к графу Генриху, торжественно пообещав и поклявшись, что тот станет их королем, а король Магнус будет свергнут. И граф Генрих начал укреплять Кальмар, готовясь к обороне. Но стать королем отказался: он был уже дряхлый старик. Он предложил шведам возвести на трон одного из сыновей герцога Альбрехта. Те последовали совету: избрали королем герцогского сына, второго по старшинству. Еще в некоторых хрониках пишут: девица Элисабет, помолвленная с королем Хаконом, увидев, что ее так оскорбили, решила никогда не выходить замуж⁴⁴⁴. Она постриглась в монахини в Вадстене, в монастыре нового ордена, который незадолго до этого основала Святая Биргитта. Там Элисабет и умерла.

После того как шведы избрали молодого герцога Альбрехта королем, отец, герцог Альбрехт Старший, начал собирать сына в

путь: снарядил корабли и людей, обеспечил всем необходимым. Вначале они приплыли на Готланд: там шведы с большой поспешностью избрали его королем. Затем Альбрехт Старший с сыном прибыли в Стокгольм. Там состоялся всеобщий съезд господ, на котором постановили низложить короля Магнуса и единодушно избрали и провозгласили шведским королем герцога Альбрехта⁴⁴⁵. Произошло это в год от рождества Христова тысяча триста шестьдесят третий, в день святого Андрея. На том съезде были перечислены причины, по которым шведы низложили короля Магнуса. Вот эти причины: во-первых, он у всех на глазах вел постыдную жизнь. Во-вторых, он долгое время был предан отлучению и анафеме. Далее: он позволил опустошить Готланд и Эланд — владения шведской короны. Он обременил страну множеством незаконных поборов. Он отдал Халланд и Сконе, которые так дорого достались шведской короне. Он не пекся о том, чтоб вершить правосудие; замыслил погубить риксрод; многократно нарушал клятвы и обещания; заключил союз с датским королем — к ущербу для Шведского королевства. И было перечислено еще множество причин, по которым он законно низвергнут с престола. И поскольку его сын, король Хакон, был заодно с отцом, шведы и его не желали видеть своим королем.

Однако с королем Магнусом было заключено соглашение: он получит, на срок жизни, часть королевства на свое содержание; король же Альбрехт будет обладать полномочиями монарха. Некоторые полагают, что король Магнус был удовлетворен такими условиями. Некоторые же утверждают: король Магнус не заключал с королем Альбрехтом никаких соглашений, а немедленно выступил против него со всем своим войском. Скорее всего, так и произошло: ведь многие замки и крепости по-прежнему подчинялись королю Магнусу, и король Альбрехт не мог ими овладеть. Король Альбрехт долго осаждал Абовский замок; при этой осаде был убит герр Нильс Стурессон. Тем временем король Магнус собрал огромное войско в Дании, Норвегии и тех областях Швеции, которые были ему верны. Вместе с сыном, королем Хаконем, во главе этого войска он устремился в Вестеръётланд, чтобы прогнать короля Альбрехта из Швеции. Случай представился, казалось, благоприятный: король Альбрехт с отборными силами находился в Финляндии. Тем не менее небольшой отряд из шведов и немцев, оставленный королем Альбрехтом в Швеции, изготовился к бою и встретился с войском короля Магнуса между Тиллинге⁴⁴⁶ и Эстенсбру⁴⁴⁷ в лесу, именуемом Гата⁴⁴⁸, между Энчёпингом и Вестеросом. И люди короля Альбрехта взяли верх, захватили в плен короля Магнуса и тяжело ранили короля Хакона, вынудив обратиться

в бегство и укрыться в Норвегии. То было великое чудо: горстка людей одолела такое огромное войско; многие узрели в том знамение свыше. Случилось это в год от рождества Христова тысяча триста шестьдесят пятый в понедельник после первого воскресенья Великого Поста, пришедшийся на день Святого Матфея.

И король Магнус на сорок седьмом году правления был заключен в Стокгольмский замок и семь лет провел в темнице. А король Альбрехт повелел осадить все замки, которые подчинялись королю Магнусу; но овладеть ими не смог. Пытаясь захватить их, он вместе с герцогом Альбрехтом Старшим (который несколько лет провел в Швеции, помогая сыну) наводнил страну иноземцами. И эти иноземцы разорили страну: постой за постоем, повинность за повинностью, и — налоги, налоги, налоги! Война длилась долго, походов было много: от этого вконец обеднели и бонды, и бюргеры.

В год Господень 1366 умер архиепископ Педер, в прошлом — епископ Линчёпингский⁴⁴⁹. Итак, король Магнус сидел в темнице; тем временем король Хакон всеми силами старался его выволить, и поднимал жителей страны на войну против короля Альбрехта. Тяжкое то было время для Швеции: тому свидетельством, например, письмо упландцев эстьетам и вестьетам⁴⁵⁰, в котором говорится буквально следующее: «Все клирики и миряне, живущие к северу от лесов Тивед и Кольморгд⁴⁵¹. Приветствуем в Боге всех, кто проживает к югу от упомянутых лесов. Жалуемся мы перед Господом нашим Иисусом Христом и Его дражайшей матерью Святой Марией, перед Святым Петром, Святым Павлом, Святым Лаврентием, Святым Эриком, Святым Сигфридом, Святым Хенриком и Святым Эскилем — покровителями Шведского королевства, и пред всеми святыми, и пред всеми христианами, королями, герцогами, пред всеми начальниками, государями и городами, на насилие и произвол, гнет и немилость, которое вы, и мы, и весь шведский народ терпит от немцев с тех пор, как герцог Мекленбургский и его сын герр Альбрехт, который тщится быть нашим королем, обрели над нами власть.

От великой нужды (как мы можем доказать с достоверностью) приходится нам жаловаться. И не раз мы уже жаловались на упомянутого герра Альбрехта, который тщится быть нашим королем и который воистину клятвопреступник, и на его отца герцога Альбрехта — злостного врага Шведского королевства, и не получили мы ни помощи, ни облегчения. И не желаем мы подчиняться означенному герру Альбрехту, и отцу его, и всем немцам по всей Швеции, не щадившим ни души наши, ни плоть нашу, всячески умалявшим наше имущество, мир и свободу. А желаем мы пови-

новаться Богу, и Его дражайшей матери Святой Марии, и всем перечисленным выше святым покровителям Швеции, и досточтимому доброму государю королю Магнусу — хоть он и томится в плену, из которого мы жаждем его вызволить, приложив все силы. И в Боге уповаем, что при этом короле мы будем жить в законе и праве. И со всеми, кто примет нашу сторону, желаем мы жить в согласии и любви до самой смерти. А всех, кто против нас, кто не хочет нам помочь — тех будем преследовать и губить: для нас они все равно, что немцы. Так поступим все — клирики и миряне, высокие и низкие, покуда жив хоть один из нас. Так дайте нам знать, что вы с нами заодно; за нами же дело не станет. Захотят члены риксрода нас возглавить — будем тому рады; не захотят — вина будет их, хоть беда и их, и наша».

Из этого письма простых людей Упланда хорошо видно, как обстояли дела, когда король Магнус находился в заключении, и как эти простые люди относились к королю Альбрехту, к его отцу, герцогу Альбрехту, и ко всем немцам. И король Норвегии Хакон собрал все войско, какое мог (в том ему, несомненно, помог король Вальдемар), и вторгся в Швецию, и действовал настолько успешно, что даже осадил Стокгольм. И, как указывают некоторые, Хемминг, епископ Абовский⁴⁵², устремился к нему на подмогу, хотя за несколько лет до того король Магнус заключил его под стражу; этого епископа Хемминга ныне называют Святой Хемминг. И каким бы ни был король Магнус, все-таки епископ Хемминг предпочел, чтобы страной правил он, а не немцы.

Тогда по повелению короля Хакона был возведен замок, дабы вести боевые действия против Стокгольма. Замок называли Кунунгсберг⁴⁵³; по-видимому, он находился к северу от Стокгольма. В конце концов противники заключили соглашение: король Магнус будет выкуплен из плена за двенадцать тысяч марок чистым серебром кельнского веса. И 60 норвежских рыцарей и фрельсисманов поручились: если серебро не будет доставлено в срок, они придут в Стокгольм и останутся там пленниками короля Альбрехта, покуда сумма не будет выплачена. Кроме того, король Магнус должен, на безусловных началах, передать королю Альбрехту шведское королевство, вместе со всеми правами на Сконе. Король Альбрехт надеялся вернуть Сконе, поэтому в своих грамотах он величал себя «король свеев и ётов, государь Сконе». И король Магнус, по этому соглашению, на свое содержание получал всю Скарскую епархию в пожизненное держание при условии, что фрельсе этой епархии будет подчиняться королю Альбрехту. Так король Хакон вызволил отца; и вдвоем они уехали в Норвегию. А король Альбрехт наконец-то стал безраздельно властвовать над Швецией,

после того как восемь, а то и девять лет непрерывно воевал против сторонников короля Магнуса — к огромному ущербу для себя и для Швеции. Освобождение же короля Магнуса состоялось в год от рождества Христова тысяча триста семьдесят первый, в канун праздника Дражайшей Богородицы. А на следующий год умерла в Риме Святая Биргитта. Спустя год после смерти ее мощи были перевезены на родину и доставлены в Вадстену⁴⁵⁴.

Король Магнус провел остаток жизни в Норвегии. Умер он, утонув во фьорде под названием Бомильфьорд, возле острова Юнгхольмен⁴⁵⁵. Так окончил он век: нелепо жил, нелепо и помер. Поначалу он хорошо правил и сам был в чести. Затем повел себя дурно, и все на него ополчилось. И началась распря между ним и риксродом. И очевидно: простые шведы не очень-то сочувствовали королю, раз риксрод столько раз отстранял его от власти. А коли нет сочувствия — не на кого и опереться. Король Магнус хотел опереться на датского короля — к огромному ущербу для Швеции. А ему бы вместо этого опереться на подданных, снискать сочувствие, преданность и любовь. Тогда бы он заслужил иную участь. Из истории короля Магнуса следует: риксрод и прочая знать не извлекли пользы, убив юнкера Магнуса — сына короля Биргера, которого избрали королем и которому по-христиански обещали неприкосновенность. Одного Магнуса убили, другого Магнуса получили — не на радость ни себе, ни людям. Воистину, то было возмездие Божье. Из этого следует: нужно держать клятву. И кары на этом отнюдь не окончились: многое было еще впереди.

Король Хакон, вызволив отца, вернулся в Норвегию и в скором времени умер⁴⁵⁶. У его супруги, королевы Маргареты, был от него сын — наследник норвежского престола. Но вскоре умер и он⁴⁵⁷; власть в Норвегии перешла к Маргарете (Маргрете). Кроме того, она получила власть над Данией — как единственный отпрыск короля Вальдемара, скончавшегося спустя четыре года после того, как был освобожден король Магнус. Итак, королева Маргарета стала править и Данией, и Норвегией. Тем временем король Альбрехт, получив безраздельную власть над Швецией со всеми замками и крепостями, стал брезговать шведами⁴⁵⁸, призывал в Швецию своих земляков и вообще наводнил страну немцами. И им он пожаловал все замки⁴⁵⁹; шведам пришлось жить на одни лишь доходы с собственных владений⁴⁶⁰. Притом они несли большие расходы: король много раз пытался отвоевать Сконе, и все безуспешно. Датчане защищали Сконе так отчаянно, что король остался ни с чем. А шведы к тому же понесли огромный урон: вынуждены были даже продать родовые владения и ничего кроме издевательств не получили в награду. Кроме того, король Альбрехт позаботился, чтобы

самые видные невесты достались немцам. Многие из этих немцев были незнатного происхождения; однако король величал их своими родичами, чтобы легче было устроить им выгодную женитьбу. Ведя постоянные войны из-за Сконе, король обложил Швецию множеством налогов и податей. Страну разоряли и нападения датчан: те вторгались в Вестергётланд, нападали на другие области. И как сказано в наших шведских хрониках, шведы при этом короле Альбрехте испытали такой гнет и такое горе, каких не знали доселе. Он так радушно одаривал своих земляков, так щедро жаловал им замки и крепости, земли и лены, что ему самому ничего не осталось. Поэтому он вынужден был то и дело обременять страну поборами; и все равно собранные средства оказывались недостаточны.

Чтобы было понятно, какие тяготы выпали на долю Швеции, перечислим здесь поборы и подати, которые пришлось платить духовенству⁴⁶¹. Сначала всех церковных ландбу обязали уплатить одну шведскую марку на покупку коней, и вообще всех ландбу по одной марке — на те же цели. Также король изъям в свою пользу половину всей церковной десятины за два года. Затем — половину доходов (десятины и прочих поступлений) всех клириков, епископов и церквей за один год. Затем опять половину церковной десятины за два года. Далее, он взял в долг у всех приходских священников по четыре марки на покупку коней. Долги эти так и не были уплачены.

Итак, если клирикам, церквам и монастырям, с их огромными привилегиями и вольностями, пришлось платить такие вспоможения, легко понять, какие тяготы пришлось нести простым людям Швеции. И в довершение всего король Альбрехт созвал риксрод и всю знать и посетовал: ренты короны не хватает на содержание короля⁴⁶². В связи с этим он потребовал: каждая третья усадьба церковных и фрельсовых ландбу должна отойти короне. Доводы он привел такие: дескать, ландбу, наряду с остальными, обязаны содержать короля; а все фрельсовые земли изначально, мол, являлись угодьями короны. Поэтому, раз корона ослабла, король вполне имеет право взять часть владений назад.

Рыцари и епископы, услышав такое, пришли в ужас и взмолились, чтобы король не попирал их права и свободы. Если, мол, он последует их совету — откажется от услуг иноземцев (которых он, ценой больших трат, держит в Швеции), то ренты короны вполне хватит на все. А уж шведы, со своей стороны, будут служить королю верой и правдой, не хуже любого иноземца. И они охотно соберут ему в помощь немалую сумму, чтобы выкупить замки и лены, которые немцы получили от него в залог в награду за службу.

Ведь даже если он изымет в пользу короны все фрельсовые земли, все равно этого не хватит, чтобы содержать такое множество иноземцев. И члены риксрода вместе с остальной знатью обратились к королю с просьбой дать отставку иноземцам. Но эти советы и просьбы не помогли. Король заявил: дать отставку немцам он не может и не желает; каждую третью усадьбу фрельсовой земли следует, нимало не противясь, отдать королю. Это он и исполнил: что пожелал, взял с лихвой и пожаловал немцам к возмущению шведов. Те потребовали: пусть король блюдет их право, уволит немцев и отдаст шведские замки под управление шведов, иначе они будут разговаривать с королем по-другому. Но король ничего и слышать не хотел. Тогда многие знатные люди восстали против него, расторгли присягу и начали укреплять свои усадьбы. Но одними своими силами они не могли ему противостоять. И они обратились за помощью к королеве Маргарете — полновластной правительнице Дании и Норвегии. Увидев, в какой беде находятся шведы, и как им нужна ее помощь, она, пользуясь случаем, решила получить власть и над Швецией. Она ответила: если шведы признают ее государыней, она окажет им помощь, обеспечит, что в Швеции будут блюстись шведские законы и право, сохранит за шведами наследную собственность, свободы и привилегии⁴⁶³.

Услышав такое требование, шведы не знали, что и предпринять: одно другого хуже. Но все-таки ничего не оставалось, как признать Маргарету государыней и принести клятву верности. Иначе бы шведов вконец извел король Альбрехт: потому и пришлось пойти навстречу королеве Маргарете. И снова началась тяжкая, долгая распря, разорительная для королевства: часть шведов держала сторону короля Альбрехта, другая — сторону королевы Маргареты. И так продолжалась рознь между теми и другими: никто, где бы ни находился, не дышал вольно.

В год Господень 1381 младший рыцарь по имени Карл Нильссон был убит перед главным алтарем в монастыре Серых братьев в Стокгольме. В год Господень 1383 умер архиепископ Биргер⁴⁶⁴. В год Господень 1386 умер Бу Юхансон, дротс Шведского королевства⁴⁶⁵.

Итак, война продолжалась долго; силы короля Альбрехта истощились. Тогда он, как пишется в наших хрониках, отправил гонца к крестоносцам в Пруссию и взял у них в долг двадцать тысяч ноблей, а в качестве залога отдал им Готланд. В других же хрониках говорится иначе; о том речь пойдет ниже. В конце концов король Альбрехт собрал немалое войско (с ним выступили в поход граф Реппинский и граф Голштинский) и навязал шведам — сторонникам королевы Маргареты решающее сражение. Оба вой-

ска сошлись в боевых порядках при Фалене в Вестеръётланде⁴⁶⁶. И произошла жаркая битва; и под конец были взяты в плен король Альбрехт и его сын юнкер Эрик, и многие вельможи из свиты короля. Было убито девятнадцать рыцарей короля Альбрехта и множество других воинов. А королева Маргарета потеряла убитыми восемь шведских рыцарей и одного рыцаря из собственной свиты⁴⁶⁷. Это сражение состоялось в год от рождества Христова тысяча триста восемьдесят восьмой, на двадцать шестом году правления короля Альбрехта. Король был взят в плен в день апостола Матфея⁴⁶⁸, и отвезен в Лёдесе, где находилась королева. Затем его отвезли на Линдхольм в Сконе; там он вместе с сыном провел в заключении семь лет.

И хоть шведы при короле Альбрехте терпели тяготы и гнет, с его пленением все стало совсем плохо. Герцогство Мекленбургское, с городами Росток и Висмаром, всеми силами повело войну с королевой Маргаретой. Опорой им служил Стокгольм и еще несколько крепостей, по-прежнему подчинявшихся королю Альбрехту. Люди короля и их союзники совершали вылазки из Стокгольма: по озеру Меларен плыли к городам и селам округи, находившейся в руках королевы, и повсюду жгли, грабили, убивали. Они сожгли Энчёпинг, Вестерос, Линчёпинг, много других городов и деревень. Они появлялись неожиданно то там, то тут: никто не мог быть спокоен за себя и свое добро. Бонды часто собирались в отряды — защищать дома и наделы. Но толку от этого было мало: враги мгновенно оказывались там, где их не ждали. Так случилось, когда множество бондов пришли на сход в приходе Тиллинге близ Энчёпинга. Внезапно напали воины из Стокгольма и безжалостно перебили крестьян. С тех пор это место зовется Крестьянской горой, или Гиблой горой.

Страдало от набегов и все побережье: герцог Иоханн Мекленбургский⁴⁶⁹, всеми силами стремясь вызволить короля Альбрехта, ничего не добился путем переговоров; тем ожесточеннее он стал воевать против всех трех королевств — и больше всех пострадала Швеция. Герцог начал с того, что с помощью городов Ростка и Висмара снарядил отряд кораблей. Но буря разметала корабли: герцог на сей раз остался ни с чем. Тогда он собрал новый большой отряд, подплыл к Стокгольму и доставил туда подкрепление; те, кто осаждал город, не смогли тому помешать: город получил все необходимое. А когда война затянулась, власти Ростка и Висмара объявили: все, кто на свой страх и удачу нападут с моря на Данию, Норвегию и Швецию, смогут в упомянутых городах беспрепятственно обменивать и продать добычу. На это откликнулась тьма народу; эти люди нанесли огромный ущерб всем трем королевствам,

захватили Готланд. Вскоре море кишело морскими разбойниками; уже никто не осмеливался уходить в плавание. Едва пристав к берегу, они пускались грабить. А поскольку, плывя по морю, они везли продукты, их стали называть братьями-виталийцами⁴⁷⁰.

Когда король Альбрехт попал в плен и вся страна была завоевана королевой Маргаретой, начались раздоры между шведскими и немецкими бюргерами Стокгольма, сохранявшего верность королю Альбрехту. Немцы испугались, что шведы обратятся к риксроду и вручат ему власть над Стокгольмом; подозрение пало на семьдесят шесть бюргеров. Между тем в городе имелось братство людей, верных королю. Их насчитывалось сто семьдесят, и они назывались «колпачники». Похоже, эти люди отвечали за порядок в городе: по ночам они расхаживали по улицам в доспехах, вооруженные до зубов. Они-то и стали оскорблять шведов, обвиняя в измене. Началась распря; городскому совету пришлось созвать горожан в дом гильдии Святой Гертруды, чтобы прекратить беспорядки. Там было объявлено: никто не имеет права наносить другому обиду; также нельзя хулить государей, жен и девиц. Шведы и немцы заключили меж собой союз и поклялись: что бы ни случилось, они будут стоять друг за друга.

Но вскоре в Телье начался съезд господ; предполагалось, что там пройдут переговоры со стокгольмскими бюргерами. Однако бюргеры-немцы отказались прибыть на этот съезд, а вот из бюргеров-шведов кое-кто туда явился. И снова немцы и шведы стали друг друга подозревать и затаили злобу. Нескольких шведов заключили в темницу за то, что те позволили себе неподобающие речи. Начались беспорядки: и шведы, и немцы с оружием в руках устремились на площадь. Но волнения были усмирены; некоторых шведов, которых продержали под стражей, отпустили. Шведы, тем не менее, заявили: им давно уже сдается, что против них что-то замышляют. Так или иначе, в конце концов шведы договорились с немцами: если Стокгольм перейдет под власть шведских господ, немцы ни в чем не будут ущемлены, а равно и шведы, если город останется в руках немцев. Договор скрепили торжественной клятвой.

Однако мир царил недолго; опасения немцев были так велики, что те решили: лучше отправить шведов на тот свет — тогда уж точно город не будет отдан во власть риксрода. Посему немцы однажды ночью собрались в ратуше и обсудили, как вернее погубить шведов. И тут же, среди ночи, они вызвали в ратушу шведов-членов совета. Как только те явились, прибыл начальник замка со своими вооруженными людьми. И был зачитан список бюргеров-шведов, которых надлежало казнить — причем некоторых из этого

списка уже года четыре как не было в живых. Отсюда видно, какую участь готовили шведам немцы еще задолго до того, как был взят в плен король Альбрехт. По всей очевидности, как только шведский риксрод взбунтовался против короля, немецкие бюргеры решили истребить бюргеров-шведов, но король Альбрехт им этого не позволил.

За оглашением списка последовал приказ: схватить всех поименованных. Приказ был исполнен; схваченных увели в замок и бросили в темницу. Некоторых из них жестоко пытали при помощи пил, дабы те признались, что состоят в тайном заговоре против короля Альбрехта. Но, как говорится в хронике, никто из них ни в чем подобном не признался. Тогда всех пленников доставили за черту города, на островок под названием Чеплинген. Там их связали, заперли в доме и вместе с домом сожгли заживо⁴⁷¹. И это при том, что не имелось ни признаний, ни явных улик. Непомерно суровая казнь: так жестоко уничтожить людей, не доказав их вину. Случилось то в год Господень 1389, летом, на следующий день после праздника Святого Эскиля⁴⁷², спустя год после пленения короля Альбрехта.

А братьев-виталийцев, упомянутых выше, в конце концов стало так много, что они принялись нападать и на врагов, и на друзей. Все города терпели от них огромный убыток: пришлось принять меры, чтоб усмирить разбойников. И на восьмом году плена короля Альбрехта — а за эти семь лет всем трем королевствам был нанесен огромный ущерб — начались переговоры о выкупе короля из плена. Каков был итог переговоров, видно из послания Стренгнесского епископа Турда, участника этих переговоров, городским властям Стокгольма⁴⁷³. В послании говорится следующее: «Извещаю вас, досточтимые мужи, герр Женрик Ван Брандис, бургомистры и родманы Стокгольма, что два могущественных господина из Пруссии, по поручению тамошнего ордена и его магистра, и бургомистры Любека, Штральзунда и других городов, заключили окончательное соглашение с нашей государыней королевой, что наш государь король Альбрехт и его сын будут освобождены, если уплатят определенную сумму, либо сдадут Стокгольм; в противном случае им надлежит вернуться в место заключения. На этот счет она дала обязательство восьми городам — в том числе Росток, Висмару и Стокгольму. В переговорах также участвовали герр Вернер Аксло, герр Хельмольт Ван Плетцен и еще пять или шесть рыцарей из Мекленбургского герцогства. И они, довольные исходом, уехали из Хельсингборга от нашей госпожи королевы, за пять дней до праздника Святого Варфоломея, и повезли договор герцогу Иоханну, условившись, что в назначенный час — в день

всех святых — герцог Иохан и вышеуказанные прусские господа и представители городов встретятся с королевой на Алахольме и утвердят соглашение, и с тем — мир и согласие. Согласно этому договору, будет отпущен на свободу также граф Реппинский. Решение вопроса об остальных пленниках — будут ли они с обеих сторон отпущены или нет — отложено до вышеуказанного дня. Вот перечень указанных восьми городов: Любек, Гамбург, Штральзунд, Данциг, Торн, Эльбинге, Кампен, а также либо Штеттин, либо Грейфсвальд».

Итак, король Альбрехт вместе с сыном вышел на свободу с условием: в течение трех лет он должен либо уплатить шестьдесят тысяч марок чистым серебром, либо сдать Стокгольм, передав все права на королевство, либо вернуться под стражу. С тем он отбыл в Мекленбург. Упомянутый договор был заключен в год от Рождества Христова тысяча триста девяносто пятый.

А тем временем братьев-виталийцев на Балтийском море стало так много, что никому там не жилось спокойно. Они держали в своих руках Готланд: там находилось их главное убежище. Посему рыцари Прусского ордена собрались в поход и захватили Готланд, отвоевав его у виталийцев: так сообщается в некоторых хрониках. Когда вести о том дошли до короля Альбрехта, уже отпущенного на свободу, он вместе с несколькими бургомистрами из Ростока и Висмара явился в Пруссию и предъявил жалобу: Готланд-де отнят у него силой. Рыцари ордена ответили, что отвоевали остров у врагов, не дававших покою их городам и купцам. Вот и все, чего король Альбрехт смог от них добиться. Все же, чтобы не доводить дело до столкновения, король и прусские рыцари в конце концов договорились: рыцари дадут королю толику денег за права на Готланд. Во всяком случае некоторые полагают, что под власть прусских рыцарей остров перешел именно так. В шведской же хронике об этом ничего не сказано.

Виталийцы же, хоть и видели, что война окончилась, настолько привыкли нападать и разбойничать, что остановиться уже не могли. Некоторые из них ушли в Северное море, предались там отъявленному разбою; среди прочего разграбили Берген; очень долго в тех краях с ними не могли справиться. Другие же еще много лет разбойничали на Балтийском море.

Через некоторое время после освобождения короля Альбрехта умер на Готланде его сын Эрик. Супруга же короля — королева Рикица (дочь Отте, графа Реппинского) скончалась еще задолго до того. Так что сам король уже и не пытался вернуть королевство. А меж тем подошло время выполнять условия — и города-поручители твердо напомнили о том королю. Тогда он отказался от прав

на Стокгольм и на королевство в пользу королевы Маргареты и остаток жизни провел в Мекленбурге. Стокгольм же, как следует из сказанного, хранил верность королю Альбрехту добрых десять лет со времени, когда король был взят в плен — ведь он продолжал подчиняться ему три года, когда король уже отбыл в Мекленбург.

Так король Альбрехт потерял королевство. То был первый король-иноземец на шведском престоле с того времени, как в Швецию пришло христианство. Впрочем, мать его была шведка — Евфемия, дочь герцога Эрика, сестра короля Магнуса Смека. Так угас род святого Эрика, находившийся в Швеции у власти. Угас и род Биргера ярла, отпрыски которого стали, ни много ни мало, королями. И поразительны судьбы людей из этого рода: большинство из них постигла печальная участь. Король Вальдемар, сын Биргера ярла, скончался в темнице: туда его заключил родной брат — король Магнус Амбарный Замок. Сын короля Вальдемара был подвергнут пожизненному заключению. Король Биргер, сын короля Магнуса Амбарного Замка, уморил голодом братьев и сам стал изгнанником, умер в муках. Его сына, избранного королем, казнили за грехи отца. И у короля Магнуса Смека была недобрая судьба: дважды его низвергали с престола собственные же сыновья. Он отравил старшего сына — и сам умер в изгнании. Король Альбрехт в день Святого Матфея⁴⁷⁴ захватил в плен родича и семь лет продержал в темнице. И его схватили в день Святого Матфея и на семь лет заключили в темницу: как он сам поступил, так поступили и с ним. Он силой отнял у родича королевство — и самого его силой заставили отдать Швецию королеве Маргарете.

Подобные примеры да будут государям в назидание: не надо чрезмерно уповать на огромную власть. Следует помнить: престол зыбок; коли выше всех вознеслись, то и упасть, возможно, суждено ниже всех. Ведь чем выше вознесся — тем ниже падать. Биргеру ярлу нет оправдания за то, как он обошелся с Фолькунгами — какими бы те ни были. И видно, Бог наказал его потомков, как повелось, до четвертого колена.

Как выше сказано, король Альбрехт стал первым в Швеции королем-иноземцем с тех пор, как в страну пришло христианство. Так вот, уже из его правления видно, каково жить под властью иноземца. С иноземным государем приходит множество иноземцев с иноземными же обычаями, притесняя и неволя жителей страны. Естественно, государь любит соотечественников больше, чем остальных, и доверяет им больше, чем остальным. Оттого уроженцы страны оказываются в нищете и презрении, а иноземцы обогащаются. Так и король Альбрехт: требовал от шведов налог за налогом, чтобы обогатить земляков. Вот так: многих обобрал, чтобы многих

сделать богатыми. И столько роздал другим, что и сам впал в бедность — а все продолжал раздавать. Он не учел: бережливость — великое богатство. От множества незаконных поборов происходят беспорядки; так случилось и здесь.

Отсюда вывод: лучше всего, чтобы у каждой страны, по возможности, были собственные правители. Конечно, часто случается, что и местные государи наносят стране вред. Но государи-иноземцы вообще редко делают то, что полезно и нужно стране. Даже если государь-иноземец добродетелен и благочестив, все равно у него иноземные обычаи, иноземные слуги; и то, и другое стране в тягость. Так устроен мир: каждая страна держится своих обычаев и не любит перемен — жители подчас поднимают бунт, сопротивляясь новшествам. Так что порой лучше сохранить местные обычаи, если они не совсем уж непотребны, чем, вызывая беспорядки, вводить какие-то улучшения. Мы видим: страны и королевства, где много дурных обычаев, точно так же благоденствуют, как те, где обычаи добрые. Все страны — под Богом, всеми ими Он правит — но не всем им Он в равной степени даровал разум и вежество. Посему лучше всего, чтобы каждая страна сохраняла свои законы и обычаи, а это вернее блюдется, когда государь — местный уроженец. Все это сказано здесь не в укор иноземным государям. Но как обстоят дела в странах и королевствах, которыми правят иноземцы — известно по опыту. А уж какого государя надлежит получить той или иной стране — то решает Бог, который правит всеми этими странами.

Итак, королева Маргарета получила в свои руки Стокгольм и с тем стала безраздельно править всеми тремя королевствами. И шведов постигла та же участь, что и при короле Альбрехте: ими пренебрегали, иноземцам жаловали замки и лены — хоть было обещано совсем иное, когда шведы признали ее государыней⁴⁷⁵. А ведь было создано множество грамот с печатями, где говорилось: замки и крепости королевства должны находиться в руках уроженцев страны, а не иноземцев. Однако обещание не было исполнено⁴⁷⁶. Члены риксрода изъявили недовольство: замки и крепости шведской короны следует жаловать шведам, как обещано в грамотах. Но королева в ответ только посмеялась: оставайтесь, мол, при своих грамотах, а я останусь при своих замках.

Также королева ввела в Швеции множество новых налогов. Она учредила похвостный налог: бондам надлежало теперь платить налог со всей скотины, с каждого хвоста⁴⁷⁷. Она постановила, что каждый бонд — владелец собственного очага, должен уплатить одну марку. И это не говоря уже о «марке королевы» и многих других повинностях и поборах, которые она наложила на страну.

В конце концов, Швеция от длительных войн и от незаконных по-
датей полностью разорилась. А все золото, серебро и наличные
деньги, которые она взимала в Швеции и которых набиралось на
огромные суммы, она отправляла в Данию.

Итак, по ее делам видно: она хотела довести Швецию до ни-
щеты — чтобы Швеция не обрела самостоятельность и навеки по-
корилась Дании (но Бог распорядился иначе). Она не доверяла
шведам замки и лены. Исключение было сделано лишь для герра
Абрахама Брудерссона: он получил Халланд, Вэрэнд и еще кой-
какие области. Просто королева любила этого герра Абрахама;
был он мил ее сердцу — пожалуй, даже слишком. Когда ей что-то
требовалось, она была щедра на посулы. Но стоило ей добиться
своего, как она забывала об обещанном. Датчане эту королеву
Маргарету весьма хвалят, что неудивительно — ведь она всеми си-
лами стремилась возвысить и обогатить Данию. Но шведам ее, в
общем-то, не за что хвалить: она только и делала, что притесняла
их и обирала.

Отдадим ей должное: она была умна. Но она не одинаково от-
носилась к королевствам, которыми правила; неудивительно, что в
хрониках этих королевств ее оценивают по-разному. Тот, кто уни-
жен, и тот, кто возвышен, по-разному оценивают того, кто унижал
и возвышал. По ее приказу в Швеции чеканилась монета, которую
по сей день пренебрежительно называют «Маргаретина монета». На
той монете королева повелела изобразить тот герб, который
природа пожаловала ей, как женщине⁴⁷⁸. Некоторые полагают: ко-
ролева этим хотела унижить шведов, как бы показывая: вот, вроде,
и мужчины, и силачи, — а женщина их всех одолела; вот о чем
должна была свидетельствовать монета. Но коли так, то королева
сама себя унизила больше, чем шведов. И без того было видно, что
она женщина; не стоило выставлять напоказ часть тела, которую
природа и разум велют прикрывать. А уж какую честь она снискала
таким поступком — понятно каждому. Этот же герб она жало-
вала городу Эребру в качестве городского герба. Он и по сей день
красуется на бадях и безменах — как дань памяти королевы и той
славы, которую она заслужила. Слава эта жива по сей день. Ко-
ролева всю жизнь ненавидела шведов⁴⁷⁹ — несомненно из-за того,
что ее покойный муж король Хакон враждовал со шведами. Эту
ненависть она затаила в душе — хоть на словах всегда была щедра
на добро.

Когда королева Маргарета уже несколько лет правила всеми
тремя королевствами, начала она размышлять, кого сделать ко-
ролем после себя. И поскольку у нее не имелось наследников по
прямой линии, она призвала в Данию племянника⁴⁸⁰ — юного по-

меранского герцога по имени Бугислав⁴⁸¹. Она долго держала его при себе; сменила ему имя: стал он зваться Эрик. Затем она созвала государственных советников всех трех королевств и пожелала, чтобы те избрали ее племянника герцога Эрика королем. Те ответили: покуда она жива, они не желают другого государя⁴⁸². Шведы уже познали на примере короля Альбрехта и королевы Маргареты, что такое иноземный государь — и получить еще одного им не очень-то хотелось. Весьма вероятно, что и датчане не хотели, чтобы ими правил упомянутый герцог Эрик. Но она так настойчиво добивалась своего, что пришлось им подчиниться.

Посему упомянутый герцог Эрик был избран королем над всеми тремя королевствами; и ему воздали почести во всех местах трех королевств, где полагается чествовать новоизбранных королей. Его чествование на камне Мура состоялось в воскресенье после праздника Святой Магдалины⁴⁸³, в год от рождества Христова тысяча триста девяносто шестой; был он в ту пору еще очень юн⁴⁸⁴. Его короновали в Кальмаре на престол всех трех королевств⁴⁸⁵. И в связи с этой коронацией королева Маргарета добилась, чтобы государственные советники всех трех королевств принесли клятву и создали подробную грамоту с письменным обязательством, что отныне все три королевства будут находиться под одним государем-королем, дабы между всеми тремя королевствами царили мир и согласие⁴⁸⁶.

Этот союз был заключен при следующих условиях⁴⁸⁷. Прежде всего, за каждым королевством сохраняются его название, законы, право, привилегии и добрые древние обычаи; и ни один закон не будет введен без согласия народа. В каждом королевстве будут иметься дротс, марск, гофмейстер и королевский обер-канцлер. И король будет пребывать в королевствах поочередно — по возможности, по четыре месяца в каждом. И если на какое-то из королевств обрушится война, то два других должны прийти ему на помощь — как если бы все три королевства составляли одно. Королевство, оказывающее военную помощь, должно обеспечить провизией воинов, которых оно посылает, на все время пути до королевства, которое нуждается в помощи; дальше их должны обеспечить провизией там. Ни одно из королевств не должно объявлять войну, не спросив совета у двух других. А для выборов короля должны собираться в Хальмстаде по сорок лучших людей от каждого королевства: всего, следовательно, сто двадцать. Если покойный король оставил сына, пригодного для правления, то он должен взойти на престол, независимо от того, старший это сын или младший. Если же нет, то следует бросить жребий, из какого королевства следует избрать короля — чтобы ни одно королевство

не могло посетовать, что им пренебрегли. После того как жребий выпал на одно из королевств, все сто двадцать указанных людей должны принести присягу и приступить к выборам. Если они не придут к согласию, то из указанных ста двадцати следует избрать двенадцать, по четыре от каждого королевства; кого они выберут, тот станет королем. Вот, вкратце, те условия, на которых был заключен союзный договор, согласно которому все три королевства навеки должны быть под одним государем-королем, дабы между королевствами существовали прочный мир и согласие.

Но, увы, добра, к которому стремились, не обрели; а зло, от которого хотели избавиться — получили. Союз этот, как мы убедимся ниже, стал причиной множества раздоров. Произошло это оттого, что польза и выгода союза для королевств оказалась неодинаковой: ведь условия, на которых стороны заключили союз, не были соблюдены. Со временем подданные стали говорить королю: Швеция будет вас кормить, Норвегия — одевать, а Дания будет за вас сражаться⁴⁸⁸. Эта поговорка хорошо показывает, к чему привело упомянутое объединение. Получилось, что шведы и норвежцы должны быть рабами, а датчане — господами: далеко тут было до равенства. Потому-то датчане старались, чтобы союз сохранил силу, и настаивали, чтобы соблюдались данные в этой связи письменные обязательства. Шведы же вышли из союза, поскольку для Швеции он обернулся непомерным ущербом.

Причины, по которым шведы не захотели оставаться в союзе, перечислены во многих грамотах и регистрах. Прежде всего, условия союза не были соблюдены: датчане, по существу, первыми вышли из союза, провозгласив короля Кристофера своим королем и не спросив при этом мнения шведов. Замки и крепости короны в нарушение законов и привилегий Швеции были отданы под управление иноземцам; поэтому шведы не были обязаны оставаться в том союзе. Если бы этот союз сохранял силу дольше, он привел бы к непоправимому для Швеции ущербу. Ведь вся рента короны вывозилась из Швеции в Данию; и все средства, собранные в виде налогов, после смерти короля остались в Дании. Поскольку королю угодно было дольше находиться в Дании, чем в Швеции, Дания оказалась в лучшем положении, чем Швеция, и стала ею как бы повелевать. И датское рыцарство приумножилось, а шведское сократилось: если бы союз сохранялся дольше, шведское рыцарство совсем сошло бы на нет. В наше время можно убедиться: то, чего опасались шведы, произошло с норвежским рыцарством. Кроме того, короли Дании стали вести частые войны с Голштинией и немецкими городами, не спрашивая мнения шведов — и при том шведы должны были участвовать в тех войнах, терпя огромные

убытки. В силу этих и многих других причин шведы не пожелали оставаться в союзе, который был заключен в правление королевы Маргареты.

И поскольку, таким образом, датчане всеми силами стремились сохранить союз, а шведы, напротив, хотели из него выйти, началось множество раздоров и войн между королевствами. Датчане считали, что этот союз дает им права на Швецию: их король должен быть и королем шведов. Так этот союз стал поводом и причиной неслыханной распри между двумя королевствами. Да и внутри королевств в связи с этим начались раздоры; об этом в нашей хронике речь пойдет ниже. Но вернемся к нашему повествованию.

Следует знать, что хотя король Эрик и был, как сказано выше, провозглашен государем всех трех королевств, все же, покуда король не возмужал, правила этими королевствами по большей части королева Маргарета: тому есть немало доказательств⁴⁸⁹. Поскольку Готландом правили крестоносцы, королева начала размышлять, как вернуть этот остров⁴⁹⁰. Сперва она хотела вернуть остров силой. Для этого она послала туда герра Альгута Магнуссона и герра Абрахама со множеством воинов; было то в год от рождества Христова тысяча четыреста третий. И ко дню Святого Мартина⁴⁹¹ они овладели Готландом, возвели на острове пять крепостей и осадили Висбю, окружив город со всех сторон. Тогда прусские крестоносцы с огромными силами прибыли на остров, прогнали оттуда воинов королевы и сравняли с землей крепости, возведенные шведами; обе стороны понесли при этом большие потери. Королева убедилась: отвоевать остров ей не по силам; тогда она решила его выкупить. Ради этого она наложила на шведов немалый налог: двенадцать эре с каждого дома, и выкупила Готланд за десять тысяч ноблей — при том, что король Альбрехт в свое время передал его за двадцать тысяч английских ноблей. Наверное, крестоносцы сочли, что не смогут удержать остров без больших потерь; потому они взяли сколько смогли — и махнули на остров рукой.

А когда король Эрик вырос, королева Маргарета сосватала ему невесту — дочь короля Англии (а некоторые утверждают: короля Португалии) по имени Филиппа⁴⁹². Чтобы привезти невесту, были посланы герр Туре Бенгтссон от Швеции и два рыцаря от Дании, с подобающей свитой. Они вернулись с принцессой — и в Сконе, в Лунде, была сыграна свадьба. Филиппа привезла с собой приданое — золотую монету такой величины, что стоимость ее составляла много тысяч гульденов.

В год 1408 умер архиепископ Хенрик⁴⁹³. В том же году умер герр Стен Бенгтссон⁴⁹⁴ в своем замке Мариенбург близ Энчёпинга. На следующий год король приказал казнить герра Абрахама

Брудерссона, еще при жизни королевы Маргареты; но по какой причине — наша шведская хроника не сообщает⁴⁹⁵. Видно, речь шла о тяжелом преступлении, раз даже королева Маргарета не смогла заступиться за своего любимца. В память о нем королева основала пребенду в Роскильде; так она и называется: пребенда герра Абрахама.

В год от рождества Христова тысяча четыреста двенадцатый королева Маргарета умерла от чумы, возвращаясь на корабле из Фленсборга; случилось это в канун дня Симона и Иуды⁴⁹⁶, и было ей в ту пору около 60 лет; прошло восемнадцать лет с тех пор как король Альбрехт передал ей права на Стокгольм и Швецию. Король Эрик, став после ее смерти единовластным государем, шел, не сбиваясь, тем же путем, который для него проложила королева Маргарета. Замки и земли отдал в лен датчанам и немцам, поправ обещания, которые дал при коронации. Шведам не вверял ни замки, ни крепости; шведы были вынуждены жить лишь на доходы от наследных поместий и притом несли столько расходов, что начисто разорялись.

Еще при жизни королевы Маргареты началась распря между королем Эриком и голштинскими государями из-за герцогства Шлезвиг. Король Эрик хотел присоединить это герцогство к Дании, а голштинцы, в свою очередь, не хотели его отдавать. Из-за этого началась губительная, затяжная война. Кроме того, виталийцы, по воле короля Эрика, часто захватывали корабли в гаванях приморских городов; дело дошло до открытой войны между королем и этими городами. Эти войны — между королем и голштинцами, между королем и городами — продолжались двадцать шесть или двадцать семь лет, вплоть до начала шведского восстания против короля, о чем речь пойдет ниже. Но об этих войнах мы не будем рассказывать подробно: в нашей хронике надлежит уделять внимание тому, что произошло в Швеции. Тот, кто хочет узнать подробности этих затяжных войн, может почерпнуть их из датских и немецких хроник.

О том же, какой ущерб понесли от этих войн все три королевства, и сколько достойных людей притом погибло, было бы слишком долго писать. Особенно тяжкое бремя легло на плечи шведов. Часто им приходилось отправляться в поход на своих кораблях, со своими людьми, на собственный кошт, себе в убыток, без малейшей помощи от короля; поэтому они вынуждены были отдавать в залог и продавать наследные владения. Часто случалось, что шведы попадали в плен: тогда им годами приходилось томиться в тюрьме, самим платить выкуп и самим оплачивать содержание в плену (доходя до полного разорения). Так произошло с герром

Брудером Свенссоном, с Грегерсом Монссоном и еще со многими другими, кого взяли в плен любечане. Этим пленникам пришлось семь или восемь лет провести в любекской темнице. Поскольку же эта война длилась долго, в Швеции было введено бесчисленное множество налогов и податей. Шведские рыцари постоянно уходили в поход — биться с врагами, и оттого выпадали в еще большую бедность; а простой народ беднел от множества налогов и повинностей.

Налоги так возросли, что с маркланда⁴⁹⁷ земли полагалось платить, как правило, от двенадцати до шестнадцати марок в счет основного налога; это не говоря о малых налогах и повинностях, которым не было счету⁴⁹⁸. Шведы сами оплачивали все свои поездки; мало того: им так часто приходилось отправляться на съезды господ, что приходилось проедать и движимость, и недвижимость. А все налоги и подати, взысканные в Швеции, отсылались в Данию. Дошло до того, что в Швеции уже ни у кого не было денег, кроме как у королевских управляющих — немцев и датчан. Из-за нехватки наличности полноценный бык стал стоить 12 эре, полноценная корова — 6 эре⁴⁹⁹. И получилось, что шведы не могли пособить друг другу; если кто-то впадал в нужду, и требовалось продать или заложить имущество: землю или усадьбу, движимость или недвижимость, приходилось идти к датчанам и немцам — те скупали все подчистую.

Далее, король Эрик сделал Уппсальским архиепископом датчанина — чтобы вообще уже шведов не осталось у власти. Звали того датчанина Йоханнес Герекини; назначен он был вопреки воле капитула⁵⁰⁰. Но за свою порочную жизнь он был низложен и стал епископом Скальхольтским в Исландии; там его безжалостно убили. С уппсальского же престола он был смещен в год Господень 1421. Спустя два года после этого разразилась такая лютая зима, и Балтийское море так сковал лед, что можно было на лошадях добраться по морю из Данцига в Любек, или из Померании в Данию.

В год от Рождества Христова тысяча четыреста тридцатый, на двенадцатый день после Рождества скончалась королева Филиппа. Ее похоронили в Вадстенском монастыре, где она часто бывала и где умерла. На упокой ее души король пожертвовал монастырю три тысячи ноблей. Она была благочестивой государыней; детей же своему супругу не принесла. Об ее смерти пишут следующее. Когда еще шла война с приморскими городами, король отправился к императору, а затем в Иерусалим. Покуда он находился в отъезде, королева решила отличиться и снискать славу. Она снарядила семьдесят пять кораблей — и больших, и малых, какие только

удалось найти, — и отправила их к Штральзунду; там им удалось нанести противнику урон. Но ветер оттеснил эти суда в залив, где они оказались беззащитны. Тут подоспели любечане и штральзундцы, малыми силами истребили большую часть кораблей и людей короля и взяли более трехсот пленных. Король Эрик, узнав об этом и вернувшись домой, разгневался и обошелся с женой жестоко и грубо — оттого она и умерла; говорят, она была тогда беременна. На следующий год скончался архиепископ Иоханнес Хаквини, в прошлом вадстенский монах⁵⁰¹; он заболел проказой и скоропостижно умер⁵⁰².

Как уже говорилось, шведы страдали под тяжким гнетом: рыцарство впало в бедность из-за военных походов, а простой народ обеднел из-за налогов и податей. Меж тем королевские управляющие безжалостно мучили бондов. Особенной жестокостью отличался начальник Вестеросского замка — датчанин по имени Йоссе Эрикссон⁵⁰³. Он нещадно притеснял бондов, особенно тех, что жили в Даларне: иных он вешал в копильне; и много еще надругался над ними разными непристойными и недостойными способами. Это и привело в конце концов к восстанию против королевских управляющих. Вот как это случилось.

Немецкие и датские управляющие к тому времени уже много лет терзали народ и творили беззаконие по отношению к бондам. А тем и пожаловаться было некому: король все время пребывал в Дании, а Швецию отдал на произвол управляющих. Обещание же проводить в каждом королевстве по четыре месяца в год было напрочь забыто. Те, кто страдал от беззакония, часто посылали ходатаев к королю, но справедливости так и не добились. Мало того, их, уже и без того пострадавших, король сам бил и унижал. Больше всего люди жаловались на упомянутого Йоссе Эрикссона; но тот в подобных случаях писал королю и добивался, что король не верил жалобам.

А в то время в Коппарберге жил человек по имени Энгельбрект Энгельбректссон. Был он мал ростом, но умен, отважен и красноречив. Стало ему жаль жителей Даларны, терпящих беззаконие, и он взялся передать их ходатайство королю — а это было ему вполне по силам, ведь он вырос при дворе. Он прибыл в Данию и на все лады расписал перед королем, как жестоко обращается Йоссе Эрикссон с бедными жителями Даларны; и присягнул, что готов лишиться головы, если хоть что-то из сказанного — неправда. Но добился он немногого: король написал членам риксрода, чтобы те направились в Даларну и расследовали дело, а об итогах сообщили королю; а Йоссе Эрикссон пусть-де остается при своей должности. Те, исполнив поручение, написали королю письмо о насилии

и произволе, которые пришлось терпеть бедным людям Даларны. С этим письмом Энгельбрект вновь предстал перед королем и стал так отчаянно просить, так горячо убеждать, что король прогневался: «Ты все жалуешься да жалуешься; иди прочь и не попадайся на глаза!» Тот подчинился, но уходя, процедил сквозь зубы: «Я еще вернусь!»

Далекарлийцы убедились: ни письма, ни ходатайства не помогут; собрались и сообща решили: лучше умрем, чем будем терпеть такую напасть. Выбрали Энгельбректа вожакom и направились к Вестеросу. Там их встретили несколько членов риксрода: они сумели уговорить бондов с миром вернуться и разойтись по домам. Но те поклялись, что никогда больше не будут платить Йоссе Эрикссону налоги. Произошло это в год Господень 1433, осенью; король Эрик к тому времени правил уже 37 лет, а самостоятельно после смерти королевы Маргареты — 25 лет. Бонды разошлись по домам; но когда все утихло, Йоссе Эрикссон снова послал своих слуг в Даларну и потребовал уплатить налог. И вновь начались волнения; и в середине Великого поста бонды подступили к Вестеросскому замку и осадили его; и они сравнивали бы замок с землей, если бы не вмешались члены риксрода. Было постановлено: Йоссе Эрикссона сместят, жалобу бондов удовлетворят, а замок передадут графу Хансу⁵⁰⁴. Тот поставил там начальником своего фогда — Мельхиора Гёрсе⁵⁰⁵. С тем далекарлийцы снова разошлись по домам уверенные: король рассмотрит их жалобу, прочтет послание риксрода и вынесет справедливый приговор.

Но оказалось, что надежды напрасны; более того, пошел слух, что взамен назначат еще худшего злодея. Тогда поднялись все как один; перво-наперво сожгли Бурганэс, затем пошли к Чёпингскому замку⁵⁰⁶. Тамошний начальник — Юхан Вале⁵⁰⁷, узнав, что приближаются бонды, бросил замок и укрылся в Стэкеборге⁵⁰⁸. Тогда бонды сожгли Чёпингский замок⁵⁰⁹. И Энгельбрект стал убеждать простых людей Вестманланда, чтобы они помогли освободить страну от иноземцев; те откликнулись на этот призыв; было то в праздник Ивана Купалы⁵¹⁰. Написал он и всем фрельсисманам, жившим в тех краях, чтобы те присоединились к нему. Затем он выступил в поход на Вестерос. Мельхиор⁵¹¹, фогд замка, вышел ему навстречу. Энгельбрект приказал ему сдать замок; тот исполнил приказ на следующий день. Энгельбрект передал этот замок герру Нильсу Густавссону⁵¹², отцу Эрика Пуке⁵¹³, и обратился к фрельсе: пусть те помогут освободить от угнетателей отечество; тех не пришлось уговаривать. И еще Энгельбрект велел объявить: кто к нему не примкнет — у того до основания будет разрушена усадьба, а сам этот человек будет лишен мира.

Затем Энгельбрект со своими людьми двинулся к Уппсале; ему присягнул весь Уппланд. И поскольку бонды страдали от непомерных налогов, он, посоветовавшись с рыцарями, которые были с ним, сократил на треть налоги — слишком уж большими они были при короле Эрике. Бонды же, увидев, что налоги уменьшились, стали еще ревностнее поддерживать Энгельбректа, желая исполнить его волю. А Эрик Пуке в то время находился в Корсхольме⁵¹⁴, которым управлял по поручению отца — Нильса Густавссона. Этот Эрик был смельчак каких мало; Энгельбрект написал ему: пусть он покажет себя истинным шведом и у себя, в Норланде, поможет избавить страну от напасти. Эрик Пуке охотно исполнил приказ: собрал под свое начало весь Норланд, и с помощью хельсингланцев предал огню Факсехольм⁵¹⁵. Послал отряд на Аландские острова и осадил замок Кастельхольм⁵¹⁶. Этот замок был отдан королем в лен женщине по имени фру Ида⁵¹⁷; ее управитель, Отте Пуггевисш⁵¹⁸, был очень спесив. Но едва началась осада, он вступил в переговоры и сдал замок. Совершив свои деяния в Норланде, Эрик Пуке отправился в Энгельбректу. Тем временем, покуда в Упланде происходили описанные события, восстали и жители Рекарне⁵¹⁹ и устремились к Грипсхольму⁵²⁰. Этим замком управлял человек по имени Хартвик Флёт. Когда он узнал, что приближаются бонды, погрузил все ценное имущество на корабль, поджег замок и отплыл в Стокгольм. Он жестоко притеснял народ: поэтому и не осмелился встретиться с бондами лицом к лицу.

Теперь у Энгельбректа было достаточно большое войско, и он подступил к Стокгольму, расположился на холме Брункеберг и вызвал к себе Ханса Крёпелина⁵²¹. Этот Ханс был человек честный, порядочный. Были бы такими все фогды и управители короля Эрика — восстание само собой бы прекратилось. Плохие фогды — вот кто свергает государей с престола. Когда Ханс Крёпелин явился, Энгельбрект потребовал сдать Стокгольмский замок вместе с городом. Ханс на это возразил: не пристало ему с такой легкостью уступать замок и город своего государя. После долгих переговоров они заключили перемирие до праздника Святого Мартина⁵²².

Энгельбрект направился к Эребру, осадил там замок. Человека, который управлял этим замком, звали Кетильберг. С этим Кетильбергом заключили соглашение: если в течение шести недель он не получит подкрепление от короля, то сдает замок. Энгельбрект же направился к Нючёпину; тамошний управляющий звался Альбрехт Стюке; с ним заключили такое же соглашение, как с Кетильбергом. Оттуда Энгельбрект отправился к Рингстадахольму; им управлял человек по имени Хенрик Стюке: сдать замок он на-

отрез отказался. Тогда Энгельбрект распорядился построить большой плот и на нем высокую осадную башню.

Тем временем Энгельбректу сообщили, что в Вадстене, возвращаясь от короля, остановились члены риксрода⁵²³. Тогда, оставив большую часть войска осаждать замок, Энгельбрект устремился в Вадстену: там находились Линчёпингский епископ Кнут, Скарский епископ Сигге, Стренгнесский епископ Томас⁵²⁴ и множество светской знати. Энгельбрект обратился к ним с речью, объяснил, чего добивается. Он хочет освободить страну от рабства, в котором она давно пребывает: ведь с тех пор как сложил свои полномочия король Магнус, Швецией правили не короли, а тираны. Как и водится у тиранов, они старались погубить страну, а не принести пользу стране и народу, как подобает королям и как следует из присяги, которую они принесли. Они обложили Швецию налогами свыше того, что страна могла дать и что установлено шведским законом и добрыми древними обычаями. Они правили себе на пользу, королевству — во вред. Они наводнили страну иноземцами и помыкали шведами. И еще многое перечислил Энгельбрект, прося, чтобы члены риксрода помогли вызволить страну из рабства, в котором она пребывает, и вернуть ей свободу, присущую испокон.

На это члены риксрода ответили: не пристало им отступаться от государя, которому присягнули на верность; клятву нужно сдерживать. Энгельбрект возразил: король ведь тоже принес множество клятв и ни одной не сдержал; потому и члены риксрода не обязаны держаться своей клятвы. Ведь они присягнули ему на верность в ответ на его присягу, где он обязался блюсти шведский закон и жаловать шведские замки уроженцам страны: клятва скрепила клятву. А коли он не сдержал своей клятвы, то и их клятва, которой скреплена его клятва, сама собой, мол, обратилась в ничто. Этими и другими доводами Энгельбрект пытался добиться, чтобы риксрод отрекся от короля.

Энгельбректу, конечно, хотелось, чтобы члены риксрода поддерживали его и присоединились добровольно: тогда его дело было бы еще более прочно. Но те отказались наотрез, заявив, что желают хранить верность государю. Вероятно, они рассудили: нельзя тут же восставать против короля за то, что он злоупотребил властью. Иначе ни один правитель не удержался бы у власти: разве бывают безупречные государи? Если подданные то и дело будут восставать, не будет никакой прочной власти. Да и не годится, чтобы всяк был судьей королю, рассуждал: следует, мол, его свергнуть или не следует. Когда люди живут сообща, приходится многое терпеть друг от друга. Если столько нужно терпеть от ближнего, коли хочешь жить сообща, насколько же больше надлежит терпеть

от государя, коль хочешь, чтобы власть была прочной. Порой приходится терпеть одного тирана, чтоб не появилось много тиранов. Ведь когда нет правителя, всякий делает, что хочет — и возникает много тиранов. Поэтому лучше послушно терпеть законного государя, чем покориться, множеству людей.

Такие, видимо, доводы привели члены риксрода Энгельбректу. Хотя они и были рады освободиться от тяжкого рабства, в котором пребывали, а все же считали: нет достаточных оснований, чтобы расторгнуть клятву верности королю. Энгельбрект, видя, что те твердо стоят на своем, ударил по другой струне, строго предупредив: если они не расторгнут присягу, то лишатся жизни и имущества. И с тем он отдал приказ схватить их. Члены риксрода, услышав такое, подчинились его воле — иначе их усадьбы были бы разграблены, а их самих убили бы бонды. Теперь уж у них имелись достаточные причины, чтобы расторгнуть присягу. Энгельбрект составил письмо, в котором они известили короля, что расторгают присягу. Письмо скрепили печатью и отослали королю.

Покончив с этим, Энгельбрект отправился к Рингстадахольму; начальник замка Хенрик Стюке без промедления вступил в переговоры и сдал замок: очень уж его испугала плавающая башня, которую возвели осаждавшие. Оттуда Энгельбрект устремился к Стэкеборгу: там находился Юхан Вале, спасшийся бегством из Чёпингского замка. Вступив в переговоры, Вале недолго думая уступил замок; Энгельбрект вручил его епископу Кнуту. Затем созвал в Сёдерчёпинге эстёттов и условился с ними так: часть эстёттов пошли за ним к замку Стэкехольм, которым управлял датчанин по имени Лаге Рёд, окружили и шесть недель держали в осаде. Но овладеть замком не смогли и потому заключили перемирие до дня Святого Мартина. А часть эстёттов под начальством Хермана Бермана⁵²⁵ направились к Румлаборгу⁵²⁶, которым управлял герр Отте Снапс. Тот наотрез отказался сдать замок; тогда эстётты его подожгли. Герр Отте едва спасся, а замок сгорел дотла. Затем Херман Берман со своим отрядом двинулся к Троллеборгу⁵²⁷, где начальником был Хеннинг Ван Ланкен. Ему позволили покинуть замок, унеся все имущество; после чего замок сожгли.

Потом Берман подошел к Пиксборгу⁵²⁸ и поступил с этим замком, как с предыдущими. Энгельбрект же подошел к Эребру и овладел замком, уплатив Кетильбергу⁵²⁹ тысячу шведских марок. Далее он подошел к Аксвалю⁵³⁰, которым управлял датчанин по имени Андерс Нильсон. Замок был осажден; осаду возглавил Эрик Пуке. А Энгельбрект написал жителям Вермланда: пусть те покажут себя истинными шведами. Начальником над ними он поставил Педера Ульфссона. Они овладели Эдсхольмом, которым

управлял Херман Гиселер, и сожгли этот замок; так же поступили и с Агнахольмом, которым управлял герр Андерс Нильссон, и Далаборгом, которым распоряжался датчанин Пале Йонссон. Сам же Энгельбрект направился к Опенстену. Этим замком по поручению графа Ханса управлял Мартен Грабо; ему позволили уйти со всем имуществом, а замок сожгли. Затем Энгельбрект занялся Эрестеном — там начальником был датчанин Йоссе Лауренссон. Он забрал все ценное, что было в замке, сам поджег его и отплыл в Данию.

Покончив с этим, Энгельбрект во главе большого войска направился в Халланд. Жители Северного Халланда подчинились ему; Энгельбрект и герр Аксель Педерсон, начальник Варбергского замка, заключили соглашение: Энгельбрект поставит над областью своего фогда, а Аксель ни во что не станет вмешиваться, но фогд Энгельбректа будет отчислять в его пользу половину налога. Затем был предан огню Фалькенберг, которым управлял Оке, сын герра Акселя. Далее Энгельбрект подошел к Хальмстаду и с ходу овладел им. Тогда жители Сконе собрались в большой отряд и расположились близ Лагахольма. Энгельбрект вышел им навстречу со своими людьми, но оба войска разделяла река. Тогда заключили соглашение, скрепленное множеством грамот с печатями: между Швецией и Сконе должен быть прочный мир⁵³¹. Было оговорено: если одна из сторон захочет нарушить мир, то должна за двенадцать недель предупредить другую сторону. Шведы должны в таком случае послать извещение в Лунд, а сконцы — в Вадстену. Покончив с этим, Энгельбрект отправился назад. А произошли описанные события — взятие замков — в год от Рождества Христова тысяча четыреста тридцать четвертый; тогда же состоялись переговоры о мире между королем Эриком и приморскими городами⁵³².

Так Энгельбрект овладел большей частью шведских замков; большинство захваченных замков он сравнял с землей либо сжег. Одни это одобряют, другие порицают. Часто спорят: что лучше для королевства — когда замков много или когда замков мало? Одни полагают: множество замков — это плохо. Обоснование такое: когда замков много, слишком велики тяготы народа. Те же, кто управляет замками, возгордившись, творят произвол и насилие, а нередко и восстают против государя: этого не было бы, если бы у них не имелось замков, в которых те могли чувствовать себя в безопасности. Если же страну захватят враги, их трудно изгнать: ведь опорой им служит множество замков. Вот такие доводы приводят те, кто считает, что замков не должно быть много. Их противники возражают: если замков мало, враг, напав на страну,

может быстро развить успех. К тому же держать в узде людей из народа, склонных к восстаниям и мятежам, можно лишь тогда, когда крепостей много. А если у правителя мало крепостей и замков, его легко свергнуть — и так будут сменять друг друга государь за государем, к непоправимому ущербу для страны. Поэтому, чтобы власть была прочной, нужно множество замков и крепостей. Таковы доводы тех, кто считает: королевству полезно иметь много крепостей и замков.

Но как бы там ни было с замками и крепостями — по-настоящему прочную крепость перед Богом и людьми воздвиг тот государь, который держит подданных в законе и праве, не допуская насилие и произвол. Добрая воля народа лучше множества замков и крепостей. Если народ расположен к правителю — не беда, если у того мало замков. Если же государь довел дело до того, что народ непокорен, строптив — не поможет ему множество замков и крепостей. Так и случилось с королем Эриком: ни проку, ни чести ему не было от множества крепостей и замков. Творить право и справедливость — вот самый что ни на есть прочный замок для короля: тогда с ним и Бог, и люди. А кто вершит насилие и произвол — против того и Бог, и люди; и не помогут тут ни замки, ни крепости. Несомненно, беспримерное насилие и произвол, которые творились в Швеции при короле Альбрехте, при королеве Маргарете и при короле Эрике — вот что вынудило крестьян разрушить множество замков. Шведский народ одной силой долго в узде не удержишь: у него свои крепости — горы, леса да болота. Поэтому шведам нетрудно восставать против государя. Вот почему Швеция куда лучше управляется добром, нежели строгостью. Если б король Эрик это понял — избежал бы печальной участи.

Итак, Энгельбрект изгнал всех начальников-иноземцев, назначенных королем Эриком, и передал отвоеванные замки, вместе со всеми землями и ленами, шведам. Воинам своим он строго приказал ни в чем не обижать бондов, и запретил даже кур у них отбирать⁵³³; за это простые люди были ему очень благодарны. Тем временем король Эрик, узнав, что творится в Швеции, собрал все войска, какие только были в Дании, на вербовал множество воинов в Германии, снарядил большой флот и устремился к Швеции, чтобы восстановить прежний порядок. Но на море разразился шторм, много кораблей разбилось, и сам король чуть не погиб. С большим трудом он все-таки подоспел к Стокгольму. Энгельбрект, узнав о том, поднял всю страну и повел людей в поход на Стокгольм. Упландцы подошли к городу со стороны Нормальма, сёдерманландцы со стороны Сёдермальма, а вестманландцы и жители Нärke, во главе с самим Энгельбректом, расположились на острове Лонгхоль-

мен⁵³⁴. Тем временем жители Руслагена⁵³⁵ приготовились штурмовать Эстхаммарский замок⁵³⁶. Но когда тамошний фогд узнал, что готовится штурм, он погрузил все ценности на корабль, поджег замок и отплыл к Стокгольму.

Король, убедившись, что окружен со всех сторон, повелел занять надежную оборону на Громункехольме и Хельгеандсхольме⁵³⁷ и дал знать шведам, что готов к переговорам. Встретившись со шведами, король спросил, на каком основании те решили его свергнуть. Те ответили, что не намерены сместить его во что бы то ни стало. Смысл их действий другой: они больше не хотят, чтобы попирались шведские законы и обещания, данные при коронации. Они готовы предстать перед судом и ответить за все свои деяния. И пусть их рассудят по закону: они охотно подчинятся приговору; все, что им нужно — это сохранить древние вольности и шведский закон.

Но король не хотел ни оставить шведам древние вольности, ни передать дело в суд: он считал, что не обязан судиться со своими подданными. Поэтому удалось договориться лишь о перемирии до следующего лета, до рождества Девы Марии⁵³⁸; до той поры фогды короля не должны осуществлять свои полномочия. И эти переговоры состоялись в Хельгеандсхусе в день Святого Мартина⁵³⁹. А замок Стэкет, которым управлял Ханс Крёпелин, король приказал сжечь, дабы его не захватили шведы; приказ был исполнен. Король отплыл обратно в Данию, а в Стокгольме оставил отряд в шестьсот воинов. Шведы же назначили на тринадцатый день от Рождества съезд господ в Арбуге. Те, кто собрался на этот съезд, единодушно избрали Энгельбректа хёвитсманом Шведского королевства⁵⁴⁰. По стране были разосланы другие достойные люди: чтобы каждый следил за порядком в своей области.

В то время как члены риксрода заседали в Арбуге, Ханс Крёпелин известил их в письме, что желает с ними переговорить. Тогда на день Мессы свечей⁵⁴¹ была назначена встреча в Сигтуне. Туда прибыл Ханс Крёпелин вместе с прусским крестоносцем, который тогда находился в Стокгольме⁵⁴². Оба изо всех сил старались помирить шведов с королем Эриком. Но члены риксрода стояли на своем: им пришлось вынести чудовищный произвол и насилие; дело следует передать в суд. Однако Ханс Крёпелин и крестоносец убедили шведов уладить дело при помощи третьей стороны, и сами вызвались быть посредниками. Получив на то добро, они прибыли к королю Эрику и вручили статьи, переданные шведами.

Король, посоветовавшись с приближенными, назначил съезд господ в Хальмстаде. Туда прибыли и шведы, и датчане, и, по всей видимости, также норвежцы; всем им предстояло вести пере-

говоры о мире и согласии. На эту встречу прибыл и уппсальский архиепископ Улоф⁵⁴³; король Эрик долгое время люто ненавидел его: ведь этого архиепископа Улофа избрали, не спросив короля. Поэтому король запретил ему появляться в кафедральном соборе, а вместо него назначил другого, по имени Аренд⁵⁴⁴ — в прошлом епископа Бергенского. Тот вскоре умер; тогда король на то же место назначил норвежца по имени Торлак⁵⁴⁵. Но тот, когда началось восстание Энгельбректа, бежал в Данию; и в связи с тем же восстанием архиепископ Улоф вернулся в Швецию — доселе ему это было запрещено, хотя и папа, и участники Базельского собора писали королю Эрику, прося за него. Этот архиепископ Улоф приложил много усилий, чтобы король вновь обрел власть над Швецией и чтобы Энгельбрект вернул ему Халланд. Состоялась указанная встреча весной, в праздник апостолов Филиппа и Иакова, в год от рождества Христова тысяча четыреста тридцать пятый. И на этой встрече было обещано: король Эрик прибудет в Стокгольм в предстоящий праздник Святого Олафа⁵⁴⁶. Следует также иметь в виду: на упомянутый встрече в Хальмстаде, по-видимому, было возобновлено соглашение между тремя королевствами, заключенное при королеве Маргарете; это видно из предварительного постановления, которое тогда было создано. Постановление это сохранилось по сей день; вот что в нем говорится:

«Мы, Ханс Лаксман Лундский, Улоф Уппсальский, Аслак Нидаросский, архиепископы; Аксель Педерсон, член риксрода Дании; Кристиерн Нильссон, член риксрода Швеции; Эндрет Эрлессон, член риксрода Норвегии; и проч. Так должны быть поименно перечислены все, кто прибудут на встречу и заключат указанный договор. В первую очередь в договоре должно быть сказано следующее. Многие из нас помнят, и все достоверно знают, что высокородная государыня, королева Маргарета, дочь короля данов Вальдемара, мудростью своей, с Божьего дозволения и с Божьей помощью, объединила эти три королевства, приведя их к миру и согласию. И всем нам пристало молиться об ее душе, что мы с готовностью исполняем. И мы просим Всемогущего Бога помиловать ее душу, ниспослав ей милосердие Свое. Смирненными молитвами и добрыми деяниями на благо народов всех трех королевств добилась она того, что король Эрик, наш нынешний государь, был признан, избран и провозглашен полновластным королем над всеми тремя королевствами во всех местах, где в соответствии с древними обычаями полагается избирать короля; и что был он коронован в Кальмаре как государь всех трех королевств. Посему и мы желаем, чтобы он был нашим полновластным королем и в течение всей жизни обладал всеми королевскими правами, и чтобы

он в отношении всех нас и каждого в отдельности соблюл закон и право, как подобает королю; и соблюл все, что перечислено ниже. И пред нашим милостивым государем и пред нами налицо скрепленная печатями грамота и предварительное соглашение между означенной благородной государыней и лучшими людьми, которые в то время имелись в этих королевствах, где они рассудили во благо — она с ними и они с ней, что указанные три королевства во вечные времена должны быть едины, и что над ними всегда должен властвовать один общий король; и это соглашение было заключено в то время, как наш милостивый государь был коронован в Кальмаре. Теперь наш милостивый государь вышеназванный король и все мы договорились, постановили и рассудили во благо, он с нами и мы с ним, ради народного благоденствия, ради мира и милости к простым людям; и не ведя ничего лучшего нежели это; и ради общего процветания и пользы, которые да послужат во благо всем указанным королевствам, что мы прочно объединяемся на вечные времена и пребудем под властью одного короля. Это будем блюсти и мы, и ныне живущие, и потомки — в том виде, в каком это ныне постановлено во имя Иисуса Христа». И после всего сказанного в этом заявлении или постановлении следуют вышеупомянутые статьи: что каждое королевство будет пользоваться своими законами и привилегиями; и проч.

А в то время как шли эти переговоры, Энгельбрект занялся сооружением канала близ Телье, чтобы по нему могли проходить корабли из моря в Меларен⁵⁴⁷. Наступило назначенное время, когда королю надлежало прибыть в Стокгольм, — а короля все не было. Начался ропот, пошли слухи: король-де не хочет исполнить обещанное. Все же шведы согласились подождать до праздника Девы Марии; к этому сроку король Эрик явился в Стокгольм; шведы собрались в Юнгфрухавн и послали своих представителей в монастырь Святой Клары на Нормальме. На острове Хельгеандсхольмен шведы вступили в переговоры с королем. В первую очередь они требовали, чтобы соблюдались законы и привилегии Швеции; все замки и лены должны находиться в руках шведов. Король не хотел согласиться на эти условия, но все-таки пришлось — иначе сошло бы на нет мирное соглашение, достигнутое в Хальмстаде.

Вообще по действиям короля хорошо было видно: он хочет уничтожить шведское рыцарство, а на его месте создать в Швеции новое фрельсе. Вот почему он пожаловал иноземцам все земли и лены, а шведов заставлял отправляться в поход и нести огромные траты, доводя тем самым до обнищания. Но теперь на стороне шведов была сила: в их руках находилась большая часть королевства. И королю ничего не осталось, как согласиться исполнить их

требования и скрепить согласие клятвой (хотя требования, по сути, сводились к одному: чтобы король в отношении шведов соблюдал шведский закон — а это король и так был обязан делать). Однако он потребовал, чтобы ему дали право отдать Стокгольм, Кальмар и Нючёпинг под управление угодных ему людей по собственному усмотрению. Шведы на это согласились. Но было оговорено, что такими людьми должны становиться датчане или норвежцы, но никак не другие иноземцы. И по просьбе шведов он назначил им дротса и марска, чтобы те блюли в Швеции закон и право. Герр Кристиерн Нильссон стал дротсом, а Карл Кнутссон стал марском⁵⁴⁸.

И когда все это было улажено, и король подтвердил грамотой, что все будет, как шведы требуют, шведы передали королю все земли и лены с замками; королю же надлежало передать верховное право распоряжения всеми замками тому государю, которого единодушно изберут главной королевства. Весь обоюдный ущерб был взаимно прощен; стороны примирились друг с другом.

Но как только король получил власть над королевством, он стал жаловать замки и крепости по своему усмотрению, не считаясь с обещаниями и грамотами. Тогда члены риксрода послали к королю двух достойных датских людей, что находились в Швеции, с увещеванием: пусть король сдержит свои обещания. Когда это не помогло, шведы сами направились к королю. Но тот их и слушать не стал; поднял на смех и сказал как отрубил: он, дескать, не будет их да-государем⁵⁴⁹. Еще он предъявил обвинение: Энгельбрект, мол, не причинил бы ему такого вреда, если бы не поддержка рыцарства. Легко понять, что король был разгневан на шведов; и к своему ответу он добавил множество слов, мало для них приятных.

Этот король Эрик дорого оценил ущерб, понесенный от шведов. Но он не подумал, какой ущерб он им сам нанес, столько лет творя произвол. И не пожелал понять, что сам вынудил их к восстанию. Несомненно, они были обязаны хранить ему верность. И он был обязан соблюсти по отношению к ним шведские законы, как обещал в своей клятве. Но он попрал это обещание — и тридцать лет шведы страдали от его самоуправства. Поэтому несомненно: шведы подняли мятеж не из прихоти — иначе они давно бы предприняли что-то подобное и не стали так долго мучиться. Нужда довела их до мятежа. Король Эрик заявил, что не хочет, мол, быть да-государем. Но нет беды, если король идет навстречу подданным, чтобы снискать их любовь, и так становится да-государем. Да-государь надежнее и, пожалуй, вообще лучше, чем тиран. Когда просят о справедливости, законности — праведный

государь должен быть да-государем. Король Эрик добивался от шведов великой верности, а сам не платил им за это даже малой верностью. Он и не задумывался, что означает, когда страна или королевство ставит над собой государя или короля. Когда это происходит, народ возлагает на этого человека огромную веру, великое упование, вручает ему всю свою судьбу. Потому-то он — король ради народа, а не ради себя. Вот почему он обязан народу великой верностью. Но он с этим не посчитался.

Когда король уладил в Стокгольме все дела, распорядившись по своему усмотрению, он собрался обратно в Данию. Перед отплытием он сместил Ханса Крёпелина — достойнейшего человека — с должности, которую тот исполнял в Стокгольме. На его место король назначил датчанина — герра Эрика Нильссона⁵⁵⁰, и передал под его начало пятьсот своих воинов. После этого он отплыл было в день Всех Святых. И где бы он ни причаливал к берегу, во всех приморских замках ставил новых начальников. Шведам же он начисто отказывался доверять замки. Много творилось произвола и насилия над бондами — жителями шхер, к которым подплыл король. По пути в Данию король был застигнут штормом и лишился множества кораблей. А бонды, которых обидели и ограбили в шхерах, пришли к Энгельбректу и пожаловались на неслыханный произвол. И по королевству пошел слух: король не хочет сдержать то, что клятвенно обещал. Посему риксрод назначил съезд господ в Арбуге⁵⁵¹, на который должны были собраться представители от всей страны, в день Святого Фабиана⁵⁵², в год от Рождества Христова тысяча четыреста тридцать шестой. Члены риксрода и другие участники встречи, собравшись, постановили: следует написать королю и потребовать, чтобы соблюдался шведский закон: в противном случае они расторгнут клятву верности.

Между тем стало известно: весной, как только растает лед, король намерен прибыть в Швецию и привезти с собой герцога Бугислава⁵⁵³, чтобы сделать того владыкой Швеции; король уже передал ему верховные права на шведские замки. Члены риксрода были возмущены: король не хочет, чтобы шведскими замками, согласно шведским законам, управляли шведы. А тем временем несколько шведских бюргеров послали тайную весть Энгельбректу: пусть-де тот постарается овладеть Стокгольмом; они боятся, что их ждет участь, постигшая шведских бюргеров во времена короля Альбрехта. В связи с этим Энгельбрект распорядился: пусть участники встречи господ в Арбуге не расходятся, пока не предстанут все вместе пред королевским управляющим в Стокгольме и не выяснят, замышляет ли он что-то недоброе.

Но, прибыв к Стокгольму, они к своему изумлению увидели: ворота закрыты⁵⁵⁴. Тогда Энгельбрект, марск Карл Кнутссон, герр Готскальк Бенгтссон и Йоган Карлсон подошли к воротам, подняли [на пике] шляпу и потребовали, чтобы бургомистры вышли для переговоров. К ним вышли два немецких бургомистра. Шведы спросили, почему те закрыли ворота перед членами риксрода, тогда как стокгольмские бюргеры свободно разъезжают по стране куда им угодно. Бургомистры ответили: им, мол, нужно пойти и переговорить с герром Эриком Нильссоном — начальником замка. Они ушли; вернувшись, попросили еще немного подождать, покуда не пребудет Ханс Крёпелин: до того времени начальник замка вести переговоры не будет. С тем бургомистры вернулись в город и долго не появлялись.

И шведам, на лошадях, пришлось топтаться на месте и ждать под снегом и градом. Бургомистры вышли к ним в третий раз и объявили: у них нет поручения от короля, чтобы впустить шведов. Тогда их спросили: уж хотя бы членам риксрода-то можно войти? Те ответили, нет, сейчас нельзя. Тогда шведы вероломно сбросили шляпу наземь и схватили бургомистров. Дело в том, что в первый и во второй раз, когда бургомистры уходили в город и возвращались назад, шведы давали им на то особые ручательства. В третий же раз бургомистры не позаботились о таком ручательстве, хотя тут-то оно было всего нужнее, раз предстояло дать такой ответ; пользуясь этим, шведы их и схватили. Видя это, герр Эрик Нильссон приказал надежно охранять ворота, отрядив внушительную стражу.

Но шведские бюргеры Стокгольма, испугавшись участи, которая им предстоит, все как один устремились к воротам с топорами и молотками, и сбили с ворот замки. А те, кто находился снаружи, пошли на отчаянный штурм, и хотя стражники в башне сопротивлялись изо всех сил, отбить приступ они не смогли. Шведы ворвались в город, водрузили знамя над Корнторъет⁵⁵⁵, и объявили во всеуслышанье: кто хочет быть верен королевству, должен им повиноваться. Все бюргеры изъявили согласие, пообещали, что будут хранить верность Швеции и делать то, что им прикажут. Тогда последовало распоряжение, чтобы никто не чинил вред бюргерам. И когда город, с обоих концов, находился в руках шведов, марск и Энгельбрект направили гонца к начальнику замка герру Эрику Нильссону с вопросом: почему тот запер ворота и встретил шведов стрелами и ядрами? Ведь они пришли единственно с мирной целью: чтобы соблюдалось то, что было обещано. Но тот не пожелал говорить по-хорошему, а начал боевые действия и поджег город. Шведы, увидев такое, тотчас осадили город: марск с запада, а Эрик Пуке — с юга.

Так вновь дело дошло до открытой войны между королем Эриком и шведами. Поэтому им снова потребовался хёвитсман — таковой, чтобы все ему повиновались. И посему шведы собрались в монастыре Черных братьев⁵⁵⁶, чтобы избрать хёвитсмана⁵⁵⁷. Дабы избежать ссор в связи с выборами, из всех собравшихся избрали тридцать достойных людей, которым и надлежало произвести выборы, тайно подав голоса. Подсчетом голосов ведал архиепископ Улоф. Двадцать пять голосов достались марску Карлу Кнутссону, три голоса — Энгельбректу, два — Эрику Пуке. Тогда все, в первую очередь клирики и рыцари, утвердили марска в должности хёвитсмана. Энгельбрект же и Эрик Пуке остались недовольны таким исходом, и многие бонды поддержали их; началась распря. В конце концов договорились: править страной будут и марск, и Энгельбрект, но марск останется в Стокгольме, чтобы руководить осадой замка, а Энгельбрект будет разъезжать по стране, чтобы отвоевать другие замки, находящиеся в руках королевских управляющих.

Энгельбрект тотчас отбыл к Нючёпингу⁵⁵⁸ и осадил его при помощи сёдерманландцев; затем силами эстёттов осадил Стекеборг; жителей Чьюста отправил осаждать Стэхехольм, а сам устремился к Кальмару. Но, не сумев овладеть этим городом, оставил близ Клекеберга Нильса Стенссона, герра Густава Лауренссона и герра Готскалька Бенгтссона с большим отрядом — наблюдать за теми, кто находился в Кальмаре. Одновременно с тем служилые люди Нилься Стенссона овладели Гримсхусом, неожиданно напав на этот замок. А Энгельбрект повел свое войско в Блекинге и дошел до Роннебю, и весь тот край признал над собой его власть. Там он поставил начальником Класа Лонга и пошел дальше к Лагахольму; там к нему примкнули вестётты и смоландцы; он окружил замок и оставил там герра Бу и Свана с достаточными силами, чтобы вести осаду. Сам же он с войском отправился дальше, чтобы вести осаду. Но сконцы во главе со своим вождем Педером Уксе ополчились против него. Оба войска сошлись близ Рюнабру; Энгельбрект увидел, что сконцев ему не одолеть, и разрушил мост. Тем, чтобы перейти реку, пришлось устремиться к Транорпскому броду. Но Энгельбрект это предусмотрел и опередил их, расположившись с отрядом на другом берегу и не дав им переправиться. Тогда заключили соглашение от имени Сcone и Швеции: если Энгельбрект не овладеет замком до следующей Пасхи, он должен снять осаду.

А покуда составлялся мирный договор (было это в четверг на Страстной неделе), Энгельбрект устремился к Лагахольму, овладел замком, тотчас вернулся к своему основному войску, повел его на Хальмстад; овладев этим городом, направился в Варбергу;

оставил там Брудера Свенссона с отрядом, а сам устремился к Эльвсборгу. Там заключили соглашение: фогд Эльвсборгского замка Маттес Ван Кален останется в замке, но не будет управлять леном. Тогда Энгельбрект направился к Аксваллю и осадил его. И там он тяжело заболел; с большим трудом удалось доставить его в Эребру, где он получил письмо от риксрода с требованием явиться в Стокгольм.

В то время в Йексхольме, неподалеку от Эребру, жил рыцарь по имени Бенгт Стенссон; у него был сын — Магнус Бенгтссон⁵⁵⁹. Этот герр Бенгт враждовал с Энгельбректом; узнав, что Энгельбрект прибыл в Эребру, сам отправился туда и спросил Энгельбректа, позволяет ли тот ему находиться в королевстве. После пространных объяснений герр Бенгт попросил разрешить ему предстать перед судом риксрода; Энгельбрект дал на то добро. Под конец они совершенно помирились: Энгельбрект даже пригласил его к себе в замок, принял со всем радушием, как почетного гостя. И они торжественно поклялись: никто из них ни в чем не обидит друг друга; на том и расстались. И Энгельбрект отправился в Стокгольм — вплавь, на лодке, ибо был еще нездоров. Некоторые полагают: добираться по воде посоветовал ему герр Бенгт⁵⁶⁰.

Неподалеку от Йексхольма Энгельбрект причалил к островку, чтобы переночевать. Тотчас откуда ни возьмись появился Монс Бенгтссон, приплывший на лодке из Йексхольма. Он ступил на берег; Энгельбрект, в немощи своей, стоял опершись на костыль. Монс Бенгтссон подошел к Энгельбректу и спросил, дозволит ли тот ему пребывать в Швеции. И тут же нанес Энгельбректу удар топором; тот, защищаясь, поднял костыль, и Монс Бенгтссон отсек ему три пальца, а затем и убил его. Убийца захватил в плен жену и слуг Энгельбректа и отвез к своему отцу в Йексхольм. Случилось это в год от Рождества Христова тысяча четыреста тридцать шестой, весной, на мессу Креста⁵⁶¹. Совершив убийство, Монс Бенгтссон задумал ночью, внезапно, овладеть замком Эребру при помощи Альбректа Петтаты⁵⁶² — одного из взятых в плен слуг Энгельбректа. Но ничего не вышло: как ни уговаривал Альбрект, фогд отказался отпереть ночью ворота замка.

Узнав, как предательски был убит Энгельбрект, служилые люди Энгельбректа решили отомстить, собрали множество бондов и вместе пошли походом на Йексхольм. Но герр Бенгт с сыном укрылись в Рингстадахольме, а в своей усадьбе оставили одних слуг. Людям Энгельбректа удалось лишь сжечь йексхольмские деревянные постройки; каменным зданием они овладеть не смогли. С тем они отправились к Медалёсской церкви, куда бонды доста-

вили тело Энгельбректа⁵⁶³. Его перевезли в Эребру, и там похоронили в городской церкви⁵⁶⁴.

Так окончил свой век Энгельбрект. Была ли такая смерть наградой за подвиг, за освобождение страны от рабства, в котором та пребывала? Плохо же он был вознагражден: ко всему прочему, за его убийство даже никого не наказали. Монсу Бенгтссону, убийце, был торжественно дарован мир; марск объявил письмом по всему королевству: пусть никто не отвергает и не карает его за то, что он совершил. Кто-то, видимо, решил: избавились от Энгельбректа — и ладно. И надо признать: был он бунтовщик, мятежник против законного государя. Пусть и все мятежники видят на его примере, какой конец ждет их самих.

После смерти Энгельбректа все единодушно избрали марска Карла Кнутссона хёвитсманом Шведского королевства. Тотчас он стал заботиться о том, чтобы усилить свою власть. Лучшие лены он выделил себе; остальное рыцарство получило меньше, чем ожидало. Рыцари жаловались: на доходы от их ленов даже прислугу, мол, содержать невозможно. Марск в таких случаях отвечал: не вытягивайте-де ног дальше, чем хватает шкуры⁵⁶⁵.

И еще марск усилился за счет того, что большинство конных воинов поступили к нему на службу, ведь он мог платить больше, чем другие господа. Ходили слухи, что он рассылал по стране особых гонцов, которые переманивали к нему конных воинов; по этой причине у него ухудшились отношения с рыцарством. Но из этого рыцарства только Эрик Пуке не побоялся и сказал: «Карл Кнутссон! Держи взаперти своих гончих псов, не то они у меня по носу получат и живо домой прибегут; ишь, всех моих служилых людей к тебе пригнали!»⁵⁶⁶ Повздорили они круто: Эрик Пуке стал раздумывать, как бы убить марска — хоть внешне с ним и помирился.

Время шло; Стокгольмский замок и многие другие шведские замки были в осаде; дело кончилось перемирием. Условились, что марск получит в лен Нючёпинг — временно, до праздника Святого Олафа⁵⁶⁷. А в этот праздник в Кальмаре состоится съезд господ; придет и сам король Эрик. Так и произошло: король прибыл; с собой он привез множество немецких князей и немало датчан. И было постановлено: король вновь обретет власть над Швецией; все замки будут переданы под управление шведов. В числе прочего, король пожаловал Кальмар двум шведским рыцарям: герру Бенгту Стенссону и герру Бу Стенссону⁵⁶⁸; условились также, что в праздник Святого Михаила⁵⁶⁹ шведское рыцарство встретится с королем в Сёдерчёпинге. И с тем король Эрик отплыл из Кальмара на Готланд, чтобы переждать время до назначенной встречи в Сёдерчёпинге. Когда срок наступил, флот короля вышел в

море и был застигнут штормом. Корабли разметало по морю; многие унесло далеко, некоторые доплыли до Сёдерчёпингских шхер. А корабль, на котором находился король, получил большие повреждения, лишился марса и с трудом добрался до острова Карлсё близ Готланда. Никто на других уцелевших судах не знал, что с королем — погиб он или уцелел.

Между тем марск, шведское рыцарство и все фогды короля, управлявшие замками, прибыли в Сёдерчёпинг и услышали: король пропал без вести. Тем не менее они вступили в переговоры с теми из датских господ, кому удалось добраться до места встречи. Было решено: кальмарское соглашение сохранит силу независимо от того, жив король или умер, но перво-наперво дротс и марск должны присягнуть на верность королю. Те так и поступили; затем остальные присягнули на верность королю в их лице. После этого марск потребовал, чтобы все королевские фогды, прибывшие на встречу, совершили передачу замков. Но те ответили: нельзя передать замки, пока не пришло достоверное известие, что король мертв.

В ответ марск пригрозил: пока не передадите замки — домой не вернетесь. Тут им пришлось подчиниться; марск получил Стэкехольм, Аксваль, Эльвсборг, Вестерос и Або. Стэкеборг он пожаловал мужу своей сестры Нильсу Стенссону. Хансу Крёпелину пожаловал Абовский замок, в обмен на обещание неизменно держать сторону шведов. Все другие замки также перешли под управление шведов. Условия держания изменились: теперь верховные права на замки принадлежали марску и дротсу, а если с теми что-то случится — эти права должны были перейти к риксроду. Произошло то, чего так долго добивались шведы: страна теперь была в их руках. Власть короля Эрика они вполне признавали и готовы были служить ему, когда тот потребует. Но замками они хотели распоряжаться сами: так было издревле заведено, и так полагалось по шведскому закону. А король Эрик всегда выступал против этого: оттого и разразилась война.

Марск, вскорости овладев всеми замками, прибыл в Стокгольм, где принял под свое управление также и тамошний замок. Эрик Пуке, увидев, что марск во всех отношениях становится могущественнее и сильнее, возненавидел марска и в открытую восстал против него⁵⁷⁰. Пообещав вольготную жизнь, добился, чтобы ему присягнули на верность бонды со всей страны; бондов области Нэрке направил осаждать замок Эребру. Но осада не принесла успеха: марск оставил в замке надежную охрану. Пуке попытался взять Вестерос — но и тут ничего не вышло: те, кто находились в замке, совершили вылазку, напали на бондов, разбили, и многих, взяв в плен, увели в замок.

Тут подоспел из Стокгольма марск с огромным войском; Эрику Пуке пришлось отступить на север в Даларну. А марск явился в Вестерос, созвал там бондов, заставил заново присягнуть на верность; добился, чтобы некоторых, наиболее рьяных, мятежников сами же бонды приговорили к смерти. И в устрашение всем остальным предал тела казненных огню. Затем отправился в Рекарне и Нерке и там заново заставил бондов присягнуть; и наложил огромный побор, который в народе прозвали: «трясучкин налог»⁵⁷¹. Но казнить больше никого не казнил. Произошло это в год от рождества Христова тысяча четыреста тридцать шестой спустя несколько дней после праздника Люсии⁵⁷².

Тем временем Эрик Пуке привел к присяге всю Даларну, собрал всех до единого в отряд и повел в поход к лесу Хэлла⁵⁷³. Там навстречу ему вышел марск со своим войском; началась битва, и марск, понеся потери, был вынужден отступить. Начались долгие переговоры о личной встрече; Эрику Пуке обещали полную неприкосновенность, чтобы он свободно и беспрепятственно прибыл в Вестерос; поручителем выступил Стренгнесский епископ Томас. Эрик Пуке прибыл на встречу. Но, увы, у него было, что на уме, то и на языке: он неосторожно высказался. Услышав его речи, марск, архиепископ и все, кто присутствовал, заподозрили: Пуке не хочет мира, задумал недоброе. Посему марск схватил его и бросил в темницу, невзирая на обещание неприкосновенности. Вместе с Эриком Пуке был схвачен и некий Ханс Мортенсон: он все время был заодно с Пуке и многократно позволял себе дерзости. Его колесовали в окрестностях Вестероса. А Эрика Пуке отправили в Стокгольм, где по приказу дротса герра Кристиерна ему отрубили голову. Вот такой конец постиг обоих мятежников.

Епископ Томас и другие, кто поручался, что мятежники получат неприкосновенность, были возмущены: слово надо держать и общаясь с врагом. Впрочем, по сей день сохранились письма, где марск, отводя обвинения, заявляет, что не приказывал схватить Эрика Пуке во время перемирия. Однако епископ Томас и те, кто был с ним заодно, утверждали обратное. Но как бы там ни было — все они подлежат суду Божьему: на этом суде не предъявишь ни лживую жалобу, ни ложные оправдания. Итак, Энгельбрект и Эрик Пуке, оба главных участника войны с королем Эриком, были убиты в один и тот же год.

В то время как Эрик Пуке поднял восстание против марска, бонды херада Аска собрались и схватили того самого Йоссе Эрикссона, который мучил далекарлийцев⁵⁷⁴. Этот Йоссе Эрикссон, как уже говорилось, был управляющим короля Эрика в Вестеросе. Теперь он пребывал в Вадстенском монастыре, заручившись

охранной грамотой, полученной от марска. Туда-то, в монастырь, проникли бонды, схватили его и отвели на тинг Мутала; там они свершили над ним суд и отрубили ему голову топором. Так уж заведено: как поступаешь сам, так поступают и с тобой. Этот Йоссе Эрикссон был в свое время палачом бондов — теперь бонды стали его палачами. Тем не менее марск за этот поступок взыскал с бондов большой побор. Не то чтобы он благоволил Йоссе Эрикссону; он хотел наказать бондов за то, что те нарушили его охранную грамоту, а заодно и нагнать страх на всех остальных, чтобы неповадно было так поступать. Страху нагнать не очень-то получилось: в Даларне убили фогда, верного марску; в Вермланде убили еще одного фогда; гнев марска бондов не устроил. А во время восстания Эрика Пуке был причинен огромный ущерб и убито множество людей: В Вестеръётланде был убит Бенгт Удссон, в Вермланде Туве Кеттильсон, в Даларне Бенгт Гуннарссон, Маттес Йонссон, Олаф Сток и многие другие.

После того как казнили Эрика Пуке, в Стренгнесе состоялся съезд господ. Там обсудили, как отстоять то, чего удалось добиться в Сёдерчёпинге. А именно, то, что марск и риксрод получили власть над всеми замками и изменили условия держания. Дело в том, что стало известно: король Эрик жив и находится на Готланде; и было очевидно, что такие порядки он не одобрит. Было решено стоять на своем, тем паче что в Кальмаре договорились: все замки и крепости должны находиться в руках шведов. Но в отношении верховных прав на замки было не ясно, как распорядится король. Вполне можно было ждать, что он потребует, чтобы замками ведал он сам. Также на этой встрече было постановлено: в следующий праздник Святого Иоанна провести в Кальмаре съезд господ; туда пусть прибудет и король, и там сообща обсудят все вопросы. А съезд в Стренгнесе состоялся в год Господень 1437 в Вербное воскресенье; тогда же дротс получил от марска Нючёпингский замок. Когда же подошло время встречи господ в Кальмаре, король Эрик не пожелал явиться. Тогда архиепископ Улоф, дротс герр Кристиерн, Абовский епископ Монс и Ханс Крёпелин отправились в Данию, чтобы уладить дело и убедить короля еще раз приехать в Швецию и исполнить все, что так часто обещал. Но в Дании было просто не до них; посему они сочли за благо вернуться в Швецию — тем более что получили важную весть: король там, в Дании, стал вести себя так, что датское рыцарство уже ни в грош его не ставило. Он вознамерился возвести на трон своего племянника герцога Бугислава; замки же отобрал у датчан и пожаловал немцам.

Тогда марск стал размышлять, как наказать жителей Даларны и Вермланда, которые убили его фогдов. А дротс отговаривал его и заступался за бондов. В конце концов марск убедился: от дротса нечего ждать добра⁵⁷⁵. Он дал много дурных советов, потакал бондам и очевидно собрался сместить марска с должности хёвитсмана и присвоить эту должность. Но марск сделал вид, что ничего не замечает, а тем временем делал то, что считал для себя полезным. Посему он с большим войском направился в Даларну и заставил тамошних жителей повиноваться. Отправил он своих людей и в Вермланд, наказал там мятежников и добился покорности от местных жителей. И за что он ни брался — все ему удавалось; дротса это приводило в ярость; дошло до открытой вражды. Хотя марск, как младший, всегда уступал дротсу и величал того отцом, но ненависть между ними со временем только росла. Дошло до того, что дротс и Нильс Стенсон с братом заключили союз против марска и сговорились вновь перейти на сторону короля.

Когда марску это стало известно, он притворился, что настроен по отношению к дротсу дружелюбно и написал тому письмо в Ревельсте — усадьбу дротса. В письме говорилось: если у дротса будут какие-то дела к марску, он найдет его в Шеннинге. А по следам гонца, который нес письмо, марск отправил своего служилого человека Класа Лонга с большим отрядом отборных конных воинов; они притаились в лесу неподалеку от усадьбы. Гонец же вошел внутрь, исполнил поручение, а затем задержался в усадьбе до темноты: осмотрелся, разведал обстановку. И когда дротс лег спать, ворвались люди марска, схватили дротса раздетым в постели, бросили в сани и отвезли в Вестерос, а затем в Эребру. А стражников дротса, числом более сотни, захватили в плен, некоторых же убили; сопротивляться те не могли, ибо по большей части были пьяны. Случилось же это на двадцатый день после Рождества, в год Господень 1438.

В Эребру дротса встретил марск и спросил, согласен ли тот передать ему замки, которые находились под его управлением. Дротс был так испуган, что не только согласился отдать замки, но и сказал, что готов выполнить любые распоряжения марска. Тогда марск отправился в Нючёпинг и принял полномочия касательно тамошнего замка. Затем дротс и марск помирились на условии, что дротс сохранит за собой Выборг, которым он управлял раньше; сын дротса Карл Кристиернсон получил Рингстадахольм, впрочем, ненадолго, поскольку вскоре отказался от этого замка.

Когда марск все это уладил с дротсом, против марска восстал его зять — Нильс Стенссон. Тот и раньше часто ссорился с марском, но каждый раз они мирились. Теперь же Нильс Стенссон и

слышать не хотел о примирении. Ранее марск пожаловал ему Стэкеборг; пользуясь этим, Нильс Стенссон стал творить в Эстерьетланде всякие злодеяния; дошел до того, что начал брать по стражу слуг марска; и делал еще много того, что было для марска оскорбительно. Марск, узнав об этом, рассудил: добром тут ничего не добьешься — и взял Нильса Стенссона в осаду. Нильс Стенссон увидал: приходится ему туго. Тогда он вступил в переговоры с людьми марска, державшими осаду, и известил марска, что готов ему подчиниться. Покуда же длилось перемирие, он скрылся из замка и бежал на Готланд к королю Эрику. Тот радушно его принял и произвел в марски Швеции; дал ему вооруженную свиту в двести человек и разослал по Швеции множество писем, где говорилось: все должны изъявлять покорность Нильсу Стенссону — марску Швеции. Кроме того, король распорядился, чтобы норвежцы выступили в поход и осадили Эльвсборг⁵⁷⁶, которым управлял герр Туре Стенссон, брат марска Карла Кнутссона. Норвежцы пришли и осадили замок; возглавляли их Юхан Урмресе и Олаф Бок. Но вскоре, понеся большие потери, были вынуждены отступить. А Эрик Стенссон с войском, полученным от короля Эрика, вторгся в Эстерьетланд под датским знаменем — Данабрук⁵⁷⁷, и начал разорять край. Конец этим разорениям положили люди марска: схватили Нильса Стенссона на открытой местности, между Нючёпингом и Сёдёрчёпингом, и отвезли в Норчёпинг; там он через несколько дней умер. А некоторым из его слуг отрубили голову в Сёдёрчёпинге.

В то время в Швеции жил недюжинный человек по имени Брудер Свенссон — прославленный воин, соратник Энгельбректа, много сделавший и претерпевший ради отечества⁵⁷⁸. Он содержал большой отряд, а никто ему по этой части не помогал. Он явился к марску и сказал напрямому: ты, мол, раздаешь замки и лены друзьям и любимцам, а не тем, кто заслужил. Марск тотчас велел его схватить; наутро по приказу марска ему отрубили голову.

Тем временем, покуда марск правил Швецией, то тут то там проходили один за другим съезды господ, обсуждая вопрос о короле Эрике: при каких условиях он может вновь обрести власть над Швецией. К королю прибывало посольство за посольством — и из Дании, и из немецких городов; приходило множество писем; короля убеждали: нужно дать шведам то, чего они требуют, и те признают его своим государем. Но короля такие условия совершенно не устраивали. Тогда шведы вызвали его к камню Мура: в течение двенадцати недель он должен явиться и дать ответ на все обвинения, которые предъявят шведы — в противном случае они не желают, чтобы он был их королем. А обвинений было много;

главное — что он вознамерился отобрать у шведов древние законы и вольности. Это подтверждалось многими его деяниями — особенно тем, что он изъяснял древние грамоты с привилегиями Шведского королевства и вывез из страны.

Несмотря на все это, архиепископ Улоф, человек умный и рассудительный, вместе с несколькими другими членами риксрода выступал за то, чтобы король Эрик вновь взошел на шведский трон; но чтобы при этом в отношении шведов соблюдались шведские законы и все то, что так часто было обещано. Для того, чтобы желать возвращения короля, имелись веские основания. Главное, было ясно: правление марска не принесло ничего, кроме внутренних раздоров и войн, в которых бессмысленно погибло много достойных шведов. Вспыхивало восстание за восстанием; страна разорялась; опустошалась и извне — из-за войн с королем, и изнутри — из-за внутренних раздоров: плохо в то время было в Швеции. Вот показательный пример, чего следует ждать, когда страной правят регенты и хёвитсмены, а не короли: каждый считает себя не хуже другого, и никто не хочет подчиняться.

В конце концов, после множества съездов и постановлений было решено провести в Кальмаре общую встречу господ из всех трех королевств. На ту встречу отправился и архиепископ Улоф; по дороге, в Нючепинге, его отравили: поднесли яд в миндальном молоке⁵⁷⁹. Видимо, тот, кто приказал это сделать, ненавидел архиепископа за то, что тот так старался для короля. Произошло это в год Господень 1438, вскоре после Троицы. Когда же шведы прибыли в Кальмар, их встретили несколько датчан, которые от имени короля сообщили: король согласен выполнить заключенное соглашение только в том случае, если ему дано будет право пожаловать три замка в лен по своему усмотрению. Марск наотрез отказался; он заявил, что согласен, чтобы король вернулся на шведский трон и вновь обрел власть над замками, но замки должны находиться в руках шведов.

На той же встрече был возобновлен союз между тремя королевствами, со всеми причитающимися статьями. Но статья о том, что над всеми тремя королевствами должен быть один король, у шведов вызвала немало возражений; касательно этой статьи они не смогли прийти к согласию с датчанами. Из правления королевы Маргареты и короля Эрика шведы вынесли урок: для Швеции отнюдь не всегда полезно, чтобы ее королем являлся король Дании. Посему шведы не пожелали, чтобы в древнем союзном договоре сохранялась указанная статья, и привели против этой статьи множество возражений. Тогда в отношении упомянутой статьи договорились: на следующей встрече будет обсуждено, что лучше — когда

королевства пребывают под единым королем или когда у каждого из них свой король; но даже если решат, что король должен быть у каждой страны свой, во всех остальных пунктах договор обязан во вечные времена нерушимо соблюдаться. И в ознаменование этого были созданы грамоты с прочными обязательствами, скрепленные печатями.

Из этого постановления с очевидностью следует: статья, согласно которой всеми тремя королевствами должен править один общий король, вызвала неодобрение шведов еще во времена короля Эрика — первого короля того союза королевств, который создала королева Маргарета. Шведы хорошо поняли, чем обернется союз, заключенный в соответствии с этой статьей: условия, на которых основан этот союз, не будут выполнены. Ведь королю нужна свобода действий, он не хочет быть связан подобными условиями. Потому этот союз и пошел Швеции во вред.

А король Эрик тем временем бежал на Готланд и вывез туда из Дании все содержимое королевской сокровищницы. Спустя некоторое время король прибыл в Стэкеборг и направил марску множество посланий, предлагая встретиться, и ручался, что обещает полную неприкосновенность. Но марск отказался к нему явиться. А в то время как король Эрик пребывал в Швеции, ему доставили множество посланий, в которых датчане объявили, что расторгают присягу верности, принесенную этому королю, поскольку он творил в Дании беззаконие и произвол. Он хотел навязать им короля, которого они не желали признавать; вывез из страны все ценности. И еще во многих прегрешениях обвиняли короля. Тот же, не добившись ничего от марска, вернулся на Готланд и там пробыл много лет. И все время наносил большой вред шведам, посылая в море свои суда и корабли виталийцев, чтобы те захватывали все шведские суда, какие ни встретятся. Так Готланд превратился в разбойничье гнездо. Но шведы, узнав, что от короля Эрика отреклись датчане, еще больше осмелели и окончательно расторгли клятву верности королю Эрику, заявив, что отныне не желают признавать его государем. Пользуясь этим, марск овладел Кальмаром и Стэкеборгом, а спустя какое-то время — и Боргхольмом. А когда в Або скончался Ханс Крепелин, то марск стал править также Абовским и Кастельхольмским замками. Теперь все замки подчинялись ему.

Когда король Эрик начал вести себя в Дании неподобающим образом и стал навязывать датчанам неугодного им короля, датчане отправили гонца к герцогу Кристоферу Баварскому⁵⁸⁰, племяннику короля Эрика, и провозгласили Кристофера королем, пообещав тому власть над всеми тремя королевствами, согласно

заключенному между этими королевствами союзу. Шведам же ничего не сказали, и те узнали, как обстояло дело, только когда все уже совершилось. Так датчане нарушили одну из статей договора: для выборов короля должны собираться вместе представители всех трех королевств. В данном же случае это не было сделано — и однако же датчане пообещали герцогу Кристоферу власть над всеми тремя королевствами.

Случилось так, что в то время когда герцог Кристофер прибыл в Данию, марск вместе с несколькими членами риксрода находился в Кальмаре. Туда и прибыли датские послы: архиепископ Лундский и Клас Нильссон — свояк марска. От имени короля Кристофера они повели речь о том, чтобы сделать его государем Швеции, и вовсю его нахваливали: такой, мол, добродетельный молодой человек. Но марска в этом предложении многое не устроило: он опасался, что его положение станет весьма шатким, ведь у него много врагов, которые начнут его преследовать, сводить счеты и сживать со свету. Датчане стали уверять: это, мол, не беда — они, если потребуется, обеспечат его охранными грамотами, согласно которым никто не будет вправе призвать его к ответу за его правление; а кроме того, он получит все земли и лены, какие сам пожелает.

После долгих переговоров марск объявил: он не может принять решение, не выслушав мнение множества достойных людей. В связи с этим он назначил в Арбуге всеобщую встречу господ, чтобы обсудить означенный вопрос⁵⁸¹. На этой встрече он доложил членам риксрода, каково положение дел. Он знал: архиепископ Нильс и другие члены риксрода готовы признать власть короля Кристофера и оставить в силе союз трех королевств, в соответствии с договором. И марск не стал против этого возражать, но потребовал, чтобы участники встречи приняли к сведению: в каком состоянии находилось королевство, когда он пришел к власти, и какие труды он затратил, какие тяготы и опасности перенес для блага страны и как он обременял себя долгами, с которыми ему вовек не расплатиться — ради того, чтобы королевство пришло в порядок. Тогда члены риксрода спросили, какое бы он пожелал возмещение. Тот ответил, что хочет Финляндию в пожизненное держание, а Эланд с Боргхольмом — в держание с правом передачи по наследству; в случае отчуждения Эланда и Боргхольма ему или наследникам должно быть выплачено возмещение в сорок тысяч марок. Члены риксрода обязались это исполнить и дали на то грамоту.

Затем они письменно известили короля Кристофера, что готовы признать его государем. О том же, особым посланием, известил марск, но при этом выставил следующие условия. Во-первых, должны сохранить силу шведские законы, привилегии и добрые

древние обычаи; а если риксрод пожелает усовершенствовать законы, то король должен утвердить изменения. Далее, в риксрод дозволяется принимать лишь шведов — и притом с согласия всего риксрода, или, по крайней мере, с согласия архиепископа, дротса, лагмана Упланда и еще трех членов риксрода, уполномоченных распоряжаться замками. Далее, право распоряжаться замками после смерти короля должно перейти к архиепископу, дротсу, лагману Упланда и еще трем особо уполномоченным членам риксрода; вместе их всегда должно быть шесть. Далее, замки и лены следует жаловать только шведам — и то с согласия риксрода; и ни у кого нельзя отбирать замки без дозволения членов риксрода, или, по крайней мере, тех из них, кто распоряжается замками. Далее, когда король пребывает в Швеции, у него должны быть шведские гофмейстер, канцлер, казначей, кухмистер, виночерпий и конюший; их должны утвердить в этих должностях члены риксрода. И эти должностные лица должны встречать короля у пограничного рубежа, когда тот въезжает в страну. Далее, налоги, собранные в каждом из королевств, должны храниться и использоваться в соответствующем королевстве. И налоги должны, как в былые времена, взиматься всевозможными товарами. Далее, казна королевства должна находиться там, где укажет риксрод; и рента королевства должна расходоваться внутри страны и не вывозиться за ее пределы — за исключением случаев, когда необходимо вспоможение от всех трех королевств. А то, что не израсходовано, должно храниться на месте, и достойные люди должны нести ответственность за эти средства и отчитываться о них. Далее, все грамоты принадлежащие Швеции, которые обнаружатся в Дании и Норвегии, должны быть возвращены в Швецию. Далее, Готланд должен отойти к Швеции, как то надлежит. Далее, шведы должны быть освобождены от пошлин в Бохусе. Далее, все, что силами всех трех королевств будет отторгнуто от Руси, должно и в духовных, и в светских делах подчиняться шведской короне. Далее, доходы, полученные от владений тех, кто покинул страну во время завершившейся распри, должны быть возмещены хозяевам. Далее, относительно монеты и пошлин следует поступать так, как распорядится риксрод. Далее, король должен порадовать на благо тех, кто во времена короля Эрика терпел лишения и томился в темнице в Голштинии и других краях. На условиях, перечисленных в указанных статьях, шведы изъявляли готовность признать короля Кристофера своим государем. Король Кристофер изъявил согласие соблюдать эти условия и скрепил свое обязательство грамотой, составленной в Копенгагенском замке, в день евангелиста Марка⁵⁸², в год от рождества Христова 1441.

И на следующий день Святого Иоанна был назначен съезд господ в Кальмаре. Туда должен был лично явиться король Кристофер; ожидалось, что там он утвердит их привилегии и обяжет-ся блюсти некоторые другие условия. Марска же пригласили в Хальмстад для личной встречи с королем Кристофером. Встреча состоялась; марску пообещали столько, сколько он и не мечтал. Король объявил, что хочет быть марску сыном; все пожелания марска были удовлетворены, и в подтверждение были даны грамоты с торжественными клятвами и обязательствами. В назначенный срок риксрод собрался в Кальмаре; но против короля в то время поднялось восстание в Ютландии, и он смог явиться лишь в праздник Девы Марии. Когда он наконец прибыл, его встретили в Кальмаре с почестями, проводили в Стокгольм и там приняли со всей надлежащей пышностью и торжественностью: обо всем этом позаботился марск.

А когда король въезжал в город, коня вели в поводу архиепископ с одной стороны, и марск с другой. Но многие шведы, видя их, говорили: «марск-то куда больше годится в короли — и росту высокого, и телом крепок»⁵⁸³. Король эти речи услышал и был задет за живое. Из Стокгольма король, не теряя времени, отправился к камню Мура; там его, по древнему обычаю, провозгласили королем Швеции. Было это осенью, в канун праздника Святого Креста. А в праздник Святого Креста, в год от рождества Христова тысяча четыреста сорок первый, он короновался в Уппсале и посвятил в рыцари семьдесят знатных людей — шведов, датчан и немцев; и первым из них был марск.

Но когда король вернулся в Стокгольм, стали раздаваться жалобы на марска. Герр Кристиерн Нильссон, дротс, горько сетовал, что заключен в темницу, и требовал покарать за это марска. Да и король начал искать, в чем придраться к марску; король боялся, что тот поднимет против него всю страну. И если бы марск не вел себя осмотрительно и не заручился поддержкой надежных друзей, не сносить бы ему головы. Ведь все щедрые обещания, которые он получил, теперь были забыты. Редко бывает, что государь, ранее правивший страной, чувствует себя в безопасности при новом государе. Это видно на примере короля Вальдемара — брата короля Магнуса Амбарного Замка. Это видно и на примере марска. Это видно, наконец, на примере Стена Стуре Старшего, о котором будет речь ниже. Ведь у того, кто правит страной, всегда много врагов; потому-то многие хотят с ним разделаться, когда он уже не в такой силе. Так и с марском: он правил шесть лет, и хорошего при нем, как уже сказано, было мало; многие на него озлобились и роптали. Королю это все было кстати. Он бы не преминул распра-

виться с марском, но тот умно себя вел, держал большую свиту и создал укрепленное убежище в Выборге, который достался ему от дротса; тот умер спустя год после того, как король Кристофер стал государем Швеции.

Король, совершив все, что касается избрания и коронации, зимой, не мешкая, отправился в Эриксгату. А тем временем король Эрик обосновался на Готланде и отправлял в плавание один за другим корабли своих виталийцев, и наносил огромный ущерб. Он повелел захватывать все шведские суда, какие ни попадутся, и причинил неслыханные убытки стокгольмским бюргерам. И часто его люди высаживались на сушу, грабили и жгли все, что ни подвернется. Особенно жестоко они сожгли Трусу с окрестностями. Королю Кристоферу часто жаловались на такой ущерб и убытки, но тот только отшучивался: дядюшке, мол, тоже надо на что-то жить⁵⁸⁴. И шведы кругом терпели урон, и не было им утешения: одни насмешки. Король же, спустя несколько лет после прихода к власти, женился; невесту, дочь маркграфа Бранденбургского, звали Доротеей⁵⁸⁵. Свадьбу сыграли в Копенгагене, в год Господень 1445. Чтобы покрыть свадебные расходы, на Швецию наложили обременительный побор; собрав огромные средства, король в том же году отплыл из Швеции. Но корабль, на котором везли собранные ценности, потонул: несправедно нажитое — не к добру.

А правил король Кристофер так же, как король Эрик: назначал немцев, обделяя датчан со шведами; те стали роптать⁵⁸⁶. В конце концов датчане и шведы вместе явились к королю и твердо потребовали: пусть гонит немцев прочь; тот нехотя уступил. Был у него и особый способ ослаблять шведское рыцарство⁵⁸⁷. Он смекнул: между шведскими рыцарями нет согласия, все они враждуют друг с другом, все соперничают из-за ленов. И король стал подливать масла в огонь, создавая повод для вражды. Из-за его происков никто не мог ручаться за судьбу своих ленов: кто-то получил лен, глядишь — является кто-то другой и требует этот лен себе, и получает на то добро — при условии, что заплатит в канцелярии немалую мзду за грамоту о ленном пожаловании. И такие грамоты стоили порой двадцать ноблей, а то и больше; и половину этих денег забирал король. И лены так быстро переходили из рук в руки, что у одного лена за год сменялось по шесть—восемь хозяев, и редко кто успевал получить с лена хоть какой-то доход. До этого в Швеции такие порядки по части ленов распространения не имели.

Тем временем уже столько людей жаловалось на ущерб, который пожарами и разбоем наносили виталийцы короля Эрика, что королю Кристоферу волей-неволей пришлось что-то предпринять. Он собрал войска и вместе с марском отплыл на Готланд; там он

вступил в переговоры с королем Эриком. Что обсуждалось на этих переговорах — шведы не знали; зато убедились: после переговоров все осталось по-прежнему. Если б король Кристофер действительно хотел усмирить короля Эрика, он бы это сделал: сил было достаточно; а так — было ясно, куда он клонит. Возвращаясь с Готланда, король держал путь к Кальмару; и корабль, на котором находился он сам, наскочил на скалу и утонул со множеством людей и со всеми драгоценностями; сам король добрался до берега на лодке.

Тяжко было в стране, куда он правил; много народу умерло с голоду; люди говорили: «Спасибо государю — корой накормил!» Утверждали, что он распутничает, изменяет жене: потому и Бог покарал его владения — ведь часто бывает, что Бог наказывает всю страну за провинность короля. Ну да как бы там ни было: надо признать, что и народ, в свою очередь, заслужил от Бога подобную кару.

Ко всему прочему, по приказу короля Кристофера было отобрано множество кораблей у купцов из Англии и других стран. И король люто ненавидел Любек и другие города⁵⁸⁸. Однажды он попытался внезапно напасть на Любек; из этого ничего не вышло. Но он не оставил намерений одолеть Любек; для этого он собрал огромную сумму денег со всех своих владений. Шведские рыцари решили, что король по отношению к ним замышляет недоброе, и поэтому предписал им явиться на встречу с ним в Йенчепинге к Рождеству. Но когда подошло время туда прибыть, он умер в Хельсингборге, в день трех святых царей⁵⁸⁹, в год от Рождества Христова 1448, и был похоронен в Роскильде.

И все корабли, оружие, пушки, все огромные ценности, которые скопил король — все осталось в Дании. На смертном одре король, очевидно, понял, что плохо обошелся со шведами, вывезя из страны громадные средства. Поэтому он составил пространное завещание в пользу Швеции. Но оно не было исполнено: датчане, к возмущению шведов, забрали все дочиства⁵⁹⁰. Так шведы уже в который раз убедились, что от союза, заключенного между королевствами, проку мало: польза от союза не была одинаковой для всех трех королевств. А архиепископ Нильс⁵⁹¹, узнав о смерти короля Кристофера, тотчас заболел и умер. Этот архиепископ Нильс был весьма ученый муж; как представитель короля Эрика, он участвовал в церковном соборе в Базеле. Прежде чем стать архиепископом, он являлся епископом Векшенским.

Когда шведские господа, которые собрались в Йёнчёпинге, услышали, что король мертв, они тотчас выбрали двух регентов, чтобы те правили страной, покуда нет нового короля. Этими двумя были герр Бенгт Йонссон⁵⁹² и его брат герр Нильс⁵⁹³; им король

Кристофер обычно и поручал править Швецией за себя, когда покидал страну. Марск же не присутствовал при упомянутых выборах. В свою очередь, местер Йенс из Салисты, сын упомянутого герра Бенгта, был избран архиепископом⁵⁹⁴.

В связи со смертью короля Кристофера было назначено всеобщее собрание господ в Стокгольме, в праздник Святого Тела Господня⁵⁹⁵. Туда явился и марск со множеством людей; они заняли все лучшие дома. А герр Бенгт Йонссон из Салисты расположился в замке. Собравшись вместе, участники встречи стали совещаться, как управлять страной, и долго не могли прийти к согласию. Некоторые считали: нельзя избирать короля, пока, согласно союзному договору, не соберутся вместе государственные советники всех трех королевств — ведь столько раз присягали на верность этому союзу, стало быть, не годится его расторгать. Другие участники — и в их числе марск — утверждали, что союз уже распался: вопреки условиям договора он оказался на благо одного королевства и во вред двум другим. И очевидно: если союз сохранит силу, шведов он погубит. Да и датчане, в сущности, вышли из союза, когда избрали государем короля Кристофера, не посоветовавшись предварительно со шведами. Вот почему нужно срочно, без промедления, дать королевству короля — такого, чтоб мог защитить Швецию.

Несколько дней члены риксрода не могли договориться; спорили так горячо, что даже подрались. В конце концов верх одержали те, кто хотел срочно дать Швеции короля. Были выдвинуты три человека, из которых предстояло избрать короля; подсчетом голосов ведали два епископа и два рыцаря. И большинство голосов достались марску Карлу Кнутссону. Его и провозгласили королем. И в канун праздников святых Петра и Павла⁵⁹⁶ его чествовали у камня Мура, а в день Святого Петра короновали в Уппсале; затем в праздник Богородицы короной увенчали королеву; в тот же день, в год от рождества Христова тысяча четыреста сорок восьмой, был рукоположен архиепископ. И в день своей коронации король посвятил тридцать три человека в рыцари.

Справив эти торжества, король без промедления прибыл в Стокгольм и стал размышлять, как прекратить тот неимоверный ущерб, который наносил Швеции король Эрик, все еще находившийся в Готланде. Король Карл отрядил войско, назначил начальниками герра Монса Грена и герра Биргера Тролле и приказал плыть к Готланду. Достигнув острова, те тотчас высадились на берег, обратили в бегство вышедших навстречу людей короля Эрика и осадили Висбю. Осада длилась до Рождества. А в канун дня Святой Варвары⁵⁹⁷, ночью, шведы пошли на штурм, взобрались на стены и взяли город. А если бы шведы не позволили себя обмануть королю

Эрику, который для отводу глаз вступил с ними в переговоры, они бы овладели и замком: ведь там не было продовольствия. Но военачальники, введенные в заблуждение лживыми обещаниями, заключили перемирие с королем Эриком, и он, пользуясь возможностью, запасся продовольствием. Кроме того, он отправил в Данию послание с просьбой о помощи, пообещав датчанам, что отдаст им замок, если те помогут ему освободиться от осады. Шведам же он на переговорах пообещал, что замок передает им, а взамен получит Эланд с Боргхольмом. Датские рыцари к тому времени избрали своим королем Кристиана, графа Ольденбургского; и на многих встречах господ велись переговоры о том, чтобы и шведы избрали его своим королем. Но шведы решили хранить верность тому королю, которого избрали. А упомянутый король Кристиан взял в супруги королеву Доротею, вдову короля Кристофера⁵⁹⁸.

Датчане, когда до них дошла просьба короля Эрика о подкреплении, послали гонца к королю Карлу, который в то время находился на Эланде, и потребовали, чтобы тот отозвал войска с Готланда — ведь остров, утверждали они, принадлежит датской короне. Король Карл ответил: остров бесспорно принадлежит Швеции, и потому войска он оттуда не отзовет, а будет доводить до конца то, что начал. Тогда датчане, дождавшись весны, снарядили огромное войско и отправили на Готланд. Датские воины подступили к замку, вызволили короля Эрика и дали ему возможность сесть на корабль, перенеся туда все имущество; доставили в замок воинов и провизию и отплыли. Когда же они прибыли к Борнхольму, король Эрик во время стоянки распорядился тайно снять свой корабль с якоря и отплыл к Рюгенвальду⁵⁹⁹, где и провел остаток жизни. А некоторые утверждают, что датчане добровольно отвезли его в Померанию.

Итак, датчане теперь владели замком Висборг⁶⁰⁰; тем не менее люди короля Карла держали в своих руках город Висбю и весь остров и продолжали осаду ценой огромных усилий и невероятных расходов. Тогда король Кристиан собрал большое войско из немцев и датчан и отплыл с этим войском к Готланду, а впереди себя послал герра Олафа Аксельссона, чтобы он вступил в переговоры с людьми короля Карла. Тот исполнил поручение: прибыл с отрядом в Вестрагарн и повел переговоры с несколькими военачальниками короля Карла, прежде всего с герром Монсом Греном. И они заключили соглашение: продлить перемирие до дня Святого Иоанна; к этому времени — до Пасхи или самое позднее до дня Святого Иоанна — будут назначены судьи, которые вынесут решение, какому королевству будет принадлежать Готланд. До того времени датчане будут владеть замком, а шведы — городом и сельской округой.

Заклучив это соглашение, герр Олаф Аксельссон беспрепятственно вошел в замок со всем своим войском, перенес с кораблей все, что ему требовалось в замке, и разрушил многие укрепления шведов. Когда же шведы воспротивились, он ответил: никакие укрытия, укрепления не нужны — дело вынесено на суд. А герр Монс Грен на все происходящее смотрел сквозь пальцы: легко было догадаться, что у него тайный сговор с герром Олафом; впоследствии это подтвердилось.

Герр Олаф Аксельссон, добившись своего, написал королю Кристиану, что тот может беспрепятственно прибыть со всем войском. Тогда король Кристиан прибыл с большим флотом и повел войска прямо к стенам замка. Шведы увидели, что их предали; тогда они послали гонца, чтобы спросить короля Кристиана: хочет ли тот соблюдать соглашение, заключенное с герром Олафом Аксельссоном. Король ответил: да, соглашение остается в силе. Но шведы даже не успели узнать этот ответ: город со всех сторон подожгли. Шведам пришлось укрыться в самых прочных домах и взяться за оружие — ведь их укрепления были разрушены. Отступать было некуда; шведы сражались мужественно, причинили датчанам в уличных боях большие потери и вынудили убраться восвояси в замок.

Король Кристиан убедился: одолеть шведов он если и сможет, то лишь ценой огромных потерь. Тогда он вступил в переговоры; дело кончилось соглашением: между королем Карлом и королем Кристианом в течение года до дня Святого Мартина⁶⁰¹ сохранится мир; к тому времени, в день Святой Вальпургии⁶⁰², двенадцать уполномоченных короля Карла и двенадцать — короля Кристиана соберутся в Хальмстаде и вынесут решение относительно Готланда и других предметов спора между двумя королевствами. Шведы должны немедленно покинуть Готланд, не притязая ни на город, ни на сельскую округу. В соглашении же, которое Олаф Аксельссон ранее заключал со шведами, говорилось: за шведами, вплоть до решения суда, сохраняются город и округа, а за датчанами замок. Теперь это соглашение было отменено; шведам ничего не оставалось, как покинуть остров. Вдобавок, чтобы добраться домой, им пришлось брать внаем корабли и шхуны, поскольку все их суда захватили датчане. Так в очередной раз был потерян Готланд; случилось это в день Святого Олафа⁶⁰³, в тысяча четыреста сорок девятый год.

И тем же летом норвежцы послали гонца к королю Карлу, прося его стать их королем⁶⁰⁴. Дело в том, что короля Кристиана они не признавали своим королем и не хотели, чтобы он взошел на норвежский престол. Хотя он и именовал себя королем Норвегии,

тем не менее норвежцы его на трон не приглашали и не избирали. Между тем, в Норвегии, как и в Швеции, и в Дании, королевская власть являлась выборной⁶⁰⁵; и согласно союзному договору, норвежцам полагалось участвовать в выборах общего короля. Поэтому норвежцы пожелали, чтобы их государем стал король Карл. Ко дню Святого Михаила король собрался в путь; в Норвегии ему присягнула вся страна, за исключением нескольких рыцарей, которые были против его избрания⁶⁰⁶. И он короновался в Трандхейме, в день Святой Катерины; посвятил двадцать человек в рыцари и поставил начальниками над Норвегией герра Аслака Туресона и герра Энара Флогу⁶⁰⁷, чтобы те обеспечили всем до единого исполнение законов и права. После этого он вернулся в Швецию и немедленно созвал съезд господ в Арбуге. На этом съезде были избраны двенадцать представителей Швеции на переговорах в Хальмстаде, о которых было заключено соглашение на Готланде. В числе этих представителей оказался и герр Монс Грен.

И многие договоренности, достигнутые в Хальмстаде, оказались неприемлемыми для короля Карла; посему он не согласился утвердить их в полном объеме. Причина заключалась вот в чем: датчане вели тайные переговоры с несколькими из двенадцати шведов, добиваясь, чтобы король Карл отказался от Норвегии в пользу короля Кристиана⁶⁰⁸. Конечная цель этих происков состояла в том, чтобы король Кристиан получил безраздельную власть над всеми тремя королевствами в соответствии с союзным договором. И король Карл хорошо это понял, поэтому он позаботился о том, чтобы воспрепятствовать таким намерениям и удержать власть. Он отобрал Абовский замок у герра Монса Грена и пожаловал герру Эрику Аксельссону. Отобрал он также лены у архиепископа и еще у нескольких человек, которые, по его сведениям, являлись его противниками. А герр Монс Грен, после того как потерял Абовский замок, вышел в море с несколькими кораблями и захватил несколько купеческих судов. Его схватили, доставили в Любек; двадцати его служилым людям отрубили головы в Данциге. Но за него самого заступился король Кристиан, и его освободили. Он прибыл в Данию, и с той поры не раз вторгался в Швецию и наносил многим шведам огромный урон.

Затем король Карл прибыл в Кальмар, где предстояло продолжить переговоры. Никого из двенадцати участников встречи в Хальмстаде взять с собой он не пожелал. Король Кристиан в то время пребывал в Роннебю⁶⁰⁹. Ни о чем толком договориться не удалось; было лишь заключено соглашение о мире: королевства обязались не нападать друг на друга. Упомянутый мирный договор

был заключен в Хальмстаде, в год Господень 1451, в день святого Иоанна.

А на следующее Рождество войско короля Кристиана высадилось в Стокгольмских шхерах и предало там огню и мечу множество приходов, поправ договор, заключенный в Хальмстаде. В этом разбое участвовали и прибывшие с Готланда люди герра Олафа Аксельссона; и все, что там награбили, отвезли на Готланд. Король Карл, узнав, что вот так-то датчане соблюдают мир, собрал со всей Швеции воинов и с большими силами вторгся в Сcone, где все разграбил и спалил дотла. Сжег Хельсингборг⁶¹⁰ со всеми кораблями, что находились в гавани; сжег и Ландскруну⁶¹¹ со всеми кораблями; дотла спалил Лунд. Против него ополчилось множество бондов: он встретил их отряд близ монастыря Дальбю; многих бондов убил и две тысячи взял в плен. Затем предал огню Вэ⁶¹²; в Ахусе⁶¹³ взял с жителей выкуп за то, что не будет жечь их дома. И где бы ни прошел со своим войском — повсюду оставлял пепелище. Такой удар он нанес по Сcone, что долго потом эта область не могла подняться из пепла. Эти походы описал сам король Карл в послании городу Стокгольму. А пролив Эресунн в то время был настолько засорен, что никто не мог через него переправиться. Было то в год от рождества Христова тысяча четыреста пятьдесят второй.

В то время король Кристиан находился в Вельснаке⁶¹⁴ на совещании со множеством немецких князей. Там он наберевал немало наемников, и летом того же года с большим войском из немцев и датчан вторгся в Вестеръётланд, захватил Лёдесе и превратил в свой укрепленный оплот. Жители значительной части Вестеръётланда присягнули ему на верность и расторгли присягу, данную королю Карлу. И тому поспособствовали многие фогды, перейдя на сторону короля Кристиана. Дело в том, что некоторые фогды короля Карла разбогатели, разными хитроумными способами обирая бондов; потому-то они переметнулись к королю Кристиану — чтоб не лишиться нажитого добра. И многие, кто управлял замками, передали их королю Кристиану; среди тех, кто так поступил, был герр Туре Туресон⁶¹⁵, управлявший Аксваллем. После всех этих событий в Вестеръётланде король Карл выступил с большим войском к Тиведу⁶¹⁶ и пустил слух, что идет сражаться с королем Кристианом. На самом же деле вступать в бой ему не очень-то хотелось: слишком силен был король Кристиан. Тут как раз пришла весть: отряд короля Кристиана во главе с герром Олафом Аксельссоном и герром Монсом Греном на сорока шести кораблях подошел к Стокгольму, напал на город, но ничего не добился и понес большие потери.

Король Карл, узнав, что враги подошли к Стокгольму и что архиепископ Йенс и еще несколько упландских господ по-видимо-

му замышляют измену, тотчас поворотил к Стокгольму, спеша на помощь тем, кто находился в городе. Но датчане, узнав об этом, отплыли прочь от Стокгольма. Король Карл немедленно снарядил свои корабли, находившиеся близ Стокгольма, и отправил вдогонку врагам. Однако шкиперы на этих кораблях были никудышные; враги ушли от погони, доплыли от Вестервика⁶¹⁷ и сожгли этот город, но и сами при этом понесли потери.

Король Кристиан, долгое время пробыв в Вестеръёланде, направил затем отряд к Тиведу — следить, чтобы тамошним путем никто не мог проникнуть в Вестеръёланд. Сам же он отправился с войском в Йенчёпинг, чтобы пройти лесом Холавед⁶¹⁸. Но воины короля Карла, что находились в Нэрке, взяли верх над людьми короля Кристиана, посланными в Тивед. Тогда король Кристиан отправил отряд из Йенчепинга в Холавед, чтобы подготовить путь для короля и всего войска. Но когда эти люди подошли к Холаведу, их встретил герр Эрик Ниперс⁶¹⁹ с отрядом бондов и взял в плен много знатных служилых людей короля Кристиана. От такого исхода король Карл приободрился; подошел к Вадстене, назначил герра Турда Бунде⁶²⁰ военачальником над большим отрядом и направил в Вестеръёланд. А король Кристиан, узнав, что его замысел не удался, отступил к Хальмстаду; а герр Турд Бунде рано утром подоспел к Лёдесе, незаметно для датчан вошел в город и взял там в плен трех рыцарей. В числе прочей добычи ему досталась сумка с письмами к королю Кристиану от некоторых жителей Вестеръёланда; из этих писем он узнал об измене герра Туре Турессона.

Тотчас же герр Турд Бунде отправился к Аксвальскому замку, хитростью овладел им и взял в плен герра Туре. Но тот бежал из-под стражи и скрылся у герра Эгерта Круммедике⁶²¹, который по поручению короля Карла управлял Румлаборгом. Затем оба — герр Туре и герр Эгерт — перешли к королю Кристиану, последовав примеру многих других жителей Вестеръёланда. А король Карл назначил герра Турда начальником над всем Вестеръёландом и сделал его марском Швеции: он больше всех доверял ему, поскольку тот неизменно хранил этому королю верность и к тому же приходился ему племянником. В числе всего прочего королю Карлу достались несколько поддельных грамот, созданных фру Биргиттой из Хаммерсты⁶²² — дочерью герра Олафа Аксельссона. За эту подделку ее приговорили в Стокгольме к сожжению на костре, но помиловали. В Стокгольм был вызван и архиепископ вместе с несколькими его сторонниками; там они помирились с королем Карлом; впрочем, этот мир сохранялся недолго. А герр Турд Бунде все время сражался с войсками короля Кристиана; самую

крупную победу он одержал в Норвегии, над человеком по имени герр Кольбьерн, вышедшим против него с трехтысячным войском; на поле сражения герр Турд захватил его и заключил в плен. Вообще, герр Турд очень помог королю Карлу.

В конце концов, после неимоверных обоюдных потерь, король Карл и король Кристиан заключили перемирие. В Вадстене состоялась встреча господ, на которую прибыло много датчан⁶²³. Но толком ни о чем не договорились. На той же встрече король Карл сыграл свадьбу герра Турда и отдал свою дочь в Вадстенский монастырь. А в год Господень 1453 он провел съезд господ в Стокгольме и произвел денежную реформу. В то время в Швеции пользовались почти исключительно иноземными деньгами. Король Карл ученил эти деньги: теперь они стоили столько, сколько стоило содержащееся в них золото. И чтобы в стране увеличились запасы шведской монеты, король наладил монетную чеканку в Стокгольме, Або, Сёдёрчёпинге и Кальмаре⁶²⁴. А поскольку для такого количества монеты не хватало серебра, король распорядился, чтобы купцы, везущие товары в Швецию, на каждые сорок марок стоимости ввозимого товара ввозили одну марку чистого серебра для продажи за монету. Таким же способом в Швецию ввозили серебро и во времена короля Альбрехта и короля Эрика⁶²⁵.

Некоторое время между королевствами сохранялся мир; затем король Кристиан снова стал нападать на Швецию. И нападал из года в год; порой королю Карлу приходилось выступать в поход по два, по три раза в год, а то и чаще. Часто король Кристиан шел на хитрость: готовил войско к походу, делая вид, что собирается вторгнуться в Швецию. А на самом деле и не собирался вторгаться, а просто хотел, чтобы у короля Карла истощились силы и чтобы народ разорился от всех этих походов и возненавидел короля Карла. Так и произошло: люди короля Карла часто разъезжали по Швеции и плохо обращались с бондами, отбирая съестные припасы и не уплачивая полной стоимости отобранного. И кругом жаловались, что фогды короля Карла свыше всякой меры налагают на крестьян штрафы и взимают поборы, и что его люди бесчинствуют, где только ни появятся; за это все его возненавидели, всем он стал в тягость.

Король Карл был умен, находчив, знал, где что сказать и как кому ответить⁶²⁶. И был он крепок, высок и притом из тех, что своего не упустят. Так и вышло: он прибрал к рукам едва ли не все замки и лены, а рыцарство почти не получило ленов. Потому-то рыцари его не любили; это обнаружилось, когда ему стало совсем трудно. К тому же как военачальник он был не настолько искусен, как следовало бы при его должности. Но ему очень помог герр Турд Бунде — честный человек и удачливый военачальник; он стал

опорой короля, и враги ничего не могли добиться, покуда герр Турд был жив. Тогда то ли сам король Кристиан, то ли его союзники устроили злодейскую расправу над герром Турдом. Собственный фогд герра Турда, по имени Йоссе Бусон, разрубил ему голову⁶²⁷, когда тот лежал в постели; затем убийца бежал к людям короля Кристиана. Случилось это в год от рождества Христова тысяча четыреста пятьдесят шестой.

В тот же год явился герр Монс Грен с воинами короля Кристиана и захватил Эланд; спустя шесть недель он овладел Боргхольмом⁶²⁸. Тем замком управлял герр Эрик Эриксон⁶²⁹, зять короля Карла; он вступил в переговоры и добился разрешения покинуть замок со всем имуществом; но обещание, которое он получил, не было соблюдено. Спустя некоторое время, на двадцатый день после Рождества, король Карл сыграл в Стокгольме свадьбу герра Нильса Стуре; туда пригласили и архиепископа Йенса и многих его друзей. Когда свадьба окончилась, архиепископ Йенс потребовал от короля возмещения за свои корабли, которые прошлым летом захватили враги. Король же считал, что не обязан оплачивать эти потери. Дело передали в суд, который постановил: король должен возместить архиепископу ущерб. Король был очень недоволен и, конечно, разгневался на судей, вынесших такой приговор; расстались они врагами. Вообще архиепископ и король вечно враждовали; началось это еще когда король Карл, в бытность марском, дал приказ схватить герра Кристофера Нильссона, которому архиепископ приходился племянником. Да и королем Карл Кнутссон стал вопреки воле архиепископа; и много еще у них было поводов для ссоры. У архиепископа имелось множество родичей и сторонников. Но королю Карлу это было не страшно: он сам правил большинством замков, был богат и имел свиту в добрых две тысячи человек. Поэтому архиепископского гнева он не побоялся.

Далее происходило вот что: король Карл собрал все войска, чтобы пойти в поход на юг, к Кальмару, и отвоевать Эланд. И когда они выступили в поход, архиепископ, пользуясь случаем, осуществил то, что задумал: внезапно схватил фогда короля Карла по имени Хокон Свенссон и бросил в темницу в Садельсте; случилось это в праздник обращения апостола Павла. А на следующий день архиепископ прикрепил к вратам Уппсальского кафедрального собора грамоту, в которой объявил, что расторгает клятву верности королю⁶³⁰. И вошел в собор, и возложил архиепископское одеяние пред мощами Святого Эрика, объявив, что не будет носить это одеяние, покуда в стране творятся такие дела. Облачился в доспехи, опоясался мечом; дал приказ разорить королевскую усадьбу и стал разъезжать по стране и приводить жителей к присяге. Прибыл

он и в Вестерос, и потребовал, чтобы к нему явились далекарлийцы. Те немедленно откликнулись; всем уже было в тягость правление короля Карла.

Так архиепископ Йенс оказался первым епископом, восставшим против законного государя. Но потом он дорого за это заплатил. Ведь ему было вверено Слово Божие: вот им-то он и должен был покарать короля, когда тот творил произвол. А меч ему никто не вручал: он взялся за оружие во вред и себе, и людям.

Король Карл, узнав, что творит архиепископ, немедленно поворотил из Эстерѣтланда на север с тысячько четырьмястами всадников; еще триста воинов он получил в подкрепление из Стокгольма; направился к Стренгнесу, чтобы затем напасть на архиепископа в Вестеросе. Но архиепископ, опередив его, сам рано утром напал на него в Стренгнесе. Множество воинов короля Карла были убиты или взяты в плен; защищаться они не смогли, поскольку никто ими не руководил. А король Карл получил ранение и бежал в Стокгольм. Эту победу архиепископ одержал в день престола Святого Петра; в связи с этим архиепископ распорядился, чтобы этот день отмечали как праздник по всей Швеции. А некоторые утверждают, что в этот день он захватил Стокгольм; вот почему он повелел сделать этот день праздничным.

Король Карл, прибыв в Стокгольм, предал огню оба островных пригорода⁶³¹, поскольку опасался осады. Архиепископ незамедлительно прибыл следом и осадил город; и никто не пожелал прийти на помощь осажденным. Король убедился: архиепископ и его сторонники настроены решительно и хотят довести дело до конца. Тогда он испугался, что и стокгольмские бюргеры откажут ему в поддержке, раз от него отвернулась вся страна. Он отобрал из своего золота и серебра (коих у него было много) все самое ценное, сел с этим добром на корабль и ночью, тайно, вышел в открытое море. Спустя три дня он прибыл в Данциг, получил убежище и остался там на семь лет. При себе он имел невероятные сокровища. И он дал займы прусским крестоносцам крупную сумму золотом, а в залог получил некую крепость⁶³². Но удержать эту крепость не смог, поскольку в тех краях началась война. А из Стокгольма он отбыл в день Святого Матфея, в год от Рождества Христова тысяча четыреста пятьдесят седьмой, после того как девять лет правил Швецией. И когда король Карл покинул Швецию, туда вернулись Скарский епископ Бенгт, герр Монс Грен, герр Туре Турессон, Густав Ульссон, Густав Лауренссон и еще многие, кто, спасаясь от гнева короля Карла, бежал к королю Кристиану.

После бегства короля Карла архиепископ без труда овладел Стокгольмом, пользуясь тем, что среди осажденных начались раз-

доры. Стокгольмским замком и городом Стокгольмом по поручению короля Карла ведал один и тот же начальник — Олаф Драке; спустя месяц архиепископ овладел и замком. Тотчас же он послал гонца на Готланд к герру Олафу Аксельссону; вместе они направили полномочное посольство к королю Кристиану. А покуда тот собирался в путь, архиепископ ездил по стране и вел переговоры с бондами, и овладел всеми замками за исключением Кальмарского замка, которым управлял герр Густав Карлссон. Общаясь с бондами, архиепископ не подавал виду, что хочет отдать страну под власть короля Кристиана. Народ Швеции не дал бы на это добро: король Кристиан был ярым врагом Швеции, нанес ей неимоверный урон. Но никто так ничего и не узнал, покуда сам король Кристиан не прибыл на Троицу в Юрхавн с большим флотом и не объявил: он, мол, явился защищать страну от короля Карла, который, дескать, наберёв множество наемников, чтобы предать Швецию огню и мечу.

А архиепископ и те, кто вместе с ним все это устроили, составили положения, которые королю Кристиану надлежало скрепить печатью; при этом условии они были готовы признать его государем. Ранее эти статьи были посланы в Копенгаген; там их скрепили печатью и переслали королю; тот в свою очередь без возражений скрепил их печатью. Содержание этих положений было таково. Король применительно ко всему Шведскому королевству обязуется блюсти шведские законы, привилегии и добрые древние обычаи. Далее, жители каждого из королевств могут беспрепятственно владеть земельными угодьями в другом королевстве. Далее, то, что король изъяс у шведской короны, должно быть немедленно возвращено. Далее, шведы получают право беспрепятственно предъявить судебный иск по делу о Готланде; вопрос же о Бохусских пошлинах⁶³³ должен решиться на переговорах и на судебном разбирательстве. Далее, ни король, ни его супруга, ни кто-либо от их имени не должен покупать или получать в залог земельные владения — ни в собственность короны, ни в свою собственность, — поскольку из-за этого приходят в упадок рыцарство и фрельсе и ухудшается служба короне; из-за этого в прошлом возникала немалая вражда между государями и фрельсе. Далее, король не должен отдавать в залог или в погашение долга замки, земли и лены королевства. Далее, он не должен налагать незаконные подати на жителей королевства. С тем архиепископ выехал навстречу королю и устроил ему торжественный въезд в Стокгольм⁶³⁴, хотя еще совсем недавно сам, на встрече со стокгольмскими бюргерами, заявил, что не хочет, чтобы в Швеции пришел к власти иноземный государь.

Альбрехт Мекленбургский, король Швеции (деталь надгробия)

Печать Альбрехта Мекленбургского с изображением герба «Три короны»

Правительница Дании,
Швеции и Норвегии
Маргрета I (Маргарета)
(деталь надгробия)

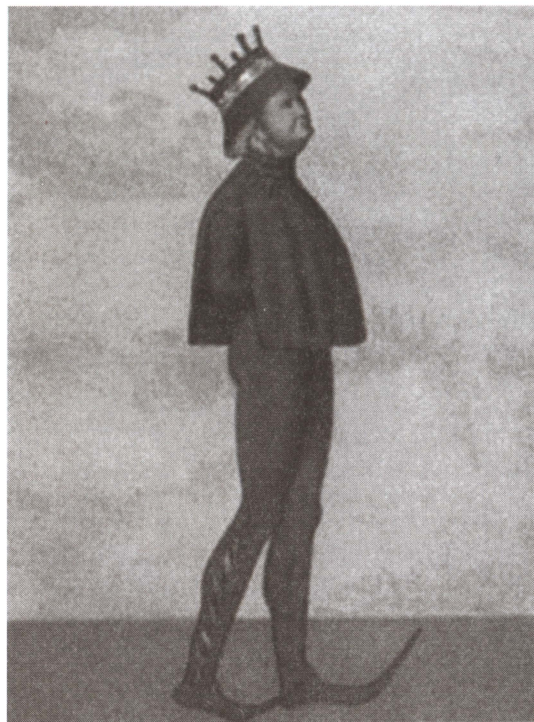

Печать Маргреты I
с эмблемой «Три короны»

Эрик Померанский,
король Дании, Швеции
и Норвегии
(портрет XVI в.)

Печать
Эрика Померанского

Король Дании,
Швеции и Норвегии
Кристофер Баварский
(портрет XV в.)

Печать
Кристофера Баварского

Король Карл Кнутссон.
Фрагмент деревянной
скульптуры (работа не-
мецкого мастера Бернта
Нотке, вторая половина
XV в.)

Печать
Карла Кнутссона

Король Дании, Швеции
и Норвегии Кристиан I
(портрет XV в.)

Печать Кристиана I

Ханс, король Дании,
Швеции и Норвегии.
Скульптура из убранства
церкви в Оденсе, Дания

Печать короля Ханса

Кристиан II, король Дании, Швеции и Норвегии (портрет работы нидерландского мастера П. ван Конингсло (1521))

Печать Кристиана II

В День Иоанна Крестителя король Кристиан был избран в Стокгольме королем Швеции. Затем он немедленно отправился к Уппсале; у камня Мура те, кто смог явиться, провозгласили его королем. И в день святых Петра и Павла он короновался в Уппсале. Он правил Швецией все время, покуда король Карл находился в Данциге. И поначалу при нем все в Швеции обстояло благополучно⁶³⁵; потом дела пошли хуже. Он распорядился, чтобы его сын юнкер Ханс был провозглашен наследником престола, как ранее он был провозглашен в Дании и Норвегии⁶³⁶. Герра Туре Турессона король назначил марском Швеции и пожаловал ему Стокгольмский замок⁶³⁷. И стокгольмские монахи, которым король Карл, доверяя, оставил на хранение множество золота и серебра, извлекли эти ценности на свет и отдали на хранение королю Кристиану.

В год Господень 1462 в Швеции находился папский легат Маринус⁶³⁸ с римскими индульгенциями и собрал много денег. И из всего, что он собрал, половину удержал король под тем предлогом, что ему, мол, часто придется воевать с русскими — врагами христианского мира⁶³⁹.

Спустя несколько лет после прихода к власти король Кристиан стал один за другим вводить в Швеции новые налоги. И все, у кого имелись деньги, должны были давать королю в долг крупные суммы. И если он узнавал, что где-то — например, в Вадстене, хранятся отданные на сбережение деньги, он приказывал их изъять и увозил в Данию⁶⁴⁰. Он выкупил Голштинию у графа Шовенбергского и у своего брата графа Гердта, и на этот выкуп ему требовались немалые деньги; очевидно, что он собрал их со всех своих королевств, посредством упомянутых поборов. И поскольку он вывозил из страны все, что только мог, шведы его возненавидели; недруги стали звать его Бездонный Кошель и уверять, что он губит страну. На самом же деле, вообще-то он был спокойный и порядочный человек.

И вот по стране пошел слух: король Карл собрал в Пруссии огромное войско, чтобы вернуть себе власть над Швецией. Слух оказался ложным; но на многих людей пало подозрение: они, дескать, пытались помочь королю Карлу вновь обрести власть над Швецией. В связи с этим были взяты под стражу доктор Клас Рюттинг, бывший канцлер короля Карла, герр Нильс Педерссон, герр Эрьян Карлссон, Стен Бенгтссон⁶⁴¹ и еще множество человек. Некоторых из них замучили до смерти, некоторых искалечили, некоторых надолго заточили в темницу. За эту расправу шведы еще сильнее возненавидели короля.

А король Кристиан между тем собрался в Финляндию. К тому времени он с согласия риксрода ввел в стране еще один доселе

неслыханный налог: каждый бюргер должен уплатить половину своего годового налога, каждый бонд — 12 эре, каждый ландбу — 6 эре. И поскольку сам он готовился к отплытию в Финляндию, он поручил архиепископу Йенсу управлять Швецией, вести переговоры с бондами об упомянутом налоге и собирать этот налог. Но когда архиепископ повел речь об этом налоге, бонды и слушать не стали: им, мол, столько пришлось платить незаконных поборов, что с них уж и взять нечего. И каждый раз, напомнили бонды, когда на них налагали такие поборы, им обещали, что это не повторится. Теперь им ясно: король хочет обобрать их вчистую. Поэтому они лучше умрут, чем будут платить подобные налоги.

И среди крестьян начались немалые волнения, а в Уппсальском архиепископстве дело дошло до восстания против короля⁶⁴². Бонды стали собираться в отряды: где-то по несколько сот человек, где-то по несколько тысяч. Архиепископ же то и дело являлся на встречи с ними, вступал в переговоры и просил утихомириться. То и дело он слал им письма — под конец даже не от себя одного, а совместно с другими членами риксрода, которые вместе с ним находились в Стокгольме. Этими членами риксрода были герр Густав Карлссон, герр Фадер Ульфсон, герр Эрик Нильссон, герр Грегерс Бенгтссон и герр Грегерс Матссон⁶⁴³. Все они сообща пообещали: восстание, которое подняли бонды, не будет вменено им в вину, если они утихомятся. Пообещали также, что отныне не будут давать королю добро на новые налоги, и что приложат все силы к тому, чтобы король отменил нынешнюю подать: бонды будут платить только обычные законные налоги. В свою очередь и бонды направили гонцов к архиепископу и риксроду. И говорят, архиепископ освободил бондов от указанного налога, подтвердил это грамотой и объявил об этом во всеуслышанье в Стокгольме на совещании с бюргерами. Неизвестно, что заставило архиепископа пойти на это: то ли он просто хотел успокоить бондов, то ли он и сам был недоволен, что столько добра вывозят из Швеции.

Так или иначе, король Кристиан, вернувшись в Стокгольм, строго отчитал архиепископа: это он, мол, со своими собратьями и со своими фогдами взбунтовал народ. И король созвал множество членов риксрода, и, вынеся дело на их разбирательство, добился, что архиепископа приговорили к тюремному заключению⁶⁴⁴. Датчане же во всеуслышанье стали называть архиепископа изменником. Король Кристиан его давно ненавидел, боялся, что тот поступит с ним, как с королем Карлом. Повсюду — в церквях, на улицах — люди стали находить письма⁶⁴⁵, где сообщалось: «Архиепископ — изменник!» Так началась расплата за то, как он обошелся с королем Карлом. Что посеешь — то и пожнешь.

И члены риксрода (многие весьма твердо) стояли за то, чтоб король взял архиепископа под стражу и отвез в Данию; они посоветовали это королю и скрепили этот совет грамотой. Конечно, у архиепископа было много друзей и родичей. Но много имелось и недругов: он был человек жестокий, тяжелый; если на кого гневался — готов был изничтожить. Поэтому многие были им недовольны и если предоставлялся случай, строили ему козни. И у короля имелось на него много жалоб; в числе прочего, архиепископу вменяли в вину следующее⁶⁴⁶. Некоторое время назад, когда король отплыл из Швеции в Данию, архиепископ послал ему письмо: дескать, необходимо, чтобы тот срочно вернулся, поскольку, мол, в Швеции обнаружилось много изменников — в том числе среди членов риксрода, изменниками являются и многие стокгольмские бюргеры. Все эти люди, писал архиепископ, состоят в тайном сговоре с королем Карлом; хотят помочь ему вновь прийти к власти. И король заявил: то, что герра Нильса Педерссона, герра Эрьяна Карлссона, Стена Бенгтссона и доктора Класса Рютинга схватили и подвергли истязаниям — следствие происков архиепископа. Дело в том, что именно ему король поручил вести это дело.

И для своих происков архиепископ использовал проходимца, которого звали Педер Простоволосый⁶⁴⁷. Тот утверждал, что доставил из Пруссии письма упомянутому герру Нильсу и другим людям, которых взяли под стражу. Но те в конце концов под присягой отвели обвинение, заявив: никаких писем они не получали и ни в каком заговоре не находились. Предстал пред судом и Педер Простоволосый, и во всеуслышанье признался: ничего из того, что он рассказал о добрых людях, взятых под стражу, он за ними не знал; а возвести на них напраслину заставил архиепископ. Стало ясно, что архиепископ во всем и виноват; многие люди из рыцарства были возмущены.

Итак, архиепископ был взят под стражу. По стране пошли об этом слухи — и дело, несомненно, представлялось так, будто архиепископ пострадал за то, что хотел облегчить участь бондов, избавив от нововведенного налога. Тогда бонды собрались в большой отряд, пришли на Нормальм и, прежде чем жители Стокгольма что-либо узнали, захватили Хельгеандсхольмен. Как только в Стокгольме стало об этом известно, все горожане облачились в доспехи. Однако на несколько дней было заключено перемирие. В то время, когда это случилось, король Кристиан совершил поход на Стэкет, и взял этот замок. Тут он получил весть о том, что предприняли бонды, и немедленно устремился к Стокгольму. И в воскресенье, не дожидаясь, когда истечет перемирие, он поставил свои корабли на якорь близ Сандбру, и таким образом разъединил

бондов: часть остались на Нормальме, а часть — около трехсот — на Хельгеандсхольме.

И состоялось сражение с бондами; шло оно с восхода солнца до трех часов пополудни. Те бонды, которые находились на Хельгеандсхольме были частью убиты, частью схвачены в плен. Около тридцати трех бондов собрались в церкви Святого духа и мужественно там оборонялись. В конце концов им пообещали жизнь и неприкосновенность. В действительности же тех, кто, сдавшись, сложил оружие, безжалостно убили прямо в церкви. Вожака этих бондов звали Юхан Линдурм; его подвергли колесованию; вместе с ним колесовали еще восемь бондов. Остальных помиловали, взяв обещание, что те уплатят нововведенный налог. Случилось это в год Господень 1463, спустя некоторое время после дня Святого Лаврентия⁶⁴⁸.

Тогда зашла речь о том, чтобы отлучить короля от церкви и наложить на Швецию интердикт за то, что взял под стражу архиепископ. Король возразил, что взял его под стражу не как епископа, а как подданного, принесшего присягу и получившего земли и лены, и в этом отношении — мирянина. К тому же, объяснил король, архиепископ — клятвопреступник, изменник, отщепенец и расстрига, и поэтому не имеет права пользоваться привилегиями, которые даются достойным, благочестивым епископам, добросовестно исполняющим свои должностные обязанности. Все же король вынес это дело, изложив его в виде особых вопросов, на рассмотрение линчёпингского епископа Кеттиля, вестеросского епископа Биргера, абовского епископа Курта⁶⁴⁹, папского легата Маринуса и членов uppsальского капитула; все эти люди в то время находились в Стокгольме. Но те ответили, что не могут вынести заключение относительно указанных вопросов⁶⁵⁰; на этом вопрос об отлучении был отложен до дня всех святых. Король отплыл в Данию; также и архиепископа отвезли на корабле в Копенгаген и заточили в темницу.

Тогда епископ Кеттиль, уехав из Стокгольма, написал королю, требуя освободить архиепископа и соблюдать в отношении него шведские законы. Но с его письмом никто не стал считаться. Тогда епископ Кеттиль, пользуясь отъездом короля, стал вести переговоры с друзьями архиепископа, с его братьями — герром Кристиерном Бенгтссоном и герром Давидом Бенгтссоном, а также с герром Нильсом Кристиернссоном о том, как поднять восстание против короля Кристиана. Они привлекли на свою сторону герра Троте Карлссона, герра Ивара Грена, герра Эрика Нильссона и еще несколько человек. И они начали, каждый в своей области, вести переговоры с бондами, чтобы вся страна поднялась против

короля. И бондов не пришлось долго убеждать; они были крайне недовольны королем из-за того, что он ввел множество налогов, да к тому же убил и взял в плен многих бондов на Хельгеандсхольме, во время перемирия — и все из-за налога, который сам же ввел.

И епископ Кеттиль, вместе со своими союзниками, подступил к Стокгольму и осадил его с обоих островных пригородов. Был также осажден Стэкет; спустя пять недель осаждавшие взяли этот замок. И повсюду епископ Кеттиль стал вводить сборы налогов. Далее он написал королю: если он отпустит архиепископа и позволит ему вновь возглавить церковь, то все в Швеции будет приведено в порядок; народ будет изъявлять королю покорность и добрую волю. В случае же отказа восставшие намерены продолжить то, что начали.

Король, получив такое письмо, воскликнул по-немецки: «Не дожидетесь, бесовы попы!» Созвал все свое рыцарство, собрал всех воинов, какие только были в Дании, и повел это немалое войско на Швецию⁶⁵¹; примкнули к нему и шведские рыцари — те, что не взяли сторону епископа Кеттиля. Те, кто осаждал Стокгольм, услышав, что король приближается с таким большим войском, сняли осаду. Бонды разошлись по домам, а военачальники увели свои отряды — кто в Даларну, кто в Хельсингланд. В понедельник перед Пасхой король подоспел к Стокгольму и не стал там задерживаться: тотчас отправился в Уппсалу, пробыл там всю Пасху, а затем подошел к Вестеросу, осадил его и приказал штурмовать Вестеросский замок, которым управлял герр Нильс Кристиернссон. Но завоевать этот замок король не смог. Тут пришло достоверное известие: епископ Кеттиль и его сторонники в сопровождении далекарлийцев движутся на юг к Харокеру⁶⁵². Король выступил им навстречу, чтобы их разбить, а затем устремиться на север, в Даларну, и опустошить этот край, чтобы никто из врагов короля больше не смог обрести там убежище. Но осуществить замысел не удалось: король был разбит при Харокере, потерял много воинов и лошадей, и бежал назад в Стокгольм. А епископ Кеттиль со своими сторонниками поднял людей во всей Швеции и повел осаждать Стокгольм.

Тут по всей стране бонды стали во всю глотку кричать, что хотят обратно короля Карла. И бонды написали членам риксрода: пусть те пошлют гонца за королем Карлом. Тогда в Сигтуне собрались герр Нильс Кристиернссон, герр Ивар Грен, герр Кристиерн Бенгтссон, герр Давид Бенгтссон и множество других людей. И были составлены письма, которые надлежало отправить королю Карлу. Чтобы вручить эти письма, в Пруссию послали свободно-рожденного человека по имени Олаф Ингессон. А в те дни, когда

риксрод заседал в Сигтуне, герр Нильс Кристиернссон смертельно заболел; он распорядился, чтобы его отвезли в Вестерос, где он и умер.

Король Кристиан, узнав о его смерти, воспрял духом и немедленно снарядил отборный отряд под началом герра Туре Турессона. Отряду надлежало на парусных лодках подплыть к Вестеросу и захватить замок, а если это не удастся — сжечь город. Но когда эти люди подплыли к Вестеросу, высадиться на берег они не смогли. Бюргеры и другие жители, которые там собрались, возвели укрепления и не дали войску приблизиться. Туре Турессону со своими парусниками пришлось убраться восвояси; он направился в Арбугу и в разные близлежащие местности, чтобы от имени короля Кристиана вести переговоры с окрестными жителями. Но когда он подошел к проливу с быстрым течением, его встретил епископ Кеттиль с отрядом бондов из Рекарне. Начался бой; герр Туре получил отпор, потерял семь парусников; множество его воинов были убиты и взяты в плен. Пришлось ему убраться назад в Стокгольм. Тут подоспели герр Кристиерн Бенгтссон, герр Давид Бенгтссон и герр Ивар Грен со множеством людей и подступили к городу со стороны Нормальма. Герр Троте Карлссон подошел к городу со стороны Сёдермальма. А епископ Кеттиль со своими людьми и кораблями расположился на острове Лонгхольмен; таким образом, город был осажден с трех сторон. И целый месяц, изо дня в день, продолжались бои, и люди короля Кристиана несли все новые и новые потери.

Тогда жители Даларны и всей Швеции написали тем членам риксрода, которые оставались верны королю Кристиану, чтобы те перестали хранить ему верность. К письмам прилагались положения, над которыми членам риксрода следовало поразмыслить. Самое важное из этих положений было вот какое: король Кристиан незаконно пришел к власти в Швеции, поскольку простой народ, с которым на этот счет надлежало посоветоваться, ничего не знал до тех пор, покуда король не вззошел на трон. И создатели писем просили членов риксрода отречься от короля Кристиана. Простые шведы, говорилось в письмах, хотят, чтоб вернулся король Карл. Никаких регентов им не надо: Швеция издревле — королевство, а не воеводство и не церковный приход.

Король Кристиан увидел: ему не под силу одолеть осаждающих; напротив, он раз за разом несет потери. Особенно большой урон понес он в бою на холме Чеплинге. Тогда он снарядил двадцать четыре корабля, чтобы отплыть в Данию. Но когда он подплыл к Стегесунду⁶⁵³, на него внезапно напал отряд бондов; тут он лишился лучшего корабля и понес потери людьми. На том корабле

бонды обнаружили знамя, именуемое Данебрук⁶⁵⁴; это знамя тотчас прислали в лагерь осаждавших на Нормальме и водрузили напротив города на холме Брункеберг. Произошло это в год Господень 1464, в праздник Ивана Купалы. А епископ Кеттиль тем временем ездил по стране, приводил бондов к присяге и взыскивал налоги.

Едва король Кристиан отплыл из Стокгольма, оставив там много датских господ — оборонять город и замок, тотчас, в праздник Дражайшей Богородицы, в стокгольмских шхерах появился король Карл — спустя семь с лишним лет после отплытия в Пруссию. При нем было много кораблей и людей, набранных в Данциге. Прислал ему людей в помощь и польский король⁶⁵⁵. Прибыв в шхеры, король Карл тотчас послал гонца к герру Кристиерну Бенгтссону, который со множеством людей и кораблей находился в Бископстуне. Тогда к королю Карлу прибыл упомянутый герр Кристиерн, а также герр Ивар Грен — начальник людей, чей лагерь был на Нормальме, и с ним Ханс Йекн, который все время командовал далекарлийцами.

Эти люди, вступив в переговоры с королем Карлом, договорились в первую очередь простить друг другу все взаимные обиды. Затем они подплыли к самым стенам Стокгольма. И король Карл предписал членам риксрода и всем шведским рыцарям, осажденным в Стокгольме, а также городскому совету и горожанам Стокгольма, чтобы они вышли к нему и, как положено, признали своим королем. Тогда к нему вышли епископ Вестеросский и два—три человека из знати, и объявили, что готовы выслушать, что ему угодно. Король Карл ответил: ничего особого он им объявлять не намерен, и особых приглашений он им не присылал. Он хочет, чтобы все, кто находятся в городе, вместе пришли и признали его государем. С тем он отправил их обратно в город, а сам отплыл на лодке на Сёдермалм, и там стал беседовать с бондами и другими людьми, стоявшими там лагерем, и спросил, признают ли они, что он их законный король, и готовы ли они вновь объявить его таковым и воздать ему все то, что причиняется законному государю. Те ответили, что признают его своим законным королем и желают, чтоб он был таковым, и готовы воздать ему все, что подобает. Однако некоторые из них заявили: с провозглашением придется подождать, покуда не прибудет епископ Кеттиль, который в то время отсутствовал.

Затем король Карл и герр Кристиерн Бенгтссон приготовили корабли к штурму, намереваясь идти на приступ со всех сторон. Шведы, что находились в городе, увидели это — и тогда члены риксрода, бургомистры и члены городского совета вышли к королю,

вступили в переговоры и сдали город, который все лето выдерживал осаду. Когда король вошел в город, датчане (которых там было много) укрылись в замке. А король первым делом вошел в городскую церковь; затем, покинув город, отправился на Нормальм. Там он встретился и беседовал с бондами, и те провозгласили его королем. Затем он вернулся в город, сразу же вошел в ратушу и перед всеми, кто там собрался, произнес следующую речь:

«Дорогие друзья! Вы, конечно же, знаете, что я — ваш законный король. Вот я и откликнулся на ваши просьбы, и прибыл из Пруссии, где жил в достатке; прибыл, чтобы помочь стране. И радуясь, что вы желаете видеть меня своим королем и исполнять все, что вам надлежит, я желаю блюсти по отношению к вам закон и право; надеюсь, что я и всегда так поступал. Если мои фогды и должностные лица вели себя не так, как надлежит — это происходило без моего ведома и не по моей воле; они сами должны держать за то ответ».

И король своей речью дал понять: он не совершил никаких проступков, за которые его следовало изгнать. И когда окончились все надлежащие торжества и государю была принесена клятва верности, король Карл явился на монетный двор и сделал его местом своего пребывания: в замке он не мог поселиться, поскольку замок находился в руках датчан. А монетный мастер, задолжав королю крупную сумму, нехорошо с ним себя вел⁶⁵⁶; но он умер через несколько дней после того, как король захватил город.

Между тем в Стокгольме после отъезда короля Кристиана осталось много датских рыцарей. И те члены датского риксрода, которые во время осады находились в городе, испросили у короля разрешения покинуть страну со всем имуществом, на собственных кораблях. Король Карл дал на это добро, и датчане вернули себе корабли, которые шведы взяли с бою. Король Карл совершил это без ведома и согласия тех, кто нес основные тяготы той войны⁶⁵⁷. Возможно, он таким образом просто выполнил обещание, которое дал, когда город сдался на его милость. Но так или иначе, многие шведы были возмущены, что датчанам так просто взяли и позволили уйти. Нужно, мол, было сперва заключить мир с этими датчанами и королем Кристианом, добиться, чтобы освободили архиепископа, и только потом отпустить датчан на свободу. Епископ Кеттиль, который в то время находился в Вестеръётланде, узнал, что король Карл вернулся в Швецию. Епископ тотчас отправился в путь, прибыл к королю Карлу и встретил радушный прием; целых восемь дней они провели вместе. Но услышав, что король отпустил датчан, епископ возмутился и заявил, что добро на такой поступок короля не дает.

И пользуясь тем, что датчане еще не успели уехать далеко, епископ послал им вслед гонца, требуя, чтобы те поворотили назад. Клас Рёнов и другие датские рыцари, выполнив требование, вернулись. Клас Рёнов явился к епископу Кеттилю и от всего сердца просил, чтобы уговор, с которыми заключен, остался в силе: иначе будет нарушено слово многих достойных людей и будет попорана их честь. И он пообещал, что охотно выполнит то, что от него требуют, и что архиепископ будет восстановлен в своих правах — при условии, что сохранит силу соглашения, заключенное с королем Карлом. На том епископ Кеттиль отпустил датчан и сам покинул город — очень недовольный королем Карлом, который заключил такое соглашение. Тем временем герр Туре Турессон, управлявший Стокгольмским замком по поручению короля Кристиана, ни за что не хотел сдавать этот замок Карлу Кнутссону и, насколько мог, причинял городу урон. И в канун праздника святого евангелиста Луки стокгольмский бургомистр Мортен Линдурм был убит пушечным ядром. Эту смерть оплакивали и весь Стокгольм, и риксрод. В то же самое время умер герр Олаф Аксельссон, державший Готланд в залог за крупный заем, выданный королю Кристиану. Замок герр Олаф передал брату — герру Ивару Аксельссону⁶⁵⁸.

Король Кристиан, видя, что король Карл вернулся на шведский престол, помирился с архиепископом Йенсом и отпустил его домой — несомненно затем, чтобы тот опять изгнал короля Карла. Он отлично знал: вместе в одной стране эти двое не уживутся⁶⁵⁹. И король Кристиан издал открытое письмо, где объявил, что уполномочил архиепископа и герра Эрика Ниперца вести с кем угодно переговоры от своего имени: соглашения, которые те заключат от его имени, он утвердит. По пути в Верхнюю Швецию архиепископ встретился с епископом Кеттилем и несколькими его союзниками. Архиепископ убедил их порвать с королем Карлом — хотя именно они и пригласили его вернуться из Пруссии. Епископ Кеттиль к тому времени уже был весьма недоволен королем Карлом — из-за соглашения, о котором сказано выше. Поэтому он с легкостью порвал с королем Карлом. Тотчас же архиепископ и епископ Кеттиль начали вести переговоры с бондами и убеждать, чтобы те отреклись от короля Карла и отказались признавать его своим государем.

Тут члены Уппсальского капитула, в свою очередь, услышали, что архиепископ все никак не уймется, и были крайне возмущены: им и без того немало пришлось претерпеть обид от архиепископа, а также, все по его же вине, хлебнуть горя от короля Кристиана. Они испугались, что будет чем дальше, тем хуже. Посему они стали увещевать архиепископа и письменно, и устно, чтобы он исполнял свои пастырские обязанности, а не обременял себя мир-

ской властью, учитывая, что ему самому и всем его клирикам от его прежнего правления был один только вред.

Но архиепископ не внял подобным уговорам, а лишь разгневался на тех, от кого они исходили. Надо сказать, что хотя архиепископ и его сторонники и старались отвратить бондов от короля Карла, все же они не отважились признаться, что желают вернуть к власти короля Кристиана. И вполне возможно, что не все они хотели, чтобы король Кристиан вернулся на шведский трон. Не вели они и речь о том, чтобы непременно изгнать короля Карла из Шведского королевства. Они соглашались: пусть, мол, он получит замок — Абовский или какой-либо другой, с причитающимся леном, или пусть живет в Вадстене либо где-нибудь еще, где ему угодно, только пусть не вмешивается в дела правления. Затем, дескать, они поделят королевство на четыре части и отдадут под управление четверых человек.

Но несмотря на все эти уверения, бонды и многие другие люди из писем и действий архиепископа с очевидностью заключили: что бы ни имели в виду союзники архиепископа, сам он рассчитывает вернуть короля Кристиана. Вышло так: бонды горячо поддерживали архиепископа и изо всех сил старались помочь ему в борьбе с королем Кристианом. Но поддерживали они и короля Карла и горячо убеждали его вернуться к власти. Поэтому простые люди хотели, чтобы эти двое помирились и стали править совместно. Бонды устали от войны, им хотелось мира; они с радостью пошли бы за тем, кто обеспечит мир. А поскольку король Карл и сам весьма желал мира, то бонды больше поддерживали короля Карла, чем архиепископа. Это архиепископа огорчило; но от своих замыслов он не отказался. Вместо этого он стал рассылать по стране гонцов с письмами, убеждая бондов принять его сторону. Устроил он и очную встречу с бондами, созвав жителей нескольких херадов к себе в Арнё. Но пришло очень немного людей; и мало того — те, кто пришел, заявили, окончательно расстроив архиепископа: от короля Карла они не отступятся.

Король Карл убедился: от архиепископа дружбы ждать нечего — он только и думает, как навредить. Тогда и король, в свою очередь, начал рассылать по стране обращения и вести переговоры с бондами, горько сетуя: архиепископ, мол, хочет возвести на шведский престол короля Кристиана, как он это однажды уже сделал, к неимоверному ущербу для королевства. И чтобы еще больше расположить к себе народ, король пообещал всем ландбу уменьшить вдвое арендную плату, а всем налогообязанным бондам сократить налоги. Жителям Хельсингланда и Даларны он скостил значительную часть налогов. Так народ получал послание за посланием: то от

короля, то от архиепископа, и кому хочешь, тому верь; и обе стороны жаловались, что послания не доходят до людей. Архиепископ запретил священникам читать крестьянам письма короля Карла и учредил наказание: кто будет читать эти письма, тот лишится всего имущества и потеряет приход. В свою очередь, запрет наложил и король Карл: если какой-либо священник не станет читать его письма или будет уличен в том, что читал письма архиепископа, тот будет причислен к изменникам и понесет надлежащую кару. В общем, прижали клириков с обеих сторон. Кроме того, король Карл написал пространное письмо уппсальскому капитулу, где поведал о своих противоречиях с архиепископом. И чтобы вся эта история была понятнее, ниже приводится содержание этого письма. Вот что там говорится:

«Дорогие досточтимые отцы и друзья! Вы, конечно, помните, как ваш архиепископ Йенс, за несколько лет до того, как он изгнал нас из страны вместе с еще несколькими людьми, предстал здесь в городе в гильдии Девы Марии пред судом. И было в законном порядке установлено, что он и его сообщники замыслили измену, желая убить нас или причинить нам вред; это было с очевидностью доказано.

И архиепископ Йенс лицемерил и не раскрывал свои намерения ни на открытых совещаниях, ни где-либо еще; пять лет он тайно вынашивал замыслы, как совершить измену и нас погубить, но, в конце концов, эти замыслы были раскрыты. Тогда мы вняли смиренным мольбам архиепископа Йенса, а равно и всех присутствовавших достойных людей. Особенно было принято во внимание, что епископ Сигге и члены уппсальского и стренгнесского капитулов поклялись честью, верой и правдой, что вышеозначенный архиепископ Йенс больше никогда подобным образом нам не воспротивится и не причинит нам вреда. И сам он многократно торжественно клялся — и тогда, и после, что мы ничего не должны от него ждать, кроме безраздельной и нерушимой верности, любви и добра. Особенно истово он клялся на этот счет в Стокгольмском замке, перед нашим отъездом, незадолго до того, как нас изгнал. В тот день мы, среди прочих чрезвычайных дел, довели до его сведения: нам известно, что нас хотят свергнуть. Тогда он сложил молитвенно руки и призвал в свидетели Бога, Деву Марию, святого короля Эрика и все небесные силы, что мы никогда не будем свергнуты с престола, покуда архиепископ жив; что нас свергнут не раньше, чем он умрет у наших ног, истекая кровью.

Мы от души поверили ему; спустя несколько дней мы направили ему наше открытое письмо к нашим достойным людям и дорогому народу, с предписанием, чтобы все немедленно выступили

на подмогу нам, чтобы дать отпор нашим недругам и врагам королевства; архиепископу были на этот счет даны от нашего имени подробные разъяснения. На этот поход он и сам, вместе с другими членами риксрода, безоговорочно дал добро. И тут он начал принуждать наших достойных людей и наш дорогой народ выступить с ним заодно против нас и приказал схватить наших фогдов и достойных людей и разграбить все, что подвернулось под руку ему и его приспешникам, и что принадлежало нам и тем достойным людям, что держали нашу сторону. И многих убили; особенно много людей, как вам хорошо известно, из-за его измены лишились жизни в Стренгнесе. И чтобы, несмотря на все это, склонить на свою сторону наш дорогой народ и погубить нас, он пообещал и нерушимо поклялся, что, дескать, ни за что не допустит, чтобы король Кристиан вернулся на трон, и что, мол, сократит налоги, и так далее; после этого он осадил нас в нашем городе Стокгольме.

Тогда мы дали знать ему и его приспешникам: если они пообещают нам безопасность и оградят от насилия и произвола, то мы выйдем из города и предстанем пред их судом: пусть они сами будут и истцами, и судьями. Даже на это они не согласились — хотя нигде не слыхано, чтобы какой-либо государь вот так обязался предстать пред судом своих подданных — да притом таких, которые хотят его погубить. Конечно, мы знали: стоит нам попасть им в руки, как они нас убьют. Но мы решили: лучше уж умереть от их насилия и произвола, чем бежать из нашего королевства. Когда же выяснилось, что никакие переговоры не помогут, то выбора уже не было: пришлось бросить детей, родню и друзей, королевство и все владения и в горести отправиться в путь.

Архиепископ же, изгнав нас, тотчас призвал короля Кристиана, сделав его полновластным государем всей Швеции, вопреки обещаниям и клятвам, которые дал народу — что, дескать, никогда не допустит, чтобы вышеназванный король Кристиан или кто-либо из датчан правил Швецией. А уж как затем архиепископ Йенс безо всяких на то оснований при всем народе бесчестил нас по всем статьям, называя еретиком, изменником, разбойником и обвиняя во множестве злодеяний: дескать, мы и то сотворили, и это! Что мы ничего подобного не совершали — тому свидетелями достойные люди — и мужчины, и женщины, жители Швеции, которые знают нас с рождения и по сей день. Также можем мы заручиться свидетельствами всех иноземных государей, князей, рыцарей, сенов, земель и городов, с которыми мы имели дело в молодости, а затем во время нынешнего изгнания, а равно и шведских [господ, областей и городов], и готовы доказать пред судом, в законном порядке, как пристало праведному государю, что мы никогда в жизни

не совершали тех непристойных, недостойных, тяжких и постыдных деяний, в которых нас перед всеми людьми архиепископ Йенс письменно и устно обвиняет — безбожно, бесчестно и несправедливо.

И вы прекрасно знаете, какую ложь он, в числе прочей лжи, написал в послании к нашему святому отцу папе: что, дескать, мы попираем вольности святой церкви, топчем ногами прелатов, да и всех подряд — и клириков, и мирян. И что мы, мол, день ото дня все больше лютуем, все больше зверствуем, и ввели множество незаконных поборов, и, уподобившись разбойникам, изгоняем людей из страны, и следуем неким обычаям, несущим в себе заразу ереси. Из-за этих, дескать, нестерпимых позорных обычаев стали мы в тягость всему народу, и отреклись мы от королевского достоинства, и взяли в руки скипетр тирана. Посему мол, наш народ решил, что правление наше грозит ему погибелью; и по всей стране люди единодушно решили положить конец этой тирании и избрали архиепископа — главу и вождя всего королевства — хёвитсманом, чтобы пресечь упомянутую тиранию и вернуть стране вольности; и люди, мол, сами, после долгих уговоров, убедили его возложить на свои плечи бремя — стать хёвитсманом.

Вы сами прекрасно знаете, да и мы можем доказать, взяв в свидетели всех достойных людей Швеции — и духовного и мирского звания, и богатых и бедных; во всем, что он на нас наговорил нашему святому отцу, нет ни единого слова правды. И таким кощунством, такой наглой ложью, такими небылицами он добился, что наш святой отец — папа отпустил ему прегрешения и восстановил в духовном звании и епископской должности. И удивительно, что вы — оплот и опора святой церкви и архиепископа, столько времени терпели, позволяя, чтобы он носил столь высокий духовный сан — при том, что он получил свою диспенсацию столь безбожно, подло, путем обмана.

Затем он нас изгнал и заставил терпеть невыносимые тяготы, убытки и издевательства — поправ честь и закон, не побоявшись Бога! Он не разрешил даже, чтобы наши несчастные дочери — в то время еще совсем юные, хрупкие, остались в Швеции на попечении родни; нет, он выгнал их, заставив зимой плыть по морю на чужбину — надеясь, что они не вынесут тягот и погибнут. Каким же надо быть невероятным, отъявленным злодеем, чтобы послать на гибель бедных невинных детей! И все из-за ярой, беспричинной ненависти, ничем не вызванной с нашей стороны. Куда там: во всю пору, покуда он нас не изгнал, мы никому так не благоволили, никому так не доверяли, как ему.

Дорогие друзья! Вы прекрасно знаете, какой огромный, пагубный урон причинен всему Шведскому королевству из-за того,

что архиепископ так бесчестно нас изгнал. Что пришлось вынести церкви и духовенству; как пострадали рыцари и горожане из-за того, что он одалживал громадные суммы королю Кристиану и почти ничего не получал назад. И сколько он ввел незаконных, непосильных налогов, отбирая последнее у бедняков; и все деньги, взятые займы и собранные в счет налога, немедленно вывозились из Швеции: из-за этого жители страны дошли до такой бедности, какой никогда не бывало; особенно плохо стало с наличными деньгами. Также немалые ценности, и множество денег, которые мы оставили в Стокгольме в монастыре Черных братьев, заботясь о чести, достоинстве и благосостоянии нашего королевства: все эти несметные богатства были вывезены из страны. И всякий может убедиться, до какой разрухи дошли замки нашего королевства — а ведь столько денег пришлось затратить, чтобы их построить! И весь этот ущерб, нанесенный нам, нашему королевству и его жителям, как духовного, так и светского звания, нанесен исключительно по причине кощунственной и наглой измены архиепископа Йенса, который изгнал нас, пойдя против Бога, чести и закона.

И если бы мы не доверились вполне вашим клятвенным обещаниям, которые и вы, и другие люди принесли нам от его имени, да и тем торжественным клятвам, которые дал он сам, мы бы поступили с ним по справедливости — и ни нам, ни нашему королевству, ни жителям нашего королевства не был бы нанесен такой пагубный ущерб. Мы бы, призвав в свидетели всех достойных людей королевства, убедительно доказали святому отцу — папе, и всем другим государям и князьям, духовным и светским, а также землям и городам, что нет ни слова правды ни в одном из обвинений, которые вышеназванный архиепископ Йенс возвел на нас перед святым отцом — папой, а равно и перед всем Шведским королевством, когда он нас так жестоко, бесчестно и безжалостно изгнал и над нами надругался. Мы бы наказали его за весь вышеперечисленный ущерб, который он нанес нам, нашему королевству и жителям нашего королевства — и духовного, и светского звания.

Когда же он вновь вернулся в наше королевство и увидел, что мы уже здесь и находимся у власти, тогда он взял клятву верности со всего нашего дорогого народа; и схватил одного из наших служилых людей, и отобрал у него все, что было. И первым делом настроил против нас епископа Кеттиля, своих братьев и многочисленных родичей. А ведь они вместе с нашим дорогим народом написали нам в Пруссию, что желают вновь признать нас своим полновластным королем. И они подтвердили это желание многими крепкими клятвами, когда мы вернулись в Швецию. И многие знают, и многие сами слышали, как они обещали хранить нам верность

и признавать нас своим полномочным королем. И всех их, и еще многих архиепископ убедил, чтобы они обратились против нас, и вслед за ним напали на наши края с чужеземным войском, и подвергли разорительным постоям и священников, и народ.

Теперь они хотят лишить нас законной власти над королевством. И архиепископ направил нашему дорогому народу послания, именуюя себя государем и регентом нашего королевства, хотя никакой подобной властью мы его не облекли. И никогда не слышано, чтобы какой-либо Уппсальский архиепископ так себя именовал или обладал такими титулами. А он, где бы ни находился, подписывался этими титулами и запрещал нашему дорогому народу нам подчиняться. Хотя и ему, и вам хорошо известно, что в некоторых кафедральных соборах Швеции хранятся папские послания, где сказано: кто восстанет против шведского короля, тот за это будет отлучен от церкви; и никто не имеет право снять с него это отлучение, кроме самого папы. И вы все знаете, какую кару полагают шведские законы подобным изменникам, которые по своей прихоти, без нужды, чинят произвол и насилие по отношению к законному государю, которому присягнули на верность.

Посему, дорогие отцы и друзья, мы просим вас найти способ объяснить нам, как восполнить тот неимоверный, пагубный ущерб, который нанес нам и нашему королевству вышеназванный архиепископ Йенс, воспользовавшись вашими обещаниями. Также позаботьтесь о том, чтобы разъяснить нашему отцу — папе и другим духовным лицам, что вам достоверно известно: архиепископ Йенс по прихоти, без нужды, учинил и повелел учинить другим упомянутую измену и неимоверное, пагубное смертоубийство и ущерб нашей стране и всем ее жителям, изгнав нас из королевства, как сказано выше; между тем, как вы терпели и позволяли, что он обманом добился упомянутой диспенсации и так кощунственно, так недостойно исполнял высокие обязанности духовного лица и епископа. По поводу всего вышесказанного мы требуем немедленного ответа».

На это письмо короля Карла члены капитула ответили: ни в каких действиях против короля, ни прошлых, ни нынешних, они не выступали заодно с архиепископом; если бы у них спросили их мнение и прислушались к их совету, то не случилось бы того, что произошло.

Итак, король и архиепископ рассылали по стране свои письма и вели переговоры с народом, стараясь склонить простых людей на свою сторону. В конце концов король Карл приказал своему верному человеку Бу Тюре выступить в поход из Стокгольма с большим войском. Присоединился к этому войску и отряд бондов. Герр

Бу Тюре двинулся к Уппсале. Тогда архиепископ, в то время находившийся на острове Арнё, бежал в Вестеросский замок, которым управлял епископ Кеттиль. А герр Бу прибыл в Уппсалу и захватил епископскую усадьбу; случилось это незадолго до Рождества. Когда он уже находился в Уппсале, в день святой Люсии⁶⁶⁰ прибыли с огромным войском епископ Кеттиль, герр Ивар Грен, герр Давид Бенгтссон и герр Тротте Карлссон, и известили герра Бу: если он хочет сразиться с ними, пусть выходит к ним на открытую местность. Герр Бу так и поступил. Начался яростный бой: было много убитых и раненых. Епископ Кеттиль и его союзники дрогнули и отступили в Сигтуну, где и провели ночь. А герр Бу вернулся в Уппсалу. Затем стороны заключили перемирие вплоть до дня трех святых царей.

И герр Бу отпустил большую часть своих людей и стал готовиться к отбытию в Стокгольм. Когда он плыл по реке Фюрис⁶⁶¹ по направлению к Флотесунду⁶⁶², епископ Кеттиль с союзниками напали на него, в то время как действовало перемирие. Они истребили и взяли в плен большую часть его воинов. Самому герру Бу лишь с огромным трудом удалось спастись; с остатками войска он вернулся в Стокгольм. А епископ Кеттиль представил дело так, будто герр Бу сам нарушил перемирие. Тогда архиепископ создал и обнародовал грамоту, в которой отлучил от церкви герра Бу Тюре и тех, кто вместе с ним находились в епископской усадьбе в Уппсале. Но на это письмо король Карл ответил своим посланием, где со всей суровостью объявил: любой клирик, будь то монах или приходской священник, который осмелится претворять в жизнь это отлучение, будет незамедлительно изгнан из королевства. А если он вновь появится в стране, то его сотрут в порошок: каждый встречный имеет право его убить и забрать все имущество. И король известил в своем послании: архиепископ-де не имеет право кого-либо отлучать: он сам расстрига, сам долгое время носил духовный сан и исполнял епископские обязанности, будучи отлучен от церкви. Приказ короля возымел силу: ни один священник не осмелился исполнить отлучение, наложенное архиепископом.

А на десятый день после Рождества архиепископ и его сторонники со всеми войсками, которые смогли собрать, подступили к Стокгольму; в числе их воинов были и бонды. На следующий же день они пошли на штурм города тремя отрядами. Один отряд совершил вылазку из замка, который по-прежнему держал в своих руках герр Туре Турессон. Другой отряд, вождем которого был герр Ивар Грен, стал штурмовать остров Серых братьев⁶⁶³. Третий отряд, командиром которого был герр Эрик Нильссон, устремился на штурм острова Хельгеандсхольмен⁶⁶⁴. Все они, каждый со

своей стороны, заседали так упорно, что захватили остров Серых братьев и Хельгеандсхольмен. Но тут подоспел герр Бу Тюре с воинами короля Карла и вытеснил герра Ивара Грена с острова Серых братьев. Герр Эрик Нильссон устремился на подмогу герру Ивару; этим воспользовались стокгольмские бюргеры и отбили у противника Хельгеандсхольмен.

После этого стороны заключили перемирие на восемь дней. Архиепископ и его союзники стали вести с королем Карлом переговоры о мире. Они хотели, чтобы он вновь отрекся от трона, и предлагали ему Расеборгский и Абовский замки, и впридачу Норботтен⁶⁶⁵. Епископу Кеттилю и Ивару Грену были предоставлены заложники: герр Бу Тюре и еще несколько человек; этих заложников увели в замок. Но когда упомянутый епископ Кеттиль и герр Ивар явились в город, поднялся ропот; бонды чуть было не убили их; с большим трудом королю Карлу удалось их защитить. В свою очередь, те, кто находился в замке, узнав, что происходит в городе, бросили герра Бу и тех, кто с ним был, в темницу, чтобы те сидели там, пока епископ Кеттиль и герр Ивар не вернутся в замок.

Король Карл убедился: противник очень силен. Тогда король согласился заключить мир на предложенных условиях. Но еще не успели составить договор, как король получил известие: далекарлийцы восстали и спешат ему на помощь. И день за днем все больше и больше бондов из Родена⁶⁶⁶ и других местностей собираются в отряды и ждут, когда подоспеют далекарлийцы. Тогда они все вместе выступят против архиепископа.

Узнав это, король Карл расторг мир, который уже было заключил. Дождавшись, когда окончится перемирие, он собрал все войска и совершил вылазку через Южные ворота на Лонгхольмен и Ледернё, чтобы ударить в тыл воинам архиепископа. Но те были начеку и, встретив короля Карла на льду, отбили натиск. Король потерял в этом бою отборных воинов. Особенно много было убито поляков, которых король привел за собой в Швецию⁶⁶⁷; среди них был и польский дворянин по имени герр Никлас. И хотя король потерпел поражение, и понес большие потери, все же бонды и далекарлийцы не пали духом и спешили на выручку королю. Надеясь на их помощь, он упорно отказывался от соглашений, которые ему изо дня в день предлагали противники.

Архиепископ и его сторонники увидели: бюргеры Стокгольма горой стоят за короля, и король настолько уповает на бондов и далекарлийцев, что напрочь отказывается от переговоров. Тогда они отрядили епископа Кеттиля и герра Эрика Аксельссона (который к тому времени к ним присоединился) с большим войском, чтобы либо уговорить, либо заставить далекарлийцев и бондов

воротиться домой: тогда король перестанет надеяться на помощь. Те исполнили поручение: и сражались с далекарлийцами, и вели с ними переговоры, и в конце концов убедили далекарлийцев поворотить домой. Однако тем временем, пользуясь их отсутствием, отряд бондов напал на архиепископа, который расположился на небольшом островке. Начался бой; с обеих сторон было много убитых. Но бонды, узнав, что далекарлийцев обратили вспять и что епископ Кеттиль и герр Эрик Аксельссон вернулись с большим войском, вступили в переговоры с архиепископом, после чего разошлись по домам.

Тут король Карл убедился: надеяться не на что и помощи ждать неоткуда. Оставалось согласиться на те условия мира, которые ему предложили. Другого выхода не было: пришлось по сути сдать-ся на милость архиепископа. И ворота открылись; и архиепископ с союзниками вступили в город. Тогда король и архиепископ помирились, насколько то было возможно. И королю дали понять: пусть даже не пытается править страной. В Швеции, среди тех, кто управляет замками и крепостями, много его смертельных врагов, которые не потерпят, чтобы он находился у власти. Поэтому в Швеции, если он будет править, никогда не будет мира. Пришлось королю Карлу явиться в ратушу и вновь отречься от престола. Он объявил об этом отречении с балкона ратуши, заявив, что освобождает от клятвы всех, кто принес ему присягу верности как королю Швеции; и подтвердил это грамотой, в которой сказано следующее.

«Мы, Карл, Божьей милостью король свеев, норвежцев и ётов, объявляем, что пришли к дружескому согласию, любви и единодушию с нижеперечисленными досточтимыми господами и достойными людьми: герром Йенсом, Божьей милостью архиепископом Уппсальским, государем Швеции; герром Кеттилем, тою же милостью епископом Линчёпингским и регентом Шведского королевства; герром Эриком Аксельссоном, герром Туре Турессоном, герром Кристиерном Бенгтссоном, герром Давидом Бенгтссоном, герром Эриком Нильссоном, герром Иваром Греном, герром Юханом Славекой, герром Нильсом Фадерссоном, рыцарями; и герром Эриком Карлссоном, вэпнаром, заключив в их лице соглашение со всеми жителями Шведского королевства — и отсутствующими, и присутствующими, относительно всех нижеперечисленных положений.

Прежде всего, вся вражда и распри, имевшие место между вышеназванными досточтимыми господами и достойными людьми, и нами или кем-либо еще в Шведском королевстве, полностью должны прекратиться; и отныне никто да не причинит вред выше-

названным досточтимым господам, достойным людям, их наследникам и потомкам, и да не будет каким-либо образом мстить этим людям; тот, кто осмелится нарушить это постановление, да лишится жизни и имущества.

Также пусть никто не смеет чинить ущерб или мстить кому-либо из достойных людей, будь то духовного или светского звания — прелатам, каноникам, рыцарям, свенам, горожанам или бондам, которые, на их стороне, выступали против нас, с того времени, как мы пришли к власти, за то, что те с кем-то жестоко обошлись или причинили ущерб, когда началась означенная распря между нами и вышеназванными досточтимыми господами и достойными людьми, и прочими другими людьми разного звания в Шведском королевстве.

И с тем мы отрекаемся от всех прав, которые мы доселе имели, на королевскую власть в Шведском королевстве. При этом мы сохраняем за собой право в течение жизни употреблять применительно к себе наш привычный титул и использовать его в письмах. И мы пообещали вышеназванным досточтимым господам и достойным людям, что никогда впредь не станем посягать на какую-либо власть в Шведском королевстве кроме той, которую нам предписали означенные досточтимые господа, и кроме той, которой нас любезно наделит риксрод и те, кто наделен властью в Швеции. И мы полностью освобождаем всех и каждого в отдельности от клятвы верности, принесенной нам от имени королевства.

Также все пленники с обеих сторон, захваченные в ходе упомянутой распри, как подчиненные вышеназванных досточтимых господ и достойных людей и их сторонников, так и наши подчиненные, и подчиненные наших союзников, будут немедленно выпущены и получат полную свободу.

Все вышеприведенные статьи вместе и каждую в отдельности мы, вышепоименованный король Карл, за себя, и за своих родичей и наследников обещаем соблюсти по отношению к вышеупомянутым досточтимым господам и достойным людям, каждому в отдельности, их наследникам, родичам и потомкам, соблюсти прочно, крепко, нерушимо, честью, правдой и доброй верой, без злого умысла и какого-либо коварства. В ознаменование сего мы привесли свою печать к указанной грамоте, созданной в городе Стокгольме, в среду, следующую за Мессой свечей, в год Господень 1465».

Так король Карл отрекся от престола, после того как во второй раз, в течение шести месяцев, являлся королем и владел Стокгольмом (хотя и не овладел Стокгольмским замком, которым управлял герр Туре Турессон от имени короля Кристиана). Взамен королю

Карлу был обещан Расеборг с кое-каким леном⁶⁶⁸. Но когда тот прибыл в Финляндию, замка в свое распоряжение он не получил. Этим замком управлял абовский епископ Курт, и он воспротивился королю Карлу, поскольку являлся сторонником короля Кристиана; распоряжения архиепископа и епископа Кеттиля для него значения не имели. Дошло до того, что короля Карла чуть не убили; все лето ему пришлось, неся большие расходы, переждать в Або.

В конце концов он вступил во владение Расеборгом, где и пробыл какое-то время. Но как тяжело ему тогда пришлось, видно из письма, которое он послал из Расеборга в Стокгольм членам риксрода. Он жалуется в этом письме, что не может уплатить долг в пятьдесят марок. И в числе прочего пишет: «Нам стало известно, что Ханс Хельмхольт во всеуслышание заявил в вашей ратуше в присутствии многих досточтимых господ и достойных людей: мы, дескать, пообещали ему прошлым летом в Або, что вновь, ко дню святого Михаила⁶⁶⁹ (который уже прошел) станем полновластным королем Швеции. Кто бы ни говорил о нас подобное — он или кто-то другой — он возводит на нас напраслину, которой никто из достойных людей...», и так далее. И ниже в этом же письме сказано: «Нам уже дважды пришлось удалиться из Швеции на чужбину; нет никакого желания проделать это в третий раз».

Итак, король Карл был свергнут с престола. Делами правления стал ведать епископ Кеттиль — по праву регента Швеции. Но герр Туре Турессон, который управлял Стокгольмским замком, передал этот замок архиепископу. Епископ Кеттиль был возмущен: ведь это он — регент Швеции; ему и следовало бы передать замок! Но он позволил, чтобы замок взял под свое управление архиепископ. А около дня Святого Олафа⁶⁷⁰ в Телье состоялся съезд господ, и вскоре после этого съезда, в день Святого Лаврентия⁶⁷¹ епископ Кеттиль умер. Тогда участники съезда, что проходил в Телье, собрались вновь и избрали архиепископа регентом Шведского королевства. Однако и король Кристиан не терял времени: посылал в Швецию письмо за письмом — и мирянам, и клирикам, и простому народу, призывая, чтобы его, по доброй воле, вновь возвели на трон. Но рыцарство и простой народ отнюдь не хотели, чтобы вернулся король Кристиан. И в связи с этим на архиепископа посыпались обвинения: он-де хочет передать власть над Швецией королю Кристиану. Но архиепископ опроверг эти обвинения и письменно, и устно, торжественно поклявшись, что передаст власть тому государю, которого утвердит рискрод.

Случилось так, что тем временем была намечена свадьба между герром Иваром Аксельссоном, который управлял Готландом, и девицей Магдаленой — дочерью короля Карла⁶⁷². Было решено, что

свадьбу сыграют в Нючёпинге; также постановили, что к свадьбе будет приурочен всеобщий съезд господ, который пройдет там же; на этот съезд будут приглашены и члены датского риксрода. Герр Эрик Аксельссон и герр Юхан Кристиернссон приняли невесту от короля Карла в Расеборге и доставили в Нючёпинг. Там, осенью, на мессу Креста, в год Господень 1466, была сыграна свадьба. И на ту свадьбу собралась большая часть рыцарства со всего Шведского королевства; прибыли и несколько членов датского риксрода. Но архиепископ Йенс, регент Швеции, не явился, ко всеобщему неудовольствию. Судя по всему, он хорошо понял, что риксрод хочет отстранить его от должности регента, потому и не прибыл на торжества. Очень многим не нравилось, как он правит; к тому же люди боялись, что он снова приведет к власти короля Кристиана. Поэтому люди собрались и избрали герра Эрика Аксельссона регентом Шведского королевства⁶⁷³.

Спустя некоторое время архиепископ вызвал к себе герра Нильса Стуре⁶⁷⁴, которым был недоволен. Но герр Нильс не отважился явиться к архиепископу, а отправился в Або к герру Эрику Аксельссону. Архиепископ, узнав, что герр Нильс не пожелал явиться, отправил полсотни воинов, чтобы те схватили ослушника и доставили к нему. Те прибыли в усадьбу герра Нильса и, не застав хозяина, разграбили имение. Через некоторое время в Стокгольме проходил съезд господ. Туда явился и герр Нильс Стуре вместе с герром Эриком Аксельссоном, и пожаловался на насилие и произвол, которым его подвергли. Но ничего не добился; архиепископ поднял его на смех. Тогда герр Нильс отправился в Йестрикеланд, взял себе в подмогу небольшое число воинов и захватил архиепископского фогда; отобрал множество лошадей и взыскал в свою пользу весь налог. Архиепископ, узнав об этом, послал против герра Нильса отряд в триста человек. Но герр Нильс перебрался в Даларну и добился, чтобы тамошние жители присягнули ему на верность; при этом он действовал в союзе с королем Карлом⁶⁷⁵.

Тем временем закончился съезд в Нючёпинге, и те члены риксрода и рыцари, которые там присутствовали, избрали герра Эрика Аксельссона регентом Шведского королевства. Тогда они немедленно отправились в Стокгольм, и так все вместе оказались в городе, прежде чем об этом узнал архиепископ. Затем они стали совещаться с архиепископом относительно правления королевством; совещание продолжалось несколько дней. А за некоторое время до этого архиепископ передал Стокгольмский замок герру Ивару Грену⁶⁷⁶, чтобы тот, от его имени, управлял этим замком.

И вот как-то раз господа, заседаая на совещании, услышали, что за дверьми, на улице, их слуги подняли шум; затем шум пере-

шел в громкий гул: слуги во все глотку кричали, что не хотят, чтобы архиепископ был государем. А у герра Эрика Аксельссона имелся слуга по имени Олаф Род: он-то и был зачинщиком этих беспорядков. Слуги подбежали к зданию, где заседали господа, и стали изо всех сил колотить в дверь, словно хотели разнести ее в щепки; и при этом кричали, что архиепископу не бывать их королем. Архиепископ испугался и решил, что близится смертный час: слуги вот-вот ворвутся и убьют его. Между тем ни у архиепископа, ни у герра Ивара Грена не было при себе вооруженной свиты: оба они передали своих людей под начало герра Давида Бенгтссона и отправили в Йестрикеланд⁶⁷⁷, чтобы расправиться с герром Нильсом Стуре. Поэтому архиепископ с перепугу не нашел ничего лучшего, как сложить с себя полномочия регента и передать Стокгольмский замок герру Эрику Аксельссону.

А тем временем герр Нильс Стуре, находясь в Даларне, объявил, что желает снова возвести на трон короля Карла⁶⁷⁸. Тамошним жителям такие речи пришлись по душе. Герр Нильс собрал под своим началом большой отряд и выступил в поход к югу, на Вестерос. Тамошним замком там в то время управлял герр Эрик Нильссон. В свою очередь, герр Эрик Аксельссон узнал, что герр Нильс Стуре приблизился к Вестеросу, сам явился туда в сопровождении нескольких рыцарей и епископов и объявил, что прибыл туда, чтобы подавить начавшиеся волнения. И было решено, что на шведский трон должен снова взойти король Карл; но окончательного постановления на этот счет пока еще принимать не стали. С герром Эриком Нильссоном же заключили соглашение: он должен немедленно передать герру Нильсу Стуре Вестеросский замок. А что касается замка Эребру (которым также управлял герр Эрик Нильссон), то его надлежало передать герру Густаву Карлссону. Герр Эрик Нильссон пообещал все это исполнить, но обещание осталось невыполненным.

Герр Эрик Аксельссон вернулся в Стокгольм, герр Нильс Стуре воротился в Даларну; дело было осенью. Некоторое время все обстояло спокойно. Но зимой, на мессу свечей, в год от рождества Христова 1467, архиепископ сделал вид, что отправляется в паломничество в Вадстену. Туда же, кроме него, прибыли его родичи — герр Эрик Нильссон, Эрик Карлссон и еще несколько человек; прибыли и оба его брата. О чем они там совещались, стало ясно из дальнейших событий: конечно же, о том, как свергнуть герра Эрика Аксельссона. Из Вадстены архиепископ отправился на Эланд и там надолго задержался в Боргхольмском замке. А свою вооруженную свиту он передал под начало Эрика Карлссона, чтобы тот защищал упландское духовенство. А герр Эрик Нильссон и Эрик

Карлссон прибыли в Стренгнес и провели переговоры с бондами, и прогнали прочь нескольких слуг герра Эрика Аксельссона, которые туда явились. Затем они явились в Стокгольм и вступили в переговоры с герром Эриком Аксельссоном. Тот обошелся с ними приветливо, со всем согласился и обещал исполнить все, что они требовали. И они расстались с виду друзьями; но продолжалась эта их дружба недолго.

Поскольку герр Нильс Стуре долгое время находился в Йе-стрикеланде, то архиепископ не получал налогов ни оттуда, ни с Хельсингеланда⁶⁷⁹. Тогда один из служилых людей архиепископа, по имени Карл Рагвальдссон, собрал отряд в 70 отборных воинов, повел в Йестрикеланд, неожиданно напал на свиту герра Нильса Стуре и захватил в плен двадцать четыре человека. Герр Нильс Стуре, узнав об этом, внезапно напал на служилых людей архиепископа и захватил в плен всех до единого. А спустя некоторое время, на Пасху, герр Нильс Стуре прибыл в Вестерос и, объезжая всю округу, стал убеждать бондов, чтобы те присягнули на верность королю Карлу. И когда пошел слух, что он ведет переговоры от имени короля Карла, к нему направили гонцов многие города, жители которых также желали, чтобы вернулся король Карл.

Горожане воочию видели: члены риксрода меж собой никак не договорятся: никто из них не хотел уступать остальным, никто не желал смириться, что у власти находится другой. Бонды и бюргеры устали от этого; им хотелось теперь, чтобы к власти снова пришел король Карл. Поэтому герр Нильс Стуре получил большую поддержку. И он послал отряд своих служилых людей в Уппсалу, приказав разграбить епископскую усадьбу. А около праздника святого Эрика снова приехал в Даларну, чтобы собрать народ и повести в поход на юг. Но покуда он находился в Даларне, герр Эрик Нильссон прибыл в Арбугу с огромным войском, набранным в Нэрке и в хераде Акербу, и захватил в плен множество служилых людей герра Нильса Стуре. Затем направился в Вестерос, где обременил принудительным постоем и священников, и бюргеров. А когда он узнал, что герр Нильс прибыл из Даларны с большим войском, то отступил к Кольбеку⁶⁸⁰ и занял там оборону на берегу реки, возле моста.

Герр Нильс (к которому пришел на подмогу герр Стен Стуре с отрядом в три сотни человек из Йестрикеланда) подошел к тому же месту, но не смог переправиться через реку. Тогда противники, каждый на своем берегу, возвели укрепления и стали в стычках наносить друг другу большие потери. Особенно много потерь было на следующий день после праздника святого Иоанна: множество бойцов из Даларны и Йестрикеланда были убиты либо утонули,

попытавшись переправиться через реку и напасть на противника. К месту этих боев устремился и герр Эрик Аксельссон, покинув Стокгольм; он хотел было собрать под свое начало войско из бондов. Но бонды не пошли за ним, поскольку ранее он повелел им сидеть тихо и ни за кем не идти. Пришлось ему вернуться в Стокгольм. А Ивар Грен тайно пробрался в Фьедрундаланд⁶⁸¹; там он поднял бондов и хотел напасть на герра Нильса Стуре.

Узнав, что герр Нильс уже далеко, Ивар Грен заключил мир с далекарлийцами и с тем направился к Уппсале. И там он получил список с письма, ранее отправленного герром Эриком Аксельссоном. Из этого письма было ясно: герр Эрик Аксельссон нарочно поссорил герра Нильса Стуре с герром Эриком Нильссоном, чтобы они извели друг друга. Тогда герр Ивар объявил, что герр Эрик Аксельссон стал правителем страны незаконно — обманом присвоил эту должность.

Одновременно с этими событиями герр Эрик Аксельссон вышел в поход из Стокгольма; с ним вместе выступили герр Густав Карлссон, герр Тротте Карлссон, герр Нильс Оттесон, и еще несколько господ. Они подняли на бунт жителей Родена и повели на Уппсалу. В свою очередь, герр Ивар Грен поднял жителей Фьедрундаланда и выступил навстречу герру Эрику Аксельссону. Когда они подошли друг к другу так близко, что можно было вступить в бой, герр Эрик Аксельссон направил послание герру Ивару и герру Эрику Нильссону, предлагая кончить дело миром. Но те наотрез отказались и продолжали решительно идти вперед. Бонды, которые были под началом герра Эрика Аксельссона, видя, что враг так яростно наступает, обратились в бегство. Пришлось и герру Эрику Аксельссону с союзниками спасаться бегством, уведя войско в Стокгольм.

И в день святого Иакова⁶⁸² противники подступили к городу со стороны Нормальма. Через несколько дней из Дании прибыл архиепископ Иенс; с ним прибыл Клас Рёнау⁶⁸³ и еще много датчан со множеством кораблей. Они подошли к городу со стороны Сёдермальма. Туда же подоспел Эрик Карлссон. А затем, в день святого Лаврентия⁶⁸⁴, в Уппсале состоялось большое собрание: архиепископ прибыл туда, чтобы вести переговоры с бондами и убедить их отречься от верности Эрику Аксельссону. А Эрик Карлссон в свой черед направился со своим отрядом к Телье, чтобы напасть на бондов, которые там собрались, и ударить в тыл тем, кто держал осаду с юга. Увидев, что и архиепископ, и Эрик Карлссон отступили от Стокгольма, датчане сели на корабли и уплыли от города на две или три мили. Архиепископ же, вернувшись, увидел, что датчане отплыли; тогда он послал за ними гонца, требуя, чтобы они вернулись назад.

Тем временем герр Ивар Аксельссон с Готланда с большим войском подоспел к Нючёпингу. Оттуда тотчас устремился к Эребру, осадил тамошний замок, оставил там Монса Бенгтссона и Арвида Тролле с отрядом, а сам направился к Стокгольму. В свой черед, герр Эрик Нильссон собрал большое войско, чтобы поспешить на помощь осажденным в замке Эребру. Но войско это было разбито: уцелело всего четырнадцать человек. Тогда герра Ивара Грена и Эрика Карлссона послали набирать бондов, чтобы выступить против герра Ивара Аксельссона. На самом деле герр Ивар добивался, чтобы противники, подступившие к Стокгольму, расстроили свои ряды. Добившись этого, он успокоился и отбыл в Стокгольм.

А герр Ивар Грен и Эрик Карлссон прибыли к Эстенсбру⁶⁸⁵. Там они встретили бондов, собравшихся в отряд, и услышали новость: герр Нильс Стуре спешит с огромным войском из Даларны; в первую очередь они хотели встретиться с ним. Но они не знали точно, где именно его искать. Прежде чем хоть что-то прояснилось, в последний день августа герр Нильс Стуре прибыл в Уппсалу и захватил епископскую усадьбу. На следующий день подоспели герр Ивар Грен, Эрик Карлссон и бонды из Фьедрундаланда и внезапно напали на людей Нильса Стуре. Бой выдался жестокий: далекарлийцы сделали вид, что поспешно отступают, на самом деле выманивая противников на удобное для себя место. Те бросились преследовать врага и понесли большие потери, хотя и в свою очередь нанесли далекарлийцам немалый урон. После этого герр Нильс Стуре прибыл со своим войском в Роден и собрал там новый отряд бондов. А герр Ивар Грен и герр Эрик Нильссон на несколько дней задержались в Уппсале.

Между тем люди, что находились в Стокгольме, собрали все силы и ночью на лодках переправились на остров Ледернё, чтобы ударить в тыл датчанам, которые с архиепископом расположились на Нормальме. Но датчане оказались на чеку и устремились к своим кораблям; враги чуть ли не наседали им на пятки; датчане еле-еле успели погрузиться на корабли. Люди из Стокгольма тоже сели в свои корабли, которые заранее приготовили; напали на корабли датчан и захватили половину из них, а остальные суда преследовали по пятам и не прекращали погони вплоть до самого выхода из Стокгольмских шхер. Тогда Стокгольм покинули герр Ивар Аксельссон, герр Густав Карлссон, герр Оке Йенссон, герр Грегерс Матссон, герр Тротте Карлссон и еще несколько господ; с ними было немалое войско, в том числе и бонды. Все они выступили в поход, чтобы напасть на герра Ивара Грена и Эрика Карлссона, которые по-прежнему находились в Уппсале.

Тут оба вышеназванные герр Ивар и Эрик Карлссон убедились, что бонды не хотят во что бы то ни стало держать их сторону, а враги меж тем насаждают со всех сторон. Тогда они распустили бондов, что находились при них, по домам, а сами обратились в бегство. Эрик Карлссон поспешно отбыл в Эстеръётланд. Герр Нильс Стуре устремился в Вестерос; во Фьедрундаланде он нещадно обобрал и подверг истязаниям бондов за то, что те часто откликались на призывы герра Ивара Грена и шли за ним в поход. Одновременно подошел Ханс Йекн с отрядом, набранным среди жителей Даларны и Хельсингланда. Они осадили Салисту и захватили ее. Осадой Стэкета тем временем ведал герр Эрик Аксельссон.

После всех этих событий герр Эрик Аксельссон, герр Ивар Аксельссон и те члены риксрода, которые находились с ними, направили послание в Расеборг к королю Карлу, прося, чтобы он снова принял королевство под свою власть. Посланцами, направленными к королю Карлу, стали герр Фадер Ульфссон и герр Грегерс Матссон⁶⁸⁶. В свою очередь, герра Эрика Аксельссона устраивало, чтобы архиепископ был восстановлен в своих правах и чтобы все противоборствующие стороны решили споры миром. И брат архиепископа Кристиерн Бенгтссон⁶⁸⁷ отправился на Эланд, чтобы переговорить с архиепископом. Но оказалось, что архиепископ явно не желает пойти на перемирие, которое ему предложили; поэтому он не стал возвращаться с острова.

Однако тем временем герр Ивар Аксельссон, герр Нильс Стуре и еще несколько человек, что держали сторону герра Эрика Аксельссона, так насели на герра Эрика Нильссона и Эрика Карлссона, что тем ничего не осталось, как присоединиться к соглашению и расторгнуть клятву верности, данную герру Эрику Аксельссону. И они написали открытое письмо, в котором обещали хранить верность королю Карлу, если он вернется на трон⁶⁸⁸. Герр Эрик Нильссон особо пообещал, что сдаст находившийся под его управлением замок Эребру, который тогда был осажден. Но обещание не исполнил: спустя некоторое время подошел с отрядом к Эребру, намереваясь прогнать бондов, что осадили замок. Вступил в сражение с бондами, потерпел поражение и сам был взят в плен на поле боя. И бонды передали замок герру Нильсу Стуре, который спустя несколько дней после сражения прибыл в Эребру. Герр Нильс Стуре отвез пленного герра Эрика в Вестерос, а затем доставил королю Карлу.

Итак, король Карл получил от риксрода послание с приглашением вернуться на трон. Тогда он покинул Расеборг и на следующий день после дня святого Мартина⁶⁸⁹ прибыл к Стокгольму.

К тому времени прошло уже больше двух с половиной лет, как он был свергнут с престола. Теперь он с большими почестями, с торжественным шествием въехал в Стокгольм. И герр Эрик Аксельссон вручил ему власть над Швецией и передал ему Стокгольмский замок и город Стокгольм; и после этого королю Карлу все вновь воздали почести как государю и королю Швеции. Затем король Карл в свою очередь направил герра Кристиерна Бенгтссона с посланием к архиепископу (который пребывал на Эланде) желая, как бы ни было, уладить все наилучшим образом. Но власти архиепископа пришел конец: дважды он свергал короля с престола; Бог не позволил, чтобы это повторялось вновь и вновь. И архиепископ умер на Эланде — все равно что изгой, через пять недель после того как король Карл овладел Стокгольмом.

И король Карл стал разъезжать по стране и вести переговоры с народом; и люди присягали ему на верность. Однако город Кальмар, остров Эланд и еще несколько местностей по-прежнему оставались под властью короля Кристиана. Посему он, при посредстве своих союзников, делал все, что мог, чтобы навредить королю Карлу. Его стараниями в Кальмар прибыл некто по имени Людовик. Этот человек величал себя патриархом Антиохийским и государем всей Европы. Упомянутый Людовик написал послания всем епископам, прелатам и знатым людям Швеции, пригласив их на встречу; уверял, что прибыл, дабы установить мир между королевствами. Из-за этих посланий в Швеции начались яростные споры. Одни люди считали, что к голосу этого человека нужно прислушаться; другие решительно отказывались. В конце концов король Карл пресек эти раздоры, заявив: мы, шведы, этого чужестранца слушаться не должны.

И тогда, на день святого Олафа, в Хальмстаде была назначена встреча господ — представителей короля Карла и короля Кристиана. На встречу прибыли полномочные посланцы обеих сторон. Король Кристиан потребовал, чтобы король Карл передал ему власть над Швецией. Но король Карл был убежден: спор должен решить суд, который установит, какая из сторон имеет больше прав на шведский престол. А король Кристиан был на такое разбирательство не согласен: он считал, что его права очевидны, и что не следует ставить их хоть сколько-либо под сомнение, передавая дело в суд. Посему стороны ни о чем не договорились, а между тем повсюду пошли слухи, что король Кристиан собирается идти войной, чтобы вернуть власть над Швецией. Было то в год Господень 1468.

Король Карл собрал войско, чтобы дать отпор королю Кристиану, если тот задумает вторгнуться в Швецию. И в день

Святой Екатерины⁶⁹⁰ король Карл со своими воинами вступил в Вестеръётланд. Тогда герр Ивар Грен, который управлял Аксваллем, направил к нему гонца, требуя, чтобы тот прекратил продвижение в глубь области. Король с этим требованием считаться не стал и продолжил продвигаться вперед. Увидев это, герр Ивар Грен оставил в замке вооруженных людей, а сам устремился в Данию к королю Кристиану. И король Карл дал приказ осаждать Аксвалль; сам же через Вермланд и Даль и затем через Йестрикеланд вернулся в Упланд. А король Кристиан, благодаря стараниям герра Ивара Грена с огромным войском вторгся в Вестеръётланд; людям короля Карла, осаждавшим Аксвалль, пришлось отступить. Тогда король Кристиан вернулся с войском обратно в Данию. Узнав об этом, люди короля Карла укрепили свои ряды, и вторглись перво-наперво в Вэрэнд, и там нанесли ущерб союзникам короля Кристиана. После этого они пошли походом в Халланд. Узнав об этом, король Кристиан немедленно устремился назад в Вестеръётланд и оставил своих воинов в засаде в лесу, где должно было пройти войско короля Карла. И когда шведы подошли, ничего не подозревая, то понесли большие потери и убитыми, и ранеными; был взят в плен и герр Оке Йенссон⁶⁹¹. Шведам еще повезло, что не все их войско проходило по той дороге, у которой была устроена засада.

После этого, около дня святого Михаила, король Карл назначил съезд господ в Вадстене; и примерно тогда же, или чуть раньше, Эрик Карлссон, герр Эрик Нильссон и еще несколько человек подняли мятеж против короля Карла. И когда часть людей, получивших от короля Карла приглашение, собрались в Вадстене, то на них напали Эрик Карлссон, герр Тротте Карлссон и герр Эрик Нильссон: они захватили там фру Магдалену — дочь короля Карла, а также герра Биргера Тролле с его сыном Арвидом Тролле. Когда король Карл, по дороге в Вадстену, узнал об этом, то вернулся в Стокгольм, собрал большое войско и послал навстречу Эрику Карлссону, который продвигался к Упланду. Оба войска встретились близ Арбуги; войско короля Карла потерпело поражение и обратилось в бегство. И Эрик Карлссон со своими людьми дочиста разграбил Арбугу, за то, что бюргеры этого города держали сторону короля Карла.

К тому времени в шведских лесах уже давно разбойничала ватага проходимцев; разбоем и грабежом наносила она немалый ущерб. Эти люди причисляли себя к воинам короля Кристиана; а прозывались они — «лесной люд». Они перешли под начало герра Юхана Славеке⁶⁹², а тот вместе с ними примкнул к Эрику Карлссону, осадил Вестеросский замок, затем подошел к Уппсале и заставил тамошних горожан отречься от верности Эрику Карлссону.

А спустя еще несколько дней на вратах собора в Уппсале было вывешено письмо Эрика Карлссона, где тот именовал себя государем и хёвитсманом Швеции. Письмо это было скреплено печатями герра Тротте Карлссона, герра Давида Бенгтссона, герра Эрика Нильссона и еще нескольких человек. Все они расторгали присягу, данную королю Карлу, ругали его на чем свет стоит, писали, что он клятвопреступник и что у него нет права на власть в стране, поскольку однажды он уже отрекся от престола. Спустя несколько дней Эрик Карлссон вступил с большим войском в Уппсалу, собрал там налог и держал себя, как правитель страны.

В свою очередь, король Карл направил из Стокгольма отряд под началом одного из своих сторонников — достойного человека по имени Клас Олафссон — в Роден, чтобы набрать там войско. А герра Стена Стуре послал в Сёдерманланд, чтобы собрать войско там. Эрик Карлссон, узнав об этом, тотчас устремился в Роден, и там вступил в сражение с людьми короля Карла близ Кнутебю; отряд короля был разбит, а Клас Олафссон взят в плен. Стен Стуре же с людьми, которых он набрал в Сёдерманланде, подступил к Вестеросу. Там он заставил отступить тех, кто осаждал замок; затем он собрался идти походом на Фьедрундаланд. Тогда навстречу ему выступил в поход Эрик Карлссон. Тут взбунтовались воины герра Стена, намереваясь с ним расправиться. Тот, увидав такое, бросил свое войско и устремился в Даларну, где его поддерживал герр Нильс Стуре.

А Эрик Карлссон встретил сёдерманландцев, которые, после того как их покинул герр Стен, по-прежнему держались вместе. Эрик Карлссон вступил с ними в переговоры и убедил их присягнуть ему на верность. И похвалялся: все, мол, у него хорошо выходит, во всем ему сопутствуют удача и успех⁶⁹³. И на все лады ругал короля Карла; и когда сёдерманландцы пообещали не сражаться на стороне короля Карла, распустил их по домам. Затем, на двадцатый день после Рождества, Эрик Карлссон собрал огромное войско, чтобы сражаться с герром Нильсом Стуре и герром Стеном Стуре: пошел слух, что те выступили в поход из Даларны с огромным войском. А поскольку те не торопились, не выступили так быстро, как ожидалось, то самонадеянный Эрик Карлссон вышел в поход им навстречу. И когда он со своим войском очутился к северу от Хенемуры⁶⁹⁴, навстречу ему вышли герр Нильс Стуре и герр Стен Стуре, причем войско их было совсем небольшим по сравнению с войском Эрика Карлссона. И они опрокинули его войско, как стадо беспомощных овец, которых собираются резать. Эрику Карлссону, герру Тротте Карлссону, герру Эрику Нильссону, герру Юхану Славеке и еще многим их сторонникам пришлось обратиться в бег-

ство с великим позором; бабы и девки захватили в плен нескольких конных воинов: так, Гёдека Варг был взят в плен батрачкой⁶⁹⁵.

Воины Эрика Карлссона со всех ног устремились в Вестерос. Оттуда они немедленно направили в Нерке, Сёдерманланд и Вестергётланд послания, где сообщили, что одержали полную победу и что все у них благополучно. Благодаря этой хитрости они сумели пройти на юг к Кальмару; если бы стало известно, как все происходило на самом деле, их бы всех тут же схватили. И все-таки кое-кого из их братии взяли под стражу. Двоих свободнорожденных людей из этого сборища захватил в плен Хенрик, епископ Линчёпингский; то были два брата, уроженцы Норвегии. Одного звали Йоссе Педерссон, другого Нильс Педерссон. Их отправили к королю Карлу в Стокгольм и там колесовали, а вместе с ними Гёдеке Варга и нескольких бондов. Герр Кристиерн Бенгтссон и герр Давид Бенгтссон⁶⁹⁶ обратились в бегство. Но возле Нючёпинга их схватили. Арвид Трелле бросил их в темницу; герр Давид умер в заключении, а герра Кристиерна отпустили на поруки, приняв от него торжественные клятвы и обязательства.

Затем король Карл послал герра Стена Стуре с большим войском на юг — в Вэрэнд и Вестергётланд, против короля Кристиана, который осадил Эрестен⁶⁹⁷. И когда король Кристиан услышал, что войско приближается, то вышел навстречу и вступил в бой. И потерпел поражение, потерял много воинов, по слухам сам был ранен и бежал назад в Данию. И в числе прочих потерь был в том сражении убит герр Эрик Нюперц. Когда все это кончилось и король Карл вернулся к власти, он сурово наказал и обложил поборами бондов Фьедрундаланда — за то, что часто выступали на стороне Эрика Карлссона против законного государя.

Спустя некоторое время король Карл заболел. На смертном одре он обвенчался со своей любовницей, чтоб узаконить сына; впоследствии из-за этого начались немалые раздоры⁶⁹⁸. Королевство он вверил герру Стену Стуре⁶⁹⁹. Умер король Карл около дня святого Эрика, в Стокгольмском замке, и был похоронен в монастыре Серых братьев. И все его правление было ни чем иным как смутой и внутренней распрей — по большей части из-за того, что в Швеции одни хотели находиться под властью короля Кристиана и сохранить союз, заключенный между королевствами, а другие (по причинам, изложенным выше) этого не желали. На этом примере вновь можно убедиться, к каким последствиям привел упомянутый союз. И король Карл, как никто другой, познал, как зыбко все в этом мире, как быстро вращается колесо счастья⁷⁰⁰.

Итак, король Карл умер; а между тем немало шведских рыцарей находились при короле Кристиане — в их числе были Эрик

Карлссон, герр Туре Турессон, герр Тротте Карлссон, герр Ивар Грен и многие другие. Тогда те, что остались в Швеции, написали им, чтобы они вернулись в страну, чтобы единодушно избрать хё-витсмана, который будет управлять страной. Но Эрик Карлссон и остальные ответили, что желают жить и умереть при короле Кристиане и другого государя избирать не хотят. И Эрик Карлссон, герр Тротте Карлссон и герр Ивар Грен прибыли на кораблях в Стокгольмские шхеры и высадили на сушу отряд в три сотни человек, направились в Фьедрундаланд и повели переговоры с бондами, убеждая принять сторону короля Кристиана и провозгласить его своим государем. О том же они вели переговоры и с жителями окрестностей Уппсалы. Однако герр Ивар Аксельссон, управлявший Готландом, и Эрик Аксельссон, имевший под своим управлением большую часть Финляндии, и многие другие рыцари твердо держали сторону герра Стена Стуре и хотели, чтобы он был их правителем и государем. Даларна и город Стокгольм также занимали его сторону.

Так образовались две партии: одна — за герра Стена, другая — за короля Кристиана. В конце концов дело дошло до открытой войны между этими двумя партиями. И в Трёгде состоялось сражение герра Стена с Эриком Карлссоном и его союзниками. Затем было заключено перемирие; и Эрик Карлссон, герр Тротте, герр Ивар Грен и их сторонники явились на переговоры с герром Стеном и Эриком Аксельссоном. Но они стояли твердо на том, что к власти в Швеции должен прийти король Кристиан, и не признавали никаких иных возможностей. Потому о дружеском согласии тут речи быть не могло; вместо этого состоялось новое сражение — близ Ладубю, неподалеку от Уппсалы. И Эрик Карлссон потерпел поражение; ему даже пришлось тайно бежать в Кальмар; и еще долгое время никто не знал, где он скрывается. Спустя всего несколько дней произошло сражение между герром Стеном и герром Тротте Карлссоном; обе стороны понесли большие потери.

Незадолго до упомянутых сражений, в день святой Магдалены в Энчёпинге собрались Эрик Карлссон, герр Эрик Нильссон, герр Ивар Грен, герр Тротте Карлссон, герр Юхан Славека и герр Нильс Фадерссон совместно с множеством бондов, которых они созвали из Норланда, Упланда, Сёдерманланда и Нэрке. Сообща они написали в Стокгольм, что следует избрать такого государя, который будет править всеми тремя королевствами, в соответствии с древним союзом, который между этими королевствами был заключен. А Эрик Карлссон утверждал в своем письме, что король Карл не имел право вверять королевство герру Стену Стуре, поскольку сам не являлся законным королем: ведь он отрекся

от престола. Далекарлийцы же написали стокгольмским бюргерам, чтобы те твердо стояли за герра Стена; так же поступят они у себя в Даларне.

И вот прошел уже целый год с тех пор как умер король Карл, а меж членами риксрода не имелось единства: одни хотели, чтоб герр Стен был хёвитсманом, другие не хотели. Тогда в Уппсале, сами, по своему почину, собрались бонды от Упланда, Сёдерманланда, Даларны, Хельсингеланда и еще нескольких областей — по двенадцать бондов от каждого херада. Они постановили, что в Энчёпинге должен состояться съезд господ, на котором все члены риксрода соберутся вместе и придут к согласию. Ибо, заявили бонды, невозможно далее терпеть в стране такие раздоры.

Когда же все, как и было решено, собрались, проку оказалось мало: не явились герр Стен и герр Нильс Стуре. А на день святой Вальпургии⁷⁰¹ состоялось собрание в Арбуге, куда были приглашены и бюргеры, и бонды: там надлежало единодушно постановить, кто должен стать хёвитсманом. И бондам там выставили ласт немецкого пива; те и отдали свои голоса, как было угодно тому, кто угостил пивом⁷⁰². На той встрече выбрали нескольких человек, которым надлежало встретить короля Кристиана в Стекеборгских шхерах: ожидалось, что он туда прибудет. В конце концов сторонники герра Стена взяли верх, и он был провозглашен хёвитсманом.

Король Кристиан увидел: его союзники ничего не могут добиться. Тогда он собрал все силы и выступил в поход на Швецию. Прибыл в Кальмар (который по-прежнему находился под его властью), наголову разбил отряд, оставленный герром Стеном близ Клэкаберги, и отплыл к Стокгольмским, шхерам. А Эрик Карлссон направился с войском в Стекехольм, положил конец осаде этого замка и двинулся дальше, чтобы соединиться с силами короля. Король Кристиан на десятый день июля с семьюдесятью кораблями приблизился к Стокгольму и стал на якорь близ Вонгсё.

В то время большая часть членов риксрода находилась в Стокгольме. Там же пребывал и архиепископ Якоб, который незадолго до того, в день Святого Михаила, возвратился из Рима. Начались долгие переговоры между королем Кристианом и риксродом, на предмет того, чтобы упомянутый король снова взошел на шведский трон. И полномочные посланники короля то и дело являлись на Хельгеандсхольмен; но никакого решения так и не было принято. Многие шведы держали сторону короля Кристиана. К ним относились Эрик Карлссон, герр Ивар Грен, герр Тротте Карлссон, герр Туре Турессон, Эрик Крумедик, Стаффан Бенгтссон, герр Эрик Нильссон, герр Эрик Оттесон младший, Бенгт Кристиенсон с братом. И после длительных переговоров было заключено

перемирие до дня Святого Эгидия⁷⁰³. Было решено, что до этого времени обе стороны терпеливо выслушают обвинения и ответы друг друга. Шведы также пожелали знать, кто будет управлять страной, когда король находится в отъезде. Таким вопросом они как бы подали королю надежду, что он снова взойдет на шведский престол.

Но шведы все тянули и тянули время, не давая определенного ответа; меж тем время шло, приближалась зима, а провиант у датчан иссяк. Шведы вели дело к тому, чтобы вынудить короля вернуться в Данию. Тот понял: его просто-напросто дурачат; тогда он направил в Фьедрундаланд Тротте Карлссона с двумястами воинов, а Эрика Карлссона и герра Ивара Грена с отрядом в Уппсалу и ее окрестности, дабы они заставили жителей страны присягнуть ему на верность. Сам же, в день святого Эгидия, направился на Нормальм, возвел там укрепления и, подступив таким образом к городу с одной из сторон, начал обстреливать город с Брункебергского холма⁷⁰⁴. А еще за год до того договорился с приморскими городами, чтобы в Швецию не ввозили соль. Теперь же он начал продавать соль в своем лагере по низкой цене и пустил о том слух. И так завлек к себе множество бондов; многих из тех, кто прибыли за солью, он задержал в своем лагере⁷⁰⁵.

Когда герр Стен и другие, кто находился в Стокгольме, узнали об этих происках короля, то герр Стен лично, вместе с герром Нильсом Стуре, Арвидом Тролле и еще несколькими людьми отправился в поездку по стране, чтобы собрать войско в Эстерьётланде, Вестерьётланде, Нэрке и других областях; а герр Нильс направился в Даларну. А король Кристиан явился в Уппсалу, где ему присягнули на верность жители округи. И там его власть признали бонды многих херадов и многие мелкие дворяне⁷⁰⁶; и он всячески чернил риксрод перед бондами; показывал и оглашал письмо, которое риксрод направил королю за несколько лет до того, советуя, чтобы король схватил архиепископа Йенса и вывез того в Данию⁷⁰⁷. Король хотел при помощи этого письма настроить бондов против риксрода и расположить к себе. И покуда он находился в Уппсале, пришла весть: герр Стен приближается с большим войском. Король, чтобы упредить его, послал Эрика Карлссона, Эрика Крумедика, герра Тротте, герра Ивара Грена, чтобы те собрали бондов и не позволили герру Стену и его войску приблизиться к Стокгольму. Но герр Стен поспешил к Стэкету; архиепископ Якоб⁷⁰⁸, прибыв туда, пустил герра Стена на постой, дал убежище ему и его войску. А Эрика Карлссона с соратниками и войском архиепископ отказался впустить. Поэтому бонды, которых те привели, разошлись по домам. Сами же они, с некоторым числом бон-

дов, прибыли в лагерь короля. В свою очередь, король Кристиан сам отправился с ладьями и лодками из Уппсалы к Стокгольму⁷⁰⁹, намереваясь пройти по проливу близ Стэкета⁷¹⁰. Но когда он приблизился к замку, архиепископ отказался с ним разговаривать и не пропустил через пролив. Пришлось тому посуху добираться от Стэкета к своему лагерю. А откуда король находился близ Стокгольма, Отте Турбьернссон с помощью вестъётов захватил замок, которым управляли слуги Ивара Грена, а кроме того сжег Аксвалль, которым герр Ивар управлял на правах ленника.

Герр Стен и его союзники, собрав столько войска, сколько, по их мнению, было достаточно для успеха, направились к Эрве, что в полумиле от Стокгольма. Там герр Стен написал королю Кристиану, чтобы тот убирался домой, в Данию. Король ответил, что явился не затем, чтобы тотчас убраться восвояси. И на подмогу войску, которым располагал герр Стен, из Стокгольма был через остров Ледернё послан отряд в триста человек. И герр Стен со своим войском направился на Нормальм. Король Кристиан же разделил свое войско на три части. Один отряд стерег корабли; часть войска расположилась на Брункеберге и часть — возле монастыря Святой Клары⁷¹¹. В лагере короля Кристиана находился большой отряд бондов — и тех, что прибыли закупать соль и были задержаны, и тех, кого собрали Эрик Карлссон, герр Тротте и герр Ивар Грен.

И когда часы показывали одиннадцать утра, герр Стен пошел в решительное наступление и молниеносно напал на тот отряд короля Кристиана, что расположился возле монастыря святой Клары. А стокгольмские ополченцы на лодках ударили королю в тыл; и настолько приблизились к врагу, что сумели поджечь укрепления короля. Король Кристиан увидел: его воинам, находящимся возле монастыря, приходится туго, они вот-вот потерпят поражение. Тогда он послал им на помощь войско, стоявшее на холме. Началась отчаянная схватка; герру Стену пришлось отступить; и он уже чуть было не проиграл сражение, но тут на подмогу подоспел герр Нильс Стуре. Он подошел к Брункебергу с тыла, из лесу, с большим войском. Еще один отряд выступил из Стокгольма; знаменосцем в том отряде был Кнут Поссе.

Тогда шведы вновь прижали короля со всех сторон; Кнут Поссе яростно наступал и очутился так близко от короля, что тот своей рукой нанес ему тяжелую рану. А король получил в рот заряд из гаковницы⁷¹², лишился нескольких зубов⁷¹³ и бежал на корабль. Также и воины короля, обратившись в бегство, устремились к мосту, что соединял Нормальм и Чеплинге. Но бюргеры, подплыв на лодках, так подрубили мост, что когда на нем очутилось много людей,

он рухнул, и множество народу утонуло. И многие лодки оказались настолько переполнены, что потонули; затонуло великое множество людей. Возле Данабрука⁷¹⁴ — главного знамени короля — полегло более пятисот человек, и еще множество убитых лежало тут и там. Около девятисот человек были взяты в плен. Был убит герр Тротте Карлссон⁷¹⁵ — отважный и неизменно суровый воин. Были убиты и большинство бондов, что выступили на стороне короля Кристиана. Немногие из них добрались до кораблей; датчане хотели было выбросить их за борт. Но король не допустил этого, а приказал высадить их на берег. А в числе взятых в плен были следующие нижеперечисленные: герр Клас Рёнов — марск Дании; герр Туре Турессон, герр Бьёрн Юхансон, герр Фике Ютландский, герр Нильс Кристиернсон, герр Нильс Гуннарсон, герр Андерс Фрис, герр Нильс Тимесон, герр Эрик Окесон, герр Диттерик Фрис, герр Нильс Энгельбректссон⁷¹⁶, и множество других свободнорожденных людей. И состоялось это сражение в год от рождества Христова тысяча четыреста семидесятый, в четверг после дня святой Биргитты⁷¹⁷.

Выиграв сражение, герр Стен утвердился в должности правителя, и стал разъезжать по королевству. И верховные права герра Стена признали все, кто управлял замками — и из шведов, и из датчан. А следующей зимой он овладел Кальмаром, Боргхольмом и Стекехольмом, которые вплоть до этого находились под властью короля Кристиана. Кроме того, герр Стен сурово покарал бондов из Фьедрундаланда и окрестностей Уппсалы за помощь, оказанную королю Кристиану. Между королевствами было заключено перемирие. И из года в год, одна за другой, проходили встречи господ — представителей королевств; но успехом эти встречи не увенчались. И пленники, которых взял герр Стен, по многу лет томились в неволе, прежде чем окончательно вышли на свободу⁷¹⁸. Велось множество судебных разбирательств относительно Готланда, но никакого постановления принято не было. И хотя сохранялся мир между герром Стеном и королем Кристианом, все же мир этот оставался непрочным. Король Кристиан все время притеснял шведов, а герр Стен все время готовился дать ему отпор — хотя до открытой войны дело не дошло.

В год Господень 1477 в Уппсале архиепископом Якобом был основан университет. А через два года герр Эрик Аксельссон с войском, которое ему вверил герр Стен, вторгся в русские земли вглубь на добрых двадцать—тридцать миль и нанес там огромный ущерб, многими тысячами убивая людей и скот, мужчин и женщин, стар и млад. Перед тем и русские нанесли большой ущерб в Финляндии. А спустя несколько лет, в год Господень 1481, умер

король Кристиан, пробыв на троне тридцать четыре года. И в его правление было хорошо видно, к каким последствиям привел союз, заключенный между королевствами.

После смерти короля Кристиана члены норвежского риксрода направили послание членам шведского риксрода и заключили с ними союз, желая находиться под властью общего короля. Норвежцы были уже не так сильны, чтобы постоять за себя, находясь под властью короля—уроженца страны, как в былые годы. Поэтому им хотелось находиться под властью одного короля со шведами, которые были сильнее. И уже из того, что они обратились с таким пожеланием к шведам, видно, как они в то время относились к датчанам. Норвежцы взялись за дело и осадили Бохус⁷¹⁹, и стали добиваться, чтобы замки и земли были отданы назад норвежцам. И предъявили существенные жалобы: что король Кристиан заложил и отдал в чужие руки множество замков и ленов, принадлежащих норвежской короне; и что в его правление в Норвегию прибывало больше иноземных купцов, чем когда бы то ни было, к большому ущербу для Норвежского королевства. Поэтому норвежцы не желали, чтобы юнкер Ханс⁷²⁰ был их королем, покуда в Норвегии не будут восстановлены порядки, которые там существовали до того, как страна попала под власть короля Кристиана.

Но упомянутый юнкер Ханс, сын короля Кристиана, направил тем, кто подступил к Бохусу, послание, где именовал себя наследником норвежского престола. По какому праву он так себя называл, неизвестно: ведь он не принадлежал к древнему королевскому роду, имевшему наследное право на норвежский престол. К тому же, по условиям древнего союза, заключенного между королевствами, Норвегии полагалось быть страной с выборным королем — точно так же, как Швеции и Дании⁷²¹. И тем не менее юнкер Ханс величал себя наследником норвежского престола. Конечно же, норвежцам это пришлось не по душе; потому они, как уже говорилось, взялись за дело и заключили союз со шведами.

А через некоторое время по всем трем королевствам были разосланы извещения, что в Хальмстаде состоится встреча господ⁷²². Когда приблизилось время этой встречи, герр Стен и члены риксрода собрались в путь. И когда герр Стен прибыл в Вадстену, с ним случился приступ глазной болезни; продолжать поездку оказалось невозможно. Был ли герр Стен вправду болен, или же просто пустил слух, изобретя благовидный предлог — в точности не известно⁷²³. Так или иначе, он пожелал, чтобы члены риксрода явились на съезд, и предложил им свою печать. Но поскольку сам он ехать не мог, то и никто из остальных шведов не пожелал прибыть на встречу. Датчане же с норвежцами прибыли и после дол-

гих переговоров, торжественных клятв и обещаний провозгласили юнкера Ханса государем Дании и Норвегии. Произошло это в год от рождества Христова тысяча четыреста восемьдесят третий, на двадцатый день после Рождества. А следующей осенью состоялась встреча господ в Кальмаре, на праздник Святого Мартина, и там был создан Кальмарский рецесс⁷²⁴. Вот что писал об этой встрече присутствовавший на ней герр Стен бургомистрам и городскому совету Стокгольма:

«Переговоры эти привели к тому, что высокородный государь, король Ханс, будет признан королем в Швеции — при условии, что к тому времени он уплатит все долги, которые остались в этих трех королевствах от его отца, короля Кристиана, и что он возместит все убытки, нанесенные и бедным, и богатым. И следующим летом, в день Успения Богородицы в Кальмаре состоится встреча, где пройдет разбирательство относительно Готланда, Скордаля и Свартё⁷²⁵; и на этой встрече члены риксродов трех королевств вынесут решение, какому королевству будут принадлежать упомянутые Готланд, Скордаль и Свартё».

Из этого письма вполне ясно: герр Стен и члены шведского риксрода, которые вместе с ним участвовали во встрече, дали добро, чтобы король Ханс взошел на шведский трон, и приняли на этот счет письменное обязательство. Но при этом было предъявлено множество строгих условий. Слишком хорошо теперь шведы знали, как легко иноземные государи нарушают свои обязательства. Поэтому теперь они выставили королю много условий и требований; некоторые из них, как явствует из Кальмарского рецесса, можно было выполнить, лишь затратив немалый труд. Но какими бы тяжелыми ни были условия, все же король Ханс пообещал их исполнить, и скрепил обещание клятвами, грамотами и печатями⁷²⁶. И он был признан королем Швеции при условии, что выполнит упомянутые обязательства. Впоследствии, всякий раз, когда на какой-либо встрече поднимался вопрос об обещаниях, данных шведами, те ставили условие: если король будет соблюдать Кальмарский рецесс, то они выполнят свои обязательства перед королем.

Но хотя на указанной встрече королю Хансу был обещан шведский престол, и на этот счет была создана грамота, все же прошло целых четырнадцать лет, прежде чем он взошел на трон. Отчасти так получилось потому, что не были уплачены долги, которые следовало погасить, прежде чем король Ханс взойдет на трон; отчасти же потому, что шведам не очень-то хотелось, чтобы он пребывал на шведском престоле. И королевство они ему вверили своей грамотой, в сущности, лишь потому, что хотели такой ценой избежать раздоров между Швецией и Данией. И в эти четырнадцать

лет состоялось множество затяжных съездов господ — представителей королевств: там шли переговоры о мире и о восшествии короля Ханса на шведский трон. Но дело шло медленно, и решение всякий раз откладывалось до следующей встречи. И по тому, как действовали шведы, было видно, что они отнюдь не рады королю Хансу — иначе бы они не тянули так долго.

Следует заметить, что во времена короля Карла и короля Кристиана в Швеции укоренился один датский род⁷²⁷, о представителях которого выше уже шла речь. Главными среди них были герр Олаф Аксельссон, который управлял Готландом, и его брат герр Ивар Аксельссон, к которому затем перешло управление этим островом. Они получили Готланд в залог от короля Кристиана за заем на крупную сумму: сто марок чистым английским серебром, триста шестьдесят полновесных ноблей, пять тысяч шестьсот рейнских гульденов и шестьсот прусских марок. А герр Эрик Аксельссон получил Выборг (который он укрепил, обнеся стеной) и Нюслотт⁷²⁸; кроме того он управлял Расеборгом и Тавастехусом⁷²⁹. И король Карл отдал свою дочь замуж за герра Ивара Аксельссона с расчетом, что Готланд благодаря этому вернется к шведской короне. И если бы герр Стен и герр Ивар Аксельссон не поссорились между собой, этот расчет оправдался бы.

Дело в том, что между королем Кристианом, с одной стороны, и герром Иваром и его братьями — с другой, началась непримиримая вражда⁷³⁰. Поэтому герр Ивар с братьями полностью перешли на сторону шведов и, как уже упоминалось, стали вместе с ними бороться против короля Кристиана. Поскольку же герр Стен получил верховные права на замки по всему королевству, то и герр Эрик Аксельссон пообещал, что будет управлять своими замками, как держаниями, полученными от герра Стена. Но на смертном одре он передал права на эти замки своим братьям — герру Ивару Аксельссону и герру Лауренсу Аксельссону⁷³¹. И означенный герр Лауренс получил финляндские замки и стал управлять ими вопреки воле герра Стена и риксрода, и страдая их русскими: он, мол, отдаст эти замки русским, если не будет исполнена его воля⁷³².

В конце концов, он умер, и все замки после его смерти перешли к герру Ивару Аксельссону. Но герр Стен настаивал, что они должны перейти к короне, в его распоряжение. Он провел по этому поводу множество съездов господ, но так ничего и не добился: герра Ивара невозможно было убедить отказаться от замков. В свою очередь, риксрод пожелал, чтобы Тавастехус со всеми причитающимися доходами отошел к казне. Герр Ивар, который сам был членом риксрода, разделял это мнение и был согласен отказаться от упомянутого замка, с тем, чтобы его ежегодная рента

поступала в казну. Но герра Стена это не устраивало, и вопрос долго оставался неразрешенным. В конце концов герру Стену пришлось лично прибыть на Готланд к герру Ивару. Там, после длительных переговоров, было решено: герру Стену будут отданы Выборг, Нюслотт и Тавастехус, а герр Ивар, в порядке возмещения, получит Боргхольм с Эландом, Стэкеборг, херад Окербу, Йест-рикеланд, Онгерманланд, херад Осунда, Хагу, город Энчёпинг и Свартшё; и кроме того, сохранит за собой Расеборг. На все эти держания он получил грамоту, скрепленную государственной печатью Швеции; хотя риксрод возражал против того, чтобы передать ему Боргхольм. Но герр Стен уверил, что договорился с герром Иваром относительно Готланда. Было это на праздник Иоанна Крестителя, в год Господень 1483.

Пока герр Стен совершал поездку на Готланд, в Стокгольме произошли волнения. Поводом послужило то, что герр Стен Кристиернссон⁷³³ подло убил некоего бюргера в отхожем месте⁷³⁴; совершив это злодеяние, он укрылся в монастыре Серых братьев. Тогда бюргеры собрались в отряд, вломились в монастырь и силой захватили убийцу. Когда фру Ингеборг, жена Стена Стуре⁷³⁵, услышала, что в городе начались такие беспорядки, то опрометью бросилась спасать герра Стена Кристиернссона, чтобы его не убили. Но толпа уже настолько разбушевалась, что на фру Ингеборг даже не обратили внимания; более того, в давке ее сбили с ног⁷³⁶. Герр Стен, узнав об этом, был вне себя от гнева и требовал суровой кары. Но члены риксрода примирили враждующие стороны, и делу не было дано хода. И горожан Стокгольма заставили дать обязательство: они всегда, что бы ни случилось, будут твердо стоять за герра Стена. Обязательство было выполнено.

В год Господень 1484, на праздник святого Мартина, в Стокгольме состоялась встреча господ; в ней участвовал и герр Ивар Аксельссон. На этой встрече вспыхнула крупная ссора между герром Стенном и членами риксрода, которые уже хотели было сместить герра Стена с должности хёвитсмана. Герр Ивар Аксельссон желал, чтобы место герра Стена занял Арвид Тролле. Но в конце концов они решили спор миром и договорились, что герр Стен по-прежнему будет находиться у власти.

Тогда же, или несколько ранее, началась яростная и затяжная распря между лифляндским магистром и рижским архиепископом⁷³⁷. И шведы взяли на себя обязанности покровителей и защитников епархии и всего лифляндского духовенства в его противостоянии с магистром, который всячески притеснял епископов. В связи с этим герр Стен, как заступник духовенства, послал в Лифляндию большое войско, чтобы помочь рижанам в борьбе

против магистра. Командиром войска был герр Нильс Эрикссон; упомянутая помощь была оказана в год Господень 1485. Исполнив поручение, герр Нильс Эрикссон вернулся со своим войском в Швецию; и еще много лет продолжалась яростная вражда между магистром и герром Стеном. Этим воспользовался московский великий князь, который, овладев к тому времени Новгородом, получил возможность чинить ущерб и Лифляндии, и Финляндии⁷³⁸. И урон, который он нанес, послужил причиной того, что герр Стен и магистр после долгой вражды вновь помирились и объединились в борьбе против московского князя⁷³⁹.

В год от рождества Христова 1486 бонды сельской округи в местности Чинд, что в Вестеръётланде, восстали против герра Стена⁷⁴⁰. Пришлось тому явиться с войском в Вестеръётланд и принудить бондов к покорности. Нескольких бондов он колесовал; после этого в тех краях воцарился прочный мир.

Итак, герр Ивар Аксельссон не только управлял Готландом, но и держал в Швеции множество замков и ленов, и к тому же посредством браков породнился с очень знатными людьми. Сам он был женат на дочери короля Карла; герр Стен был женат на дочери его брата Оке Аксельссона, а его собственная дочь была замужем за Арвидом Тролле⁷⁴¹. Поэтому он возгордился, перестал кого-либо бояться, и стал делать все, что заблагорассудится. Он отнял на Балтике множество кораблей — и у голландцев, и у жителей балтийского побережья. Он принудил голландцев каждый год посылать два корабля в Висбю и выгружать там товар. И после того, как он несколько лет хозяйничал на море, кругом стали роптать на шведов и называть их морскими разбойниками⁷⁴². Все считали, что герр Ивар разбойничает не сам по себе, что с ним заодно действуют еще несколько человек из шведского рыцарства. Герра Ивара часто призывали блюсти на море мир — но он не обращал внимания на эти призывы. Шведов он стращал датчанами, датчан — шведами, а сам, пользуясь этим, что хотел, то и творил.

И вот между ним и герром Стеном началась заклятая вражда⁷⁴³. Но воевать с герром Иваром герру Стену не хотелось. Вместо этого он в сопровождении нескольких членов риксрода на Мессу свечей, в год Господень 1487 прибыл в Кальмар и потребовал, чтобы герр Ивар, находившийся в то время в Боргхольме, явился к нему. Но тот притворился больным и не пожелал являться. Герр Стен отправился в Шеггенэс, и вызвал герра Ивара туда, но ответа не получил. Тогда герр Стен приплыл на Эланд и послал к герру Ивару Ханса Окессона и Арвида Тролле, чтобы те по-хорошему уговорили его и устроили так, чтобы они с герром Стеном встретились для переговоров. Но герр Ивар не откликнулся на увещева-

ния, начал готовиться к обороне и впридачу захватил нескольких человек из свиты герра Стена. Тогда герр Стен незамедлительно осадил Боргхольм. Но герр Ивар тайно ночью выбрался из замка и на небольшой лодке уплыл на Готланд.

Король Ханс, прослышав, что шведы стали наседать на герра Ивара, испугался, что они захватят Готланд. Собрав огромное войско и снарядив множество кораблей, он приготовился плыть на Готланд⁷⁴⁴. Когда герр Ивар получил об этом весть, то немедленно отплыл навстречу королю и застал его у Дракё. Там он передал королю права на Готланд, хотя, как уже говорилось, держал этот остров в залог за крупную денежную сумму. И ему очень хотелось убедить короля пойти войной на шведов; но ничего не вышло.

Король Ханс, посетив Готланд и приняв под свое управление замок и город⁷⁴⁵, отплыл на Эланд (кораблем правил шкипер Пининг) и бросил якорь у Северного Мыса. Затем он написал герру Стену, предлагая встретиться для переговоров. Получив заложников, герр Стен направился к королю. Они хорошо поладили и заключили мир. И герр Стен подтвердил прежнее обещание: что передаст королю Хансу власть над Швецией. Тогда же была достигнута договоренность, что герр Ивар Аксельссон передаст герру Стену Эланд с Боргхольмом. Герр Ивар пообещал это исполнить; однако сдержать слово он не собирался и уже вознамерился было уплыть в Копенгаген. Но король Ханс, узнав о том, настоятельно потребовал от герра Ивара, чтобы тот отправился на Эланд и передал замок, как договорились. Требование было выполнено. Герр Стен получил все права на замок, а фру Магдалена⁷⁴⁶ покинула замок со слугами и имуществом, согласно договоренности, которой стороны достигли при посредничестве короля Ханса. После этого герр Ивар отплыл в Данию, но не получил ни замка, ни лена; и в конце концов превратился в жалкого бедняка: тем и увенчалась его гордыня. А герр Стен получил Стекеборг, Расеборг и другие лены, которые ранее находились в руках герра Ивара.

В ту пору Швецию вновь посетил папский легат, распространявший римские индульгенции: легата звали Антониус Мاست⁷⁴⁷. Тогда же русские стали вторгаться в Финляндию, как они часто делали и раньше. Поэтому герр Стен с большим войском отправился защищать этот край. В то время как он находился в Финляндии, в Швецию пришло папское послание об отлучении герра Стена от церкви. Папа настойчиво требовал, чтобы архиепископ и епископы подвергли герра Стена отлучению за то, что он отобрал Эребру — утренний дар королевы Доротей⁷⁴⁸. Но епископы не отлучили герра Стена, а предписали, чтобы он, понеся большие расходы, отправил в Рим посольство и отстоял свою правоту перед

папой, отведя обвинения противников. А упомянутое послание об отлучении пришло в Швецию в год Господень 1488.

И в тот же год в Телье состоялся съезд господ, где было решено, что все пошлины надлежит взимать серебром. На следующий день по велению герра Стена был воздвигнут огромный Эрьян в Стокгольмской городской церкви⁷⁴⁹. В ту же пору в стокгольмские шхеры заплыл крупный кит⁷⁵⁰. В год Господень 1490 был заключен союз Швеции с Любеком и другими городами⁷⁵¹.

А еще год спустя в Телье вновь состоялась встреча господ. И на этой встрече герр Стен заявил, что слагает с себя полномочия правителя, и предложил риксроду избрать нового государя⁷⁵². Но члены риксрода обратились к нему с настоятельной просьбой: остаться у власти и по-прежнему править страной. С тем он вновь вступил в права хёвитсмана, и ему заново была принесена клятва верности. Члены риксрода присягнули, что будут верны герру Стену, а он поклялся, что будет править, советуясь с ними. Точно также и ранее на многих съездах господ — и в Арбуге, и в других местах — герр Стен объявлял, что намерен сложить с себя власть, и всякий раз его просили остаться у власти. Из этого с очевидностью следует, что члены риксрода, раз они просили герра Стена остаться у власти, не более чем герр Стен благоволили к королю Хансу, которому в то время надлежало взойти на шведский престол; иначе бы они, конечно же, передали власть королю Хансу. На упомянутой встрече было также постановлено, что в Грисхольме будет основан монастырь картузианского ордена.

Король Ханс убедился: шведы год за годом тянут время, не давая ему, несмотря на все обещания, взойти на шведский престол. Тогда он стал посылать письма в Швецию — то одним, то другим, и всех убеждал добиться от герра Стена, чтобы были исполнены обещания, скрепленные грамотами. Но он видел: волокита продолжается; к тому же у него возникли серьезные подозрения, что Любек намерен поддержать шведов в борьбе против него. Поэтому он вступил в переговоры с московским князем и заключил с ним союз, и настроил его враждебно по отношению к шведам и бюргерам Любека⁷⁵³. И добился, что в Новгороде схватили множество любекских купцов и дурно с ними обошлись⁷⁵⁴. А в Данию прибыло много бояр — посланников от московского князя к королю Хансу; король отправил их в обратный путь — по морю, а потом через Норвегию⁷⁵⁵. И русские, по наущению короля Ханса, снова начали вторгаться в Финляндию.

Шведы убедились: при герре Стене королевство должным образом не защитишь: многие имели виды на шведское королевство, желая подчинить его себе. В их числе находились и сын импера-

тора Максимилиан, отправлявший к герру Стену посольства с богатыми дарами, и герцог Фредерик, брат короля Ханса, и все тот же король Ханс. Вдобавок по Швеции пошел слух, что бонды хотят сами править страной, приведя к власти нового Энгельбректа. Кроме того, шведы опасались, что король Ханс добьется в Риме, чтобы на Швецию наложили отлучение и интердикт. В довершение всего, на шведов наседали русские. Посему герру Стену и риксроду было необходимо что-то предпринять.

И в год Господень 1494, в день святого Варфоломея, в Стокгольме состоялся всеобщий съезд господ. Было решено, что следует воплотить в жизнь Кальмарский рецесс — ибо Швеция, в силу вышеописанных причин, больше не могла оставаться без короля. А герр Стен дал особое обещание: он оставит в силе все свои грамоты с печатями, как и подобает благородному человеку. Раз он носит свой герб, как благородный рыцарь, то с этим гербом и сойдет в могилу. Посему он будет верен своим обязательствам — но при том условии, что король Ханс, в свою очередь, будет верен обязательствам, которые принял на себя в соответствии с рецессом. Такое же обещание дал и весь риксрод — и с тем же условием: что король Ханс будет верен своим обязательствам. И на этом съезде господ члены риксрода сообща принесли клятву: что постигнет одного, то пусть постигнет и другого. В указанный союз вступил и герр Стен; цель описанной круговой поруки заключалась в том, чтобы сохранил силу Кальмарский рецесс.

А на следующую Троицу в Лёдесе состоялся съезд господ, в котором приняли участие по несколько уполномоченных от шведского и датского риксродов; и было постановлено, что на следующий год, в год Господень 1495, на праздник Иоанна Крестителя, в Кальмаре состоится всеобщий съезд, и там король Ханс без дальнейших промедлений будет признан королем Швеции. Когда пришло время явиться на этот съезд, король Ханс прибыл в Кальмар; там же собрались и члены риксродов всех трех королевств. Но герр Стен так и не смог прибыть из-за встречного ветра; король напрасно дожидался его целый месяц. Среди кораблей короля имелась вместительная каравелла, называемая «Грифон»; на ней находилась королевская казна, а также много грамот, которые, по упорным слухам, король намеревался предъявить на упомянутом съезде. На той же каравелле находился итальянский врач, и множество других людей. Так вот, на этой каравелле случайно воспламенился порох, и она загорелась, а с ней — еще три корабля; два судна пошли ко дну. Произошло все это в Кальмарском проливе⁷⁵⁶.

Эти потери весьма ослабили короля; теперь уже нечего было рассчитывать на то, чтобы прямо сейчас достичь намеченной цели.

Вместо этого король, как бы ни было неприятно, был вынужден заключить мир с герром Стеном. И он отправил к герру Стену полномочных посланников — епископа Глопа, герра Нильса Хёка и Стена Билле, поручив им заключить с герром Стеном мир на три года. Но тот отказался заключать мир больше чем на год. Так герр Стен пошел против воли риксрода, который устраивало, чтобы мир был заключен на три года. И от того, что герр Стен не дал на то добро, произошли весьма пагубные последствия: король Ханс, видя непреклонность герра Стена, обратился к русским, чтобы они заставили шведского правителя быть посговорчивее.

В тот же год, осенью, русские вторглись в Финляндию и нанесли там огромный ущерб. В сражениях с русскими был убит Кнут Карлссон, который командовал войском герра Стена; было убито и много других людей. Тогда герр Стен собрал большое войско, чтобы выступить в поход в Финляндию. Но слишком долго готовился; наступила поздняя осень, и многие участники похода пострадали от мороза. Вдобавок и ветер на море оказался неблагоприятным: пришлось потратить слишком много времени, чтобы доплыть до Финляндии. Все это сыграло на руку русским. Они подступили к Выборгу в день святого Андрея, пошли на штурм города, захватили одну из башен и при помощи лестниц в нескольких местах взобрались на крепостные стены. Кнут Поссе, находившийся в городе, увидел это, и немедленно поджег башню; те, кто находился на ней, сгорели. Остальные враги, находившиеся на стенах, пришли от этого зрелища в ужас и обратились в бегство. Так Кнут Поссе, располагая всего лишь небольшим отрядом, сумел причинить русским огромный урон. Тогда русские направились к Олафсборгу, нанесли и там большой ущерб, после чего поворотили домой. В этом походе они потеряли девять тысяч человек.

И когда герр Стен добрался до Финляндии, русские уже ушли прочь. А шведское войско было большим и не могло долго находиться целиком в одном и том же месте. Поэтому герр Стен разделил его на части и рассредоточил на большом пространстве. Но на Мессу свечей русские вновь вторглись в Финляндию, предали огню Карелию, Саволакск и значительную часть Тавастланда; и там, где они прошли, сжигали все и убивали всех и вся на своем пути. И прежде чем герр Стен, по-прежнему находившийся в Финляндии, собрал воедино свое войско, русские успели нанести упомянутый ущерб и вернуться назад. Герру Стену пришлось возвратиться в Швецию, чтобы набрать войско в подкрепление, а затем выступить в поход на Русь. А Сванте Нильссона, герра Эрика Тролле, и герра Стена Турессона он назначил предводителями войска, которое оставил в Финляндии. Но пока он добрался

до Швеции, пока набрал новое войско, прошло так много времени, что назад в Финляндию он прибыл позже намеченного срока.

Герр Стен оказался меж двух огней. Он жаждал покарать русских, но при этом боялся, что в его отсутствие против него поднимут мятеж сторонники короля Ханса. Ведь герр Стен теперь намеревался остаться у власти и не допустить, чтобы на шведский престол взошел король Ханс — хотя, как сказано выше, ранее было обещано совсем другое. И все же, хотя герр Стен и опасался, что в его отсутствие поднимется мятеж, и по этой причине медлил выступить на подмогу тем, кто остался в Финляндии, все же архиепископ и еще несколько членов риксрода уговорили его вместе с набранным войском поспешить в Финляндию. И поручились, что в Швеции не произойдет мятеж, которого он так опасался. А несколько ранее в Рим были отправлены посланцы от герра Стена и риксрода, чтобы заполучить воззвание о крестовом походе. Подобное воззвание означало: все, кто помогут шведам и последуют за ними, чтобы биться с русскими, получают отпущение грехов и освобождение от адских мук. Воззвание было получено — хотя и ценой больших затрат. Но оно не дошло до Швеции: его перехватили союзники короля Ханса. Еще удалось добиться, что папа направил королю Хансу письмо, призывая не воевать со шведами, покуда те заняты борьбой с русскими.

Тем временем Сванте, видя, что время идет, а герр Стен, несмотря на обещания, все не прибывает, стал собираться в поход. Вместе с Кнутом Поссе и другими военачальниками он, в день Дражайшей Богородицы, повел двухсоттысячное войско к Новой Нарве, и осадил там замок, именуемый Иван Грот⁷⁵⁷. Шведы пошли на штурм и овладели замком за шесть часов. И захватили большую добычу, и взяли в плен триста человек, и с тем вернулись в Финляндию, где и переждали время вплоть до дня Святого Михаила. Было то в год Господень 1496. Одновременно с этим русские, в свою очередь, нанесли большой ущерб в Норботтене.

Сванте, видя, что потратил столько времени на ожидания, а подкрепления из Швеции все нет и нет, стал готовиться к отбытию на родину. Ведь, ко всему прочему, риксрод с согласия герра Стена в свое время постановил, что войско к этому сроку должно вернуться домой. И вот, когда Сванте и его соратники уже собрались в путь домой, герр Стен прибыл в Финляндию и потребовал, чтобы Сванте остался: герр Стен был намерен выступить в новый поход на русских. Сванте это отнюдь не обрадовало. Тогда герр Стен заявил, что готов выплатить вознаграждение воинам, и дал много других обещаний. Но Сванте ни за что не соглашался остаться: он твердо решил вернуться домой и отправился в путь. Из-за

этого вспыхнула ссора. Герр Стен заявил: Сванте, мол, виноват, что поход обернулся неудачей. И герр Стен обозвал Сванте трусом, бежавшим с поля боя, из-под шведских знамен, и пригрозил, что накажет за это. Ко всему прочему, у Сванте с герром Стеном была старая вражда: когда умер герр Нильс Стуре — отец Сванте, управлявший Стэкеборгским замком, то герр Стен составил настолько внушительный инвентарь, что наследная доля Сванте оказалась значительно меньше, чем он ожидал. Риксрод настаивал, чтобы Сванте, вслед за отцом, получил указанный замок в лен: тогда спор сам собой бы прекратился. И члены риксрода посоветовали герру Стену принять во внимание, сколько пользы принес герр Нильс Стуре и ему, и королю Карлу: пусть, мол, эта польза зачтется сыну. Но герр Стен пренебрег этими доводами.

И когда Сванте со своим войском покинул Финляндию, герр Стен стал еще больше, чем раньше, бояться, что в его отсутствие против него в Швеции начнутся какие-то козни. И решил заключить мир с московским князем и отдать ему ту часть Финляндии, которую тот желал заполучить⁷⁵⁸. Таким образом герр Стен получил бы возможность успешнее противостоять королю Хансу, если бы тот развязал войну. Но архиепископ и с ним еще несколько человек резко воспротивились и убедили герра Стена не отдавать московскому князю какую бы то ни было часть Финляндии. И в своем послании они настоятельно просили и увещевали герра Стена, чтобы он сам не предпринимал ничего против кого-либо из шведов; а против герра Стена, уверяли они, никто не поднимет мятеж. И они посоветовали ему еще на некоторое время остаться в Финляндии — чтобы русские не напали опять, узнав, что он увел войско из этой страны. И все же герр Стен поворотил в Швецию.

Прибыв в Стокгольм, он тотчас известил риксрод, что в первое воскресенье великого поста состоится встреча. Члены риксрода, согласно предписанию, собрались в Стокгольме; в числе прочих прибыл и Сванте. Но при герре Стене еще не было войска: оно находилось в пути из Финляндии. И вот риксрод уже который день находился в Стокгольме, а герр Стен все отказывался являться на заседание, требуя, чтобы ему дали в заложники герра Эрика Тролле и герра Нильса Буссона⁷⁵⁹. Члены риксрода ответили, что это просто нелепость: правитель требует заложников от своих же подданных. Но, как бы то ни было, стороны обменялись охранными грамотами. После этого все вместе собрались в ратуше, во вторник после середины поста. На этом собрании члены риксрода известили герра Стена, дружелюбно и полюбовно, что отрекаются от верности герру Стену, и потребовали, чтобы он передал им,

как представителям короны, полномочия хёвитсмана и верховные права на замки.

Герр Стен сделал вид, что доволен таким исходом; подняв руку, он пообещал риксроду исполнить указанные требования. А члены риксрода пообещали, что будут относиться к герру Стену как к дорогому собрату, и будут всеми силами, не щадя жизни, защищать его и его родню от всяких нападений. И было постановлено, что архиепископ, Арвид Тролле, герр Кнут Эскильссон⁷⁶⁰ и Сванте Нильссон будут управлять королевством, и все верховные права на замки будут переданы им. Но когда те обратились к герру Стену, чтобы он осуществил передачу прав на замки, тот попросил подождать до следующего дня. И покинув ратушу, судя по всему пошел на хитрость: вернулся в замок, устроив так, что члены риксрода, которые хотели последовать за ним, не смогли войти внутрь. Тут как раз войско герра Стена подросло из Финляндии, и герр Стен приободрился.

На следующий день члены риксрода направили ему письмо, вновь потребовали передать права на замки и еще раз объявили, что расторгают клятву верности. Но герр Стен теперь уже не собирался исполнять их волю; вместо этого он предъявил жалобу всему риксроду, всей знати и всему народу королевства. Он, мол, принял власть над королевством от них всех, по дружбе и доброй воле. В свою очередь, он готов, по любви и доброй воле, передать им эту власть, если они этого единодушно потребуют. А пока что он не намерен сложить с себя полномочия⁷⁶¹. И он горестно посетовал, что получил такую неблагодарность за тяготы, невзгоды и немалые опасности, которым подвергался ради Шведского королевства.

А низложить герра Стена члены риксрода хотели вот почему. Прежде всего, очень уж долго в Швеции не было короля. И многие поняли: без короля уже дольше невозможно обороняться от русских и от других иноземных врагов. И поэтому нельзя было долее откладывать провозглашение короля Ханса государем Швеции. Следовало сдержать скрепленные печатями обещания, на которые шведы были так щедры; а не то дело может дойти до войны с королем Хансом. Далее, герра Стена обвинили, что он все делал, как ему заблагорассудится. Вопреки своей клятве, он правил, не прислушиваясь к советам риксрода; это привело к множеству раздоров и к огромному ущербу для королевства. Так, он, вопреки совету риксрода, долго враждовал с магистром Лифляндии. Из-за этого русские получили благоприятную возможность нападать и на Финляндию, и на Лифляндию, нанося непоправимый ущерб. Вопреки воле риксрода он отдал Эланд с Боргхольмом в распоряжение Ивара Аксельссона; лишь огромной ценой удалось вер-

нута эти владения. Далее, риксрод часто советовал герру Стену, чтобы он пожаловал Выборг и Нюслотт каким-нибудь достойным людям из членов риксрода, у которых было бы достаточно сил, чтобы защитить тамошний край от русских. При этом взимаемые там налоги и рента употреблялись бы на месте: средства шли бы на содержание войска. Или же, коли уж он желал оставить эти замки за собой, пусть бы разместил там столько войска, сколько можно содержать на тамошние доходы, и не вывозил оттуда налоги. Теперь же, поскольку он пренебрег подобными советами, тот край и вообще значительная часть Финляндии подверглись разорению. И много других обвинений было предъявлено герру Стену; среди них отнюдь немаловажным было следующее: герр Стен оскорбил честь и достоинство герра Сванте. Тот добился суда и был оправдан: суд установил, что герр Сванте, вопреки обвинениям, не бежал из-под знамен Шведского королевства.

В то время как члены риксрода заседали и разбирали эти дела, пришло письмо от короля Ханса: он пожелал, чтобы в праздник Святого Иоанна состоялась всеобщая встреча в Лёдесе; на ней, без дальнейших промедлений, должен вступить в силу Кальмарский рецесс, и он, Ханс, должен быть провозглашен королем Швеции. Члены риксрода ответили, что готовы были выполнять обещания, которые ему дали, при условии, что и он будет выполнять свои обещания; а в том, что пришлось так долго медлить, виноваты не они. Теперь же, ввиду сложности создавшегося положения, они не могут столь быстро дать ответ.

Спустя небольшое время пришло послание от короля Ханса: король объявил Швеции войну. Тотчас он напал на Швецию в Вестергётланде и близ Кальмара. Тем временем, поскольку герр Стен вопреки воле риксрода стремился остаться у власти, между ним и риксродом было заключено перемирие до дня Святого Олафа⁷⁶². Было решено, что в этот день состоится всеобщий съезд господ; на него прибудут все лагманы, и с каждым из них явятся по шесть свободнорожденных людей и по шесть бондов от каждой лагсаги⁷⁶³; тогда будет положен конец регентскому правлению. Между тем король Ханс начал боевые действия в Швеции — в особенности близ Кальмара. Поэтому архиепископ Якоб и еще несколько членов риксрода стали посылать гонцов к герру Стену, желая обсудить с ним, что можно сделать, чтобы дать отпор королю Хансу, вторгшемуся в Швецию. Но герр Стен отказался вести какие бы то ни было обсуждения, покуда его не будут, как раньше, признавать хёвитсманом королевства. И он заявил, что не разрешит им являться в Стокгольм со свитой больше чем тридцать человек⁷⁶⁴; и он, преградив им путь к Стокгольму, загородил пролив парус-

никами и баржами. Тогда они предложили, чтобы герр Стен сам явился к ним на Альгёхорн, но тот отказался. Так прошло несколько недель; герр Стен и риксрод обменивались посланиями, но договориться так и не смогли. Члены риксрода были глубоко возмущены, что их не пустили в город короны, не позволили обсуждать там государственные дела. И вражда между герром Стеном и риксродом все усиливалась.

Покуда все это происходило, Арвид Тролле, управлявший Кальмаром, вступил в переговоры с Повелем Лаксманом — датским гофмейстером и Эскилем Гейе — марском Дании⁷⁶⁵; было то в Люкке, спустя несколько дней после Троицы. И на этих переговорах Арвид Тролле от имени шведского риксрода заявил: члены риксрода охотно выполняют обещания, которые дали королю Хансу, если король исполнит обещания, которые дал им. А что они до сих пор не исполнили свои обещания — то не их вина: им мешал герр Стен. Они бы, мол, уже давно все устроили, если б не он. И Арвид Тролле заверил датчан, что члены риксрода расторгли клятву верности герру Стену и что он держит страну под своей властью вопреки их воле. Они же с тех самых пор не признают его государем и просят, чтобы король Ханс оказал им помощь в борьбе с герром Стеном. И Арвид Тролле высказал просьбу, чтобы воины короля не трогали тех, кто желает признавать его своим государем. Те же, кто противится ему, пусть сами за это и расплачиваются. И он обязался, что его сын Эрик Тролле, а также Нильс Буссон и еще несколько его родичей никогда не признают герра Стена своим государем.

Поскольку вражда между герром Стеном и риксродом все росла и росла, герр Стен созвал ополчение из бондов Стокгольмского лена и Родена, объявив, что дескать, воины короля Ханса бесчинствуют в Стокгольмских шхерах. Бонды собрались в отряд, пришли на Нормальм, и выяснилось, что никаких королевских воинов там нет, а ополчение создано затем, чтобы выступить против риксрода. Тогда бонды разошлись по домам, и затея окончилась ничем. А архиепископ все время настаивал, чтобы герр Стен и риксрод встретились дружелюбно и полюбовно, дабы обсудить настоящие дела королевства, учитывая в каком положении оно находится: опасность грозит с двух сторон — и от русских, и от датчан. В конце концов герр Стен на это согласился. Но он не хотел, чтобы члены риксрода являлись на встречу со всей своей свитой. А те не соглашались являться иначе, как в сопровождении всей свиты. Так они и не встретились, из-за того что опасались друг друга. Взамен герр Стен обратился к бондам, и стал сетовать: риксрод, мол, хочет привести в Швеции к власти иноземного государя, к непоправимому ущербу для королевства, как уже было ранее.

А риксрод рассылал по стране письма, жалуясь на герра Стена: он, дескать, довел Швецию до войны — и внутренней, и внешней. Тем не менее архиепископ по-прежнему посылал герру Стену письма, требуя, чтобы тот по-дружески общался с членами риксрода и не опирался в такой степени на бондов. И он напомнил герру Стену старинную поговорку: «Уравнял крестьян с господами — будешь такой же чумазый и сядешь в такую же лужу».

Но герр Стен продолжал стоять на своем. Тут он узнал, что члены риксрода вознамерились овладеть Стокгольмом, и летом, на праздник Святого Иоанна, выступили в поход. Тогда герр Стен покинул Стокгольм и немедленно, без предупреждения, начал чинить вред архиепископу, в то время возглавлявшему риксрод. Он предал огню Бископстуну, а на день Святого Иоанна осадил и сжег архиепископскую усадьбу в Уппсале. Этим дело не кончилось: герр Стен взял в осаду архиепископа, который с еще несколькими членами риксрода находился в замке Стэкет. Кроме того, герр Стен взял в плен линчёпингского епископа Хенрика⁷⁶⁶, а также осадил замок Эребру, которым управлял Сванте. Впрочем, самого Сванте в замке в то время не было; зато там находился его сын Стен Свантессон⁷⁶⁷ — тогда еще ребенок. И, насколько было можно, герр Стен чинил вред членам риксрода. И поскольку он взял в осаду архиепископа и еще нескольких членов риксрода, находившихся в Стэкете, и повел против них самую настоящую войну, то герр Нильс Буссон и герр Туре Йенссон⁷⁶⁸ были посланы к королю Хансу — от имени риксрода просить помощи в борьбе против герра Стена. Они явились к королю и получили подкрепление.

А король Ханс, не теряя времени, овладел Кальмаром и Боргхольмом; герр Нильс Буссон и Арвид Тролле присягнули ему от имени всего риксрода. Произошло это в день святого Иакова⁷⁶⁹. И спустя четырнадцать дней герр Нильс Буссон и герр Туре Йенссон прибыли в Стокгольмские шхеры; через некоторое время явился и сам король, и на день святого Варфоломея⁷⁷⁰ осадил Стокгольм. Герр Стен, в свою очередь, обратился за помощью к бондам, и близ Ротабру⁷⁷¹ собрал большое войско. Туда же прибыл король Ханс со своим войском и с союзниками, разбил ополченцев герра Стена и обратил их в бегство⁷⁷². И много бондов было убито; произошло это в канун дня святого Михаила. А в день святого Михаила король Ханс нанес на Нормальме поражение герру Стену, за которого на сей раз сражались горожане Стокгольма.

Теперь герру Стену не на что было рассчитывать; дважды он потерпел поражение. Тогда он вступил в переговоры с королем Хансом. И получив желанное обещание, что все обиды будут взаимно прощены, герр Стен уступил королю Хансу стокгольмский

замок и город Стокгольм, а равно и права на власть в королевстве⁷⁷³. Через несколько дней после праздника святой Биргитты король торжественно въехал в Стокгольм. И когда он прибыл в замок, и герр Стен передал ему права на замки, король заявил: «Герр Стен! Вы дурно распорядились в Швеции: крестьян, которых Бог сотворил рабами, вы возвели в разряд господ; а тех, кому надлежит быть господами, вы вознамерились превратить в рабов».

Так король Ханс получил власть над всей Швецией. Затем, в день Святой Екатерины, в год от рождества Христова тысяча четыреста девяносто седьмой он короновался на шведский престол⁷⁷⁴. Приняв власть над королевством и самолично сделав на этот счет распоряжения, король вскоре после Рождества отбыл в Данию. Меж тем архиепископ и с ним еще многие недруги герра Стена стали настойчиво требовать, чтобы герр Стен возместил ущерб, который они потерпели от него и от его союзников⁷⁷⁵. Однако король Ханс ранее объявил открытым письмом: все обиды, нанесенные в ходе прошедшей распри, должны быть прощены. И король не пожелал пойти навстречу противникам герра Стена и поправить свои обязательства. Тогда архиепископ отправил в Рим гонца с просьбой, чтобы папа выдал диспенсацию, благодаря которой можно было бы передать дело в суд, несмотря на то что обиды прощены. Начинание увенчалось успехом: архиепископ и еще множество людей подали на герра Стена иск о возмещении убытков. Некоторые шведы так хотели разделаться с герром Стеном, что требовали казни. Даже многие датчане, увидев такое, изумились и пристыдили шведов: что же, дескать, вы так жаждете разорить и умертвить человека, который столько времени был вашим правителем? И если бы стренгнесский епископ Курт не встал грудью за герра Стена, того бы уж точно казнили⁷⁷⁶. А между тем упомянутый епископ Курт был меньше, чем кто-либо, в милости у герра Стена. Кончилось тем, что герру Стену пришлось отдать архиепископу часть своих земельных владений в возмещение нанесенного ущерба. Но расстался он с этими владениями ненадолго.

В год Господень 1499 в Швецию прибыл из Дании король Ханс с королевой Кристиной; на Дистинген они уже находились в Уппсале. И на Мессу свечей супруга короля была увенчана короной шведской королевы. И в тот же год король Ханс совершил Эриксгату. Затем, между Пасхой и Троицей, в Стокгольм явился юнкер Кристиан, сын короля Ханса, и был провозглашен наследником шведского престола⁷⁷⁷.

Правил король Ханс хорошо: люди жили в мире и достатке; и сам король был человек честный, порядочный. Но некоторые из его фогдов были сущие злодеи⁷⁷⁸. Таков был, например, Йенс Фаль-

стер, что управлял Эребру: без суда и следствия он повесил Харальда Плеттинга — фогда Норраскуги. И казнил еще многих — не столько за дело, сколько по злобе. Много таких фогдов было у короля Ханса: и Андерс Перссон, и другие, ему подобные, которые своей строгостью принесли государю больше вреда, чем пользы. К тому же и часть рыцарства стала проявлять недовольство: король не сдержал обещания, которые дал рыцарям. Не было им оказано и того почета, на который они рассчитывали, когда провозглашали короля Ханса своим государем. Отношения становились все хуже и хуже — особенно между королем и герром Стеном; но до открытых выступлений против короля дело не доходило.

Так продолжалось, покуда король не потерпел поражение в Дитмаршене⁷⁷⁹; там ему был нанесен огромный урон, сильно ослабивший короля. После этого поражения король вновь прибыл в Швецию и в год Господень 1501, в канун Великого поста назначил съезд господ в Стокгольме⁷⁸⁰. Тут уж недовольство прорвалось наружу. Шведы всегда настаивали, чтобы соблюдался Кальмарский рецесс и чтобы была создана казна, в которую уходили бы неизрасходованные средства из поступлений, причитающихся короне: таким образом, налоги, собранные в Швеции, не вывозились бы из страны. И на следующую Троицу в Стокгольм прибыли герр Стен Стуре, герр Сванте, Хемминг Гадд, избранный епископ Линчёпингский, герр Кнут Альвссон и Бенгт Рюнинг в сопровождении семисот конных воинов. А король Ханс с королевой пребывали в замке; там же находились и многие члены риксрода. Герр Стен, герр Сванте и их сторонники потребовали, чтобы король исполнил обязательства, содержащиеся в Кальмарском рецессе; сверх того, они предъявили еще множество требований, которые королю надлежало соблюсти.

Переговоры шли пять или шесть недель. При этом герр Стен и его сторонники были согласны явиться в замок на встречу с королем, только если им дадут заложников. Желаемого ответа от короля Ханса они не получили; тогда они сделали вид, что удовлетворены тем ответом, который им был дан; с тем они отбыли из Стокгольма. И на день святого Олафа они собрались в Вадстене⁷⁸¹; там они объявили о низложении короля Ханса и расторгли данную ему присягу верности. Письма об этом король получил в Стокгольме в канун дня святого Лаврентия⁷⁸². Через два дня он взошел на корабль и с тремя большими кораблями отплыл в Данию. Королеву же он оставил в Стокгольме, отрядив ей войско в тысячу человек. Тогда герр Стен и его союзники немедленно осадили замок. Также и Йенса Фальстера осадили в замке Эребру в день святого Лаврентия; в следующий день святого Матфея⁷⁸³

Фальстер сдал замок, а сам укрылся в Арбуге. Туда из Нораскуги прибыли родичи Харальда Плетинга и убили Йенса Фальстера.

Вскоре после этого на сторону герра Стена перешло большинство членов риксрода. Дольше всех на стороне короля оставался архиепископ⁷⁸⁴. Но у короля не было возможности послать ему подкрепление. Поэтому король разрешил архиепископу присоединиться к остальным членам риксрода — чтобы не пострадать. И на день святой Биргитты⁷⁸⁵ герр Стен, епископы Скарский и Векшенский и избранные епископы Линчёпинга, Стренгнеса и Вестероса, а также многие члены риксрода и рыцари подступили к Стокгольму со стороны Нормальма и одолели вышедшее навстречу войско короля. Спустя несколько дней герр Стен подступил к городу и со стороны Сёдермальма; также и там ему навстречу выступило королевское войско и потерпело поражение: многие вернулись в город мертвыми или ранеными.

Спустя небольшое время несколько членов городского совета и несколько простых горожан Стокгольма вышли на Сёдермальм и стали вести с герром Стеном переговоры о мире и взаимной помощи. Но пока они находились за чертой города, люди короля подожгли Стокгольм. Простые горожане, увидев это, устремились к воротам и открыли их, впустив герра Стена. Тот поспешил спасать город — иначе бы он весь сгорел. Но все же ущерб оказался огромным; многие дома выгорели дотла. Произошло это в воскресенье после дня Каликста. Замок, в котором пребывала королева, был немедленно взят в осаду. При королеве в то время находились: герр Туре Йенссон, герр Фольке Грегерсон, герр Кристиерн Бенгтсон, герр Олаф Йопсон, Андерс Перссон, еще множество людей, а также около тысячи человек, способных защищаться с оружием в руках.

Король Ханс, видя, что все члены риксрода оказались в стане его противников, предложил, чтобы спор разрешил суд самых знатных и высокопоставленных людей страны; король, мол, готов ответить перед судом на все обвинения. Но герр Стен и другие члены риксрода заявили, что такое предложение — уловка со стороны короля, позволяющая выиграть время и получить подкрепление. Они уже давно убедились, что он не намерен соблюдать Кальмарский рецесс и другие условия, которые обещал и клялся блюсти. Поэтому они не откликнулись на предложение, а продолжили начатое дело, заявив: мы, мол, с мечом в руках возьмем то, что не смогли получить от короля на суде.

А из обвинений, которые герр Стен и еще многие члены риксрода выдвинули против короля, важнейшими были вот какие. Прежде всего: не выполнялся Кальмарский рецесс. Замки и лены

были отданы под управление датских фогдов. Многим членам риксрода, понесшим убытки ради короля, король пообещал возмещение в виде ленов, однако те так ничего и не получили. Король дал герру Стену и герру Сванте множество обещаний, которые не исполнил. Из страны вывозились серебро и золото; государственная казна, вопреки обещанию, так и не была создана. Коротко говоря, вольности, грамоты с печатями, королевские слова и клятвы не были соблюдены. Эти и многие другие обвинения были предъявлены шведами королю Хансу.

В тот же вышеназванный год, в день святого Мартина⁷⁸⁶, герр Стен был в Стокгольме вновь избран на должность регента Швеции; после этого он продолжил осаду Стокгольмского замка. А весной, когда на помощь королеве вот-вот должен был прибыть король Ханс с подкреплением, герру Стену стало необходимо как можно быстрее овладеть замком. Поэтому в пятницу, перед Святым четвергом его воины пошли на штурм замка. Штурм поверг осажденных в ужас; они тотчас вступили в переговоры, ибо невредимых, годных к бою людей у них осталось немного. В понедельник перед Троицей, в год Господень 1502, замок был сдан. И среди тех, кто вышли из замка, здоровых мужчин насчитывалось не более десяти; всего же из осажденных осталось в живых чуть более семидесяти человек. Королева Кристина покинула замок, вынеся имущество; с ней была выпущена на свободу и домашняя прислуга. А все остальные были взяты в плен.

Через три дня после того как был сдан замок, король Ханс с большим флотом приблизился к Стокгольму. Но узнав, что замок сдан, король отплыл назад в Данию. Королева же на полтора года осталась в Стокгольме. После этого датчане и шведы продолжали боевые действия, нанося друг другу огромный ущерб. Вскоре на день святой Марии Магдалины был сожжен Эльвсборг, которым управлял герр Эрик Эрикссон; самого Эрика Эрикссона через несколько дней безжалостно убили бонды. Спустя некоторое время, на день святого Лаврентия⁷⁸⁷, воины короля Ханса вторглись в Вестергётланд, предали эту область разорению и сожгли Эрестен⁷⁸⁸. Тогда же из Любека были посланы в Стокгольм шесть вместительных судов, груженных всевозможными товарами и оружием, которое требовалось шведам в начатой ими войне.

А в Норвегии против короля Ханса неутомимо боролся герр Кнут Альвссон. Он управлял замком Акерсхус; в тот же год, около дня святого Варфоломея его убили воины короля Ханса на корабле, неподалеку от замка — несмотря на то что ему была дана охранная грамота⁷⁸⁹.

Мало-помалу герр Стен овладел всеми замками, кроме Кальмарского и Боргхольмского. А на следующий год, осенью, герр Стен позволил королеве вернуться в Данию, вняв ходатайству бюргеров Любека и папского легата, что находился в Швеции. И герр Стен сопровождал королеву до Смоланда. И во время этой поездки, в Йенчепинге, он умер; некоторые полагают, что его отравили⁷⁹⁰. Случилось это на день святой Люсии⁷⁹¹, в год от рождения Христова 1503. Смерть герра Стена долгое время держали втайне; тело было перевезено в Стокгольмский замок⁷⁹².

В год от рождения Христова 1504, в день святой Агнеты⁷⁹³, герр Сванте Нильссон, марск Швеции, был избран регентом Шведского королевства — преемником герра Стена. А в день святого Власия он принял Стокгольмский замок. Затем, в день святого Валентина⁷⁹⁴ тело герра Стена перевезли в Гриспхольм и там с почестями захоронили. А герр Сванте продолжил войну против короля Ханса и приказал осадить Кальмар. Осадой от начала и до конца руководил Хемминг Гадд, избранный епископ Линчёпингский⁷⁹⁵. И эта осада продолжалась очень долго, поскольку воины короля Ханса то и дело получали подкрепление из Дании. А поскольку король Ханс не мог вторгаться в Швецию иначе как ценой больших потерь, то он приказал своим морским разбойникам подстерегать шведских купцов на всех морских путях. И так нанес шведам больший ущерб, а себе принес большую пользу, чем если бы воевал на суше. И его морские разбойники, грабя шведских купцов, захватили несметные богатства.

В год господень 1506, осенью, Хемминг Гадд начал штурм Кальмара и овладел этим городом. На следующий год воины герра Сванте вторглись в Блекинге и сожгли Люко. А воины короля Ханса в том же году сожгли Кастельхольм⁷⁹⁶ и захватили в плен герра Стена Туресона и его жену. В год Господень 1508, на Рождество, король Ханс предал огню Нью Лёдёсе. Тотчас же после этого герр Сванте послал войско в Блекинге и сжег Вэ⁷⁹⁷ и несколько господских усадеб.

Так на удар следовал удар; но все это время, и еще долго потом, один за другим проходили съезды господ; неся большие расходы, их участники искали способы установить мир между королевствами. И часто к королю Хансу направлялись посольства от герра Сванте и риксрода с предложением заключить мир. Но король соглашался кончить дело миром лишь при условии, что шведы провозгласят своим королем его самого или его сына; или же будут ежегодно платить ему от шведского королевства определенную сумму денег. Шведов же никоим образом не устраивало, чтобы их государем был король Ханс или его сын. А вот относительно

денежных выплат, о которых он вел речь, мнения разделились. Некоторые полагали, что имеет смысл платить королю эту дань. Действительно, в том положении это был бы наилучший выход. Если можно купить мир за деньги, нужно это сделать: мир того стоит. Часто платят огромные деньги за вещи, менее стоящие. И куда лучше было взять деньги, что расходовались на войну, и при помощи этих денег установить мир. Тогда не погибло бы столько народу. И шведы не лишились бы столько кораблей, которые на море то и дело захватывали враги. Порой стоимость добра всего лишь на одном корабле, захваченном королем Хансом, превышала сумму дани, которую он требовал. Однако верх взяли те, кто не желал платить дань.

В год Господень 1509 люди короля Ханса разграбили и сожгли город Або. В тот же год в Стокгольм прибыли послы из Любека с восемнадцатью кораблями, заключили союз со шведами и убедили не заключать мир с королем Хансом. Некоторое время спустя любекцы прибыли на своих кораблях в Кальмарский пролив и вступив в переговоры с герром Сванте, добились, чтобы герр Стен Свантессон, Хемминг Гадд и несколько рыцарей отправились с ними в Любек, а затем напали на Данию и нанесли там кое-какой ущерб. Итак, врагами короля были теперь и вендские города, и шведы. И герр Оке Ханссон несколько раз напал на Халланд и Сконе и причинил там урон. Тут уж король Ханс и рад был заключить мир — но ничего не вышло.

В то же самое время, в год Господень 1510, в Стокгольм прибыли русские послы и заключили мир с герром Сванте на шестьдесят лет. И всякий раз, когда заключался мир между русскими и шведами, русские заводили речь о размежевании границы, произведенном в правление короля Магнуса Смека. Русские не желали ни отказаться от своих прав, ни уступить шведам край, который они, согласно размежеванию, считали своим.

В тот же год герр Оке Ханссон был убит в Сконе. И в этом же году, незадолго до праздника Девы Марии, шведы захватили Кальмарский замок, который осаждали столько лет. Затем, в канун дня святой Екатерины⁷⁹⁸, герр Сванте овладел Боргхольмом. Но следующей зимой войско короля Ханса по приказу короля вторглось в Вестергётланд и дошло до Скары. Герр Сванте с войском направился им навстречу, но в бой не вступил. Датчане повернули назад в Данию и больше ничего в этом походе не свершили.

Герр Сванте правил Шведским королевством восемь лет. Умер он в Вестеросе, в год от рождества Христова тысяча пятьсот двенадцатый, на следующий день после Нового года; похоронили его в Вестеросском кафедральном соборе.

Когда же герр Сванте умер, начались раздоры среди членов риксрода и многих дворян относительно того, кто займет должность хёвитсмана. Архиепископ Якоб, большинство епископов и старейшие члены Государственного совета желали, чтобы регентом стал герр Эрик Тролле; молодые же дворяне хотели, чтобы таким стал герр Стен Свантессон. Члены совета часто собирались, чтоб обсудить этот вопрос, но не пришли ни к какому решению. Наконец, в праздник Святого Эрика они собрались в Уппсале⁷⁹⁹; архиепископ и старейшие члены риксрода созвали людей на совещание на площади и спросили, кого те хотят видеть правителем. Архиепископ, председатель совещания, объявил: присутствующие достойные люди из Государственного совета желают, чтобы регентом королевства стал герр Эрик Тролле. Но несколько человек, стоявших среди бондов, ответили, что не хотят человека из рода Тролле, поскольку у этого рода датские корни. Были ли те, кто так ответил, бондами или какими-то другими людьми, переодетыми бондами, — неизвестно. Так или иначе, герру Эрику Тролле сказали «нет»: вот и все, чего добился архиепископ на том совещании.

В то же самое время герр Стен вместе с теми, кто его поддерживал, провел совещание с большим скопищем бондов в Кунгсэнген⁸⁰⁰, и получил желаемый благоприятный ответ на то, что он изложил перед ними; однако в этот раз еще не было принято никакого решения. Следом за тем, в преддверии праздника Святой Марии Магдалины⁸⁰¹, все члены риксрода прибыли в Стокгольм. Те из них, кто хотел, чтобы правителем был герр Эрик Тролле, высадились на остров Серых братьев⁸⁰², и там расположились. А герр Стен с Хеммингом Гаддом и другими своими сторонниками обосновались в городе. И ежедневно обе стороны вели переговоры друг с другом, и все-таки не могли договориться.

И однажды ночью в городе приключилась стычка служилых людей и сторонников герра Стена со служилыми людьми и сторонниками архиепископа. И если бы несколько свободнорожденных людей не встали между ними и не прекратили потасовку, дело кончилось бы великим кровопролитием. Ибо служилые люди тех, кто расположился на острове, уже были в доспехах и при полном вооружении, и установили свои пушки на мосту Серых братьев, нацелив на город. А люди герра Стена, Хемминга Гадда и других господ, расположившихся в городе, один за другим бежали к переулку Серых братьев, не одетые и по большей части пьяные, и несомненно потерпели бы немалый урон, если бы сошлись с противниками; однако стычка была прекращена.

Но при герре Стене находилось много сторонников, в том числе, что немаловажно, держателей замковых ленов; и сам он полу-

чил в свое распоряжение Кальмарский и другие приморские замки; поддержал его и город Стокгольм. Поэтому риксроду ничего не осталось, как провозгласить его регентом. И на другой день после праздника Святой Марии Магдалины он был избран и провозглашен правителем Швеции. И члены риксрода тотчас ввели его в замок; в тот же день он устроил там для них всех прием. Однако, когда веселье было в разгаре, в замке случилось происшествие. Герр Эрик Абрахамссон поссорился с Густавом Кристерссоном и нанес ему такой удар, что того уже не чаяли видеть в живых. Возмущение было велико; многие уже боялись, что это плохо кончится. Епископы и остальные члены риксрода спешно покинули замок, отнюдь не в лучшем настроении. А герр Эрик, виновник происшествия, направился в монастырь Черных братьев⁸⁰³, где получил убежище.

После того как герр Стен вступил в должность правителя, часто отправлялись полномочные посольства в Данию, чтобы вести переговоры о мире и заключить перемирие между королевствами; так нередко происходило и ранее, в правление герра Сванте. Но это не привело к длительному и прочному миру: ведь король Ханс и его сын король Кристиан прилагали все усилия, чтобы вновь взойти на шведский престол. Все же в течение нескольких лет сохраняло силу перемирие между королевствами.

В тот же год, когда герр Стен стал правителем, люди из народа, который кочует из одной страны в другую и который называют татарами, прибыли в Швецию и пришли в Стокгольм; раньше же они здесь не появлялись⁸⁰⁴.

Осенью того же года, в день Святого Эгидия некий проповедник в Стокгольмском монастыре Черных братьев предсказал, что город затонет, и назвал ночь, когда это произойдет. И многие спешно покинули город и провели указанную ночь на островах и маленьких островках. А пророк, изрекший упомянутое предсказание, был уличен во лжи.

В год же, следующий за годом прихода герра Стена к власти, то есть в год Господень 1513, умер король Ханс. А в год Господень 1514 архиепископ Якоб, епископ Стренгнесский Матс и многие другие люди отправились в Або и извлекли там из земли мощи Святого Хемминга, который был епископом во времена короля Магнуса Смека⁸⁰⁵.

И в тот же год король Кристиан, сын короля Ханса, был коронован на датский престол. Спустя некоторое время архиепископ Якоб начал обсуждать с герром Стеном и некоторыми другими членами риксрода вопрос о Густаве Тролле: тот, дескать, должен сменить его в должности архиепископа, ибо сам он стар и не может

уже управлять архиепископством. И он клятвенно пообещал, что означенный Густав Тролле будет верен герру Стену — тем более что они состояли в близком родстве. И поскольку было принесено столь торжественное обещание, что он будет верен правителю и родине, герр Стен дал добро на то, чего добивался архиепископ Якоб, и написал папе, прося дать Густаву Тролле утверждение в должности архиепископа; оказал ему и другую помощь, дабы тот успешно завершил в Риме свое дело (он в то время находился в Риме). В связи с этим в Рим к Густаву Тролле были посланы двое членов Уппсальского капитула — мастер Йоган Эрици и мастер Хенрик Следурм с грамотами и другими предметами, которых требовало дело; и в год Господень 1515 в Швецию вернулся рукоположенный архиепископ.

Когда герр Стен узнал, что архиепископ Густав уже находится в Стокгольмских шхерах, он немедленно начал готовиться к его встрече в Стокгольме⁸⁰⁶, чтобы принять его так, как велел обычай того времени. Но архиепископ Густав не пожелал прибыть в Стокгольм к герру Стену, а сошел на берег в Бископстуне и отправился сухопутным путем в Уппсалу, и сразу дал понять, как он относится к герру Стену. Он тотчас написал правителю, что желает сквитаться с недругами предшественника — архиепископа Якоба и многих его друзей. Герр Стен ответил: если таковые недруги имеются, против них следует возбудить судебное дело.

Из указанного послания архиепископа хорошо видно, как тот был настроен: он не хотел признать, что имеет что-либо от герра Стена; только папу римского признавал своим господином. Многие полагали, что король Кристиан провел с архиепископом беседу в Любеке, куда тот прибыл из Рима, и восстановил его против герра Стена. Но главной причиной его недовольства герром Стеном было то, что тот отстранил его отца — герра Эрика Тролле от власти, ведь большинство старейших членов риксрода избрали герра Эрика Тролле правителем королевства, а герр Стен свел это на нет: в этом и заключалась причина лютой ненависти.

Поскольку вопреки ожиданиям архиепископ Густав не пожелал явиться к герру Стену и не принес присягу на верность, как было обещано архиепископом Якобом, герр Стен оскорбился и начал подозревать, что тот замыслил недоброе против него и королевства. И на Дистинген⁸⁰⁷ герр Стен отправился в Уппсалу и провел беседу с архиепископом Густавом в ризнице в присутствии многих достойных людей, но ответ получил малоприятный. Архиепископ обвинял правителя во многих проступках; герр Стен отвечал, что тот не сможет доказать справедливость этих обвинений. В связи с этим вражда и подозрения все росли.

Архиепископ Густав начал какие-то переговоры с некоторыми из дворян и со своими друзьями: распространился слух, что они часто собираются в замке Стэкет. Герр Стен с полным основанием заключил: это не сулит ничего хорошего. И летом, в год Господень 1516, он созвал съезд господ в Телье⁸⁰⁸, чтобы обсудить государственные дела и вопрос о том, что предпринять в связи с предстоящим съездом господ из всех трех королевств, который должен был состояться в Хальмстаде на Мессу свечей⁸⁰⁹. На упомянутый съезд в Телье неоднократно получал приглашение и архиепископ Густав — дабы он явился, принес клятву члена риксрода, присягнул, как подобает, Герру Стену на верность и вместе с остальными участвовал в совещаниях. Но он, равно как и некоторые другие, не пожелал посетить указанный съезд. Из этого с очевидностью следовало: он замышлял что-то недоброе. Потому он и не пожелал присягнуть герру Стену на верность, а вместо этого начал укрепляться в замке Стэкет. Говорили, что герр Стен Кристиернссон — держатель Нючёпингского замкового лена — в сговоре с архиепископом: он также не пожелал прибыть на съезд в Телье.

Когда герр Стен и члены риксрода, которые собрались в Телье, выполнили, что смогли, все разъехались по домам; а герр Стен и его служилые люди тайно направились в Нючёпинг, неожиданно приблизились к нему и взяли штурмом. Герр Стен Кристиернссон был взят в плен, доставлен в Стокгольм и там умер в тюрьме. Случилось это в праздник Дражайшей Богородицы; в то время в Нючёпинге проходил съезд монахов.

Находясь под стражей, герр Стен Кристиернссон объявил: архиепископ Густав и еще несколько человек вступили в заговор по поручению короля Кристиана. Подозрение в причастности к заговору пало и на герра Педера Турессона, который в то время являлся держателем Стекехольмского замкового лена. Герр Стен отобрал у него замок и передал в лен Юхану Арендссону. Овладев Нючёпингом, герр Стен прибыл в день Святой Марии в Вестерос и во всеуслышанье пожаловался, что архиепископ Густав и еще кое-кто замышляют привести короля Кристиана к власти в Швеции к ущербу для многих, и что герр Стен Кристиернссон, который состоял в заговоре с архиепископом, сам об этом заявил в присутствии множества достойных людей. После того как архиепископ был таким образом обвинен перед народом в Вестеросе, он начал рассылать письма одному за другим — в том числе риксроду в Стокгольм, излагая свои оправдания и утверждая, что обвинения несправедливы. И он выразил в одном из писем пожелание, чтобы бургомистры и Городской совет Стокгольма выступили посредниками между ним и герром Стеном. Такое же пожелание высказал в своем письме и архиепископ Якоб.

Тогда герр Стен написал членам Уппсальского капитула, чтобы они предостерегли своего епископа от воззваний, которые могут повлечь беспорядки. Также и Скарский, Стренгнесский, Вестеросский и Абовский епископы написали архиепископу Густаву, настоятельно советуя помириться с герром Стеном и не устраивать беспорядков, от которых может произойти вред и для него самого, и для всего королевства. Одновременно пришло письмо из Рима, в котором папа Лев советовал архиепископу порадовать о том, что поможет установить мир. За некоторое время до того Линчёпингский епископ Ханс⁸¹⁰ беседовал с герром Стеном в замке Стегеборг и рьяно его увещевал; также и позднее он писал правителю: пусть тот не предпринимает никаких действий против архиепископа, а достойные люди пусть выступают посредниками и примирят их обоих. А им следует примириться, утверждал он, поскольку они состоят в близком родстве: мать герра Стена приходилась двоюродной сестрой герру Эрику Тролле.

И герр Стен отвечал, что ничего так не желает, как добиться мира и дружбы, если это возможно. То же сказал и архиепископ и пожелал, чтобы достойные люди уладили все споры между ним и герром Стеном. Но ничего не вышло: оба затаили злобу друг на друга и должен был представиться случай, чтобы эта злоба вылилась. Архиепископ Густав был упрям, не желал слушать чужие советы, а хотел делать все по своему усмотрению — к ущербу для себя и для всего королевства.

Поскольку взаимная ненависть все более росла, архиепископ начал собирать войска и укреплять Стэкет. Тогда по стране пошел слух, что он со своими приспешниками хочет привести короля Кристиана к власти в Швеции. В связи с этим герр Стен взял под стражу герра Эрика Тролле — отца архиепископа, и заключил его в темницу Стокгольмского замка, а спустя некоторое время, осенью года Господня 1516, начал осаду Стэкета. Во время осады с архиепископом часто велись переговоры о примирении. Однако архиепископ не желал мириться, а, напротив, подбадривал своих служилых людей и всех, кто был осажден вместе с ним, уверяя, что они получают помощь от короля Кристиана.

В ту же осень, когда архиепископа взяли в осаду, король Кристиан приказал захватить принадлежащий герру Стену корабль, который стоял на рейде близ Любека. Шкипера этого корабля звали Йенс Матссон, он тотчас перешел на службу королю Кристиану и впоследствии часто выполнял его поручения. И это случилось в мирное время: мир, заключенный между тремя королевствами, сохранял силу до следующей Пасхи, и на Мессу свечей был назначен съезд господ в Хальмстаде, куда должны были прибыть уполно-

моченные представители от всех трех королевств. Но теперь все это было сорвано.

На следующее лето, в год Господень 1517 архиепископ дал знать, что хочет переговорить с герром Стеном. Тот немедленно откликнулся, вместе с несколькими членами риксрода прибыл в лагерь под Стэкетом и, несмотря на все, что произошло, предложил дружбу. Ведь он опасался того, что потом и случилось: король Кристиан мог напасть на Швецию и прийти на помощь архиепископу. Но герр Стен долго прождал у стен замка, надеясь, что архиепископ выйдет к нему; тот не пожелал выйти, ибо получил весть, что люди короля Кристиана, прибытия которых он ожидал, приближаются. Происходило то на праздник Иоанна Крестителя.

А незадолго до праздника Святого Лаврентия⁸¹¹ прибыли Иоаким Тролле, Сёрен Норбю и Карл Кнутссон на кораблях в сопровождении четырех тысяч отборных солдат. Узнав об этом, герр Стен направил нескольких членов риксрода к архиепископу, дабы те убедили его: пусть остается шведом, хранит верность отчизне и письменно известит дядю — герра Иоакима Тролле, что не уповает на его помощь, поскольку остается верен Швеции; так он предотвратит надвигающееся кровопролитие. Но архиепископ не желал вступать в переговоры: укрепившись духом, он надеялся на скорое освобождение.

Наконец воины короля Кристиана на кораблях подошли к Стокгольму и высадились на берег, чтобы приблизиться в Стэкету и освободить архиепископа. Тогда герр Стен дал им отпор у Вэдлы близ Стокгольма, взял над ними верх и обратил в бегство назад к кораблям. Многие из людей короля были убиты в сражении и взяты в плен, а многие потонули в море. Датчанам пришлось отправиться назад, не свершив того, для чего они были посланы; однако они нанесли большой ущерб в шхерах — особенно в Чьюсте⁸¹². Они предали пожару Сёдерчёпинг, сожгли Вестервик, сожгли Стегехольм, где сгорела жена Юхана Андерссона и две ее дочери; и много другого урона нанесли они на побережье.

Герр Стен, одержав над врагами победу близ Стокгольма, повелел впустить нескольких пленных в Стэкет, чтобы они сообщили архиепископу Густаву, какая участь постигла тех, кто послан ему на помощь. Когда архиепископ увидел пленных и услышал их рассказ, его покинуло мужество; он смиренно сообщил, что хочет сдать замок, отправиться в свой кафедральный собор и там пребывать. Ему ответили: следовало сделать это раньше — тогда остались бы в живых многие, кто по его вине погиб. И поскольку из-за него погублено столько людей, и он, таким образом, стал убийцей, ему не пристало носить епископский сан. На это он во всеуслышанье

объявил собравшимся: все перечисленное он сотворил с дозволения папы: тот, мол, дал архиепископу власть обнажить и мирской, и духовный меч. Поэтому он считал, что не будет признан убийцей — хотя по его вине во время осады и при других обстоятельствах было убито много людей. Папская диспенсация, надеялся он, защитит его.

Но этот ответ не был признан убедительным — да и не следовало признавать его таковым. Герр Стен разослал приглашения на всеобщий съезд господ в Стокгольме. Туда прибыли члены риксрода, [другие] дворяне, а также представители всех городов и всех областей страны, дабы обсудить, что делать с архиепископом и замком Стэкет. Герр Стен дал и архиепископу охранную грамоту, чтобы тот мог лично прибыть на означенный съезд и попытаться отвести обвинения, а затем вернуться в свое владение.

На этом съезде было единодушно решено и скреплено грамотой: Стэкет следует разрушить, поскольку от него часто происходил вред королевству — как во времена архиепископов Йенса и Якоба⁸¹³, так и теперь, при архиепископе Густаве. Было также единогласно постановлено: архиепископ Густав отныне никогда не войдет в кафедральный собор в сане архиепископа. И все присутствующие, подняв руки, принесли клятву, что не будут впредь считать его своим архиепископом. И все собравшиеся — как духовные лица, так и миряне — поклялись: если за решение относительно Стэкета и архиепископа Густава будет наложено отлучение, интердикт или что-нибудь [подобное], они все в равной мере понесут ответ. И они дали герру Стену грамоту, содержащую эти постановления, скрепленную государственной клеммой⁸¹⁴ и вислыми печатями. Но когда грамоту скрепляли печатями, линчёпингский епископ Ханс применил коварную римскую хитрость⁸¹⁵. Он написал маленькую записку: «Меня насильственно принудили приложить печать». Эту записку он поместил в восковую подкладку под печатью таким образом, что ничего нельзя было заметить. Грамота же была создана в день Святого Климента, в год Господень 1517.

Затем архиепископ Густав был отправлен обратно в Стэкет, в свое убежище, и осада возобновилась. Но она продолжалась недолго: люди, что находились при архиепископе в замке, больше не хотели держать его сторону. Пришлось ему сдать замок и покинуть его, теперь уже в качестве пленника. Стэкет, в соответствии с постановлением, был разрушен. Архиепископ отрекся от Уппсальского престола и написал папе Льву о самоотводе. После этого он отбыл в Вестерос и жил там некоторое время в монастыре, а затем переместился в Экхольм. А в то время, когда все это происходило,

в Швеции находился папский легат Иоханнес Ангелус Арчимбольдус⁸¹⁶, распространявший римские индульгенции.

На следующее лето, в год Господень 1518, вскоре после Троицы, король Кристиан сам со множеством кораблей и людей приступил к Стокгольму и расположился на Сёдермальме. Однако добиться ничего не смог. Он приказал обстреливать крайнюю башню у Южных ворот и штурмовал город на этом участке, но ничего не достиг, притом понес потери убитыми и ранеными. В довершение ко всему он подошел со своим войском к Бреннечурке⁸¹⁷, вступил в бой с войском герра Стена, потерпел поражение, потерял много людей убитыми и с тем вернулся на островок, где находился его лагерь, и там некоторое время оставался. Увидев, что ему ничего не удастся добиться, а лето меж тем на исходе, он снялся с места и стал [со своими людьми] садиться на корабли, намереваясь отплыть в Данию.

Но когда он и его люди садились на корабли, герр Стен, совершив вылазку из города, напал на них, загнал многих из них в воду и многих перебил. Более трехсот человек были при этом взяты в плен и уведены в город, и королю пришлось их выкупать. Когда же он [снявшись с якоря] проплывал по шхерам, погода сделалась такой неблагоприятной, что нельзя было куда-либо приплыть. Тогда он приказал части своих людей направиться в Уппсалу. Они ограбили ее и тотчас вернулись назад. Но поскольку погода, неблагоприятная для короля Кристиана, оказалась затяжной, он стал испытывать нехватку в продуктах, вследствие чего его люди начали сильно страдать от голода; и по причине голода множество его кнехтов сдались герру Стену.

Король Кристиан увидел: и Бог, и люди против него, не дают его нападениям увенчаться успехом. Тогда он стал играть на другой струне, сделав вид, что хочет по-дружески вести переговоры с герром Стеном и заключить вечный мир между королевствами. И герр Стен, сам желая мира, поверил ему. Поэтому он начал дружелюбно обращаться с королем, дал ему, в его великой нужде, вызванной голодом, возможность приобрести быков и другое необходимое — а иначе бы его люди непременно умерли с голоду.

Король Кристиан настойчиво добивался личной беседы с герром Стеном, намереваясь его убить или взять под стражу. Герр Стен уже чуть было не отправился к нему, но бургомистры и члены городского совета Стокгольма резко воспротивились и твердо заявили: если он поедет, они тут же присягнут другому господину. Они знали: если он отправится на переговоры с королем, то уж точно не вернется. Выслушав такое заявление, герр Стен одумался и сам не поехал. Но когда было заключено перемирие и принесены

торжественные клятвы, он послал к королю шесть своих достойных людей: Густава Эрикссона, Ларенса Сиггессона⁸¹⁸, Эрьяна Сиггессона, Олафа Рюнинга, Бенгта Нильссона и избранного архиепископа Хемминга Гадда. Всех их король Кристиан захватил и при попутном ветре отплыл с ними в Данию, и показал таким образом, что случилось бы с герром Стеном, если бы тот попал королю в руки. И хотя король Кристиан утверждал, что желает установить вечный мир между королевствами (и герр Стен, как выше говорилось, поверил этим словам и дал датчанам возможность запастись провиантом и всем необходимым), он вот так-то сдержал слово — и вражда между обоими королевствами продолжилась.

Следующим летом, в год Господень 1519, в Дании состоялся римский церковный суд над герром Стеном и его сторонниками. Произошло это так. Папа Лев, угрожая отлучением от церкви, потребовал, чтобы герр Стен позволил ариепископу Густаву вернуться в кафедральный собор, отстроил разрушенный Стэкет и возместил нанесенный ущерб. Поскольку герр Стен не пожелал это сделать, папа назначил судьями лундского архиепископа Биргера и роскильського епископа Лаге Урне, дабы те провели процесс по делу о ереси и вынесли приговор, по которому герр Стен и все, кто вместе с ним противодействовал архиепископу Густаву, должны быть преданы отлучению и анафеме, и на все королевство должен быть наложен интердикт, сиречь запрет, в соответствии с которым во всей Швеции полагалось прекратить богослужения. Такой приговор был вынесен: герра Стена обвинили в том, что он сравнивал с землей Стэкет, принудил архиепископа Густава отречься от своей церкви и взял под стражу герра Эрика Тролле. На этом основании герр Стен и его сторонники были отлучены от церкви, а на королевство был наложен интердикт. Но шведы не придали этому никакого значения.

Следующей осенью, незадолго до дня Святого Михаила⁸¹⁹, несколько кораблей короля Кристиана стояли на рейде близ Ревеля. К ним приблизились корабли герра Стена и вступили с ними в бой близ острова Нари⁸²⁰. В итоге два королевских корабля были захвачены, остальным удалось спастись, обратившись в бегство. Спустя некоторое время король собрал хорошо вооруженный флот, напал с ним на Эланд и захватил его, быстро овладел Боргхольмом и, разместив в этом замке вооруженных людей, направился к Кальмару, осадил его, начал обстреливать для подготовки к штурму и затем несколько раз штурмовал. Однако не смог ничего добиться, а лишь понес потери убитыми и ранеными. Поэтому датчане снова отплыли в пролив и высадились на островке. Король Кристиан имел в своем распоряжении семьсот конных воинов, ко-

которые должны были прийти на помощь тем, кто подступал к Кальмару⁸²¹. Но, прежде чем они подросли, были отброшены пехотинцы. После этого люди герра Стена и смоландцы вступили в бой с упомянутой конницей и одолели ее — так что у датчан ничего не вышло, и к тому же был взят в плен герр Оке Брагде. Затем герр Стен попытался отвоевать Эланд, но безуспешно: там, на острове, датчане оказались сильнее.

Воспользовавшись тем, что герр Стен и его союзники по вине архиепископа Густава отлучены от церкви, и на королевство наложен интердикт, и всему этому не придано значения, король Кристиан пустил слух: папа, дескать, изъявил желание, чтобы он покарал шведов за то, что не хотят подчиниться папскому отлучению и запрету. Под этим предлогом король послал в Швецию множество конных воинов и пехотинцев, возглавляемых Отте Крумпе. Случилось это в двадцатый день Рождества, в год Господень 1520. Герр Стен, узнав о том, собрал все свои войска и повел против армии короля Кристиана. Оба войска встретились у Богасунда⁸²² в день Святого Хенрика. Герр Стен, ехавший впереди войска, получил огнестрельное ранение в ногу; все его войско пришло от этого в ужас и расстроило боевые порядки. Поэтому датчане на сей раз одержали верх и устремились к Тиведу⁸²³. Но там шведы приготовили им засеку. Вечером в канун Мессы свечей воины короля Кристиана стали штурмовать преграду и понесли большие потери. Однако в конце концов, найдя проводников, они обошли засеку, одолели шведов и вынудили покинуть позиции.

После этого датчане, уже не встречая сопротивления, прибыли в Упланд; на всех церковных вратах вывесили грамоту об отлучении; повсюду жгли, грабили, убивали и то тут, то там взымали побор за то, что не будут предавать жилища огню. Вскоре они подступили к Вестеросу. На Мессу Свечей герр Стен находился в Стренгнесе и собирался ехать в Стокгольм, когда вдруг узнал, что войска короля Кристиана перешли Тивед и, наступая, пришли в Упланд. Тогда он стал опасаться, что архиепископ Густав, находившийся в Экехольме, сдастся датчанам, от чего может произойти немалое зло. Поэтому он послал епископа Матса и Монса Грена вместе с несколькими другими людьми к архиепископу, дабы те покончили миром спор между архиепископом и им.

Когда епископ Матс и те, кто его сопровождал, прибыли к архиепископу, изложили свое поручение и рассказали, в каком опасном положении находится королевство, архиепископ заявил, что желает дружбы с герром Стеном и что никогда не примкнет к врагам королевства. И в числе прочего заявил: «да простит Бог тех, кто посеял вражду между моим родичем герром Стеном и мной —

ибо мы достаточно близкая родня — из-за каковой вражды и пошла такая рознь между нами». И в день святого Власия была достигнута договоренность, что вражда отныне прекратится и архиепископ присягнет на верность герру Стену. В тот же день герр Стен, покинув Стренгнес, умер в дороге, не доехав до Стокгольма. Так была сведена на нет договоренность, достигнутая между ним и архиепископом.

После смерти герра Стена, в то время как враги приближались, шведские господа в Упланде часто собирались вместе, то в Тюннельсё, то в Энгсё⁸²⁴, то в других местах, и совещались, как дать отпор врагам, но успех не сопутствовал им — ибо у них не было правителя. Бонды весьма часто собирались вместе; но дворяне не могли меж собой договориться. Одни говорили, что не хотят сражаться, покуда у них нет нового правителя; другие заявляли, что желают сражаться за детей герра Стена; а некоторые наотрез отказывались. Фру Кристина — вдова герра Стена вместе с горожанами Стокгольма и служилыми людьми, находившимися при ней, часто писала дворянам, что они должны объединиться и дать врагам отпор. Но эти послания не были приняты во внимание; и никто не хотел возложить на себя полномочия правителя. В конце концов договорились, что встретят врага близ Иллерсунда под Стренгнесом. И было собрано многотысячное войско из всадников, горняков и бондов. Враги же в то время находились в Вестеросе. Когда они узнали, что в Стренгнесе собралось ополчение, устремились туда, все время приговаривая, что готовы сражаться с бондами, даже если эти бонды будут сыпаться, как дождь с неба.

Когда враги уже находились в пути, некоторые из шведских дворян стали кричать, что не знают, за кого им сражаться. И никто не желал принять титул регента и править народом. Вследствие этого войско разбежалось: никто не хотел дожидаться приближения врагов. И это случилось в понедельник, в канун Великого поста. Вечером того же дня враги подошли к Стренгнесу, а большая часть дворян, что собрались близ Иллерсунда, в тот же вечер прибыла в Тюннельсё к епископу Матсу. Там они решили вступить в переговоры с врагами.

На следующее утро епископ написал Отте Крумпе, потребовал охранной грамоты, получил ее и в сопровождении нескольких членов своего капитула незамедлительно прибыл в Стренгнес. И епископ Матс заключил перемирие с врагами от вторника в канун Великого поста до пятницы после Чистого Воскресенья — всего, таким образом, на одиннадцать дней. В течение этого времени шведским господам надлежало собраться и сообща решить, будут ли они биться с врагами или признают над собой, в лице датских

военачальников власть короля Кристиана. До истечения указанного срока враги обязывались не жечь и не убивать; но от разбоя никто не мог их удержать.

Тотчас были разосланы послания к дворянам, с предписанием в указанное время явиться в Уппсалу; предписание было исполнено. Прибыл и архиепископ Густав. Когда все, кто хотел и кто мог явиться в Уппсалу, собрались там, прибыли также Отте Крумпе и Карл Кнутссон и еще несколько военачальников короля Кристиана, в сопровождении нескольких рот солдат. Тогда присутствовавшие шведы единодушно приняли решение покориться королю Кристиану и от имени всего риксрода⁸²⁵ вступили в переговоры с Отте Крумпе и другими датчанами. Фру Кристине и многим дворянам, находившимся в Стокгольме, также было послано приглашение на означенную встречу, однако те отказались явиться. Поэтому те, кто собрался в Уппсале, [одни] повели переговоры с Отте Крумпе и другими сопровождавшими его лицами, которые при этом доказали грамотами короля Кристиана, что уполномочены изъявлять дружбу и проявлять добрую волю по отношению к тем, кто желает достичь дружеского соглашения и признать над собой власть короля Кристиана.

И была достигнута договоренность, что вся вражда, имевшая место в правление короля Ханса и после того, отныне прекращается; это решение было изложено во многих грамотах. Было также обещано: для всех [шведов] сохранять силу шведские законы, свободы и добрые древние обычаи, и все представители фрельсе, державшие коронные лены, сохраняют эти лены за собой. В связи с этим обещанием шведские господа распределили между собой множество ленов; и многие, кто никогда ранее не имел ленов, получили лен — надеясь, что во исполнение своего обещания, король Кристиан даст добро на все это.

И королевские грамоты о переговорах и перемирии были разосланы по всем областям. В этих грамотах король утвердил соглашение, заключенное в Уппсале его военачальниками. И все, чьи имена были сколь-либо известны в Швеции — не только дворяне, но также и бонды, как например, «Король Эрик» из Нэрдаву⁸²⁶ и другие подобные, — получили из Дании особые грамоты о мире и дружбе. Таким образом было за один раз разослано столько грамот, сколько раньше, пожалуй, никогда не рассылалось; и грамоты сделали больше, чем сделал меч.

Затем, поскольку фру Кристина и те, кто оставался с ней, не пожелали прибыть на переговоры в Уппсале, шведы и датчане решили подойти ближе к Стокгольму, надеясь вступить в переговоры с фру Кристиной и ее верными людьми, что находились в городе. Для этого три тысячи вооруженных людей пришли в Спон-

гу⁸²⁷. Тогда архиепископ Густав послал местера Хенрика Следур-ма, а епископ Матс — своего канцлера местера Улофа Петри⁸²⁸ с охранными грамотами и устным поручением к фру Кристине и тем, кто ее поддерживал, желая вступить с ними в переговоры. Когда посланцы приблизились к Нормальму, оказалось, что внешний мост поднят и войти в город невозможно. Один из родманов города вышел, вступил в разговор с посланцами и пообещал переговорить с фру Кристиной и сообщить посланцам, можно ли им войти. Но когда они так стояли у края моста в ожидании ответа, Монс Грен, находившийся в то время на Хельгеандсхольме, приказал обстреливать их из серпентинов и гаковниц⁸²⁹, из-за чего им пришлось незамедлительно отступить. Никакого другого ответа они не получили и с тем вернулись в Спону.

Убедившись, что тех, кто находился в Стокгольме, невозможно склонить к переговорам, шведские и датские господа вернулись обратно в Уппсалу, и шведы далее разъехались по домам. Датчане же, узнав, что те, кто находился в Стокгольме, ждут помощи от [ганзейских] городов, и что Стаффан Сассе⁸³⁰ находится на некоем корабле близ Эльфснаббен⁸³¹, устремились к этому кораблю, желая захватить его. Но те, кто находился на корабле, стали на якорь достаточно далеко от берега, а вода вокруг корабля покрылась льдом. Поэтому датчане ничего не смогли добиться и вернулись назад.

Тем временем, покуда все это происходило, прибыл юнкер Симон в сопровождении солдат, число которых, по слухам, составляло полторы тысячи. Они прошли маршем из Дании через Смоланд и Эстерьётланд и усилили войско короля Кристиана. Это войско теперь было так велико, что из-за нехватки провианта не могло быть сосредоточено в одном месте. К тому же год выдался такой, что лед был слаб и невозможно было подступить вплотную к Стокгольму, пока не подойдет новое подкрепление от короля Кристиана. Поэтому три тысячи человек были посланы в Вестерос, а герр Клас Билле и Микель Блек с неким числом конных воинов отправлены в Стренгнес, дабы те, кто находился в Стокгольме, не напали на епископа Матса. Ибо, хотя во всей Швеции большая часть рыцарства и прочего дворянства, а также епископы признали власть короля Кристиана и получили грамоты, которыми король утверждал Уппсальское соглашение, среди фрельсисманов страны имелись и те, кто хранил верность фру Кристине и тем, кто вместе с ней находился в Стокгольме и не желали вступать в переговоры. Такими фрельсисманами были Эрик Педерссон, Улоф Вальрам, Матс Лауренссон и еще несколько человек.

Эти люди часто прилагали усилия, чтобы нанести ущерб королю Кристиану. Сначала было поднято восстание в Вестеросе;

повстанцы намеревались напасть на войска, размещенные там. Солдаты, узнав об этом, немедленно выступили в Уппсалу, дабы соединиться там с основными силами. Но когда они проходили по Балундской гряде, бонды внезапно напали на них и причинили им большой ущерб; [в числе прочих] был убит один из Веверстадов. В отряде же бондов был убит Эрик Педерссон и еще несколько человек; но потери людей короля оказались намного больше, чем потери бондов.

Затем произошло восстание, в ходе которого нападению подверглось все войско, расположенное в Уппсале. В этом восстании участвовали и крестьяне, и горняки. К ним присоединился и отряд людей из Стокгольма; в этом отряде, в числе прочих, находился Ламбрект Матссон. Объединившись в одно большое войско, все они отважно напали на войска короля Кристиана, стоявшие близ города в боевом порядке. Случилось это в Страстную пятницу. И погода, стоявшая тогда, оказалась пагубной для людей короля. Шел такой снег с градом, что невозможно было применять огнестрельное оружие; почти невозможно оказалось и пустить в дело конницу: снег сбивался в комья под копытами, и лошади вместе со всадниками падали наземь.

Шведам же эта погода сослужила добрую службу. И если бы у них в то время имелся достойный вожак, они, по тогдашнему общему мнению, одержали бы победу над врагами. И понесся большие потери, датчане (как они впоследствии сами часто признавали), поняли, что вели себя безрассудно, похваляясь: хотим, мол, биться с бондами, даже если те будут сыпаться дождем с неба. Когда Бог отворачивается от воина — простой крестьянин ничем не хуже него. В этом сражении были убиты юнкер Симон и Диверт ван Мелен, и многие другие. Но у бондов не имелось начальников, которые удержали бы их всех вместе — а как нужны были такие начальники! И бонды разделились: часть устремилась в город за добычей; те же, кто остался на поле боя, действовали неразумно. В итоге несколько сотен бондов попали в окружение; некоторые из них пали в бою, некоторые сгорели в складе, где хранился кирпич, а некоторые утонули в реке. Так датчане воспользовались неразумными действиями бондов, вступивших в бой.

К тому времени в течение Великого поста епископ Матс в сопровождении датских конных воинов объехал весь Нючёпингский лен и Рекарне⁸³², ведя переговоры от имени короля Кристиана. И жители этих местностей присягнули в его лице королю. Никто из шведов не сослужил королю такую службу, как епископ Матс. И когда по окончании поста, на Пасху часть осажденных совершила вылазку, конная свита епископа Матса вступила с ними в

бой близ Телье. В этом сражении был убит Йоган Хельбрегда — служилый человек фру Кристины; а Гуннар Галле, Лассе Ёте и еще несколько человек были взяты в плен и уведены в Стренгнес. В дальнейшем, вплоть до самой Троицы, те, кто, находясь вне Стокгольма, сохраняя верность фру Кристине, неизменно старался причинить вред королю Кристиану — но желание у них было, а удачи и сил — не было. Те же, кто находился в Стокгольме, сделали вылазку, предали грабежу усадьбу Арнё⁸³³ и захватили архиепископа Якоба. Подобным образом они собирались напасть и на Уппсалу. Но этим намерениям не суждено было осуществиться.

На Троицу к Стокгольму по морю прибыл король со своим флотом; те люди короля, которые находились в Уппсале, тотчас вышли ему навстречу. Теперь Стокгольм был осажден с четырех сторон. Тогда незамедлительно прибыли архиепископ Густав, епископ Матс и все те члены риксрода и представители прочего дворянства, которые изъявили покорность королю. И было клятвенно подтверждено все, что ранее было обещано в Уппсале военачальниками короля Кристиана. Также и король Кристиан лично обязался нерушимо соблюдать соглашение во всех статьях, безо всякого коварства, как было ранее сказано в его грамоте. Король также повелел созвать множество бондов из различных местностей Упланда, и распорядился вступить с ними в переговоры. Вел он с ними переговоры и лично, добиваясь, чтобы те присягнули ему на верность, и неизменно давал им обещания, что в отношении крестьян сохранят силу шведские законы, привилегии и добрые старые обычаи. И часто для ведения переговоров с бондами он пользовался услугами епископа Матса и Хемминга Гадда, избранного епископа Линчёпингского⁸³⁴ — ибо к их речам бонды прислушивались. А перед отбытием бондов домой король обычно дарил двоим из них тунну соли — и так приманил многих, кто иначе не отправился бы к нему⁸³⁵.

Кроме того, епископа Матса часто посылали разъезжать по стране, дабы вести переговоры с бондами. Однако Нильс Эскильсон и Монс Йенссон — фогд Вестеросского замка, а также Матс Лауренсон и многие другие восстанавливали бондов против короля и его приспешников. Так поступили, в частности, Свен Хёк и Педер Смед: они подбили эстьётов осадить в Линчёпинге резиденцию местного епископа. Жители Нэрке последовали их примеру и захватили в плен герра Эрика Абрахамссона. Монс Йенссон пришел с отрядом людей из Вестероса в Стренгнес и предал этот город разграблению.

И так обстояло дело по всей стране: хотя у короля имелось много солдат, он все-таки ничего не мог добиться. Наносить ущерб

и терпеть ущерб он мог сколько угодно. Но завоевать все королевство он никогда бы не смог, если бы не привлек на свою сторону так много шведов, доверившихся его словам, клятвам и обязательствам, грамотам и печатам — при помощи которых, надо признать, достиг большего, чем при помощи солдат. Ничего он не смог бы добиться и осадой: Стокгольм невозможно было взять штурмом, а продовольствия у осажденных было больше, чем у осаждавших. Поэтому король постоянно предлагал тем, кто находился в городе, вступить в переговоры; но те отказывались.

Под конец, король, вынужденный к тому нападением Монса Йенссона на Стренгнес, отправил множество парусников и весельных лодок с вооруженными людьми и орудиями в Вестерос. Там они обстреляли и взяли штурмом замок, и Монс Йенссон был захвачен в плен и привезен к королю, в лагерь осаждавших. И король объявил тем, кто находился в городе, что завоевал Вестерос. От этого известия мужество осажденных несколько уменьшилось. Король же употреблял все возможные средства, чтобы склонить их к переговорам: ведь лето миновало, а он ничего не добился. А продлить осаду до следующей весны он не мог: из-за волнений в стране не удалось запастись провиантом. Поэтому он стремился любым способом овладеть городом до наступления зимы. Он уже было отчаялся и проклинал тех, кто дал ему совет предпринять поход на страну, для которой он, как государь, был проклятием.

В конце концов ему дали совет: вести переговоры через тех принявших его сторону шведских господ, которых уважали дворяне, что обретались в городе. Вняв совету, король воспользовался услугами епископа Матса, Хемминга Гадда, Эрика Рюнинга и еще нескольких человек. И находившиеся в городе дворяне, в свою очередь, под конец стали склоняться к переговорам — вопреки чаяниям простых людей. Бюргеры-то не желали вступать в переговоры: им это было вовсе не нужно. И по поводу переговоров в городе возникло такое возмущение, что Хемминг Гадд, прибывший для переговоров, едва не был убит человеком по имени Педер Фредаг. Но поскольку верхушка тех, кто находился в городе, пожелала пойти на переговоры, простым людям пришлось смириться.

После нескольких дней переговоров, когда, наконец, всё обсудили, несколько человек от города были посланы к королю, на островов близ Вальмарсе⁸³⁶. Там клятвами, грамотами и печатами скрепили соглашение: весь обоюдный ущерб будет прощен, стороны полностью помирятся, и между ними будет лишь любезность и благорасположение. И на все, что требовали те, кто находился в Стокгольме (и не только они, но и все шведы) было дано добро, и это согласие было скреплено грамотами и печатами. Более того:

король лично заявил, что не только намерен утвердить все это; но и расширить то, что он обязуется соблюдать — во всех пунктах и статьях.

После того как все было улажено и были изданы все письменные распоряжения, посланцы вернулись в город и стали готовиться, чтобы встретить короля с надлежащими почестями. Когда все было готово к въезду короля, бургомистры вышли к нему на Сёдермальм и вручили ключи от города. И король с торжественным шествием вступил в город и первым делом вошел в городскую церковь, затем явился в замок, после чего прибыл в дом Гориуса Хольста, где ему был оказан прием⁸³⁷. Это произошло в седьмой день месяца сентября — в канун мессы Девы Марии. И король повелел трубить в трубу и провозглашать мир. Тотчас он приказал и соорудить виселицу на Стуре Торъет и еще одну — на Йерн-торъет⁸³⁸; и через несколько дней приказал четвертовать Монса Йенссона на Стуре Торъет. И, самолично распорядившись относительно должностей и назначений, король отплыл в Данию — а незадолго до дня Всех Святых вернулся в Стокгольм.

И все дворяне со всей Швеции получили приглашение в Стокгольм. Были приглашены и по несколько уполномоченных от каждого города, от горных приисков и от всех херадов страны. Все эти люди прибыли ко дню Всех Святых, который тогда приходился на четверг года Господня 1520. Король повелел построить замок на вершине холма Брункеберг и созвал туда всех, кто прибыл со всего королевства в Стокгольм; а солдаты короля расположились кольцом у подножья.

Тогда фюнский епископ Йенс Белленаке⁸³⁹ обратился с речью к шведам. И все его доводы сводились к тому, что король Кристиан имеет полное право на шведскую корону, поскольку был назначен наследником шведского престола еще при жизни отца, и это назначение было скреплено грамотой риксрода. Вдобавок он имел право на шведский престол в соответствии со шведской книгой законов, где сказано (и эти слова были зачтены), что если у короля есть сын, пригодный для управления страной, то наследником должен стать он⁸⁴⁰. И Белленаке подвел свои рассуждения к следующему: безосновательно было бы утверждать, что король Кристиан незаконно взошел на шведский престол; напротив, незаконно поступили те, кто хотел отнять у короля то, что причиталось ему по праву. И он спросил простых людей, согласны ли они признавать Кристиана своим господином и королем — все время, покуда ему принадлежит право на престол. И на это был дан ответ: «Да!»

Тогда король Кристиан был объявлен королем Швеции, и ему принесли присягу, и было торжественно провозглашено все, что

ранее было скреплено грамотами и печатями. И на следующее воскресенье король Кристиан был коронован архиепископом Густавом и епископами в городской церкви Стокгольма⁸⁴¹. Король клятвенно подтвердил все, что ранее обещал, и был миропомазан перед главным алтарем. И когда окончилась месса и церемонии, совершаемые при коронации, пред алтарем было установлено кресло. Сидя на нем, король Кристиан посвятил Отте Крумпе, Клауса Билле, Сёрена Норбю и еще несколько своих военачальников и служилых людей в рыцари. И король повелел во всеуслышанье объяснить, почему он не удостоил такой чести ни одного шведа: в другой раз он-де окажет им эту честь.

Покончив с этим, король встал и остался стоять, прислонясь к алтарю. Тогда присутствовавший герольд императора Карла вышел вперед, встал напротив короля и, обращаясь к нему, произнес речь на латыни. В руках у него была золотая цепь с золотым украшением⁸⁴²; и окончив речь, он возложил эту цепь на шею короля и таким образом принял его в Бургундский союз. И герольд пообещал ему помощь и поддержку всего этого союза, если таковые потребуются. После того как было исполнено все, что надлежало исполнить в церкви, король пригласил шведов, немцев и датчан к пиршественному столу и три дня справлял торжества по случаю своей коронации.

А в среду, когда торжества окончились, начался другой званый пир. Король собрал всех шведских господ вместе с датчанами и немцами в большом зале замка, и устроил так, что архиепископ Густав вышел вперед и стал жаловаться на насилие, которому ранее подвергся со стороны герра Стена и его союзников: что был разрушен замок Святого Эрика и причинен большой ущерб владениям церкви. И он пожелал, чтобы Стэкет был заново отстроен и лично ему был возмещен ущерб. Жалоба, таким образом, являлась судебным иском⁸⁴³.

Но король, который все это подстроил, при помощи указанной жалобы намеревался добиться совсем не того, что было на уме у архиепископа. Король хотел при помощи этой жалобы лишить жизни множество людей. И поскольку архиепископ не настаивал на том, чтобы лишить жизни тех, на кого он жаловался, король разгневался на него и обругал жестокими словами, напугав тем самым. Упомянутая же жалоба возмутила вдову герра Стена фру Кристину, и та предъявила собравшимся ту самую грамоту, где было сказано, что Стэкет следует разрушить и что Густава Тролле отныне не следует признавать архиепископом, и что все, от чьего имени написана грамота, сообща поклялись вместе нести ответ за любые последствия. В указанном обязательстве король увидел

предлог для того, чтобы объявить всех, кто поставил печати под этой грамотой, еретиками.

Ханс, епископ Линчёпингский, чья печать вместе с другими была привешена к грамоте, принес оправдания: он-де был принужден скрепить эту грамоту печатью. И благодаря этим оправданиям он был освобожден от обвинений. А Скарского епископа Винсентиуса, Стренгнесского епископа Матса, многих шведских дворян вместе с их служилыми людьми, а также многих стокгольмских бюргеров схватили и заключили в темницу — одних в башню, других в часовню, некоторых в иные помещения замка; и так они провели ночь. Так был погран Уппсальский договор и все присланные из Дании грамоты, которыми было утверждено это соглашение. Равным образом были погранны обещания и обязательства, которые король дал на Троицу, когда прибыл с флотом в Стокгольм. Пограно было и все то, что совсем недавно было обещано при избрании и коронации короля, когда он был миропомазан.

Следующим утром, на восьмой день после дня Всех Святых, король повелел повсюду трубить в трубу и во всеуслышанье объявлять, чтобы никто не покидал свой дом и чтобы все оставались на своих местах. И в полдень он повелел вывести взятых по его приказанию под стражу Скарского и Стренгнесского епископов, рыцарей и их служилых людей на Стурторъет, дабы предать казни. И когда они, прибыв на площадь, стояли там в оковах, а некоторые советники короля находились на балконе ратуши, Нильс Люке⁸⁴⁴ обратился с речью к людям, стоявшим на площади и просил их не ужасаться совершаемой казни. Ибо, заявил он, его королевское Величество распорядился об этой казни, уступив мольбам архиепископа Густава, который трижды преклонил колени и просил покарать тех, кто учинил по отношению к нему произвол. И Люке изложил много других подобных оправданий действиям короля.

Тогда епископ Винсентиус крикнул ему в лицо, что он лжет и что его король коварно обманул шведов. И он потребовал, чтобы остальным казнимым был предъявлен судебный приговор — дабы они знали, за что им предстоит умирать. И он обругал короля суровыми словами и заявил, что Бог накажет его за такое насилие и произвол. Также закричали закованные в кандалы Андерс Рут и Андерс Карлссон, взывая к шведам, чтобы те, видя чинимое над ними злодеяние, впредь не позволяли так постыдно обманывать себя лживыми грамотами и соглашениями, и чтобы они, если могут, отомстили за это злодейство. И приведенные на казнь взывали к небесам об отмщении.

И первым был казнен Стренгнесский епископ Матс. Ему отрубили голову прямо перед ратушей; и отрубленную голову водру-

зили ему между ног — больше так не поступили ни с кем из казненных. А между тем никто из шведов, с того времени как дело дошло до переговоров, не помог королю Кристиану в такой степени, как епископ Матс. И король не смог бы заставить все королевство покориться его воле, если бы не епископ Матс. Но вот как он теперь был вознагражден. Затем отрубили голову епископу Винсентиусу, после него герру Эрику Абрахамссону, затем Эрику Кнутссону, далее герру Эрику Юханссону, после этого — Эрику Рюнингу, герру Эрику Нильссону, Эскилю Нильссону, Иоакиму Брагде, Монсу Грену, Эрику Кусе, Улофу Бьёрссону, Гуннару Галле, Бенкту Эрикссону. Затем были казнены три бургомистра — Йонс Гудмундссон, Андерс Улофссон и Андерс Хенрикссон. Затем следующие нижеперечисленные родманы: Улоф Ханссон, Монс Будде, Баганс Бьёрн, Андерс Рут, Андерс Карлесон, Микиль Нильссон, Кнут Энинг, Эрик Хельсинг, Педер Эрикссон, Асмунд, Матс Круна, Якоб Педерссон, Нильс Бергссон и Хемминг Грёнскалле. Из простых людей, которые были тогда же казнены, известны следующие: Хенрик Стробок, Ламбрект Бодинг, Ханс Весер, Симон-портной, Долговязый Нильс, Педер Стаффанссон, Повель-живодер, Гудмунд-живодер, Эрик-плавильщик, Педер Будде, Андерс-мясник, Матс-бондарь, Нильс Матссон, Ламбрект-цирюльник и Лассе Хасс. Этим и еще многим другим людям отрубили головы в первый день.

На следующий день отрубили голову Кеттилю-писцу и еще шестерым или восьмерым. И тела казненных лежали на площади с четверга до субботы. И было больно и горько смотреть, как кровь вперемешку с водой и грязью, обычными в это время года, по водосточным желобам стекала с площади. Воистину это было ужасное и жестокое смертоубийство, подобного которому никогда ранее не совершал никакой государь, называющийся христианином — чтобы один человек намеренно и обдуманно лишил жизни столько людей, без суда и вопреки собственным клятвам, грамотам и печатям. И король Кристиан казнил не только тела своих жертв, но и, насколько это было для него возможно, души — поскольку этих людей умертвили так неожиданно, не дав возможности вступить в общение с каким-либо клириком, который мог бы наставить их ради спасения их души⁸⁴⁵. Даже злостным убийцам, вора и разбойникам в их последние часы предоставляют такую возможность — чтобы, хотя бы плоть и подверглась разрушению, душа осталась цела. Но король Кристиан имел иные намерения: он хотел разрушить и тело, и душу. И потому он не дал казнимым даже возможности хоть сколько-то времени предаться размышлениям перед смертью. Многие из казненных были схвачены в собствен-

ном доме, когда находились за работой и не ждали никакой беды. И их тотчас выводили на площадь и рубили им головы. Так случилось с Ламбректом-цирюльником: в то время, когда он брил своего посетителя, его схватили и отвели на площадь. Так случилось с Лассе Хассом: он стоял на площади в окружении королевских солдат, и видя совершаемые казни, заплакал. За это его заключили в оковы и отрубили ему голову. И коротко говоря, для всех казненных смертная казнь оказалась неожиданной, поскольку не было учинено надлежащего судебного разбирательства. Казнить подобным образом и тело, и душу — это, если судить по справедливости, страшное убийство.

В субботу, по распоряжению короля, на Сёдермальме был разведен большой костер, к которому волокли трупы и сжигали их там. Король также распорядился извлечь из могилы мертвое тело герра Стена, которое более полугода пролежало в земле, вместе с телом грудного младенца, и приказал сжечь эти тела вместе с остальными. Ранее был извлечен из земли усопший Стокгольмский пребендарий Мортен Йонссон — и совершил это архиепископ. Теперь все эти люди были преданы огню как еретики, за то, что они выступили против архиепископа. Но король Кристиан не считал их еретиками, когда они провозглашали его шведским королем. И не считал он еретиками епископа Винсентиуса и епископа Матса, когда они вместе с архиепископом короновали его. Теперь же их сжигали как еретиков — но Бог не оставил это злодеяние безнаказанным.

Когда бюргерам отрубили головы, все их ключи были отображены у их жен, и золото, серебро, деньги и все лучшие товары были изъяты как имущество преступников, хотя на этот счет не было вынесено никакого приговора; в собственности же жен были оставлены жилища. После первого усекновения голов были отрублены головы еще многим людям, в том числе Улофу Вальраму и Эрланду Эсбьернссону. Тем же, кого изо дня в день вешали на виселице, воздвигнутой на Стурторъет, невозможно было вести счет: виселица была часто полна и редко пуста. И те, кого вешали, по большей части являлись слугами тех, кому рубили головы. И многие повешенные были обуты в сапоги со шпорами, поскольку прибыли в город верхом. Страшная участь: с лошади — прямо на виселицу.

После того как в Стокгольме свершилось это жестокое смертоубийство, король направил гонцов в Финляндию и повелел сотворить такое же там. Тогда отрубили головы герру Оке Эрьянссону, Тённе Эрикссону, Нильсу Эскильссону, а также находившемуся в то время в Финляндии Хеммингу Гадду и многим другим. А фру Кристину и еще нескольких свободнорожденных женщин король приказал взять под стражу, после чего они были увезены в Да-

нию. И становилось все более и более ясно, чего добивался король Кристиан: он хотел всех до единого шведов превратить в собственных рабов, наподобие эстов и гаков⁸⁴⁶. И он запретил бондам иметь [холодное] оружие или арбалеты. Кое-где он распорядился изъять у бондов оружие и уничтожить его; он намеревался со временем сделать это по всему королевству. Намеревался он что-то сделать и со шведской книгой законов — и наверное сделал бы, если бы имел достаточно времени.

Под стать своему кровожадному господину были и многие его служилые люди: мастер Дидерик — самый злобный из них; Йенс Матссон, Клас Хольст и многие им подобные, кому было радостно смотреть, как льется шведская кровь. Андерс Перссон, который был назначен фогдом в Эребру, повел там себя так, что местные жители были бы рады его убить. Тогда же среди людей короля начала ходить поговорка: шведский бонд вполне может идти за плугом с одной рукой да с деревянной ногой. И много в то время ходило подобных поговорок, которые всем известны. А служилые люди тех, кому отрубили головы, никуда не могли обратиться за правосудием — разве что к Сёрену Норбю. И поскольку в Скарском и Стренгнесском диоцезах теперь не было епископов, король назначил на их места: в Скару мастера Дидерика, а в Стренгнес епископа Белленаке, людей, замечательно подходивших для такой должности — что они и подтвердили своими деяниями.

После того как король по своему усмотрению распорядился в Стокгольме относительно всех должностей и назначений, он отправился по суше через всю Швецию в Данию. И в каждом городе, куда он прибывал, на площади воздвигалась виселица. Клас Хольст, бывший военачальник короля, был повешен по королевскому приказу в Сёдерчёпинге, на виселице, которую сам же распорядился соорудить; и его писец был повешен вместе с ним. Кроме того, один из его служилых людей был повешен в Линчёпинге, а другой в Вадстене.

Король же прибыл в Линчёпинг и встретил там Рождество. После этого он прибыл в Вадстену, где велел четвертовать Свена Хёка и Педера-кузнеца. Прибыв затем в Йенчёпинг, он приказал отрубить голову Линдурму Риббину и еще нескольким людям. Особенно король отличился, повелев отрубить голову двум детям из родни Риббинга: одному из детей было восемь лет, другому четыре или шесть. После этого он прибыл в Нюдальский монастырь. Там он отплатил за гостеприимство тем, что велел утопить аббата и несколько человек из его братии⁸⁴⁷. В конце концов он доехал до Дании. И вся его поездка из Стокгольма в Данию была такова: в какой бы город ни прибывал король, кого-то в этом городе лишали

жизни. Таким образом, каждому разумному человеку легко убедиться, что для шведов король Кристиан был бедствием — розгой, при помощи которой Бог пожелал их наказать. Но вовеки благовословен Господь, бросивший эту розгу в огонь.

КОММЕНТАРИИ

Данный перевод «Шведской хроники» Олауса Петри, публикуемый впервые, осуществлен А.Д. Щегловым под редакцией А.А. Сванидзе. Перевод выполнен по подлиннику (на раннем новошведском языке), по изданию И. Сальгрена, включенному в собрание сочинений Олауса Петри (*Olaus Petri. Samlade skrifter. Uppsala, 1917. Bd. IV — Далее: OPSS IV*). Предлагаемые комментарии и послесловие содержат результаты работы переводчика и редактора над интерпретацией и исследованием текста «Шведской хроники». У указанной работы имеется ряд особенностей. Прежде всего, отсутствуют переводы «Шведской хроники» на современные языки, включая современный шведский. Таким образом, данный перевод является первым опытом в этом роде не только в отечественной, но и в мировой науке. Также отсутствуют критические издания хроники, аппарат которых охватывал бы все рукописи или хотя бы важнейшие из них; поэтому необходимую работу по изучению вариантов текста переводчик произвел, опираясь на манускрипты, а также на историко-ведческие исследования шведских специалистов. Наконец, в имеющихся квалифицированных изданиях «Шведской хроники» (Г.Э. Клемминг, И. Сальгрен) отсутствуют комментарии. Сальгрен в предисловии к своему изданию обещал опубликовать примечания отдельным томом, однако обещание осталось невыполненным; судя по всему, комментарии так и не были написаны. Таким образом, при подготовке данного издания перед переводчиком и редактором стояла непростая, но вместе с тем интересная задача: самостоятельно представить хронику, пояснить трудные места, осветить дискуссионные вопросы с позиций современной науки, а в ряде случаев — по итогам собственных исследований.

В связи с этим в комментариях и послесловии использована фундаментальная научная литература — как труды, специально посвященные «Шведской хронике» (Г. Вестин, Э. Лундмарк, Л. Шёдин и др.), так и более широкий круг работ, тематика которых связана со «Шведской хроникой». Использовано множество дополнительных источников. В большинстве случаев это научные публикации подлинников. Так, хроника Эрикуса Олаи, главного предшественника Олауса Петри, цитируется по современному изданию, осуществленному Я. Эбергом и Э. Хойман; «Хроника Карла» и «Хроники Стуре» изучены по классическим публикациям Г.Э. Клемминга. В некоторых случаях, когда это уместно, использованы и переводы — «Хроника Эрика» (А.Ю. Желтухин), исландские саги (М.И. Стеблин-Каменский, О.А. Смирницкая, А.Я. Гуревич и др.), шведские областные законы (О. Хольмбек, Э. Вессен).

Значительное внимание в послесловии и комментариях уделено рукописным спискам «Шведской хроники», в том числе тем, которые хранятся в Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург). Подробно об этих рукописях рассказано в послесловии. Разночтения указаны выборочно; особое внимание уделено тем из них, которые позволяют лучше понять хронику, уточнить историю ее создания и доработки. Орфография списков значительно варьирует. Поэтому при ссылках на группы списков написание слов в данном издании унифицировано.

¹ *...знания о спасении.* В ранней редакции — «знания истины». См. послесловие переводчика. С. 346.

² *...истории, сиречь хроники...* — термины «истории» (*historier*) и «хроники» (*cröneker*) в трудах Олауса Петри часто синонимичны, но понятие «*historier*» шире: оно означает и средневековые хроники, и труды античных авторов, и исторические повествования, содержащиеся в Библии.

³ *...как иноземных хронистов, так и шведских с датскими...* — очень интересное место. Олаус Петри в данном случае объединяет шведских и датских хронистов, отличая их от иноземных авторов. Однако далее по тексту хроники датчане отнесены к числу иноземцев. См. послесловие.

⁴ *...я занялся составлением одной небольшой хроники из других...* — Олаус Петри преувеличивает, говоря о компилятивности своей работы, которая во многом носила самостоятельный и новаторский характер. См. послесловие.

⁵ *хочу писать то, что истинно...* Любопытный вариант содержится в рукописи UUB Ihre 116. Вместо местоимения «я» употреблено неопределенное «*man*»: *Doch lika wäl haffuar mann tagith sigh före att wth Dragha enn liithenn Crönnicha aff the andra... för thy thett som sannt är wille mann nu gärnna skriffue...* В этой версии получается, что хронист говорит о совместном труде или об общих тенденциях в историографии.

⁶ *колесо счастья* — распространенный средневековый образ, часто встречающийся в памятниках письменности и изобразительного искусства. См. послесловие.

⁷ *и высоким, и низким* (*bådhe höge och låghe*) — выражение-клише, частое в средневековых скандинавских памятниках: сагах, законах, дипломах и др.

⁸ *...прежде чем мы перейдем к нашей материи...* В оригинале (KB D 407) первоначально стояло местоимение «я» (*jag*). В остальных списках употреблено местоимение «мы» («*vi*»).

⁹ *...а также множество рунических камней, возведенных после того, как сюда пришло христианство.* — эта концовка фразы отсутствует в древнейших версиях хроники. Ср.: KB D 407b, D 409, D 23; UUB W 251, N 141, N 142; РНБ Швед. F.IV.1.

¹⁰ *...в рукописных шведских книгах присутствуют... рунические буквы* — в первую очередь имелась в виду руническая буква «т» (Ң).

В древних скандинавских текстах, записанных латиницей, она подчас использовалась в иероглифическом значении «*madher*» («человек»).

¹¹ *Датская хроника* — здесь: «Деяния данов» Саксона Грамматика. См. послесловие.

¹² *Римы* — распространенные в средневековой Скандинавии стихотворные произведения, «песни», часто мифологического или исторического содержания. Для рим характерна довольно простая строфа (из двух или четырех строк) с аллитерациями и концевыми рифмами.

¹³ *Фриды* — древние поэтические произведения. Ср. фрагмент древнешведской поэмы о святом Олафе: *Arj heet een viis man / fride oc qwäda tha kwnne han...* (SMD S. 313).

¹⁴ *богатырями* — в подлиннике: *kiempar* — богатыри, воители, герои. Ср. совр. швед. *kämpre*, англ. *champion*.

¹⁵ *исполинами* — в подлиннике употреблен термин «*jempningar*», близкий по значению слову *kiempar*.

¹⁶ *великаны* — в подлиннике *jettar* («великаны»), «ётуны»; ср. совр. швед. *jätte* («великан», «гигант»).

¹⁷ *ресы*, или *рисы* — в скандинавской мифологии великаны, гигантские тролли.

¹⁸ *называли замки горами*... Предположение Олауса Петри, очевидно, основано на созвучии слов «гора» (*berg*) и «замок» (*borg, børg*).

¹⁹ *гигры* — в скандинавских легендах: великанши, ведьмы.

²⁰ *легендарная история Дидрика Бернского* — популярное в средние века сказание, герой которого — предводитель готов Теодорих (по-немецки Дитрих, на скандинавский манер — Дидрик). Одну из версий сказания (возможно, норвежскую сагу или ее шведский перевод) использовал Олаус Петри. См.: *Westin G.T. Historieskrivaren Olaus Petri. S. 188—190.*

²¹ *в песнях и фридах* — см. примеч. 13.

²² *Начинали свое повествование с... приукрашенного вымысла.* Олаус полемизирует с историками, которые использовали предания и древние поэмы. К таким авторам относился Саксон Грамматик.

²³ *Большая часть того, что написано у нас, создана на протяжении трех последних столетий*... Наблюдение верно: подавляющее большинство средневековых шведских письменных памятников созданы после середины XIII в. *Регистры* — здесь: рукописные книги, в которые заносились копии или аннотации документов.

²⁴ *Всеобщие истории* — исторические сочинения, в которых описана история различных народов.

²⁵ *Древние латинские историки... писали о местных обычаях немцев.* — В первую очередь имеются в виду труды Тацита, в которых, как известно, содержатся описания общественного устройства, быта, нравов и верований германцев. *Немцы* (*the Tydzske*) — здесь: германцы.

²⁶ *Хёвдинги* — предводители.

²⁷ *Херады* — древнее нижнешведское (ётское) название сотенных округов — минимальных административных единиц; в позднее средневековье широко употреблялось и в Верхней Швеции. *Хундари* («сотни») — древнее верхнешведское (свейское) название сотенных округов.

²⁸ *Centurio* (лат.) — центурион, сотник. Латинский аналог древнешведских терминов «хундарихёвдинг» и «херадсхёвдинг» отсутствует в ранних редакциях хроники; добавлен при доработке произведения.

²⁹ *Херадсхёвдинг* — в позднесредневековой Швеции должностное лицо, начальник сотенного округа.

³⁰ *Венды* — венеды, полабские славяне.

³¹ *Лифляндия* — в хронике Олауса Петри и во многих других источниках так обозначалась Ливония. Часто термин употреблялся в широком значении: вся территория Ливонского ордена, включая Курляндию и Эстонию.

³² «*саксонские немцы*» — здесь: саксы. Данное словосочетание отсутствует в ранней редакции хроники (см., например: РНБ Швед. F.IV.1). О том, что саксы расселились по многим регионам Европы, упоминали несколько авторов: Эйнхард, Орозий, Григорий Турский, Адам Бременский.

³³ *Готы... якобы вышли из Швеции*. Относительно т.н. гетицистской теории см. послесловие. С. 357–359.

³⁴ *А некоторые считают, что вандалы... не были тем же народом, что современные венды*. Это дополнение сделано на поздней стадии доработки хроники (по Лундмарку, редакция IV), возможно, уже после смерти Олауса Петри. Оно не вполне согласовано с предыдущим текстом. Источником сведений в данном случае, видимо, явилась «Славянская хроника» Гельмольда. См.: *Lundmark E. Redaktionerna*. S. 28–29, 35, 56–57.

³⁵ *...это произошло во времена Авраама...* В «Прозаической хронике» (вторая половина XV в.) утверждается, что исход части готов из Скандинавии произошел во времена Серуха, прадеда патриарха Авраама. Олаус Петри, как видно из «Шведской хроники», считал это утверждение неверным. См. послесловие. С. 360.

³⁶ *...хроники воздают шведам... хвалу за то, что готы... много совершили в чужих землях*. Имеются в виду «Прозаическая хроника» и другие произведения, принадлежащие к «гетицистской» традиции. См. послесловие.

³⁷ *И это не говоря уже об ущербе, который они нанесли латинскому языку...* Дополнение внесено на поздней стадии; в ранней редакции отсутствует. В KB D 407 дано на полях рукописи. Ср. KB D 407a, D 407b, D 409; UUB N 141, N 142, E 8; РНБ Швед. F.IV.1.

³⁸ *...леса... именуемые священными рощами*. Как известно, священных рощ в древности было много во всех скандинавских странах. Об этом свидетельствуют, в частности, многочисленные топонимы, содержащие корень «lund» — «роща».

³⁹ *...с ними связывалось немало суеверий, и дьявол посылал там людям множество видений*. Перевод соответствует варианту, присутствующему в ряде списков: «*där de mycket vidskepelse hava haft, och djävulen mycket spökelse bedrivit haver*». См.: KB D 407 (первоначальный вариант), D 409, D 410, D 23; UUB N 141, N 142, E 5, E 6, E 7 etc., а также все четыре петербургских списка. Правка в стокгольмском

кодексе D 407 привела к варианту с тем же смыслом, но громоздкому и неудобоваримому. Этот вариант см. также: UUB N 140, E 10. Ср.: OPSS IV. S. VI-VII; 10.

⁴⁰ ...в книге законов Швеции говорится, что не следует верить в камни и рощи. В средневековой Скандинавии существовало несколько подобных законов. В данном случае имеется в виду первая статья Церковного раздела областных законов Упланда (кодифицированы около 1300 г.). В позднее средневековье этот раздел часто входил в сборники шведских законов, в качестве дополнения к всеобщему шведскому законоуложению — Ландслагу, либо городскому законоуложению — Стадслагу. См. также: *Щеглов А.Д.* Шведское средневековье и XVI век в ОР РНБ // СВ. Вып. 68 (2). С. 124. В некоторых списках добавлено: «и вероятно, некоторые хоронили там умерших» (och är troendes att en part hava där haft deras begravning). См.: KB D 407a, D 407b; UUB N 140, E 9, E 15, N 725a, N 726. Ср.: *Lundmark E.* Redaktionerna. S. 29–30. Любопытен вариант в списке UUB E 6: «верить в бревна, камни и рощи» (tro på stockar Eller stenar, och lundar). Под «бревнами», вероятно, имелись в виду деревянные идолы.

⁴¹ А в Уппсале... находился и самый что ни на есть престол язычества. Сведения об Уппсальском храме, приведенные Олаусом Петри, восходят к знаменитому повествованию Адама Бременского. Эти сведения Олаус почерпнул не из первоисточника, а из шведских хроник, в которых сообщение Адама частично искажено. См. послесловие. С. 361–370.

⁴² где... расположен кафедральный собор — по другой версии (популярной в новое время) уппсальский языческий храм находился в другом месте — в Старой Уппсале.

⁴³ Тор... бог, которого латиняне называли Юпитером. Сравнение древнескандинавских богов с античными божествами присутствует у Адама Бременского (и у ряда других авторов), но отсутствует в шведских позднесредневековых хрониках. Образцом для Олауса Петри могли служить произведения зарубежных хронистов.

⁴⁴ Мужичья телега — швед. karlavagn; термин употреблен как имя нарицательное. В совр. швед. языке Karlavagn — название созвездия Большой Медведицы.

⁴⁵ Тора... изображали в виде нагого юноши... сидящего на повозке... Так описал Тора автор «Прозаической хроники», сказав рассказ Адама Бременского (см. примеч. 41). Из «Прозаической хроники» искажения перешли в другие памятники, в частности в хроники Эрикуса Олаи и Олауса Петри.

⁴⁶ ...в книге законов... говорится, что нельзя приносить жертвы идолам, т.е. нельзя клясться их именами. Речь идет об упомянутом выше фрагменте Церковного раздела законов Упланда (см. примеч. 37). Употребленный там глагол blöta в данном случае означает «приносить жертвы», «поклоняться». Олаус Петри трактовал этот фрагмент, исходя из другого значения — «клясться». Эта же интерпретация присутствует в другом сочинении Олауса — комментарии к Стадслагу (См. послесловие. С. 353). Таким образом, Олаус Петри считал, что подобные ко-

щунственные клятвы (с которыми он, как священнослужитель, боролся) представляют собой пережиток языческих верований.

⁴⁷ в Швеции... жил колдун по имени Один. См.: Сахо Р. 25. Саксон Грамматик упоминает о человеке по имени Один, которого вся Европа считала богом; этот человек якобы обладал сверхъестественными способностями. Данный сюжет — пример т.н. эвгемеристической интерпретации мифов (по имени ученого Эвгемера, считавшего, что древние боги на самом деле — обожествленные герои). Такая трактовка языческих мифов была в средние века популярна в Европе, в частности в Скандинавии; самые известные примеры — «Сага об Инглингах» и «Младшая Эдда».

⁴⁸ служат Одину. Олаус Петри толкует поговорку буквально, видя в ней пережиток поклонения языческому богу. Но скорее всего, смысл поговорки: «служат черту». В позднесредневековой Европе (не в последнюю очередь, в Скандинавии) языческие божества нередко отождествлялись с чертями, нечистой силой. См. в частности аллегорическую поэму «Игра в Шахматы»: Diäffla äre all hedhninga affgudh... (SMD S. 195).

⁴⁹ ...в нашей шведской хронике... о богине, которая звалась Церера. Не вполне ясно, какую хронику имел в виду Олаус Петри. Церера (в действительности, как известно, античная богиня плодородия) упомянута в «Прозаической хронике», хронике Эрикуса Олаи, а также в «Малой рифмованной хронике». Во всех этих произведениях о Церере сообщается в связи с рассказом о конунге Домальдере: жители страны принесли короля в жертву упомянутой богине, чтобы собрать хороший урожай. Но в «Прозаической хронике» сообщение о Церере искажено: там речь идет о «богине по имени Theræs». В свою очередь, «Малая рифмованная хроника» являлась для Олауса Петри второстепенным источником. Итак, скорее всего, Олаус ссылается здесь на хронику Эрикуса Олаи.

⁵⁰ Водяной — ранненовошвед. Necken. Популярный персонаж европейского и, в частности, скандинавского фольклора.

⁵¹ Кроде (Кродо) — языческое божество, которое германские народы, возможно, переняли у западных славян. Сведения об этом божестве Олаус почерпнул из немецких хроник.

⁵² Еще одно божество... В оригинале (KB D 407) affgudh — «языческий бог», «идол». В некоторых списках — gudh (бог). См.: UUB E 11, E 13; РНБ Швед. F. IV. 2, F. IV. 3.

⁵³ кричат: «Ядут»! Jadut! — в старину у германских народов: возглас отчаяния; присутствует, в частности, в немецком переводе Библии, выполненном Лютером, а также в одной из шведских рифмованных хроник. В то же время немецкие хронисты Херман Корнер и Альберт Кранц сообщали о языческом боге по имени Ядут. На этих сведениях, очевидно, и основывался Олаус Петри. Ср.: Westin G.T. Historieskrivaren Olaus Petri. S. 143–144.

⁵⁴ Другие языческие божества в Швеции не упоминаются. У Эрикуса Олаи упомянута также «Диана» (см. ниже примеч. 122). В основном же наблюдение справедливо: в позднесредневековой Швеции

сохранилась память лишь о нескольких языческих божествах. В этом отношении Швеция существенно отличалась от Исландии, где память и о других мифологических персонажах, таких как Локи и Бальдр, хранилась в течение всего средневековья.

⁵⁵ *Крестьянская или «бондовская» церковь (Bondekyrkan).* В средневековой Швеции было несколько церквей с таким названием. Здесь имеется в виду церковь Святой Троицы в Уппсале, расположенная неподалеку от кафедрального собора.

⁵⁶ *некоторые полагают... шведское королевство... являлось пятью королевствами.* Ср.: *Ericus Olai. Chronica* S. 33.

⁵⁷ *...подробно описано в хрониках — в хронике Эрикуса Олан, в «Хронике Эрика», и др.*

⁵⁸ *Эресунн (также Зунд) — пролив, соединяющий Балтийское и Северное моря.*

⁵⁹ *Халланд — область на юго-западе Скандинавского полуострова. ...согласно нашей книге законов, он является частью Швеции.* Речь, несомненно, идет об одной из статей средневекового шведского законоуложения — Ландслага. Там говорится о том, как надлежит проводить военный смотр в различных шведских областях; в числе этих областей упомянут Халланд. Однако нужно иметь в виду, что Ландслаг создан при короле Магнусе Эрикссоне, в правление которого юг Скандинавского полуострова временно перешел под власть шведской короны. Кроме того, из указанной статьи не следует с очевидностью, что Халланд считался областью, подвластной шведскому королю: из нее ясно лишь, что в Халланде имелись представители рыцарства — вассалы шведской короны. Показательно, что в перечне шведских областей (с которого начинается Ландслаг) Халланд не упоминают. Ср.: Швеция и шведы в средневековых источниках. С. 194—196, 205.

⁶⁰ *...как правило, называли себя королями свеев, и лишь изредка — королями ётов.* В кодексе D 407 указанная фраза приобрела такой вид в результате правки, по-видимому, носившей уточняющий характер. Изначально было написано, что конунги называли себя только (aleenast) королями свеев, и никогда (icke) не именовали себя королями ётов. При правке рукописи aleenast было исправлено на aldramest («по большей части»), icke на sellan («изредка»). Первоначальный вариант присутствует в списках, относящихся к ранней редакции: KB D 407a, D 407b, D 409, D 410, D 17, D 23; UUB W 251, N 140, N 141 etc.; РНБ Швед. F. IV. 1.

⁶¹ *Наши шведские хроники... разъясняют, что за страна — Швеция.* Речь идет о хронике Эрикуса Олан, о «Прозаической хронике», а также о рифмованных хрониках. Подобные разъяснения были данью общей для Европы историографической традиции, уходящей корнями в античность. Они имелись и в хрониках соседей Швеции — в «Деяниях данов» Саксона Грамматика, в сочинении неизвестного норвежского автора «Historia Norvegiae».

⁶² *Неслыханно много меди, железа, свинца.* В основе сообщений о шведском изобилии — фрагмент хроники Адама Бременского. Позднее

средневековые шведские авторы вносили изменения в приведенные там сведения, сообразуясь с историческими реалиями. Например, по Адаму, в Швеции добывалось золото и серебро. Автор «Прозаической хроники» добавил к этим металлам железо и медь. Эрикус Олаи изъясил из перечня золото, но добавил свинец. Олаус Петри удалил из списка серебро. Действительно, серебро в Швеции добывалось в ограниченных количествах; Швеция постоянно импортировала этот металл.

⁶³ было ввезено так много английской монеты... Действительно, в эпоху викингов и в собственно средневековую эпоху в Скандинавию в больших количествах ввозилась английская монета.

⁶⁴ ласт — крупная мера веса и объема (варьировалась в зависимости от региона и от типа товара). См.: Сванидзе А.А. Средневековый город. С. 312.

⁶⁵ в обращении находилась весьма хорошая монета... со временем монета... обесценилась... Эти сведения подтверждаются исследованиями современных ученых. См., в частности: Сванидзе А.А. Средневековый город. С. 319—320.

⁶⁶ те из наших хронистов, которые писали более или менее разумно и основательно... Имеется в виду в первую очередь Эрикус Олаи.

⁶⁷ «Датская хроника» — здесь: «Деяния данов» Саксона Грамматика. Позднесредневековые авторы как правило знакомились с этим трудом по его краткой, упрощенной версии, так называемой *Compendium Saxonis*. Именно эту версию использовал, в частности, Эрикус Олаи. Олаус Петри, по-видимому, был знаком и с *Compendium Saxonis*, и с полной версией труда Саксона.

⁶⁸ ...о чем речь пойдет ниже. Во многих списках (в т.ч. РНБ Швед. F. IV. 1, F. IV. 4) предисловие дано в краткой (ранней) редакции: после указанной фразы следует заключительное предложение: «И все сказанное да послужит небольшим вступлением...», и предисловие на этом заканчивается. Ср.: *Lundmark E. Redaktionerna... S. 48—52, 73—75.*

⁶⁹ эта хроника написана ради простых людей... Действительно, хроника Олауса Петри написана простым, доступным языком, демократична по духу и содержанию. Из рукописей XVI—XVII веков видно, что среди читателей хроники были и бюргеры, и дворяне, и священники. Вместе с тем в некоторых фрагментах хроник Олаус обращается к правителям и магнатам; известно, что с хроникой подробно ознакомился Густав Васа. И, наконец, среди читателей хроники было немало ученых мужей, представителей интеллектуальной элиты. См. послесловие.

⁷⁰ Некоторые, однако же, скажут: «Зачем говорить и писать на костях... мертвецов...» Это рассуждение добавлено на поздней стадии редактирования хроники, возможно, в порядке полемики с королем. См. послесловие.

⁷¹ дурных людей... всегда было больше, чем добрых... Эту мысль неоднократно высказывали средневековые богословы.

⁷² «Все, что писано было прежде, написано нам в наставление». Цитата из послания апостола Павла (Рим. 15:4). Она использована вольно: апостол имел в виду Священное Писание, а Олаус Петри — светские

книги. Автор «Шведской хроники» был не первым, кто так распорядился указанной цитатой. В подобном «светском» смысле употребил ее Чосер в «Кентерберийских рассказах»: *Al that is writen is writen for oure doctrine*. См.: *Ferm O. Olaus Petri och den heliga Birgitta*. S. 142.

⁷³ ...мало тех, о ком сказано что-то хорошее. В некоторых списках фраза продолжена: «и много тех, о ком написано дурное» (*och de äro många som ont är skrivit om*). Ср.: UUB E 11, E 12, E 13; РНБ Швед. F. IV. 2, F. IV. 3.

⁷⁴ Согласно нашим хроникам... первый король... звался Эрик. Автор «Прозаической хроники», ссылаясь на Иордана, утверждал, что первый король готов звался Эрик. В действительности, у Иордана сказано, что готы вышли из Скандинавии под предводительством «короля» (вождя) по имени Бериг.

⁷⁵ ...эти три королевства заселили немцы... См. выше примеч. 25.

⁷⁶ ...таким образом... имелось два короля. Этот комментарий добавлен в поздней редакции: в ранних версиях хроники он отсутствует. См. послесловие переводчика. С. 346.

⁷⁷ королевский престол... унаследовал... король Хальдан. Олаус здесь резюмирует сообщение Саксона Грамматика, которое ранее (несколько более подробно) пересказал Эрикус Олаи: на владения короля Хальдана напали 12 братьев-разбойников, родом из Норвегии. Хальдан обратился за помощью к Фриdleфу (сыну конунга Фроде), который в то время воевал на Руси. Хальдан также сообщил Фриdleфу, что его отец умер и что Дания захвачена врагом. Вместе Хальдан и Фриdleф одолели противников и стали править каждый своим королевством.

⁷⁸ А шведская хроника утверждает... королевство унаследовал Гольдерик. «Прозаическая хроника» сообщает, что сыном и преемником Эрика Мудрого был Годерик — якобы тот самый король, которого именуют Теодорихом. Эрикус Олаи сопоставил эту версию с сообщением Саксона. «Доктор Эрик» предположил, что Хальдан и Годерик правили один за другим или одновременно. Эрикуса Олаи не удивило, что Годерика называли Теодорихом: ведь иноземные авторы часто искажали готские имена. Однако, уточнил «доктор Эрик», речь идет не о Теодорихе, который правил Италией, поскольку тот жил значительно позже.

⁷⁹ Филимер Великий, которого хронисты восхваляют за доблесть... Завоевания Филимера восхваляются в «Прозаической хронике», «Малой рифмованной хронике» и хронике Эрикуса Олаи. Но у Эрикуса Олаи присутствует также упрек в адрес этого короля: воюя за пределами страны, он не уделял внимание внутренним делам. См.: *Ericus Olai. Chronica* S. 39. См. также послесловие. С. 359.

⁸⁰ Упоминается, что Филимер был королем готов... Олаус Петри был знаком с трудами историков, которые заимствовали сведения из «Гетики» Иордана, а также, по-видному, использовал первоисточник. По Иордану, Филимер был пятым королем готов. Под его предводительством часть готов покинули Скандинавию («Скандзу») и переселились в Скифию.

⁸¹ Датская хроника сообщает о короле, который... звался Сивард... Эрикус Олаи, пытаясь согласовать сведения Саксона Грамматика с сообщениями других источников, предположил, что Сивард правил страной, временно замещая Филимера, который воевал на чужбине. См.: *Ericus Olai. Chronica. S. 39.*

⁸² См.: *Gesta danorum P. 181 etc.; Comp. Sax. S. 300—301.*

⁸³ ...в его правление было... постановлено, что королевский престол должен находиться в Уппсале. Так — по Эрикусу Олаи. По «Прозаической хронике» — в Старой Уппсале. В связи с этим упоминанием автор «Прозаической хроники» вставил в повествование рассказ об Уппсальском храме, основанный на хронике Адама Бременского. См. выше примеч. 41.

⁸⁴ ...правили так хорошо, что простые люди почитали их наравне с богами. См. «Прозаическую хронику» (*SRS I. S. 241*) и хронику Эрикуса Олаи (*Ericus Olai. Chronica. S. 41*). ...Неарк умер, и Фроде правил один. Так по Эрикусу Олаи (*Ericus Olai. Chronica. S. 42*).

⁸⁵ ...шведские хроники приписывают шведскому Фроде те же добродетели, которыми датчане наделяют своего Фроде. Действительно, образ шведского конунга Фроде, по Эрикусу Олаи, «ревнителя справедливости и поборника мира» (*iustitie zelator et pacis amator*), имеет немало общего с образом датского короля Фроде III Мирюлюбивого в хронике Саксона Грамматика. По Саксону, Фроде Мирюлюбивый крепил мир, заботился о подданных, защищал их от произвола.

⁸⁶ «Мир Фроде» (*Froda frid*) — в древних шведских памятниках — «благословенное время», «золотой век». Выражение употреблялось и в новое время, как метафора с оттенком иронии.

⁸⁷ *Patres patrie* — «отцы отечества». Так римские классики Цицерон, Вергилий, Тит Ливий называли выдающихся государственных деятелей. Наименование *patres patriae* употреблялось и как официальный титул, который римский сенат присваивал прославленным гражданам (в основном императорам).

⁸⁸ ...поставил королем... пса. См. *Ericus Olai. Chronica. S. 42.*

⁸⁹ ...человека, который дал этого пса норвежцам в короли, звали Гуннар... По Саксону, «самый отважный из шведов» Гуннар победил норвежцев и наказал их за малодушие: поставил над ними королем пса и заставил должностных лиц Норвегии делать распоряжения от имени этого «короля». См.: *Gesta Danorum. P. 200; Comp. Sax. S. 308—309.* Ср.: *Ericus Olai. Chronica. S. 42.*

⁹⁰ Сольм... — у Эрикуса Олаи правильнее: Фьольм (от др.-исл. *Fjölfnir*). ...утопили его в чане с медом. Ср.: *Ericus Olai. Chronica. S. 42; SRS I. S. 243.* Отмеченный сюжет, как и ряд других сюжетов в начальной части «Шведской хроники» восходит к исландско-норвежской традиции. Подробно данная история рассказана в «Саге об Инглингах»: Круг земной. С. 16.

⁹¹ Хундинг... утонул в меду. По Саксону, шведский король Хундинг, услышав о смерти противника, датского короля Хадингга, на радостях устроил пир. Поскользнувшись, Хундинг упал в чан с пивом и

захлебнулся. См.: Saxo P. 34; Comp. Sax. S. 229. Олаус Петри справедливо отмечает сходство рассказов о гибели Фьельнира-Сьольма и Хундинга.

⁹² ...рука вошла в камень по локоть. По исландским и норвежским источникам, конунг Сверкер, идя следом за карликом, вошел в скалу и не вернулся. По шведским памятникам, король ударил по камню так, что рука застряла в камне. Версия Олауса Петри близка к версии «Малой рифмованной хроники»: *Til min alboga uthi en sten, / Sloo jak min hand förutan meen* (SRS S. 243). В «Прозаической хронике» конунг «ударил по камню так, что застряла рука» (*slogh sina handh i en hall och hon fastnadhe*) (SRS S. 243). Аналогичная версия у Эрикуса Олаи. Так или иначе, и Эрикус Олаи, и Олаус Петри были убеждены, что упомянутый рассказ — небылица. См.: *Ericus Olai. Chronica. S. 42; OPSS IV. S. 21.*

⁹³ Готы... убили императора Деция. По мнению Вестина, сведения о борьбе готов с Децием заимствованы из хроники Кариона (*Westin G.T. Historieskrivaren Olaus Petri. S. 151*). Подробно об этой борьбе рассказано в «Гетике» Иордана.

⁹⁴ Валандер... его загнала насмерть Мара. В германских и славянских поверьях Мара — злой дух, ведьма, которая по ночам душит спящих. Если человек умер во сне от удушья или страдал от кошмара, говорили (и говорят по сей день), что Мара оседлала его и загнала. С именем Мары принято связывать происхождение слов, означающих кошмар (ср. швед. *tardröm*, англ. *nightmare*, франц. *cauchemar*). Упоминание о том, что Мара задушила Валандера, имеется и в «Саге об Инглингах». См.: Круг Земной. С. 17.

⁹⁵ ...принесли в жертву богине, которая звалась Церера. Сюжет взят из хроники Эрикуса Олаи (см. примеч. 49). Шведские авторы позаимствовали этот сюжет у западноскандинавских предшественников. Конкретно «Церера» упомянута в «Истории Норвегии»; вероятно, имелась в виду Фрейя. См. примеч. издателей к хронике Эрикуса Олаи: *Ericus Olai. Chronica. S. 198*. Ср.: Круг земной. С. 18.

⁹⁶ поставил... королем... пса по имени Ракка... Все это... описано в Шведской хронике... См.: *Ericus Olai. Chronica. S. 42.*

⁹⁷ Дагер... хотел заставить датчан платить ему дань... Так по шведской версии описываемых событий. По исландским и норвежским источникам, Дагер (Дар) выступил в поход, чтобы отомстить за смерть любимого воробья.

⁹⁸ ...убил Альрика уздечкой. В саге об Инглингах говорится: братья все время спорили, кто лучший наездник; из-за этого спора и случилось убийство. В «Истории Норвегии» это объяснение опущено. Возможно, в связи с этим в шведских хрониках появилось иная интерпретация: братья враждовали из-за власти.

⁹⁹ Ингемар... жена повелела повесить его на позолоченной цепи. Олаус, судя по всему, комбинирует сведения из хроники Эрикуса Олаи и «Прозаической хроники». Рассказ восходит к западноскандинавским источникам, где приведено другое имя короля: Хогни или Агни. С этим именем связано название островка, где была совершена расправа, —

Агнафит. Судя по описанию в саге, Агнафит действительно находился там, где впоследствии был основан Стокгольм. Ср.: *Сванидзе А.А. Средневековый город. С. 116.* Любопытна деталь: по «Истории Норвегии» и по хронике Эрикуса Олаи жена своими руками повесила злопучного конунга. По Олаусу Петри, у жены короля имелись помощники: эта версия ближе к варианту, который привел Снорри в «Саге об Инглингах».

¹⁰⁰ *Ингеллер; ходили дурные слухи о его жене... А некоторые полагают, что брат... хотел стать королем...* Первая из версий убийства конунга Ингеллера приведена в хронике Эрикуса Олаи и основана на исландско-норвежской традиции. Вторая версия, возможно, основана на «Малой рифмованной хронике»: *Min Broder giorde moot mik ey vål / Ta jak var konung, slog han mik ihial* (SRS I. S. 254). «Та» (ср. совр. шведск. *då*) означало и «когда» и «поскольку». Имя жены конунга Бера, означает «медведица». У Снорри сказано, что Бера «была очень красивая и достойная женщина и любила повеселиться» (Круг земной. С. 21).

¹⁰¹ *Йерундер... распустил шведское войско.* Это шведская версия легендарных событий. По исландско-норвежским сагам, датчане одолели войско конунга Ёрунда, захватили конунга в плен и повесили. Однако «История Норвегии» не упоминает о поражении шведов; возможно, этим воспользовались шведские хронисты, по-новому обработав легенду.

¹⁰² *король по имени Альвер* — легендарный король, упомянут Саксоном Грамматиком. В числе прочего Альверу приписывались сражения с рутенами (русскими), т.е. с восточными славянами. См.: Сахо. Р. 203.

¹⁰³ *Хакон Ринг... стал королем.* Описывая легендарное противостояние конунгов Харальда и Хакона Ринга, Олаус Петри основывался преимущественно на хронике Эрикуса Олаи, который заимствовал этот эпизод из *Compendium Saxonis*. Олаус сверил рассказ Эрикуса Олаи с хроникой Саксона Грамматика (ср.: Сахо. Р. 114–120), сократил и отредактировал. Очевидно, что для Швеции указанная история имела политическое значение, в частности могла использоваться как аргумент, подтверждающий справедливость притязаний на область Сконе.

¹⁰⁴ *Так Хакон Ринг отомстил...* Цифру датских потерь (30 тыс. отборных воинов, не считая прочего люда) Олаус заимствовал непосредственно у Саксона Грамматика, а не у Эрикуса Олаи, который привел иные данные: 24 тыс. человек. Есть еще одно отличие: на рассказ Эрикуса Олаи о поражении датчан и гибели короля Харальда повлияли библейские тексты (II и III Книги Царств). В аналогичном фрагменте хроники Олауса Петри указанные аллюзии отсутствуют.

¹⁰⁵ *Готы... убили императора Валента.* Этот сюжет известен в первую очередь благодаря «Гетике» Иордана. Как указывает Г. Вестин, Олаус в данном случае, по-видимому, опирался на хронику Кариона. См.: *Westin G.T. Historieskrivaren Olaus Petri. S. 152.*

¹⁰⁶ *Эгиль Вендельская ворона.* В Саге об Инглингах прозвище приписывается сыну Эгиля Оттару; относительно происхождения прозвища см.: Круг земной. С. 26, 596. В подробностях история указанного легендарного короля изложена в «Саге об Инглингах», вкратце в «Истории

Норвегии, в «Прозаической хронике», в труде Эрикуса Олаи. В исландско-норвежской традиции Тунни (на шведский манер Тонне или Тённе) — раб короля Эгиля; в шведской «Прозаической хронике» — служилый человек, слуга (sven): так, видимо, шведский автор интерпретировал латинское servus («раб», «слуга»). *Его забодал бешеный бык...* Ср.: Круг земной. С. 25; *Ericus Olai. Chronica. S. 44; SRS I. S. 243.*

¹⁰⁷ *Фроде... забодала корова...* Ср.: Saxo. P. 142. По Саксону, Фроде Миролобивого убила колдунья, принявшая обличье морской коровы (лат. *bos maritima*; ср. датск. *søko*). Это животное в действительности не имеет рогов или бивней. В хронике Саксона морская корова наделена чертами сказочного чудовища.

¹⁰⁸ *Датская хроника это... отрицает.* Ср. Saxo. P. 229.

¹⁰⁹ *все убеждены, что готы происходят из Швеции...* См. послесловие. С. 357–359.

¹¹⁰ *повергли двух императоров...* См. примеч. 93 и 105.

¹¹¹ *король готов Радгаст.* Сведения о нем Олаус, видимо, почерпнул из хроники Кариона. См.: *Westin G.T. Historieskrivaren Olaus. Petri. S. 152–155.* Ср. примеч. 93 и 105.

¹¹² *Вальскеланд* — так в древнешведских источниках часто именовалась Италия. Несмотря на внешнее сходство, указанный термин отличен от исландско-норвежского Валланд («Франция», «Страна франков»).

¹¹³ *Альрик* — здесь: предводитель готов Аларих.

¹¹⁴ *Адольф* — здесь: Атаульф, родич Алариха. Ср.: *Getica. C. 91.*

¹¹⁵ *Плацида* — Плацидия, сестра императора Гонория, дочь императора Феодосия. Ср.: *Getica. C. 91.*

¹¹⁶ *Зенон... отправил готов в Вальскеланд...* Речь идет о походе Теодориха в Италию. Ср.: *Getica. C. 116–118.*

¹¹⁷ *Тидрик* — Теодорих.

¹¹⁸ *Верона, а по-немецки... Берн.* В данном случае Берн — старинное немецкое название итальянского города Вероны.

¹¹⁹ *Виттих* — предводитель готов Витигес. См.: *Getica. C. 120–121.*

¹²⁰ *убил... брат, которого звали Фасте.* Ср.: *Ericus Olai. Chronica. S. 45.*

¹²¹ *...повелел убить некоего Сиббе...* По Саксону, конунг Готар заявил, что Сиббе обольстил его сестру. Родичи, мстя за погибшего, помогли конунгу Иармерику свергнуть Готаря.

¹²² *Адильс, сын Октара... упал с лошади.* В хронике Эрикуса Олаи и в «Истории Норвегии» сказано, что лошадь Адильса споткнулась возле храма Дианы (здесь, очевидно: святилища богини Фрейи). Ср. примеч. 54. С. 250 наст. издания.

¹²³ *Эстен... сожгли друзья.* По «Кругу земному», сожгли враги, конунг Сёльви со своими воинами; владения этого Сёльви, согласно саге, находились в Ютландии. По «*Historia Norvegiae*», конунга сожгли гауты (здесь: либо ёты, либо юты). Эрикус Олаи, не вдаваясь в подробности, сообщает, что конунга сожгли враги (*emuli sui*). Видимо, Олаус Петри по-своему интерпретировал это указание: латинское слово *emulus* означает не только «соперник», но и «сторонник». Таким образом, «местер Улоф» решил, что короля сожгли его собственные сподвижники.

¹²⁴ *Король по имени Снё... силой увез жену шведского короля...*

Олаус упоминает легенду, рассказанную Саксоном Грамматиком: датский конунг Снё при помощи верного человека, переодетого нищим, выкрал возлюбленную — ётскую принцессу, выданную замуж за свейского короля. Этот поступок, по Саксону, повлек за собой затяжные войны между свеями и датчанами, в которых успех сопутствовал то одной, то другой стороне.

¹²⁵ *Эти люди стали называться лангобарды...* Сведения о лангобардах в данном случае почерпнуты из *Compendium Saxonis* и дополнены данными других источников. См.: *Westin G.T. Historieskrivaren Olaus Petri. S. 128*. См. также примеч. 139—141.

¹²⁶ *исход... произошел в триста восьмидесятом году.* Указанную дату Олаус, видимо, почерпнул из сочинения Кранца «Вандалия». См.: *Westin G.T. Op. cit. S. 128*.

¹²⁷ *Некоторые... утверждают, что лангобарды... жили в Германии.* Олаус Петри мог иметь в виду сочинения Тацита либо Павла Диакона. См.: *Westin G.T. Op. cit. S. 169*.

¹²⁸ *Некоторые полагают, что лангобарды — это саксонские немцы.* Указанное мнение Олаус почерпнул из комментария Меланхтона к «Германии» Тацита. См.: *Westin G.T. Historieskrivaren Olaus Petri. S. 166*.

¹²⁹ *Ингемар... свершил много деяний в Дании...* Олаус воспроизводит версию Эрикуса Олаи, который, почерпнул ее из «Прозаической хроники».

¹³⁰ *Брентемундер* (исл., норв. Браут-Анунд). О том, что он был убит братом Сивардом, говорится в «*Historia Norvegiae*», в «Прозаической хронике» и в труде Эрикуса Олаи. Саги об этом убийстве не упоминают.

¹³¹ *когда святой Ансгарий... прибыл в Швецию и проповедовал... христианскую веру.* Олаус Петри основывается здесь в первую очередь на житии Ансгария. Рус. перевод жития см.: Швеция и шведы. С. 11—86.

¹³² *несомненно... Бьёрн...* Средневековые шведские источники по-разному освещают появление первых миссионеров в Швеции. Так, по «Прозаической хронике» первыми миссионерами являлись Стафан и Адальвард, которых пригласил король Стенкиль. Олаус Петри отдает предпочтение версии, содержащейся в житии Ансгария.

¹³³ *...к императору Людовику — к франкскому императору Людовику Благочестивому, сыну Карла Великого.*

¹³⁴ *...в восемьсот сорок пятом году... прибыл в Бьёркё.* На то, что приведенная Олаусом дата не совпадает с датой, приведенной в Житии Ансгария (около 830 г.), обратил внимание уже первый исследователь «Шведской хроники» Керальо. Дата «845 год» приведена Олаусом по шведским источникам. Она неоднократно упомянута Эрикусом. Олаи, а также присутствует в анналах. См.: *Ericus Olai. Chronica. S. 45, 50—51; Paulsson G. Annales. S. 374*. Ср. послесловие. С. 368 наст. издания.

¹³⁵ *Пробыв в Швеции полтора года, он уехал назад...* Эти сведения восходят к житию Ансгария, где употреблено необычное выражение *alter dimidium annum*, возможно, калька с нем. *anderthalb Jahr* («полтора

год»). В средневековых шведских памятниках (шведском переводе Жития Ансгария, латиноязычных литургических текстах) выражение интерпретировалось как «полтора года». Олаус Петри следует этой трактовке. Ср.: Рыбаков В.В. Известия о Скандинавии... С. 205–206.

¹³⁶ Симон — в миру Гаутберт. Помощник и заместитель Ансгария. Был рукоположен Ансгарием в епископы.

¹³⁷ Ингеллер — в исландско-норвежской традиции Ингьяльд Коварный. Согласно «Historia Norvegiae», «Прозаической хронике» и труду Эрикуса Олаи, сын и преемник Брентемундера. Олаус Петри изменил последовательность изложения, вставив рассказ о конунге Бьёрне и миссионере Ансгарии, основанный на житии.

¹³⁸ Ивар Широкие Объятья — по сагам, отомстил Ингьяльду Коварному за смерть отца и дяди, в гибели которых была повинна Аса Коварная, дочь Ингьяльда.

¹³⁹ ...повелел сжечь себя... Сага и скальдическая виса преподносят этот легендарный поступок как геройство: конунг, видя, что силы неравны, поджег палаты и сгорел в них вместе со своими людьми. Но «Historia Norvegiae», «Прозаическая хроника» и хроника Эрикуса Олаи содержат иную трактовку: конунг проявил малодушие, испугался врагов. Этой трактовке следует и «местер Улоф».

¹⁴⁰ ...этих людей называли норманнами. По мнению Г. Вестина, источником сведений о норманнах стала для Олауса Петри латинская хроника Павла Эмилия «О деяниях франков» (Westin G.T. Historieskrivaren Olaus Petri. S. 175–176). Легко убедиться, что представления Олауса Петри о норманнах отличаются от нынешних воззрений. Олаус расценивает экспансию норманнов как кратковременное явление; сейчас в ней принято видеть содержание целой эпохи, важной для истории Европы.

¹⁴¹ Полчище гуннов — в позднесредневековой Скандинавии выражение «полчище гуннов» (hunnehär) фактически означало: «орда». Известно, что так образно именовались отряды восставших крестьян.

¹⁴² из Руси — т.е. из Восточной Европы (через которую пролегал путь гуннов из Азии в Центральную Европу).

¹⁴³ Хуннегорд (Хунгард) — согласно западноевропейским источникам, одно из названий «Руси» (т.е. восточнославянских земель). Упомянуто в хрониках Адама Бременского и Гельмольда; вероятно, являлось широко известным.

¹⁴⁴ князь саксов по имени Брун — сведения о том, что от имени указанного князя происходит название «Брунsvик» (см. примеч. 168) почерпнуты из хроники Кранца «Саксония». См.: Westin G.T. Historieskrivaren Olaus Petri. S. 175.

¹⁴⁵ Брунsvик — старинное нижнесаксонское название Брауншвейга. Было распространено также у скандинавов и англичан.

¹⁴⁶ Нормандия — герцогство Нормандское, первым герцогом которого был, как известно, предводитель норманнов Роллон.

¹⁴⁷ Олаф Лесоруб. Этому конунгу приписывали расчистку лесов: отсюда прозвище (Круг земной. С. 34). В «Истории Норвегии» и в швед-

ских хрониках об Олафе Лесорубе упомянуто вкратце: сказано, что он правил долго и мирно, умер в преклонном возрасте.

¹⁴⁸ *Хальдан Белоногий*. Легендарный конунг. Предлагаемый перевод прозвища представляется более правильным, чем перевод «Хальдан Белая Кость», содержащийся в русском переводе «Круга Земного».

¹⁴⁹ *От него пошел норвежский королевский род*. Этот род назван в честь потомка Хальдана Харальда Прекрасноволосого (Харфагра); иногда именуется «династия Харфагров». Согласно норвежской нарративной традиции, Харальд Прекрасноволосый был первым из конунгов указанного рода, правившим всей Норвегией.

¹⁵⁰ *Инге — брат Хальдана*. В «Круге земном» упомянут как конунг Вермланда, т.е. «малый король», правитель области.

¹⁵¹ *Эрик Ветряная Шапка* См. «Прозаическую хронику» (SRS I. S. 244), хронику Эрикуса Олаи (*Ericus Olai. Chronica. S. 45*).

¹⁵² *Затем королем стал Эрик Победоносный*. В отношении хронологии событий Олаус в данном случае отказывается следовать Эрикусу Олаи, у которого за Эриком Ветриной Шапкой следовал Амунд Мерзкий (см. примеч. 213). Ориентиром для Олауса, возможно, в данном случае послужила «Прозаическая хроника». Но сведения об Эрике Победоносном «местер Улоф» все же позаимствовал у Эрикуса Олаи.

¹⁵³ *воевал и с королем Дании Свеном* — т.е. с конунгом Свеном Виллборордом.

¹⁵⁴ *Эрик Орсэль... кроткий король Стенкиль*. По Эрикусу Олаи — Эрик Орсэль, он же Стенкиль I. Прозвище короля «Кроткий» (*hin milde*) Олаус позаимствовал из каких-то других источников. Это был распространенный эпитет благочестивых королей. Ср. примеч. 384.

¹⁵⁵ *направил гонца к Гамбургскому или Бременскому епископу...* Далее приведена (в сокращенном виде) история обращения короля Стенкиля в христианство. Она была рассказана Адамом Бременским и позаимствована у него позднейшими хронистами. Подробно см. после словие переводчика. С. 364 наст. издания.

¹⁵⁶ *Сигтуна* — один из древнейших шведских городов. Расположена в Центрально-Восточной Швеции, на озере Меларен. Являлась резиденцией Олафа Шётконунга. Упомянута во многих древних источниках, в том числе в сагах.

¹⁵⁷ *пожертвовано... семьдесят марок серебра*. Упоминание об этом пожертвовании содержится в хронике Адама Бременского. Оттуда оно было позаимствовано автором «Прозаической хроники» и Эрикусом Олаи.

¹⁵⁸ *Из этого... следует, что многие обратились... в христианскую веру*. Олаус Петри (как и предшественники, которые комментировали эпизод) не учитывал, что речь идет об эпохе викингов, когда у скандинавской знати скапливались огромные богатства. Указанное пожертвование (если оно действительно имело место) вполне мог сделать один человек, или же небольшая группа людей.

¹⁵⁹ *Не было и крупных торговых городов...* В какой-то степени исключением можно считать Бирку, которая являлась крупным торгово-ремесленным поселением.

¹⁶⁰ *Из эстётской книги законов, где говорится об эре вадмаля и марке вадмаля...* В областных законах Эстерьётланда, в разделе об убийствах определен штраф за убийство раба: три марки деньгами, или три марки вадмалем (грубым домотканым сукном) по 12 альнов за каждый эре. В счет штрафа можно было также отдать четырех быков или четырех коров. См.: ÖgL S. 63, 65, 130.

¹⁶¹ *альн* — старинная мера длины (около 60 см.). Подробно см.: Сванидзе А.А. Средневековый город. С. 314—315.

¹⁶² *торговля... в чёпингах, сиречь торговых местечках.* Относительно этой торговли см.: Сванидзе А.А. Средневековый город. С. 268—269.

¹⁶³ *Бирка, Сигтуна и Скара.* Эти три города были упомянуты еще Адамом Бременским, а впоследствии многими авторами Северной Европы.

¹⁶⁴ *монетой высокой пробы...* см. выше, примеч. 65.

¹⁶⁵ *...деньги, именуемые стерлингами.* В некоторых списках (ранняя редакция) далее следует: «но я не знаю, какого они были достоинства» (men huru stort det var, vet jag icke). Ср.: KB D 407b; РНБ. Швед. F.IV.1.

¹⁶⁶ *...монета стала настолько различаться...* Перевод дан по версии, присутствующей в большинстве списков (в том числе во всех четырех петербургских): och blev så åtskilnad i myntet. Вариант KB D 407 — åtskild af i myntet — бессмыслица, возникшая вследствие ошибки переписчика — редактора рукописи.

¹⁶⁷ *о марке двух видов: выкупной и платежной...* Областные законы (которые имел в виду Олаус Петри) записаны в эпоху, когда шведская монета (эртуги, пеннинги) значительно обесценилась: деньги с высоким содержанием серебра изымались из обращения и заменялись на новые, более низкой пробы. Соответственно увеличивалась разница между «весовой» маркой с фиксированным содержанием серебра, и денежной, нарицательной маркой — условной единицей, которая делилась на более мелкие, эртуги и пеннинги (деньги, которые реально находились в обращении). В некоторых случаях законы, определяя сумму штрафа, оговаривали, что речь идет о ходовой монете соответственно номиналу. В законах Упланда такие деньги назывались «платежными», букв.: «годными для покупки» (körgilla). В некоторых случаях (например, при выкупе раба или при уплате виры за его убийство) по закону полагалось платить старыми, полноценными деньгами — серебром высокой пробы. В Упландслаге такие полноценные деньги назывались karlgilla — «годные для [выкупа] человека». Можно было также расплатиться товаром — сукном или рогатым скотом; такие товары, имевшие устойчивую цену, использовались как платежное средство. См.: UL S. 64, 79; ÖgL S. 63, 72; ср.: Сванидзе А.А. Средневековый город. С. 317—322. См. также примеч. 356. С. 278 наст. издания.

¹⁶⁸ Похоронили Адельварда в Бьёркё. См.: «Прозаическую хронику» и хронику Эрикуса Олаи (SRS I S. 245; *Ericus Olai. Chronica.* S. 47).

¹⁶⁹ Нуральская (Нурральская) церковь — приходская церковь в Северо-Восточной Швеции; там похоронен миссионер-мученик Стафан.

¹⁷⁰ Олоф Скотконунг (Шётконунг) — шведский король, сын Эрика Победоносного. Правил в конце XI — начале XII в. Ему приписывалось объединение Свеаланда и Ёталанда (историки высказывали сомнения относительно этих сведений). Покровительствовал миссионерам; чеканил монету с христианской символикой.

¹⁷¹ король Милдред — по-видимому, вымышленный персонаж. Иногда его отождествляют с королем Этельредом Нерешительным (978—1016). См.: Швеция и шведы. С. 140 примеч. 2.

¹⁷² Святого Сигфрида, Святого Эскиля, Святого Давида... Святой Сигфрид — английский миссионер, по традиции считается крестителем Швеции. Согласно житию Сигфрида, он являлся архиепископом Йоркским, проповедовал на юге Швеции — в области Вэрэнд, а также в Центрально-Восточной Швеции, в области Упланд. Подробно о нем: Швеция и шведы. С. 129—154. Святой Эскиль и святой Давид — английские монахи. Эскиль проповедовал в Восточной Швеции, где принял мученическую смерть: местные жители, которых он пытался обратить в христианство, забили его камнями. Давид проповедовал в Вестманланде; упомянут в источниках как первый епископ Вестеросский.

¹⁷³ «Сигфридов источник» — по распространенной версии, находился в Вестерётланде, близ королевской усадьбы Хусабу.

¹⁷⁴ Олоф Скотконунг считается первым христианским королем нашей страны. Он назван таковым в ряде источников, в том числе в перечне христианских королей Швеции. См., в частности: Три вестьетские хроники / Пер., примеч. С.Д. Ковалевского // Средние века. М., 1982. Вып. 45. С. 304—316.

¹⁷⁵ ...запрещается верить в рощи... См. примеч. 40.

¹⁷⁶ налог в пользу Рима — «ромскотт»... Так называемый денарий Святого Петра — церковный налог Риму: деньги, собранные с прихожан и отсылаемые в папскую курию.

¹⁷⁷ ...языки... мало отличались... Это рассуждение отсутствует в ранней редакции хроники. Ср.: РНБ Швед. F. IV. 1.

¹⁷⁸ Тот самый король Свен... См. примеч. 153.

¹⁷⁹ Олаф Трюгьясон — Олав I Трюгвасон, король Норвегии (995—1000). По сагам, в юности пребывал на Руси, при дворе князя Владимира I. Возмужав, покинул Русь и руководил морскими походами; во время одного из походов принял крещение. Впоследствии стал конунгом Норвегии, где насаждал христианство. Погиб в 1000 г. в морском сражении против объединенного флота короля Олофа Шётконунга, датского короля Свена Виллобородого и норвежского ярла Эйрика.

¹⁸⁰ к матери шведского короля... Имеется в виду Сигрид Гордая; в позднесредневековых источниках упоминается также как Сигрид Богатая. По сагам, Сигрид была королевой Швеции, женой Эрика Победоносного, матерью Олофа Шётконунга. Саги сообщают, что Эрик Побе-

доносный развелся с Сигрид и сделал ее наместницей в ётских областях. Ее руки добивались многие; в конце концов она согласилась стать женой Олава Трюггвасона. Помолвка расстроилась; Олав и Сигрид стали врагами. Сигрид вышла за Свена Вилобородого; по ее наущению Свен Вилобородый и Олоф Шётконунг начали войну против Олава Трюггвасона, которая привела к поражению и гибели этого короля. В историографии сведения о Сигрид стали предметом исследований и дискуссий.

¹⁸¹ ...великий проповедник по имени Поппон... В ранней редакции он назван «великий человек и выдающийся проповедник» (en märklig man och synnerlig predikare). Ср.: РНБ Швед. F.IV.1. По преданию, миссионер Поппон обратил датчан в христианство, пронеся в руках раскаленное железо и оставшись невредимым. Эта легенда содержится во многих хрониках. Олаус Петри, по всей видимости, знал ее по хроникам Эрикуса Олаи и Саксона Грамматика. См., в частности: *Ericus Olai, Chronica*. S. 46, 49, 51. См. также: Швеция и шведы. С. 105–106.

¹⁸² Олав Трюгьясон был первым христианским королем Норвегии. Образ Олава Трюггвасона в источниках сильно различается. По Адаму Бременскому, этот король был язычником. Саги изображают Олава Трюггвасона ревностным христианином, но при этом жестоким, своевольным королем. Согласно «Истории Норвегии», до крещения Олав был тираном, крестившись, стал праведником. По Эрикусу Олаи, Олав Трюггвасон был христианином лишь по названию (*solo nomine Cristianus*). Олаус Петри не присоединился к этому мнению и сообщил, что Олав Трюггвасон являлся первым христианским королем своей страны.

¹⁸³ английский проповедник по имени Бернارد... Упомянут Саксоном Грамматиком, который приписывает этому проповеднику крещение Олава Трюггвасона и Олофа Шётконунга. Эти сведения, опираясь на *Compendium Saxonis*, изложил Эрикус Олаи. См.: *Ericus Olai. Chronica*. S. 49, 51–52, 55. Ср.: Швеция и шведы. С. 110, примеч. 80.

¹⁸⁴ Харальд Гренландец — конунг, отец Олава Харальдссона Святого, правнук Харальда Прекрасноволосого.

¹⁸⁵ Он был сожжен по распоряжению королевы Сигрид. По саге, Сигрид Гордая допьяна напоила женихов — конунга Харальда Гренландца и славянского князя Виссавальда (Всеволода), а затем распорядилась, чтобы их сожгли заживо. Сигрид сказала, что хочет таким образом отучить мелких конунгов свататься к ней. См.: *Круг земной*. С. 126.

¹⁸⁶ Олав Святой — Олав Харальдссон, король Норвегии (1015–1028). В молодости командовал отрядом наемников в Англии и Франции, в 1015 г. стал королем Норвегии. Стремился упрочить позиции христианства в Норвегии, карал язычников. Во внешней политике вел борьбу с Олофом Шётконунгом за спорные пограничные территории. В середине 20-х годов XI в. обострились отношения Олава Харальдссона с Кнутом Великим — в то время королем Англии и Дании. Борьба королей завершилась поражением Олава Харальдссона, который покинул Норвегию и обрел пристанище на Руси.

¹⁸⁷ ...отдал за Олафа Харальдссона дочь... — Астрид (Асту), младшую дочь, рожденную от наложницы-вендки. Старшая, рожденная

в браке дочь Ингеборг (на норвежский манер, Ингигерд), поначалу соватанная за Олафа Харальдссона, была выдана за Ярослава Мудрого.

¹⁸⁸ *Амунд Уллежог* — конунг Анунд-Якоб. См. послесловие.

¹⁸⁹ *Части домов... полагалось сжигать*. См. послесловие. С. 370.

¹⁹⁰ *...того, кто нанес ущерб*. В некоторых списках (поздняя редакция) поясняется: таким образом, не было искушения выносить несправедливые приговоры ради штрафов, поскольку таковые не взимались (och gavs ej tillfälle till att göra orätt för säkra skull, efter thet ingen var uppburen). См. в частности: KB D 407a; UUB N 140, E 9, E 11, E 13; РНБ Швед. F. IV. 2, F. IV. 3.

¹⁹¹ *полезно рассказать... подробнее*. Эти сведения о правовых обычаях (кроме закона о поединках — т.н. языческого закона) добавлены на промежуточной стадии редактирования «Шведской хроники» (по Э. Лундмарку, «редакция III»).

¹⁹² *...в былые времена...* В некоторых списках далее: «и у нас, и в других странах» (så väl i annor land, som här när oss). Ср.: KB D 410; UUB E 5, E 6, E 7, E 9; РНБ Швед. F. IV. 2, F. IV. 3.

¹⁹³ *не было и книги законов: король сам являлся такой книгой*. Олаус Петри несомненно основывался на сведениях о законодательной деятельности древних скандинавских конунгов; такие сведения присутствуют во многих источниках. При этом «местер Улоф», видимо, недооценил тот факт, что значительную роль в правотворчестве играло народное собрание — тинг, и что законы сохранялись в устной традиции. На этот недочет «Шведской хроники» обратил внимание ее первый исследователь Керальо (см. послесловие. С. 333). Олаус Петри, конечно же, проводил аналогию с известным принципом римских юристов: воля государя — закон. Принцип отразился в изречениях, известных по сей день: rex est lex vivens (царь — живой закон), regis voluntas — suprema lex (воля царя — высший закон) и т.п.

¹⁹⁴ *...книга законов все более совершенствовалась*. В некоторых списках далее: «в чем мы убедимся ниже» (som vi härefter förnimmandes varde). Ср.: РНБ Швед. F. IV. 2, F. IV. 3.

¹⁹⁵ *тяжущиеся должны биться друг с другом*. Речь идет о приведенном ниже так называемом «языческом законе», который был включен в хронику на поздней стадии редактирования.

¹⁹⁶ *...закон о поединках... записан в древних книгах законов*. Упомянутые книги не сохранились. Указанный фрагмент — «языческий закон» известен благодаря Олаусу Петри. Это самый архаичный из шведских законов об оскорблении (okvädinsord). По другим известным древнешведским законам, за оскорбление, затрагивающее честь, полагалось платить штраф. См. в частности: Из ранней истории... С. 155, 226—227; ÖgL S. 223, 243—244. «Языческий закон» внесен в хронику на стадии доработки (редакция IV по Лундмарку). В ранних версиях, в том числе РНБ Швед. F. IV. 1, он отсутствует.

¹⁹⁷ *Ψ (madher)* — см. примеч. 10.

¹⁹⁸ *oquepins ord* — «бранное слово», «поношение», «хула».

¹⁹⁹ *ei mans maki* — «не мужчина», «не ровня мужчине», недостойн называться мужчиной.

²⁰⁰ *ei {man} i brysti* — букв.: «не мужчина в груди», т.е. не мужчина сердцем.

²⁰¹ *per ord hauer lutit* — букв.: тот, кто принял [бранные] речи (т.е. тот, кому они адресованы).

²⁰² *Er ei eidganger, oc ey witnesbeer* — не может приносить судебную клятву или выступать свидетелем.

²⁰³ *på opar han try nipingx opp* — тогда он должен трижды воскликнуть: «Нидинг»! Нидинг — изверг, человек, которого следует изгнать за злодеяния.

²⁰⁴ *peir sculu varpum...* По всей видимости, ошибка. Следовало: *med fullu varpum* («с полным вооружением»).

²⁰⁵ *gilder med haluum geldum* — за него следует уплатить половинную виру.

²⁰⁶ *tunga houudbani*. *Tunga* — швед. «язык». Выражение переводится либо как «губитель головы» (язык клеветника — виновник его гибели), либо как «главный преступник» (*huvudbanneman*), тот, кто несет основную ответственность при коллективном преступлении.

²⁰⁷ *в древнейших из... книг законов* — см. примеч. 196.

²⁰⁸ *авантюры (äventyr)* — здесь: легенды, сказания.

²⁰⁹ *Подлежит испытанию железом...* — ср.: ÖgL. S. 40; 49–50.

²¹⁰ *На суде следует использовать другие средства...* В «Правилах для судей» Олаус указывал: судья должен выносить приговор на основании улики, свидетельских показаний, разумных доводов; к клятвам соприсяжников надлежит относиться осторожно, не следует прибегать к ним слишком часто; пытки можно использовать только в исключительных случаях, когда речь идет об особо опасных преступлениях. См.: OPSS IV. S. 306–311.

²¹¹ *Поехал к королю Руси...* По сагам, Олав Харальдссон, покинув Норвегию (см. примеч. 186), обрел убежище у свояка, Ярослава Мудрого. Князь и его жена приняли конунга радушно, уговаривали остаться, но Олав решил вернуться в Норвегию и возобновить борьбу за престол. Тогда Ярослав дал ему в помощь отряд около 200 конных воинов. По пути в Норвегию войско Олава Харальдссона выросло: к нему присоединились шведы, норвежцы, исландцы. Но 29 июля 1030 г. это войско было разбито норвежскими бондами — противниками Олава; сам конунг пал в бою. Сражение произошло близ селения Стиклестад на севере Норвегии. Сведения об этих событиях Олаус Петри, по всей видимости, почерпнул у Эрикуса Олаи (ср.: *Ericus Olai. Chronica*. S. 57), а тот, вероятно, заимствовал материал из заключительной части *Historia Norvegiae* (в настоящее время эта заключительная часть утеряна).

²¹² *...получил... имя Якоб, но сохранил прежнее имя Анунд*. Сведения об этом содержатся у Адама Бременского и в сагах. Ряд шведских источников — перечень христианских королей Швеции, «Прозаическая хроника», «Малая рифмованная хроника» не упоминают христианское имя короля — Якоб, зато приводят шведское прозвище — Углежог

(Kolbrenna) и объясняют его происхождение. Саксон Грамматик сообщил иные сведения: имя Якоб принял Олоф Шётконунг, когда его крестил Святой Бернард. Эрикус Олаи привел версию Саксона Грамматика, а также, ссылаясь на некую «древнюю шведскую хронику», версию, аналогичную версии Адама Бременского. Возможно, упомянутая «древняя шведская хроника» являлась обработкой или переводом хроники Адама. Олаус Петри проигнорировал версию Саксона. По «Шведской хронике», Якоб — христианское имя конунга Амунда Углежого.

²¹³ *Амунд Мерзкий* — швед. Amund Slemme, на латинский манер — Эмунд Наихудший (Emundus Pessimus). Наиболее раннее упоминание — в хронике Адама Бременского. Прозвище Амунда объясняют по-разному. Характеристика Амунда, приведенная в «Шведской хронике», основана на сведениях источников XV века — «Прозаической хроники», «Малой рифмованной хроники», хроники Эрикуса Олаи. Как и авторы указанных произведений, Олаус Петри считал, что Амунд Мерзкий получил свое прозвище за то, что уступил датчанам Сконе. Трактовка образа у «местера Улофа» в данном случае традиционна. См.: *Ågren H. Emund Slemme: kättare eller frihetshjälte? // Tankar om ursprung S. 119—141; Schmid T. Sveriges kristnande. S. 59—61. Ср. послесловие переводчика. С. 439 наст. издания.*

²¹⁴ *Амбарный замок...* — см. примеч. 287.

²¹⁵ *Смек* — см. примеч. 370.

²¹⁶ ...и тому подобное. В ряде списков (поздняя редакция) далее: «чему много примеров в Датской хронике» (som nog finnes i den Danska krönikan). См. например: KB D 410; UUB E 5, E 6, E 7; РНБ Швед. F. IV. 2, F. IV. 3, F. IV. 4. Действительно, в хронике Саксона Грамматика (которая в данном случае имеется в виду) упомянуто множество конунгов, наделенных прозвищами.

²¹⁷ *Хакон Рыжий* (Hakon Röde) В вестьетском перечне королей и в «Прозаической хронике» упомянуто, что он был четвертый христианский король Швеции; сказано, что он правил 13 лет. См. также: *Ericus Olai. Chronica. S. 60.*

²¹⁸ *херад Виста* — сотенный округ на границе областей Вестерьётланд и Смоланд.

²¹⁹ *Стенкиль Младший* — Стенкиль II, племянник Олофа Шётконунга. В перечне христианский королей и в «Прозаической хронике» сказано, что он любил вестьетов больше, чем остальных подданных, и был искусный лучник. См. также: *Ericus Olai. Chronica. S. 60.* Несомненно, что основа шведских сообщений об этом короле — сведения, приведенные в Перечне королей, который был создан в Вестерьётланде и несет в себе следы местного, областного патриотизма.

²²⁰ *Инге...* — Инге Стенкильссон (Инге Старший). Король Швеции (конец XI — начало XII в.). В Перечне королей сказано, что он был доблестным правителем и не нарушал законов, обнародованных и утвержденных в разных областях. В «Прозаической хронике» об этом короле сообщается почти то же самое, но там речь идет не о законах областей, а о «шведских законах» (swerikes lagh), а также добавлено, что он в те-

чение трех лет выиграл пять сражений в Сконе, где и был убит; вестьёты перевезли его тело в свою область. Указанную версию воспроизвел в своей хронике Эрикус Олаи.

²²¹ *Варним* — Варнхем, монастырь в Вестергётланде; см. примеч. 235. Как некоторые полагают — Речь идет об Эрикусе Олаи; очевидно, что Олаус сверялся с другими источниками — по-видимому, с «Прозаической хроникой» и с Перечнем королей. У Эрикуса Олаи сказано, что вестьёты похоронили Инге Старшего в Варнхемском монастыре. Олаус Петри поправляет предшественника: «там, где ныне находится Варним». В действительности Инге Старший похоронен в монастыре Врета, который сам основал.

²²² *Хальстен* — конунг Хальстен Стенкильссон, шведский король, находился у власти в течение небольшого времени во второй половине XI века. Отец конунгов Филиппа и Инге Младшего. В Перечне королей и в «Прозаической хронике» описан как мудрый, справедливый правитель, о кончине которого скорбили подданные. См. также: *Ericus Olai. Chronica. S. 62.*

²²³ *королем стал... Филипп* — Филипп Хальстенссон, король Швеции, ок. 1105–1118. Согласно Перечню королей и «Прозаической хронике» правил справедливо, блюл законы; в Швеции при нем все было благополучно. См. также: *Ericus Olai. Chronica. S. 62.*

²²⁴ *Инге Младший* — Инге Хальстенссон, шведский король (1110-е — 1120-е гг.). Согласно Перечню королей, его отравили в Эстергётланде; в «Прозаической хронике» место смерти короля названо более конкретно: монастырь Врета.

²²⁵ *При нем... царили мир и справедливость...* В Перечне королей и в «Прозаической хронике» сказано, что при короле Инге, как и при его родичах, все обстояло благополучно. Эрикус Олаи, исходя из этих сведений, не скупился на похвалы королю Инге и его родне (*Ericus Olai. Chronica. S. 63*). Неудивительно, что Олаус Петри использовал сведения об этом короле как повод для рассуждений о благочестивых королях.

²²⁶ *...наказывал...* — в нескольких списках — «сурово наказывал» (*plågade hårdeliga straffa*). См.: UUB E 9, E 10.

²²⁷ *Телье (Сёдертелье)* — в Средние века замок и город к юго-западу от Стокгольма.

²²⁸ *Святой Эрик*. См. ниже, примеч. 240.

²²⁹ *...оплакивали его, как родного отца*. В издании SRS — «долго оплакивали его, как родного отца» (*the sorgde honom såsom theras egen fader en långan tid*). Вариант (применительно к «Шведской хронике») является единичным и обусловлен спецификой рукописи UUB E 14, которой пользовался издатель. Ср. примеч. 426.

²³⁰ *Рагвальд Узколобий* — король Рагвальд (Рагнвальд). Его провозгласили королем sweи и жители Эстергётланда. Вестьёты же избрали королем его соперника — датского принца Магнуса. Признать Рагвальда королем они отказывались. Когда Рагвальд прибыл в Вестергётланд, не позаботившись (как то требовал обычай) о гарантиях неприкосновенности, вестьёты убили его. Сведения шведских хроник об

этом короле, по-видимому, восходят к Перечню королей. Ср. примеч. 220 и 231.

²³¹ *пренебрег миром и заложниками.* Речь идет о древнем обычае: король считался для области (ланда) чужеземным государем, откуда местные жители не принесли ему присягу на областном тинге. Поэтому при первом въезде короля в ланд местные жители предоставляли ему гарантии безопасности. См.: Швеция и шведы. С. 169, 203, 300. Ср.: Из ранней истории... С. 225.

²³² *...уместно привести родословную...* Эта родословная приведена в поздних версиях хроники. В списках ранней редакции (в том числе в РНБ Швед. F. IV. 1) она отсутствует.

²³³ *прижил с ней трех... сыновей...* В ранней редакции «прижил с ней сына по имени Карл» (och ätte en son med henne som het Karl). Ср.: KB D 407b, D 23, D 409; UUB W 251, N 142; РНБ Швед. F. IV. 1.

²³⁴ *монастырь в Альвастре...* — древний цистерцианский монастырь в Эстерьётланде, близ озера Вэттерн. Основан в 1143 году монахами французского монастыря Клерво — главной обители цистерцианского ордена.

²³⁵ *Варнхемская обитель* — монастырь цистерцианского ордена в Вестерьётланде. Основан в 40-е годы XI века. В монастырской церкви похоронены короли Кнут Эрикссон, Эрик Кнутссон, Эрик Шепелявый.

²³⁶ *У этого города... сменилось множество властителей.* Любек был основан в 1143 году голштинским графом Адольфом II. В 1157 году перешел под власть саксонского герцога Генриха Льва. В 1226 году император Фридрих II провозгласил Любек вольным имперским городом.

²³⁷ *монастырь Черных братьев* — здесь: любекский доминиканский монастырь. Основан в 1227 году.

²³⁸ *в год... тысяча сто сорок восьмой в Линчёпинге... состоялся церковный собор.* Собор состоялся под председательством папского легата Николауса де Альбано (см. примеч. 239). На соборе было, в частности, принято решение об уплате аннатов — денег, отсылаемых в римскую курию за конфирмацию епископов папой.

²³⁹ *Николаус де Альбано* (в миру Николас Брейкспизер). Кардинал, англичанин по происхождению, папский легат в Швеции и Норвегии. Впоследствии стал папой римским, приняв имя Адриан IV.

²⁴⁰ *Эрик Йедварссон, которого... называют святым Эриком.* Король Эрик Йедвардссон Святой, ум. около 1160 года. Главный источник по истории его правления — житие, созданное в конце XIII или начале XIV века. Житие содержит идеализированный образ короля: в соответствии с агиографической традицией, он представлен добродетельным, праведным государем, подвижником, принявшим мученический венец. См. также послесловие. С. 404—406.

²⁴¹ *отец же Эрика... был зажиточным бондом.* Об этом сказано в «Прозаической хронике». См. послесловие. С. 405 наст. издания.

²⁴² *много написано — как благородно и достойно он вел себя...* Имеется в виду житие Святого Эрика, а также хроника Эрикуса Олаи, который основывался на указанном житии. См. послесловие.

²⁴³ *правители... что не пощадят имущество подданных* — Олаус не вполне точно передает содержание фрагмента жития. См. послесловие.

²⁴⁴ *Эрик... решил распространить христианскую веру в Финляндии*. Согласно житию, святой Эрик отправился в Финляндию, жители которой наносили урон Швеции. Король обратился к финнам, предлагая, чтобы те заключили мир и приняли христианство. Финны отказались; тогда король Эрик вступил с ними в бой и одержал победу. Король дал финнам священников и оставил в Финляндии миссионера-епископа Хенрика, который впоследствии принял мученическую смерть.

²⁴⁵ *Законы... Эрика Святого* — «Законы святого Эрика» — средневековое клише, точный смысл которого не ясен (что и констатирует Олаус Петри). В житии Эрика говорится, что этот король отправлял правосудие; в областных законах Уппланда он назван первым в ряду правителей-законодателей; за ним следуют Биргер ярл и Магнус Биргерссон. Но относительно законотворчества Биргера ярла и короля Магнуса имеются конкретные сведения; относительно правовых нововведений Эрика Святого таких сведений нет. Судя по источникам, под законами святого Эрика имелись в виду старинные местные христианские законы и обычаи (в противоположность иноземным обычаям). Как известно, схожее понятие, «Законы святого Олава», было в средние века популярно в Норвегии.

²⁴⁶ *датчанин... задумал его убить*. Согласно житию, убийство короля Эрика Святого совершилось по воле датского принца Магнуса, который хотел взойти на шведский престол. Магнус вступил в сговор с предателями из шведской знати. Враги окружили короля в Эстра Арос (Новой Уппсале). Защищаясь, король и его слуги погибли в бою.

²⁴⁷ *В Эстра Арос, именуемый Новой Уппсалой...* Арос (Aros) — др.-швед.: «устье». Эстра Арос (Östra Aros, букв.: «Восточное устье») — древнее название Уппсалы; под «устьем» в данном случае имелось в виду нижнее течение реки Фюрис, впадающей в озеро Меларен. Аналогичное происхождение имеет название города Вестерос — Västra Aros («Западное устье»). Ср.: Сванидзе А.А. Средневековый город. С. 45, 116.

²⁴⁸ *Карл, сын... Сверкера Старого* — Карл Сверкерссон, конунг эстёттов; в 1161 году стал королем Швеции. Умер в 1167 году.

²⁴⁹ *монастырь во Врете* — древнейший монастырь Швеции. Основан около 1100 года королем Инге Старшим. Изначально являлся женским монастырем бенедиктинского ордена. В 1162 году при короле Карле Сверкерссоне был преобразован в женский цистерцианский монастырь.

²⁵⁰ *архиепископ... Стафан* — первый шведский архиепископ; избран на эту должность в 1164 году. До этого являлся монахом монастыря в Альвастре. Умер в 1185 году.

²⁵¹ *Уместно... поговорить о герцогах*. Эта тема была актуальна для Швеции времен Густава Васы, при котором в этой стране установилась наследственная монархия и были учреждены герцогства. До этого герцогства существовали в Швеции во второй половине XIII — начале XIV в. Но еще раньше титул *dux* (латинская версия герцогского титула) использовался в Швеции как латинский эквивалент титула ярла.

²⁵² герцоги величали себя герцогами Швеции. Неточность: отнюдь не каждый шведский герцог или ярл имел право называться «dux Sveciae». Это был особый титул лиц, наделенных значительной властью, своего рода премьер-министров, наподобие мажордомов при франкских «ленивых королях». В частности, титулом dux Sveciae именовал себя Биргер ярл.

²⁵³ в норвежской книге законов делается различие между ярлом и герцогом. Г. Вестин полагал: данная ссылка на «норвежскую книгу законов» настолько лаконична, что невозможно выяснить, какая книга законов имела в виду. Со шведским специалистом в данном случае вряд ли можно согласиться. Олаус Петри явно имел в виду всеобщее норвежское законоуложение — Ландслов. Там упомянуты и ярлы, и герцоги, причем из текста ясно, что речь идет о разных титулах.

²⁵⁴ А в Англии и Шотландии ярл — то же самое, что граф. Эрл (Earl) — древнеанглийская версия термина ярл. Как известно, в англосаксонских королевствах эрлом назывался представитель знати — правитель области. В позднесредневековой Британии титул earl употреблялся как эквивалент графского титула.

²⁵⁵ Кнут, сын Святого Эрика — Кнут Эрикссон, шведский король (1167 — около 1195).

²⁵⁶ эсты... сожгли Сигтуну. В шведских источниках содержатся различные сведения относительно того, кто именно сжег Сигтуну в 1187 году. По «Хронике Эрика» это сделали карелы; по хронике Эрикуса Олаи — язычники (не указано, какие именно), по хронике Олау Петри — эсты. См. послесловие. С. 375.

²⁵⁷ была основана Рига — как известно, датой основания Риги принято считать 1201 год.

²⁵⁸ Сверкер Младший — король Швеции (1196—1208), сын короля Карла Сверкерссона.

²⁵⁹ дал шведскому духовенству привилегию... В ряде списков (поздняя редакция) объясняется, что у шведских клириков в то время не было (выражаясь современным языком) устойчивой организации: «Ty klerkeriet var här i riket föga till stadga och regementet kommit för än då». Таким образом, сообщение о привилегиях шведского духовенства было отредактировано в духе Реформации: подчеркнута не древность привилегий, а наоборот, их сравнительная новизна. Ср.: KB D 410; UUB E 5, E 6, N 140, W 250; РНБ Швед. F. IV. 2, F. IV. 3, F. IV. 4.

²⁶⁰ герцог Биргер — Ярл Биргер I, в западноскандинавских источниках Биргер Броса (Биргер Улыбчивый). Ярл Швеции; на латинский манер герцог шведов (dux sveorum). Аристократ, крупный землевладелец. Дядя Биргера ярла.

²⁶¹ архиепископ Педер — третий уппсальский архиепископ (1187—1197). Рукоположен лундским архиепископом Абсаломом, одним из выдающихся деятелей средневековой Дании.

²⁶² архиепископ Олаф Бараний язык — являлся уппсальским архиепископом на рубеже XII — XIII веков. При нем (и, вероятно, его стараниями) шведское духовенство получило значительные привилегии от

короля Сверкера младшего. В частности, король признал, что духовные лица за любые правонарушения подлежат не светскому, а церковному суду.

²⁶³ *Эрик, сын короля Кнута* — Эрик Кнутссон, король Швеции (1208—1216). Внук Эрика Святого.

²⁶⁴ *Штральзунд* — в действительности, основан в 1234 г. См. статью В.Д. Балакина в сб.: *Город в средневековой цивилизации...* Т. 2. С. 328—332.

²⁶⁵ *Валериус* — уппсальский архиепископ (занимал эту должность в начале XIII века).

²⁶⁶ *язычники — эсты и карелы...* Ср. Хроника Эрика. С. 24—26.

²⁶⁷ *Вальдемар... основал Ревель, покорил эстов...* — Вальдемар I Победоносный, король Дании, совершил поход в Эстонию (1219—1220), основал Ревель (совр. Таллин) и завоевал значительную территорию, которая потом была поделена между Данией и Орденом Меченосцев.

²⁶⁸ *Юхан... сын Сверкера...* — Юхан I Сверкерссон. Шведский король (1216 — 1222), сын Сверкера Младшего.

²⁶⁹ *Эрик Шепелявый, сын короля Эрика Кнутссона.* Шведский король (1222—1229 и 1234—1250). Во внутренней и внешней политике опирался на Биргера ярла. См. также: Хроника Эрика. С. 11—15.

²⁷⁰ *схватили и... обезглавили.* Ср.: Хроника Эрика. С. 13.

²⁷¹ *...видение... значит, этот человек — святой.* Ср.: *Ericus Olai. Chronica.* S. 75.

²⁷² *которого называют Биргером ярлом...* Ярл Биргер (в шведской литературе Биргер ярл) — крупный государственный деятель, правитель Швеции. Происходил из области Вестергётланд. Женился на сестре короля Эрика Шепелявого и стал ярлом Швеции. Возглавил крестовый поход в Финляндию. Подавил восстание шведских оппозиционеров. Осуществил правовые преобразования. Согласно русским летописям, возглавил поход на Русь, завершившийся поражением шведов в Невской битве 1240 г. Интерпретация сведений об этом походе является предметом дискуссий.

²⁷³ *стал герцогом Швеции* — т.е. ярлом Швеции. См. примеч. 251—252.

²⁷⁴ *Гильхельм Сабинский* — Вильгельм Сабинский, папский легат. В 1248 г. прибыл в Швецию. Под его председательством состоялся Шеннингский съезд духовенства, на котором присутствовали светские магнаты, в том числе Биргер ярл.

²⁷⁵ *до этого священникам позволялось жениться.* В письме Вильгельма Сабинского о решениях Шеннингского съезда говорилось, среди прочего, что шведские священники не хотят соблюдать безбрачие; почти все священники являются детьми священников и в свою очередь женятся или заводят сожительницу. Собор запретил шведским духовным лицам состоять в браке или иметь конкубин. Это вызвало протесты священников, заявивших, что не могут обходиться без женщины.

²⁷⁶ *дословно следующее...* — цитируемый Олаусом Петри закон в наше время известен только благодаря «Шведской хронике». Тот сбор-

ник законов, на который в данном случае ссылается «местер Улоф», не сохранился. Ср.: UL. S. 8—9.

²⁷⁷ причтется престолу и посоху — т.е. станет церковным имуществом в распоряжении епископа. Процитированный Олаусом древне-шведский закон написан ритмической прозой, содержит аллитерации и рефрены.

²⁷⁸ древняя эстэётская книга законов упоминает о детях и внуках — наследниках епископов. В законах Эстерётланда (записаны во второй половине XIII века) сказано, что земля, купленная епископом, должна после его смерти отойти к церкви, если у епископа нет наследников, детей или внуков. См.: ÖgL. S. 151. Ср. Ibid. S. 4; 160—161. Эстэёталаг — единственный сохранившийся до наших дней собственно шведский свод законов, где присутствуют правовые нормы, касающиеся детей духовных лиц. Статья о детях священников имеется также в законах Готланда, который до середины XIV века подчинялся шведской короне. Ср.: Из ранней истории... С. 123—124.

²⁷⁹ архиепископ Олаф Забрал-скотину — Олаф (Олаус) Басатомер; прозвище буквально означает: «Опустошитель стойл». Уппсальский архиепископ (1224—1234). Короновал Эрика Шепелявого.

²⁸⁰ Йерлер Ярлер — архиепископ Уппсальский (1236—1255).

²⁸¹ Монастырь в Сигтуне — доминиканский монастырь в Сигтуне. Основан в 1237 году.

²⁸² Висмар — торговый город на Балтийском море. Основан в 20-е годы XIII века. С 80-х годов — член Вендской Ганзы.

²⁸³ герцог Ульф — Ульф Фасе, ярл Швеции. Умер в 1248 году.

²⁸⁴ Тавастахус. Тавастехус (фин. Хяменлинна) — замок в Финляндии.

²⁸⁵ Гудхемский монастырь — основан в 1152 году королем Карлом Сверкерссоном. Один из древнейших монастырей Швеции.

²⁸⁶ Йоар Синий — шведский магнат. Ср.: Хроника Эрика. С. 15—17, 200; *Ericus Olai. Chronica*. S. 76.

²⁸⁷ четыре сына: Вальдемар... Бенгт, Магнус и Эрик. Вальдемар Биргерссон стал королем Швеции (1250—1275). Бенгт Биргерссон вначале являлся линчёпингским архиепископом и канцлером брата, Магнуса Биргерссона; в 1284 г. стал герцогом Финляндии; в 1286 г. был избран линчёпингским епископом. Магнус Биргерссон, по прозвищу Амбарный Замок, стал королем Швеции (1275—1290). Эрик Биргерссон получил титул герцога; его власть распространялась на Смоленд.

²⁸⁸ дошло до войны между Фолькунгами и Биргером ярлом. Ср.: Хроника Эрика. С. 19—21, 201.

²⁸⁹ был убит — на радость Биргеру ярлу. Ср. Хроника Эрика. С. 19—21, 201. См. также послесловие. С. 375 наст. издания.

²⁹⁰ свадьбу... сыграли в Йенчёпинге. Так по хронике Эрикуса Олаи. По «Хронике Эрика» свадьба Вальдемара и Софии состоялась в Умнинге (Энинге), область Эстерётланд.

²⁹¹ Биргер... много внес изменений в шведские законы... Сведения об этих изменениях содержатся в «Хронике Эрика» и в областных зако-

нах. Согласно этим источникам, ярл дал закон о том, что женщина может наследовать имущество в размере, составляющем половину доли, причитающейся сонаследнику-мужчине. Ярл также предписал соблюдать «мир дома» (*hemfrid*), то есть неприкосновенность жилища. Биргер ввел суровое наказание за нарушение так называемых «королевских миров». Кроме того, он распорядился об отмене ордалий и запретил самопродажу в рабство.

²⁹² чтобы не только братья, но и сестры наследовали имущество... Ср. примеч. 352. Данное законодательное новшество упомянуто в Эстёталаге и в «Хронике Эрика». По мнению О. Хольмбека указанный закон являлся консервативным: он закрепил неравенство мужчин и женщин в вопросах наследования. См.: ÖgL S. 123, 135.

²⁹³ ...новый порядок установления вины... приведен в эстётской книге законов. В Эстёталаге сказано: с тех пор, как Биргер ярл запретил испытание железом, вину следует устанавливать на основании свидетельских показаний, а также (при отсутствии чистосердечного признания) на основании признаний, полученных путем пыток. См.: ÖgL S. 40.

²⁹⁴ Биргер ярл построил Стокгольмский замок и город Стокгольм. Об этом сообщается в «Хронике Эрика»; на указанном сообщении основывались последующие хронисты, приписывая Биргеру ярлу основание Стокгольма и строительство Стокгольмского замка. Современные ученые установили, что и до Биргера на месте Стокгольма существовало торжище; собственно же город был воздвигнут уже после смерти этого правителя. В свою очередь, Стокгольмский замок был построен не при Биргере ярле, а позже, вероятно, при короле Магнусе Биргерссоне, сыне Биргера ярла. Однако во времена Биргера на месте Стокгольмского замка уже имелось кирпичное здание и каменное оборонительное сооружение. Возможно, их имел в виду автор рифмованной хроники, упоминая об основании Стокгольма Биргером. Ср: Сванидзе А.А. Средневековый город. С. 46.

²⁹⁵ похоронен в Альвастре... Биргер ярл был похоронен в Варнхемском монастыре, в пользу которого при жизни делал щедрые пожертвования.

²⁹⁶ придворное обхождение... учились при дворе — в оригинале объясняется, что распространенное значение слова *hövisk* — «вежливый», «учтивый» происходит от другого значения: «придворный». Ср. значение аналогичных терминов в других языках: нем. *höflich*, франц. *courtois*. Вообще-то слово *hövisk* укоренилось в шведском языке в результате немецкого влияния. Но общая логика Олауса относительно происхождения термина правильна.

²⁹⁷ Если враг нас учит драться... — в подлиннике аналогичная по смыслу рифмованная поговорка.

²⁹⁸ Котельник... Пустышка... Ср. Хроника Эрика. С. 27; *Ericus Olai. Chronica*. S. 79.

²⁹⁹ уехать к сестре — королеве Софии... Ср.: Хроника Эрика. С. 28—29; *Ericus Olai. Chronica* S. 79. См. также послесловие. С. 375 наст. издания.

³⁰⁰ архиепископ Йерл... См. примеч. 280.

³⁰¹ Сигтунский монастырь. См. примеч. 281.

³⁰² каноники — здесь (и во многих других источниках) — члены соборного капитула.

³⁰³ архиепископ Ларенц — Лаврентиус, уппсальский архиепископ; до того как был избран на эту должность (1256 или 1257 год), являлся монахом-францисканцем.

³⁰⁴ архиепископ Фольке — Фольке Юханссон, архиепископ Уппсальский (1274 — 1277). В 1276 году короновал Магнуса Биргерссона на шведский престол.

³⁰⁵ Эстра Арос, который ныне зовется Новая Уппсала... См. примеч. 247.

³⁰⁶ в книге законов... упоминаются церкви херадов. Речь идет о главных церквях сотенных округов — хундари или херадов. См.: Швеция и шведы. С. 147.

³⁰⁷ в Старой Уппсале (где... захоронены короли). Олаус, по-видимому, основывал эти рассуждения на распространенном названии трех крупнейших курганов Старой Уппсалы — Konungahögar («королевские курганы», «курганы конунгов»).

³⁰⁸ на Бьёркё — как известно, на острове Бьёркё имеется множество курганов. Кроме того, есть курганы на соседнем с Бьёркё островом — Адельсё. Там, как и в Старой Уппсале, выделяются три крупных кургана, которые принято называть «королевскими» (см. примеч. 307).

³⁰⁹ Некоторые могилы обнесены камнями. Речь идет о так называемых stensättningar — фигурах из крупных камней на земле над захоронениями. Множество таких сооружений сохранились по сей день.

³¹⁰ где стоят рунические камни — там тоже были захоронения. Действительно, во многих случаях (но не всегда) рунические камни воздвигались на местах захоронений.

³¹¹ Litureisi — то есть такой-то и такой-то, перечисленные поименно, возвели этот камень. Словосочетание Litu reisi означает «распорядились воздвигнуть» и указывает, по чьему повелению установлен камень с рунической надписью. Правильная интерпретация словосочетания была внесена в позднюю версию хроники (пространная редакция). Изначально Олаус увлекся оригинальным, но ошибочным толкованием.

³¹² отсюда... слова «конница» и «всадники». Олаус был уверен, что в сказаниях под великанами — «ресами» имелись в виду могущественные люди; слово gesar он считал родственным глаголу gesa (здесь: «ездить верхом»). Вероятно, «местер Улоф» проводил сравнение с иностранными словами: лат. eques, нем. Ritter (ср.: швед. riddare — «рыцарь»). Эти термины широко использовались как наименование представителей знати, но буквально означали: «наездник», «всадник».

³¹³ В Трэнъянэс состоялся съезд господ... Встреча сыновей Биргера яря состоялась, по-видимому, летом 1274 года. Усадьба Трэнъянэс (Трэнюнэс), возможно, находилась в местности Энебю в Эстерьётланде. Описание встречи восходит к «Хронике Эрика». См.: Хроника

Эрика. С. 30, 206—207. Ср.: *Ericus Olai. Chronica*. Bd. I. S. 80; Ibid. Bd. II. S. 61.

³¹⁴ Герцог Бенгт... предложил им все свои наследные владения. Автор «Хроники Эрика» и Эрикус Олаи, рассказывая о встрече в Трэнюнэсе, именуют герцога епископом. В то время Бенгт Биргерссон еще не был епископом; возможно, поэтому Олаус приводит ранний, светский титул Бенгта Биргерссона.

³¹⁵ вероятно... это произошло... некоторое время спустя... См. послесловие. С. 376 наст. издания.

³¹⁶ Если с союзом... нет Бога... Олаус рассуждает об опасности персональных союзов, которые в средние века были распространены в Европе и, в частности, в Германии и Скандинавии.

³¹⁷ к голштинскому графу Гердту. Гердт — голштинский граф Герхард II. Форма Gertz, употребленная в «Хронике Эрика», родительный падеж указанного имени.

³¹⁸ Рюгнабру — Рюннебру, мост через реку Рёнке в Сконе. Ср.: Хроника Эрика. С. 35, 208; Хроника Энгельбректа. С. 72, 151.

³¹⁹ Вот такую плату получил король Эрик вместо шести тысяч марок... Этот фрагмент хроники вызвал возмущение короля Густава Васы: «местер Улоф», дескать, очернил отечество — рассказал, что шведы не платят долги. См. послесловие. С. 332 наст. издания.

³²⁰ вторгся в Вэренд... См.: Хроника Эрика. С. 36. Ср.: *Ericus Olai. Chronica*. S. 82.

³²¹ Толлагарн (Тулльгарн) — усадьба в Сёдерманланде.

³²² герр Ульф Карлссон — рыцарь, племянник ярла Ульфа Фасе (см. примеч. 283). Ср.: Хроника Эрика. С. 36, 209. Ср.: *Ericus Olai. Chronica* S. 83.

³²³ некто по имени Педер Порсе... Подробно история о том, как Педер Порсе заставил Магнуса Биргерссона уплатить долг, рассказана в «Хронике Эрика». См. также: *Ericus Olai. Chronica*. S. 85.

³²⁴ Лёдёсе — замок и город на юго-западе Швеции (основаны примерно в XII в.). В средние века город Лёдёсе был единственным шведским портом на западном побережье Скандинавского полуострова и, таким образом, являлся для Швеции своеобразными «воротами» в Северное море.

³²⁵ ...рыцаря по имени Свантеполк — Свантеполк Кнутссон (умер в 1310 году). Рыцарь, член риксрода, лагман Эсттерьётланда. Во время конфликта короля Биргера и его братьев — герцогов воевал на стороне короля.

³²⁶ ...он владел городами Мальмё и Треллеборг — эти города были даны в приданое супруге короля Вальдемара — королеве Софии. См.: Хроника Эрика. С. 23.

³²⁷ графа Гетускогского... Гетскуп (Гютсков) — померанское графство.

³²⁸ Асканэс — средневековое название одного из островов в озере Меларен и расположенного там церковного прихода.

³²⁹ Отрекся от престола у камня Мура... Ср.: *Ericus Olai. Chronica*. S. 84. См. также послесловие.

³³⁰ *Шеннингс* — небольшой, но весьма древний город в области Эстергётланд, место традиционных ярмарок. См.: *Сванидзе А.А.* Средневековый город. С. 119.

³³¹ *Ингемар* — Ингмар Нильссон, датский рыцарь. Ср.: *Хроника Эрика*. С. 40. Ср.: *Ericus Olai. Chronica*. S. 85—86.

³³² *Имсеборг* — замок в Вестергётланде. Ср.: *Хроника Эрика*. С. 41, 210.

³³³ *монастырь Святой Клары* — здесь: средневековый монастырь ордена кларисс на Нормальме — северном пригороде средневекового Стокгольма (ныне в центральной части этого города). Монастырь был основан в 1289 году и получил щедрые пожертвования от короля Магнуса Амбарного замка. Дочь короля Рикица постриглась в монахини этого монастыря и впоследствии стала его аббатисой.

³³⁴ *монастырь Серых братьев в Стокгольме, на острове... Кидьяшер* — францисканский монастырь; в честь него остров стал называться Громункхольмен (Остров Серых братьев).

³³⁵ *закон... который приводит... король Биргер*. Закон короля Магнуса, о котором идет речь, сохранился в двух редакциях. Первая вошла в состав знаменитых статуты Альснэ (см.: *Швеция и шведы*. С. 164, примеч. 24). Вторая содержится в Уппландслаге: UL. S. 153—154. Ее и имеет в виду Олаус Петри.

³³⁶ *Воистину, мало кто в этом мире заслужил прозвище «Амбарный замок»...* В некоторых ранних списках хроники (редакция I по Лундмарку) содержится иная версия указанного рассуждения: «Воистину, мало в этом мире государей, заслуживших прозвище «Амбарный замок»: куда больше развелось Амбарных воров». Вероятно, фраза была исправлена в связи с критикой со стороны короля Густава I. Ср.: KB D 407b F. 108. Ср.: *Lundmark E. Redaktionerna*. S. 33.

³³⁷ *польский герцог по имени Примульц* — герцог Калища Пржемыслав; в 1295 году стал королем Польши.

³³⁸ *Депхольт* (совр. Дипхольц) — город и местность в Нижней Саксонии.

³³⁹ *герр Фольке* — рыцарь Фольке Альгутссон, сын лагмана Вестергётланда умыкнул... *девицу Ингрид*... Запреты на умыкание невесты содержатся в нескольких шведских областных законах, в том числе в Уппландслаге (UL S. 62). Несомненно, этот обычай был распространен в Швеции.

³⁴⁰ *Раздоры между бондами Готланда и бюргерами Висбю*... Противоречия между сильно онемеченным населением Висбю и гутскими бондами (торговыми конкурентами горожан) вызвали в 80-е годы XIII в. вооруженное столкновение, которое закончилось поражением бондов.

³⁴¹ *...три сына: Биргер... Эрик и Вальдемар* — Биргер Магнуссон стал королем Швеции (1290—1318), Эрик Магнуссон — герцогом Сёдерманланда, Вальдемар Биргерссон — герцогом Финляндии.

³⁴² *Назначил... рыцаря по имени Торгильс Кнутссон регентом Шведского королевства* — Торгильс (Тюргильс) Кнутссон — аристократ, рыцарь, марск (верховный военачальник). Регент при малолетнем

Биргере Магнуссоне. Крупный землевладелец. Считается основателем Выборга, где ему установлен памятник. См.: также послесловие переводчика (с. 376 наст. изд.) и комментарии А.Ю. Желтухина и А.А. Сванидзе к рус. пер. «Хроники Эрика».

³⁴³ *Стокгольмский монастырь Серых братьев...* См. выше. С. 276.

³⁴⁴ ...все... обстояло благополучно: марск был человек мудрый, рассудительный. Олаус Петри воспроизводит традиционную характеристику марска, восходящую к «Хронике Эрика». См.: «Хроника Эрика». С. 48, 213; *Ericus Olai. Chronica*. S. 93. См.: также послесловие переводчика. С. 404 наст. издания.

³⁴⁵ *чем бить, лучше пособить* — в подлиннике рифмованная поговорка; она также приведена в написанных Олаусом Петри «Правилах для судей»: *För ty Domare embete är sådant, at man skal wara snarare til at hielpa än til at stielpa* (OPSS IV. S. 305).

³⁴⁶ *герр Амунд Карлссон* — лагман Сёдерманланда; *герр Густав Туvasон* — лагман Вестергётланда. См.: *Ericus Olai. Chronica*. S. 94.

³⁴⁷ *вода стояла без движения...* Эрикус Олаи поведал об этих событиях более подробно: в указанный год, сообщает он, вода в реке Мутала стояла без движения в течение дня, а вблизи города Норчёпинга в течение нескольких дней; говорят, это произошло в тот год со многими реками. В тот же год, указывает Эрикус Олаи, проповедники возвестили: в Иерусалиме родился антихрист. Очевидно, что «доктор Эрик» рассматривал упомянутые события как злоешие предзнаменования. Олаус Петри опустил ряд подробностей, приведенных в данном отрывке хроники Эрикуса Олаи.

³⁴⁸ *шведы... основали Выборг*. Выборгский замок был основан в 1293 году. Относительно основания города см.: Сванидзе А.А. От крепости крестоносцев к городу: Выборг // Город в средневековой цивилизации... Т. 4. С. 229–231.

³⁴⁹ *руководили... марск и епископ Педер*. Утверждение о том, что основанием Выборга руководил марск Торгильс Кнутссон, считается спорным. Из документальных источников следует: когда шведское войско выступило в поход в Карелию, марск по-прежнему находился в Швеции. Возможно, он присоединился к войску позже или отдавал распоряжения (в том числе о строительстве Выборга) не покидая Швеции.

³⁵⁰ *Шведы... отвоевали у русских Кексхольм* — Кексхольм (Кексгольм); в совр. швед. произношении Чексхольм. Совр. название Приозерск. Шведы предприняли поход на Кексгольм в 1295 г. В том же году их разбили и изгнали новгородцы. См.: Хроника Эрика. С. 50–51; Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия. С. 114.

³⁵¹ *утренний дар* — по традициям германских народов, дар, который новобрачная получала от мужа после первой брачной ночи. В Швеции, как правило, представлял собой недвижимость, которую жена получала в пожизненное пользование. «Утренний дар» королевы фактически являлся разновидностью ленного держания. Средневековые шведские законы ограничивали размер «утреннего дара» — как для короля, так и для его подданных. См., в частности: Швеция и шведы. С. 204–205.

³⁵² *Замок под названием Ландскруна...* Поход, состоявшийся в конце XIV века, подробно описан в рифмованной хронике (см.: Хроника Эрика. С. 53—63 и указанную в примечаниях литературу). Об участии марска Торгильса Кнутссона в указанном походе упоминают и русские источники: Новгородская I летопись и пропагандистское сочинение «Рукописание короля Магнуша». Замок Ландскруна находился в устье Невы, в черте современного Петербурга.

³⁵³ *русские... разрушили замок.* События, связанные с осадой и падением Ландскруны, подробно описаны в Хронике Эрика. Предшественник Олауса Петри Эрикус Олаи пересказал эпизод Хроники Эрика, но опустил ряд подробностей.

³⁵⁴ *...называют законами короля Биргера.* Списки средневекового упландского законоуложения, Упландслага, предваряются двумя документами — 1) предисловием и 2) актом об утверждении указанного законоуложения. Оба документа составлены от имени короля Биргера Магнуссона. В действительности Биргер Магнуссон на тот момент являлся малолетним, и страной управлял опекунский совет во главе с Торгильсом Кнутссоном. См.: Швеция и шведы. С. 161; UL. S. 5—7.

³⁵⁵ *В Швеции торговали рабами...* Рабовладение и работорговля играли важную роль в раннесредневековой Скандинавии; о них немало говорится в источниках — сагах, законах, хрониках. Применительно к Швеции основным источником по истории рабства являются областные законы. Начиная с Биргера ярла, шведские правители издавали постановления, направленные против продажи христиан в рабство. Окончательно рабство было упразднено в 30-е годы XIV века, в правление короля Магнуса Эрикссона.

³⁵⁶ *в книге законов Эстерётланда* — Олаус Петри, ссылаясь на Эстёталаг, указывает, что раба в старину можно было продать, как лошадь или иную скотину. Это сообщение следует понимать буквально. Согласно Эстёталагу, при купле-продаже раба действовали те же правила, что и при купле-продаже скота. Покупателю должен был помогать «друг-свидетель»: он присутствовал при сделке, а впоследствии, в случае необходимости, мог подтвердить, что покупка совершена правильно. Согласно тому же закону, за раба следовало уплатить две марки серебром или дать в обмен товар на указанную сумму.

³⁵⁷ *...ведь Христос выкупил всех христиан...* В ряде списков (поздняя редакция) эти слова поданы как высказывание короля Биргера: «ty att Christus (sade han) hade köpt alla cristna». См., например: KB D 410, UUB E 5, E 6, E 7; РНБ Швед. F. IV. 2.

³⁵⁸ *...брак был... расторгнут, о чем пойдет речь ниже.* См. примеч. 374.

³⁵⁹ *с дочерью графа Равенсборгского...* Невесту звали Хедвигой; ее отцом был Отто III, граф Равенсборгский.

³⁶⁰ *Трондхейм (Нидарос)* — город в Норвегии, центр Нидаросского архиепископства.

³⁶¹ *фолькланды* — три древние свейские области — Тиундаланд, Аттуналанд и Фьедруналанд. См.: Швеция и шведы. С. 168.

³⁶² *Аранэс* (Орнэс) — усадьба Торгильса Кнутссона в Вестергётланде, на озере Вэнерн.

³⁶³ в день святой *Вальпургии* — 1 мая.

³⁶⁴ *Висингсё* — остров, древнее владение Фолькунгов. *Ракабю* — поместье в Вестергётланде.

³⁶⁵ несколько обвинений, предъявляемых герцогу. Подробно эти обвинения изложены в Хронике Эрика. Олаус Петри следует краткому пересказу Эрикуса Олаи (*Ericus Olai. Chronica. S. 103—104*). Вывод о том, что четвертое, заключительное обвинение являлось главным, Олаус Петри сделал самостоятельно.

³⁶⁶ Оба короля встретились... в *Фаградале*. Усадьба Фаградаль находилась в области Смоланд, близ шведско-датской границы. Встреча состоялась в 1304 году; ее итогом стал союз между двумя монархами. Подробно см.: Хроника Эрика. С. 223.

³⁶⁷ замок и город *Кунгелле*.... Имеется в виду Кунгахелла — замок и город на юго-западе Скандинавского полуострова.

³⁶⁸ *Гульбергская пустошь* — равнинная местность вокруг возвышенности Гульберг.

³⁶⁹ *Далаборг* — крепость на западе Швеции в области Даль. Была разрушена во время восстания Энгельбректа.

³⁷⁰ *Агнабру* — мост через реку Агнахоль на границе областей Вестергётланд и Вермланд. Ср.: Хроника Эрика. С. 77.

³⁷¹ *Варберг* — город в области Халланд, на юго-западе Скандинавского полуострова.

³⁷² день святого *Сигфрида* — 15 февраля.

³⁷³ *Лена* — здесь: Кунгслена, местность в области Вестергётланд.

³⁷⁴ *Поводом послужило духовное родство*... Очевидно, что упомянутый развод имел политическую подоплеку. Вместе с тем возможно, что при заключении брака была допущена ошибка, вызванная незнанием или невнимательностью.

³⁷⁵ *отрубили голову на Сёдермальме*. Как известно, остров Сёдермальм в новое время стал престижным, живописным районом Стокгольма. Но в средние века этот остров находился за чертой города и являлся своеобразным «хозяйственным двором». Там были расположены всевозможные склады, а также загоны для скота. Сёдермальм был выбран в качестве места казни и захоронения Торгильса Кнутссона, чтобы придать смерти регента унижительный, позорный характер.

³⁷⁶ в *стокгольмском монастыре серых братьев* — в Стокгольмском францисканском монастыре. См. примеч. 334.

³⁷⁷ *Хундхаммар* — усадьба в области Сёдерманланд. Ср.: Хроника Эрика. С. 204.

³⁷⁸ *Хотуна* — усадьба в Упланде. В «Шведской хронике» далее следует рассказ о «Хотунской забаве» — перевороте, который осуществили герцоги, взяв в плен короля Биргера, его семью и свиту. О «Хотунской забаве» подробно повествует Хроника Эрика; на ее рассказе основаны сообщения других хронистов.

³⁷⁹ день святого *Михаила* — 29 сентября.

³⁸⁰ *Матс Кеттильмундссон* — дротс (верховный судья), регент Швеции. Участник сражений за крепость Ландскруна на Неве. Сподвижник герцога Эрика; участвовал в усобицах начала XIV века на стороне герцогов Эрика и Вальдемара. Был одним из тех, кто возвел на шведский престол Магнуса Эрикссона; входил в регентский совет при несовершеннолетнем короле. Умер в 1326 г.

³⁸¹ *Богасунд* (или Богесунд) — город в Вестергётланде. Современное название — Ульрикехамн.

³⁸² *паломник... принял на службу восемьсот конных воинов.* — ср.: Хроника Эрика. С. 89, 228.

³⁸³ *Юнгебю* — деревня в Смоланде.

³⁸⁴ *кроткий герцог Эрик (так его величают в одной хронике)... — hin milde («кроткий», «добросердечный», «мягкосердечный»)* — средневековое клише, эпитет благочестивого государя (ср. примеч. 154). Олаус Петри имеет в виду «Хронику Эрика», иронизируя по поводу употребленного в ней определения. Действительно, в источниках герцог Эрик предстает иным человеком — с крепкой хваткой, из тех, что своего не упустят. Ср. послесловие А.А.Сванидзе к русскому переводу «Хроники Эрика» (С. 150, 169).

³⁸⁵ *Хулавед* — лесной массив к востоку от озера Веттерн, на границе областей Вестергётланд и Смоланд.

³⁸⁶ *Аксвалль* — замок в области Вестергётланд.

³⁸⁷ *Акерсхус* — крепость в Осло, Норвегия.

³⁸⁸ *избрали... короля по имени Бугге* — в средние века в Германии, Скандинавии, Восточной Прибалтике «королями» подчас назывались вожди народных движений. Ср. примеч. 826.

³⁸⁹ *сердце царя...* — знаменитое библейское изречение: «Сердце царя — в руке Господа, как потоки вод: куда захочет, Он направляет его» (Притч. 21:1).

³⁹⁰ *в счет ледунгсламе, то есть в счет воинской повинности.* Хронист правильно объясняет значение древнего термина. Ср. Швеция и шведы. С. 179—180.

³⁹¹ *Рингстадахольм* — замок на реке Мутала в Нижней Швеции.

³⁹² *кроваво-красный дождь.* См. послесловие. С. 400.

³⁹³ *Брюньольф, епископ Скарский* — Брюньольф Альгутссон, епископ Скарский (1278—1317). Учился в Парижском университете. Был председателем на соборе шведского духовенства в Скаре; на этом соборе впервые в истории шведской церкви были приняты постановления — статуты, обязательные для духовенства всей страны. После смерти почитался как местный святой. В 1492 г. причислен к лику блаженных.

³⁹⁴ *В тот же год...* — в некоторых списках уточнено: «а именно, 1317». Ср. UUB E 5, E 6, E 7; РНБ Швед. F. IV. 2, F. IV. 3, F. IV. 4.

³⁹⁵ *Юхан Брунке, дротс...* — Иоханн фон Брунков, рыцарь, немец по происхождению. Член шведского риксрода, дротс Швеции. Казнен в 1318 году на Нормальме, на возвышенности, которая в честь него стала называться Брункеберг (букв.: гора Брунке).

³⁹⁶ *Шерчинд* — местность в Эстерётланде.

³⁹⁷ *Карлабю* — также: Карлебю; так назывались несколько населенных пунктов в Швеции и Финляндии. В данном случае имелась в виду деревня близ г. Скара в Швеции. См.: *Ericus Olai. Chronica*. S. 64, 121–123.

³⁹⁸ *когг* — вместительное одномачтовое торговое судно; широко использовалось в средневековье на Балтике и в Северном море.

³⁹⁹ *Королем Дании стал... Кристофер* — Кристофер II, король Дании (1320–1326), младший сын короля Эрика Клиппинга.

⁴⁰⁰ *день одиннадцати тысяч девственников* — 21 октября.

⁴⁰¹ *Хельгеандсхольмен* (Остров Святого духа) — небольшой остров, отделенный узким проливом от острова Стадсхольмен, на котором был расположен средневековый Стокгольм. Назван в честь Дома Святого духа, больницы и богадельни, построенной там в XIII веке.

⁴⁰² *Рингстад* — здесь: Рингстед, город в Дании, на острове Зеландия.

⁴⁰³ *Король... надеялся, что... наделит сыновей огромной властью* — Эти рассуждения «местера Улофа» не могли не разгневать Густава Васу, который поступил схожим образом: вновь учредил герцогства и разделил королевство между сыновьями. См.: послесловие. С. 408; ср. примеч. 251.

⁴⁰⁴ *тинг Мура* — тинг в местности Мура близ Уппсалы, на котором в средние века избирали короля. См.: Швеция и шведы. С. 198–202. Ср. примеч. 329.

⁴⁰⁵ *ему было... три года*. Ср.: Хроника Эрика. С. 140.

⁴⁰⁶ *в стране царил добрый мир...* Утверждение, присутствующее в шведских источниках, где говорится о деятельности временного правительства при несовершеннолетнем Магнусе Эрикссоне. См.: послесловие. С. 380–381.

⁴⁰⁷ *в Дании началась... война против короля Кристофера*. Датский король Кристофер II, пытаясь усилить свое влияние в северонемецких землях, пошел на большие расходы и в связи с этим ввел новые налоги в нарушение обязательств, которые дал, придя к власти. Датские магнаты, возмущенные политикой короля, подняли восстание.

⁴⁰⁸ *...в год тысяча триста тридцать второй от Рождества Христова...* В ряде списков (поздняя редакция): «спустя тридцать лет после избрания короля Магнуса». См.: UUB E 5, E 6, E 7, N 140; РНБ Швед. F. IV. 2, F. IV. 3. Та же версия (но с искажениями) в РНБ Швед. F. IV. 4.

⁴⁰⁹ *граф Иохан Голишинский* — Иоханн Добросердечный, голишинский граф, сторонник Кристофера II; помог этому королю вернуться на датский престол. В качестве залоговых держаний получил области Сконе и Блекинге. У него Магнус Эрикссон и выкупил эти территории. Ср.: Сванидзе А.А. Средневековый город. С. 43.

⁴¹⁰ *Ныне во многих местах хранятся списки с этих грамот...* Так называемые Skånebrev, «грамоты относительно Сконе». Они и по сей день хранятся в шведских рукописных собраниях.

⁴¹¹ графскую дочь по имени Бланка — Бланш (Бланка), дочь графа Намюрского. В 1335 году вышла замуж за короля Магнуса Эрикссона, став королевой Швеции и Норвегии.

⁴¹² черным братьям, чтобы они основали монастырь — имеется в виду Стокгольмский доминиканский монастырь. Он был основан благодаря Магнусу Эрикссону, который пожаловал монастырю здание и землю.

⁴¹³ двух сыновей, Эрика и Хакона — Эрик Магнуссон впоследствии стал королем Швеции (1356—1359), Хакон (Хокон) Магнуссон — королем Норвегии (1355—1380).

⁴¹⁴ подобный закон издал король Биргер — см.: выше, примеч. 357.

⁴¹⁵ книга законов, которую король Магнус дал сёдерманландцам. В этой книге, в частности, содержатся положения об избрании короля, которые затем, в отредактированном виде, вошли в Ландслаг. Ср.: Швеция и шведы. С. 187, примеч. 14. С. 202—203, примеч. 62.

⁴¹⁶ архиепископ Педер... из черных братьев... — Петрус Филиппи (в миру Педер Филиппсон), архиепископ Уппсальский, в прошлом — монах, видный деятель доминиканского ордена. В 1336 году короновал Магнуса Эрикссона на шведский престол.

⁴¹⁷ Ульв, муж святой Биргитты — Ульф Гудмарссон, упландский аристократ, рыцарь. Муж и сподвижник святой Биргитты.

⁴¹⁸ По свидетельству всех шведских хроник, он стал распутничать... См. послесловие. С. 380—381 наст. издания.

⁴¹⁹ Генрих — Голштинский граф Генрих по прозвищу Железный. Участник похода Магнуса Эрикссона на Русь (1348 год).

⁴²⁰ Святая Биргитта... получила откровение о том, как следует вести войну... Упомянутые предписания Биргитты содержатся в сборниках ее откровений, а также в нарративных памятниках — «Связующей поэме» (рифмованной хронике — продолжении Хроники Эрика) и в хронике Эрикуса Олаи. Главное требование Биргитты было таково: в поход на Русь следует брать только шведов, не прибегая к помощи иностранцев. Магнус Эрикссон не выполнил это требование, взяв в поход немцев и датчан.

⁴²¹ папа утвердил ее в чине святой. Биргитта была канонизирована папой Бонифацием IX 7 октября 1391 года.

⁴²² многие ученые мужи воспротивились и заявили, что эти откровения — бред. В данном случае речь идет о дебатах по поводу канонизации Биргитты. Но и до этих дебатов, еще при жизни Биргитты, и в течение многих лет после ее провозглашения святой к откровениям Биргитты многие относились с недоверием. Утверждали, что эти откровения — галлюцинации, вызванные чрезмерным постом и бдением; что они содержат ересь, посланы не Богом, а дьяволом.

⁴²³ замок Пекенсар — крепость Орешек (швед. Нётеборг), расположенная на острове Орешек (фин. Пяккиясаари).

⁴²⁴ ...мир между... королем Магнусом и новгородским великим князем. При работе над хроникой Олаус Петри допустил ошибку, сочтя, что русско-шведский Ореховецкий (Нётеборгский) договор был заключен

после похода Магнуса Эрикссона в Карелию. В действительности этот договор, как известно, был создан в 1323 г. Магнус Эрикссон, от имени которого был заключен этот договор, в то время являлся несовершеннолетним. В ранней редакции «Шведской хроники» упомянуто имя новгородского князя, заключившего мир — Юрий (на шведский манер, Йерен). В поздней редакции хроники был изменен титул князя: вместо первоначального «konung» («король», «князь») употреблен термин «furst» («князь»). Имя князя в поздней редакции не приводится. Возможно, исправление было вызвано желанием исправить замеченную неточность. Ср.: KB D 407a, D 407b; UUB N 141, N 142, W 250; РНБ Швед. F. IV. 1.

⁴²⁵ *Черная смерть* — эпидемия чумы, охватившая в середине XIV века всю Европу. Из Англии эпидемия распространилась на Норвегию, а затем охватила Швецию.

⁴²⁶ ...*король Магнус предался распутству*. В ранних версиях хроники рассказ о прегрешениях Магнуса Эрикссона дан в кратком, более традиционном виде; отсутствуют замечания, сделанные при работе над поздней редакцией. См., например: KB D 407b, D 409; UUB N 141, N 142; РНБ Швед. F. IV. 1. Еще одна версия рассказа о Магнусе Эрикссоне приведена в списке UUB E 14; отличие в данном случае обусловлено тем, что переписчик включил в текст фрагмент другого произведения — хроники Лаврентиуса Петри. Там воспроизведены обвинения в адрес короля Магнуса, но иначе расставлены акценты: подчеркнуто, что король предался суете, не заботясь об общем благе. При публикации хроники Олауса Петри в *Scriptores rerum svecicarum* издатель, применительно к указанному фрагменту, отдал предпочтение версии кодекса E 14 и вследствие этого исказил текст «местера Улофа». Ср.: UUB E 14, F. 73v. Ср.: SRS I. S. 94—99.

⁴²⁷ *король позволяет себе... мерзости...* — короля Магнуса обвиняли в мужеложстве. См. послесловие. С. 380.

⁴²⁸ *король удерживал... денарий святого Петра*. Магнус Эрикссон отчасти имел на это право: из средств, собранных в счет указанного налога, по традиции финансировались крестовые походы, а денежные затруднения Магнуса Эрикссона в значительной степени были связаны с неудачным «крестовым походом» на Русь.

⁴²⁹ *Хемминг* — епископ Абовский (1338—1366). Учился в Париже. Крупный церковный деятель, ревностный защитник привилегий духовенства. Друг и сподвижник святой Биргитты. В XV — начале XVI в. почитался в Финляндии как местный святой. В 1514 году причислен к лику блаженных.

⁴³⁰ *За это короля еще больше невзлюбили*. Во многих списках уточнено: речь идет об отношениях между королем и риксродом (där oviljan emellan konungen och rikisens råd mer och mer förökades utav). Ср.: KB D 407b, D 409; UUB E 5, E 6, W 250, N 140, N 141; РНБ Швед. F. IV. 2, F. IV. 3.

⁴³¹ *Альбрехт Мекленбургский* — Альбрехт, герцог Мекленбургский и Шверинский. Был женат на Эвфемии, сестре короля Магнуса Эрикссона.

⁴³² граф Адольф Голштинский — граф Адольф VII Гольштейн-Шауэнбургский (умер около 1352 г.).

⁴³³ праздник евангелиста Святого Марка (25 апреля).

⁴³⁴ указ... включен в Стадслаг. Речь идет об известном статуте короля Эрика Магнуссона от 1357 г. о наказании за коллективные выступления против властей (stadgan mot flock och samnad). См.: Швеция и шведы. С. 244.

⁴³⁵ молвил: «Те, кто дали мне жизнь — те и лишили жизни». Ср.: *Ericus Olai. Chronica. S. 130.*

⁴³⁶ Хеннинг — здесь: архиепископ Хемминг. См. примеч. 429.

⁴³⁷ ...тем, что Магнус убил их короля. В ряде списков уточнено: «как полагали, убил их короля» — *han hade (som meningen var) förgiort deras konung.* Ср.: KB D 410; UUB E 5, E 6, E 7, N 140.

⁴³⁸ Оказался хитрее... сулил золотые горы и... получил Сcone. Олаус в данном случае следует позднесредневековой шведской традиции, согласно которой король Вальдемар Аттердаг получил Сcone обманом. См. послесловие переводчика. С. 383.

⁴³⁹ ...получил прозвище Сmek. На самом деле, происхождение прозвища неясно. Некоторые связывают его со словом smek («ласка») и полагают, что в прозвище содержался намек на гомосексуальные пристрастия Магнуса Эрикссона. По другой версии, которую привел Олаус Петри, король Магнус получил указанное прозвище потому, что дал себя обмануть (smeka sig) королю Вальдемару Аттердагу. См.: *Ferm O. Olaus Petri och den heliga Birgitta. S. 38—39.* Интересно, что в актах канонизации Биргитты упомянут еще один «Сmek» — Иоханнес (Ханс) Сmek, шведский взпнар (младший рыцарь) немецкого происхождения. Он кошунствовал по поводу святой Биргитты, и за это его постигла кара: он лишился рассудка. Во всяком случае, этот пример показывает, что имя «Сmek» было достаточно распространенным. Ср.: *Acta et processus canonizationis beate Birgitte. Uppsala, 1924. P. 26, 109—110, 280—281 etc.*

⁴⁴⁰ Остров пришел в упадок... Согласно версии, распространенной и поныне, упадок Готланда в позднее средневековье был следствием вторжения Вальдемара Аттердага и последующим разорением острова. Существует иное объяснение: упадок Готланда был вызван изменениями в балтийской торговле, появлением новых транзитных портов. Краткие сведения об истории Готланда см. в работах: *Сванидзе А.А. Средневековый город и рынок в Швеции С. 42—43; Из ранней истории... С. 113—115; Швеция и шведы. С. 289—290.*

⁴⁴¹ день святого Мартина — 11 ноября.

⁴⁴² ...утренний дар короля не должен превышать 12 марок золотом. Ср.: Из ранней истории... С. 218—219.

⁴⁴³ Нильс, епископ... — Николаус Марци, епископ Линчёпингский (1352—1372). Нильс Стурессон (правильнее: Нильс Турессон) — рыцарь (из рода Бьельке). Член риксрода, дротс Швеции. Один из противников короля Магнуса Эрикссона. Бу Йенссон — рыцарь (из рода Грип); во второй половине XIV века был дротсом Швеции. Крупный

земледелец, экспортер шведских товаров (воск, меха, металл), держатель многочисленных и обширных замковых ленов. После смерти Бу Йенссона упомянутые лены стали предметом конфликта между шведскими магнатами и королем Альбрехтом Мекленбургским. Относительно земельных владений и хозяйственной деятельности Бу Йенссона см.: Сванидзе А.А. Средневековый город. С. 157—158, 277—278.

⁴⁴⁴ *девица Элисабет... решила... не выходить замуж.* Элисабет (Елизавета) Голштинская, дочь графа Герхарда III Голштинского, в 1362 году была помолвлена с норвежским королем Хаконом Магнуссоном, сыном Магнуса Эрикссона. Когда помолвка была расторгнута, Элисабет постриглась в монахини.

⁴⁴⁵ *провозгласили... королем герцога Альбрехта.* Альбрехт, король Швеции (1363—1389), герцог Мекленбургский (1384—1412), сын мекленбургского герцога Альбрехта II и Эвфемии, сестры короля Магнуса Эрикссона.

⁴⁴⁶ *Тиллинге* — церковный приход в Упланде.

⁴⁴⁷ *Эстенсбру* — мост на границе областей Вестманланд и Упланд.

⁴⁴⁸ *Гата* — здесь: лес на границе областей Упланд и Вестманланд.

⁴⁴⁹ *архиепископ Педер...* Педер Торкельссон, епископ линчёпингский (1342—1351), архиепископ Уппсальский (1351—1366). Одно время являлся канцлером Магнуса Эрикссона.

⁴⁵⁰ *письмо уппландцев эстётам и вестётам...* Это послание относится к категории так называемых *klagobrev* («жалобных писем»), в которых простые люди сетовали на гнет со стороны правителя или должностных лиц. Нередко такие письма создавались по инициативе магнатов, которые использовали народное недовольство в своих политических целях.

⁴⁵¹ *леса Тивед и Кольморг* — лесные массивы, разделяющие Верхнюю и Нижнюю Швецию.

⁴⁵² *Хемминг, епископ Абовский...* См. выше, примеч. 429.

⁴⁵³ *Конунгсберг* — речь идет об укрепленной усадьбе, которая впоследствии была разрушена. Олаус Петри, видимо, предположил, что одноименная деревня в окрестностях Стокгольма названа в честь этой усадьбы.

⁴⁵⁴ *умерла в Риме Святая Биргитта... мощи были перевезены в Вадстену.* В 1372—1373 гг. Биргитта совершила паломничество в Святую Землю; на обратном пути она умерла. В 1374 г. мощи Биргитты были перевезены в Вадстену, в основанный ею монастырь.

⁴⁵⁵ *Бомильфьорд* — совр. швед. Бёммельфьерд, норв. Бёмлафьорд. Фьорд в Западной Норвегии.

⁴⁵⁶ *Король Хако*н в скором времени умер — Хако́н Магнуссон умер в 1380 году.

⁴⁵⁷ *...вскоре умер и он* — Олаф Хако́нссон, малолетний король Дании и Норвегии, сын Хакона Магнуссона и Маргреты, умер в 1387 году. С его смертью угасла королевская династия Фолькунгов.

⁴⁵⁸ *король Альбрехт... стал брезговать шведами.* Об этом говорится в шведских нарративных памятниках XV века. См. послесловие. С. 387.

⁴⁵⁹ *...пожаловал все замки...* Суть изменений, которые произошли в отношении замковых ленов при Альбрехте Мекленбургском, заключалась не только в том, что лены оказались в руках немцев. Изменился сам статус ленов. Ранее большинство держаний составляли административные лены (швед. *förvaltningslän*), где ленники были подотчетны монарху. Теперь же самым распространенным видом держания стали залоговые лены (швед. *pantlän*). При таком типе держания ленник — кредитор короны обладал значительной свободой, его обязательства перед короной были сравнительно невелики. Нередко залоговые лены передавались во вторые руки. Таким образом, смена политического режима привела не только к засилью иноземцев, но и к децентрализации управления. См.: *Fritz B. Hus, land och län. S. 114—115; 120—121.*

⁴⁶⁰ *шведам приходилось жить на... доходы с собственных владений.* У магнатов позднесредневековой Швеции рента, полученная с поместий, составляла, как правило, часть доходов. Другую часть составляли доходы, полученные с замковых ленов.

⁴⁶¹ *поборы... которые пришлось платить духовенству.* Олаус Петри основывался здесь на сведениях, почерпнутых у Эрикуса Олаи.

⁴⁶² *король... посетовал: ренты короны не хватает.* Об этом рассказано в рифмованной хронике — «Связующей поэме», из которой позаимствовал сведения Эрикус Олаи.

⁴⁶³ *если шведы признают ее государыней, она окажет им помощь...* Согласно Далаборгскому договору 1388 года, Маргрета (у Олауса Петри — Маргарета) была провозглашена «полновластной государыней» Швеции и получила в этой стране обширные владения. Со своей стороны, она оказала шведам помощь в борьбе против Альбрехта Мекленбургского.

⁴⁶⁴ *архиепископ Биргер* — Биргер Грегерссон, архиепископ Уппсальский (1366—1383). Одно время поддерживал Альбрехта Мекленбургского и являлся канцлером этого короля. Сподвижник и почитатель святой Биргитты, автор ее жития.

⁴⁶⁵ *Бу Юхансон* — Бу Йенссон (Грип). См. примеч. 443.

⁴⁶⁶ *Оба войска сошлись... при Фалене в Вестергётланде.* Речь идет о сражении, в основном известном как битва при Фальчёпинге (24 февраля 1389 года). В этом сражении датско-шведские войска нанесли поражение войску Альбрехта Мекленбургского.

⁴⁶⁷ *потеряла... одного рыцаря из собственной свиты.* Олаус воспроизводит сведения, которые, по-видимому, возникли вследствие ошибки.

⁴⁶⁸ *день апостола Матфея* — 21 сентября.

⁴⁶⁹ *герцог Иоханн Мекленбургский* — Иоанн (Иоханн) IV Мекленбургский, племянник короля Альбрехта Мекленбургского. Впоследствии претендовал на шведский престол.

⁴⁷⁰ *братья-виталийцы* — морские разбойники, грабившие суда на Балтике в конце XIV века, во время конфликта Альбрехта Мекленбургского со сторонниками Маргреты I. Название этих пиратов, как известно, произошло от нижненем. *vitalie*, производного от лат. *victualia* («провиант»). Виталийцы были организованы в братство, делили добычу в примерно равных долях; отсюда другие названия: «равнодольщики» (нем. *Gleichteilern*), «коммунисты» (нем. *Kommunisten*).

⁴⁷¹ *сожгли заживо...* Речь идет о расправе над Стокгольмскими бюргерами шведского происхождения, учиненной на острове Чеплинге, средневековом пригороде Стокгольма (ныне один из центральных районов города). Подробно обстоятельства расправы изложены в донесении об этом событии. Этот источник (как и последующие рассказы об упомянутой расправе) является тенденциозным; достоверность указанных описаний считается спорной. См.: *Сванидзе А.А. Средневековый город. С. 53*, и указанную там литературу.

⁴⁷² *праздник святого Эскиля* — 12 июня.

⁴⁷³ *епископ Турд* — Турд Гуннарссон, епископ Стренгнесский. Умер в 1401 г.

⁴⁷⁴ *день святого Матфея*. См. примеч. 468.

⁴⁷⁵ *было обещано иное, когда шведы признали ее государыней*. По условиям Далаборгского договора, заключенного со шведскими магнатами в 1388 году, Маргрета обязалась править Швецией по шведским законам, в частности жаловать лены только шведам. Ср.: *Lönnroth E. Sverige och Kalmarunionen*.

⁴⁷⁶ *обещание не было исполнено*. Маргрета назначала немцев и датчан фогдами шведских замков: это было частью политики, которую она проводила. С ней было связано изменение статуса многих замковых ленов: из залоговых (ср. примеч. 459) они вновь стали административными. Дискуссионным является вопрос, распространялась ли указанная политика только на обширные пожизненные владения, так называемый «утренний дар» Маргреты, или же на всю Швецию. На территориях, которые не входили в «утренний дар», Маргрета делала щедрые пожалования представителям пограничной «скандинавской» знати. Поскольку в то время отсутствовало четкое определение понятия «швед», таких скандинавских магнатов подчас причисляли к шведам. См.: *Erslev K. Dronning Margrethe; Fritz B. Hus, land och län*.

⁴⁷⁷ *похвостный налог... с каждого хвоста* — т.е. со всего поголовья полноценного скота. Животное считалось полноценным, если у него присутствовали все части тела, включая хвост. Ср.: *Ericus Olai. Chronica. S. 155; OPSS IV. S. 322*.

⁴⁷⁸ *герб, который природа пожаловала ей, как женщине*. Непристойные изображения и надписи в позднесредневековой Швеции встречались порой в самых «подходящих» местах: в убранстве церквей, в сборниках проповедей, в книгах законов. Это было проявлением своего рода моды на кошунство, распространившейся по средневековой Европе. Происхождение этой моды не вполне ясно. Ср.: *Svanberg J. Obscene and*

blasphemous motifs in Swedish medieval art // Master Golyas and Sweden. Stockholm, 1997. P. 453—499.

⁴⁷⁹ *Королева всю жизнь ненавидела шведов...* Наверное, правильное было сказать, что Маргрета I неприязненно относилась к своим шведским противникам; вряд ли эта неприязнь распространялась на всех шведов. Уместно вспомнить, что покойный муж Маргреты Хакон Магнуссон был сыном шведского короля, что воспитательницей Маргреты являлась шведская аристократка. Фаворит Маргреты Абрахам Брудерссон был представителем пограничной «скандинавской» знати; в письменных памятниках той эпохи он неоднократно именовался шведом.

⁴⁸⁰ *племянника...* — Эрик Померанский приходился Маргрете внучатым племянником.

⁴⁸¹ *померанского герцога по имени Бугислав* — это настоящее имя Эрика Померанского. Эрикус Олаи приводит также другую версию, согласно которой Эрика Померанского изначально звали Хенриком (*Ericus Olai. Chronica. S. 147*). Олаус Петри эту версию не упоминает.

⁴⁸² *Те ответили: покуда она жива, они не желают другого государя.* Ср.: Хроника Энгельбректа. С. 7.

⁴⁸³ *праздник Святой Магдалины* — 22 июля.

⁴⁸⁴ *был он... очень юн.* Это обстоятельство подчеркивали различные скандинавские источники: «Хроника Энгельбректа», Вадстенский диарий, Исландские анналы.

⁴⁸⁵ *Его короновали в Кальмаре на престол всех трех королевств.* Эрик Померанский короновался в Кальмаре на шведский и датский престол. В составленном по этому случаю акте о коронации провозглашалось, что король Эрик стал коронованным монархом Дании, Швеции и Норвегии. Коронация на норвежский престол, вероятно, состоялась раньше; точное время и обстоятельства ее не известны. См.: Швеция и шведы. С. 249—271.

⁴⁸⁶ *создали... грамоту... что отныне все три королевства будут находиться под одним государем...* «Шведская хроника» Олауса Петри — первая в Скандинавии (и вообще в Европе) хроника, в которой сказано, что в Кальмаре, в связи с коронацией Эрика Померанского, был создан договор о вечной унии трех королевств.

⁴⁸⁷ *союз был заключен при следующих условиях...* Условия союза перечислены в договоре, заключенном в 1397 году. См.: рус. пер. этого договора: Швеция и шведы. С. 272—278. Олаус Петри принял за договор об унии другой документ — проект нового соглашения об унии, созданный в 1436 году. Неточность была, несомненно, вызвана тем, что в книгах, содержащих копии документов, так называемых регистрах, содержались списки проекта 1436 года, ошибочно выдаваемые за копии союзного договора, заключенного в конце XIV века при Маргрете I. Олаус Петри решил, что указанный документ был создан в конце XIV века и впоследствии, в 1436 году, был утвержден Эриком Померанским. В действительности данный документ существенно отличался от договора 1397 года. В частности, в проекте от 1436 года, применительно к каждому из королевств оговаривались полномочия высших должностных

лиц — дротса, марска, гофмейстера, обер-канцлера. Монарху предписывалось поочередно пребывать в каждой из стран — участниц союза. Подробно регулировался порядок избрания союзного монарха. См.: *Sveriges traktater*. Bd. III. S. 167–180.

⁴⁸⁸ *Швеция будет вас кормить, Норвегия — одевать...* Это высказывание получило широкую известность. Ср.: *Ericus Olai. Chronica*. S. 155.

⁴⁸⁹ *покуда король не возмужал, правила по большей части королева Маргарета...* Действительно, до совершеннолетия Эрика Померанского Швецией (и другими Скандинавскими странами) правила в основном Маргрета; это известно как из документов, так и из нарративных памятников.

⁴⁹⁰ *королева начала размышлять, как вернуть этот остров...* По содержанию и по стилю этот пассаж Олауса Петри близок соответствующему месту рифмованной хроники. Ср.: Хроника Энгельбректа. С. 1; *Ehgelbrektskrönikan*. S. 26.

⁴⁹¹ *день святого Мартина* — 11 ноября.

⁴⁹² *дочь короля Англии (а некоторые утверждают: короля Португалии).* Принцесса Филиппа, невеста Эрика Померанского, была дочерью английского короля Генриха IV. В одном из шведских нарративных памятников она ошибочно названа дочерью португальского короля.

⁴⁹³ *архиепископ Хенрик* — Хенрик Карлссон, архиепископ Уппсальский (1303–1408). В 1397 году короновал Эрика Померанского в Кальмаре.

⁴⁹⁴ *герр Стен Бенгтссон* — шведский аристократ, рыцарь, член риксрода.

⁴⁹⁵ *король приказал казнить герра Абрама...* — Абрахама Брудерсона (см. примеч. 479) казнили за произвол по отношению к мирным жителям. Но главная причина, по всей видимости, заключалась в том, что герр Абрахам, крупный землевладелец, богач и фаворит королевы Маргреты, рассматривался Эриком Померанским как возможный соперник — претендент на власть в Скандинавских странах.

⁴⁹⁶ *день Симона и Иуды* — католический церковный праздник. Отмечается 28 октября.

⁴⁹⁷ *маркланд* — в средневековой Швеции — мера земельной площади. 1 маркланд = 8 эресландов = 24 эртугсланда.

⁴⁹⁸ *не говоря... о малых налогах и повинностях.* Олаус Петри основывается здесь на данных, приведенных Эрикусом Олаи. Ср.: *Ericus Olai. Chronica*. S. 150.

⁴⁹⁹ *бык стал стоить 12 эре... корова — 6 эре.* Ср.: Хроника Энгельбректа. С. 109.

⁵⁰⁰ *Иоханнес Герекини* — архиепископ Уппсальский. Был избран по инициативе Эрика Померанского.

⁵⁰¹ *Иоханнес Хаквини* (в миру Йенс Хоканссон) — уппсальский архиепископ, в прошлом монах биргиттинского ордена. Участник церковного собора в Констанце (1414–1418). См. также: Хроника Энгельбректа. С. 18, 140.

⁵⁰² заболел проказой и скоропостижно умер. Ср.: Хроника Энгельбректа. С. 140; Vadstenadiariet. S. 202—204; *Ericus Olai. Chronica.* S. 172. Исследователи отмечали неправдоподобность сообщения о смерти архиепископа Иоханнеса: проказа протекает долго, от нее не умирают скоропостижно. Весьма вероятно, что архиепископа отравили.

⁵⁰³ Особенно жесток был... Йоссе Эрикссон. Далее Олаус Петри описывает знаменитое восстание Энгельбректа. В значительной степени это описание восходит (и прямо, и опосредованно) к рифмованной «Хронике Энгельбректа».

⁵⁰⁴ Граф Ханс (Ханс фон Эберштейн) — померанский граф, родственник короля Эрика. Ср.: Хроника Энгельбректа. С. 25.

⁵⁰⁵ Мельхиор Гёрсе — Мельхиор Гертц, дворянин, представитель немецко-шведского рода, происходящего из Голштинии. Ср.: Хроника Энгельбректа. С. 25.

⁵⁰⁶ Пошли к Чёпингскому замку. Ср.: Хроника Энгельбректа. С. 25, 142, 161.

⁵⁰⁷ Юхан Вале (Вала) — настоящее имя: Джованни Франко, происходил из Венеции; в качестве переводчика сопровождал Эрика Померанского во время поездки в Иерусалим. Затем последовал за королем в Скандинавию, где получил в держание Стегеборгский лен.

⁵⁰⁸ Стэкеборг — точнее Стегеборг, замок на подступах к городу Сёдерчёпингу. Подробно см.: Хроника Энгельбректа. С. 144.

⁵⁰⁹ сожгли Бурганэский замок. См.: Хроника Энгельбректа. С. 25.

⁵¹⁰ в праздник Ивана Купалы — в день Иоанна Крестителя, 24 июня.

⁵¹¹ Мельхиор. См. примеч. 505.

⁵¹² Нильс Густавссон — рыцарь, член риксрода, лагман Уппланда, один из сподвижников Энгельбректа.

⁵¹³ Эрик Пуке — сын Нильса Густавссона. Во время восстания 1434—1436 гг. являлся соратником Энгельбректа.

⁵¹⁴ Корсхольм — замок на северо-востоке Швеции.

⁵¹⁵ Факсехольм — замок на северо-востоке Швеции. Сожжен в ходе восстания Энгельбректа.

⁵¹⁶ Кастельхольм — замок на Аландских островах.

⁵¹⁷ Фру Ида — датская аристократка. См.: Хроника Энгельбректа. С. 143.

⁵¹⁸ Ее управитель, Отте Пуггевийш — сын и помощник фру Иды. См.: Хроника Энгельбректа. С. 143.

⁵¹⁹ Рекарне — местность между озерами Меларен и Ельмарен.

⁵²⁰ Грипсхольм — замок в Сёдерманланде, неподалеку от Стренгнеса. Построен Бу Йенссоном Грипом. См. примеч. 443.

⁵²¹ Ханс Крёпелин — член шведского риксрода. Происходил из мекленбургских дворян.

⁵²² праздник святого Мартина. См. примеч. 441.

⁵²³ в Вадстене... остановились члены риксрода. Встреча Энгельбректа с риксродом в городе Вадстене — одно из важнейших событий в восстании Энгельбректа. Ее описание см.: Хроника Энгельбректа.

С. 32—33; ср. с. 101—105. Последующие хронисты, писавшие об этой встрече, — Эрикус Олаи, Олаус Петри, Йоханнес Магнус — добавляли к этому описанию новые подробности (скорее всего, вымышленные), как бы реконструируя обсуждения, которые имели место в Вадстене.

⁵²⁴ *Линчёпингский епископ Кнут* — в то время один из старейших шведских магнатов. Принимал активное участие в восстании 1434—1436 годов. *Епископ Сигге* — епископ Скарский, член риксрода. *Стренгнесский епископ Томас* — участник восстания Энгельбректа, автор «Песни о свободе», знаменитого памятника шведской литературы. Ср.: Хроника Энгельбректа. С. 144.

⁵²⁵ *Херман Берман* — вэпнар из Эстерьётланда, соратник Энгельбректа. Происходил из немецкого рода.

⁵²⁶ *Румлаборг* — замок в области Смоланд, на юге Швеции.

⁵²⁷ *Троллеборг* — средневековый замок в Смоланде. Разрушен во время восстания Энгельбректа.

⁵²⁸ *Пиксборг* — стратегически важный замок в Смоланде, близ тогдашней границы с Данией. Сожжен во время восстания Энгельбректа.

⁵²⁹ *Кетильберг* — Клаус Кетильберг, дворянин, чей род происходил из Ютландии.

⁵³⁰ *Аксваль* — замок возле города Скара. Один из важнейших замков Шведского королевства. Относительно последующих действий Энгельбректа на юге Скандинавского полуострова см. Хроника Энгельбректа. С. 37—42.

⁵³¹ *между Швецией и Сконе должен быть прочный мир* — так называемый пограничный мир (*gränsfred*). Согласно договорам такого рода, стороны обязывались предупреждать друг друга о грозящей военной опасности, а также не участвовать в военных действиях друг против друга.

⁵³² *переговоры... между королем Эриком и приморскими городами*. Переговоры Эрика Померанского с ганзейцами, завершившиеся подписанием перемирия.

⁵³³ *запретил... даже кур отбирать*. Эти сведения Олаус Петри почерпнул из хроники Эрикауса Олаи. Ср.: *Ericus Olai. Chronica*. S. 158. См. также послесловие. С. 388 наст. издания.

⁵³⁴ *Уппландцы подошли со стороны Нормальма...* Расположение осаждавших, представителей различных областей Верхней Швеции, соответствовало положению этих областей относительно Стокгольма. См.: Хроника Энгельбректа. С. 146.

⁵³⁵ *Руслаген (другое название: Роден)* — приморская местность в восточном Свеаланде.

⁵³⁶ *Эстхаммарский замок* — замок на восточном побережье Швеции, недалеко от Уппсалы.

⁵³⁷ *Громункехольмен* — «остров Серых братьев», *Хельгеандсхольмен* — «Остров Святого Духа». Острова близ острова Стадсхольмен, на котором находился средневековый Стокгольм. Ср. примеч. 334, 401.

⁵³⁸ *рождество Девы Марии* — 8 сентября.

⁵³⁹ *день святого Мартина*. См. примеч. 441.

⁵⁴⁰ *избрали Энгельбректа хёвитсманом Шведского королевства.* Этот факт упомянут в хрониках, но не подтвержден документально. Все же, по традиции, Энгельбректа принято считать одним из правителей Швеции.

⁵⁴¹ *месса свечей 2 февраля — праздник Очищения Богородицы.*

⁵⁴² *с прусским крестоносцем...* Речь идет о комтуре Тевтонского ордена Хенрике Ровердере, который по поручению великого магистра Тевтонского ордена исполнял обязанности посредника между шведами и королем Эриком.

⁵⁴³ *архиепископ Улоф — Олаус Лаврентий;* был избран уппсальским соборным капитулом через три дня после смерти Йоханнеса Хаквини. Его избрание привело к конфликту между Эриком Померанским и высшим духовенством Швеции.

⁵⁴⁴ *другого, по имени Аренд — Аренд Клемитссон, каноник из Роскильде, приближенный к королю.*

⁵⁴⁵ *Торлак — Торлав Олавссон, скандинавский прелат, норвежец;* находился в милости у короля Эрика Померанского.

⁵⁴⁶ *праздник святого Олафа — 29 июля.*

⁵⁴⁷ *Энгельбрект занялся сооружением канала...* Ср.: Хроника Энгельбректа. С. 49. Телье (Сёдертелье) — в средние века город и замок к юго-западу от Стокгольма.

⁵⁴⁸ *Герр Кристиерн Нильссон стал дротсом, а Карл Кнутссон стал марском.* В Хронике Энгельбректа сцена избрания дротса и марска описана очень выразительно, с интересными подробностями и изрядной долей юмора. Эрикус Олаи, пересказывая этот эпизод, опустил многие подробности. Олаус Петри рассказал о выборах дротса и марска еще более кратко.

⁵⁴⁹ *...он... не будет их да-государем — то есть не будет послушным, покладистым государем.* См.: Хроника Энгельбректа. С. 149.

⁵⁵⁰ *назначил датчанина, герра Эрика Нильссона — Эрик Нильсен — датский аристократ из рода Гюлленшерн.*

⁵⁵¹ *Съезд господ в Арбуге.* По традиции считается первым шведским риксдагом — всесословным собранием. В «Хронике Энгельбректа» собирается, что в указанном съезде приняли участие представители податного населения — бюргеров и бондов. Но единственный сохранившийся документ этой встречи — заключительная резолюция не подтверждает упомянутые сведения. Фактически собрание в Арбуге являлось собранием непримиримых противников Эрика Померанского из числа фрельсе.

⁵⁵² *день святого Фабиана — 20 января.*

⁵⁵³ *...и привезти с собой герцога Бугислава.* Около 1420 г. король Эрик издал несколько постановлений, из которых следовало, что в случае смерти монарха контроль над замками и политическая власть в Дании и Швеции должны перейти к померанскому герцогу Бугиславу — кузену и тезке короля. Указывалось, что если умрет герцог Бугислав, то властные полномочия перейдут к кому-либо другому из померанских родичей короля Эрика. Эти распоряжения грозили превращением скандинавских королевств в вассалов померанских герцогов. Они вызвали возмущение

скандинавских магнатов и стали одной из причин вооруженной борьбы против Эрика Померанского в 30-е годы XV в. См.: Хроника Энгельбректа. С. 17; 81. Ср.: Danmarks historie. Bd. 2. S. 159.

⁵⁵⁴ *прибыв к Стокгольму, увидели: ворота закрыты.* Эпизод выразительно описан в «Хронике Энгельбректа». Интересная деталь была добавлена Эрикусом Олаи: шведы захватили бургомистров в плен, пользуясь тем, что те не позаботились о дополнительных гарантиях неприкосновенности. Возможно, Эрикус Олаи просто придумал указанное объяснение: было очевидно, что шведские повстанцы поступили жестоко и вероломно, и требовалось как-то оправдать их поступок. Это оправдание вошло также в хронику Олауса Петри.

⁵⁵⁵ *Корнторьет* — букв.: Зерновая площадь (в черте древнего Стокгольма). Туда в средние века привозили зерно, а также железо, добытое в горно-рудных районах. С этим связано более позднее название указанной площади — Йернторьет («Железная площадь»).

⁵⁵⁶ *Монастырь Черных братьев* — Стокгольмский доминиканский монастырь.

⁵⁵⁷ *чтобы избрать хёвитсмана.* Ср.: Хроника Энгельбректа. С. 65–66.

⁵⁵⁸ *Энгельбрект... отбыл к Нючёпингу.* Относительно последующих боевых действий см.: Хроника Энгельбректа. С. 67–75.

⁵⁵⁹ *Бенгт Стенссон* — рыцарь из рода Натт-о-Даг. Ср.: Engelnbrektskrönikan. S. 181–182. *Магнус Бенгтссон* — сын Бенгта Стенссона. Подробно см.: Engelnbrektskrönikan. S. 183–185; Хроника Энгельбректа. С. 56–57, 75–79, 114.

⁵⁶⁰ *Некоторые полагают: добираться по воде ему посоветовал герр Бенгт.* Этой подробности нет в «Хронике Энгельбректа». Указанная подробность важна как аргумент в пользу версии о том, что убийство Энгельбректа было тщательно спланировано.

⁵⁶¹ *на мессу Креста* — 3 мая. Относительно даты убийства Энгельбректа см.: Хроника Энгельбректа. С. 152.

⁵⁶² *Альбрект Петтата* — Альбрект Пеккатиль, мелкий фрельсисман.

⁵⁶³ *отправился к Медалёсской церкви, куда было доставлено тело...* Энгельбректа поначалу похоронили на кладбище прихода Медалёса (Мелёса) на острове Меларен.

⁵⁶⁴ *...похоронили в городской церкви.* Ср.: Хроника Энгельбректа. С. 115; Vadstenadiariet. S. 206.

⁵⁶⁵ *не вытягивайте-де ног дальше, чем хватает шкуры.* Популярная в то время поговорка. Ее, как утверждает «Хроника Энгельбректа», в свое время процитировал Эрик Померанский, обращаясь к Карлу Кнутссону. Эрикус Олаи указал, что Карл Кнутссон стал цитировать эту поговорку, взяв пример с Эрика Померанского. См.: Ericus Olai. Chronica. S. 165–166. См. также послесловие. С. 389 наст. издания.

⁵⁶⁶ *Карл Кнутссон! Держи взаперти своих гончих псов...* Олаус Петри воспроизвел тираду Эрика Пуке по тексту «Хроники Карла» (ср. Karlskrönikan S. 97). Однако «местер Улоф» опустил «страшные клят-

вы» — кощунственные выражения, которые, по рифмованной хронике, якобы произнес Пуке. У Эрикуса Олаи упомянутая тирада воспроизведена в сокращении: ...diceret ei in faciem: «Karl Knutsson, kalla heem tyna stöffuare, the lukka boorth alla mina tyenare». В хронике Олауса Петри присутствует отличие: не «кликни домой» (как в опубликованных списках «Хроники Карла» и хроники Эрикуса Олаи), а «держи дома». Вероятно, указанная вариация связана с разночтениями в списках рифмованной хроники, которыми пользовались «местер Улоф» и «доктор Эрик».

⁵⁶⁷ *праздник святого Олафа*. См. примеч. 546.

⁵⁶⁸ *Герр Бу Стенссон* — рыцарь из рода Натт-о-даг; брат Бенгта Стенссона.

⁵⁶⁹ *праздник святого Михаила* — 29 сентября.

⁵⁷⁰ *Эрик Пуке... в открытую восстал...* Ср.: *Karlskrönikan*. S. 99 ff; *Ericus Olai. Chronica*. S. 166 ff.

⁵⁷¹ *трясучкин налог*. Ср. *Karlskrönikan*. S. 142—143.

⁵⁷² *праздник Люсии* — 13 декабря. В современной Швеции популярный праздник, центральным моментом которого является костюмированное шествие «Люсии» и ее сказочной свиты. В средневековой Швеции — второстепенный церковный праздник.

⁵⁷³ *лес Хэлла* — лес в Швеции, в области Вестманланд, на территории прихода Харокер (Харакер). См. также: *Karlskrönikan*. S. 144; *Ericus Olai. Chronica*, S. 166. Ср. примеч. 652.

⁵⁷⁴ *Схватили... Йоссе Эрикссона*. Об убийстве угнетателя крестьян, фогда Йоссе Эрикссона, Олаус сообщает, опираясь на хронику Эрикуса Олаи; тот, в свою очередь, заимствовал сведения об этой расправе из «Хроники Карла». Ср.: *Ericus Olai. Chronica*. S. 167; *Karlskrönikan*. S. 152—155. Эпизод освещен также в Вадстенском диарии. Там сказано, что бонды ворвались в монастырь, схватили Йоссе Эрикссона, отволокли на берег реки Мутала (к старинному месту народных собраний. — А.Щ.), где зверски мучили его, а затем отрубили ему голову. См.: *Vadstenadiariet*. S. 212—213.

⁵⁷⁵ *марск убедился: от дротса нечего ждать добра*. История о том, как марск взял дротса в плен, приведена в «Хронике Карла» (*Karlskrönikan*. S. 191—194). Ср.: *Ericus Olai. Chronica*. S. 167—168.

⁵⁷⁶ *Эльвсборг* — стратегически важный замок на юго-западе Швеции, близ устья реки Ёта-эльв.

⁵⁷⁷ *Данабрук* (дат. Данебруг) — датское знамя: красное полотнище с белым крестом. Относительно истории символа см.: *Антонов В.А. Датская геральдика XII—XV веков*. М., 2008.

⁵⁷⁸ *Брудер Свенссон, прославленный воин...* Брудер Свенссон являлся шведским рыцарем, участвовал в походе Энгельбректа на юг Скандинавского полуострова (1436 г.). Казнен Карлом Кнутссоном. Ср.: *Ericus Olai. Chronica*. S. 169. См. также: *Vadstenadiariet*. S. 212.

⁵⁷⁹ *поднесли яд в миндальном молоке*. Эрикус Олаи сообщает, что архиепископ Улоф был отравлен ядом, который ему поднес в миндальном молоке один из сановников. По гипотезе современного исследователя Б. Челлена, хронист намекал: убийцей являлся марск Карл Кнутссон.

См.: *Tjällén B. Church and nation. P. 110. Ср.: Ericus Olai. Chronica. S. 170.*

⁵⁸⁰ *Кристофер Баварский* — герцог, племянник Эрика Померанского. Король Дании (1440—1448), Швеции (1441—1448) и Норвегии (1442—1448).

⁵⁸¹ *в Арбуге... всеобщая встреча господ.* Эта встреча состоялась в октябре 1440 г.; на ней Карл Кнутссон отказался от притязаний на шведский престол в пользу Кристофера Баварского.

⁵⁸² *день евангелиста Марка* — 25 апреля.

⁵⁸³ *«марск-то куда больше годится в короли»...* Описанная выразительная сцена заимствована из «Хроники Карла».

⁵⁸⁴ *Дядюшке, мол, тоже надо на что-то жить...* Жалобы шведов и насмешливый ответ короля Кристофера приведены в «Хронике Карла»; оттуда указанный эпизод позаимствовал Эрикус Олаи.

⁵⁸⁵ *Невесту... звали Доротей* — королева Дании, Швеции и Норвегии Доротея Бранденбургская; происходила из рода Гогенцоллернов. Выйдя замуж за Кристофера Баварского, Доротея получила в «утренний дар» значительные владения. Шведский «утренний дар» королевы Доротей состоял из замкового лена Эребру и областей Вестманланд и Нärke. После смерти Кристофера Баварского Доротея вышла замуж за короля Кристиана I; ее «утренний дар» в дальнейшем стал предметом споров между датской королевской фамилией и шведскими магнатами.

⁵⁸⁶ *назначал немцев, обделяя датчан со шведами...* Эти обвинения были приведены в «Хронике Карла» и воспроизведены Эрикусом Олаи. Историки новейшего времени пришли к выводу, что обвинения в адрес короля являлись преувеличенными. В действительности король Кристофер стремился опереться на скандинавскую, в том числе шведскую, знать и делал ей значительные уступки.

⁵⁸⁷ *...был у него и особый способ ослаблять шведское рыцарство.* Так действия короля оценены в «Хронике Карла» и хронике Эрикуса Олаи. Олаус Петри воспроизвел эту сцену, но затем, вероятно, пришел к выводу, что речь идет не о каком-то особом вредительстве со стороны короля, а о ленной политике, выгодной для монарха, но невыгодной и непривычной для шведских фрельсисманов. См. послесловие переводчика. С. 390.

⁵⁸⁸ *король... ненавидел Любек и другие города* — в качестве старых соперников Дании в борьбе за господство на Балтийском море.

⁵⁸⁹ *день трех святых царей* — Благовещение (6 января). «Святыми царями» называют волхвов, которые, согласно Евангелию, принесли дары младенцу Иисусу.

⁵⁹⁰ *завещание... не было исполнено: датчане... забрали все дочиста.* Это заявление, носящее пропагандистский характер, содержится в нескольких источниках. В действительности, не все наследство короля Кристофера отошло датчанам. Так, крупные пожертвования получили Уппсальский кафедральный собор и Вадстенский монастырь. См.: *Vadstenadiariet. S. 256.*

⁵⁹¹ *архиепископ Нильс* — Николаус Рагвальди, в миру Нильс Рагвальдссон. Возглавлял Векшенский диоцез, затем был избран Уппсальским архиепископом. В 1434—1436 гг. участвовал в Базельском церковном соборе как представитель Эрика Померанского. Там, на одном из заседаний, произнес знаменитую речь, в которой доказывал, что шведы, будучи потомками древних завоевателей — готов, достойны сидеть на самых почетных местах. Летом 1435 года в числе миротворцев — делегатов от Базельского собора участвовал в переговорах между Англией и Францией. В 1438 году был избран уппсальским архиепископом и оставался им вплоть до смерти (1448).

⁵⁹² *герр Бенгт Йенссон* — верхнешведский аристократ, представитель рода Уксеншерна, лагман Упланда, гофмейстер.

⁵⁹³ *герр Нильс* — аристократ, брат Бенгта Йенссона. Оба брата — Бенгт Йенссон и Нильс Йенссон — были после смерти Кристофера Баварского избраны регентами Швеции.

⁵⁹⁴ *местер Йенс* — сын Бенгта Йенссона (см. примеч. 592). После смерти архиепископа Николауса Рагвальди был избран архиепископом Уппсальским.

⁵⁹⁵ *праздник Святого Тела...* — праздник Тела Христова (17 июня).

⁵⁹⁶ *праздник Петра и Павла* — 29 июня.

⁵⁹⁷ *день святой Варвары* — 4 декабря.

⁵⁹⁸ *Кристиан...* взял в супруги *Доротею*. См. выше, примеч. 585.

⁵⁹⁹ *Рюгенвальд* — Рюгенвальде, город в Померании; в настоящее время г. Дарлово в Польше. Там король Эрик провел остаток жизни.

⁶⁰⁰ *Висборг* — средневековый замок в городе Висбю на острове Готланд. Построен по распоряжению Эрика Померанского.

⁶⁰¹ *день святого Мартина* — см. выше примеч. 441.

⁶⁰² *день святой Вальпургии* — 1 мая.

⁶⁰³ *день святого Олафа* — см. примеч. 546.

⁶⁰⁴ *норвежцы послали гонца к королю Карлу, прося его стать их королем...* После смерти Кристофера Баварского на норвежский престол претендовали Кристиан I и Карл Кнутссон. В связи с этим норвежская знать разделилась на «прошведскую» и «продатскую» партии. Летом 1449 года на сессии норвежского риксрода в Осло было принято решение избрать Кристиана I. Однако затем сторонники Карла Кнутссона пошли на раскол с «продатскими» магнатами и пригласили в Норвегию короля Карла. Жители восточнорвежских областей провозгласили Карла королем Норвегии; 20 ноября архиепископ Аслак Больт короновал Карла. Кристиану I от имени норвежского народа было направлено письмо, где сообщалось, что решение о его избрании отменено, поскольку было принято под нажимом со стороны датского монарха.

⁶⁰⁵ *в Норвегии...* королевская власть являлась выборной. До конца XIV века Норвегия являлась наследственной монархией. Прекращение королевской династии и вхождение Норвегии в тройственную унию повлекли за собой перемены: теперь норвежцам полагалось участвовать в выборах союзного короля. После низложения Эрика Померанского Норвегия стала выборной монархией. Историки спорят, когда именно

это произошло — при избрании Кристофера Баварского, или позднее, когда к власти пришел Кристиан I. См.: *Enemark P. Fra Kalmarbrev... S. 36.*

⁶⁰⁶ *присягнула вся страна, за исключением нескольких рыцарей...* Действительно, в Норвегии у Карла Кнутссона имелась широкая народная поддержка. Но большинство аристократов — членов Государственного совета этой страны являлись сторонниками Кристиана I.

⁶⁰⁷ *поставил наместниками... герра Аслака Турессона и Энара Флогу...* — Аслак Турессон (рыцарь из рода Бод), Эйнар Флэг — норвежские магнаты, сторонники Карла Кнутссона.

⁶⁰⁸ *датчане вели тайные переговоры... добиваясь, чтобы король Карл отказался от Норвегии в пользу короля Кристиана.* На шведско-датских переговорах в Хальмстаде (весной 1450 г.) стороны заключили договор о том, что после смерти Кристиана I и Карла Кнутссона Швеция и Дания будут находиться в вечной унии под властью общего короля (датчанина либо шведа), которого изберут представители Швеции и Дании. Внутренним управлением каждого из королевств будут веждать его жители, руководствуясь местными законами. Норвегии предоставлялась возможность присоединиться к соглашению. Шведские делегаты от имени короля Карла заявили об отказе последнего от прав на норвежский престол. Договор являлся дипломатическим поражением Карла Кнутссона; сам король расценил соглашение как следствие сговора между шведскими и датскими аристократами. Все же Карл Кнутссон утвердил отказ от прав на норвежский престол, но оговорил за собой право на титул «король Норвегии». Упомянутое соглашение так и не было претворено в жизнь; через некоторое время Дания и Норвегия заключили отдельный договор о двусторонней унии.

⁶⁰⁹ *Король Кристиан... пребывал в Роннебю* — т.е. в относительной близости от тогдашней Южной Швеции, где велись переговоры, чтобы контролировать их ход, получать сведения и отдавать распоряжения. Ср.: *Ericus Olai. Chronica. S. 185.*

⁶¹⁰ *Хельсингборг* — древний укрепленный город на юго-западе Сконе, у пролива Эресунн.

⁶¹¹ *Ландскруна (Ландскрона)* — здесь: приморский город на юго-западе Сконе.

⁶¹² *Вэ* — средневековый город в Сконе, один из древнейших городов Датского королевства.

⁶¹³ *Ахус (Охус)* — город в Сконе.

⁶¹⁴ *Вельснаке* — Вильснак, местечко в Германии, объект паломничества. Ср.: *Ericus Olai. Chronica. S. 178–178.*

⁶¹⁵ *герр Туре Турессон* — шведский аристократ из рода Бьельке, представитель пограничной «скандинавской» знати; перешел на сторону датского короля Кристиана I.

⁶¹⁶ *Тивед* — см. примеч. 451.

⁶¹⁷ *Вестервик* — город в Смоланде.

⁶¹⁸ *Холавед (Хулавед)* — лесной массив к востоку от озера Веттерн.

⁶¹⁹ *герр Эрик Ниперс* — Эрик Ниперц, шведский рыцарь, член риксрода, лагман Эстерьётланда. Ср.: Vadstenadiariet. S. 302—303, 486.

⁶²⁰ *герр Турд Бунде* — шведский аристократ, двоюродный брат и сподвижник Карла Кнутссона.

⁶²¹ *Эгерт Круммедике* (Круммедиге) — датский рыцарь, помещик, держатель замковго лена Люко в Блекинге.

⁶²² *фру Биргитта из Хаммерсты* — дочь Олафа Аксельссона (Тотта); ср. примеч. 727. Подделала несколько имущественных документов, что привело к запутанным тяжбам, в которые оказался втянут Стен Стуре.

⁶²³ *в Вадстене состоялась встреча господ... прибыло много датчан.* Во время этой встречи состоялась торжественная церемония в Вадстенском монастыре: в монахини постриглась Биргитта Карлсдоттер, дочь короля Карла Кнутссона. Король, облаченный в белую рясу с капюшоном, принял участие в служении литургии. В торжествах также приняли участие архиепископ Лундский, епископы Линчёпингский, Стренгнесский, Векшенский и Вестеросский. Кроме того, к указанной встрече была приурочена свадьба марска Турда Бунде. См.: Vadstenadiariet. S. 281—282; Sturekrönikorna. S. 5—8.

⁶²⁴ *король наладил монетную чеканку...* Указ о монетной чеканке, содержание которого излагает здесь Олаус Петри, был издан в 1450 году.

⁶²⁵ *Таким же способом ввозили серебро и во времена короля Альбрехта* — см. с. 90 наст. издания.

⁶²⁶ *Король Карл был умен, находчив...* Эта характеристика короля Карла заимствована из хроники Эрикуса Олаи. Ср. послесловие переводчика, с. 389 наст. издания.

⁶²⁷ *фогд герра Турда... разрубил ему голову.* Этим фогдом был Йес-се (Йенс) Буссон, датчанин по происхождению. В «Хрониках Стуре» указанное происшествие использовано как мотив для пропаганды, направленной против датчан: коварным, лстивым датчанам нельзя верить, от них всегда можно ждать измены; волка можно приручить, но он не изменит своих волчьих повадок (Sturekrönikorna. S. 7. Ср.: Ibid. S. 4—5, 146—147). Олаус Петри не воспроизводит эти пропагандистские пассажи.

⁶²⁸ *герр Монс Грен* — Магнус (Монс) Грен, рыцарь, член шведского риксрода. В 1442 году был назначен комендантом Стокгольмского замка. В 1443 году стал регентом Швеции (совместно с Нильсом Йенссоном Уксеншерной). В 1446—1450 гг. комендант Абовского замка. В конце 40-х годов XV в. осаждал Висбю, командуя войсками Карла Кнутссона.

⁶²⁹ *герр Эрик Эриксон* — фрельсисман, уроженец Дании; переселился в Швецию, был посвящен в рыцари и стал членом шведского риксрода. В 1446 году женился на дочери Карла Кнутссона; в 1450 году стал гофмейстером этого короля. Основатель рода Юлленшерна — шведской ветви датского рода Гюльденстерне.

⁶³⁰ *архиепископ объявил, что расторгает клятву верности королю.* Сведения о восстании, которое поднял архиепископ Йенс Бенгтссон,

содержатся в «Хрониках Стуре». Там сказано, что архиепископа поддерживали многие рыцари и свены, а также жители Даларны и Упланда. В истории Швеции поступок архиепископа являлся беспрецедентным: Йенс Бенгтсон поднял мятеж, добровольно сложил с себя архиепископские полномочия, привел к власти иноземного государя. И в Швеции, и в Дании «старая» историография рассматривала восстание архиепископа как предательство. В середине XX века историки С. Крафт и Э. Лёнирут обратили внимание, что дело обстояло сложнее: король Карл стал непопулярен, его соперник Кристиан I был сильнее; существовала опасность, что датский король одержит победу и силой захватит власть в Швеции. В этой связи мирный переход власти к Кристиану I (чему поспособствовал мятеж архиепископа) явился для Швеции не столь плохим итогом.

⁶³¹ *оба островных пригорода — Нормальм и Сёдермальм. В средние века не входили в черту города. См. примеч. 333, 375.*

⁶³² *в залог получил некую крепость...* Крепость Путциг (польск. Пуцк). Ср. Sturekronikorna. S. 19.

⁶³³ *Бохусские пошлины...* Торговые пошлины, которые взимались в замке Бохус. Замок находился на юго-западе Скандинавского полуострова и принадлежал Дании. Через него осуществлялась и шведская внешняя торговля, поскольку Бохус обладал удобной гаванью.

⁶³⁴ *торжественно въехал в Стокгольм.* В «Хрониках Стуре» эпизод описан так. Кристиан I с флотом прибыл в Швецию; корабли встали на якорь неподалеку от Стокгольма. Архиепископ попросил датчан подождать, а сам созвал шведское рыцарство на съезд, где лицемерно заявил, что не желает, чтобы к власти в Швеции пришли датчане. Тем временем в Стокгольме проходил съезд монахов-доминиканцев; в связи с этим был устроен крестный ход. Кристиан I вышел навстречу процессии, и крестный ход обратился в чествование прибывшего государя.

⁶³⁵ *Поначалу при нем все... было благополучно...* Об этом говорится и в «Хрониках Стуре». Ср.: Sturekronikorna. S. 24.

⁶³⁶ *сын, юнкер Ханс, был провозглашен наследником престола...* В январе 1458 года на встрече с членами шведского и норвежского риксродов Кристиан I добился, чтобы его сына Ханса провозгласили наследником престола в обоих королевствах.

⁶³⁷ *Герра Туре Турессона король назначил марском...* Туре Турессон (см. выше примеч. 615) во время шведско-датской войны 1451—1452 гг. перешел на сторону датчан. Стал марском Кристиана I; в начале 60-х годов XV в. был комендантом Стокгольма. Подавил восстание упландских бондов (ср. примеч. 642).

⁶³⁸ *Маринус — Маринус де Фраджено, папский легат в Швеции.*

⁶³⁹ *ему, мол, часто придется воевать с русскими...* Как хорошо известно, от Руси в средние века нередко исходила угроза для Шведского королевства. Вместе с тем, конфликты с русскими зачастую использовались правителями Швеции как предлог для каких-либо предприятий, в том числе для сбора средств. Так было и в данном случае.

⁶⁴⁰ если он узнавал, что где-то, например, в Вадстене, хранятся... деньги... Сведения о том, что Кристиан I конфисковал крупные суммы из Вадстенского монастыря, подтверждаются Вадстенским диарием. Там же содержатся данные о поборах, наложенных королем на население Швеции. См.: *Vadstenadiariet*. S. 300, 302—304, 310.

⁶⁴¹ доктор Клас Рютинг — бывший канцлер Карла Кнутссона. Нильс Педерссон — бюргер, член Стокгольмского магистрата; герр Эрьян Карлссон — рыцарь; Стен Бенгтссон — вэпнар (младший рыцарь). Их взяли под стражу, обвиняя в распространении слухов о предстоящем возвращении Карла Кнутссона. Есть мнение, что Стен Бенгтссон умер от пыток. Ср.: *Vadstenadiariet*. S. 308—309; *Gillingstam H. Aterna Oxenstierna och Vasa*. S. 397.

⁶⁴² В Уппсальском архиепископстве дело дошло до восстания... В 1463 году Кристиан I направился в Финляндию, объявив, что намерен сражаться с русскими. В связи с этим он ввел в Швеции налог на строительство кораблей; взимать этот налог полагалось и с бюргеров, и с бондов, и с арендаторов-ландбу. Законность указанного налога являлась спорной; бонды расценили его как незаконный. Народным возмущением воспользовались шведские магнаты из коалиции Уксеншерна—Васа, недовольные своим положением при Кристиане I (которого они же и привели к власти). Общаясь с простыми людьми, архиепископ и его союзники выдавали себя за народных заступников. В конце концов они добились, что Кристиан I был свергнут со шведского престола.

⁶⁴³ герр Густав Карлссон (из рода Гумсехувуд), герр Фадер Ульфссон (Спарре), герр Эрик Нильссон (Уксеншерна), герр Греггерс Бенгтссон, герр Греггерс Матссон — рыцари, члены шведского риксрода. Ср.: *Westin G.T. Historieskrivaren Olaus Petri*. S. 537; *Vadstenadiariet*. S. 310—311.

⁶⁴⁴ архиепископа приговорили к... заключению. По прибытии в Стокгольм (10 августа 1463 г.) Кристиан I приказал взять архиепископа Йенса под стражу. Ср.: *Vadstenadiariet*. S. 310—312.

⁶⁴⁵ письма — здесь, очевидно, «летучие листки» — прокламации, листовки.

⁶⁴⁶ архиепископу вменяли в вину следующее... Очевидно, что архиепископ Йенс шел на интриги, чтобы спровоцировать кризис и воспользоваться его плодами. Любопытная версия событий изложена в Вадстенском диарии. Там говорится: в начале февраля 1463 года в Верхней Швеции пошел слух, что король Карл намерен возвратиться в Швецию. Говорили, что этот слух стал распространяться по вине купца по имени Педер Простоволосый (см. примеч. 804). Архиепископ взял упомянутого Педера под стражу и предъявил обвинение: тот, мол, доставлял письма от короля Карла неким шведским магнатам. Но Педер отрицал вину, уверяя, что не передавал никаких писем. Однако слухи были столь упорны, что архиепископ стал подозревать в заговоре многих магнатов, особенно родичей короля Карла. И архиепископ поведал об указанных слухах народу, что собрался в Уппсале по случаю ярмарки. Архиепископ объявил, что король Карл собрал в разных странах огромное вой-

ско — несомненно для того, чтобы вторгнуться в Швецию и опустошить страну. Речь архиепископа вызвала волнения в народе. Архиепископ же, напуганный упомянутыми слухами, написал королю, чтобы тот явился в Швецию — на всякий случай, с войском. Король принял письмо к сведению и с большим войском прибыл в Швецию. Многие магнаты и бюргеры, которых архиепископ подозревал в распространении слухов, были подвергнуты пыткам. См.: *Vadstenadiariet*. S. 306—310. Относительно параллелей между Вадстенским диарием и «Шведской хроникой» см.: *Westin G.T. Historieskrivaren Olaus Petri*. S. 370—387, 532—535.

⁶⁴⁷ *Педер Простоволосый* — Педер Нильссон, бюргер, член Стокгольмского магистрата. См.: *Ahnlund N. Stockholms historia*. S. 310.

⁶⁴⁸ *День святого Лаврентия* — 10 августа.

⁶⁴⁹ *линчбюнгского епископа Кеттиля, вестеросского епископа Биргера, абовского епископа Курта...* Сведения о составе комиссии, приведенные Олаусом Петри, отличаются от данных Вадстенского диария. Там сказано, что король созвал клириков Уппсальского, Стренгнеского и Вестеросского диоцезов.

⁶⁵⁰ *Те ответили, что не могут вынести заключение.* Перечень вопросов содержится в Вадстенском диарии. Там сказано, что эти вопросы являлись «ужасными и роковыми». Кристиан I спросил, среди прочего, следующее. Имеет ли король, в отсутствие вышестоящих судей, право взять под стражу архиепископа или епископа, виновного в нарушении присяги или в преступлениях, связанных с оскорблением величества? Применим ли в таких случаях присутствующий в каноническом праве статут, согласно которому лиц, по наущению дьявола арестовавших епископа, следует отлучить от церкви? Применима ли указанная правовая норма в том случае, если арест произведен не по наущению дьявола, а по воле мудрого государя? Не следует ли людей, покусившихся на чужую жизнь, честь или имущество, наказывать по закону воздаяния (*lex talionis*)? Не следует ли людей, виновных в одинаковых преступлениях, наказывать по одним и тем же законам? В диарии сказано: духовные лица, прочтя перечень вопросов, попросили у короля разрешение не отвечать на них. Король дал такое разрешение и отплыл в Данию, увезя с собой арестованного архиепископа. См.: *Vadstenadiariet*. S. 314—318. Указанный фрагмент важен для уяснения вопроса о правовом и общественном положении скандинавского духовенства за несколько десятилетий до Реформации. Мы видим, что привилегии клира в принципе уважались; тем не менее король считал себя вправе нарушать эти привилегии, и требовал, чтобы клирики санкционировали такие нарушения.

⁶⁵¹ *Повел... войско на Швецию.* Ср. сообщение Вадстенского диария: король собрал в Дании большое войско из знати и простых людей (по слухам 6 тыс. человек) и повел на Швецию. Датчане беспрепятственно прошли по Нижней Швеции, где к ним присоединились многие шведские фрельсисманы из Вестергётланда и Смоланда. Датско-шведское войско Кристиана I подступило к Стокгольму, который в то время осаждали далекарлийские ополченцы епископа Кеттиля. Осаждавшие сделали вид, что отступают, и заманили противника в лес в Вестман-

ланде. Там они внезапно напали на врагов и разбили их. См. также примеч. 652.

⁶⁵² *Харакер* (Харокер) — церковный приход в Вестманланде. Сражение, в котором шведские ополченцы разбили войско Кристиана I, произошло 17 апреля 1464 г. в лесу Хэлла (см. примеч. 573). Битва была кровопролитной; потери обеих сторон составили, по различным источникам, 1200—1400 человек.

⁶⁵³ *Стегесунд* — пролив в Стокгольмских шхерах. Также одноименный остров, отделенный указанным проливом от острова Скарпё.

⁶⁵⁴ *Данебрук* — см. примеч. 577.

⁶⁵⁵ *Прислал ему людей и польский король* — ср.: *Sturekrönikan*. S. 39, 43.

⁶⁵⁶ *монетный мастер... нехорошо с ним себя вел...* Об этом рассказано в «Хрониках Стуре», откуда, вероятно, Олаус Петри и позаимствовал указанные сведения.

⁶⁵⁷ *Король Карл совершил это без ведома... тех, кто нес... тяготы той войны.* Олаус Петри правильно предположил, что, разрешив датчанам беспрепятственно покинуть Стокгольм, Карл Кнутссон выполнил условие капитуляции этого города. Переговоры о капитуляции Карл Кнутссон вел самостоятельно, не советуясь со своими временными союзниками и не учитывая их интересы; отсюда закономерное возмущение союзников.

⁶⁵⁸ *Замок герр Олаф передал брату...* В нарушение шведских законов и обычаев, согласно которым лены по истечении срока держания надлежало возвращать короне.

⁶⁵⁹ *вместе в одной стране эти двое не уживутся.* Эта трактовка действий короля Кристиана принадлежит Эрикусу Олаи, который считал, что конфликт Карла Кнутссона и архиепископа Йенса был вызван взаимной ненавистью, и что датский король выпустил архиепископа на свободу, чтобы натравить его на Карла Кнутссона. См.: *Ericus Olai. Chronica*. S. 192. Ср.: *Tjällén B. Church and nation*. P. 98—120.

⁶⁶⁰ *день святой Люсии* — см. выше, примеч. 572.

⁶⁶¹ *Фюрис (Фюрисон)* — река, протекающая через Уппсалу и впадающая в озеро Меларен. Ср. примеч. 247.

⁶⁶² *Флотесунд* — местность близ устья реки Фюрис.

⁶⁶³ *Остров Серых братьев* — см. выше, примеч. 334.

⁶⁶⁴ *Хельгеандсхольмен* — см. примеч. 401.

⁶⁶⁵ *Норботтен* — область на северо-востоке Швеции.

⁶⁶⁶ *Роден* — см. примеч. 535.

⁶⁶⁷ *Много было убито поляков...* — ср.: *Sturekrönikorna*. S. 43.

⁶⁶⁸ *Расеборг... с леном* — т.е. замковый лен Расеборг в западной Финляндии.

⁶⁶⁹ *день святого Михаила* — см. примеч. 379.

⁶⁷⁰ *день святого Олафа* — см. примеч. 546.

⁶⁷¹ *день святого Лаврентия* — см. примеч. 648.

⁶⁷² *Магдалена* Магдалена Карлсдоттер (Бунде), одна из дочерей Карла Кнутссона. Ее свадьба с Иваром Аксельссоном (Тоттом) была

сыграна 21 сентября 1466 года. Одновременно состоялась свадьба Стена Стуре старшего и Ингеборг, дочери Оке Аксельссона.

⁶⁷³ *избрали Эрика Аксельссона регентом.* Вскоре после свадебных торжеств (см. примеч. 672) члены риксрода направились в Стокгольм, где провозгласили Эрика Аксельссона регентом Шведского королевства.

⁶⁷⁴ *герр Нильс Стуре* — Нильс Буссон Стуре из рода Натт-о-Даг. Шведский фрельсисман, держатель крупных ленов (области Даларна и Естрикланд). Вождь народного движения за выход Швеции из-под власти датского короля. По его инициативе в ноябре 1466 года было составлено письмо Карлу Кнутссону от имени всех жителей верхнешведских областей. В этом письме Карла Кнутссона призывали вернуться в Швецию и вновь взойти на престол.

⁶⁷⁵ *герр Нильс...* действовал в союзе с королем Карлом. Об этом, в частности, говорится в «Хрониках Стуре». Нильс Стуре представлен там как «бедный рыцарь», который сохранил верность королю Карлу и помог ему бороться с происками архиепископа Йенса.

⁶⁷⁶ *герр Ивар Грен* — шведский рыцарь, сын Магнуса Грена (ср. примеч. 628).

⁶⁷⁷ *Йестрикеланд* — область на севере Швеции.

⁶⁷⁸ *возвести на трон короля Карла* — см. примеч. 675.

⁶⁷⁹ *ни оттуда, ни с Хельсингеланда* — северошведские области Йестрикеланд и Хельсингеланд соседствовали друг с другом.

⁶⁸⁰ *Кольбек* — местечко в области Сёдерманланд.

⁶⁸¹ *Фьедрундаланд* — одна из трех древних уппландских областей — фолькландов.

⁶⁸² *день святого Иакова* — 25 июля.

⁶⁸³ *Клас Рёнау* — Клас Рёнов, марск Дании. Ср. примеч. 716.

⁶⁸⁴ *день святого Лаврентия* — см. примеч. 648.

⁶⁸⁵ *Эстенсбру* — см. примеч. 447.

⁶⁸⁶ *герр Фадер Ульфссон* — рыцарь (из рода Спарре), член риксрода; *герр Грегерс Матссон* — рыцарь (род Лилье), при Карле Кнутссоне стал членом риксрода; впоследствии стал лагманом Вестеръетланда, а затем лагманом Упланда.

⁶⁸⁷ *Кристиерн Бенгтссон* — сын Бенгта Йенссона Уксеншерны, брат архиепископа Йенса. Рыцарь, член риксрода, участник восстаний под предводительством Кеттиля Карлссона и Эрика Карлссона.

⁶⁸⁸ *обещали хранить верность королю Карлу.* К Нильсу Стуре и другим сторонникам реставрации Карла Кнутссона вскоре присоединились представители клана Аксельссонов. Осенью 1467 года в Стокгольме состоялся съезд господ, в котором приняли участие Аксельссоны. Съезд направил Карлу Кнутссону приглашение вернуться на родину и занять королевский престол.

⁶⁸⁹ *День святого Мартина* — см. примеч. 441.

⁶⁹⁰ *день святой Екатерины* — 25 ноября.

⁶⁹¹ *герр Оке Йенссон* — рыцарь из рода Сварте Сконунг. Член риксрода, представитель пограничной «скандинавской» знати. Крупный

землевладелец и ленник; вел обширную экспортную торговлю. См.: *Сванидзе А.А. Средневековый город*. С. 158, 277.

⁶⁹² *Юхан Славек* (Славека) — шведский дворянин, предки которого были выходцами из Померании.

⁶⁹³ *Эрик Карлссон*... похвалялся: все, мол, у него хорошо выходит... Мотив заимствован из «Хроник Стуре», где он иллюстрирует идею, популярную в разные эпохи и широко распространенную в средние века: нельзя впадать в гордыню, не стоит похваляться успехами. См.: *Sturekrönikorna*. S. 57–58.

⁶⁹⁴ *Хенемура*; также: *Хедемура* — селение в Даларне; в середине XV века получило статус города.

⁶⁹⁵ ...бабы и девки захватили в плен... конных воинов. Об этом рассказано в «Хрониках Стуре». См.: *Sturekrönikorna*. S. 61.

⁶⁹⁶ *герр Давид Бенгтссон* — рыцарь, сын Бенгта Йенссона (Уксеншерны), брат архиепископа Йенса.

⁶⁹⁷ *Эрестен* — замок в Западной Швеции. См.: *Хроника Энгельбректа*. С. 39.

⁶⁹⁸ ...начались немалые раздоры — ср: *Sturekrönikorna*. S. 75.

⁶⁹⁹ *Королевство он вверил Стену Стуре*. Так, согласно заявлениям самого Стена Стуре и его окружения. Неясно, в какой степени эти заявления соответствовали действительности. Но известно, что Карл Кнутссон, умирая, назначил Стена Стуре душеприказчиком. Вскоре после смерти короля герр Стен объявил, что Карл Кнутссон «вверил ему королевство со всеми замками и ленами». Спустя небольшое время герр Стен провозгласил себя регентом.

⁷⁰⁰ *Король Карл... познал... как быстро возвращается колесо счастья*. Действительно, жизнь Карла Кнутссона, в которой было немало взлетов и падений, служила прекрасной иллюстрацией популярного в средние века мотива — переменчивости счастья. Ср.: *Sturekrönikorna*. S. 157.

⁷⁰¹ *день святой Вальпургии* — см. примеч. 363.

⁷⁰² ...отдали свои Олоса как было угодно тому, кто угостил пивом. Это утверждение Олауса Петри вызвало гнев короля Густава I. См. послесловие. С. 331.

⁷⁰³ *день святого Эгидия* — 1 сентября.

⁷⁰⁴ *Брункебергский холм* — возвышенность на Нормальме, северном пригороде средневекового Стокгольма. См. примеч. 395.

⁷⁰⁵ *так завлек к себе множество бондов*. По-видимому, официальная версия, объясняющая переход шведских бондов на сторону Кристиана I. Она вполне правдоподобна, но все же, по-видимому, главную роль сыграла агитация со стороны шведских магнатов из числа противников Стена Стуре. См. также примеч. 835.

⁷⁰⁶ ...его власть признали многие херады. По «Хроникам Стуре», королю Кристиану I присягнули на верность не менее 24 сотенных округов-херадов. См.: *Sturekrönikorna*. S. 69.

⁷⁰⁷ *советуя, чтобы король схватил архиепископа...* См. с. 169 наст. издания.

⁷⁰⁸ *архиепископ Якоб* — Якоб Ульфссон, уппсальский архиепископ (1469—1515), один из крупнейших церковных и государственных деятелей позднесредневековой Швеции. Учился в Росток и в Риме. Основал Уппсальский университет (1477). Был ярким противником православия, явился инициатором войны с Русью (1495—1497). Во внутренней политике поначалу поддерживал Стена Стуре Старшего; в 1474 году присвоил ему титул вице-короля. Со временем отношения архиепископа и регента ухудшились; противоречия привели к острейшему конфликту.

⁷⁰⁹ *с ладьями и лодками из Уппсалы к Стэкету* — по реке Фюрис и далее по озеру Меларен.

⁷¹⁰ *по проливу близ Стэкета* — по проливу Альмаре-Стэкет (или просто: Стэкет), возле которого находился одноименный замок.

⁷¹¹ *монастырь святой Клары* — стокгольмский монастырь ордена кларисс (см. примеч. 331). Разрушен в 1527 году, в эпоху Реформации. На его месте в конце XVI века была построена новая церковь Святой Клары, одна из достопримечательностей Стокгольма.

⁷¹² *гаковницы* — средневековое огнестрельное оружие, разновидность пищалей. Часто использовались для обороны замков и крепостей. Под стволом гаковница имела крюк («гак»), которым прикреплялась к крепостной стене; отсюда название оружия.

⁷¹³ *лишился нескольких зубов*. Так, согласно одной из «Хроник Стуре» (Sturekrönikorna. S. 78—79). Не исключено, что автор упомянутой хроники пересказал расхожий анекдот или присочинил подробность, чтобы осмеять Кристиана I: самонадеянный король, обещавший «высечь» Стена Стуре, получил заряд в зубы.

⁷¹⁴ *Данабрук* — см. примеч. 577.

⁷¹⁵ *герр Тротте Карлссон* — шведский рыцарь, член риксрода. Одно время являлся противником Кристиана I, но затем перешел на сторону этого монарха. Погиб в битве при Брункеберге, сражаясь за короля Кристиана.

⁷¹⁶ *герр Клас Рёнов, герр Туре Турессон*... Среди пленных, взятых воинами Стена Стуре в Брункебергском сражении, были и датские аристократы (в том числе марск Клас Рённов), и шведские магнаты (в частности, Туре Турессон Бьельке).

⁷¹⁷ *в четверг после дня святой Биргитты*. Ср.: Sturekrönikorna. S. 82. Сражение при Брункеберге состоялось 10 октября 1471 года.

⁷¹⁸ *пленники... по многу лет томились в неволе*. Некоторые пленники, в том числе Клас Рённов и Туре Турессон (см. примеч. 716) долго содержались под стражей. Другие были отпущены за выкуп или (до уплаты выкупа) на поруки. См.: *Palme S.U. Sten Sture den äldre*. S. 61. Ср.: *Carlsson G. Kalmar recess* 1483.

⁷¹⁹ *Бохус* — см. примеч. 633.

⁷²⁰ *юнкер Ханс* — сын Кристиана I, впоследствии король Дании, Норвегии и Швеции (на шведском троне 1497—1501).

⁷²¹ *Норвегии полагалось быть страной с выборным королем* — см. примеч. 605.

⁷²² В Хальмстаде состоится встреча господ. На январь 1483 года в Хальмстаде была назначена встреча магнатов трех скандинавских королевств; целью переговоров являлось возобновление унии. Однако Стен Стуре не прибыл на переговоры и не прислал представителей, наделенных надлежащими полномочиями. По официальной шведской версии, причиной неявки послужил приступ глазной болезни, случившийся со Стеном Стуре. Ср.: Швеция и шведы. С. 284—285. См. также: Sturekrönikorna, S. 86—87.

⁷²³ Был ли герр Стен вправду болен, или же просто пустил слух... Как видно из «Шведской хроники», Олаус Петри усомнился в том, что у Стена Стуре случился приступ болезни, и счел, что правитель просто не хотел являться в Хальмстад и заключать соглашение. К мнению Олауса Петри присоединились многие историки. В то же время шведский медиевист Г. Карлссон считал, что герр Стен не хотел срывать переговоры и действительно заболел.

⁷²⁴ Кальмарский рецесс — был создан 7 сентября 1483 года. Он явился своего рода совместной декларацией шведских и датских магнатов. Рецесс содержал условия, на которых шведы соглашались признать Ханса королем своей страны. Монарху предписывалось блюсти привилегии духовенства, править по шведским законам и обычаям, не принимать в свой совет иноземцев, не жаловать иноземцам замки и лены, осуществлять ленные пожалования только с согласия риксрода, и пр. Русский перевод Кальмарского рецесса приведен в кн.: Швеция и шведы. С. 279—306. Относительно истории создания данного документа см.: Carlsson G. Kalmar recess 1483.

⁷²⁵ Скордаль, Свартё — пограничные владения на юго-западе Скандинавского полуострова.

⁷²⁶ Король Ханс пообещал их исполнить. Король Ханс не ратифицировал Кальмарский рецесс. Однако в 1497 году, в связи с восшествием на шведский престол, Ханс обязался выполнять приведенные в документе условия.

⁷²⁷ один датский род... — датско-шведский, «скандинавский» клан так называемых Аксельссонов — потомков датского магната Акселя Педерсена (из рода Тотт). В эту группу входили сыновья Акселя Педерсена от первого брака Олаф и Оке, а также четверо сыновей от второго брака (со шведкой, двоюродной сестрой Карла Кнутссона) Эрик, Ивар, Филипп и Лауренс. Аксельссоны сосредоточили в своих руках обширные поместья по обе стороны шведско-датской границы, что, в числе прочего, давало возможность активно осуществлять экспортную торговлю. См.: Сванидзе А.А. Средневековый город. С. 282—284; Eneemark P. Fra Kalmarbrev... S. 69—70.

⁷²⁸ Нюслотт (фин. Савонлинна) — город в области Саволак (Саво) на востоке Финляндии.

⁷²⁹ Расеборг — см. примеч. 668, с. 302; Тавастехус — см. примеч. 284, с. 272.

⁷³⁰ началась... вражда. Аксельссоны долгое время поддерживали короля Кристиана I, стремившегося к восстановлению унии, однако

затем перешли на сторону шведов. Конкретные причины этого перехода являются предметом дискуссии; обзор мнений см.: *Ene mark P. Fra Kalmarbrev... S. 70–74.*

⁷³¹ *передал права на замки... братьям.* В 1481 году Стен Стуре и члены шведского риксрода получили из Финляндии от Лауренса Аксельссона извещение о том, что Эрик Аксельссон перед смертью передал замки Выборг, Тавастехус и Санкт-Олавсборг своим братьям Ивару и Лауренсу. Это было грубым нарушением условий, на которых указанные замки были пожалованы Эрику Аксельссону. Подробно см.: *Palme S.-U. Sten Sture den äldre. S. 86–87.*

⁷³² *страшая их русскими...* См. *Sturekrönikorna. S. 94.* Ср. примеч. 639, с. 299 наст. издания.

⁷³³ *герр Стен Кристиернссон* — Стен Кристианссон, рыцарь из рода Уксеншерна.

⁷³⁴ *убил... в отхожем месте.* Это было грубым нарушением одного из так называемых «королевских миров» — «мира отхожего места» (швед. *hemlighusfrid*). Поэтому указанное убийство относилось к разряду особо тяжелых преступлений. Ср.: *OPSS IV. S. 337.*

⁷³⁵ *Фру Ингеборг* — Ингеборг Окесдоттер (из рода Тотт), дочь Оке Аксельссона, жена Стена Стуре Старшего.

⁷³⁶ *фру Ингеборг... сбили с ног.* По одной из версий, фру Ингеборг натерла руки серебряной ложкой и выдала пятна за синяки, якобы полученные от стокгольмских бюргеров. Так она спровоцировала скандал и, пользуясь им, спасла Стена Кристианссона от расправы. Неясно, насколько достоверна эта история. Во всяком случае очевидно, что пользу из инцидента извлек Стен Стуре: он усмирил волнения в Стокгольме и заставил бюргеров принести клятву верности. Ср.: *Palme S.-U. Sten Sture den äldre. S. 114–115, 270–271.*

⁷³⁷ *распря между лифляндским магистром и рижским архиепископом.* Как известно, Стен Стуре, стремясь усилить позиции на Балтике, вмешался в конфликт между лифляндским магистром и рижским архиепископом, выступив на стороне последнего. См., в частности: *Sturekrönikorna. S. 99; Rosén J. Tiden före 1718. S. 268.*

⁷³⁸ *Чинить ущерб и Лифляндии, и Финляндии.* После захвата Новгорода Иваном III и для Шведского королевства, и для Ливонского ордена усилилась угроза со стороны Московской Руси. Положение стало особенно опасным в 1492 году, когда Дания заключила союз с Московским государством, направленный против Швеции (формально — против ее правителя Стена Стуре Старшего).

⁷³⁹ *герр Стен и магистр... объединились в борьбе против московского князя.* Ввиду угрозы, которая исходила от Московского государства, члены шведского риксрода, собравшись в Линчёпинге зимой 1495 года, постановили, что Швеция должна заключить союз с Ливонским орденом, чтобы совместно отражать нападения русских.

⁷⁴⁰ *бонды... в местности Чинд... восстали...* Ср.: *Sturekrönikorna S. 99–100.*

⁷⁴¹ *Арвид Тролле* — фрельсисман из южношведской области Смоланд. Благодаря браку с дочерью герра Ивара Аксельссона породнился с кланом Аксельссонов (см. примеч. 727). Являлся одним из крупнейших скандинавских землевладельцев. Ср.: *Сванидзе А.А. Средневековый город*. С. 33, 37, 278.

⁷⁴² *кругом стали роптать на шведов, называя их морскими разбойниками*. Сведения позаимствованы из «Хроник Стуре». Там сказано, что герр Ивар отбирал товары у купцов из Ревеля, Любека, Данцига, а также у торговцев из Голландии и Дании. Из-за этого иноземцы стали роптать на шведов и называть их морскими разбойниками. См.: *Sturekrönikorna*, S. 95—96. Формальным поводом каперских операций Ивара Аксельссона являлся сбор средств для помощи магистру Ливонского ордена — союзнику герра Ивара.

⁷⁴³ *началась... вражда*. Упомянутая вражда между Стеном Стуре Старшим и его бывшим союзником Иваром Аксельссоном была вызвана борьбой за лены и власть. Герр Ивар, намереваясь привести к власти своего зятя Арвида Тролле, требовал, чтобы герр Стен оставил пост регента. В ответ Стен Стуре отобрал у герра Ивара замки Стегеборг, Боргхольм и Расеборг. Ивар Аксельссон обосновался на Готланде (который по-прежнему считался спорным владением) и, признав верховные права короля Ханса на этот остров, стал вассалом этого монарха.

⁷⁴⁴ *Король Ханс... приготовился плыть на Готланд*. Ср.: *Sturekrönikorna*. S. 100.

⁷⁴⁵ *замок и город* — замок Висборг и город Висбю — ср. примеч. 600.

⁷⁴⁶ *фру Магдалена Жена Ивара Аксельссона, дочь короля Карла Кнутссона*. См. примеч. 672.

⁷⁴⁷ *Антониус Маст* — папский легат. Посетил Швецию в 1489—1491 гг. Собирали средства на борьбу с турками и в связи с этим распространял индульгенции, обещающие полное отпущение грехов (лат. *indulgentia plenaria*). В 1489 году, в новогоднюю ночь освятил стокгольмскую статую святого Георгия (см. примеч. 749) и поместил в нее мощи Георгия и другие святыни. Эти реликвии, а также документ, в котором рассказано об освящении статуи, в 1880 году обнаружил и описал Август Стриндберг — классик шведской литературы, в то время сотрудник Королевской библиотеки. См.: *Svanberg J., Qvarnström A. Sankt Göran och draken*. Stockholm, 1998. S. 45—47, 211—215. Ср.: *Vadstenadiariet*. S. 380—381.

⁷⁴⁸ *Отобрал... утренний дар королевы Доротеи* — см. примеч. 585.

⁷⁴⁹ *Огромный Эрьян в Стокгольмской городской церкви*. Ср.: *Sturekrönikorna*. S. 117. Речь идет об огромной статуе Святого Георгия (на шведский манер Эрьяна или Йерана). Карл Кнутссон и Стен Стуре Старший стремились представить вооруженную борьбу с датскими монархами как священную войну и в связи с этим пропагандировали почитание Георгия — святого-воина, помощника тех, кто сражается за правое дело. Статуя Георгия была создана в честь победы при Брункеберге; скульптуру выполнил любекский мастер Бернт Нотке, известный свои-

ми работами в Скандинавии и Прибалтике. Монумент был установлен в церкви Святого Николая (Стурчурке), где находится и поныне. См.: *Svanberg J., Quarnström A.* Op. cit. Ср. примеч. 747.

⁷⁵⁰ в стокгольмские шхеры заплыл крупный кит. Ср.: *Sturekrönikorna*. S. 117. См. также послесловие. С. 400 наст. издания.

⁷⁵¹ союз Швеции с Любеком и другими городами. Сведения об этом союзе Олаус, видимо, почерпнул из «Хроник Стуре» (ср. *Sturekrönikorna*. S. 117). Союзниками Швеции стали города Любек, Гамбург, Росток, Штральзунд, Висмар и Люнебург. Это было ответом на датско-русский договор о союзе, направленный против Стена Стуре. См. примеч. 738.

⁷⁵² герр Стен заявил, что слагает с себя полномочия. Это заявление было сделано, чтобы оказать давление на риксрод. Стен Стуре употребил известный политический маневр, впоследствии примененный королем Густавом Васой. В данном случае переговоры регента и Государственного совета завершились компромиссом: члены риксрода присягнули Стену Стуре на верность, а он, в свою очередь, обещал блюсти лояльность по отношению к риксроду.

⁷⁵³ вступил в переговоры с московским князем... — см. примеч. 000.

⁷⁵⁴ в Новгороде схватили любекских купцов... В 1494 году Иван III закрыл ганзейскую контору в Новгороде и взял под стражу ганзейских купцов. В связи с этим в Любеке пошел слух, будто русский великий князь поступил так по просьбе короля Ханса.

⁷⁵⁵ ...в Данию прибыло много бояр... король отправил их в обратный путь... Сведения, по-видимому, заимствованы из «Хроник Стуре». Там сказано, что действия короля Ханса вызвали возмущение: монарх показал русским путь домой через Норвегию и к тому же дал им в сопровождение людей из собственной свиты.

⁷⁵⁶ произошло это в Кальмарском проливе. Происшествие описано в «Хрониках Стуре». Там сказано, что ущерб, понесенный королем Хансом, был больше, чем тот, который претерпели датчане в Битве при Брункеберге. См.: *Sturekrönikorna*. S. 120—122.

⁷⁵⁷ Иван Грот — так шведы называли крепость Ивангород.

⁷⁵⁸ заключить мир... и отдать часть Финляндии. В 1496 году Стен Стуре предлагал шведскому риксроду заключить мир с русскими, признав русско-шведскую границу по Ореховецкому договору 1323 года, т.е. уступить Московской Руси спорные территории. Архиепископ Якоб Ульфссон, главный оппонент Стена Стуре, был против подобного мира, считал, что нельзя отдавать земли, населенные римо-католиками, под иго «еретиков». См.: *Palme S.-U. Sten Sture den äldre*. S. 210.

⁷⁵⁹ герр Стен.. отказывался являться... Стен Стуре, укрывшись в Стокгольмском замке, отказывался являться на заседание риксрода, если ему не предоставят заложников. Он хотел, чтобы этими заложниками стали два самых молодых члена риксрода — Эрик Тролле (сын Арвида Тролле) и Нильс Буссон (который, в свою очередь, приходился Арвиду Тролле зятем).

⁷⁶⁰ герр Кнут Эскильссон — рыцарь, сторонник Стена Стуре Старшего. Вместе с тремя противниками герра Стена был введен в со-

став временного правительства из четырех человек, сформированного риксродом. Ему, таким образом, отводилась роль своего рода представителя оппозиции.

⁷⁶¹ *не намерен сложить... полномочия* — ср.: *Palme S.-U. Sten Sture den äldre. S. 219.*

⁷⁶² *День святого Олафа* — см. примеч. 546.

⁷⁶³ *Прибудут все лагманы, и с каждым... по шесть свободнорожденных людей и шесть бондов от каждой лагсаги...* — т.е., провозглашение короля, согласно данной договоренности, должно было состояться в соответствии с древними правилами, указанными в шведском законоуложении (Ландслаге).

⁷⁶⁴ *Не разрешит являться... со свитой больше чем тридцать человек.* Ландслаг ограничивал численность вооруженной свиты, с которой фрельсисманам полагалось являться к королю. Стен Стуре, очевидно, требовал, чтобы подобные ограничения действовали и тогда, когда фрельсисманы являются к регенту.

⁷⁶⁵ *Повель Лаксман* — датский аристократ, гофмейстер. Крупный землевладелец. Был убит в 1502 году в Копенгагене; посмертно предан суду по обвинению в государственной измене. *Эскиль Гёйе* — датский аристократ, марск Дании.

⁷⁶⁶ *епископ Хенрик* — Хенрик Тидеманссон, линчёпингский епископ (конец XV века). Получил известность как поэт, автор стихов нравоучительного и социально-политического содержания. Ср.: *Сванидзе А.А. Средневековый город. С. 256.*

⁷⁶⁷ *Стен Свантессон* — Стен Стуре Старший, юный рыцарь, будущий регент Швеции.

⁷⁶⁸ *Герр Туре Йенссон* — западношведский аристократ, представитель рода Тре Русур (Три розы). В скандинавской политической борьбе конца XV — начала XVI в. поддерживал то датских королей, то их противников. Относительно позднего этапа деятельности Туре Йенссона см. в частности: *Щеглов А.Д. Вестеросский риксдаг 1527 года и начало Реформации в Швеции. М., 2008.*

⁷⁶⁹ *день святого Иакова* — см. примеч. 682.

⁷⁷⁰ *день святого Варфоломея* — 24 августа.

⁷⁷¹ *Ротабру* — Ротебру, мост к северу от Стокгольма. В средние века являлся местом сбора вооруженных отрядов (швед. rote); с этим связано название моста.

⁷⁷² *король Ханс... разбил ополченцев герра Стена...* Ср.: *Palme S.-U. Sten Sture den äldre. S. 230.*

⁷⁷³ *герр Стен уступил... права на власть...* 6 октября 1497 года состоялись переговоры Стена Стуре и его противников; по-видимому, там было решено, что герр Стен сложит с себя полномочия регента. В тот же день Стен Стуре встретился с королем Хансом и отрекся от власти в его пользу. Король, со своей стороны, обязался соблюдать Кальмарский рецесс, обещал герру Стену полную амнистию и свободу от ответственности за ущерб, причиненный в ходе конфликта. Спустя небольшое время король постановил, что государственные советы Дании, Швеции и Нор-

вегии могут, по итогам совместных совещаний, вносить поправки в Кальмарский рецесс. Так король усилил свои позиции: статьи основополагающего документа можно было теперь пересмотреть или аннулировать.

⁷⁷⁴ *в день святой Екатерины... короновался...* Король Ханс короновался на шведский престол 25 ноября 1497 года.

⁷⁷⁵ *стали требовать, чтобы герр Стен возместил ущерб...* В качестве компенсации за отречение от власти Стен Стуре получил от короля Ханса доходные, престижные и стратегически значимые лены. В то же время большинство оппозиционеров, несмотря на сотрудничество с Хансом, на первых порах почти ничего не получили. Герр Стен сохранил ведущее положение среди шведских магнатов, был возведен в должность гофмейстера, фактически стал заместителем короля в Швеции. Обделенные магнаты начали борьбу за перераспределение ленов и власти, а также за компенсацию убытков. Архиепископ Якоб Ульфссон и другие противники Стена Стуре предъявили последнему суровые обвинения: он совершал насилие над духовными лицами, посягнул на церковную собственность, отдал католиков, жителей Восточной Финляндии, под власть «еретиков» — православных русских.

⁷⁷⁶ *того бы уж точно казнили.* Олаус Петри утверждает, что герра Стена спасло от расправы заступничество стренгнесского епископа Курта Рогге. Возможно, Рогге действительно поддержал герра Стена. Но главным образом Стена Стуре спасли уступки противникам и поддержка со стороны короля Ханса, который, в целом, вел в отношении шведских фрельсисманов двойную игру, руководствуясь принципом: «разделяй и властвуй».

⁷⁷⁷ *Кристиан... был провозглашен наследником...* Вскоре после восшествия короля Ханса на шведский престол, магнаты Швеции провозгласили его сына принца Кристиана (будущего короля Кристиана II) наследником шведского престола. Это было нарушением порядка престолонаследия, оговоренного в Кальмарском рецессе. См.: *Palme S.-U. Sten Sture den äldre. S. 237.* Ср.: Швеция и шведы. С. 301; *Ene-mark P. Fra Kalmarbrev... S. 108.*

⁷⁷⁸ *Правил король Ханс хорошо... Но некоторые из его фогдов были сущие злодеи.* Мотив присутствует в «Хрониках Стуре» (откуда его, возможно, позаимствовал Олаус Петри). На самом деле, противники короля Ханса, готовя новое выступление, прибегли к испытанному приему: предъявили жалобу на произвол администрации, чтобы под этим предлогом добиться от короля уступок и оправдать восстание. Ср.: *Palme S.-U. Sten Sture den äldre. S. 255—256.*

⁷⁷⁹ *потерпел поражение в Дитмаршене...* Бесславный поход короля Ханса в Дитмаршен, завершившийся сокрушительным поражением, ослабил короля и нанес удар по его престижу. Победа жителей Дитмаршена, одержанная в юбилейном 1500 году, воспринималась как чудо, ниспосланное Богом. По преданию, воинов Дитмаршена вела в бой дева со знаменем в руках; ее образ сходен с образом Жанны д'Арк. Поражением Ханса воспользовались скандинавские оппозиционеры: вскоре против короля были подняты восстания в Швеции и Норвегии.

⁷⁸⁰ в год... 1501... съезд господ в Стокгольме. На этой встрече король Ханс провел переговоры со шведскими оппозиционерами, которые предъявили жалобы на произвол фогдов. Ср. примеч. 778.

⁷⁸¹ ...собрались в Вадстене. В конце июля оппозиционеры — участники стокгольмских переговоров с королем Хансом собрались в Вадстене. 1 августа они направили Хансу письмо, в котором объявили, что расторгают клятву верности. Оппозиционеры связали себя круговой порукой; было объявлено, что цель союза — соблюдение Кальмарского рецесса.

⁷⁸² день святого Лаврентия — см. примеч. 648.

⁷⁸³ день святого Матфея — см. примеч. 468.

⁷⁸⁴ Дольше всех на стороне короля оставался архиепископ... Якоб Ульфссон последним из шведских сторонников короля Ханса сложил оружие. Он капитулировал на почетных условиях: церкви было обещано возмещение убытков, всем клирикам гарантирована неприкосновенность личности и имущества. Архиепископ Якоб расторг клятву верности королю Хансу; особым посланием король освободил архиепископа от присяги и поблагодарил за верность.

⁷⁸⁵ день святой Биргитты — 7 октября.

⁷⁸⁶ В тот же... год, в день святого Мартина... Стен Стуре старший был вновь избран регентом 12 ноября 1493 года.

⁷⁸⁷ день святого Лаврентия — см. примеч. 648.

⁷⁸⁸ Эрстен — см. примеч. 697.

⁷⁸⁹ Кнут Альвссон — норвежский магнат из рода Тре Русур. Противник датского владычества; выступал заодно со шведскими оппозиционерами короля Ханса. Возглавил народное восстание против датского режима; был предательски убит во время переговоров. В представлениях романтически настроенных норвежских интеллигентов XIX века Кнут Альвссон являлся вождем освободительного движения. Широко известно стихотворение Ибсена «Акерсхус», где Кнут Альвссон воспет как герой-мученик. Современные историки рассматривают упомянутое восстание как одно из проявлений позднесредневековой социально-политической борьбы — в том числе борьбы между коалициями скандинавской знати.

⁷⁹⁰ полагают, что его отравили. В 1503 году Любек предложил свои услуги в качестве посредника между Швецией и Данией. Предложение было принято, и шведский риксрод принял решение отпустить на родину датскую королеву Кристину, находившуюся под стражей. Стен Стуре Старший сопровождал королеву до границы; на обратном пути он заболел и 14 декабря 1503 года умер. Полагали, что его отравил врач королевы; об этом, в частности, говорится в «Хрониках Стуре». Ср.: Sturekrönikorna. S. 188.

⁷⁹¹ день святой Люсии — см. примеч. 572.

⁷⁹² смерть... держали в тайне... Это было необходимо, чтобы без помех провозгласить шведским правителем Сванте Стуре — преемника герра Стена. Труп Стена Стуре закутали в шкуры и отвезли в Стокгольм с купеческим обозом. Одного из слуг герра Стена переодели в костюм умершего господина и, выдавая за регента Швеции, довели до Стокгольма.

⁷⁹³ день святой *Агнеты* — 21 января.

⁷⁹⁴ день святого *Валентина* — 14 февраля.

⁷⁹⁵ *Хемминг Гадд* (ок. 1450–1520) — шведский прелат, политический деятель, ученый, сочинитель, оратор, военачальник. В 1479–1500 годах находился в Риме, исполняя дипломатические поручения и участь в университете; около 1495 года получил степень доктора права. По возвращении в Швецию был избран на должность епископа Линчёпингского, однако не обратился к папе за утверждением в сане, был отлучен папой от церкви и смещен с епископства. Принимал участие в военно-политической борьбе; во время восстания против короля Ханса руководил осадой Стокгольмского и Кальмарского замков. В 1513 году, окончательно сложив епископские полномочия, стал ленником Стена Стуре Младшего, после смерти которого пытался сотрудничать с Кристианом II, но несмотря на это был казнен.

⁷⁹⁶ *Кастельхольм* — см. примеч. 516.

⁷⁹⁷ *Вэ* — см. примеч. 612.

⁷⁹⁸ день святой *Екатерины* — см. выше. С. 690.

⁷⁹⁹ праздник Святого *Эрика* — 18 мая.

⁸⁰⁰ *Кунгсэngen* (букв.: «Королевский луг») — историческая местность и средневековый церковный приход к северу от Стокгольма.

⁸⁰¹ праздник... *Марии Магдалины* — 22 июля.

⁸⁰² *остров Серых братьев* — см. примеч. 334.

⁸⁰³ *Монастырь Черных братьев* — см. примеч. 556.

⁸⁰⁴ «*Татары*» (*tattare; later*). В раннее новое время обычное для Скандинавских стран, Прибалтики и Северной Германии название цыган. Связано с кочевым образом жизни цыган, который напоминал об укладе монголо-татар; кроме того, современникам представлялось, что цыгане «черны, как татары». Появление группы цыган в Стокгольме было документировано в 1512 году в Стокгольмской Памятной книге. По-видимому, сообщение Олауса Петри основано на этой записи.

⁸⁰⁵ *кости Святого Хемминга... во времена Магнуса Смека* — см. примеч. 429, 439.

⁸⁰⁶ ...*немедленно начал готовиться...* В оригинале (KB D 407) сказано, что регент начал готовиться спешно (*hasteliga*). Не исключено, что данная фраза — результат искажения и что правильным является вариант, присутствующий в некоторых списках: *lät han kosteliga nog beredda för honom* («начал готовить ему пышную встречу»). Ср.: РНБ Швед. F.IV.1; F.IV.3.

⁸⁰⁷ *Дистинген* — (также: Месса свечей) — 2 февраля.

⁸⁰⁸ *Телье* — см. примеч. 227.

⁸⁰⁹ *Месса свечей* — см. примеч. 807.

⁸¹⁰ *епископ Ханс* — линчёпингский епископ Ханс Браск, энергичный и разносторонний деятель. Учился в Германии и в Риме; получил степень доктора права. Придерживался продатской ориентации, поддерживал Кристиана II; однако после Стокгольмской кровавой бани оказал поддержку Густаву Эрикссону Васе, возглавившему восстание против короля Кристиана. С началом Реформации стал ее убежденным про-

тивником. На Вестеросском риксдаге 1527 года, где решалась судьба шведской церкви, Браск вместе со своими сторонниками потерпел поражение и вскоре покинул страну, выехав в Польшу, где продолжил антиреформационную пропаганду.

⁸¹¹ *праздник святого Лаврентия* — см. примеч. 648.

⁸¹² *Чьют* — местность в области Смоланд.

⁸¹³ *архиепископы Йенс и Якоб* — Йенс Бенгтссон и Якоб Ульфссон. См. примеч. 594, 708.

⁸¹⁴ *Государственная клемма* — Rikesens Cleme, средневековая государственная печать Швеции с изображением небесного покровителя этой страны святого Эрика в рыцарских доспехах и со знаменем в руке. См. иллюстрацию-вклейку к книге: Хроника Энгельбректа. Ср.: Антонов В.А. Датская геральдика. С. 271.

⁸¹⁵ *коварную римскую хитрость* — здесь свойственную прелатам римско-католической церкви.

⁸¹⁶ *Иоханнес Ангелус Арчимбольдус* — латинизированная версия имени папского легата Джананджело Арчимбольди. См.: Швеция и шведы. С. 311.

⁸¹⁷ *Бреннечурка* (совр. Бренчурка) — церковь в области Сёдерманланд к юго-западу от Стокгольма; в средние века имела оборонительное значение.

⁸¹⁸ *Густав Эрикссон (Васа)* — впоследствии регент (1520–1523) и король (1523–1560) Швеции. *Ларс Сиггесон (Спарре)* — сподвижник Густава Эрикссона Васы, впоследствии занимал должность марска.

⁸¹⁹ *День святого Михаила* — см. примеч. 379.

⁸²⁰ *Остров Нар* — остров Наисаар в Финском заливе, недалеко от Ревеля (совр. Таллин).

⁸²¹ *...на помощь тем, кто подступал к Кальмару*. В ряде списков более конкретно: «на помощь пехотинцам, подступавшим к Кальмару». Ср.: РНБ Швед. F. IV. 2; F. IV. 3; F. IV. 4.

⁸²² *Богасунд* — см. примеч. 381.

⁸²³ *Тивед* — см. примеч. 451.

⁸²⁴ *Тюннельсё* — замок в области Сёдерманланд, расположенный на одном из островов озера Меларен; с начала XIV века — владение стренгнесских епископов. Энгсё Остров на озере Меларен и одноименный церковный приход, который охватывал еще несколько островов.

⁸²⁵ *...от имени всего риксрода...* Так в KB D 407. В ряде списков — «от имени всего королевства» (på hela riksens vägna). Ср. РНБ Швед. F. IV. 1–4.

⁸²⁶ *«Король Эрик» из Нэрдаву* (местности в провинции Нэрке) — популярный крестьянский лидер. Поддерживал регентов Стуре; несмотря на незнатное происхождение, получил лен, но, вероятно, не был аноблирован. По всей видимости, являлся тем самым «крестьянским королем», который был повешен датчанами во время Стокгольмской кровавой бани. Таким образом, и в отношении него была нарушена амнистия. См.: Carlsson G. Stockholms blodbad // Historisk tidskrift. Stockholm, 1921. Årg. 40. S. 128–129.

⁸²⁷ *Спонга* — историческая местность и одноименный церковный приход близ Стокгольма.

⁸²⁸ *местер Улоф Петри* — Олаус Петри, автор данной хроники.

⁸²⁹ *серпентины и яковницы* — средневековые разновидности огнестрельного оружия. Ср. примеч. 712.

⁸³⁰ *Стаффан Сассе* — немецкий мореплаватель-капер; воевал с датчанами на стороне Стена Стуре младшего и Густава Эрикссона Васы. Впоследствии стал бургомистром Стокгольма.

⁸³¹ *Эльфснаббен* — якорная стоянка близ Стокгольма.

⁸³² *Рекарне* — см. примеч. 519.

⁸³³ *Арнё* — усадьба уппсальских архиепископов.

⁸³⁴ *Хемминга Гадда* — см. примеч. 795.

⁸³⁵ *Тунна* («бочонок») — мера объема сыпучих тел и жидкостей (ок. 130 л.). Соль являлась для Скандинавских стран (где употреблялась преимущественно солевая пища) продуктом первостепенной важности. Собственной соли Швеция не производила, и этот товар ввозили в страну ганзейские, голландские и датские купцы. Подробнее см.: *Сванидзе А.А. Средневековый город...* С. 107—108. В XV — начале XVI в. в условиях конфликтов с Данией (в отдельных случаях сопровождавшихся торговой блокадой) перебои в поставках соли негативно сказывались на жизни шведов. Поэтому вполне возможно, что крестьян действительно подкупали путем раздачи соли. Также возможно, что мы имеем дело с тенденциозным объяснением, и что в действительности мотивы крестьян, перешедших на сторону короля, были иными. Ср. примеч. 705.

⁸³⁶ *Вальмарсё* — ныне Южный Юргорден (в черте совр. Стокгольма).

⁸³⁷ *Гориус Хольст* — видный стокгольмский бюргер, выходец из Голштинии.

⁸³⁸ *Йернторгет* — площадь в Стокгольме. См. примеч. 555.

⁸³⁹ *Йенс Белленаке* (Белленак) — епископ Оденсский. Участвовал в судебном разбирательстве относительно сторонников Стена Стуре. См.: Швеция и шведы. С. 315, 351—359.

⁸⁴⁰ *в соответствии со шведской книгой законов*. Спорным является вопрос, на что именно в данном случае ссылался датский епископ. Л. Вейбулл полагал, что Йенс Белленак имел в виду договор об унии от 1397 года, поскольку там, в отличие от шведского Ландслага, говорится, что на престол должен быть непременно избран сын короля. Но возможно, епископ сослался на положение Ландслага о том, что кандидат на престол по возможности должен являться королевским сыном. Предписание Ландслага, носившее рекомендательный характер, было в таком случае интерпретировано как обязательное к исполнению.

⁸⁴¹ *в городской церкви Стокгольма* — в Стуре Чуркан, церкви святого Николая (ср. примеч. 749).

⁸⁴² *золотая цепь с золотым украшением* — орден Золотого руна. По традиции, этого ордена удостоивались крестоносцы и вообще борцы за распространение и упрочение христианской веры. Таким образом, на-

граждение Кристиана II символизировало, что война со Швецией являлась войной за искоренение ереси и за защиту погрязших в ереси церквей.

⁸⁴³ *явились судебным иском* — см.: Швеция и шведы. С. 307–324.

⁸⁴⁴ *Нильс Люке* (Люкке) — норвежский аристократ, член Государственного совета Норвегии, приближенный Кристиана II.

⁸⁴⁵ *...наставить их ради спасения их души*. Олаус Петри использует формулировки, соответствующие его убеждениям как реформатора — последователя Лютера. Фактически речь идет о том, что казнимым не дали возможности исповедаться и причаститься.

⁸⁴⁶ *в рабов, наподобие эстов и гаков* — Гак (традиционная русская транскрипция слова Hakk) в рассматриваемую эпоху: 1) зависимый прибалтийский крестьянин; 2) участок земли, обрабатываемый таким крестьянином. Обвинение в том, что датчане превращают покоренное население в подобие «эстов и гаков», было характерно для шведской политической пропаганды начала XVI века.

⁸⁴⁷ *велел утопить аббата...* Аббат цистерцианского Ньюдальского монастыря Арвид Хоканссон и пятеро его монахов были утоплены без суда и следствия по приказу Кристиана II. Поводом для расправы являлось то, что монахи утаили от короля часть монастырских припасов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

А.Д. Щеглов

ОЛАУС ПЕТРИ И ЕГО ХРОНИКА*

I. «МЕСТЕР УЛОФ»: ВЕХИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

Прекрасны слова Платона: «Кто делает предметом своих речей человека, тот должен, как бы с вершины горы, обозреть все земное...»

Марк Аврелий

Олаус Петри (в миру Улоф Петерсон) — шведский классик, один из тех, кто создал основы шведской культуры Нового времени. Его деятельность разнообразна: это был реформатор, религиозный просветитель, государственный деятель, поэт, историк. Одно из главных его произведений — «Шведская хроника», которая охватывает историю Швеции с древнейших времен до начала XVI в. Эта хроника и сегодня интересна как ученый труд, памятник литературы и исторический источник.

Олаус¹ родился около 1493 года в городе Эребру, в семье кузнеца. Окончив церковную школу (по-видимому, при городском кармелитском монастыре), поступил в Уппсальский университет². Там он изучал основы канонического права и азы богословия по сочинениям старой, аристотелианской школы (*via antiqua*). Продолжить учебу оказалось возможно только за границей. В 1515 году

* Перевод, послесловие и комментарии подготовлены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 05-01-01484а).

¹ Поскольку имена типа Петри, Андреэ и т.д. в первой половине XVI в. и в более раннюю эпоху являлись не фамилиями, а латинизированными формами патронимов, употребление сокращений типа «Петри», «О. Петри» нежелательно. Многие специалисты в таких случаях для краткости приводят только первое имя. Автор считает уместным следовать этой традиции.

² См.: *Bergendoff C. Olavus Petri and the Ecclesiastical Transformation in Sweden. 1521–1522. Philadelphia, 1965. P. 63. Ср: Olaus Petri Samlade skrifter. (Далее: OPSS.) Bd. IV. S. 560; SKN III. S. 78.*

умер основатель и покровитель Уппсальского университета архиепископ Якоб Ульфссон, и вскоре университет — детище архиепископа Якоба — надолго прекратил свою деятельность.

Олаус уехал в Германию, в Лейпциг, а затем в Виттенберг³, где стал студентом философского факультета. В списках студентов он числился под именем Фазе (или Фасе) — возможно, студенческим прозвищем либо псевдонимом. В 1517 году «Олаус Фазе из Швеции» получил степень бакалавра, а в феврале 1518 года стал магистром.

Учиться приходилось много. Лекции начинались в пять—шесть утра и продолжались до вечера. Студентам-философам преподавали аристотелевы физику и логику (по комментариям Дунса Скотта и Фомы Аквинского), этику, астрономию, математику, метафизику, риторику. Углубленно изучался латинский язык⁴. В качестве отдельного предмета практиковалось изучение трудов Аристотеля близко к тексту — по новым переводам с греческого на латынь. Студенты также знакомились с основами древнегреческого и древнееврейского языков⁵. Перерывы тоже часто были заполнены: студенты ходили на лекции преподавателей с другого факультета — богословского. Главным светилом там был Мартин Лютер; летом 1518 года прибыл другой выдающийся теолог — Филипп Меланхтон.

В то время в Германии началась Реформация; Лютер выступил с тезисами против индульгенций, опубликовал новаторские труды; отстоял свои взгляды в диспуте с папским богословом кардиналом Казтаном. В те годы сформировались основы учения Лютера: человек обретает спасение только благодаря вере, только милостью Божьей. Не нужны посредничество церкви, труды святых отцов, исповедь в присутствии священника, почитание икон, приобретение индульгенций. Единственным авторитетом для христианина должно быть Священное Писание — «Слово Божье». Добрые дела — следствие веры: поэтому они не могут быть расценены как заслуги перед Богом, дающие право на спасение души. Многие обычаи, например безбрачие духовенства или монастырская жизнь, не основаны на Священном Писании и должны быть отменены. Нет оснований для обширных владений духовных лиц, для светской власти клириков, для их правовых преимуществ перед миряна-

³ В автобиографических заметках Олауса Петри упомянуты университеты Росток и Виттенберга. Однако исследователи пришли к заключению, что первым университетом являлся Лейпцигский.

⁴ Т.н. *grammatica*. Эта дисциплина, помимо грамматики (в привычном для нас смысле), включала в себя прочие сведения о латинском языке.

⁵ См.: *Bergendoff C. Olavus Petri*. P. 68—69.

ми. Все это — злоупотребления, которые следует упразднить. Законченное выражение идеи Лютера приняли в трудах, созданных чуть позднее, около 1520 года. С ними Олаус Петри ознакомился по возвращении в Швецию. Но нет сомнения, что уже в годы учебы в Виттенберге Олаус проникся идеями Лютера, стал его последователем.

В 1519 году Олаус вернулся на родину и поступил на службу к стренгнесскому епископу Матиасу Грегори (в миру Матсу Грегорссону) — образованному человеку, влиятельному церковному и политическому деятелю. Олаус стал секретарем епископа Матиаса, а затем, в 1520 году, был тем же епископом рукоположен в диаконы.

К тому времени достиг кульминации шведско-датский конфликт, завершившийся печально известной «Стокгольмской кровавой баней»⁶. Воспользовавшись распрей между правителем Швеции Стеном Стуре Младшим и uppsальским архиепископом Густавом Тролле, король Дании и Норвегии Кристиан II вторгся в Швецию. Обладая военным перевесом, пользуясь отчасти доверчивостью, отчасти меркантильностью шведских магнатов, а также отсутствием единства в их рядах, король одержал победу. 4 ноября 1520 года было казнено около 100 человек — противников короля, либо людей, подозреваемых в причастности к оппозиции. Первыми подверглись казни два епископа; одним из них являлся епископ Матиас, покровитель и начальник Олауса Петри. Историки спорят, являлся ли Олаус Петри свидетелем «Стокгольмской кровавой бани». Во всяком случае, он подробно описал эту расправу в своей «Шведской хронике»; весьма вероятно, что это рассказ очевидца.

В старинной биографии сообщается: сразу после стокгольмской расправы «местер Улоф»⁷ направился в Стренгнес и забрал исторические документы, которые хранились в епископской канцелярии; впоследствии он использовал их, работая над «Шведской хроникой»⁸. Но в первую очередь, Олаус Петри посвятил себя проповеди идей Реформации применительно к специфике и потребностям Швеции. Общество этой страны отличалось большей простотой и консервативностью, чем общество Германии; шведы не были

⁶ Подробно о ней см.: Швеция и шведы в средневековых источниках. М., 2007.

⁷ Так часто называли Олауса Петри. «Местер» — обладатель ученой степени магистра; в более широком смысле — человек с университетским образованием, степенью ниже, чем докторская.

⁸ Hallman J.G. The twenne bröder och Nerikeboer som then Evangeliska läran införde uti Nordlanden... Stockholm, 1726.

привычны к длинным проповедям, к богословским дискуссиям, к выступлениям экзальтированных проповедников; в Средние века здесь почти не возникало ересей и религиозных конфликтов. Поэтому от реформаторов требовалась прежде всего просветительская деятельность, основанная на ясных и убедительных доводах. Олаус Петри с его эрудицией, энергией, умом и красивым слогом прекрасно подходил для такого поприща.

Тому способствовали и личные контакты. После казни епископа Матса главным человеком в Стренгнесском диоцезе стал «местер Ларс» — архидиакон Лаврентиус Андреэ, образованный и энергичный служитель церкви, опытный политик, убежденный сторонник реформ. «Новые люди, — объяснял «местер Ларс», — приходят с новыми обычаями, а новые обычаи требуют новых законов». Возможно, именно стараниями «местера Ларса» Олаус Петри стал попечителем школы при кафедральном соборе и получил разрешение читать проповеди. Эти проповеди имели успех; особенно они понравились молодым клирикам, которые начали проповедовать в том же духе.

Тем временем в Швеции произошли судьбоносные изменения. Вскоре после «Стокгольмской кровавой бани» началась народная освободительная война под руководством молодого дворянина Густава Эрикссона из рода Васа. В июне 1523 года в городе Стренгнесе на собрании духовных лиц, дворян, вольных горняков и бюргеров Густав I Эрикссон (Васа) был избран королем Швеции. Страна вышла из-под власти датских монархов; неравноправная уния с Данией окончательно распалась.

Незадолго до описанных событий Густав Васа познакомился с Лаврентиусом Андреэ и, несомненно, одобрил его взгляды. На выборах короля «местер Ларс» вел подсчет голосов; на следующий день он же объявил в кафедральном соборе о восшествии нового монарха на престол. Есть сведения, что именно «местер Ларс» ознакомил Густава Васу с учением Лютера. Учение, в числе прочего сулившее материальные и политические выгоды, пришлось королю по нраву.

В судьбе стренгнесских реформаторов произошли перемены. Лаврентиус Андреэ стал секретарем и советником Густава I, а Олауса Петри король назначил городским секретарем Стокгольма. Теперь Олаус участвовал в заседаниях магистрата, делал записи в городской памятной книге, а в свободное от службы время читал проповеди в церкви св. Николая — городской церкви Стокгольма. Молодого проповедника прозвали «Улоф в корзинке»: кафедра имела небольшой размер и находилась высоко под потолком. Проповеди обрели популярность: среди стокгольмских

бюргеров, в особенности немцев, имелись сторонники Реформации. Но нашлось и множество противников. По сообщению хрониста Юханнеса Мессениуса слушатели «местера Улофа» бросали в проповедника туфли, палки, камни⁹. Возможно, именно тогда «местер Улоф» на горьком опыте убедился: чтобы просвещать, нужны простота, ясность, терпимость, вежливость по отношению к слушателям. Об этом он неоднократно писал, в том числе в «Шведской хронике».

В 1525 году Олаус вступил в брак с Кристиной Лауренсдоттер, дочерью стокгольмского бюргера. Поскольку «местер Улоф» был духовным лицом, женитьба возмутила консервативных католиков. Но король Густав I принял сторону реформатора: «местер Улоф», заявил монарх, готов обосновать свой поступок согласно Божьему закону; его женитьба никому не может повредить.

Жена была старше мужа на несколько лет. У супругов родилось двое детей: дочь Элисабет и сын, которого нарекли редким для Швеции именем Регинальд. Не сохранилось писем, дневников или других документов, где имелись бы сведения о чувствах Олауса и Кристины. Олаус был убежден, что супружество — исполнение божественной заповеди, долг христианина; о земной любви «местер Улоф» почти не писал. Вероятно, семейная жизнь реформатора была не безоблачной. Намек на это содержится в «Шведской хронике». Людям вообще, замечает Олаус, трудно ужиться друг с другом; тем более трудно ужиться правителю с целым народом.

Вторая половина 20-х годов XVI в. стала временем первых успехов шведской Реформации. На всесословном собрании — риксдаге 1527 года были приняты резолюции о редукции церковных владений. Относительно вероучения было постановлено, что «Слово Божие должно чисто проповедоваться». Реформы были выгодны в первую очередь королю, которому немало помогли Лаврентиус Андреэ и Олаус Петри.

С первыми шагами Реформации были связаны и ранние печатные труды «местера Улофа». В 1526 году было опубликовано «Полезное наставление, основанное на Писании»¹⁰. В «Наставлении» объяснялось: Бог сотворил человека по своему подобию: пра-

⁹ Мессениус был убежденным католиком, и его сообщения о Реформации тенденциозны. Но в данном случае его слова подтверждаются воспоминаниями Лаврентиуса Петри, брата Олауса. Есть и другие источники, которые подтверждают: в проповедников-реформаторов подчас летели камни и палки, а то и топоры. Сторонников Лютера называли еретиками, богоотступниками, вредителями. Они, мол, сошли с ума, делают все наоборот: например, читают проповеди по вечерам, хотя проповедовать надо только утром.

¹⁰ OPSS I. S. 1—120.

ведным, мудрым, добрым. Но дьявол ввел человека в грех; люди забыли Бога. И все же Бог по милости своей дал заповеди, чтобы у людей было упование, надежда.

Далее разъяснялись 10 заповедей. Многие из этих разъяснений были актуальны для Швеции. Так, автор напоминал: нельзя заниматься колдовством, чернокнижничеством; нельзя использовать волшебный прут для поиска месторождений, заговаривать мечи и ножи ...

В «Наставлении» заповеди истолкованы в гуманистическом духе: их надо соблюдать не внешне, а по существу: отказаться от недобрых желаний, жить ради ближнего. В духе Лютера объяснено: человек несовершенен; часто поступки, добрые внешне, на деле корыстны. Поэтому поступки не делают человека добрым: он должен сам стать добрым, тогда добрыми будут и дела. Поняв это, человек должен уповать на Бога, верить: то, что сказано в Библии, относится лично к нему, служит его спасению.

Исследуя «Полезное наставление», ученые пришли к выводу: основным образцом послужил молитвенник Лютера, опубликованный в 1522 году. Но Олаус переработал текст, добавил собственные замечания, написал вступление: книга стала более объемной, более цельной. Работая над «Наставлением», Олаус штудировал не только Лютера, но и других реформаторов: Мартина Бугера, Урбануса Региуса, Бугенхагена, а также использовал католическую духовную литературу. Итак, простое, рассчитанное на широкую аудиторию произведение явилось результатом содержательной творческой работы.

В том же 1526 году был опубликован шведский перевод Нового Завета. По мнению большинства исследователей, основную работу по переводу выполнил Олаус Петри, а Лаврентиус Андреэ отредактировал окончательный текст. Были использованы различные образцы: немецкие переводы Лютера, латинский перевод Эразма, греческий подлинник, средневековая латинская Библия (Вульгата). Интересно, что уже в первых трудах проявились исторические интересы Олауса Петри. В «Полезном наставлении» содержатся ссылки на древних историков. В предисловии к Новому Завету переводчик объясняет, как в Европе распространялось христианство¹¹.

В 1526 году в Швеции начались богословские дебаты. Несколько ученых мужей получили от короля перечень вопросов. Суть сводилась к следующему: нужно ли следовать обычаям и уче-

¹¹ OPSS I. S. 1–31. Cp.: *Ingebrand S. Olaus Petris reformatoriska åskådning*. S. 33.

ниям, не основанным на Библии; должны ли духовные лица иметь власть над людьми; спасается ли человек благодаря своим заслугам, или только милостью Божьей. Два автора, представлявших два противоборствующих лагеря — Олаус Петри и Педер Галле — обнародовали свои ответы. Олаус начал готовить к печати опровержение тезисов оппонента.

Однако сперва ему пришлось выполнить другую работу. Датский богослов Паулюс Элиэ (в миру Пауль Хельгесен) обрушился с критикой на учение Лютера. Олаус взялся возразить на эту критику. Весной 1527 года «местер Улоф» опубликовал возражения. Сочинение называлось «Ответ на нехристианское письмо». По сути это была апология учения Лютера.

Паулюс Элиэ заявлял: учение Лютера о свободе христианина привело к тому, что люди перестали подчиняться властям, начали проповедовать всеобщее равенство. Это привело к кровопролитному восстанию¹². Олаус возражал: свобода, которую проповедует Лютер, — исключительно духовная. Лютер не призывал к неповиновению; напротив, всегда проповедовал покорность властям. А если кто-то извратил высказывания Лютера, истолковав их как призывы к восстанию, то Лютер в этом не виноват.

Особое место в полемике занял вопрос о свободе воли. Олаус изложил мнение Лютера: промысел Божий выше человеческого ума. Все совершается по воле Бога; об этом свидетельствуют многочисленные сочинения, в том числе исторические труды¹³. Спор коснулся и других вопросов: о богослужении, о причастии, о значении добрых дел. Интересен круг источников, использованных Олаусом: это, конечно, в первую очередь Библия и труды Лютера, но также и труды святых отцов, и постановления вселенских соборов, и исторические труды.

Затем Олаус вернулся к полемике с Галле. Итог работы — «Ответ на 12 вопросов» был опубликован в мае 1527 года. По главному вопросу мнения оппонентов совпали: оба признали, что спасение зависит только от Бога. Но Галле считал, что церковь может и должна комментировать Библию, принимать постановления по духовным вопросам. По Олаусу Петри все это было излишнее: руководствоваться следует только Библией.

В «Ответах на 12 вопросов» Олаус затронул и историческую тему, подчеркнув, что церковные обычаи менялись: об этом свидетельствуют исторические труды и папские законы. Например, в древности христианам было запрещено употреблять в пищу кровь

¹² Имеется в виду крестьянская война в Германии.

¹³ Ingebrand S. Olaus Petri reformatöriska åskådning. S. 189—190.

и удалению; впоследствии запрет был отменен. У ранних христиан в одном городе могло быть несколько епископов; затем такой порядок упразднили...

В 1528 году увидели свет еще два сочинения Олауса: «О браке» и «О монастырской жизни». В трактате «О браке» говорится: браки угодны Богу. Супруги выполняют завет Бога, помогают друг другу, упражняются в христианской любви. В брак надлежит вступать всем. Те, кто запрещает духовным лицам супружество, попирают заповеди Бога, прегрешают против природы, нарушают постановления церковных соборов — Никейского, Константинопольского. Олаус доказывал: безбрачие духовенства установилось не сразу. Так, для священников Норвегии и Швеции запрет на вступление в брак был издан в 1240 году папским легатом Вильгельмом Сабинским. Многие духовные лица противились запрету на браки; окончательно этот запрет был введен лишь сравнительно недавно...

Историческая тема присутствует и в трактате Олауса «О монастырской жизни»¹⁴. Олаус напомнил и прокомментировал разные точки зрения относительно происхождения монашества, привел различные объяснения, почему древние христиане избирали монашескую жизнь, рассказал, как со временем испортились нравы монахов, как богословы критиковали их злоупотребления; привел примеры таких злоупотреблений¹⁵.

С историческими сюжетами было связано и еще одно произведение Олауса Петри — «Малый ответ Паулюсу Элиэ». Датский богослов объявил: шведы отпали от истинной веры, которую в древности проповедовали миссионеры Ангарий и Сигфрид. Сбылось пророчество, упомянутое в житии Сигфрида: шведов постигла расплата за то, что их предки убили проповедников веры Христовой. Олаус возразил: миссионеры Ангарий и Сигфрид проповедовали Слово Божье. К этой вере Швеция должна вернуться — вот почему необходима реформа церкви.

Вторая половина 20-х годов XVI в. была у Олауса загружена проповедями, полемикой, просветительскими трудами. Между тем «местер Улоф» ходил на службу, вел городскую памятную книгу. По этой части Олаус не вводил никаких новшеств. Но зато он впервые написал комментарий к шведскому городскому законоложению — Стадслагу.

И вновь — весьма простое сочинение. Но и за ним стояла сложная работа. «Местер Улоф» сверял списки законов, выявлял разно-

¹⁴ Ср.: SKH III. S. 184.

¹⁵ OPSS I. S. 504—511.

чтения. Изучил древнейший свод шведских городских законов — Бьёркёарэттен, а также областные законы. Штудировал римское право, которое сопоставлял с древнешведским. Многие сведения, приведенные в комментариях к Стадслагу, тематически близки «Шведской хронике» — главному историческому труду «Местера Улофа». Работу над хроникой Олаус, по-видимому, начал в 20-е годы.

Для Олауса Петри в конце 20-х годов многое складывалось хорошо. Реформатор был доволен: государь печется об истинной вере, евангелическое учение обретает сторонников. Король наградил Олауса: пожаловал земельные угодья, разрешил обменять дом на более дорогой без доплаты. Брат Олауса Лаврентиус Петри получил стипендию для учебы в Виттенберге.

И вот новое событие: в 1528 году Густав I короновался. Проповедь по случаю коронации прочел Олаус Петри. Он напомнил: король исполняет свои обязанности для блага народа. Король — слуга Бога; монарх должен заботиться о подданных во всем, что касается их тел, и тем более — душ. Пример таких государей-праведников — Давид и Соломон, а также скандинавские конунги Олоф Шётконунг, Святой Олаф, Святой Эрик. Король должен быть национальным правителем. Иноземный государь в первую очередь заботится о своих соотечественниках, а не о народе, который для него чужой. Густав Васа ниспослан шведам милостью Бога; ранее Бог посылал королей-иноземцев в наказание за непокорность правителям-шведам...¹⁶ Проповедь понравилась монарху, который опубликовал ее в королевской типографии.

Но далеко не все у реформаторов шло успешно. Нововведения, непонятные и чуждые народу, вызывали широкое недовольство, которым пользовались магнаты, оппозиционеры короля. В 1529 году на юге страны вспыхнуло так называемое «Восстание вестъетских господ» — народное движение, возглавленное дворянами-оппозиционерами. В начале 30-х на северо-западе, в области Даларна народное недовольство вылилось в «Колокольное восстание»; поводом послужило изъятие церковных колоколов. Люди, недовольные Реформацией, имелись во всех слоях населения. Критика раздалась и из другого лагеря. Бюргеры Стокгольма — сторонники радикальных реформ обвинили Олауса Петри в том, что он якобы отошел от Евангелия, делал уступки старой вере... Такова была обстановка, в которой Олаус Петри продолжал свою

¹⁶ Подробнее об этой проповеди: *Щеглов А.Д.* Вестеросский риксдаг... С. 121–123.

деятельность: создал сборники проповедей, требник, канон шведской мессы.

В начале 30-х годов XVI в. реформаторы добились новых успехов. Олаус Петри стал секретарем короля; брат «местера Улофа» Лаврентиус Петри был избран Уппсальским архиепископом. И все же положение лидеров шведской Реформации было отнюдь не прочным.

Около 1533 года выяснилось, что Олаус Петри и Густав Васа сработаться не смогут: «местер Улоф» — человек идей и убеждений не мог не прийти к противоречиям с расчетливым и подчас циничным королем-прагматиком. Монарх уволил Олауса, а впоследствии объяснил: «местер Улоф» был столь же способен исполнять обязанности секретаря, сколь корова — прясть шелк, сколь осел — играть на лютне... Вдобавок ко всему, король начал сдержанно относиться к реформам церкви. Короля настораживали успехи Реформации в Европе, пугали связанные с этими успехами социальные волнения. В 1533 году Густав I потребовал, чтобы преобразования церкви в Швеции не производились без ведома монарха.

Перемены отразились на творчестве Олауса Петри. Его «Наставление евангелическим проповедникам» (1535) проникнуто иными настроениями, чем труды конца 20-х годов. Нет радости по поводу успехов, по поводу благочестия короля. Главная мысль: реформаторы должны нести свой крест. Многие хулят евангелическое учение, препятствуют ему; но нужно не приходить в отчаяние, не отказываться от призвания. Следует, если потребуется, пожертвовать добрым именем, а то и жизнью. Шведский народ подобен стаду овец, лишенных пастырей. Все обстоит плачевно: многие хотят взять от овец молоко, шерсть, а то и мясо. Но очень мало тех, кто заботится о спасении овец¹⁷. Поэтому шведские проповедники должны уподобиться апостолам. Притом, проявлять терпимость: некоторые, называя себя евангелическими проповедниками, ругают обычаи, обвиняют монахов и священников в злодействе и корысти, а сами ничего не могут предложить взамен; поносят других, а сами вчетверо хуже. «Невелико искусство низвергать и разрушать: это может делать и турок, и язычник. Но искусство — в том, чтобы с умением, разумно устранив то, что неправильно и заменять на то, что истинно и верно»¹⁸.

В 30-е годы XVI в. Олаус, судя по сочинениям, проникся идеей о том, что близится конец света: «Мир сейчас настолько наполнил-

¹⁷ OPSS I. S. 479–480.

¹⁸ Ibid. S. 491–492.

ся злом, что, похоже, скоро приблизится конец: нельзя будет стать еще озлобленнее и хуже»¹⁹. Около 1535 года произошло событие, словно бы подтвердившее такие предвидения. Над Стокгольмом появилось несколько светящихся окружностей — так называемых ложных солнц. Стокгольмский художник Урбан изобразил это явление на картине, которую, по-видимому, заказал Олаус Петри²⁰. Выставив картину в городской церкви, «местер Улоф» (если верить официальной версии событий) прочел проповедь: указанное знамение — знак грядущих бедствий — расплаты за злоупотребления властей. Впоследствии эта проповедь была упомянута в обвинениях, выдвинутых против «местера Улофа».

А в 1536 году произошло еще одно событие, имевшее роковые последствия для Олауса Петри. В Стокгольме был раскрыт так называемый «пороховой заговор» против короля. Почти все заговорщики являлись зажиточными бюргерами из числа немцев. Но главным заговорщиком был швед, монетных дел мастер Андерс Ханссон, близкий приятель Олауса Петри.

Началось следствие; Андерса Ханссона и множество бюргеров-немцев арестовали. В мае 1536 года состоялся суд. К изумлению судей, обвиняемые не пытались оправдаться, но напротив, начали одну за другой раскрывать подробности заговора. Оказалось, что заговорщики хотели захватить замок, разрушить городские стены и присягнуть на верность ганзейцам. Короля собирались взорвать при помощи адской машины — мины с часовым механизмом. Суд вынес смертный приговор участникам заговора. Несколько заговорщиков были казнены; Андерс Ханссон покончил с собой; множество заговорщиков получили помилование, заплатив крупные штрафы.

Олаусу Петри поначалу не было предъявлено обвинений. «Местер Улоф» по-прежнему плодотворно работал: переводил библейские тексты, создавал религиозно-просветительские сочинения, продолжал исторические и правовые штудии. Но в 1539 году в отношениях Олауса Петри и Густава Васы наступил кризис. Олаус Петри опубликовал в королевской типографии сочинение под названием «Проповедь против страшных клятв». Речь шла о кощунственных клятвах, в которых упоминалось имя Бога²¹.

В проповеди говорится: Бог всегда посылает суровые бедствия за грехи и безбожие. В этом можно убедиться на примерах из древности. Поэтому нет сомнений, что страшные клятвы, которые ныне распространились больше, чем когда-либо, неминуемо

¹⁹ OPSS III. S. 24–25.

²⁰ Ср.: *Lindblom A. Sveriges konsthistoria*. Stockholm, 1947. S. 381–382.

²¹ См.: OPSS IV. S. 373–394.

вызовут гнев Господень. Мир озлоблен, проникнут кощунством; грядущая кара обратит мир в ничто. И дьявол, зная, что приходят последние дни, беспрепятственно правит миром...

Властям нужно наказывать богохульников. Известно, что иудеи побивали их камнями. Многие христианские государи тоже сурово карали подобных преступников. Но нынешние правители не таковы: им следует пресекать кощунство, а они сами кощунствуют больше всех²².

«Проповедь против клятв» возмутила Густава Васу. Это, заявил король, призыв к мятежу, а не христианское поучение. Густав I распорядился, чтобы впредь ни одно сочинение не печаталось без одобрения государя.

Другое противоречие возникло в связи с вопросом о руководстве церковью. «Старые» лидеры реформаторов Лаврентиус Андреэ и Олаус Петри хотели, чтобы церковь сохранила самостоятельность. А Густаву I требовалась церковь, подобная англиканской — подчиненная монарху. Вопрос о судьбе церкви надлежало решить на совещании духовных лиц Швеции в Уппсале. «Местер Улоф» и «местер Ларс», отказавшись подписать резолюцию, угодную королю, остались в одиночестве. Было и еще одно обстоятельство, которое разгневало Густава Васу. Король ознакомился с «Шведской хроникой» «местера Улофа», по-видимому, в ранней редакции. Знакомство было, судя по всему, беглым; так или иначе, король нашел в хронике нежелательные мысли.

Развязка наступила в конце декабря 1539 года. В Эребру, родном городе Олауса Петри, состоялся суд. Было зачтено обвинение: Лаврентиус Андреэ склонял короля к реформам свыше меры, прельщал красивыми речами, которым сам не следовал. А «местер Улоф», говорилось далее, овладел многими свободными искусстваами; но ему показалось мало, и он посягнул на еще одну науку — астрономию: толкуя небесные явления, призывал к мятежу. Такие призывы содержатся в проповедях и хронике «местера Улофа». Обвиняемые проповедовали на манер анабаптистов; водили дружбу с главарями заговорщиков; знали о заговоре, но не сообщили властям. Вобщем, не желали успокоиться, покуда не погубят короля и страну.

Суд вынес приговор: смертная казнь через усекновение головы. «Местер Улоф» и «местер Ларс» обратились с просьбой о помиловании. Ходатайство было удовлетворено; казнь заменили крупными штрафами. За Олауса Петри штраф заплатил Стокгольм.

Впрочем, опала была недолгой. Уже в мае 1541 года оба помилованных реформатора — Олаус Петри и Лаврентиус Андреэ —

²² Ibid. S. 390—394.

заседали в составе королевского суда. В том же 1541 году были переизданы труды Олауса Петри — канон шведской мессы и требник. И, наконец, все в том же году Олаус Петри получил от короля письмо. Там говорилось: монарху известно, что Олаус Петри некоторое время назад сочинил хронику, по-видимому, компиляцию, основанную на труде «доктора Эрика», некогда члена уппсальского соборного капитула. Между тем, из упомянутой хроники «доктора Эрика» следует: сочинитель больше благоволил епископам с их духовными вольностями, чем королям и знати Швеции. А ведь «местер Улоф» знает: епископы в старину приносили государям много вреда. В хронике «доктора Эрика» есть немало полезных отрывков, но много и таких, которые побуждают к мятежу и непокорности властям, а не к миру и согласию. Королю известно, что «местер Улоф» намерен подготовить свою хронику к печати. Нужно, чтобы он опубликовал такой труд, который будет способствовать миру и спокойствию. Посему король желает, чтобы «местер Улоф» написал историю деяний монарха; от такого труда будет куда больше проку, чем от сочинений, ранее опубликованных «местером Улофом». В хронике должно быть описано, как король освободил Швецию, какие опасности и лишения перенес, как боролся с мятежниками и внешними врагами. Олаус Петри должен изложить все это и при первой возможности послать труд королю. А король распорядится, чтобы придворный живописец иллюстрировал это произведение²³.

Итак, Олаус был по-прежнему нужен монарху — как правовед, богослов, историк. Король позаботился о благополучии «местера Улофа», назначил смотрителем Стокгольмской школы. В 1543 году по рекомендации короля «местер Улоф» получил должность настоятеля Стокгольмской городской церкви. «Местер Улоф» был реабилитирован. Взамен от него требовалась лояльность. Одному из доверенных лиц монарх поручил провести беседу с Олаусом и выяснить, каковы его настроения. Если он проповедует покорность властям, его следует оставить в покое; если нет — возможен иной исход дела.

О последних годах Олауса Петри известно сравнительно немного. По данным в городской книге можно судить, что «местер Улоф» сохранил связи со стокгольмскими бюргерами, пользовался среди них авторитетом. Часть времени он посвятил доработке «Шведской хроники». Написал небольшие сочинения, связанные с исторической тематикой: перечень шведских городов и церковных приходов, руководство по чтению рунических надписей. Про-

²³ SRS II. S. 151–152.

должал писать нравоучительные произведения, в том числе создал «Комедию о Товии» — пьесу на библейский сюжет.

Олаус Петри умер 19 апреля 1552 года и был похоронен в Стокгольмской городской церкви. А спустя небольшое время король вновь разгневался на «местера Улофа», теперь уже покойного. Монарх внимательно прочел рукопись «Шведской хроники» — и пришел в ужас. Есть сведения, что Густав I в ярости вырывал из книги страницы, топтал фолиант ногами. Свое возмущение король излил в письмах сыновьям принцам Эрику и Юхану, а также в послании к архиепископу Лаврентиусу Петри. В послании принцам (23 декабря 1554 года) король известил сыновей, что разгневан на стренгнесского епископа Ботвида: тот, мол, вопреки воле монарха, тайно снял копии с хроники «местера Улофа». А ведь в хронике содержатся лживые измышления о государях Швеции, и напротив, почти ничего не сказано о тех, кто достоин порицания. Хронику нельзя публиковать, пока она не будет переработана. Королю стало известно, что зять «местера Улофа» стокгольмский капеллан Педер Эрици посвящен в дела Олауса Петри. По сведениям короля, Педер Эрици послал епископу Ботвиду образец «Шведской хроники», с которого были сделаны списки. Король просит прислать ему герра Педера Эрици вместе со всеми документами, которые тот получил от «местера Улофа». Король также хочет, чтобы было расследовано, есть ли у Педера Эрици или у кого-либо другого документы о том, как епископы в былые времена чинили козни правителям. Об этих кознях нужно поведать в хронике: ведь именно от них страдало Шведское королевство. А «местер Улоф» вообще не касается этого предмета²⁴. Спустя два дня, 25 декабря, Густав Васа направил принцам второе письмо. Король был возмущен: духовные лица, вопреки воле монарха, распространяют «Шведскую хронику» среди жителей страны, особенно среди дворян.

Густав I был убежден: «Местер Улоф» сохранил государственные документы, к которым имел доступ его начальник епископ Матс. Было бы хорошо выяснить, писал король, к кому перешли документы после смерти «местера Улофа». Густав I поручил принцам расследовать этот вопрос. Короля возмутили взгляды, изложенные в «Шведской хронике». «Местер Улоф» считает, что в бедствиях Швеции виноваты ее государи, которые на самом деле не жалели сил ради отечества. Притом он не упоминает о кознях епископов. Хроника в большей степени проникнута папистскими настроениями, чем истинным евангельским духом... Вообще удивительно, с какой настойчивостью служители церкви все время пытаются по-

²⁴ SRS I. S. 152.

учать государей — хотя Христос учил, что народами правят цари. «Местер Улоф» чернит короля и его род. Пишет, что бонды избрали Стена Стуре правителем, потому что их щедро угостили пивом. Хвалит изменников, перешедших на сторону датчан. В хронике многое противоречит сочинениям, которые Олаус Петри написал, когда начал проповедовать в Швеции евангелическое учение²⁵.

Воля Густава Васы была исполнена. В начале января следующего года принц Эрик произвел учет древних письменных памятников из библиотеки «местера Улофа» и доложил о результатах королю. Спустя небольшое время принц известил монарха о сочинениях, обнаруженных у зятя «местера Улофа» — в том числе, о списках «Шведской хроники».

Обвинения в адрес Олауса Петри король изложил и в письме к брату покойного реформатора архиепископу Ларсу. «Местер Улоф», указывал король, отдал предпочтение папистским взглядам, порочит достойных правителей, молчит о происках епископов, хвалит изменников. Король предписал архиепископу прислать все списки хроники, какие имеются; эти списки надлежит уничтожить. Доступ к хронике должен быть закрыт, покуда она не будет существенно исправлена.

Архиепископ ответил весьма резким письмом, отказавшись выполнить требования короля и обвинив его в преследованиях духовенства. Густав Васа впал в ярость: «Местер Улоф» и его помощники поступили несправедливо, подобно изменникам. Монарх выдвинул против Олауса Петри множество обвинений.

Во-первых, «местер Улоф» уподобляет тех, кто живет в замках и крепостях чудовищам, троллям, драконам, змеям. А злоумышленников, что предали отечество, величает героями и уважаемыми людьми.

Во-вторых, в числе других непристойностей сообщает, что гордыня шведов — причина вражды между шведами и датчанами. А между тем истинная причина — козни датчан, их лживые обещания и грамоты, попытки поработить шведов. Следовательно, «местер Улоф» — изменник родины.

В-третьих, он пишет, что в Шведском королевстве при иностранных государях дела обстояли не хуже, чем при правителях-шведах. Он гнусно жлет: шведы прекрасно знают, какой произвол учинил король Кристиан в 1520 году, когда пришел к власти. Нечто подобное случилось и в 1363 году, при короле Альбрехте Мекленбургском.

²⁵ SRS II. S. 153–154.

В-четвертых, он утверждает, что сообщения древних авторов о свеях и готах лживы. Пусть каждый достойный человек и истинный христианин рассудит, хорошо ли так отзываться о своей родине.

В-пятых, «местер Улоф» порочит отечество: утверждает, что шведы не платят долги. Даже если это и правда, следовало об этом молчать. А получилось, как в поговорке: мерзкая птица в свое гнездо гадит.

В-шестых, он хвалит тех, кто основывал и строил церкви и монастыри, дарил им владения. А между тем он первым осудил подобные папистские деяния. Итак, он совершил преступление против христианской веры; он богоотступник и изменник, заслужил кару от Бога и людей.

В-седьмых, он заявляет: поскольку король имеет право требовать от простых людей налоги и подати, постольку и народ имеет право требовать от короля, чтобы блюлись законы и право. Можно подумать, король кому-либо в этом отказывал! Напротив, он обращается с подданными так, что ни у кого нет причин жаловаться.

В-восьмых, «местер Улоф» бесчестит христианских государей: говорит, что они не «Амбарные замки», а «Амбарные воры»; да еще и уверяет, что король Магнус Амбарный Замок достоин называться римским цесарем. Очевидно, что он глумится над христианскими государями, порочит их доброе имя.

В-девятых, «местер Улоф» приводит множество лживых измышлений относительно шведских государей, верно служивших отечеству. Обвиняет Стена Стуре Старшего в самоуправстве: он, мол, не считался с мнением государственного совета... А ведь епископы и прелаты, что входили в этот совет, были предателями, старались возвести на трон иноземцев... Итак, «местер Улоф» и его помощники поступили как изменники, клеветники²⁶.

По-видимому, в связи с такой критикой, Лаврентиус Петри пошел на уступки: создал свою версию «Шведской хроники». Там присутствовали официально-патриотические мотивы. Прославлялись деяния древних готов. Воздавалась хвала Энгельбректу Энгельбректссону и другим героям борьбы против датских королей. Усилились негативные характеристики государей-иноземцев. Были удалены нежелательные подробности, касающиеся шведских правителей. Что касается хроники Олауса Петри, то часть списков, по-видимому, подверглась конфискации и уничтожению. Но делались все новые и новые списки; остановить распространение хроники оказалось невозможно. А после смерти Густава Васы (1560) у произведения уже не осталось столь яростных противников.

²⁶ SRS II. S. 156–160.

Олаус Петри, конечно, не был изменником или злоумышленником. Обвинения Густава Васы на этот счет чрезмерно суровы, а подчас несправедливы и даже комичны. По всей видимости, «местер Улоф» просто стремился соблюсти важнейший принцип хрониста — беспристрастность. Но вместе с тем, «местер Улоф» кое-что написал в укор государю, который на поверку оказался так далек от идеала.

* * *

Интерес к истории сопутствовал Олаусу Петри в течение всей его деятельности. И закономерно, что сегодня, когда общество и культура сильно изменились, именно «Шведская хроника» — историческое произведение, почти не связанное с религиозной полемикой, представляет наибольший интерес для современного читателя.

II. «ШВЕДСКАЯ ХРОНИКА» КАК ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНИЕ: МНЕНИЯ УЧЕНЫХ

Научное изучение хроники Олауса Петри началось еще до ее публикации. В конце XVIII века хроника привлекла внимание француза Л.Ф. Гинемана де Керальо — исследователя рукописей, хранившихся в парижской Королевской библиотеке. Среди рукописей имелся список «Шведской хроники» Олауса Петри; этому списку Керальо посвятил небольшое исследование²⁷. Керальо оценил достоинства «Шведской хроники»: стремление автора к объективности, отказ от официального ура-патриотизма. В отношении содержания хроники ученый сделал вывод: Олаус во многом следует земляку и предшественнику Эрикусу Олаи; при этом сведения обоих шведских хронистов существенно отличаются от данных, приводимых древнеисландскими авторами.

В то же время Керальо подверг критике некоторые сообщения Олауса Петри, например упоминание о том, что миссионер Ансгарий прибыл в Швецию в 845 году (тогда как из жития Ансгария следует, что он прибыл в 831 или 832 году). Не согласился Керальо и с заявлением Олауса, что король у шведов в древние времена «сам был книгой законов»: у древних шведских королей, возразил ученый, не было таких больших полномочий; законотворчеством и

²⁷ Keralio [L.F.G.] Notice d'un manuscrit suédois de la bibliothèque du roi. [Paris, sine datum]; *Idem*. Chronicon regum sueciae scriptum ab Olao Petri / Nach einer schwedischen Handschrift herausgegeben. Hildburghausen, 1793.

правосудием ведали законоговорители — лагманы, а также суды — тинги²⁸.

Исследование Керальо долго оставалось единственной работой, посвященной «Шведской хронике» как историческому произведению. Следующий научный труд на ту же тему был создан в конце XIX века. Шведский историк Л. Ставенон написал монографию, в которой дал оценку «Шведской хронике»²⁹. Исследователь отметил, что повествование хроники неоднородно. Первая половина, где описано раннее и зрелое средневековье, насыщена красноречивыми рассуждениями. Дальнейшее изложение является более сухим, фактографичным; автор не часто комментирует описанные события, словно оставляя свое мнение при себе. Возможно, рассудил исследователь, Олаус писал заключительную часть после конфликта с Густавом Васой, и это отразилось на характере повествования. Также не исключено, что Олаус решил: материал говорит сам за себя; чтобы сохранить беспристрастность изложения, автор свел комментарии к минимуму³⁰.

Ставенон констатировал: «Шведская хроника» широко распространилась в списках и, судя по всему, вызвала интерес — тем более что была написана по-шведски, простым, ясным языком, который прекрасно воспринимается по сей день. Хроника Олауса Петри, в отличие от хроник предшественников и современников автора, объективна, толерантна; отсутствует ненависть к противникам — датчанам, нет тенденциозности в изображении Кальмарской унии. Схожую терпимость и непредвзятость Олаус демонстрирует в отношении средневековых священнослужителей, хотя от него как реформатора, последователя Лютера, можно было ожидать резкой критики в их адрес³¹.

Наряду с достоинствами Ставенон отметил недостатки. По мнению ученого, Олаус Петри воспринимал древность как аналог современности, не осознавая, что в ходе исторического развития общество меняется. Хроника, считал исследователь, не вполне цельна; некоторые фрагменты, например, сообщения о монетном деле или о торговле, носят характер экскурсов, не интегрированных в повествование. В «Шведской хронике», по мнению Ставенона, почти нет исторических портретов: действующие лица похожи друг на друга³². Главные достоинства хроники, подчеркивает в заключение Ставенон, заключались в критике источников,

²⁸ Keralio. Notice... P. 461–463; 467; *Idem*. Chronicon.. S. 29–31, 36–37.

²⁹ Stavenow L. Olaus Petri som historieskrivare. Göteborg, 1898.

³⁰ Ibid. S. 1, 10.

³¹ Ibid. S. 3–12.

³² Ibid. S. 27.

в объективности повествования. Изначальная цель Олауса Петри являлась просветительской. Однако автор вышел за рамки поставленной задачи, создал новаторское произведение, которое лишь спустя несколько столетий было оценено по достоинству³³.

Вехой в исследовании «Шведской хроники» стала монография историка Г. Вестина, посвященная источникам Олауса Петри и методам, которые он применял как историк³⁴. Вестин показал, что в отношении методов, которыми пользовался автор, хронику можно разделить на две части. Первая часть — рассказ о событиях с древнейших времен до середины XV века. Эта часть хроники в значительной степени основана на труде Эрикуса Олаи. Но и в этой части Олаус пользовался другими материалами. Так, в повествовании о языческих временах Олаус обращался к дополнительным нарративным памятникам — к «Прозаической хронике», к «Малой рифмованной хронике», к «Датской хронике» — труду Саксона Грамматика. Порой Олаус Петри констатировал совпадение сведений, порой выявлял противоречия и пытался восстановить вероятную картину событий³⁵.

Вестин доказал, что «местер Улоф» во многих случаях внес изменения. Так, он подверг переработке рассказ Эрикуса Олаи о введении христианства. Далее, повествуя о событиях XII — начала XIV веков, Олаус, параллельно с хроникой Эрикуса Олаи, использовал другие источники — в том числе документальные. Это позволило скорректировать повествование, подвергнуть его переработке, сделать более цельным и последовательным³⁶. Широкий круг источников — анналов, хроник, документов использован в разделе хроники, где говорится о королях XIV века Магнусе Эрикссоне и Альбрехте Мекленбургском. Это позволило переосмыслить образ короля Магнуса, который ранее являлся стереотипно негативным³⁷. Изменился и взгляд на Кальмарскую унию. Если у предшественников основное содержание этого периода — борьба с датчанами и другими иноземцами, то у Олауса — соперничество двух группировок: сторонников и противников унии.

Вестин показал, что разнообразием отличались не только использованные источники, но и способы работы с ними. Так, из рифмованных хроник заимствовались не только сведения, но и конкретные фразы, выражения. Кроме того, материал, почерпнутый из этих хроник, позволил восполнить пробелы, присутствующие у

³³ Ibid. S. 27.

³⁴ Westin G.T. *Histoireskrivaren Olaus Petri*. Lund, 1946.

³⁵ Ibid. S. 15–26.

³⁶ Ibid. S. 26–48.

³⁷ Ibid. S. 48–58.

Эрикуса Олаи и сделать повествование более насыщенным и цельным³⁸. Использована хроника Саксона Грамматика: она стала для Олауса не только источником сведений, но и объектом полемики³⁹. Использованы законы: общешведское законоуложение (Ландслаг), городское уложение (Стадслаг), древнейшее городское право (Бьёркёарэттен), законы областей — Упланда, Эстерьётланда, Вестерьётланда, Сёдерманланда⁴⁰. Хронике обогатил документальный материал: постановления королей и риксрода, договоры, письма. Некоторые сюжеты, такие как покупка Магнусом Эриксоном области Сконе, освещены преимущественно по документам. С ними Олаус, вероятно, знакомился в архивах Стренгнесского и Уппсальского капитулов, архиве Стокгольмского городского совета, канцелярии Густава Васы⁴¹.

Монография Вестина по сей день остается классическим, образцовым исследованием «Шведской хроники». Более поздние штудии явились своего рода дополнением к этому исследованию. Наиболее важным из этих дополнений явилась изданная недавно монография историка-медиевиста У. Ферма⁴². В начале книги Ферм анализирует эпизод «Шведской хроники», в котором говорится о правлении Магнуса Эрикссона и о критике этого короля святой Биргиттой. Ферм (фактически, вслед за Вестином) показал, что Олаус поставил под сомнение не только обвинения, исходившие от святой Биргитты, но и, в сущности, всю подобную критику в адрес Магнуса Эрикссона, содержащуюся в средневековых исторических трудах и памфлетах. Олаус указал на предвзятость этой критики, отметил, что в пользу некоторых обвинений нет доказательств. Автор «Шведской хроники» для своей страны явился, таким образом, историком-новатором⁴³.

В связи с этим Ферм сделал попытку охарактеризовать историческое творчество Олауса, выявить, к какой традиции оно принадлежит. Ученый пришел к выводу, что «Шведская хроника» относится к жанру так называемой прагматической истории, т.е. историографии, которая должна принести пользу читателям. Этот жанр был создан античными историками Фукидидом и Полибием, и впоследствии получил распространение у историков эпохи Ренессанса⁴⁴.

³⁸ Ibid. S. 78–118.

³⁹ Ibid. S. 240–263.

⁴⁰ Ibid. S. 240–263.

⁴¹ Ibid. S. 203–239; 306–325 et passim.

⁴² *Ferm O. Olaus Petri och Heliga Birgitta. Synpunkter på ett nytt sätt att skriva historia i 1500-talets Sverige.* Stockholm, 2007.

⁴³ Ibid. S. 14–34.

⁴⁴ Ibid. S. 35–101.

Наиболее интересна заключительная глава книги Ферма, где показано, какие историки могли послужить образцами для автора «Шведской хроники». Ферм выявил сходные воззрения на историю у Олауса Петри и одного из его учителей — Меланхтона. Кроме того, Ферм подробно проанализировал параллели между Олаусом и древним историком Полибием. Ученый показал, что схожими являются мысли обоих авторов о пользе истории, об истине как цели историка. Объединяет Олауса Петри с Полибием и недоверие к поэтическим произведениям и мифам, отказ от их использования как исторических источников⁴⁵. Вместе с тем, Ферм склонен считать, что Олауса Петри нельзя отнести к историкам, в точности следующим какому-либо конкретному образцу. Взгляды и навыки «местера Улофа» как историка сформировались в ходе разнообразных интеллектуальных штудий и практической деятельности.

Очевидно, что подходы исследователей к «Шведской хронике» отчасти были обусловлены школами, направлениями научной мысли. Например, Ставенон являлся специалистом по истории шведской исторической науки. Не случайно он рассматривал «Шведскую хронику» как важный этап в развитии национальной историографии. Столь же неслучайно он упрекал Олауса Петри за недостаточное внимание к развитию общества. Другой исследователь, Вестин, принадлежал к «Лундской школе», главным методом которой являлся сравнительно-критический анализ источников. И именно в этом контексте его интересовали «Шведская хроника», и ее автор. Наконец, для Ферма, историка новейшего времени, хроника интересна как дискурс, текст, принадлежащий некой традиции. Сам Олаус интересует Ферма в тех аспектах, которые сближают его современными историками: научный скепсис, критика стереотипов, и внимание к причинно-следственным связям, к контексту событий.

III. ПУБЛИКАЦИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Хроника «местера Улофа» долго оставалась неопубликованной. Первое печатное издание вышло в свет только в 1818 году⁴⁶. Оно обладало множеством недостатков. Крайне несовершенным являлся метод публикации памятника⁴⁷. Издатель И.Х. Скрёдер

⁴⁵ Ibid. S. 103–153.

⁴⁶ *Scriptores rerum Suecicarum medii aevi* / Ed. E.M. Fant et al. (Далее: SRS). Uppsala, 1818. Vol. I. P. 216–348.

⁴⁷ См.: *Leffler L.F. Om den fornsvenska hednalagen* // Kongl. vitterhets historie och antiquitets akademiska månadsblad. Stockholm, 1879. Årg. 8. S. 103–104.

фактически основывался на весьма позднем манускрипте. Притом печатный текст отнюдь не соответствовал тексту упомянутого манускрипта, был составлен из вариантов, присутствующих в разных списках хроники⁴⁸. Опубликованный текст являлся смешанным, не основанным на какой-либо одной рукописи; в случае разночтений вариант выбирался произвольно. Язык памятника подвергся значительной (и неоправданной) модернизации.

На гораздо более высоком уровне было выполнено следующее издание «Шведской хроники», увидевшее свет в 1860 году. Осуществил публикацию опытный библиограф и источниковед Г.Э. Клемминг⁴⁹. Исследовав рукописи, содержащие «Шведскую хронику», Клемминг предположил, что «древнейшим» и «лучшим»⁵⁰ является список D 407, хранящийся в Королевской библиотеке (Стокгольм). Он содержит текст, который, уже после переписки набело, подвергся основательной правке. Клемминг предположил, что список выполнен и заново отредактирован по заказу автора и под его контролем. Таким образом, по Клеммингу, список D 407 для исследования хроники имеет то же значение, какое имел бы автограф.

Готовя публикацию, Клемминг сделал ряд источниковедческих наблюдений. Он обратил внимание на еще один список (возможно, еще более древний, чем D 407) — так называемый *Codex Sernsköldianus*, хранящийся в городе Вестеросе⁵¹. Сравнение списков навело Клемминга на мысль, что *Codex Sernsköldianus* содержит более раннюю редакцию хроники. Различия между списками Клемминг привел в приложении к публикации.

Издание, осуществленное Клеммингом, стимулировало источниковедческие исследования «Шведской хроники». С интересной работой выступил профессор Уппсальского университета, филолог Л.Ф. Леффлер⁵². Темой явился так называемый «языческий закон» — древнее установление о поединках, включенное в «Шведскую хронику». Изучение списков хроники (и других древнескандинавских источников) позволило уточнить текст «языческого закона», сделать выверенный перевод, сформулировать гипотезу относительно происхождения памятника.

⁴⁸ И даже другого источника — хроники Лаврентиуса Петри. Именно в его редакции дан рассказ о походе короля Магнуса Эрикссона на Русь (1348 год).

⁴⁹ Olai Petri Svenska krönika / Utg. G.E. Klemming. Stockholm, 1860.

⁵⁰ Т.е. дающим наилучшее представление о памятнике и наиболее подходящим для публикации.

⁵¹ Ныне в Вестеросской городской библиотеке.

⁵² *Leffler L.F. Om den fornsvenska hednalagen...; Idem. Smärre uppsatser i svensk språkforskning. Uppsala, 1880.*

Затем последовали другие находки и гипотезы. На сей раз они были связаны с новой публикацией хроники, которую осуществил филолог И. Сальгрэн⁵³. Как и Клемминг, он использовал манускрипт D 407. Но выводы Сальгрена отличались от выводов Клемминга. Сальгрэн констатировал: список, содержащийся в кодексе D 407, составлен не одним писцом, а двумя. Первому (рука А) принадлежат начальные две трети текста. Второй (рука В) внес изменения и добавления на полях и на вклеенных листах бумаги, а также дописал оставшуюся треть хроники.

Сальгрэн обратил внимание на несколько записей, имеющих значение для датировки текста, написанного «рукой В». К таким записям относится упоминание о том, что в 1553 году со времени смерти короля Карла Кнутссона исполнилось 84 года⁵⁴. Той же рукой вписаны сведения об императоре Карле V, который упомянут как здравствующий государь. Таким образом, работа над списком, вероятно, была закончена до 1558 года, в котором умер Карл V. Возможно, писец В начал работу во второй половине 40-х годов XVI в., о чем свидетельствуют исправления. В рассказе об основании Стокгольма изначально присутствовала фраза: «где ныне находится монастырь Черных братьев» (ther nw är swartmunka kloster). В редакции «писца В» фраза стала звучать так: «где находился монастырь черных братьев». Известно, что стокгольмский доминиканский монастырь, о котором идет речь, был в связи с Реформацией закрыт и в 1547 году разрушен. Сальгрэн заключил: достаточно вероятно, что писец В включился в работу около середины 40-х, а закончил труд уже после смерти Олауса Петри. При этом оба писца — и А, и В — работали, не взаимодействуя с автором. Об этом свидетельствуют описки, которых могло не быть, если бы работу контролировал Олаус Петри⁵⁵.

Спустя некоторое время в дискуссию вступил историк и источниковед Л. Шёдин. Он продолжил исследования Клемминга и Сальгрена и отчасти подвел им итог⁵⁶. Вывод Шёдина таков: хроника существует в двух редакциях — краткой (более ранней) и пространной (более поздней). Повествование краткой редакции доведено до сообщения о смерти регента Сванте Стуре (1512); пространная редакция оканчивается рассказом о Стокгольмской

⁵³ En Svensk krönika af Olaus Petri / Utg. J. Sahlgren. Uppsala, 1917. Издание было воспроизведено в собрании сочинений Олауса Петри: OPSS IV. S. 1–298.

⁵⁴ OPSS IV S. V. Карл Кнутссон умер в мае 1470 года.

⁵⁵ OPSS IV. S. VI–VII.

⁵⁶ Sjödin L. Tillkomsten av Olaus Petri Krönika // Historisk tidskrift. Stockholm, 1921. Bd. 41. S. 48–68.

кровавой бане (1520). Краткая редакция, по Шёдину, была завершена к концу 30-х годов XVI в.: именно она упоминалась в обвинениях, предъявленных Олаусу Петри в связи с судебным процессом⁵⁷. Относительно авторства «Шведской хроники» Шёдин был убежден: и ранняя, и пространная редакции этого произведения — плод работы Олауса Петри.

Несколько отличались выводы другого исследователя — филолога Э. Лундмарка. Он предпринял палеографическое изучение большого числа рукописей (около 120), чтобы определить прототипы, к которым восходят те или иные группы списков⁵⁸.

Лундмарк выявил несколько редакций хроники. К редакции I относятся древнейшие списки, оканчивающиеся известием о смерти Сванте Стуре. Редакция II возникла вследствие правки: был изменен рассказ о священных рощах (опущено упоминание о захоронениях в них), менее «крамольным» стал фрагмент, где обыгрывается прозвище короля Магнуса Биргерссона — Амбарный Замок. К редакции II, в частности, принадлежит текст рукописи D 407, созданный писцом А. Редакция II, по мнению Лундмарка, создана в 40-е годы XVI в.: в ней была учтена критика, высказанная Густавом Васой в конце 30-х годов⁵⁹.

Новая критика со стороны короля, по гипотезе Лундмарка, была вызвана появлением новой редакции — ранней пространной (по Лундмарку, редакция III). Она была создана к началу 50-х годов XVI в.: в принадлежащем к этой редакции списке D 409 присутствует дата — 1 июля 1552 года, записанная той же рукой, что и основной текст. В этой редакции повествование было расширено, доведено до «Стокгольмской кровавой бани»; в рассказ о второй половине XV века были внесены изменения. Именно в этой версии появилось описание выборов регента в Арбуге: бондов напоили пивом, и те отдали голоса за тех, кто угостил.

Лундмарк обратил внимание на обстоятельство, упомянутое в письмах короля: Густаву Васе стало известно, что по части переписки, хранения и распространения хроники «местеру Улофу» содействовали епископ Ботвид, капеллан Петрус Эрици и архиепископ Лаврентиус Петри⁶⁰. Лундмарк предположил, что при подготовке новой версии хроники автору помогали другие лица. Вероятно, они не только хранили и переписывали рукопись, но и редактировали, дорабатывали ее. Возможно, такими ассистентами

⁵⁷ Sjödin L. Op. cit. S. 49, 53–58.

⁵⁸ Lundmark E. Redaktionerna av Olavus Petris svenska krönika // Vetenskaps-Societätens i Lund Årsbok. Lund, 1940. S. 13–76.

⁵⁹ Ibid. S. 21–37.

⁶⁰ См. выше. С. 330.

стали упомянутые Петрус Эрици, Лаврентиус Петри и епископ Ботвид⁶¹. Также не исключено, что те же люди внесли в хронику добавления после смерти Олауса. Возможно, именно так было сделано дополнение к предисловию (исторические труды пишутся для живых, а не для мертвых; если правитель хочет, чтобы о нем написали «добрую хронику», он должен творить добро). Это дополнение в таком случае явилось ответом на обвинения со стороны Густава Васы. Поскольку король подробно изложил эти обвинения в письме Лаврентиусу Петри, не исключено, что Лаврентиус и внес упомянутые дополнения.

Так, по Лундмарку, возникла следующая версия хроники — редакция IV. Она включала в себя еще несколько новых фрагментов, например «языческий закон». На более поздней стадии в хронику были внесены изменения второстепенного характера; группу списков, содержащих эти изменения, Лундмарк обозначил как «редакцию V»⁶².

Выводы Лундмарка, проследившего сложную историю создания и доработки хроники Олауса Петри, представляют большую ценность. Вместе с тем, эти выводы были приняты не всеми. Г. Вестин в отношении манускриптов хроники придерживался более простых взглядов: считал, что существуют только две редакции «Шведской хроники» и что обе они созданы Олаусом Петри без участия каких-либо помощников⁶³. Таким образом, Вестин фактически вернулся к более ранней концепции в том виде, в котором ее сформулировал Л. Шёдин.

Итак, исследователи «Шведской хроники» проделали большую, плодотворную работу. Вместе с тем, некоторые вопросы остаются спорными. Таков вопрос о редакциях хроники. Было ли их пять или только две? В какой последовательности, в какое время создавались версии «Шведской хроники»? Дописывали ли ее другие люди? Можно ли что-то выяснить относительно подготовительной работы, проделанной до создания? В этой связи важно обратиться к рукописям, тем более что четыре списка хроники имеются в нашей стране, в Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург).

⁶¹ *Lundmark E.* Op. cit. S. 37—48.

⁶² *Ibid.* S. 72.

⁶³ *Westin G.T.* Op. cit. S. 6—11.

IV. РУКОПИСИ «ШВЕДСКОЙ ХРОНИКИ»

Для источниковедческих исследований «Шведской хроники» по-прежнему важнейшим является стокгольмский список D 407. Наряду с еще несколькими древними списками, он дает представление о том, как выглядела «Шведская хроника» в рукописи, как она исправлялась и дорабатывалась.

Список D 407 — объемный том in folio, в обложке из пергаменного листа средневековой литургической книги — миссалия. В начале рукописи⁶⁴ перед текстом хроники несколько записей на шведском (раннем новошведском) и латинском языках. Так, писец, который доводил до конца и правил хронику (рука В) внес биографические заметки об императоре Карле V и его сыне, короле Филиппе. На следующей странице — стихотворение на латинском языке. Там присутствует зашифрованная дата: прописные латинские буквы одновременно являются римскими цифрами, которые в сумме дают число 1533. Очевидно, что дата относится не к завершению работы над рукописью, но могла по ошибке быть принята за дату создания манускрипта⁶⁵.

Текст хроники в D 407 имеет заглавие: «Хроника на шведском языке» (Chrönekön på Swensko). Название работы, таким образом, сформулировано иначе, чем во многих списках, озаглавленных «Шведская хроника»⁶⁶. Перед повествованием приведена знаменитая цитата из Цицерона: *Historia est testis temporum, lux veritatis, magistra vitae...* («История — свидетельница времен, свет истины, учительница жизни...»). Эпиграф словно задает тон, вводит в атмосферу повествования; мы вновь убеждаемся, как важны были для авторов XVI века древние классики с их трудами, взглядами и идеалами.

Уже на первых страницах мы видим исправления, внесенные ранней рукой (А) и поздней (В). Правка внесена даже в приветствие — обращение к читателю. В первоначальном варианте автор Олаус Петри желал читателю знания истины (*sanheetennes kundtskap*). Затем слово «*sanheetennes*» было исправлено на похожее, но совсем другое слово: «*saligheetennes*» — «спасения», «блаженства». Приветствие обрело четко выраженный религиозный смысл: читателю желают не знания истины, а спасения души⁶⁷.

Некоторые исправления не столь принципиальны: например, слово «*förfädher*» («предки») исправлено на «*fädher*» («отцы»).

⁶⁴ Листы манускрипта не пронумерованы.

⁶⁵ См. ниже с. 349 и след.

⁶⁶ Из древнейших списков см., например: KB D23; UUB N 142.

⁶⁷ KB D407 F.[1]. Ср.: Lundmark E. Redaktionenrna... S. 28.

Но в источниковедческом отношении и эти варианты подчас представляют интерес⁶⁸. Далее, в ряде случаев правка является стилистической. Так, во фразе «then eene seggher epter then andra» (один повторяет за другим) предлог «ептер» исправлен на предлог «fög». Фраза слегка изменилась: «один пересказывает другому».

Большая часть принципиальной правки принадлежит «писцу В». Например, во фразе «Схожим образом немцы заселили эти три королевства» писец В уточнил: речь идет о «саксонских немцах» (Saxiske Tydskar). В тексте рука А сообщается: начальники сотенных округов у древних свеев назывались хундарихёвдинги. Писец В в этой связи приводит латинский, древнеримский термин: centurio (центурион, сотник). К рассуждениям о готах и вендах писец В добавил замечание: «некоторые считают, что вандалы... не были тем же народом, что и современные венды». К полемическим сентенциям о том, стоит ли прославлять «доблесть готов», рукой В добавлен еще один аргумент: готы нанесли ущерб «латинскому языку и книгам ученых». Рукой А написано: еще в середине XIII века шведские конунги называли себя только королями Швеции (aleenast kalla sich Sweriges konungar) и не именовали себя королями ётов. Писец В уточнил: конунги называли себя, как правило, (aldramest) королями Швеции и изредка (sellan) королями ётов.

Иногда писец В вычеркивал информацию, которая устарела или утратила актуальность. В ранней версии (рука А) после упоминания английских денег — стерлингов следует замечание автора, Олауса Петри: он признается, что не знает, какого достоинства были эти деньги (Men huru stort thet war, weet jach jcke). Писец В вычеркнул оговорку, возможно, потому что счел ее ненужной, а может быть, в связи с тем что удалось получить сведения относительно упомянутых денег.

И далее во многих случаях правка, внесенная «рукой В», является принципиальной. Например, дата крещения короля Олафа Шётконунга (по ранней версии «Шведской хроники», 980 год) писцом В исправлена на 989 год. Отдельной вклейкой добавлен «языческий закон» (Hednalagen). Из исправлений можно заключить: писец «В» вносил в текст качественную правку, считая, что имеет на это право. При этом он явно пользовался какими-то материалами, возможно, черновыми записями Олауса Петри. Вероятно, такой характер правки вызван тем, что хроника дорабатывалась в последние годы жизни «местера Улофа», а может быть, и

⁶⁸ Ср.: *Щеглов А.Д.* Шведское средневековье и XVI век в отделе рукописей Российской национальной библиотеки // Средние века. М., 2007. Вып. 68 (2). С. 131–135.

после его смерти. Частично правка основана на материалах и идеях автора, и все-таки не полностью согласована с ним. Какие последствия это имело для хроники?

Знакомство с дополнениями и исправлениями, внесенными «рукой В» показывает: они не всегда органично вписываются в основной текст. В сущности, это именно добавления; многие из них записаны на полях. Но в ряде позднейших списков, а также в публикациях они включены в основной текст. В некоторых случаях это привело к ухудшению текста, нарушению логики повествования.

Так, латинская глосса к слову *hundarihövding* — «centurio», вставленная на полях рукописи, логично смотрится именно на полях, как комментарий, аннотация. Подобным образом, например, напротив «языческого закона» в некоторых манускриптах приведены записи вроде «*de duello*» («о поединке»). В некоторых списках хроники напротив рассуждений Олауса о том, что в древности король «сам являлся законом», стоит латинская поговорка: «*Rex est lex*» («Царь — закон»). Дополнение «Centurio» — того же типа, непосредственно в тексте оно выглядит неудачным, излишним.

Ниже следует упомянутое добавление «саксонские немцы». Само по себе оно является интересным дополнением к рассуждениям хрониста о немцах. Но логику текста это дополнение отчасти нарушает, ведь в рассуждениях говорится о немцах вообще. Аналогичным образом обстоит дело с добавлением относительно вандалов и вендов. Оно ценно как уточнение, примечание; но став частью текста, привело к «сбою» в логике повествования.

Далее мы встречаем еще немало примеров, когда дополнения, внесенные «рукой В», будучи внесены в хронику, нарушают последовательность и цельность. К таким дополнениям относится вставка в начале хроники о том, что в древней Швеции были одновременно два конунга. Не вполне логично дополнение к рассуждениям о королях XIII века — Эрике и Биргере⁶⁹. Небольшие сбои логики имеют место в повествовании о правительнице Маргрете⁷⁰. Иногда дополнения, хоть и вписываются в текст, но все же приводят к несколько неожиданным переходам. Пример тому — концовка предисловия. На протяжении предисловия главная тема — польза и истина. В конце же звучит строгая отповедь тем, кому может прийти не по душе суровая правда истории. Концовка явно добавлена, написана на злобу дня, остро полемична, контрастирует с остальным текстом предисловия, имеющим более дидактический, отвлеченный характер.

⁶⁹ Ср.: OPSS IV S. 102, стк. 6–9.

⁷⁰ Ср.: OPSS IV. S. 128, стк. 30–31; Ibid. S. 141, стк. 24.

Экскурсами являются некоторые вставки о древнем праве: о «языческом законе» и о человеке, продавшем всю землю (allsälla). Этим дополнениям отведена роль отступлений от основного повествования.

К противоречию привело добавление, касающееся формулы «Litureisi», которая (в различном написании) часто встречается в надписях на рунических камнях. К изначально ошибочным рассуждениям добавлена правильная трактовка. Но прежнюю версию писец не удалил. Две интерпретации, неправильная и правильная, стали сосуществовать в одном тексте.

Есть и пример, когда дополнение, внесенное рукой В, привело к неточности. У Олауса есть ссылка на некую «Вендскую хронику». Рукой В вписано пояснение: речь идет о хронике Гельмольда. На самом деле, Олаус сослался не на Гельмольда, а на другого историка — Альберта Кранца.

В целом, дополнения, внесенные в список D 407 «рукой В», интегрированы в текст лишь частично. Во многих случаях они носят характер уточнений, примечаний. Не исключено, что правка внесена при участии Лаврентиуса Петри. Он упомянут Густавом Васой в числе лиц, которые оказывали «местеру Улофу» помощь в переписке и распространении хроники. К Лаврентиусу были обращены письма короля с критикой «Шведской хроники». К тому же Лаврентиус был единомышленником брата и притом главой шведской церкви. Это придавало ему авторитет и налагало ответственность за судьбу произведения, которому надлежало просвещать людей.

Очевидно, что сотрудничество Лаврентиуса Петри и Олауса Петри распространялось на исторические штудии. Об этом свидетельствует один из документов шведской Реформации — комментарий Лаврентиуса Петри к Вестеросским резолюциям 1527 года. Там Лаврентиус упомянул некие памятники канонического права, на которые ссылался и Олаус Петри. В том же комментарии приведены рассуждения о древней истории Швеции, близкие по тематике и духу к «Шведской хронике» и сходные с высказываниями Густава Васы (советником которого по исторической части, вероятно, был Олаус Петри). Очевидно, Олаус и Лаврентиус обменивались суждениями, идеями; возможно, пользовались одними и теми же источниками.

Лаврентиус, в числе прочего, использовал древние памятники в историко-геральдических штудиях. В конце правления Густава Васы вспыхнул конфликт между Швецией и Данией из-за прав на герб «Три короны». Датчане считали этот символ своим; гербом Швеции, по их мнению, являлся «лев Фолькунгов». Шведы воз-

ражали: «Три короны» — исконно шведский герб, а герб Дании, как известно — три льва.

В связи с этим спором Лаврентиус Петри написал сочинение, в котором обосновал права Швеции на «Три короны». Оно сохранилось в нескольких списках (один из них — в Российской национальной библиотеке). Лаврентиус, ссылаясь на древние памятники, в частности, на труд Саксона Грамматика, доказывал, что в древности Швеция состояла из двух стран — свейского и ётского королевств. Герб ётского королевства — лев, герб свейского — три короны. Лаврентиус указал: «Три короны» использовались как шведский герб задолго до Кальмарской унии⁷¹. В контексте полемики о «Трех коронах» актуальность приобрели сведения об историческом прошлом Шведского королевства — особенно о его древнем дуализме.

При чтении «Шведской хроники» можно убедиться: некоторые дополнения «руки В» перекликаются с аргументами трактата о «Трех коронах». Обращает на себя внимание начало хроники, где упоминаются конунг свеев Альрик и конунг ётов Гестиблинд. Писец «В» внес дополнение: «таким образом, в королевстве, которое ныне едино, было два короля»⁷². В контексте геральдической полемики имели значение и сведения о том, что свейское королевство (по версии шведов, обладатель прав на «Три короны») являлось главным королевством шведов. Возможно, поэтому «рукой В» были внесены соответствующие дополнения⁷³. В рассказе о событиях середины XIII века рукой «В» внесено дополнение: с коронацией Вальдемара Биргерссона (1250) закончилась распря между родом Сверкера и родом Эрика Святого. Так переписчик, фактический редактор хроники, еще раз подчеркнул дуалистический характер древнего шведского государства⁷⁴.

Знакомство с другими списками хроники, в свою очередь, позволяет сделать ряд ценных наблюдений. Прежде всего, подтверждаются выводы Лундмарка относительно приветствия автора. Согласно древнейшему варианту приветствия, автор желает читателям «знания истины» (*sanhetenes kundskap*)⁷⁵. Только в результате сделанного в 50-е годы XVI в. исправления (возможно, оши-

⁷¹ ОР РНБ Швед. F. IV. 2. С. 481–486.

⁷² Ср.: OPSS IV. S. 17.

⁷³ Ср.: OPSS IV. S. 13.

⁷⁴ Ср.: OPSS IV. S. 66.

⁷⁵ KB D 409, D 17, D 407b; UUB N 142, W 251 и др. В ряде рукописей слово *sanhet* («истина») приняло более привычный для новошведского языка вид: «*sanning*»; смысл приветствия остался тот же.

бочного) появилось пожелание «знания о спасении» (*salighetenes kundskap*)⁷⁶. Но во множестве списков посвящение сохранило более ранний вид: читателю желают «знания истины»⁷⁷.

Обращают на себя внимание различия между древними (краткими) и пространными (поздними) списками хроники. Не все эти различия отмечены издателями и исследователями. К числу различий относится, например, упомянутое выше различие: *then ene segher epter / för then andra*. По рукописям видно, что именно *epter* — древнейший вариант. Он характерен для изначальной, краткой версии хроники⁷⁸. Мы также видим, что в некоторых случаях варианты, присутствующие в списке D 407, оказались случайными; позднейшими писцами они были проигнорированы. Таков, например, неудачный оборот, присутствующий в описании священных рощ. Подавляющее большинство списков в этом фрагменте содержит более ранний, правильный вариант⁷⁹.

За некоторыми исключениями, подтверждаются выводы Лундмарка о делении списков на группы; достаточно четко определяются критерии (как отмеченные Лундмарком, так и дополнительные) по которым список можно отнести к той или иной редакции. Также видно, что в позднейших списках могут присутствовать добавления, которых нет в списке D 407 (и, соответственно, в публикациях хроники). В некоторых случаях такие добавления представляют интерес для историка.

Основываясь на этих наблюдениях, уместно дать источниковедческую характеристику петербургских списков «Шведской хроники», определить типы, к которым они относятся.

Рукопись Швед. F. IV.1 содержит краткую исправленную версию «Шведской хроники» (по Лундмарку, редакция II), дополненную с использованием пространного списка (редакция IV). Над рукописью трудились два писца: первый довел повествование до рассказа о захвате Готланда королем Вальдемаром Аттердагом (середина XIV века), второй дописал текст до конца краткой редакции (1512) и далее — до конца пространной (1520). В рукописи указана дата начала и окончания работы над списком хроники: 20 марта 1576 года и 28 января 1580 года. Обращение к читателю приведено в древнем, изначальном варианте: *sanheetennes kunskaap*.

Большая часть хроники — и предисловие, и основное повествование (кроме заключительного фрагмента) — содержит харак-

⁷⁶ Помимо KB 407 см., например: KB D 410; UUB E 7.

⁷⁷ См., например: UUB E 5; E 6; E 8; E 9; N 141; N 725a, и др.

⁷⁸ См.: KB D 17, D 23, D 409; UUB N 141, N 142.

⁷⁹ См.: KB D 17, D 23, D 409, D 410; UUB E 5, E 6, E 7, E 8, и др.

терные признаки ранней версии (в данном случае, редакции II⁸⁰). Например, отсутствует латинская глосса «Centurio»; нет добавления о различии вандалов и вендов; нет упоминаний об ущербе, нанесенном «латинскому языку и книгам ученых». Отсутствует полемическая концовка предисловия. В начале хроники нет вывода о том, что в древней Швеции одновременно правили два короля. Отсутствует «языческий закон». Повествование о второй половине XV века не подверглось доработке. Все это характерно для древнейших версий хроники. О том, что это именно редакция II (а не редакция I), свидетельствует повествование о короле Магнусе Амбарном замке, которое приведено в характерном для этой редакции измененном виде.

Текст иного типа мы видим в манускрипте Швед. F. IV. 4. Приветствие дано в поздней редакции: *salighetennes kunskap*. К поздней же редакции (редакция IV по Лундмарку) принадлежит текст хроники. Присутствуют характерные признаки этой редакции: дополнение о вандалах и вендах; добавление к предисловию; «языческий закон» и др. Вместе с тем, имеются отклонения от «нормы». Так, отсутствует фраза о двух королях в начале хроники. Предисловие, несмотря на дополнения и исправления, характерные для редакции IV, является кратким, что в свою очередь характерно для редакций I—III. Итак, список Швед. F. IV. 4 отчасти является, так сказать, смешанным: в основном он соответствует «редакции IV», но имеет и черты более древних версий.

К иному типу относятся списки Швед. F. IV. 2 и Швед. F. IV. 3. В обоих рукописях читателю желают «знания истины». Текст хроники в обоих случаях относится к дополненной пространной редакции. Налицо признаки этой редакции: «языческий закон», дополнения к предисловию, доработка повествования о второй половине XV века и т.д. Вместе с тем, отдельные варианты текста в указанных списках восходят к более ранним версиям: «*den ene efter den andra*», вместо «*den ene för den andra*», «*allenast*» вместо «*allramest*». Причина, очевидно, заключается в том, что изготовители списков пользовались разными редакциями хроники, и подчас заимствовали вариант из другой, более ранней или более поздней редакции⁸¹.

Есть в манускриптах Швед. F. IV. 2 — Швед. F. IV. 3 и изменения другого рода — добавления, которых нет в списке D 407 и его аналогах. К таким дополнениям относится комментарий к за-

⁸⁰ По классификации Лундмарка.

⁸¹ Ср.: *Lundmark E. Op. cit. S. 17.*

кону, созданному королем Анудом Углежомом⁸². Немало списков с подобными добавлениями имеется в библиотеке Уппсальского университета⁸³.

Итак, петербургские списки «Шведской хроники» содержат интересный материал. В ряде случаев он имеет аналоги в рукописях, хранящихся в зарубежных, по большей части шведских собраниях. Однако в петербургских списках есть и записи, являющиеся уникальными. Одна из этих записей содержится в манускрипте F. IV. 2: *Medh min egen Hånd skreffven och til tryckit förfärdigat. O.P.R.S.* («Мною собственноручно написано и подготовлено к печати. О.П.П.С.»). Другая запись — перед текстом «Шведской хроники» в рукописи Швед. F. IV.3: «*Mag. Olai Petri Phases, fordom Kyrkjoherde wed Stockholms stads stora Kyrckja Svenska Chrönica, sammanskrifwen åhr efter Christi Börd 1534*» («Шведская хроника магистра Олауса Петри Фасе, в прошлом — настоятеля Большой церкви города Стокгольма»). Ни одна из этих записей не встречена в других рукописях «Шведской хроники».

Известно, что шведский ученый начала XVIII века, биограф Олауса и Лаврентиуса Петри Й.Г. Халльман утверждал: «Шведская хроника» была завершена Олаусом Петри в 1534 году. Доказательств в пользу своей гипотезы Халльман не привел. Впоследствии, при публикации «Шведской хроники» никаких аргументов в пользу данной версии не было обнаружено, и утверждение Халльмана было признано голословным⁸⁴. Однако, как мы видим, в петербургской рукописи Швед. F. IV.2 указана именно эта дата создания хроники: 1534. Конечно, эта дата не могла относиться к пространной редакции хроники. Но она вполне могла указывать на время завершения работы над ранней, краткой редакцией.

Долгое время — вплоть до 90-х годов XX в. — петербургские списки «Шведской хроники» российскими учеными не исследовались. Шведские специалисты заинтересовались ими примерно в середине XIX столетия, по-видимому, в связи с тем, что Г.Э. Клемминг готовил публикацию хроники. Из Стокгольма в Петербург был направлен запрос, на который был дан обстоятельный ответ. Копия ответа, написанного на французском языке, хранится в Стокгольме, в Королевской библиотеке⁸⁵. В ответе сообщается

⁸² Примеры таких дополнений см. в статье: *Щеглов А.Д.* Шведское средневековье... С. 133.

⁸³ См.: UUB E 6, E 8, E 9, E 11, E 13, E 18, W250.

⁸⁴ Ср.: OPSS IV. S. IX.

⁸⁵ В т.н. Реальном каталоге, где наряду с шифрами и описаниями приведены сведения об исследованиях и публикациях. К сожалению, в тексте не указана дата создания документа и имя его автора.

следующее: Императорская публичная библиотека располагает четырьмя списками хроники Олауса Петри; эти списки перешли к библиотеке из собрания П.К. Сухтелена. Сохранность всех списков очень хорошая. Древнейший из них — IV. F. 3 — судя по палеографическим признакам, создан около середины XVI века. Далее процитирована запись «Mag. Olai Petri {...} 1534». Автор справки признал запись позднейшей, выполненной в начале следующего, XVII столетия. Автор документа также сообщил: список IV. F. 3 не является автографом. Об этом свидетельствуют два обстоятельства: 1) рукопись создана несколькими писцами; 2) почерк этих писцов не соответствует почерку Олауса Петри, образец которого прислан из Стокгольма. Особенно различается написание букв «d», «h» и «s». Относительно остальных списков сообщается: во втором списке (IV. F. 1) указано время создания (20 марта 1576 года — 28 января 1580 года); третий список (IV. F. 4) создан около 1600 года. Четвертый (IV. F. 2) относится к концу XVI — началу XVII веков. Он, по-видимому, подготовлен к печати, о чем свидетельствует запись «Medh min egen {...} O.P.P.S.»

Как видно из документа, шведских ученых интересовало, имеется ли в Петербурге автограф «Шведской хроники». Вероятно, убедившись, что автографа в российской столице нет, шведы на время утратили интерес к петербургским рукописям. Вновь вопрос об этих манускриптах был поднят в 30—40-е годы XX века. В те годы (перед Второй мировой войной и во время этой войны) получить доступ к материалам советских рукописных фондов было крайне трудно, и шведским ученым Э. Лундмарку и Х. Ульссону пришлось, рассуждая о петербургских списках, основывать свои выводы на упомянутой справке.

Э. Лундмарк, исходя из имеющихся сведений, констатировал: формулировка и орфография надписи на титульном листе манускрипта Швед. F. IV. 3 вызывают сомнения, характерны для более поздней эпохи, нежели середина XVI века. Вместе с тем, Лундмарк не исключал, что запись основана на достоверных сведениях. Также, по мнению Лундмарка, эта запись могла быть результатом ошибки: переписчик мог неправильно прочесть нечетко записанные цифры MDXXXIX (1539) — вероятную дату создания первой редакции «Шведской хроники» и принять эту дату за MDXXXIV, т.е. 1534. Лундмарк выдвинул еще одну гипотезу: запись сделана в XVIII веке, после публикации книги Халльмана: владелец рукописи решил дополнить манускрипт, внося в него указанную Халльманом дату. Лундмарк полагал, что, возможно, от Халльмана и его окружения исходит и запись в Швед. F. IV. 2, где сообщается о собственноручной подготовке к печати. Запись,

в таком случае, внесена в F. IV. 2 значительно позже, чем создан основной текст манускрипта⁸⁶.

Другого специалиста, Х. Ульссона, данные петербургских рукописей «Шведской хроники» заинтересовали в связи с другим произведением, историческим трудом «*Scondia illustrata*», который создал шведский ученый раннего нового времени, сочинитель и педагог Юханнес Мессениус. Ульссон обратил внимание на то, что Мессениус привел странные и притом разные даты создания хроники Олауса Петри. Так, в предисловии к «*Scondia illustrata*» Мессениус упомянул «Шведскую хронику» в числе своих источников, указав, что хроника создана Олаусом Петри в 1535 году. Та же дата создания «Шведской хроники» — 1535 год — приведена в одном из черновиков Мессениуса; вдобавок в этом черновике указано, что у Олауса имелся соавтор — некий Ботвид. Наконец, в одном из разделов «*Scondia Illustrata*» Мессениус привел иную дату создания «Шведской хроники»: 1534. При этом Мессениус сообщил: соавтором Олауса Петри являлся священнослужитель Ботвид, член Линчёпингского соборного капитула⁸⁷. Ульссон обратил внимание, что такая же дата присутствует в одной из петербургских рукописей. Ученый счел дату недостоверной. По его мнению, она почерпнута из труда Халльмана, который основывался на гипотезе Мессениуса. Эту гипотезу Ульссон считал беспочвенной⁸⁸.

Итак, достоверность обеих записей шведскими исследователями была поставлена под сомнение. Однако воочию этих записей указанные исследователи не видели. Что можно сказать о них, ознакомившись с ними непосредственно? Обе записи, действительно, имеют спорный характер. Запись в кодексе Швед. F. IV. 2, судя по письму, создана скорее в середине XVII века, а не в XVIII столетии. Таким образом, она могла быть создана под влиянием труда Мессениуса, но не по следам книги Халльмана. Аббревиатура O.P.P.S. скорее всего означает: Olaus Petri, predikare i Stockholm («Олаус Петри, стокгольмский проповедник»). И здесь многое неясно. С одной стороны, Олаус Петри вряд ли мог подготовить к печати «Шведскую хронику» в той редакции, которая представлена списком Швед. F. IV. 2. С другой — очевидно: «мистер Улоф» предназначал свой труд для печати. Запись в петербургском списке, во всяком случае, указывает на достоверные обстоятельства.

⁸⁶ Lundmark E. Redaktionerna... S. 58–59, 64.

⁸⁷ Olsson H. Johannes Messenius *Scondia Illustrata*. Lund, 1944. S. 210–211.

⁸⁸ Ibid. S. 215–216.

Бросается в глаза сходство лексики, употребленной Халльманом, Мессениусом и автором записи в кодексе Швед. F. IV. 2. И в книге Халльмана, и в петербургской рукописи сказано: Олаус подготовил (förfärdigade) хронику. У Мессениуса — тоже «подготовил» (лат. concinnavit). Употребленный Мессениусом латинский глагол — эквивалент шведского глагола förfärdiga. Связь между источниками почти очевидна. Но что послужило причиной взаимосвязи — достоверные сведения, фальсификация или ошибка — сказать трудно. Сложно обстоит дело и с титульным листом рукописи Швед. F. IV. 3. На первый взгляд, титул создан около середины XVII века. Но часть букв, в том числе почти все прописные, выглядят как более поздние (конец XVII — середина XVIII века). Итак, вполне вероятно, что мы имеем дело с записью, сделанной в XVIII веке и стилизованной под старину.

В этой связи важна фактическая сторона вопроса: когда, в какие сроки создавались ранние версии хроники? Есть ли какая-то реальная основа у даты, приведенной в трудах Мессениуса и Халльмана, а также в петербургской рукописи?

Из дополненных пространных списков (редакция IV) самым древним является D 407, созданный около середины 50-х годов XVI в. Другие древние списки этой группы созданы во второй половине 50-х — 60-е годы XVI в. К ним относится и петербургский список F. IV. 3. Более ранняя версия пространной редакции (редакция III) старше на несколько лет. Ее древнейшие списки относятся к началу 50-х годов. Один из списков этой группы был, по-видимому, собственноручно изготовлен финским реформатором, создателем финской письменности Микаэлем Агриколой. Этот список (KB D 409) выполнен для аристократки Анны Бьельке. Агрикола являлся учителем ее сына Хогеншильда Бьельке, впоследствии крупного государственного деятеля, ученого и библиофила.

«Шведская хроника» отразилась на творчестве Агриколы: он использовал хронику, работая над предисловием к финскому переводу Нового Завета. Там Агрикола вкратце изложил историю обращения финнов в христианство; как доказали исследователи, финский реформатор основывался преимущественно на «Шведской хронике» Олауса Петри. Финский перевод Нового Завета вышел в свет в 1548 году. Таким образом, уже около середины 40-х годов XVI в. Агрикола был знаком с «Шведской хроникой». К сожалению, нельзя установить, какой версией он пользовался в данном случае: фрагменты, на которые он опирался, одинаковы в различных редакциях «Шведской хроники».

Древнейшая версия хроники — «редакция I», была, по всей видимости, завершена до конца 30-х годов XVI в. Об этом сви-

детельствуют обвинения, прозвучавшие на судебном процессе в 1539 году. Вполне возможно, что между созданием ранней версии хроники и судом над Олаусом Петри прошло несколько лет. Поэтому даты, приведенные Мессениусом, Халльманом и неизвестными писцами, оставившими записи в манускриптах, хранящихся ныне в Петербурге, выглядят довольно правдоподобно.

Нет прямых сведений о том, как Олаус Петри работал над первой версией «Шведской хроники». Но есть косвенные данные, позволяющие сделать вывод о том, каковы были научные интересы Олауса Петри уже в 20-е годы. Такие данные содержатся в комментарии Олауса Петри к городскому уложению — Стадслагу.

Этот комментарий является прежде всего правоведческим. Но многие из комментариев содержат идеи и данные, которые приведены и в «Шведской хронике». Так, высказана мысль, что в старину правитель «являлся законом»⁸⁹. Приведены сведения из истории шведских торговых городов⁹⁰. Прокомментирован (в том же духе, что и в «Шведской хронике») запрет на поклонение языческим богам⁹¹. Объяснен обычай ордалий⁹². Отмечено, что «hundari» — древнее название сотенного округа⁹³. Прокомментированы старинные термины «*eu man thes bättre*», «*ogilder*», «*liuta*», известные, в частности, по тексту «Языческого закона»⁹⁴. Над комментарием к Стадслагу Олаус Петри работал в бытность городским секретарем: работа, вероятно, была начата около середины 20-х и завершена в конце 20-х годов XVI в. Таким образом, уже в 20-е годы Олаус совершенствовал свои исторические познания, копил материал для хроники. Очевидно, это помогло завершить работу над первой редакцией исторического труда в 30-е годы.

Итак, указания на даты создания хроники «1534» и «1535» отнюдь не бессмысленны. В то же время, конечно, они могли быть и следствием ошибки. Возможно, даты в рукописи D 407 (или каком-то другом манускрипте), не являющиеся датами создания хроники, были приняты за даты завершения работы над произведением: затем ошибка была воспроизведена, в том числе в петербургской рукописи.

В стокгольмской Королевской библиотеке хранится еще один памятник, важный для датировки «Шведской хроники» и для уточнения обстоятельств ее создания. Он представлен двумя ма-

⁸⁹ OPSS IV. S. 315.

⁹⁰ Ibid. S. 316.

⁹¹ Ibid. S. 344.

⁹² Ibid. S. 336.

⁹³ Ibid. S. 344.

⁹⁴ Ibid. S. 320, 342, 345.

манускриптами: D 25 (40-е годы XVI века) и D 439 (XVII век). Второй из списков, D 439, по каталогу Королевской библиотеки числится как самостоятельное произведение, основанное преимущественно на «Шведской хронике» Олауса Петри. В действительности D 439 — позднейший список источника, представленного манускриптом D 25, и самостоятельного значения для дискуссии о «Шведской хронике» почти не имеет.

Зато принципиально важен манускрипт D 25. Это книжка in quarto, озаглавленная «En lithen krönika vtdraghen påå swensko» («Маленькая хроника, составленная на шведском языке»). Текст, включая заглавие, выполнен одним писцом, который являлся и владельцем рукописи. Он указал свое имя — Педер Йонсон, дату создания рукописи — 1546 год и место создания — Стренгнес⁹⁵.

Исследователи не обошли вниманием этот источник. Э. Лундмарк считал, что D 25 — это краткая выжимка (ett kortfattat utdrag) из хроники Олауса Петри в ее древнейшей версии — «редакции 1»⁹⁶. До Лундмарка на кодекс D 25 обратил внимание Г.Э. Клемминг. Он также отметил сходство с древнейшей редакцией хроники. Клемминг высказал осторожное предположение: текст D 25, похоже, содержит выдержки из некой черновой версии хроники⁹⁷. Ни Клемминг, ни Лундмарк не оставили сколько-либо подробного анализа текста D 25. Между тем, необходимо уяснить, что это за текст.

При знакомстве с памятником видно, что он состоит из лаконичных заметок — выписок, лишь частично систематизированных, а нередко обрывочных. По содержанию заметки близки к хронике Олауса Петри. Своеобразна орфография: на письме, возможно, отразилось диалектальное произношение⁹⁸.

Заметно, что D 25 имеет и существенные отличия от «Шведской хроники». Они касаются компоновки материала, полноты сведений, стиля изложения. Различия видны уже в начале манускрипта, где рассказывается о языческих верованиях. В основном приведены те же сведения, что и в «Шведской хронике». Но в D 25 нет характерных для «Шведской хроники» параллелей с верованиями жителей Германии; нет ссылок на древние законы; нет упоминания о том, что священные рощи сохранились вплоть до времени, когда жил автор; нет комментариев по поводу утверждений Саксона Грамматика об Одине; нет ссылок на «Английскую

⁹⁵ KB D 25. S. 1, 111.

⁹⁶ Lundmark E. Redaktionerna... S. 16, 74.

⁹⁷ KB D 25, внутренняя сторона обложки, запись, сделанная Клеммингом.

⁹⁸ Частое употребление «t» вместо «d» или «th»: te (de), tessa (dessa), teras (deras), ter (där); частое употребление «i» вместо «y»: besinnerligh (besynnerligh), ippersta (yppersta), sister (syster).

хронику». Текст сухой, конспективный, невыразительный; с ним контрастирует живое, увлекательное повествование Олауса Петри. Нет поправок, оговорок типа «по всей видимости», «вероятно»: вся информация подана как полностью достоверная. Коротче говоря, в D 25 нет многого из того, что составляет авторский стиль, творческий почерк Олауса Петри.

Далее видно, что материал в D 25 подан отчасти в виде неких тематических блоков, отчасти в виде коротких, обрывочных сообщений. Так, после «блока» сведений о языческих верованиях следует «блок» информации о готах. Эта информация примерно соответствует сведениям, содержащимся в «Шведской хронике». Но в D 25 материал о готах дан компактно, а в «Шведской хронике» распределен по тексту, в соответствии с хронологией и общим планом повествования.

Следующим крупным «блоком» в D 25 дан рассказ о введении христианства в Швеции. Вновь информация в значительной степени совпадает со сведениями «Шведской хроники», но имеются и различия. Так, в D 25 в иной последовательности рассказано о деятельности миссионеров Стафана и Адальварда. Сначала полностью описана деятельность Стафана, вплоть до его смерти и захоронения, затем, так же компактно, приведены сведения о деяниях Адальварда. А в «Шведской хронике» Олауса Петри рассказ начинается с описания деятельности Стафана, затем сообщается об Адальварде, затем — вновь о Стафане. О том, что король Стенкиль послал гонцов с просьбой прислать миссионеров, сказано утвердительно. А в «Шведской хронике» эта информация не преподносится как абсолютно достоверная — сделана оговорка: «*som en part mena*» («как некоторые полагают»). В повествовании D 25 о крещении короля Улофа Шётконунга нет отступления, в котором Олаус Петри объясняет, что нельзя было в короткие сроки обратиться в христианство такую обширную страну. Нет в D 25 и объяснения прозвища короля Олофа — этимологии слова *Skötkonung*. Далее в D 25 следует «блок» о древних городах — Бирке, Скаре и Сигтуне. Вновь мы видим характерную деталь: информация, которая у Олауса Петри дана с оговорками, в D 25 преподносится как абсолютно достоверная. У Олауса сказано, что Бирка — по-видимому древнейший город, а по D 25 — однозначно древнейший. Компоновка сведений вновь иная, чем в «Шведской хронике»: от рассказа о трех древнейших городах D 25 переходит к повествованию о торговых местечках — чёпингах и о ввозимых в Швецию иноземных товарах.

Затем следуют краткие, конспективные сведения, порядок изложения вновь иной, чем в «Шведской хронике». Сначала упомя-

нут приход к власти датского короля Святого Кнута (1080), затем приведена дата гибели норвежского конунга Святого Олафа (1028). Затем скачок вперед во времени: изложены сведения об основании монастыря Альвастра королем Сверкером и об убийстве этого короля.

Далее — новые скачки вперед и назад: видимо, на сей раз они связаны с тем, что в D 25 подряд излагаются сведения разных лет из истории балтийских городов — Любека, Штральзунда, Висмара, Ревеля. К «блоку» об этих городах примыкает сообщение об основании Стокгольма. И снова скачок во времени: назад, а потом вперед. Вызван он тем, что в один «блок» объединены сведения об убийстве короля Эрика Святого (1160) и о значительно более позднем событии — перенесении мощей этого короля в Новую Уппсалу из Старой Уппсалы (1273).

Далее по тексту D 25 мы видим те же отличия от «Шведской хроники»: изложение конспективно, обрывочно, не отредактировано, хронологически непоследовательно; сведения не интегрированы в единое повествование. Отсутствуют оговорки типа «судя по всему», «как некоторые полагают». Отсутствуют многие рассуждения, характерные для Олауса Петри. Нет большинства ссылок на законы и многие другие источники, упомянутые в «Шведской хронике».

В рукописных собраниях Швеции имеется немало манускриптов, содержащих выписки, извлечения из хроники Олауса Петри. Но кодекс D 25 не похож на эти компендиумы. Весьма вероятно, что рукопись D 25 относится к подготовительной стадии работы над «Шведской хроникой». Указанная рукопись в таком случае соответствует не «редакции I», а, так сказать, «редакции 0» — черновой версии хроники.

Сложен вопрос о том, как выглядела эта черновая версия целиком. Являла ли она собой цельный, в своем роде законченный текст? Или она представлена лишь текстами того же типа, что D 25? И может быть, автор D 25 — не Олаус Петри, а например, некий стренгнесский клирик, чей материал Олаус «разобрал» на части и интегрировал в свою хронику? Так или иначе, D 25 отражает ранний этап в создании «Шведской хроники» и судя по всему содержит более архаичный текст, чем известные ранние версии хроники.

Как бы то ни было, «Шведская хроника» в ее законченном виде — это, конечно же, авторское произведение Олауса Петри. Именно он создал цельное, концептуальное повествование, основанное на разнообразных, хорошо проработанных источниках. Как он добился такой цельности, убедительности? Что нового он внес

в изучение истории своей страны? Как сочетаются в »Шведской хронике» традиции и новации? Чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к фактическому содержанию »Шведской хроники».

V. ДРЕВНЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ШВЕЦИИ В ХРОНИКЕ ОЛАУСА ПЕТРИ

Один из важнейших вопросов, которые Олаус рассматривает в своей хронике — это происхождение шведов и в связи с этим деяния их предполагаемых предков — готов.

Ко времени написания »Шведской хроники» среди шведской интеллектуальной и политической элиты имелось немало сторонников теории, которую ныне принято называть гетицистской. В соответствии с ней шведы являлись потомками древних завоевателей — готов, покоривших Европу, и потому превосходили другие народы. Самым знаменитым памятником шведского гетицизма стала произнесенная в 1434 году речь епископа (впоследствии архиепископа) Николауса Рагвальди на Базельском соборе. Ссылаясь на сведения о готах, почерпнутые у древних авторов Аблавия, Дионисия и Иордана, он обосновал мысль, что Швеция — прародина готов — древняя и почтенная страна.

В начале 40-х годов XV в. гетицистская идея закрепились в законодательстве. Теперь законы страны предварялись рассуждением о том, что Шведское королевство было в древности образовано из земель свеев и готов (ётов), что Швеция — родина готов, что название этого народа происходит из Швеции и только там сохранилось. Таким образом, к середине XV века гетицизм стал законодательно утвержденной идеологией.

С этого времени гетицистская идея начала звучать в исторических произведениях. Ярким памятником подобной историографии стала »Прозаическая хроника». Хронист собрал сведения о »деяниях особого народа, который именовался гетами, затем получил название гёты или готы, а ныне зовется шведами». Автор объяснил происхождение этого народа: от Иафета произошли скифы и геты (sithe och gethe); геты потом назывались гётами или готами, а ныне зовутся шведами. Скифов хронист отождествлял со свеями — жителями Верхней Швеции, а готов — с гётами (йётами), жителями нижнешведских областей. В дополнении к хронике указано: геты получили название от Гога, сына Магога, который приходился сыном Иафету. Об этом, указывается в хронике, сообщают Исидор Севильский и Магистр [сентенций], т.е. Петр Ломбард. Упомянут в »Прозаической хронике» и »благой мудрый учитель, прозываемый епископ Ардан». Речь идет об Иордане; ссылаясь

на него, хронист указывает, что первый король гётов звался Эрик. Он впервые заселил край, что зовется Сконе. Затем готы захватили близлежащие острова.

После смерти Эрика королем стал его сын Годерик, которого называют Теодорихом. Он завоевал Кимбрию, т.е., разъясняет хронист, Ютландию, Фризию и Голштинию. Затем он покорил Германию, Италию и многие другие страны. Было это, утверждает хронист, во времена Серуха, прадеда патриарха Авраама. Сын Годерика звался Филимер Великий. Он вторгся в Скифию, сиречь в Швецию⁹⁹ и подчинил жителей северо-востока страны. Затем покорил «Алеманнию и все земли до Дуная», переправился через Дунай, завоевал Фракию и Мезию; перешел «через горы, что зовутся Альпы», в Македонию и завоевал эту страну, а также «Грецию, Понт, Азию и Иллирию», и 15 лет удерживал завоеванные края. Готы покорили также Армению, Скифию и еще несколько стран.

Упомянут в «Прозаической хронике» и еще один авторитет — испанец Родерикус Толетанус (Родриго Хименес). Ссылаясь на него, шведский хронист уверяет: доблесть готов столь велика, что невозможно восхвалить ее в полной мере. Готы обратили в бегство Дария и Ксеркса, сражались с Александром Македонским и другими властителями¹⁰⁰. Темарис¹⁰¹, царица готов, своими руками убила великого царя Пирра. Готы завоевали Испанию, Францию, Англию, Шотландию и другие страны. И явили еще немало доблестей: например, первыми научились натягивать на луках тетивы из жил. Готы были столь искусны в сражениях, что, говорят, от них произошел Марс — языческий бог войны.

Цель подобных гетицистских построений заключалась в том, чтобы прославить Швецию, создать красивый миф об ее происхождении, доказать ее превосходство над другими странами. Вместе с тем, гетицистская теория служила геополитическим интересам шведской знати. В «Прозаической хронике» утверждается, что Швеции принадлежат права на Готланд — остров, который являлся предметом споров между Швецией и Данией. А сообщение о том, что король Эрик I первым «заселил» Сконе, в позднее Средневековье рассматривалось как доказательство прав Швеции на эту область, которая входила в состав Дании.

«Прозаическая хроника» принадлежала гетицистской мысли, являлась ее программным произведением. Большинство современ-

⁹⁹ Здесь: выступил из Ётланда в поход на Свеаланд.

¹⁰⁰ Т.е. с царем Александром Македонским, царем Пирром и Юлием Цезарем.

¹⁰¹ Томирис.

ных ученых полагали (и не без оснований), что ту же традицию продолжала и хроника Эрикуса Олаи. Но в середине XX века историк С. Арнольдссон обратил внимание, что Эрикус Олаи не проявлял слишком большого энтузиазма по поводу рассказов о завоеваниях и доблестях готов. По мнению Арнольдссона, нельзя причислять Эрикуса Олаи к гетицистам: напротив, он был антигетицистом, фактически предшественником Олауса Петри как критика официально-патриотической теории.

Действительно, повествование Эрикуса Олаи о готах отличается от «Прозаической хроники». Эрикус Олаи не увлекается восхвалением деяний готов за пределами Швеции, а лишь коротко упоминает об этих деяниях. Правда, «доктор Эрик» с уважением отзывается о подвигах готов. Но сведения об этих подвигах, заявляет Эрикус Олаи, не имеют отношения к предмету хроники — ведь в ней надлежит поведать о королях, которые правили Швецией.

Завоевательные походы готов, по Эрикусу Олаи, пагубно отразились на их родине — Швеции. Королям некогда было заниматься внутренними делами; следствием этого стали раздоры, смуты, иноземные нашествия. Эрикус Олаи оспорил некоторые утверждения автора «Прозаической хроники»: король Эрик I не мог быть современником авраамова прадеда; короля Годерика нельзя отождествлять с предводителем готов Теодорихом.

Вместе с тем, Эрикус Олаи отдавал дань гетицизму. Об этом свидетельствует и название его труда — «*Chronica regni gothorum*». «Доктор Эрик» объясняет, что королевство, которое ранее именовалось королевством готов, ныне называется Швеция. Он сообщает, что готы разделились: часть осталась на родине, остальные устремились покорять другие народы. Родина готов, Швеция, получила свое название следующим образом. Готы, потомки Иафета, переселившись в Северную Европу, нарекли новую родину «Скифия», в честь прежней родины. Со временем, вследствие языковых изменений, слово «Скифия» превратилось в слово «Швеция».

Итак, в концепции С. Арнольдссона содержится преувеличение: Эрикус Олаи, конечно, принадлежал к гетицистской традиции. Вместе с тем, «доктор Эрик» выступил и как критик оной: отмежевываясь от некоторых «мифов», не стал восхвалять завоевательные походы готов, поскольку многие из них не имели отношения к шведской истории.

С рассказами о готах, содержащимися в хронике Эрикуса Олаи, в «Прозаической хронике» и в трудах других шведских авторов был хорошо знаком Олаус Петри. Были «местеру Улофу» известны и труды античных историков, писавших о готах, и по-

вестования зарубежных средневековых хронистов на ту же тему. Таким образом, в распоряжении «местера Улофа» имелся объемный и притом противоречивый материал, где история перемешивалась с преданиями и откровенным вымыслом. Как поступил с этим материалом автор «Шведской хроники»?

Прежде всего, Олаус подчеркнул, что о древнейшей истории Швеции (до прихода христианства) почти нет сведений: «... наши предки либо писали об этом мало, либо вообще ничего не писали». Для Олауса очевидно, что в Скандинавии, как и во многих краях, жили «грубые и неразумные люди», которые «начали учиться вежливости и хорошему обхождению только после того, как стали христианами».

По мнению Олауса, историю шведов нельзя отождествлять с историей готов; древние готы — не то же, что современные автору гёты (ёты) — жители Нижней Швеции: «... древние готы (если вообще они действительно такие древние, как некоторые полагают) — те, кто первыми назывались “Göthe”, жили там, где сейчас находится Венгрия, либо еще дальше; и в то время скорее всего в Швеции еще никто не жил».

Олаус, основываясь отчасти на идеях немецких ученых — своих современников, отчасти на собственных наблюдениях, указал: немцы, шведы, датчане и норвежцы некогда являлись единым народом. Свидетельством тому языковая общность германских народов и сходство их общественного устройства. Олаус полагал, что шведы, датчане и норвежцы — потомки переселенцев из Германии.

Версия о том, что древние готы являлись выходцами из Скандинавии для Олауса не более чем «древнее предание». Во всяком случае, подчеркнул он, готы говорили на германском наречии. Неверно, по мнению Олауса, и утверждение, что готы совершили свое переселение во времена Авраама: «Такое утверждение совершенно неверно; если упомянутый исход и имел место, то намного позже». Олаус подчеркнул: не стоит восхвалять доблесть готов. Ведь они творили насилие, лишили жизни множество людей.

Итак, рассуждения Олауса Петри о готах носят самостоятельный и притом полемический характер. Олаус критикует гетицистскую теорию, аргументирует версию о происхождении скандинавов от общегерманского народа. Вместе с тем, он не отвергает начисто идею, что готы — выходцы из Скандинавии. Он предоставляет о том «судить другим». Кроме того, он высказывает соображения относительно времени переселения готов. Он не стал бы этого делать, если бы стопроцентно был убежден, что указанное переселение не имело места.

Во всяком случае, Олаус отдал дань традиции и поведал о деяниях готов. Но он не стал повторять рассуждения шведских предшественников, а привел сведения, заимствованные у немецкого историка Иоханна Кариона и у древнего классика Иордана. Так в «Шведскую хронику» вошли сообщения о вторжении готов в Грецию, об убийстве императоров Валента и Деция, о походах в Италию, о деяниях Теодориха и Тотилы.

Таким образом, в разработке Олаусом «готского» сюжета было уже много от историографии нового времени. Это и сомнения в достоверности сведений о готах, и критика источников, и опора на историков-гуманистов, и свойственный гуманизму ученый интерес к античным авторам. Вместе с тем, Олаус не отвергал начисто традиционные представления о готах, не являлся стопроцентным, абсолютно последовательным «антигеттицистом».

Следующая крупная тема, которую затрагивает Олаус Петри в «Шведской хронике» — это языческие верования древних жителей Швеции. Основой повествования о язычестве в данном случае является рассказ об Уппсальском языческом храме, который, как известно, впервые привел Адам Бременский.

Согласно Адаму, уппсальское святилище было украшено золотом. Внутри находились статуи богов Тора, Водана (Одина) и Фриккона (Фрея). Тор «управляет громами и молниями, ясной погодой и урожаями». Водан «ведет войны и дает человеку смелость перед лицом врагов». Фриккон «дарит смертным мир и наслаждение». Идол Фриккона снабжен огромным фаллосом; Водана представляют вооруженным, подобно Марсу; Тор скипетром подражает Юпитеру. Возле святилища растет вечнозеленое дерево. Под ним находится источник, где язычники совершают жертвоприношения. Святилище опоясывает золотая цепь. К богам представлены жрецы, которые приносят жертвы. Если грозит мор и голод, умиляют Тора, если война — Водана, если свадьба — Фриккона. Каждые девять лет устраивается всеобщее празднество свеев. В жертву богам приносят девять голов из живности мужского пола; кровью умиляют богов, тела развешивают в роще рядом со святилищем. Вместе с людьми там висят собаки и лошади. Один христианин поведал Адаму, что видел 72 тела, висевшие вперемежку.

Первым из известных шведских исторических сочинений, где цитируется рассказ Адама Бременского об Уппсальском храме, является «Прозаическая хроника». Ее автор ссылается на «мудрого учителя по имени Адам»¹⁰² и в ряде случаев близко следует его

¹⁰² SRS I. P. 240.

повествованию. Вместе с тем, в «Прозаической хронике» присутствуют отличия от хроники Адама Бременского. Пример подобного сходства и различия — сообщение «прозаической хроники» о боге Торе. Рассказ следует описанию Адама. Но «Прозаическая хроника» добавляет и другие сведения: Тора якобы изображают голым ребенком («*nakit barn*»), который сидит на повозке и держит в руке семь звезд. Добавлено, что в честь Тора назван четверг — *Torsdagen*. Хронист указывает местонахождение святилища: гора Домберьет («Соборная гора»). Зато в «Прозаической хронике» нет упоминания о скипетре Тора; отсутствует уподобление Тора Юпитеру. Сообщения об Одине и Фрикконе (по «Прозаической хронике» — Фригг) близки к рассказу Адама; но добавлено, что в честь богов названы среда (*odensdag*) и пятница (*friggedaghr*). Хронист верно следует Адаму в описании храма, роши и жертвоприношений. Место роши, в свою очередь, четко определено: «где ныне находится уппсальская Крестьянская церковь». Есть отличие в сообщении о христианине, который видел тела принесенных в жертву существ: по «Прозаической хронике» их насчитывалось 77, а не 72.

О том же святилище, о тех же богах сообщает в своей хронике и Эрикус Олаи. Основным образцом послужила «Прозаическая хроника»: Эрикус Олаи довольно точно воспроизвел многие фрагменты, которые восходят к тексту Адама¹⁰³. Впрочем, имеются любопытные различия. Так, у Эрикуса Олаи бог Тор наделен скипетром: эта деталь присутствует у Адама, но отсутствует в «Прозаической хронике». По «доктору Эрику», языческие боги были расположены в святилище в виде триклия. Такая подробность, опять же, имеется в произведении Адама, но в «Прозаической хронике» не приводится. В то же время, по Эрикусу, Тор держит в руке семь звезд: эта деталь, напротив, имеется в «Прозаической хронике», но отсутствует у Адама. Одину, согласно Эрикусу Олаи, поклонялись не только ради военных успехов, но также и для того, чтобы обрести мир и покой; по хронике Адама и по «Прозаической хронике» — только ради военных успехов. В повествовании «доктора Эрика» о жертвоприношениях нет упоминания о том, что приносимые в жертву существа — только мужского пола. Нет и сообщения о 72 или 77 трупах, которые видел некий христианин¹⁰⁴.

¹⁰³ Ср.: *Nyrin-Heuman E. Källkritiska, textkritiska och språkliga studier till Ericus Olai Chronica gothorum*. Lund, 1944. S. 36.

¹⁰⁴ Таким образом, очевидно: Эрикус Олаи свел воедино две версии рассказа об уппсальском святилище: 1) некую версию, близкую к тексту Адама и 2) версию «Прозаической хроники», являющуюся более вольной переработкой

Олаус Петри несомненно был знаком с рассказом о священной роще и языческих богах в нескольких версиях, в том числе по «Прозаической хронике» и по Эрикусу Олаи¹⁰⁵. Он комбинировал сведения, почерпнутые из источников, и дополнял их. Так, в рассказе о Торе мы видим упоминание о повозке, о скипетре, о семи звездах. Объяснено, что по имени Тора назван «четверг». Присутствует отождествление Тора и Юпитера, Одина и Меркурия. Фригг из мужского божества превратился в женское — Фриггу. Эта Фригга отождествлена с Венерой. Добавлены описания других богов: «Сатурна» (Кроде), «Нептуна» (Водяного), Ядуга. Проигнорировано сообщение Эрикуса Олаи о том, что Тору поклоняются «ради мира и спокойствия». По Олаусу, Тора почитали только ради военных успехов. В отличие от «доктора Эрика» Олаус упомянул, что жертвы приносились только мужского пола. По мере редактирования хроники был добавлен вывод, что боги у скандинавов имелись «те же, что у немцев». В качестве источников, содержащих сведения о язычестве, Олаус использовал шведские законы и зарубежные хроники. Привлек он и устный материал: «клятвы» крестьян, пословицы и поговорки. Привнесена любопытная полемика: возражая Саксону Грамматику, Олаус доказывает, что Один — не шведский колдун, а германский языческий бог.

Итак, Олаус Петри усовершенствовал традиционный для шведских хронистов рассказ об уппсальском святилище и о языческих верованиях. Он сделал его более информативным, ученым, дискуссионным. Вместе с тем, даже при этих усовершенствованиях, описание языческих верований, в ряде черт, осталось традиционным, а кроме того — неполным. Не использованы данные топонимики, исландско-норвежские источники — саги, скальдические висы, эддическая поэзия. Этот пробел восполнили ученые последующих поколений.

В повествовании о введении христианства в Швеции Олаус Петри также опирался на традицию, в основе которой лежат древние памятники: житие Ансгария, хроника Адама Бременского. К житию Ансгария восходит рассказ о миссии этого святого. Согласно житию, к императору Людовику Благочестивому прибыли посланники шведов и попросили направить в их страну проповедников. Император поручил Ансгарию, монаху монастыря Корби, возглавить эту миссию. Ансгарий и его спутники прибыли в город

повествования Адама. В свою очередь, Эрикус Олаи внес в рассказ дополнения и другие изменения.

¹⁰⁵ Но, очевидно, не был знаком с первоисточником — хроникой Адама Бременского.

свеев Бирку, где их принял король Бьёрн. Миссионеры провели в Бирке полтора года и обратили в христианство множество людей. Однако после отъезда Ансгария swei вернулись к языческим обычаям. Повторный приезд Ансгария в Бирку вновь привел лишь к временному торжеству христианства в тамошних краях.

О последующих событиях, связанных с проповедью христианства в Швеции, сообщает Адам Бременский. В Бирку, спустя 70 лет после смерти Ансгария, прибыл гамбург-бременский епископ Унни. Он стал вновь обращать местных жителей в христианство. Умер он в Бирке, где и был похоронен. Адам приводит множество других сведений о крещении Швеции, в частности о принятии христианства королем Олофом Шётконунгом, о миссии английского проповедника Волфреда, о деяниях и смерти миссионера Адальварда.

Шведские хронисты, повествуя о проповеди христианства пользовались и рассказами о других святых-миссионерах: Сигфриде, Эскиле, Давиде. Подробно о них рассказано в житиях. Что касается хроники Адама Бременского, то роль главного посредника между ней и шведскими историческими произведениями сыграла опять же «Прозаическая хроника». Впрочем, автор «Прозаической хроники» и здесь следует Адаму не во всем.

Так, по Адаму, первым шведским королем, принявшим христианство, стал конунг Эрик Победоносный, крестившийся в Дании. А «Прозаическая хроника» ничего не сообщает о крещении Эрика Победоносного. Согласно ей, первый христианский король Швеции — сын Эрика Победоносного Стенкиль по прозвищу Урожайный. В этой связи «Прозаическая хроника» воспроизводит легенду, впервые поведенную Адамом. Согласно легенде, один из жрецов Уппсальского святилища, совершая языческие жертвоприношения, ослеп. Во сне ему явилась Дева Мария и убедила принять христианство. Тот принял крещение, прозрел и, возрадовавшись, стал проповедовать христианскую веру.

Далее повествование «Прозаической хроники» следует рассказу Адама, но с изменениями. Король Стенкиль отправил гонцов к Святому Ансгарии (по данной хронике — к архиепископу Гамбургскому), прося прислать проповедников. Ансгарий, вняв просьбе, направил в Швецию мужественных и мудрых людей, которых рукоположил в епископы; одного звали Стафан, другого Адальвард. Они прибыли в Сигтуну и стали возвещать христианскую веру. Их проповедь имела успех: уже на первом богослужении Адальварда было пожертвовано 70 марок серебра. Затем Адальвард разрушил языческих идолов в Уппсале. Стафан же направился в Хельсингланд и там проповедовал, обратив множество

людей в христианскую веру, а впоследствии был убит. В Уппсале же народ был возмущен тем, что низвергнуты идола. Разгневанные местные жители убили Адальварда и отошли от христианской веры. Отрекся от веры и король Стенкиль, чтобы спасти себе жизнь; но все равно его убили в Уппсале его же люди.

Затем «Прозаическая хроника» упоминает об Олофе Шёткунге. По хронике, он приходился сыном королю Стенкилю. Сюжет о крещении короля Олофа, судя по всему, восходит к древней вестъетской хронике. Указано, что король был крещен 15 февраля 1108 года миссионером Сигфридом. Тогда же вся Швеция обратилась в христианство. Рассказ о конунге Бьерне и о прибытии Ансгария в Бирку (воспроизведенный Адамом по житию Ансгария), равно как и некоторые другие важные фрагменты из хроники Адама, в «Прозаической хронике» отсутствуют. Таким образом, автор «Прозаической хроники» был знаком с хроникой Адама не в полном объеме; возможно, пользовался выдержками, фрагментами этого произведения или же весьма вольно его обрабатывал.

На повествование «Прозаической хроники» о крещении Швеции, в свою очередь, опирался Эрикус Олаи. Как и в «Прозаической хронике», первым шведским королем, принявшим христианство, в хронике Эрикуса Олаи назван сын Эрика Победоносного Эрик (или Стенкиль) Эрикссон. Хронист уточняет: некоторые именуют этого короля Эриком Урожайным, другие же называют Стенкилем I. Ближе к тексту «Прозаической хроники» Эрикус Олаи излагает предание об ослеплении и прозрении языческого жреца. Расхождения с «Прозаической хроникой» присутствуют в сообщении о том, как в Швецию были направлены проповедники. В «Прозаической хронике» сказано: после чудесного выздоровления жреца король Стенкиль просил святого Ансгария, епископа Гамбургского, прислать проповедников. В произведении Эрикуса Олаи эта информация скорректирована: проповедников послал архиепископ Бременский (*metropolitanus Bremensis*), который в хронике Эрикуса Олаи (в отличие от «Прозаической хроники») не отождествляется с Ансгарием. При этом Эрикус Олаи приводит альтернативную версию мотивов архиепископа: он послал проповедников то ли по просьбе посланников короля, то ли по собственному разумению, заботясь о спасении душ.

Похоже, что, внося поправки, Эрикус Олаи и в данном случае опирался на хронику Адама Бременского (или какие-то выдержки из нее). Именно у Адама говорится, что гамбург-бременский архиепископ по собственной инициативе отправил миссионеров во владения Стенкиля. В то же время у Адама сказано, что кафедра в Сигтуне была основана при помощи посланников короля Стен-

киля. Очевидно, Эрикус Олаи попытался согласовать эти сведения с сообщением «Прозаической хроники». Ясно, что рассказы Эрикуса Олаи о язычестве и о введении христианства — не простая компиляция из «Прозаической хроники», а текст более сложного происхождения.

Далее мы видим, что повествование Эрикуса о проповедниках Стафане и Адальварде в основном повторяет фрагмент «Прозаической хроники». Но упоминая о смерти Адальварда, Эрикус приводит две версии: 1) Адальварда убили жители Упланда за то, что он низверг идолов; 2) этот проповедник прожил долгую жизнь и был похоронен в Бирке. Возможно, считает Эрикус Олаи, Адальвард претерпел гонения в Уппсале и бежал в Бирку, где впоследствии умер.

О другом проповеднике, Стафане, «доктор Эрик» сообщает в основном то же, что и автор «Прозаической хроники»: что он отправился на север страны, где обратил множество людей в христианство и где, «как некоторые полагают», принял мученический венец. Далее Эрикус Олаи сообщает: согласно житию святого Эскиля упомянутое отпадение от веры имело место после прибытия в Швецию святого Сигфрида со святым Эскилем и после правления Олафа Шётконунга, в которое, как говорят, все королевство было обращено в христианство. Это сообщение противоречит предшествующему изложению. Эрикус Олаи стремится разрешить противоречие: возможно, указывает он, сообщения о короле Стенкиле-Эрике относятся к другому Стенкилю — правителю Швеции, племяннику Олофа Шётконунга. В таком случае, заключает Эрикус Олаи, либо в правление короля Олофа не вся Швеция была обращена в христианство, либо шведы, приняв крещение, затем отпали от веры.

В хронике Эрикуса Олаи встречаются еще несколько сообщений (отчасти разрозненных), которые касаются проповеди христианства. Это упоминание о проповедниках Поппоне и Бернарде, обративших в христианство датского короля Свена и норвежского короля Олава Трюггвасона. Приводит Эрикус Олаи и сообщение о том, что Бернард крестил короля Олофа Шётконунга, дав ему имя Якоб: «так — согласно Датской хронике». Параллельно Эрикус приводит и другую версию: согласно «древней шведской хронике» упомянутый проповедник крестил сына Олафа Анунда и нарек его Якобом. Вообще, в сведениях о христианизации у Эрикуса Олаи присутствуют и противоречия, и обрывочные, лапидарные сообщения. Упомянут конунг Эрик Эрикссон, «которого крестил Ансгарий», и который умер христианином, в то время как в Швеции сохранялось идолопоклонство. Вне этой связи упомянут король Бьерн (лат. Вего).

После этих сообщений следует пространное рассуждение: сумерки сгущаются перед рассветом; схожим образом, перед утверж-

дением христианства в Швеции, этой страной правили язычники — «короли лишь по названию». Затем сообщается: по общему мнению, первый христианский король Швеции — это Олоф Шётконунг (поскольку отец Олофа, крестившись, затем отпал от веры). Около 845 года некоторые жители страны обратились в христианство. Но полностью население Швеции стало христианским только при Олофе Шётконунге. Ниже Эрикус Олаи указывает: согласно «некоторым хроникам, а также выдержкам из хроник», Олоф Шётконунг принял крещение в 1108 году. Эту заведомо ошибочную дату «доктор Эрик» справедливо счел неправдоподобной. По его мнению, упомянутое крещение произошло в середине X века.

Вернемся к нашему главному автору — Олаусу Петри. Создавая свою историческую версию крещения Швеции, он имел в своем распоряжении труды Саксона Грамматика и Эрикуса Олаи, «Прозаическую хронику», рифмованные хроники, перечни королей, анналы, жития¹⁰⁶. Очевидно, что ему пришлось иметь дело с трудными, не вполне надежными и подчас противоречивыми источниками. Как распорядился «мистер Улоф» этим материалом?

Прежде всего, мы видим, что изложение истории христианизации у Олауса компактно, организовано и логично. Нет пространных отступлений вроде сентенций Эрикуса Олаи о том, что «сумерки сгущаются перед рассветом». В центре внимания Олауса Петри — сама христианизация Швеции. О введении христианства в других странах рассказано в той мере, в какой это имеет отношение к шведской истории. Нет рассказов о чудесах; опущен расхожий сюжет — ослепление и прозрение языческого жреца. Язычники не так радикально, как у Эрикуса Олаи, противопоставлены христианам. Нет интенсивной полемики: данные источников как бы классифицируются по степени достоверности; если у автора возникли сомнения, то сведения приводятся с оговоркой: «вероятно», и т.д. Повествование содержит концепцию: Швеция обрати-

¹⁰⁶ Сложным остается вопрос: в каком объеме Олаус пользовался житиями. Во всяком случае, он использовал житие Эскиля и житие Ансгария. Не ясно, на какую версию *Vita Ansgarii* опирался Олаус. Скорее всего, это не среднешведский перевод жития: лексика, использованная Олаусом, значительно отличается от лексики, содержащейся в соответствующих фрагментах перевода. Неясно, использовал ли Олаус пространный латинский текст Римберта. Слишком значительны расхождения «Шведской хроники» с этим памятником: например, Олаус игнорирует сообщение о том, что Ансгарий являлся монахом Корби. Скорее всего, Олаус использовал краткую версию, вероятно, приведенную в богослужебной книге — бревиарии. Также неясно, пользовался ли Олаус житием Сигфрида. Приведенная им информация об этом святом крайне скудна. Возможно, она почерпнута из других источников — хроник, перечней королей.

лась в христианство медленно, постепенно, а не одновременно, в правление какого-то одного короля.

Вот как это выглядит на конкретных примерах. В числе ранне-средневековых шведских королей Олаус упоминает короля Бьёрна. Повествуя о нем, Олаус следовал агиографической традиции: именно этот король правил в Швеции, когда туда прибыл Ансгарий. Но Олаус знал, что в хрониках содержатся иные версии. Поэтому он сделал оговорку: этот Бьёрн *по-видимому* был королем, когда в Швецию явился святой Ансгарий.

Далее версия жития представляется Олаусу предпочтительной: посланцев к императору направил, несомненно, упомянутый Бьёрн. Впрочем, дата прибытия Ансгария в Бирку дана в соответствии с шведской нарративной традицией: 845 год. Ансгарий, по Олаусу, пробыл в Бирке полтора года: срок пребывания указан тот же, что и в житии. Рассказ о миссии Ансгария Олаус Петри завершает сообщением об ее конечной неудаче — даже при том, что миссией была охвачена небольшая часть страны. Вся же Швеция, подчеркивает Олаус, настолько обширна, что ее было невозможно обратить в христианство усилиями нескольких человек.

Следующий сюжет, связанный с христианизацией, — повествование о миссионерах Стафана и Адальварде, прибывших в Швецию при короле — сыне Эрика Победоносного. Перед Олаусом Петри стояла задача: идентифицировать этого короля. Олаус объясняет: некоторые называют его Эрик Урожайный, но, как правило, его именуют: «добросердечный король Стенкиль». Далее новые вопросы: по чьей инициативе были посланы проповедники, и каким епископом? Олаус объединил имеющиеся сведения, не высказываясь определенно: король, как *некоторые полагают*, послал гонцов к епископу *Гамбургскому или Бременскому* и попросил прислать в Швецию проповедников. Далее автор использует сюжет гибели Стафана и Адальварда для иллюстрации своих идей: 1) идолов нужно было сперва изъять из сердца, а затем уже низвергнуть с алтаря; 2) Швецию — обширную страну — невозможно было обратить в христианство в краткие сроки усилиями всего лишь нескольких проповедников.

Затем Олаус переходит к рассказу о крещении Олофа Шёткунunga. Также и тут сведения о генеалогии короля противоречивы. И вновь Олаус не вступает в дискуссию, а сообщает, что Олоф был «сын, или, как некоторые полагают, брат» короля Стенкиля. Олоф послал гонцов в Англию к королю Милдреду, прося прислать людей, которые могут наставлять других в христианской вере. Тот направил в Швецию Сигфрида, Эскиля и других проповедников. Обстоятельства крещения описаны с опорой на шведские хроники:

короля крестили в «источнике Сигфрида» близ Хусабу в Вестергётланде. Но даты крещения, приведенные в шведских источниках, Олауса не устроили. Он предпочел рассуждать самостоятельно: зная, что Милдред отождествляется с английским королем Этельредом, сделал вывод, что события произошли после прихода указанного короля к власти, т.е. после 978 года. Отсюда приведенная Олаусом дата: 980 год или немногим позже¹⁰⁷.

Далее Олаус, отдавая дань традиции, сообщил, что Олоф Шётконунг считается первым христианским королем Швеции (поскольку Стенкиль отпал от веры) и что в правление короля Олофа проповедь христианства была дозволена по всей стране. Но еще одно утверждение предшественников — что при короле Олофе вся Швеция обратилась в христианство — вызвало у Олауса возражения. Невозможно, утверждал он, чтобы королевство полностью стало христианским в правление указанного короля: на искоренение язычества потребовалось несколько столетий. В доказательство Олаус сослался на Церковный раздел Упландслага, созданный «вне сомнения, через несколько столетий после крещения Олофа Шётконунга». В этом церковном разделе, объясняет Олаус, говорится: нельзя «верить в рощи и тому подобное»¹⁰⁸.

Итак, Олаус Петри, рассказывая о христианизации Швеции сделал, пожалуй, лучшее, что мог сделать скандинавский ученый при тогдашнем уровне исторических знаний. Он неплохо разобрался в противоречивых нарративных источниках, добился убедительности и последовательности, уточнил хронологию, использовал, в дополнение к нарративным памятникам, законы. При этом он не стал выяснять, когда именно была крещена Швеция, а сделал логичный вывод: христианизация являлась длительным процессом.

Некоторые выводы Олауса о христианизации Швеции совпадают с представлениями современных ученых. Прежде всего это идея о том, что христианство вводилось постепенно, что пережитки язычества сохранялись в течение нескольких столетий. Современные гипотезы относительно времени крещения Олофа Шётконунга (конец X века) тоже совпадают с предположениями Олауса Петри. В то же время его повествование о христианизации — это все-таки не исследование, а именно рассказ. В нем нет сравнительно-исторического анализа; в частности, автору не известны близкие по содержанию исландско-норвежские источники. Хронист не изучал христианизацию как общественно-исторический феномен. Так, он не обратил внимание, что проповедь миссионеров находила

¹⁰⁷ Westin C.T. *Historieskrivaren*... S. 29–30.

¹⁰⁸ Т.е. в священные рощи, камни, источники, а также другие места и предметы, почитаемые язычниками.

отклик у разных социальных групп — знати, купцов, рабов¹⁰⁹. Односторонним явилось понимание причин распространения христианства: не уделено внимания политическим и экономическим мотивам конунгов, знати и торговцев.

К повествованию о принятии христианства примыкают сообщения о первых христианских королях. Некоторые из сообщений любопытны и представляют интерес для характеристики Олауса Петри как историка.

Таково упоминание о короле Амунде Углежогге (Анунде Якобе). В «Прозаической хронике» объяснено его прозвище: по распоряжению короля сжигались жилища преступников; размер того, что сжигалось, зависел от тяжести преступления. Эти сведения привел и Эрикус Олаи, который считал упомянутый порядок неразумным. Он был убежден: со временем король Амунд ввел более разумные законы. Олаус Петри, напротив, полагал, что у обычая имелись основания: король, сжигая дома, наносил вред тем, кто нанес вред людям; государь не взимал штрафов в свою пользу и благодаря этому не впадал в соблазн злоупотребления судебной властью ради выгоды. Из «Комментария к Стадслагу» видно, что Олауса Петри вообще интересовали подобные юридические нормы — так называемые *leges talionis* («законы воздаяния», равносильного совершенному преступлению). Примеры таких юридических норм Олаус несомненно находил и в Библии (законы Моисея), и в римском праве, и в шведских законах.

По-своему интересно сообщение о преемнике Амунда Углежогга Амунде Мерзком (он же Эмунд Старый). Основа сюжета заимствована из «Прозаической хроники»: король Амунд, размежевав границу между Швецией и областью Сконе, потерял эту область; затем, пытаясь отвоевать Сконе, потерпел поражение и погиб. В средневековых памятниках образ Эмунда Старого являлся негативным. Только в XVI веке шведские хронисты попытались пересмотреть его. В этой связи интересно, что Олаус в данном случае не выступил новатором, придерживался старой традиции.

Как известно, время примерно с VIII по XI век — это не только период христианизации. Это эпоха взаимосвязанных изменений: материально-технического прогресса, военных усовершенствований, социальной дифференциации, создания ранних государств, начала формирования права. Это и время расцвета древнейших торгово-ремесленных поселений. Наконец, как известно, это эра викингов. Что пишет обо всем этом Олаус Петри?

¹⁰⁹ См.: *Hallencreutz C.F. Reformatorn Olaus Petri som missionhistoriker // Kyrkohistorisk ärsskrift. Årg. 83. Uppsala, 1983. S. 11–20. Ср.: Idem. Ansgar: visionär och politiker. Uppsala, 1980. S. 13.*

Социально-исторические перемены, происшедшие в шведском обществе «эпохи викингов», в хронике Олауса Петри отражены, конечно, далеко не во всей совокупности; он лишь коснулся некоторых из них, сделав отступление от основного повествования. Но и это для тогдашней шведской историографии было шагом вперед: ни автор «Прозаической хроники», ни Эрикус Олаи, ни какой-либо другой шведский хронист до Олауса Петри не касался подобных проблем. Они уделяли внимание преимущественно политической и отчасти церковной истории. Как правило, рассказывая о древнейшем периоде Швеции, они сосредотачивались на деяниях королей — в основном легендарных или полулегендарных.

Олаус Петри правильно полагал, что сведения о скандинавской истории первых веков новой эры малодостоверны. Эту мысль он, в частности, высказал в предисловии. Неудивительно, что сообщения предшественников «местер Улоф» в данном случае пересказал кратко, подчас выражая сомнения или внося коррективы. Например, в начале хроники Олаус подверг сомнению упоминание предшественников о том, что первый король шведов Эрик I заселил датские земли. Кратко излагая сведения о легендарных королях, Олаус делал поправки и приводил комментарии, высказывал сомнения относительно достоверности сведений. Но вот хроника доходит до сообщения о короле Фроде, и повествование как бы оживает: Олаус высказывает доверие приводимым сведениям, вставляет пространный комментарий. Отчасти причина заключается в положительной репутации короля Фроде. Олаус был убежден: если о человеке осталась добрая слава, значит, он ее заслужил. Кроме того, «Местеру Улофу» была известна поговорка: «Frode frid» («мир Фроде»). Он полагал, что пословицы заключают в себе частицу божественной мудрости а потому заслуживают доверия и внимания.

После рассказа о нескольких королях следует нечто вроде промежуточного итога: по тому, какой конец постигал многих тогдашних королей, видно, как обстояли дела в Швеции: неизменно происходили распри, волнения, перевороты. Настоящая — документированная, достоверная — история у Олауса начинается примерно с рассказа о миссии Ангария. Вслед за этим рассказом (и в связи с ним) в «Шведской хронике» приведен экскурс о норманнах. Само по себе это — тоже новшество по сравнению с историческими трудами шведских предшественников¹¹⁰.

¹¹⁰ Именно шведских, но не зарубежных, например исландско-норвежских, английских, датских, французских, которые, как известно, много писали о походах и нашествиях викингов.

Все же представления Олауса о викингах значительно отличаются от воззрений нынешних ученых. Прежде всего, эта экспансия для Олауса — не содержание эпохи, а кратковременное явление, эпизод. Сообщается о завоеваниях викингов и о разрушениях, которые они учинили. Но не сказано о других аспектах экспансии — торговле, военной службе, открытии и освоении новых земель. Отсутствует у автора и интерес к взаимосвязям походов викингов и преобразований в Северной Европе. Образ викингов у него односторонний.

Зато следующее ниже описание древнейших шведских городов — несомненная удача Олауса Петри. Отправным пунктом послужили краткие упоминания хронистов-предшественников о Бирке, Сигтуне и Скаре. Вместо подобных лаконичных справок Олаус привел небольшой обзор истории древнейших городов. Прежде всего он объяснил, что в Швеции (как и в других странах) в древности люди были несведущи, невежественны, мало общались с иноземцами. Поэтому у них не существовало крупных торговых городов. Вместо этого имелись торговые местечки-чёпинги (Олаус объяснил, что сведения об этих местечках он почерпнул из древних законов). В чёпингах бонды совершали обмен, получая товар за товар. Иноземных товаров в Швеции того времени встречалось мало; не много было и купцов, и торговых городов. Не бытовала чрезмерная роскошь; бонды носили одежду, которую сами изготавливали. При обмене, совершаемом в чёпингах, товар измерялся в марках, эре и эртугах. Городов же, которые более или менее можно считать торговыми городами, насчитывалось три: Бирка, Сигтуна и Скара. Олаус считал, что Бирка древнее других городов: ведь от нее остальные города получили древнейшее городское право — Бьёркёарэттен. Крупнейшим же городом являлась Скара; тому, указывал Олаус, имеется множество доказательств.

Далее хронист привел интересные сведения из истории монетного дела. Древнейшая шведская монета, объяснил он, отличалась высоким содержанием серебра. Основная единица, марка пеннингов, по содержанию белого металла была равноценна марке лёдёсского веса (марке чистого серебра). В монете большего достоинства примесей содержалось еще меньше. В ходу были и английские деньги — стерлинги: об этом свидетельствуют «древние грамоты и регистры». Со временем шведская монета начала ухудшаться: в нее стали добавлять медь. В конечном счете такая монета настолько обесценилась, что ее прозвали «нарицательной», отличая от древней полновесной монеты — марки серебром. Возможно, пишет Олаус, именно эти два вида монеты подразумевались в

древних законах, где говорится о двух разновидностях шведской марки — mark köpgill и mark karlgill.

Весь упомянутый экскурс очень ценен. Он свидетельствует о компетентности и мастерстве Олауса Петри как историка, о новаторстве и серьезности его исторических изысканий. Олаус был первым шведским историком, который поведал о древних торговых местечках — чёпингах, обратил внимание на натуральный характер хозяйства, осветил натуральный обмен, что совершался в старину. Правильным является его представление о древних торгово-ремесленных поселениях. Современные историки подчас называют такие центры «протогородами», отличая их от городов в полном смысле слова. Предшественники Олауса называли их городами (лат. *civitates*; швед. *städer*). Олаус же делает различие между этими поселениями и собственно торговыми городами. Близки к мнениям современных историков и рассуждения Олауса о том, что древнейшее городское право Швеции, Бьёркёарэттен, произошло из Бирки. В свою очередь, сообщения Олауса Петри об истории шведской монетной чеканки ценны и хорошо обоснованны. В основном они подтверждаются выводами современных специалистов.

VI. ОЛАУС ПЕТРИ О ШВЕЦИИ ЗРЕЛОГО И ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Повествование Олауса Петри о зрелом и позднем Средневековье существенно отличается от рассказа о раннем периоде шведской истории. Оно более объемно, насыщено, основано на более широком круге источников. Освещая этот период, Олаус многое заимствовал у Эрикуса Олаи, но в дополнение к основному источнику использовал другие нарративные памятники — особенно рифмованные хроники, а кроме того актовый материал и древние законы.

Как известно, Швеция зрелого и позднего Средневековья существенно отличалась от свейских и ётских королевств времен «эпохи викингов». Теперь это была цивилизованная европейская страна. В становлении средневековой цивилизации в Швеции особую роль играли XIII—XIV века. Именно тогда в Шведском королевстве было построено множество замков, оформилась система замковых ленов, сложилось военно-служилое сословие — светское фрельсе с его привилегиями, обязанностями (прежде всего военной службой) и земельными владениями. Окончательно сформировалось и церковное фрельсе — духовенство с его владениями, привилегиями, иерархической организацией. Был основан ряд мо-

настырей. Возникали и росли города; складывался рынок; сложилось бюргерство, оформилось городское право. Были записаны областные законы. Вообще произошли важные изменения в области права; многие из них отразились в областных законах и в статутах правителей Швеции. В то же время указанный период не был мирным. Это было время междоусобных войн, почти непрерывной борьбы за власть. Во многих конфликтах, помимо шведских правителей (и вообще знати), участвовали иноземные государи — короли Дании и Норвегии, голштинские графы, мекленбургские герцоги. В этой связи интересно, какие стороны национальной истории осветил Олаус Петри, какие сюжеты его интересовали, в чем он следовал традициям, а в какой являлся новатором.

Прежде всего, легко убедиться, что многие сведения и оценки совпадают со сведениями и оценками предшественников. Особенно много почерпнуто у Эрикуса Олаи¹¹¹. Преемственность хроник видна и в других фрагментах, например в отрывках, где говорится о сестрах короля Эрика. Одно из отличий хроник Эрикуса Олаи и Олауса Петри от «Хроники Эрика» касается датировки событий. В списках «Хроники Эрика» либо нет, либо почти нет дат. В хрониках Эрикуса Олаи и Олауса Петри датированы многие события, такие как, например, битва при Оластрёме. Другое отличие заключается в том, что изложение событий у Эрикуса Олаи и Олауса Петри более сжато, чем в «Хронике Эрика»: опущены подробности, красочные описания.

Мы видим также, что в ряде случаев Олаус отошел от традиции, ввел новый материал. Так, в «хронике Эрика» после рассказа о женитьбе ярла Биргера на сестре Эрика Шепелявого Ингеборг дано описание крестового похода на Тавастланд¹¹². Эрикус Олаи следует той же схеме. Олаус Петри нарушил этот порядок, вставив сведения из церковной (и не только церковной) истории страны. «Местер Улоф» сообщил о приезде в Швецию папского легата Вильгельма Сабинского, который произвел множество преобразований, касающихся духовенства и, в частности, запретил клирикам вступать в брак. До этого, указал хронист-реформатор, шведские священники имели право жениться. В доказательство Олаус Петри процитировал древний закон: наследство епископов и священников-шведов доставалось их детям, наследство клириков-иноземцев отходило епархии. Олаус процитировал и фраг-

¹¹¹ Редакция «Хроники Эрика», которой пользовался Эрикус Олаи, отличается от редакции, положенной в основу публикаций хроники и ее русского перевода. Различие присутствует в начале хроники. См.: SMR I. S. 163–166; ср. Ibid. S. 1–3.

¹¹² SMR I. S. 3–6.

мент законов Эстерхётланда, где говорится о детях—наследниках епископа, а также собственное заявление Вильгельма Сабинского: шведские священники состоят в браке и не скрывают этого.

Далее Олаус, приведя еще ряд интересных сведений, вернулся к основному повествованию и сообщил о походе в Тавастланд. И вновь характерное отличие: если в «Хронике Эрика» рассказ о походе подробный, увлекательный, то в хрониках Эрикуса Олаи и Олауса Петри просто перечислены факты: победа над тавастами; пощада тем, кто пожелал обратиться в христианство; строительство крепости Тавастеборг. Коротко Олаус рассказывает и о конфликте клана Фолькунгов с ярлом Биргером; совсем кратко (даже по сравнению с Эрикусом Олаи) о гибели одного из Фолькунгов, крестоносца Карла.

В «Хронике Эрика» далее рассказано о женитьбе короля Вальдемара на принцессе Софии. Красочно описаны выбор невесты, сватовство и сама свадьба. Эрикус Олаи упоминает об этой женитьбе кратко, возможно, по идейным соображениям: ведь невеста являлась дочерью датского короля. Так или иначе, Олаус Петри уделил событию еще меньше внимания: в его хронике сообщение о браке Софии и Вальдемара уместилось в одну фразу. Зато Олаус обогатил — по сравнению и с «Хроникой Эрика», и с трудом Эрикуса Олаи — рассказ о правовых реформах ярла Биргера. Опорой «местеру Улофу» послужили областные законы, где упоминаются юридические нововведения ярла¹¹³.

Рассказ о возникновении Стокгольма у упомянутых хронистов совпадает в том, что касается причин основания города: требовалось преградить карелам, инграм и русским вход в озеро Меларен, чтобы защитить внутренние области Швеции от разбойных набегов. «Хроника Эрика» упоминает: во время одного из набегов карелы сожгли Сигтуну. Основание Стокгольма данная хроника приписывает ярлу Биргеру. Эрикус Олаи вкратце пересказал указанный фрагмент «Хроники Эрика». Олаус Петри, воспроизводя эпизод, внес поправки. В числе тех, кто совершал набеги на Швецию, «местер Улоф» упоминает эстов. Именно эсты, по версии Олауса, предали огню Сигтуну. Добавил Олаус и сведения о древнем облике Стокгольма. «Местер Улоф» показал, что город рос, развивался спонтанно. В этом отношении Олаус пошел дальше предшественников, для которых возникновение Стокгольма сводилось к основанию этого города ярлом.

Различия между хрониками заметны и в эпизоде, где описан приезд в Швецию датской принцессы Юты, сестры королевы Со-

¹¹³ См.: SMR I. S. 16; *Ericus Olai. Chronica*. S. 78; OPSS IV. S. 68—69.

фии. В «Хронике Эрика» фрагмент выдержан в традициях куртуазного романа. Иная трактовка — у Эрикуса Олаи: Юта приехала, подстрекаемая дьяволом, чтобы ввести короля в грех. Олаус Петри не упомянул о происках дьявола, привел иную мораль: приезд Юты и ее любовь с Вальдемаром — кара свыше, наказание, которое заслужила королева София; тот, кто насмехается над другими, часто в конце концов сам оказывается в жалком положении.

Далее «Хроника Эрика» описывает встречу между сыновьями ярла Биргера. Что касается Эрикуса Олаи и Олауса Петри, то они, прежде чем рассказать о встрече, отступают от темы. Эрикус Олаи сообщает о пожаре Уппсалы, о смерти уппсальского архиепископа Лаврентиуса и о перенесении мощи святого Эрика в Новую Уппсалу. Отступление, таким образом, посвящено Уппсале — духовному центру страны. Олаус Петри в своем экскурсе воспроизводит упомянутые сведения. Но эти сведения в данном случае еще и являются поводом, чтобы поведать о старинных церквах, о древних захоронениях и о рунических камнях. Экскурс «местера Улофа» посвящен истории Швеции, а не только истории Уппсальского архиепископства.

Также и далее в «Шведской хронике» имеются отличия от хроники Эрикуса Олаи. Так, рассказывая о встрече в Трэнонесе между королем и его братом-соперником, Эрикус Олаи основывался на «Хронике Эрика». При этом он подчеркивал, что в роли миротворцев выступили епископы и особенно брат соперников епископ Бенгт. Но их усилия оказались недостаточны, чтобы противостоять козням сатаны, который поссорил братьев. Олаус Петри внес изменения: не упомянул о кознях дьявола; называл Бенгта Биргерссона светским титулом — герцог Бенгт.

Критически подошел «местер Улоф» и к рассказу предшественника о коронации Магнуса Биргерссона. Эрикус Олаи приводил две версии: согласно одной, Магнус Биргерссон короновался сразу после военной победы; по другой (восходящей к «Хронике Эрика») — несколько позже. Олаус Петри также упомянул обе версии, но отдал предпочтение той, которая присутствует в «Хронике Эрика».

Иногда расхождения вызваны различными оценками фактов. Например, в «Хронике Эрика» сказано, что Магнус Биргерссон благоволил иноземцам. Эрикусу Олаи не по душе, что правитель отдавал чужеземцам предпочтение перед шведами. А Олаус Петри не видит зазорного в том, что ко двору Магнуса, наряду со шведскими господами, устремлялась иноземная знать.

Вот пример расхождений иного характера: объяснение причин развода герцога Вальдемара с женой — дочерью Торгильса Кунтс-

сона, регента Швеции. Автор «Хроники Эрика» намекает, что причин было несколько; все их он назвать не может (jak kan them ey nw pämpna all). Хронист уверяет: супруги расстались не из-за ссор или неприязни (jak weyt at the ey skyldoss aat / fore osämyo eller ond laat). Развелись они по причине духовного родства: отец невесты оказался крестным отцом жениха. Эрикуса Олаи явно не удовлетворило такое объяснение, и он изменил порядок изложения: сначала сообщил о взятии марска под стражу, а потом уже о расторжении брака герцога и дочери марска и таким образом наметнул на связь этих событий. Олаус Петри сохранил порядок и логику и в открытую оспорил версию «Хроники Эрика». Развода, утверждает «местер Улоф», не было бы, если бы не имелось иных причин, кроме духовного родства.

Но коррективы в повествование Эрикуса Олаи «местер Улоф» вносил не всегда. Многие пассажи «Шведской хроники», повторим, воспроизводят сведения, приведенные предшественником. Это касается, например, описания женитьбы герцога Магнуса, описания битвы при Этаке, примирения Магнуса Биргера с датским королем, назначения Торгильса Кнутссона опекуном-регентом, свадьбы короля Биргера, шведско-норвежского конфликта, «Хотунской забавы» (пленения короля Биргера Магнуссона братьями-герцогами). В некоторых случаях Олаус не только пересказывал факты, но и разделял позицию предшественника. Так, в «Хронике Эрика» говорится: во время паломничества в Германию герцог Вальдемар наберёвал 800 конных воинов. Эрикус Олаи, пересказывая сообщение, иронизирует: хорош, мол, благочестивый паломник! Та же ирония присутствует в «Шведской хронике» Олауса Петри.

В ряде случаев «местер Улоф» привел сведения Эрикуса Олаи в сокращении. Так, рассказ о детях короля Вальдемара Эрикусом Олаи дан близко к тексту «Хроники Эрика». Олаус Петри передает его гораздо короче, одной фразой. Сокращениям в «Шведской хронике» подверглись и упоминания о некоторых других событиях: о походе в Карелию и основании Выборга; о коронации Биргера Магнуссона; о походе герцога Эрика в Норвегию. В числе эпизодов, пересказанных Олаусом сжато, рассказ о «Нючёпингском званом пире» (Nyköpings gästabod) — кульминации «Хроники Эрика».

Есть еще немало случаев, когда Олаус делает добавления к текстам хронистов-предшественников. Это мы видим, например, в описании конфликта герцога Магнуса и датского короля Эрика. По рифмованной хронике, причина ссоры — неуплата денег, обе-

щанных датскому королю за военную помощь¹¹⁴. Эрикус Олаи называет ту же причину. Олаус Петри принимает версию, но высказывает еще одно предположение: датские воины короля Магнуса, возможно, были недовольны платой и в отместку предали Швецию разорению. Вот другой пример. В «Хронике Эрика» дана краткая характеристика Магнуса Биргерссона как правителя и законодателя: он создал хорошие законы, укрепил мир и порядок¹¹⁵. Олаус Петри раскрывает тему, опираясь на дополнительные источники — сборники законов и статуты.

Дополнения могли возникать и оттого, что Олаус развивал мысль, высказанную Эрикусом Олаи. Автор «Хроники Эрика» с восхищением описал роскошь герцогов — сыновей Магнуса Биргерссона. Эрикус Олаи указал, какой ценой досталась роскошь: на крестьян были наложены тяжелые поборы. Олаус Петри, развивая тему, подробно рассказал о налогах короля Биргера и в связи с этим о крестьянских восстаниях как ответе на эти налоги.

В нескольких случаях Олаус использовал сведения, восходящие к «Хронике Эрика», чтобы привести назидательную мораль. Например, упоминая о конфликте Магнуса Биргерссона с датским королем, Олаус рассуждает, сколь ненадежны союзы. Пересказывая историю о том, как рыцарь Педер Порсе взял в плен короля, Олаус делает вывод: государь должен проявлять осторожность, направляясь к кому бы то ни было. Рассказывая о монастырях, основанных Магнусом Биргерссоном, Олаус хвалит правителя, но и делает оговорку: благочестие, которое проявляли государи, было подчас сопряжено с заблуждениями.

В ряде случаев Олаус опустил подробности. Например, он не рассказывает о том, как была расторгнута помолвка герцога Эрика и дочери норвежского короля Хакона. Не проявил он интереса и к рассказу «Хроники Эрика» о строительстве палат для праздничных торжеств в городе Лёдесе.

Итак, материал, использованный Эрикусом Олаи и Олаусом Петри при описании событий XIII — начала XIV века в основном восходит к «Хронике Эрика». Эрикус Олаи использовал эту хронику напрямую, Олаус Петри — по большей части опосредованно. Вместе с тем, Олаус обращался и непосредственно к рифмованной хронике. Это следует из содержания «Шведской хроники», а также из лексики, использованной Олаусом Петри. Но все же прямые заимствования носят второстепенный характер. Главный источник

¹¹⁴ Konung erik ok han the woro osatte / foret han kraffde thz sölff han honom atte.

¹¹⁵ Han gaff godhan rät i sina liffdagha / mykin frid ok starkan agha (SMR I. S. 43).

для «местера Улофа» в данном случае — хроника Эрикуса Олаи. Даже сами слова, использованные им, во многих случаях эквиваленты латинских терминов, использованных «доктором Эриком».

И Эрикус Олаи, и Олаус Петри вносили коррективы в материал, почерпнутый из «Хроники Эрика», делали добавления. Так, у первого мы видим критику источников, цитирование документальных памятников, дополнительные сведения. Изменения, внесенные вторым, еще более интересны. Благодаря его экскурсам «местера Улофа» видно, как менялось общество, обычаи, право, города. Благодаря этим экскурсам присутствуют элементы историографии уже в современном смысле слова. Вместе с тем в хрониках Эрикуса Олаи и Олауса сведены к минимуму или опущены многие красочные подробности, характерные для «Хроники Эрика»: например, куртуазные сцены, описание быта и нравов аристократии. Очевидно, что с точки зрения Эрикуса Олаи и Олауса Петри эти подробности представлялись излишними, не совпадали с их представлениями о задаче хроник и не соответствовали идеалу скромности.

В свою очередь, различия между их хрониками обусловлены разными причинами. Подчас «местер Улоф» обращался к другим источникам; иногда принципиально отказывался от некоторых мотивов, например от рассуждения о происках дьявола. Нередко описание событий у Олауса Петри короче, чем у Эрикуса Олаи, в частности при описании событий за пределами Швеции: Олауса в основном интересует внутренняя история.

«Хроника Эрика», как известно, оканчивается выразительным эпизодом избрания на трон короля Магнуса Эрикссона. Далее рассказ об этом короле ведет другая рифмованная хроника — так называемая «Связующая поэма». И Эрикус Олаи, и Олаус Петри были знакомы с этой хроникой, использовали ее, привлекая в то же время дополнительный материал и внося изменения в повествование.

Рассказ о короле Магнусе Эрикссоне — один из самых насыщенных фрагментов «Шведской хроники». В нем присутствует лучшее, что отличает ее: солидная источниковая база, внимание к традиции и в то же время критика стереотипов, хороший слог, едкая ирония, жизненная мудрость.

В средневековых памятниках образ короля Магнуса часто был противоречивым, либо негативным. Один из памятников такого рода — откровения святой Биргитты, обнародованные еще при жизни короля. Многие из них выражали интересы шведской аристократии, к которой принадлежала и сама Биргитта. Критика, которой она подвергла Магнуса Эрикссона, была в первую очередь

вызвана тем, что монарх не оправдал чаяний магнатов, не стал орудием в их руках, пытался править самостоятельно. Нападакам подверглись и политика короля, и его моральный облик. Биргитта обвинила монарха в тяжких грехах — распутстве и содомии. Король, уверяла будущая святая, прекратил супружескую жизнь с королевой; ходит слух, что он вступает в противоестественные сношения с мужчинами. И, похоже, прибавляла она, слух этот верен: король больше любит мужчин, чем Бога, душу и жену.

Биргитта утверждала: король неразумно правит: потерпел бесславное поражение, затеяв поход в Ингерманланд; опустошил казну, разорил жителей королевства, отдал Дании область Сконе, ранее отошедшую к Швеции, пренебрег обязанностями государя: блюсти право, защищать справедливость. Он совершил преступление против церкви: будучи отлучен, посещал церковную службу. Все эти проступки, уверяла Биргитта, начались, когда король отказался от услуг мудрых советников и заменил их любимцами — молодыми незнатными людьми. В отсутствие умудренных советников из высшей знати некому было оградить короля от соблазнов: он впал в гордыню, стал вести суетную, беспутную жизнь.

Обвинения впоследствии были воспроизведены во многих источниках. Древнейший из них — памфлет «Книжица о короле Магнусе Эрикссоне» — начинается с рассказа о первых годах правления Магнуса Эрикссона. В памфлете говорится: пока король был несовершеннолетним, страна благоденствовала — ведь ею управляли мудрые опекуны. Достигнув совершеннолетия, король стал править сам, но слушался советников, и в стране все обстояло благополучно. Однако Бог наказал шведов за грехи: послал зло, воплотившееся в женщине. Король Магнус женился на красавице — графине Бланке (Бланш Намюрской. — *А.Щ.*). Она дурно влияла на короля: он предался содомии, окружил себя дурными советниками, обобрал народ, впал в легкомыслие и гордыню. «Книжица» была, несомненно, создана в том же кругу, от которого исходили обвинения, высказанные Биргиттой. Памфлет повторил обвинения; виновницей перемен, происшедших с Магнусом Эрикссоном, объявлялась королева Бланка.

Следующее значительное произведение, содержащее критику Магнуса Эрикссона, появилось столетие спустя, около середины XV века. Это упомянутая выше рифмованная хроника, которую ныне именуют «Связующей поэмой»¹¹⁶. Швеции. Хроника начи-

¹¹⁶ Название связано с тем, что эта хроника заполнила лауну между «Хроникой Эрика» и «Хроникой Энгельбректа». Отечественные историки обращались к «Связующей поэме» как источнику по истории крестового похода Магнуса Эрикссона в Ингерманланд.

нается описанием благоденствия, которое царило, когда у власти находился Матс Кетильмундсон — регент при малолетнем короле. В то время как Швеция процветала, Дания, напротив, лежала разоренной войнами. Чтобы покрыть расходы, датчане отдали в залог земли, в том числе Сконе и Блекинге. Пойдя навстречу датскому королю Вальдемару IV Аттердагу, шведский риксрод выкупил вышеназванные земли, присоединив их к владениям шведской короны.

Ниже хронист упоминает женитьбу Магнуса Эрикссона на графине Бланке. Невеста, сообщает автор, была высокородна, красива, умна. Несчастья, по мысли хрониста, были вызваны не женитьбой короля, а смертью Матса Кетильмундсона. Королем, объясняет хронист, пришлось править самостоятельно. Ему следовало прислушаться к советам, которые Бог и Дева Мария давали через святую Биргитту; но король не придавал этим советам значения. Так, Дева Мария советовала королю взять в поход против русских только служилых людей из шведов и не принимать иноземцев. Но «глупец», как именует короля хронист, поступил иначе — взял в поход немцев и датчан. Одержав победу над русскими, король последовал совету союзников-немцев: отпустить русских за выкуп. Король «окрестил» русских, сбрил им бороды и отпустил восвояси. Те вернулись с огромным войском и окружили короля. Тому еле удалось спастись. И поскольку воины-иноземцы требовали плату, королю пришлось отдать земли в залог и обременить народ податями.

Этим беды не ограничились. Король возвысил некоего «своего человека» над остальными людьми. Воля этого человека исполнялась беспрекословно; пользуясь этим, он безнаказанно творил произвол. Король же нарушал вольности церкви; папа предал монарха отлучению, но тот, не обращая на это внимания, входил в церковь и срывал службу. Мало того, король отказался от сожительства с супругой, стал вести себя «хуже неразумной твари», прегрешая против природы. Члены риксрода требовали, чтобы король исправился; монарх остался глух к этим требованиям. Тогда советники Магнуса Эрикссона избрали монархами его сыновей: Эрика — королем Швеции, Хакона — королем Норвегии.

Тогда, продолжает хронист, король с королевой помирились. Сговорившись с супругом, королева отравила сына — короля Швеции Эрика. Королевство вновь присягнуло на верность Магнусу Эрикссону. Затем король в нарушение договоренности с зятем — герцогом Альбрехтом Мекленбургским, за спиной советников сосватал сыну, королю Норвегии Хакону, дочь датского короля Вальдемара Маргарету. В связи с договоренностью о браке

король Магнус, к позору для себя, отдал королю Вальдемару области Сконе и Халланд, а также грамоты на владение указанными областями. Началась распря; герцог Альбрехт вторгся в Сконе. Члены шведского риксрода обвинили короля в том, что Сконе отдана вопреки их воле. В ответ король объявил вне закона лучших людей королевства. Некоторые из них, числом 12, обрели убежище у герцога Мекленбургского.

Между тем, сообщает далее хроника, король Вальдемар с благословения короля Магнуса вторгся на Готланд, истребил множество людей, разорил город (Висбю. — *А.Щ.*) и сельскую округу. Тем временем герцог Мекленбургский и изгнанники-шведы обратились к королю Магнусу с просьбами явить милость изгнанникам, править страной достойно и вернуть Сконе. Король не внял просьбам; тогда шведские аристократы присягнули сыну герцога Альбрехта. Началась война; король Магнус был взят под стражу. Впоследствии он получил освобождение и уехал в Норвегию, где провел остаток жизни.

Об этих событиях рассказывает и хроника Эрикуса Олаи, созданная примерно в 60-е годы XV века, т.е. спустя некоторое время после «связующей поэмы». Работая над хроникой, Эрикус Олаи использовал «Связующую поэму», откровения Биргитты и «Книжицу о короле Магнусе Эрикссоне». «Доктор Эрик» присоединился к критике монарха, но сделал ряд оговорок. Магнус Эрикссон имел в глазах «доктора Эрика» определенные достоинства: это был король-швед, а значит, все-таки лучше, чем иноземец. Не случайно хронист подробно воспроизвел описание выборов короля, почерпнутое из «Хроники Эрика» и подчеркнул, что избрание было единодушным. По средневековым представлениям, это свидетельствовало о том, что через собравшихся действовал Святой Дух. Король Магнус являлся, таким образом, избранником Божиим.

Все же, правление и нравственный облик этого короля Эрикус Олаи описал, используя негативные характеристики. Хронист воспроизвел прозвище короля, данное святой Биргиттой: «Коронованный осел». «Доктор Эрик» присоединился к обвинениям в мужеложстве и предположил: вероятно, в противоестественную связь с королем вступали высшие духовные лица.

Эрикус Олаи осудил политику, которая привела к территориальным потерям и к разорению страны. Осуждению подверглись и отношения с магнатами. Король Магнус, по версии «доктора Эрика», ненавидел советников, вступил в сговор с королем Вальдемаром, чтобы истребить государственных советников и в Швеции, и в Дании.

Как и автор «Связующей поэмы», Эрикус Олаи заключил: король Магнус пренебрег даром Божиим и потому сбился с пути. Вину Эрикус Олаи возложил на датского монарха Вальдемара Аттердага: этот король уподобился развратнице, соблазнившей неопытного юношу. Посулами, угрозами, лестью он выманил Сконе у короля Магнуса.

Таковы основные описания Магнуса Эрикссона, присутствующие в шведских источниках¹¹⁷. Хроники меньшего объема — «Прозаическая хроника», «Малая рифмованная хроника» — почти ничего не добавляют к этим портретам, разве что хлесткую фразу: король Магнус «пропил Сконе».

Олаус Петри, повествуя о Магнусе Эрикссоне, опирался на хронику Эрикуса Олаи, но принял во внимание и описания упомянутого короля в «Связующей поэме», «Книжице», Откровениях Биргитты, малых хрониках, законах, актовом материале. Об избрании Магнуса на трон Олаус упомянул кратко. Ни пространные (и несколько двусмысленные) дифирамбы «Хроники Эрика», ни рассуждения Эрикуса Олаи о том, что избрание короля было даром с небес, «Шведская хроника» не воспроизводит. Отмечено, что покуда король оставался несовершеннолетним, страной управлял регент — герр Матс. Упомянул хронист и о том, что в правлении участвовала герцогиня — мать короля. Рассказано об истории временного перехода Сконе под власть шведской короны; подробно (в том числе по документам) сообщено о выплаченных суммах и об условиях передачи Сконе.

Как и предшественники, Олаус сообщает (впрочем, кратко), что, покуда правил герр Матс Кеттильмундссон, в Швеции все обстояло благополучно. Упомянул хронист и о женитьбе короля на Бланш Намюрской — и тоже кратко, без комментариев. Далее перечислены деяния короля Магнуса: основание доминиканского монастыря, правовые нововведения. Затем, продолжает Олаус, король возмужал и стал править самостоятельно; со временем

¹¹⁷ Как известно, существует также древнерусский памятник XV века, содержащий любопытные дополнения к образу Магнуса Эрикссона: апокрифическое «Рукописание короля Магнуша». Король Магнус (якобы постригшийся в монахи православного монастыря) напоминает соотечественникам-шведам о поражении ярла Биргера, марска Торгильса и самого короля Магнуса, выступивших в поход на Русь в нарушение крестного целования (которым скреплялись договоры). Король предупреждает: «не наступайте на Русь на целование, занеже нам не пособляется». «Рукописание» обрело популярность в русской и, до какой-то степени, в немецкой среде (сохранился немецкий перевод). Но в Швеции оно, по-видимому, не было известно. Подробно об этом памятнике см.: *Накадзава А.* Рукописание короля Магнуша. Исследования и тексты. СПб., 2003.

положение в стране ухудшилось. Причина, объясняет Олаус, заключалась в том, что король стал благоволять молодежи и пренебрегать стариками, чего делать не следует: у стариков есть опыт, которого молодежь не имеет.

Рассказывая о крестовом походе Магнуса Эрикссона против русских, Олаус воспроизвел эпизод, содержащийся в хронике Эрикуса Олаи и в «Связующей поэме». Однако хронист-реформатор разошелся с этими источниками в оценке откровений Биргитты, которая объясняла, как осуществить поход. Олаус считал: Магнус Эрикссон поступил справедливо, сочтя эти откровения за пустую болтовню, бабьи бредни (*löst qwinno snack*). После рассказа о походе и о его неудаче приведены сведения о заключении русско-шведского договора, о дошедшей до Швеции эпидемии чумы, о реформе торговых пошлин.

Затем Олаус вернулся к вопросу о правлении Магнуса Эрикссона. Он сообщил, что король по слухам, стал вести себя непотребно. Сведения о том, что король не желал исправиться, Олаус также привел с оговоркой: так сообщают хроники. Короля Магнуса, пишет «местер Улоф», обвиняли во всевозможных злодеяниях; но как было на самом деле — «то видит Бог, который им всем судья». Олаус перечислил обвинения святой Биргитты в адрес Магнуса Эрикссона, но не высказал доверия. Хронист был убежден: чем больше по этой части старалась святая Биргитта, тем меньше верится в справедливость обвинений.

Но следовало понять, почему эти обвинения возникли. Олаус рассудил: одна из причин заключалась в том, что король притеснял духовенство — взыскал в свою пользу налог, отчисляемый в пользу римской курии, взял под стражу епископа, посещал богослужения, будучи отлучен от церкви. Главная же причина, указывает Олаус, такова: король пренебрег знатью и старыми людьми, приблизил молодых людей низкого происхождения, вызвав гнев риксрода и остальной знати.

Рассказ Олауса Петри о Магнусе Эрикссоне подробно проанализирован современными историками Г. Вестином и У. Фермом. Вестин обратил внимание: Олаус Петри не разделял представления Эрикуса Олаи о богоизбранности Магнуса. Над королем, по мнению «местера Улофа», тяготело проклятие, которое заслужили предшественники — герцоги, шедшие к власти по трупам противников. Отчасти поэтому Олаус так кратко описал избрание короля.

Вестин отметил, что Эрикус Олаи и Олаус Петри по-разному относились к откровениям Биргитты. Эрикус Олаи доверял откровениям, использовал их как источник, а Олаус, внимательно их

изучив, решительно от них отмежевался¹¹⁸. Вестин подчеркнул, что Олаус Петри видел причину обвинений, возводимых на Магнуса Эрикссона, в конфликте короля с магнатами. Этот конфликт, по мнению автора, побудил короля искать союзника в лице датского монарха, что привело к потере Сконе. Итак, Олаус преодолел традиционное для его времени представление о Магнусе Эрикссоне как о легкомысленном, безвольном короле: действия монарха получили разумное объяснение. Все же ни король, ни его противники не являлись в глазах хрониста положительными героями. Над всеми этими людьми, по мысли «местера Улофа», тяготело проклятие — возмездие за совершенные злодеяния¹¹⁹.

Если Вестина в первую очередь интересовали методы и заключения Олауса Петри как историка, то Ферму интересна прежде всего его позиция, принципы. По Ферму, Олаус Петри, осмыслив позднесредневековые сочинения, критически отнесся к материалу, рассмотрел источники с новых позиций. Олаус пришел к выводу, что критика Биргитты предвзята, обусловлена неприязнью к королю. Олаус показал: король имел основания не прислушиваться к советам: в истинности откровений сомневались многие, поскольку Биргитта еще не была канонизирована; к тому же многие ученые мужи воспротивились и расценили откровения как бред. По мнению Ферма, рассказ «местера Улофа» о Магнусе Эрикссоне показывает, что «Шведская хроника» — произведение, каких в Швеции ранее не было.

Все же заключение Ферма (применительно к данному отрывку и к хронике вообще) можно принять лишь с оговорками. Фрагмент, повествующий о правлении Магнуса Эрикссона, показывает, что Олаус Петри находился на полпути от средневековой хронистики к научной историографии. В самом деле, некоторые утверждения предшественников Олаус воспроизвел, следуя традиционным представлениям. Так, он принял на веру утверждение, что Швеция благоденствовала в правление регента Матса Кеттильмундссона, хотя это утверждение все-таки носило пропагандистский характер. Другой пример: пусть характеристика датского короля Вальдемара Аттердага Олаусом Петри несколько смягчена, но все же в основном повторяет характеристику, данную Эрикусом Олаи.

Бесспорно, Олаус обогатил, расширил представления о Магнусе Эрикссоне, используя актовый материал. Вместе с тем, обнаружив противоречия между нарративными и документальными памятниками, Олаус попытался согласовать, объединить сведения.

¹¹⁸ Westin C.T. *Histoireskrivaren Olaus Petri*. S. 51–53, 277–280.

¹¹⁹ Ibid. S. 54–56.

Такой подход к материалу был еще далек от критики источников в современном смысле слова.

Даже выступив с критикой традиции, Олаус отдал ей известную дань. Действительно, рассуждая о моральном облике короля, автор «Шведской хроники» отметил, что критика монарха носила предвзятый характер и что сведения о его нравственности противоречивы. Но все же Олаус допускал, что негативные представления о короле отчасти справедливы. Более того, он разделял подобные представления. Подводя итог жизни короля, Олаус замечает: «нелепо он жил, нелепо и умер».

Следует отметить и деталь, которую Ферм явно упустил из виду. В ранних редакциях «Шведской хроники» описание прегрешений Магнуса Эрикссона дано в более традиционной форме, без оговорок и критических суждений, известных из поздней, пространной версии хроники. Согласно ранней версии, король предался распутной жизни; бросил супругу; довел себя до непотребства, о котором неприлично упоминать. Итак, мы вновь убеждаемся: Олаус Петри, при всем его новаторстве, был не чужд старых представлений об истории. И к качественно новым выводам автор пришел не только благодаря новым взглядам на историю, но и благодаря работе над текстом, благодаря накоплению опыта. Совершенствуя произведение, он внимательно изучил источники и внес коррективы в свое повествование и в традиционные представления.

* * *

В 1397 году произошло важнейшее событие в позднесредневековой истории Скандинавских стран. В Кальмаре, в связи с коронацией на шведский и датский престол юного монарха Эрика Померанского была создана уния трех королевств — Дании, Швеции и Норвегии. Сегодня этот факт воспринимается как очевидный. Но многим современникам унии (и их ближайшим потомкам) он остался мало известен либо подчас не совсем понятен. Соглашение о вечной унии трех королевств было заключено при не вполне ясных обстоятельствах, не было оформлено надлежащим образом, не всеми было одобрено. Думается, не случайно нарративные памятники, созданные в Скандинавских странах со времени заключения унии до начала XVI века, как правило, не сообщали о вечном союзе скандинавских королевств. В этом отношении Олаус Петри стал новатором — первым историком, подробно рассказавшим в своей хронике о документально оформленной унии трех скандинавских государств. Уже поэтому «Шведская хроника» представляет интерес как источник по истории унии.

Как известно, Кальмарская уния представляла собой отнюдь не только формальный союз; в первую очередь, она являлась фактическим объединением. О реальном союзе скандинавских королевств предшественники писали немало. Олаус Петри взял лучшее, что имелось у предшественников, но добавил важное усовершенствование. Он изменил представление об унии, отказался от стереотипов, идеологических штампов, по сути предвосхитил достижения историографии Новейшего времени (и повлиял на эту историографию).

Впрочем, и в данном случае Олаус многое позаимствовал у Эрикуса Олаи. Так, «Шведская хроника» воспроизводит сведения «доктора Эрика» о том, как король Альбрехт притеснял шведов, наводнил страну немцами, раздал им шведские замки, выдал замуж за немцев видных невест. Но опять же «местер Улоф» использовал дополнительные источники. Например, описывая переговоры магнатов с королем, Олаус обращался к «Связующей поэме». Далее, рассказывая о налогах, введенных королем Альбрехтом, автор «Шведской хроники» привел новые сведения, не встречающиеся у предыдущих хронистов.

В общей оценке короля Альбрехта у Олауса Петри много общего с Эрикусом Олаи. Король-иноземец изображен в «Шведской хронике» угнетателем, который радел о соотечественниках-немцах, а шведам причинял страдания. Но негативные характеристики личности короля, которые приводит Эрикус Олаи, у Олауса Петри смягчены. Логика Олауса более исторична, рациональна: он считал, что вообще плохо находиться под властью чужестранца, поскольку тот приводит иноземцев, приносит чужие обычаи, благоволит землякам, а не уроженцам подвластной страны.

Традиции и новшества присутствуют в «Шведской хронике» и в изображении основательницы унии — Маргареты (или Маргреты), Олаус подчеркивает, что Маргарета воспользовалась трудностями шведов. Но он не воспроизводит расхожую мысль о том, что Маргарета коварно завлекла шведов в свои сети.

Рассказывая о правлении Маргареты I, Олаус продолжает ту же линию: использует материал Эрикуса Олаи и других предшественников, но корректирует и дополняет его. Олаус критикует Маргарету, соглашается, что Маргарета хотела истощить Швецию, навек подчинить ее датчанам. Но в эпизоде, где говорится об избрании преемника, обнаруживается новшество «местера Улофа». По Эрикусу Олаи, Маргарета возвела на трон Эрика Померанского, чтобы увековечить рабство шведов. Олаус Петри не разделяет такую точку зрения: по его версии, Маргарета просто подыскала преемника.

Различия присутствуют и в изображении Маргареты как личности и как правительницы. Эрикус Олаи в своей хронике сгустил краски: датчане, дескать, почитают Маргарету как святую, а по мнению шведов, ей надлежит гореть в аду. Олаус Петри выражается более сдержанно: датчане восхваляют Маргарету, но шведам ее не за что хвалить. И словно присоединяясь к авторам рифмованных хроник, Олаус отдает должное уму Маргареты. Так, благодаря удачной редакции, сдержанности характеристик, обращению к разнообразным источникам, Олаус достигает убедительности: описание Маргареты в его хронике не вызывает принципиальных возражений и с точки зрения современных историков.

Итак, Олаус Петри первым из хронистов рассказал о создании Кальмарской унии. Содержание союзного договора Олаус изложил не вполне точно. Но ряд его условий «Шведская хроника» передала верно: должен быть общий король, совместно избираемый представителями трех стран; каждое королевство сохраняет свое название, законы и обычаи; между государствами заключается военный союз. Цель унии, пояснил Олаус, заключалась в том, чтобы установить прочный мир и согласие между королевствами. Но надежды, отметил хронист, оказались тщетными: условия унии не были полностью соблюдены, союз оказался неравноправным, приносил выгоду лишь датчанам.

Эрика Померанского шведские хронисты — и Эрикус Олаи, и Олаус Петри — изобразили в своих сочинениях как истинного преемника Маргареты, продолжателя ее политики. Но и здесь акценты различаются. Согласно Эрикусу Олаи, цель короля Эрика — погубить шведов, причинить им зло. А по версии Олауса Петри, политика Эрика Померанского — это, скорее, закономерная политика короля унии, выгодной для датчан и невыгодной для шведов. Олаус опустил ряд уничижительных характеристик, данных королем Эрикусом Олаи. Не разделял «местер Улоф» и мнение предшественника о том, что Эрик Померанский вел внешние войны, чтобы погубить свое войско. По версии Олауса, пагубность политики короля Эрика явилась следствием неравноправной унии.

«Местер Улоф» пересмотрел и традиционный для шведских хроник героический образ Энгельбректа Энгельбректссона — вождя народного восстания. Правда, сам материал не нов: изложение истории восстания компилятивно, основано на хронике Эрикуса Олаи и отчасти на рифмованной «Хронике Энгельбректа». Новаторство заключалось в оценке движения и его вождя. Олаус, внеся в текст, казалось бы, небольшие поправки, изменил образ Энгельбректа, лишил его героического ореола. Энгельбрект предстает в «Шведской хронике» как бунтовщик, мятежник, действия

которого нельзя оправдать. Трагическая смерть Энгельбректа являлась, по мысли хрониста, справедливым воздаянием за мятеж против законных властей.

Противоречив у Олауса Петри и образ Карла Кнутссона — регента, а затем короля Швеции. Впрочем, многое тут заимствовано у Эрикуса Олаи. Именно он первым подчеркнул, что Карл Кнутссон оказал покровительство убийце Энгельбректа, запретил его наказывать. Именно Эрикус Олаи подверг резкой критике внутреннюю политику Карла Кнутссона: тот добился могущества, собрав под своим началом служилых людей, которых переманил у магнатов; спровоцировал недовольство рыцарей, которые не получали земель и ленов; вероломно расправился с бывшими соратниками. Вместе с тем, Эрикус Олаи отметил и достоинства Карла Кнутссона: он был умен, находчив, искусен в речах.

Эти характеристики воспроизведены в «Шведской хронике» Олауса Петри. Политический портрет Карла Кнутссона в «Шведской хронике» в основном тот же, что в хронике Эрикуса Олаи: правитель забрал лучшие лены, учил рыцарей «не вытягивать ног дальше, чем хватает шкуры», переманивал чужих людей, убрал с дороги противников... Приведены и положительные характеристики, которые дал Карлу Кнутссону Эрикус Олаи. Наконец, встречается и мотив из рифмованной хроники: судьба Карла Кнутссона показывает, как переменчиво счастье. В то же время, критика Карла Кнутссона у Олауса Петри более жестока, чем у предшественников. По «Шведской хронике», все правление Карла Кнутссона было временем усобиц; Швеция страдала вдвойне — и от внешних войн, и от внутренних.

Нетрадиционными, новаторскими являются у Олауса Петри рассуждения о судьбе унии. Рассказав о создании союзной монархии, автор хроники объяснил и причины ее распада. Он показал, что Эриком Померанским было недовольно не только шведское, но и датское рыцарство: ведь монарх хотел отдать Данию под власть своего кузена — померанского герцога, отобрал у датских магнатов замки и отдал в лен немцам. В конце концов, Эрик Померанский был низложен во всех трех странах. Тогда встал вопрос о возобновлении унии¹²⁰. Шведы, указывает Олаус, не возражали против союза, но не хотели иметь общего короля с датчанами и норвежцами. Причина, объясняет «местер Улоф», заключалась в политике датских правителей, которые не считали себя связанными договором, желали свободы действий¹²¹.

¹²⁰ OPSS IV. S. 174.

¹²¹ OPSS IV. S. 178.

Олаус объясняет, на каких условиях шведы соглашались признать своим королем нового государя — короля Кристофера. Должны соблюдаться законы, привилегии и обычаи страны. Замок и лены следует давать шведам (и то лишь с согласия государственного совета Швеции). Верховные права на замок не должны принадлежать узкой группе высших должностных лиц страны¹²². Когда король пребывает в Швеции, его придворными должны являться шведы. Налоги следует взимать товарами; излишки надлежит передавать в ведение особых должностных лиц¹²³.

Правление короля Кристофера Олаус вслед за Эрикусом Олаи оценивает как пагубное для Швеции: король наложил непомерный побор; ставил немцев выше шведов и датчан; лены то и дело переходили из рук в руки; в Швеции царил голод, много людей умерло¹²⁴. В то же время и в данном случае в «Шведской хронике» присутствуют новые черты. Так, в поле зрения хрониста — преимущественно шведская история; пассажи, касающиеся внешней политики (которых много у Эрикуса Олаи) у Олауса Петри сведены к минимуму. Негативные характеристики короля Кристофера, которыми изобилует хроника «доктора Эрика», у Олауса подчас смягчены, а местами опущены.

Правда, Олаус воспроизвел традиционные обвинения касательно морального облика короля: король, мол, вел порочную жизнь; за грехи монарха Бог наказал подданных, послав неурожай. Однако автор «Шведской хроники» не уверен, что обвинение справедливо. В любом случае, заявляет он, люди в свою очередь заслужили кару, которую послал Бог¹²⁵. По-новому, Олаус объяснил, почему оказалось пагубным правление короля Кристофера. По Эрикусу Олаи, беда заключалась в том, что на трон взошел иноземец, датчанин. По Олаусу Петри, бедствия шведов вызвала неравноправная уния.

Тему унии Олаус затрагивает и далее. Он упоминает о «съезде господ», который состоялся в Стокгольме после смерти короля Кристофера. Часть магнатов, сообщает «местер Улоф», настаивала на том, чтобы совместно с датчанами и норвежцами избрать общего короля — в соответствии с соглашением об унии. Другие участники встречи (включая Карла Кнутссона) считали, что союз сам собой распался: ведь он оказался выгоден только одной из стран-участниц и вреден для двух других королевств¹²⁶. Упоминает

¹²² Как официальным лицам, представляющим королевство.

¹²³ OPSS IV. S. 181–182.

¹²⁴ OPSS IV. S. 184–185.

¹²⁵ OPSS IV. S. 185.

¹²⁶ OPSS IV. S. 186–187.

Олаус и о том, что часть шведских аристократов вступила в сговор с королем Кристианом I, стремясь возродить единую монархию на условиях, изложенных в договоре об унии¹²⁷. Таким образом, Олаус Петри показал: позднесредневековая аристократия Швеции не являлась единой, была расколота на сторонников и противников унии. Из текста «Шведской хроники» следует, что единства не существовало и среди простых людей. Так, во время вторжения Кристиана I в Юго-Западную Швецию на сторону указанного короля перешли не только фрельсисманы-ленники, но и простой народ: местные жители устали от притеснений со стороны фогдов Карла Кнутссона¹²⁸.

Еще один крупный сюжет, рассмотренный в «Шведской хронике» — внутренняя политическая борьба между шведскими аристократами в середине XV века. В «Шведской хронике» показано, как аристократы в борьбе друг с другом старались опереться на народные массы, соперничали друг с другом в политической демагогии, так что простые люди не знали, кому и верить. Мы видим, что аристократы, извлекая выгоду из народного недовольства, использовали простых людей в качестве военной силы. Вследствие этого движения народных масс проходили под руководством магнатов, служили в первую очередь их целям.

Борьба за замки и лены, за земельные владения и другие богатства, за привилегии и свободы продолжилась в «эпоху Стуре». Изображение этой эпохи в хронике Олауса Петри интересно и в значительной степени самостоятельно. Хроника Эрикуса Олаи события «эпохи Стуре» не затрагивает. Поэтому у «местера Улофа» в данном случае не имелось опорного текста первостепенной важности. Правда, часть материала «местер Улоф» позаимствовал из «хроник Стуре». Но во многом концовка хроники самостоятельна. Подчас это самостоятельное повествование содержало дерзкий вызов властям и господствующей идеологии. Один из ярких примеров — упомянутое описание выборов Стена Стуре Старшего: герр Стен устроил собрание с участием бюргеров и бондов, щедро угостил бондов пивом и так добился, что его избрали правителем.

Историчным, близким к жизни стало в «Шведской хронике» изображение битвы при Брункеберге¹²⁹. По сравнению с описанием битвы в «Хрониках Стуре» повествование Олауса просто, реалистично, свободно от пафоса, от упоминаний о вмешательстве внешних сил. Подчеркнут факт, на котором много лет спустя, в XX веке, заостряли внимание историки: на стороне датского ко-

¹²⁷ OPSS IV. S. 191.

¹²⁸ OPSS IV. S. 192.

¹²⁹ OPSS IV. S. 240–243.

роля сражались не только датчане и другие иноземцы, но и шведы. Битва стала вехой в борьбе двух скандинавских коалиций.

Олаус Петри уделил внимание и программному документу позднесредневековой аристократии — Кальмарскому рецессу 1483 года. Хронист указывает: шведы убедились, что короли-иноземцы не выполняют обещания. Поэтому шведы потребовали, чтобы король официально принял на себя множество обязательств. Примечательно, как Олаус трактовал историю создания рецесса. Как известно, по договоренности магнатов, короля Ханса надлежало провозгласить шведским и норвежским королем на встрече в Хальмстаде. Стен Стуре Старший направился на встречу, но по дороге у него (по официальной версии) случился приступ глазной болезни. Шведский регент на встречу не явился, и вопрос о признании Ханса был отложен. Олаус Петри усомнился в правдивости версии. Возможно, считал хронист, приступ был просто отговоркой¹³⁰. Как бы то ни было, показателен скепсис «местера Улофа», его сомнения по поводу официальных объяснений.

Олаус хорошо разбирался в «Эпохе Стуре», прежде всего в присущих ей механизмах власти. В «Шведской хронике» мы видим: регенты Стуре опирались на дворян-ленников и бюргеров (особенно бюргеров Стокгольма), а также на бондов. В этом контексте, без прикрас, трактует «Шведская хроника» приход к власти последнего из регентов той эпохи — Стена Стуре Младшего.

«Шведская хроника» завершается рассказом о «Стокгольмской кровавой бане» — расправе короля Кристиана II над шведскими оппозиционерами. Хроника содержит ценные сведения о расправе: обстоятельства, при которых был вынесен приговор, описание казни, перечень казненных дворян и бюргеров. Описал Олаус и предысторию «Стокгольмской кровавой бани»: конфликт архиепископа Густава Тролле и регента Стена Стуре младшего, вторжение в Швецию датского короля Кристиана II. И вновь мы видим присущее автору «Шведской хроники» стремление к объективности. Так, Олаус отказался от традиционного изображения Густава Тролле как изверга, запретившего хоронить шведских воинов по христианскому обряду. Присутствуют и элементы научного анализа. Так, вывод о том, что за несколько лет до «Стокгольмской кровавой бани» раздавались многочисленные призывы к примирению Густава Тролле и Стена Стуре, сделан на основании обширных эпистолярных источников.

Мнение автора «Шведской хроники» относительно причин «Стокгольмской кровавой бани» в целом таково. Ноябрьские со-

¹³⁰ OPSS IV. S. 244–245.

бытия 1520 года были отчасти вызваны враждой правителя и архиепископа, не пожелавших пойти на примирение. Но главным виновником трагедии являлся король Кристиан II. При помощи вероломных обещаний он овладел Стокгольмом и всей Швецией, а затем, используя в качестве предлога жалобу архиепископа (добивавшегося возмещения понесенного ущерба), казнил множество людей, в том числе ни в чем не повинных.

В целом, описание «Стокгольмской кровавой бани» у Олауса не только подробно, но и убедительно. Не случайно многие историки Нового времени отдавали должное рассказу «местера Улофа», соглашались с ним в оценке событий. По сути, «Шведская хроника» — главный источник по истории стокгольмской трагедии 1520 года.

* * *

Таково повествование Олауса о позднесредневековой шведской истории. В нем, как и вообще в «Шведской хронике» и многих других произведениях Олауса, сочетаются традиции и новации, старые и новые взгляды и суждения. В сущности, перед нами — опыт ученого исследования истории Швеции. Для нас представляют интерес и предмет этого исследования, и сам автор с его объективностью, правдивостью, умом и простым, красивым, убедительным слогом.

VII. ИДЕИ «ШВЕДСКОЙ ХРОНИКИ»

«Я жалею, что не занимался историей или поэзией», — признался однажды Лютер. Олаус Петри, как и Лютер, являлся поэтом лишь в ограниченном смысле этого слова. Его стихи были прикладными: духовные гимны, нравоучительные поэмы; многие представляли собой перевод с немецкого или латыни. А вот историком Олаус оказался сильным, самобытным.

Правда, «местер Улоф» считал свой труд весьма скромным. «Но вот и я занялся составлением одной небольшой хроники из других», — писал он во введении¹³¹. Легко убедиться, что эта «небольшая» хроника на самом деле произведение весьма крупное. Определение «*liten*» («небольшая», «малая») в данном случае не следует понимать буквально. Именовать свои труды малыми, скромными, использовать уменьшительные формы: «книжечка», «произведеньице» — было принято еще в глубокой древности. Так поступали и многие средневековые авторы, в частности Эрикус

¹³¹ OPSS IV. S. 2.

Олаи: он называл свою книгу небольшим трудом, «произведением» (лат. *opusculum*). Лютер, который служил для Олауса учителем и образцом, несколько своих трудов назвал «книжечками». Конечно, Олаус Петри в данном случае просто следовал традиции. Сложнее обстоит дело с утверждением Олауса о том, что он составил свою хронику из других, т.е. создал компиляцию. В действительности, как мы уже убедились, его сочинение лишь отчасти компилятивно, а отчасти — это самостоятельное произведение. В этой связи интересно, что Эрикус Олаи также оценивал свою хронику как «*compendium*» («компендиум», «свод»)¹³².

Как уже неоднократно отмечалось, Олаус следовал предшественникам, но привнес и много нового. При этом в отличие от «доктора Эрика» Олаус проявил себя не только последователем других авторов, но и новатором. Он стремился писать по-новому, прежде всего беспристрастно: цель историка — истина. Символично, что в ранней редакции хроники, в посвящении к читателю «местер Улоф» желает читателям именно «знания истины» (*sanningens kunskap*).

«История — учительница жизни...» Широкую известность эта мысль получила благодаря крылатым словам Цицерона. Но о том, что историк должен дать читателю полезные поучения, писали и другие классики — Фукидид, Полибий, Тит Ливий. Усвоили эту идею и ренессансные сочинители. Нередко эта идея присутствовала и в трудах средневековых хронистов. Для образованных шведов около середины XVI века принцип «*Historia — magistra vitae*» был уже привычен. Эпиграф в кодексе D 407, где содержится важнейший список «Шведской хроники», может служить тому подтверждением. Король Густав Васа заявил в одном из писем, что цель хрониста — полезное поучение. Показательно, что в 40—50-е годы XVI века библиотека королевской семьи пополнилась множеством исторических произведений и вообще ученых трудов. В частности, были закуплены книги Иосифа Флавия, Плутарха, Птолемея, Светония, собрание сочинений Цицерона.

Но для шведской историографии принцип дидактизма, провозглашенный Олаусом, был еще новшеством; в средневековых хрониках Швеции он не выдвигался в качестве программного. Написанная в XIV веке «Хроника Эрика», по словам хрониста, создавалась, дабы поведать о государях (*herra och första*), их деяниях и судьбах, и заодно развлечься. Рифмованные хроники XV века сочинялись ради сведений о политической борьбе, в особенности против датских государей. Эрикус Олаи считал своей зада-

¹³² Схожую оценку дал своему труду автор «Прозанической хроники». См.: SRS I. S. 240.

чей написать историю архиепископов и правителей, возвеличить церковь и страну. Автор «Прозаической хроники» полагал, что его цель — написать о древних готах и их потомках. Дидактический же принцип, как программный, в шведской историографии впервые выдвинул Олаус Петри. Как он пришел к этому принципу, кто на него повлиял?

Г. Вестин в своей фундаментальной монографии специально не рассматривал этот вопрос, но попутно показал, что некоторые фрагменты «Шведской хроники» могли быть написаны под влиянием древних авторов: Тацита (с комментариями Меланхтона), Плутарха и Тита Ливия. В более поздней работе Вестин дал общую оценку Олауса Петри в качестве хрониста: историк-реформатор, испытавший влияние гуманизма.

Принципы Олауса как историка специально рассмотрены в монографии У. Ферма. Он причисляет хронику «местера Улофа» к так называемой «прагматической историографии», для которой характерны следующие признаки: 1) историк разъясняет мотивы, которыми руководствовались исторические деятели; 2) историк пишет, чтобы труд был полезен современникам и потомкам¹³³. Хроника Олауса Петри соответствует указанным критериям. Это видно уже из вступления: «Бог... устроил так, что жизнь и правление тех, кто некогда жил в этом мире, надлежит описывать, ради исправления и предостережения их потомков, дабы те могли узнать, какие начинания сопровождаются успехом, а какие — неудачны и ведут к дурному исходу»¹³⁴. Для Олауса важны причинно-следственные связи: «...Истории, сиречь хроники, следует писать так, чтобы в них... излагалось, от каких причин произошли беспорядки и войны, и каким образом был сохранен мир и покой...»¹³⁵ Польза «прагматической» истории основана на том, что человеческая природа неизменна, неизменно и все общество: «мир не меняется». Эта мысль витала в воздухе: похожие идеи высказывал, скажем, Макиавелли.

Польза, рассуждает Олаус, возможна только если историк беспристрастен. В трудах предшественников, по мнению «местера Улофа», дело обстоит иначе: «...Многое было написано людьми пристрастными. Такие люди возвышали тех, чьей стороны держались, и как можно более принимали их противников; истина же... оказывалась в пренебрежении»¹³⁶. Задача историка — стремиться к истине. Идея была стара: еще Цицерон считал, что историк дол-

¹³³ См.: *Ferm O. Olaus Petri och den heliga Birgitta*. S. 37.

¹³⁴ СЕ. Вып. 6. С. 275–276.

¹³⁵ Там же. С. 276.

¹³⁶ Там же.

жен избегать неправды. Предшественник и учитель Олауса Меланхтон неоднократно цитировал высказывание Полибия: «Око истории — истина». В связи с этим стремлением к истине историки эпохи Возрождения боролись с тенденциозными построениями, разоблачали фальшивки. Нечто подобное совершил Олаус Петри, выступив с критикой гетицистских идей.

Сложен вопрос: какие историки повлияли на Олауса Петри. Возможно, здесь отразились идеи Меланхтона: историю полезно изучать, история — основа всех наук: ведь все впечатления выстроены во времени, в хронологическом порядке, и сохраняются в памяти. Не случайно, подчеркивал Меланхтон, древние полагали, что музы были рождены памятью¹³⁷. В 1539 году Меланхтон обнаружил сочинение, в котором доказывал: история нужна, поскольку включает в себе знание о мире, созданном Богом. Меланхтон учил, что историк должен выявить причины и предпосылки событий; тогда будет видна связь между Богом и творением. Для этого требуется критическое отношение к источникам. Нужно выявить истину; только правдивые исторические труды заслуживают, чтобы их читали. В одной из лекций Меланхтон подчеркивал: события прошлого следует изучать, поскольку в них отражается воля Бога; Богу угодно, чтобы мы знали исторические труды. Схожие рассуждения присутствуют в «Шведской хронике» Олауса Петри¹³⁸.

Ферм показывает: в отношении взглядов на историю между Меланхтоном и Олаусом Петри имелись и различия. Меланхтон в роли историка достаточно пристрастен: его труды подчинены религиозным идеям. Хроника Олауса более исторична, его объяснения событий более разнообразны. По наблюдениям Ферма, по сравнению с Меланхтоном Олаус Петри более тонкий, объективный историк, обладающий более широким кругозором; пусть Меланхтон превосходил Олауса как ученый-универсал, зато Олаус оказался сильнее в качестве историка¹³⁹.

По мнению Ферма, образцами для Олауса Петри могли служить и античные историки. Особенно показательно сравнение с Полибием. И Полибий, и Олаус утверждали: исторические труды следует изучать для пользы, а не ради развлечения. История учит правильно поступать, не повторять чужих ошибок. Оба историка считали: важно выяснить причины событий, мотивы, которыми руководствовались люди. Оба считали, что исторические труды должны быть правдивы: иначе это бесполезные побасенки. И По-

¹³⁷ Согласно мифу, Мнемозина, богиня памяти, забеременела от Зевса и родила девять дочерей — муз.

¹³⁸ *Ferm O. Op. cit. S. 112–115.*

¹³⁹ *Ibid. S. 116.*

либий, и Олаус Петри считали, что историк должен быть беспристрастен. Оба отличались строгостью по части отбора источников, отказывались использовать древние сказания как исторический материал¹⁴⁰.

Ферм, в то же время, не уверен, что образцом для Олауса являлся именно Полибий: подобные мысли высказывались, опять же, и другими историками. Кроме того, Олаус мог заимствовать идеи не только у античных и ренессансных историков. Пример тому — цитата из Нового Завета: «Все, что писано было прежде, написано нам в наставление».

Многие доводы, приведенные Фермом, представляются убедительными. В то же время с отдельными утверждениями шведского историка можно не согласиться. Это, в частности, касается выводов, сделанных автором в первой главе монографии. Так, по Ферму, Олаус Петри требует, чтобы действия исторических лиц оценивались в категориях той эпохи, когда они жили¹⁴¹. Получается, будто «мистер Улоф» рассматривал прошлое с позиций, характерных для многих историков нашего времени. Это, конечно, неверно. Другое дело, что Олаус в ряде случаев порывал со стереотипами или с тенденциозными построениями, стремился вникнуть в прошлое глубже¹⁴². Неудачно и высказывание Ферма о том, что Олаус требовал «эмпирических доказательств». Как правило, в спорных, сложных случаях Олаус просто отдавал предпочтение версии, которую считал наиболее правдоподобной.

Некоторые возражения возникают при знакомстве с рассуждениями Ферма о том, как в Олаусе Петри сочетается историк и реформатор. В богословском творчестве Олауса Петри подчас присутствовали исторические аргументы. В свою очередь, было ли важно для «Шведской хроники» то, что автор — реформатор? Вестин и Ферм ответили на этот вопрос утвердительно¹⁴³. Однако в данном случае они не привели сколь-либо веских аргументов. В своей главной монографии Вестин вообще не касался указанного вопроса. В поздних, менее фундаментальных работах Вестин подчеркнул, что хроника Олауса Петри — произведение религиозного новатора, но не привел серьезных доказательств этого тезиса. Ферм, с одной стороны, ссылается на мнения Вестина, с другой — основывается на соображениях общего характера. Кроме того, он указывает на образ короля Магнуса Эрикссона в «Шведской хронике»: историк-реформатор порвал со средневековой традицией.

¹⁴⁰ Ibid. S. 120–128.

¹⁴¹ Ibid. S. 32.

¹⁴² Ср: Ibid. S. 116.

¹⁴³ См., например: Ibid. S. 78–79, 82–83, 103.

Наконец, оба специалиста, Вестин и Ферм, обращают внимание на посвящение в хронике: Олаус желает читателю «знания о спасении» (*salighetens kunskap*)¹⁴⁴.

В этой связи уместно вспомнить, что один из первых читателей «Шведской хроники», король Густав Васа, рассудил иначе: по его мнению, труду, напротив, не хватило «истинного евангельского духа». Если сравнить «Шведскую хронику» с другими произведениями Олауса, легко убедиться: хроника существенно отличается от трудов, созданных «местером Улофом» для духовных целей. В религиозных опусах «местера Улофа» мы видим проповедь идей, заимствованных прежде всего у Лютера; в «Шведской хронике» этой проповеди почти нет. Олаус в данном случае ничего не пишет об оправдании и спасении. Тема Реформации затронута (да и то косвенно) только в рассуждении об основателях монастырей. Но и там, как верно заметил король Густав I, Олаус скорее оправдывает древние представления о благочестии, нежели осуждает их.

В религиозных трудах Олаус Петри постоянно обращается к Библии. А в «Шведской хронике» библейских цитат почти нет; небольшая, хотя и важная отсылка к Библии в конце предисловия и еще одна цитата в основном тексте — это, в сущности, все, что есть на этот счет в историческом труде «местера Улофа».

В свою очередь, обращение к читателю тоже не может служить «ключом» к хронике, ведь словосочетание «*salighetens kunskap*» — результат исправления, возможно, ошибки. К тому же подобные посвящения в трудах Олауса Петри носят отвлеченный характер и подчас не вполне связаны с произведением. Так, полемические «Ответы» Паулюсу Элиэ предварены посвящениями, в которых Олаус желает читателю «мира и покоя». Сами же «Ответы» очень эмоциональны, в них присутствует бурная полемика, хлесткие выражения, язвительные реплики.

Показательно, что и Ферм, сравнивая Олауса-историка с Меланхтоном-историком, пришел к выводу, что Олаус относится к истории менее предвзято; история у «местера Улофа» — не служанка религиозной пропаганды. Олаус мог бы использовать исторические события, чтобы иллюстрировать свои религиозные взгляды. «Местер Улоф» этого почти не делает.

В «Шведской хронике», конечно, присутствуют рассуждения на религиозные темы — прежде всего на темы промысла Божьего и воздаяния по заслугам. Темы эти — традиционные, общераспространенные, вопрос в том, как они раскрыты в данном случае. Ферм утверждает, что, по «местеру Улофу», Бог *иногда* вмеши-

¹⁴⁴ См. в частности: Ibid. S. 82.

вается в ход земных событий. Это неверно: если бы Олаус так рассуждал, он не был бы реформатором, не был бы последователем Лютера. Представления «местера Улофа» являлись иными: Бог творит все. На свете все совершается по воле Бога. Но божественный разум намного превосходит разум человеческий; воля Бога труднопостижима. Человеку остается уповать на Бога, и, поступая так, стараться жить праведно. С этим связана идея чуда. Пути Бога неисповедимы, Его деяния чудесны.

Ферм обращает внимание на этот мотив в «Шведской хронике», но трактует его спорным образом. Олаус пишет, что промысел Божий чуден (*underlig*). Ферм переводит это понятие современным шведским термином «*förunderlig*» («удивительный») и считает, что в определении заключена ирония: Олаус, мол, смеется над теми, кто буквально толкует библейское речение «неисповедимы пути Господни». По мнению Ферма, Олаус Петри считал, что Божий промысел подчас вполне постижим.

Приведенное рассуждение представляется искусственным, и по сути, неверным. Олаус был убежден, что пути Господни неисповедимы: он писал об этом в богословских трудах, и, в сущности, о том же говорит в «Шведской хронике». «Местер Улоф» не позволил бы себе острить по такому поводу: он был противником опошления богословских тем. Употребленный Олаусом термин «*underlig*» — не совсем то же самое, что «*förunderlig*». Слово «*underlig*» — более возвышенное, поэтическое: у него тот же смысл, что у русского «чудный», или у английского «*wondrous*». Да и вообще трактовка, предложенная Фермом, просто не нужна — ведь мысль Олауса простая, часто встречающаяся у других авторов: Божий промысел чуден; в конце концов, неким непостижимым образом, торжествует справедливость.

У данной проблемы есть интересный аспект: тема чуда в средневековой историографии и вообще культуре. Мотив «чудесного», как известно, характерен для европейской культуры всего Средневековья и в значительной степени раннего Нового времени. Но для шведской исторической мысли этот мотив — в основном продукт позднего Средневековья.

Если внимательно прочесть «Хронику Эрика» — произведение, созданное в первой половине XIV века (т.е., до эпидемии чумы — «Черной смерти», до военно-политических конфликтов противников и сторонников Альбрехта Мекленбургского, до хозяйственных неурядиц, связанных с так называемым «аграрным кризисом»), то можно в числе прочего убедиться, что в этой хронике все как бы на месте, все происходит не чудесным образом, а естественным путем. Рыцари, как им положено, отважны, дамы —

прекрасны, старики — мудры. Герои пируют, влюбляются, женятся, воюют, гибнут. Повествование насыщено, события драматичны, но вполне натуральны; о сверхъестественном почти не говорится.

Иная картина в более поздних хрониках — в «Хронике Энгельбректа», «Хронике Карла», «Хронике Стуре». Там важные события выдаются за сверхъестественные, чудесные. Как чудо преподносится в «Хронике Энгельбректа» борьба шведов против Эрика Померанского. Посредством чудесного вмешательства Бог, Дева Мария и святые помогают шведам в борьбе, карают недругов. В «Хронике Карла» регент Карл Кнутссон дважды слышит чудесное пророчество: быть ему королем. Особенно много говорится о чудесах и удивительных событиях в «Хрониках Стуре». Как удивительные преподносятся политические события: борьба магнатов из рода Уксеншерна против короля Карла Кнутссона, борьба фракций магнатов внутри риксрода. Удивительным назван слух о том, что король Ханс хочет захватить власть в Швеции. «Чудом» (under) может быть примечательное событие: такое, как появление кита у берегов Швеции. Чудом могли являться и бедствия, обрушившиеся в конце XV века: сильные ветры, пожары, бури, чума и «козни русских»... Внимание к удивительным событиям, чудесам (и употребление самого понятия «чудо») было отчасти обусловлено нестабильностью жизни, а также пропагандой религиозных идей. Богословы учили, что мир делится на естественный и сверхъестественный; все, относящееся к Богу, выходит за пределы естественного. В доступном виде, через проповеди и нравоучительные сочинения, такие идеи доносились до сознания мирян. Вот почему, например, для создателей хроник было важно преподнести победы шведов как чудо: это доказывало, что шведам помогает Бог.

Что позаимствовал Олаус Петри из подобных представлений о сверхъестественном, чудесном, и от чего он отказался? Мы видим, что в отличие, например, от авторов «хроник Стуре», Олаус не столь часто употребляет понятие «чудо». Чудом для него является промысел Божий. Чудесным образом Бог воздаст по заслугам: высокомерным государям посылает строптивых подданных; правителей из рода Фолькунгов заставил расплачиваться за злодеяния предков¹⁴⁵.

Олаус, как и многие предшественники и современники, считал чудесными необычные природные явления: «кровавый дождь» (дождь, окрашенный вулканическим пеплом), вставшие реки. В традициях своего времени, «местер Улоф» рассматривал такие

¹⁴⁵ OPSS IV. S. 51, 138.

феномены как знамения. Вспомним, какую роль одно из подобных явлений — «ложные солнца» над Стокгольмом — сыграло в жизни Олауса Петри. Все же в «Шведской хронике» Олаус строго подходит к отбору того, что можно считать чудесами. Так, Олаус не включил в свою хронику сведения о знамении, ниспосланном перед битвой при Брункеберге: во время богослужения из распятия в чашу упала капля крови¹⁴⁶. Олаус скептически относился к подобным происшествиям; знал случаи, когда клирики обманывали прихожан.

Другие сочинения Олауса дополняют представления о том, что автор «Шведской хроники» считал чудом. В проповеди по поводу коронации Густава I Олаус пишет: Бог, послав шведам короля-шведа, поступил, если вдуматься (*om man rätt tilseer*), весьма чудесным образом (*ganska underliga*). Противники короля пытались его свергнуть; но Бог, опять же весьма чудесным образом, свел на нет их происки. Рассуждения Олауса в данном случае весьма традиционны; схожие построения присутствовали у авторов XV века, писавших о восстании Энгельбректа.

В одном из трудов Олауса содержится любопытное рассуждение. Оказывается, чудом для «местера Улофа» являлся и сам человек, прежде всего его духовная сущность, но также и тело, организм. Олауса поражает сложность тела: сердце, легкие, желудок, печень, почки совершают работу в человеке удивительным образом: ее трудно даже в полной мере описать. Многие ученые люди пытались исследовать органы человека, их деятельность и возможности. Для этих целей ученые вскрыли множество трупов, и все же не смогли выявить все, чем Бог наполнил тело. Но тем не менее выявили столь много, что стали называть человека «малым миром»... Кто хочет узреть чудесное, тому не обязательно странствовать в поисках диковин; достаточно обратить внимание на себя, на свой малый мир — и увидишь столько чудесного, сколько не сможешь даже осмыслить...

Эти рассуждения «местера Улофа» — совершенно в духе ренессансной культуры, причем культуры светской. В «Шведской хронике» таких рассуждений, правда, нет. Но отнюдь не исключено, что представления о человеке как «малом мире» — микрокосме повлияли на осмысление «местером Улофом» индивида, личности в истории. В целом же мы видим, что в воззрениях на чудесное у Олауса Петри присутствуют и элементы консервативных представлений, и передовые идеи.

¹⁴⁶ SMR III. S. 164.

С концепцией чуда отчасти связана другая средневековая концепция — постоянства и непостоянства — лат.: *stabilitas / instabilitas*; ср.-швед.: *stadighet / ostadighet*. Согласно средневековым представлениям, мир неустойчив, шаток — *instabilis*. Устойчивым, непреходящим (*stabilis*) является Бог. Человек должен осознать бренность мира, оставить суетные помыслы. Такие рассуждения были распространены во всей Европе; в Швеции они являлись немаловажным мотивом в откровениях святой Биргитты.

С идеей непостоянства связан образ колеса фортуны, которое то возносит человека, то сбрасывает вниз. Образ, как известно, был распространен во многих странах; в Швеции он присутствовал в нарративных памятниках (позднесредневековые хроники) и в визуальных (росписи церквей). Тут Олаус не изобрел ничего нового, привел средневековую концепцию в чистом виде. В «Шведской хронике» содержатся типично средневековые рассуждения о «колесе счастья» и бренности мира сего. И многие другие религиозные идеи в «Шведской хронике» столь же просты и традиционны. Дьявол, по Олаусу, князь мира сего¹⁴⁷, но Бог сильнее дьявола. Бог чудесным образом карает зло и вознаграждает добро.

С этим связаны размышления о судьбах народов, в первую очередь шведского народа. По Олаусу, бедствия, которые претерпели шведы — кара от Бога за грехи правителей и их подданных. В трудах шведских предшественников Олауса позднесредневековых хронистов подобные мысли высказывались редко. Чаще виновниками бедствий, постигших Швецию, объявляли внешних врагов — датчан, немцев, русских, или же изменников из числа шведов.

У Олауса, конечно, имелись зарубежные образцы, в том числе древние историки. В богословских трудах «местера Улофа» имеются ссылки на Евсевия Кесарийского, Филона Александрийского, Иосифа Флавия. И, конечно, как и для многих других хронистов, источником представлений об истории для Олауса являлась Библия.

Далее, для Олауса Петри история Швеции — это в значительной степени история взаимоотношений народа и правителя. Одна из ключевых идей «Шведской хроники»: государь и подданные связаны взаимными обязательствами. В идеологии и политике того времени присутствовали, как хорошо известно, две основные концепции: монархическая и конституционная. Согласно монархической концепции, власть государя даруется «сверху», от Бога; правитель никому не подотчетен в своих действиях. По конституционной — власть правителя делегируется «снизу», жителями

¹⁴⁷ См. например: OPSS III. S. 473.

страны; правитель несет обязательства перед народом и отвечает за свои действия по закону. Особенность взглядов Олауса Петри в том, что у него названные концепции объединены в одну: власть государя — от Бога, но при этом (и, в сущности, в силу этого) государь и подданные связаны обязательствами друг перед другом. Очевидно, политические идеи Олауса Петри сформировались под влиянием различных представлений. Как реформатор, человек нового времени и сторонник сильной национальной монархии, он был сторонником монархической концепции. Но как носитель и исследователь старинных традиций, Олаус являлся сторонником конституционной концепции.

Эта «смешанная», конституционно-монархическая концепция присутствует у Олауса и в проповеди на коронации Густава Васы, и в «Шведской хронике». В первом случае она вызвала одобрение монарха, во втором — гнев. Дело в том, что между указанными произведениями существует разница в акцентах. Проповедь на коронации оптимистична, проникнута верой в монарха, его добродетель и высокое предназначение. «Шведская хроника» скептична, строга, содержит немало упреков государям. Кроме того, между коронацией Густава I (1528) и временем, когда монарх подробно ознакомился со «Шведской хроникой» (1554) прошло четверть века. В представлениях короля о власти идея сильной наследственной монархии стала преобладать. Если в 20-е годы XVI в. само собой разумелось, что шведский монарх имеет обязательства перед подданными, то в 50-е королю хотелось, чтобы его забота о жителях страны воспринималась как благодеяние, милость. Поэтому политические идеи «Шведской хроники» монарх воспринял как крамольные.

Между тем, «Шведская хроника» отнюдь не политический памфлет; цели «местера Улофа» — сугубо просветительские. Прежде всего, там содержатся примеры: каким должен быть достойный, добродетельный монарх. Примеры заимствованы как из недавнего прошлого, так и из древнейшей, подчас легендарной истории.

Самый древний пример благочестивого короля — языческий конунг Фроде. Он сурово наказывал за произвол, при нем никто не осмеливался присвоить чужое добро. При таких правителях страны процветают; древние называли таких государей *patres patriae* («отцы отечества»). Христианам должно быть стыдно, что язычники порой обладали добродетелями, которых часто нет у христиан¹⁴⁸. Мудрый государь — дар Божий. Пример такого государя — конунг Инге: он правил по справедливости. Его брат Хальстен

¹⁴⁸ OPSS IV. S. 20.

тоже был достойный правитель: при нем царили мир и согласие; когда он умер, подданные скорбели о нем, как о родном отце¹⁴⁹.

Олаус приводит еще несколько подобных примеров: Инге Младший — при нем царили мир и справедливость, Карл Сверкерссон — правил миролюбиво, не воевал с Данией, Сверкер Карлссон — был мудрым государем; при нем долго сохранялся мир, Эрик Шепелявый — был добродетелен, добился, чтобы блюлись закон и право¹⁵⁰. Немало положительных черт Олаус видит у Магнуса Биргерссона. Этот король, подчеркивает «местер Улоф», был умен, искусен по части правления, упражнял подданных в военном деле, чтобы в случае опасности дать отпор врагу; ввел хорошие законы, защитив бондов от произвола¹⁵¹. Достойным регентом, по Олаусу, был Торгильтс Кнутссон — умный человек, сделавший много добра¹⁵².

Итак, Олаус Петри более всего ценил в правителях добродетель, ум, справедливость, заботу о подданных, миролюбие. Один из образцов монарха для «местера Улофа» — святой король Эрик (Эрик Йедвардссон), небесный покровитель Швеции. Описывая его, Олаус опирался на житие святого Эрика и на хроники предшественников, прежде всего на хронику, написанную Эрикусом Олаи. Но образ святого короля Олаус изменил, по-иному расставив акценты.

В житиях подчеркивается: святой Эрик происходил из знати; в его жилах текла королевская кровь. Когда Швеция осталась без монарха, магнаты и народ единодушно избрали Эрика королем за его кроткий нрав и добродетельную жизнь. Король Эрик строил церкви и радел о богослужении; мудро правил, создал разумные законы; боролся с врагами веры и с врагами королевства. Совершал добрые дела: примирял враждующих, освобождал угнетенных, наставлял заблудших... Был аскетом: умерщвлял плоть, неустанно молился. Сострадал несчастным, раздавал щедрую милостыню. Носил власяницу, подолгу воздерживался от супружеской жизни; усмиряя желания, совершал омовение в холодной воде...

Эрикус Олаи, описывая деяния святого Эрика, черпал материал из жития. Он воспроизвел сведения о том, что святой Эрик был кроток и добродетелен; что за эти качества его избрали королем магнаты и весь народ; что в его жилах текла кровь королей и знати; что он усердно молился, бодрствовал, постился, раздавал милостыню, носил вретиче, омывался ледяной водой...¹⁵³

¹⁴⁹ Ibid. S. 48–50.

¹⁵⁰ Ibid. S. 50–51, 57, 59, 62.

¹⁵¹ OPSS IV. S. 69–86.

¹⁵² Ibid. S. 86. 96.

¹⁵³ *Ericus Olai, Chronica*. S. 67–68.

Два момента в жизни святого Эрика интересовали Эрикуса Олаи особо. Первый — обстоятельства избрания Эрика Йедварссона королем. В них, по мнению хрониста, проявился чудесный промысел Божий; молодым людям это может быть непонятно, и потому нужно пояснить, о чем идет речь. Трудные времена таят в себе особый смысл: в конце концов Бог посылает людям достойного правителя. Не случайно избрание короля состоялось в круглом, «юбилейном» году: такие годы — особенно счастливые¹⁵⁴.

Второй вопрос, который занимает «доктора Эрика», — это вопрос о происхождении святого короля. Хронисту была известна иная версия: отцом Эрика Йедварссона был «добрый богатый бонд» (*en godher ryker bonde*); бонды и избрали его королем (*bönder walde honom til konung*)¹⁵⁵. Строго говоря, из упомянутого отрывка не следует, что король происходил из крестьянского рода. Слово «бонд» можно интерпретировать как «домохозяин», «муж». Но Эрикус Олаи считал, что речь идет именно о плебейском происхождении короля.

«Доктор Эрик» взялся опровергнуть эту версию. Он указывает: о знатном происхождении короля Эрика сказано в житиях и в литургических гимнах. Церковь не может ошибаться в вопросах, связанных с верой, следовательно, Эрик Йедварссон — человек высокого происхождения. Какой смысл был для прелатов в том, чтобы обманывать людей относительно предков святого? Ведь если бы упомянутый король-мученик действительно происходил из низкого рода, то тем большая ему подошла бы хвала за то, что он столь возвысился. Тогда всем было бы ясно, что его восхождение на престол — необычайное происшествие, чудо. Но допустим, когда-нибудь докажут, что этот святой король — незнатного происхождения; что ж, про любого властелина можно сказать, что он выходец из простого люда: ведь людей на знатных и незнатных делит не природа, а судьба. И пусть иные, споря о происхождении короля, утверждают, что его отец — крестьянин: разве это исключает возможность происхождения из королевского рода? Ведь, может быть, к королевскому роду принадлежала мать святого Эрика. И вообще к чему эти споры о происхождении? Все мы приходим от одного отца. Также и в Ветхом Завете содержатся сведения о достойных людях, которые были рождены от служанок¹⁵⁶.

Очевидно, что суждения Эрикуса Олаи по данному вопросу — весьма традиционные, типично средневековые. В них есть «демократические» ноты, но преобладает аристократическая идеология.

¹⁵⁴ Ibid. S. 67.

¹⁵⁵ См.: SRS I. S. 246.

¹⁵⁶ Ibid. S. 68–69.

Для Эрикуса Олаи важно, что Эрик Святой являлся выходцем из знатного рода. Мы также видим, что спор о предках святого Эрика хрониста интересует не только сам по себе, но и как повод для упражнения в логике и риторике. В своих рассуждениях «доктор Эрик» изобретателен и остроумен. Но все же он порой отклоняется от основного вопроса: из какого рода происходил король — небесный покровитель Швеции.

Совсем по-другому рассуждает о святом Эрике Олаус Петри. Риторические упражнения «местеру Улофу» не нужны; его интересует суть. Он приводит обе версии относительно происхождения святого Эрика и замечает: не имеет значения, из какого рода происходил Эрик Йедвардссон. Если он был сыном крестьянина, это его нисколько не позорит. Напротив, честь ему и хвала: происходя из низкого рода, заслужил такое уважение, что его избрали королем. Благородным (*ädhela*) делает человека добродетель (*dygden*), независимо от происхождения человека.

Здесь налицо хорошо известный мотив, присутствующий у многих авторов эпохи Возрождения. Гуманисты (которые сами зачастую были выходцами из незнатных семей) утверждали, что благородным человека делает добродетель, а не происхождение. Олаус Петри — сын кузнеца, уроженец небольшого города, пробившийся наверх благодаря способностям, удаче и труду, проповедовал те же идеи, что и его современники-гуманисты в разных странах Европы.

Мы видим, что Олаус Петри, как и Эрикус Олаи, восхищен Эриком Святым. Но поводом для восхищения в данном случае является не аскетическая жизнь, а забота о подданных. Олаусу понравилось, что король Эрик отказался в пользу подданных от части доходов, «которые по праву мог требовать». Сравнивая хронику Олауса с различными версиями жития святого Эрика, можно убедиться, что Олаус несколько исказил и вообще не вполне правильно понял отрывок. В житиях говорится следующее: подданные предложили, чтобы король истратил на себя долю судебных штрафов, поступающую в казну. Король отказался, заявив: этих денег, возможно, недосчитаются потомки; ему же достаточно того, что положено по закону. Здесь та же логика, что в общешведском законоуложении — Ландслаге: король должен довольствоваться доходами, положенными ему по закону, должен сберечь казну для потомков. Несомненно, что и в житии, и в Ландслаге отражены интересы одной и той же социальной группы: шведских магнатов. Итак, Олаус как историк на сей раз оказался не на высоте; его рассуждения носят в данном случае поверхностный характер.

В хронике Олауса Петри приведены и примеры того, каким не должен быть монарх. Таков Амунд Мерзкий (Эмунд Старый): по

неразумению он уступил датчанам область Сконе, а затем потерпел поражение и потерял множество воинов, пытаясь вернуть упущенное¹⁵⁷. Таков конунг Рагвальд: обуреваем гордыней, не хотел прислушиваться к чужим советам и поплатился за гордыню¹⁵⁸. В «Шведской хронике» содержится много упреков в адрес государей-иноземцев. Суть этих упреков такова: правители-иноземцы не любили своих подданных-шведов, правили для себя и своих земляков¹⁵⁹.

Итак, правители бывают хорошие и плохие; но подданные, считал Олаус, обязаны хранить верность любому законному государю, каким бы он ни был. Восстание недопустимо, даже если правитель нарушает свои обязательства по отношению к подданным.

В «Шведской хронике» приведено немало примеров того, что восстания пагубны для самих восставших. Таков, например, мятеж против короля Эрика Шепелявого: выступление было подавлено, вождь, Хольгер Кнутссон, обезглавлен. Ходил слух, что у могилы Хольгера Кнутссона свершилось знамение; стало быть, этот человек — святой. Олаус этому не очень-то верит: для него Хольгер — мятежник, изменник, обнаживший меч против законного государя¹⁶⁰. Олаус убежден: мятежники, восстающие против законного государя, обычно кончают плохо. Так случилось с мятежниками, восставшими против короля Магнуса Биргерссона и с бондами, выступившими против короля Биргера¹⁶¹, так произошло с Энгельбректом и его соратниками. Нередко восстания были вызваны тиранией со стороны государей. Но даже в таких случаях, считал Олаус, подданные не должны обнажать оружие против государя; мятеж может привести к еще большим бедствиям.

«Шведская хроника» содержит любопытный материал и по части типологии средневековых восстаний; во всяком случае, она показывает, как причины, движущие силы и цели таких выступлений воспринимались автором XVI века. Мы видим, что по «Шведской хронике» главной причиной подобных выступлений являлись страдания народа, гнет со стороны властей; таким образом, по Олаусу, такие выступления являлись проявлениями народной борьбы. В то же время, из хроники следует, что часто не существовало четкой грани между народными восстаниями и мятежами знати: фрейсисманы-оппозиционеры, пользуясь народным недовольством, поднимали простых людей (как правило, бондов) на борьбу, возглавляли движения и использовали их в собственных целях.

¹⁵⁷ OPSS IV. S. 48–49.

¹⁵⁸ Ibid. S. 51–52.

¹⁵⁹ См. например: OPSS IV. S. 130–132, 137–138.

¹⁶⁰ OPSS IV. S. 63.

¹⁶¹ OPSS IV. S. 81–82, 86.

В отдельных случаях Олаус мог недооценивать роль пропаганды и агитации со стороны фрельсе. Так, цитируя в XIV веке письмо жителей Верхней Швеции, в котором содержится призыв к борьбе с королем Альбрехтом Мекленбургским, Олаус явно верит, что письмо написали простые люди по собственной инициативе. А между тем, этот документ скорее всего написан под диктовку шведских магнатов — противников Альбрехта Мекленбургского. Мы знаем, что именно так обстояло дело с аналогичными позднейшими воззваниями, созданными в XV—XVI веках, выдаваемыми за заявления, исходящие от народа.

Итак, «Шведская хроника» — исторический труд, в котором выражены достаточно четкие политические взгляды. «Местер Улоф» выполнил обещание рассказать о том, как обстояли дела при правителях-иноземцах и правителях-шведах, о том, как правила короли и регенты, о том, какие беспорядки, смуты и распри довелось пережить предкам¹⁶².

Рассуждая о государях, Олаус употребляет шведскую терминологию, апеллирует к шведским реалиям. Но его мысли были весьма типичны для позднесредневековой Европы: государь должен править не для себя, а для общего блага. Мы видим также, что политические взгляды Олауса достаточно консервативны: по существу, его идеалом является сословная монархия. Кроме того, очевидно, что Олаус — сторонник единого, централизованного государства. Деление Швеции на герцогства, существовавшее в XIII — начале XIV века, он осуждает. Он описывает, сколь пагубной оказалась вражда между королями и герцогами — потомками ярла Биргера: эта вражда ослабила страну, причем особенно страдал простой народ¹⁶³. Позиция Олауса Петри по этому вопросу не могла устраивать Густава Васу: ведь этот король, стремясь укрепить основанную им династию, снова учредил герцогства. И рассуждения «местера Улофа» в сущности оказались пророческими: раздел королевства привел к многолетней кровопролитной борьбе между сыновьями Густава Васы.

Наконец, мы видим, что Олаус Петри был сторонником монархии: страной должен править король, а не регент. «Местер Улоф» объясняет: когда в Швеции не было короля, а имелся лишь регент, на магнатов не было управы: никто не хотел уступить, никто не хотел быть униженным. Следствие этого — распри и междоусобные войны¹⁶⁴.

¹⁶² OPSS IV. S. 3; Ср.: CE. Вып. 6. С. 277.

¹⁶³ OPSS IV. S. 103—109.

¹⁶⁴ OPSS IV. S. 177.

Если взгляды «местера Улофа» на политический строй Швеции достаточно консервативны, то его мнения по поводу народов и отношений между ними — новаторские, оригинальные для того времени. Олаус справедливо полагал, что его предшественники — датские и шведские хронисты — далеки от объективности: «Датчане похваляются великими деяниями, которые их государи совершили в Швеции, а шведы высоко ставят свои подвиги, совершенные в Дании. Поэтому ныне тот, кто захочет узнать истину, вряд ли извлечет ее из датских и шведских хроник... Издревле (исправи Боже) существует скрытая и отчасти естественная взаимная ненависть между датчанами и шведами, ибо обе стороны ценят себя очень высоко, и ни одна не хочет уступать другой. Оттого-то и хроники, которыми мы ныне располагаем, таковы, каковы были мысли тех, кто их писал. И в силу этого шведские хроники не согласуются с датскими и ни одна из сторон не пишет ничего хорошего о другой; поэтому крайне трудно почерпнуть в этих произведениях сколь-либо ценные сведения»¹⁶⁵.

Такие взгляды Олауса шли вразрез с господствовавшей официально-патриотической идеологией. Высказывания шведских авторов о соседях шведов — датчанах и русских — нередко являлись крайне негативными. Характерный пример тому — созданная в начале XVI века «Речь против датчан», приписываемая шведскому сочинителю, прелату, военачальнику и политику Хеммингу Гадду. Автор рисует жителей Дании в самых черных красках, всячески понося и издеваясь. Датчане, якобы, разговаривают, естественно искривляя рот и коверкая слова. Шведы 13 раз покоряли Данию и однажды дали ее жителям в короли собаку. Дания все необходимое ввозит из-за границы, в то время как Швеция сама обеспечивает себя всем необходимым; датский народ в противоположность свободолюбивому и вольному шведскому народу пребывает в постоянном рабстве; страной правят тираны. Датские странствующие студенты, посещающие Швецию — шпионы; датские воины на шведской службе жестоки и вероломны; датские монахи выведывают у шведов на исповеди важные тайны; датские проститутки развращают шведских дворян и шведскую молодежь. Датчане вообще вероломны и лживы. С ними не следует иметь никаких дел¹⁶⁶.

Сходный образ соседа содержится в главах, посвященных русским в «Истории северных народов», созданной Олаусом Магнусом

¹⁶⁵ OPSS IV. S. 2.

¹⁶⁶ [Gadh Hemming]. En sanfärdig Oration och trogen förmaning.

сом. «Московиты» коварны, жестоки, вероломны, алчны. Используя в качестве предлога территориальные споры, русские часто вторгаются в шведское королевство, главным образом для получения добычи. Они ввозят в Швецию фальшивую монету. Странствуя по Швеции под видом путешественников либо бродячих скорморохов, русские на деле осуществляют деятельность, вредную для Швеции. Русские раболепствуют перед своими царями. Споры у них решаются не столько посредством судебного разбирательства (которое само по себе неизменно предвзято), сколько в поединках. При этом русские уверяют, что их государство (хотя его никоим образом нельзя назвать государством) управляется наилучшим образом¹⁶⁷.

Позиция автора «Шведской хроники» резко контрастировала с этими (и многими другими) высказываниями шведских авторов о народах-соседах. Сами шведы, по Олаусу, в старину были «грубым и неразумным народом»; эта мысль в хронике повторяется неоднократно¹⁶⁸. Вместе с тем, шведы, по мнению Олауса, доблестны и смелы, не любят, когда их унижают.

Следуя принципу объективности, Олаус Петри рисует картину взаимоотношений шведов и датчан. Очень любопытно первое упоминание о датчанах. Олаус пишет, что было много хронистов, «как шведских и датских, так и иноземных»¹⁶⁹. Таким образом автор как бы объединяет шведов и датчан, противопоставляя их иноземцам. Но далее, по всему тексту хроники, Олаус все же дает понять, что это два разных народа. Их интересы нередко сталкивались. Описывая территориальные споры и связанные с ними конфликты, Олаус в отличие от многих его современников и предшественников был достаточно беспристрастен¹⁷⁰. Из «Шведской хроники» мы узнаем, что Швеция и Дания много воевали, причем борьба шла с переменным успехом¹⁷¹. Олаус выразил сомнение и в достоверности мифа о том, что шведы посадили на датский трон собаку¹⁷².

Подобная взвешенность и объективность присутствует в «Шведской хронике» и при изображении русских. Так, упоминая о том, что у русских споры решаются поединком, Олаус Петри не

¹⁶⁷ Подробно см.: Савельева Е.А. Олаус Магнус и его «История северных народов», Л., 1983. С. 62–87; Щеглов А.Д. Олаус Магнус о России и русских. С. 230–238.

¹⁶⁸ OPSS IV. S. 4, 37, 82.

¹⁶⁹ Ibid. S. 2.

¹⁷⁰ См. особенно: OPSS IV. S. 13, 48, 110–125.

¹⁷¹ OPSS IV. S. 22, 29, 32, 35–36, 80–81.

¹⁷² Ibid. S. 36.

противопоставляет шведов русским, а проводит между ними параллель: споры у русских решаются поединком, как в древности у жителей Швеции¹⁷³.

Для шведской элиты (короны, духовенства, рыцарства) позднего Средневековья — раннего Нового времени была актуальна идеология крестовых походов на восток, которая оправдывала экспансию шведов в направлении Восточной Карелии и Северо-Западной Руси. В контексте этой идеологии русские и православные восточные карелы отождествлялись с язычниками. Такое представление о православном населении Олаусу Петри было чуждо. В его интерпретации упоминаемые в источниках язычники времен шведских крестовых походов — это именно язычники, т.е. еще не принявшие христианство эсты и карелы, а также пруссы и полабские славяне — венды. Православных русских Олаус к язычникам не причисляет¹⁷⁴.

Средневековые конфликты русских со шведами нередко отличались жестокостью, проявляемой с обеих сторон. Олаус Петри затрагивает эту тему, но не осуждает в связи с этим русских, что нередко делали его предшественники и современники. Например, в описании крестового похода, возглавленного Торгильсом Кнутссоном, у Олауса отсутствует мотив морального осуждения русских, присутствующий в «Хронике Эрика», которую «местер Улоф» использовал в качестве одного из источников¹⁷⁵. Тот же нейтральный тон (в отличие от заведомо предвзятого тона нескольких других позднесредневековых источников) присутствует в фрагментах «Шведской хроники», посвященных русско-шведским конфликтам конца XV — начала XVI веков. Вот показательный пример: «В год Господень 1477 архиепископ Якоб основал в Уппсале университет; а два года спустя герр Эрик Аксельссон вторгся в русские земли, углубившись на двадцать или тридцать миль, и нанес там огромный ущерб, убивая тысячами скот и людей, мужчин и женщин, молодых и старых. Ранее и русские нанесли огромный ущерб в Финляндии»¹⁷⁶.

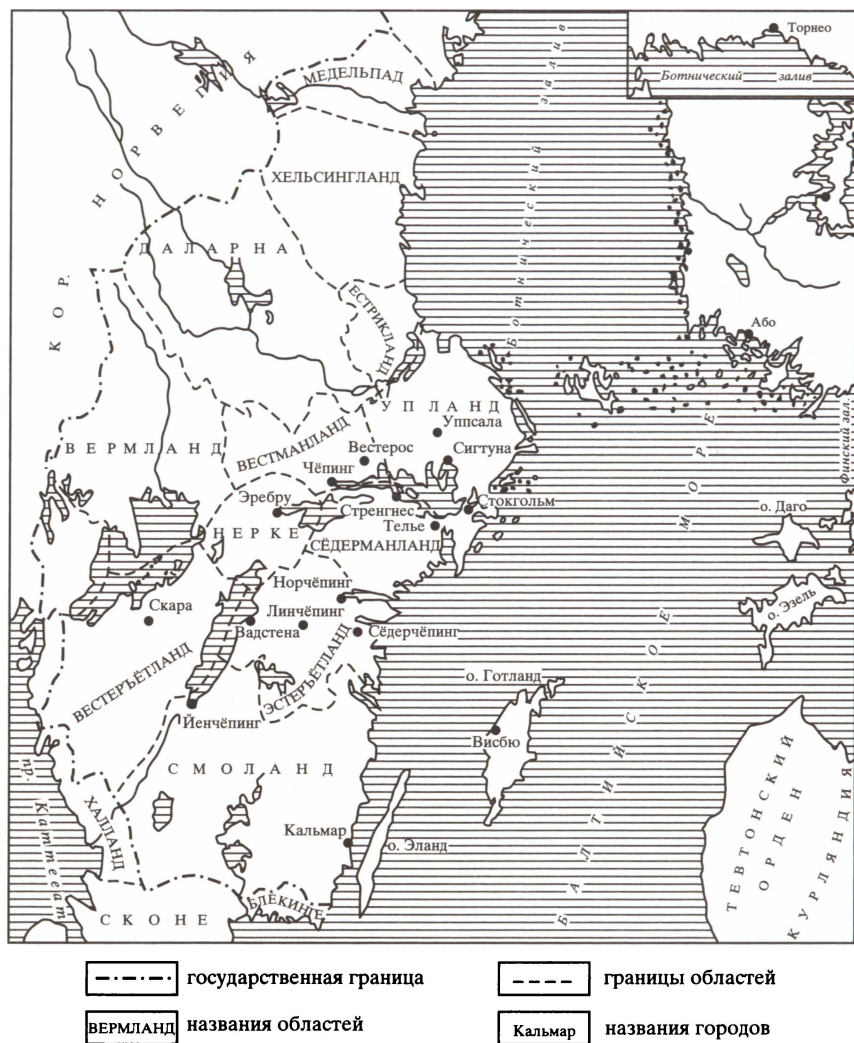
Одной из серьезнейших проблем в отношениях Швеции с Русью (сначала Новгородской, а с конца XV века Московской) являлся спор о правах на крупные территории в Восточной

¹⁷³ OPSS IV. S. 44.

¹⁷⁴ OPSS IV. S. 61. В «Шведской хронике», правда, присутствует одно упоминание о русских как «врагах христианства» (OPSS IV. S. 200). Но это процитированное высказывание короля Кристиана I, а не собственное суждение хрониста.

¹⁷⁵ OPSS IV. S. 69, 89.

¹⁷⁶ OPSS IV. S. 243. Ср.: Ibid. S. 250–251, 254–255.

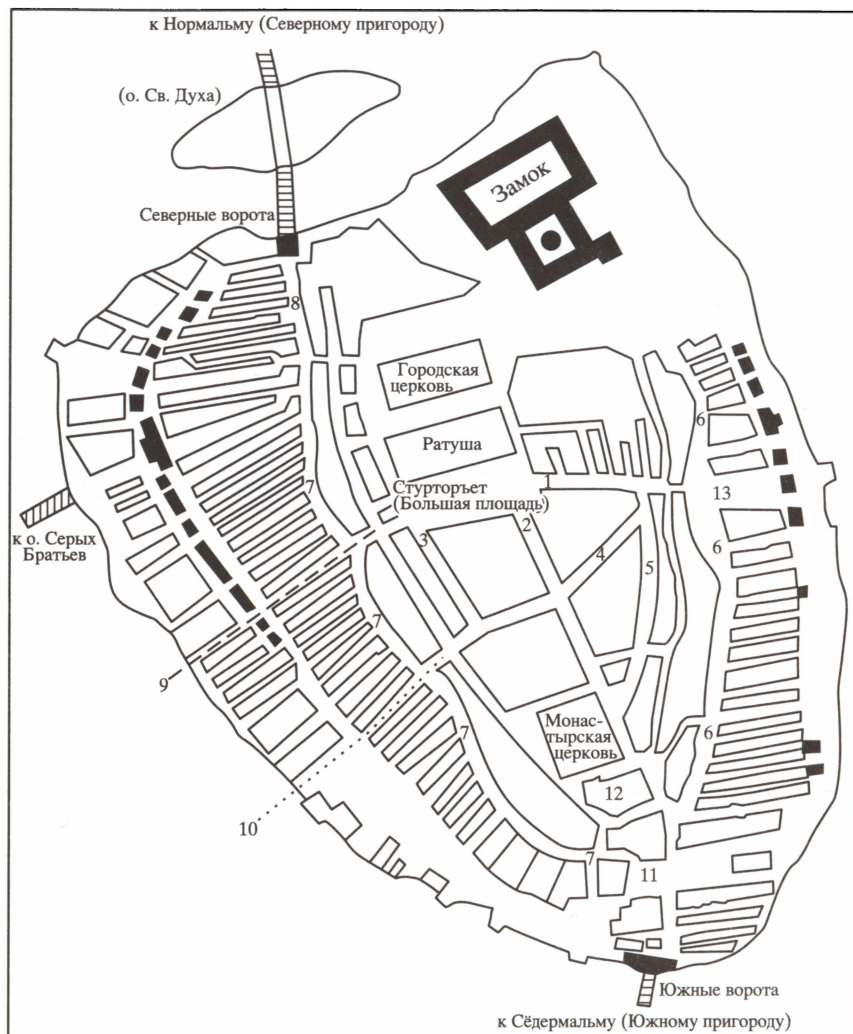

Карта 1

Исторические области и важнейшие города средневековой Швеции

Карелии. Олаус Петри и здесь не принимает чьей-либо стороны. Он просто констатирует, что территориальные споры имели место, и что русские, ссылаясь на заключенный в правление короля Магнуса русско-шведский договор, стремились отторгнуть от Шведского королевства значительные части Карелии¹⁷⁷.

¹⁷⁷ OPSS IV. S. 114.

Карта 2
Средневековый Стокгольм

1 — Чёпманагатан (Купеческая улица); 2 — Свартбрёдрагатан (улица Черных братьев); 3 — Скумакаргатан (Сапожная улица); 4 — Чиндстугатан; 5 — Шэлагордсгатан (улица Богадельни); 6 — Эстерлонггатан (Восточная длинная улица); 7 — Вестерлонггатан (Западная длинная улица); 8 — Смедьегатан (Кузнечная улица); 9 — Кокбринкен (Спуск у позорного столба); 10 — Скумакарбринкен, или Тюскабринкен (Сапожный, или Немецкий спуск); 11 — Йернторьет (Железная площадь); 12 — Монастырь Черных братьев; 13 — Фискаторьет (Рыбная площадь)

• Города + Монастыри ▲ Центры епископств ■ Усадьбы

Карта 3
Окрестности озера Меларен

Рассуждения Олауса Петри о шведах и их исторических соседях интересны как сами по себе, так и в контексте историографии русско-шведской проблематики. Современные зарубежные специалисты, занимавшиеся проблемой исторического образа русских в Швеции раннего Нового времени, К. Таркийнен и Л. Тенгстрём, констатировали, что этот образ носил негативный характер. «Хронику» Олауса Петри в качестве источника Таркийнен и Тенгстрём не привлекали. Между тем, «Шведская хроника» — пример того, что отношение шведов XVI века к соседям-иностранцам не обязательно являлось отрицательным. Нередко восприятие соседей являлось конструктивно-нейтральным. Многое здесь зависело от личности и позиции автора, а также от контекста повествования.

* * *

Олаус Петри жил на рубеже эпох. В его творчестве и, в частности, в его хронике, сочеталось старое и новое. Нам он интересен и нужен, как один из лучших европейских историков, живших и творивших в раннее новое время. Не последнюю роль здесь играет интересная судьба и личное обаяние автора, а также своеобразие древней истории и культуры его страны — Швеции.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург. Отдел рукописей

Швед. F. IV. 1, Швед. F. IV. 2, Швед. F. IV. 3, Швед. F. IV. 4.

Королевская библиотека, Стокгольм Kungliga biblioteket, Stockholm

D 17, D 23, D 25, D 407, D 407a, D 407b, D 409, D 410, D 439.

Государственный архив Швеции Riksarkivet

E 8656, E 8716, E 8723, E 8798, E 9070.

Библиотека Уппсальского университета Uppsala universitetsbibliotek

E 5, E 6, E 7, E 8, E 9, E 10, E 11, E 12, E 13, E 14, E 15, E 16.

Ihre 116, Ihre 117.

N 140, N 141, N 142, N 143, N 144, N 145, N 146, N 147, N 148, N 149,
N 725a, N 726.

W 250, W 251.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ОР — отдел рукописей

РНБ — Российская национальная библиотека

СЕ — Северная Европа

Comp. Sax. — Compendium Saxonis

KB — Kungliga biblioteket

OPSS — Olaus Petri Samlade skrifter

SMR — Svenska medeltidens rimkrönikor

SKH — Svenska kyrkans historia

SRS — Scriptores rerum svecicarum

UL — Upplandslagen

UUB — Uppsala universitetsbibliotek

Ögl — Östgötalagen

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Из ранней истории шведского народа и государства. Первые описания и законы / Сост., отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 2000.

Олаус Петри. Предисловие к «Шведской хронике» / Пер., вступл., коммент. А.Д. Щеглова // Северная Европа. М., 2007. Вып. 6. С. 274–289.

Снорри Стурлусон. Круг земной / Пер. А.Я. Гуревича, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкой, М.И. Стеблина-Каменского. М., 1980.

Хроника Эрика / Пер. А.Ю. Желтухина. Коммент. А.Ю. Желтухина и А.А. Сванидзе. М., 1999.

Хроника Энгельбректа / Пер., послес., коммент. А.Д. Щеглова. М., 2002.

Швеция и шведы в средневековых источниках / Пер., предисл., коммент. А.Д. Щеглова, В.В. Рыбакова, А.Ю. Кузиной. М., 2007.

Engelbrektskrönikan / Redigering, inledning och kommentar S.-B. Jansson. Stockholm, 1994.

Ericus Olai. *Chronica regni Gothorum* / Textkritische Ausgabe von E. Heuman und J. Öberg. Stockholm, 1993. Bd. I–II.

Huitfeldt A. *Danmarks Riges Krønike*. København, 1977.

Konung Gustaf den förstes Registratur. Stockholm, 1861–1916. Bd. 1–29.

Saxonis Gesta danorum / Ed. J. Olrik, H. Ræder. København, 1931. T. I–II.

Olai Petri. *Svenska krönika* / Utg. G.E. Klemming. Stockholm, 1860.

Olaus Petri. *Samlade skrifter*. Uppsala, 1914–1917.

Scriptores rerum svecicarum medii aevi. Uppsala, 1818. Bd. I–III.

Svenska landskapslagar / Tolkade och förklarade för nutidens svenskar av Å. Holmbäck och E. Wessén. Stockholm, 1979. Bd. I.

Svenska medeltidens rimkrönikor / Utg. G.E. Klemming. Stockholm, 1865–1868. Bd. I–III.

Svenska medeltids dikter och rim / Utg. G.E. Klemming. Stockholm, 1882.

Sveriges traktater med främmande makter / Utg. O.-S. Rydberg. Stockholm, 1877–1895. Bd. I–III.

The Swenskes och Göthers historia / Verteradt på Swenska aff Joh. Sylvio. Stockholm, 1678.

Vadstenadiariet. Latinsk text med översättning och kommentarer / Utg. C. Gejrot. Stockholm, 1966.

ЛИТЕРАТУРА

Антонов В.А. Датская геральдика. XII–XVII веков. М., 2008.

Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1999–2000. Вып. 1–4.

Дементьев Г.А. Введение Реформации в Швеции. СПб., 1892.

- Рыбаков В.В.* Известия о Скандинавии в хронике Адама Бременского // Средние века. М., 2003. Вып. 64. С. 190–206.
- Рыбаков В.В.* Хроника Адама Бременского и первые христианские миссионеры в Скандинавии. М., 2008.
- Сванидзе А.А.* Король и его подданные в «Хронике Эрика» // Северная Европа. М., 1995. С. 12–33.
- Сванидзе А.А.* О движущих факторах общественного развития Швеции в эпоху Кальмарской унии (конец XIV – начало XVI в.) // Скандинавский сборник. Таллин, 1975. Вып. 20.
- Сванидзе А.А.* Северная Европа в XII–XIV вв. // История Европы. М., 1992. Т. II. С. 405–430.
- Сванидзе А.А.* Средневековый город и рынок в Швеции. XIII–XV вв. М., 1980.
- Сванидзе А.А.* Швеция в период Кальмарской унии. Начало словенной монархии (конец XV – начало XVI в.) // История Швеции. М., 1974. С. 114–128.
- Сванидзе А.А.* Эпоха уний в Северной Европе // Средние века. М., 1987. Вып. 50. С. 91–112.
- Чернышова О.В.* Церковь и демократия: Опыт Швеции. М., 1994.
- Шведы: сущность и метаморфозы идентичности.* М., 2008.
- Щеглов А.Д.* Вестеросский риксдаг 1527 года и начало Реформации в Швеции. М., 2008.
- Щеглов А.Д.* Олаус Петри: Личность на рубеже эпох // Северная Европа. М., 1999. Вып. 3.
- Щеглов А.Д.* Шведское средневековье и XVI век в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки // Средние века. М., 2007. Вып. 68 (2). С. 111–142.
- Ahnlund N.* Olaus Petri och Stockholm / Samfundet Sankt Eriks Årsbok. Stockholm, 1952.
- Ahnlund N.* Stockholms historia före Gustav Vasa. Stockholm, 1952.
- Aili H. et al.* Röster från svensk medeltid. Stockholm, 1991.
- Almqvist J.-E.* Dödsdomen över Olavus Petri. Stockholm, 1940.
- Almqvist J.-E.* Tvenne förut otryckta juridiska skrifter av Olavus Petri // Lychnos. 1937.
- Ambrosiani B.* Birka. Stockholm, 1988.
- Ambrosiani B. et al.* Birka: Svarta jordens hamnområde. Stockholm, 1973.
- Anthoni E.* Mikael Agrikolas uppgifter om kristendomens införande och den svenska befolkningen i Finland // Historisk tidskrift för Finland. Helsingfors, 1945. Årg. 30. S. 32–35.
- Arbman H.* Birka: Sveriges äldsta hansestad. Stockholm, 1939.
- Arnoldsson S.* Ericus Olai och periodindelningen i Sveriges historia. Göteborg, 1953.
- Bergendoff C.* Olavus Petri and the Ecclesiastical Transformation in Sweden. 1521–1552. Philadelphia, 1965.
- Christensen A.E.* Kalmarunionen og nordisk politik. Copenhagen, 1980.

- Dahlbäck G.* I medeltidens Stockholm. Stockholm, 1988.
 Den svenska litteraturen. Stockholm, 1987. Bd. I.
Enemark P. Fra Kalmarbrev til Stockholms blodbad. København, 1979.
- Ferm O.* Olaus Petri och Heliga Birgitta. Synpunkter på ett nytt sätt att skriva historia i 1500-talets Sverige. Stockholm, 2007.
- Fredriksson I.* Mikael Agricolas bibliska företal. Umeå, 1985.
- Gardemeister C.* Den suveräne Guden. En studie i Olavus Petris teologi. Lund, 1989.
- Gillingstam H.* Ätterna Oxenstierna och Vasa under medeltiden. Stockholm, 1952.
- Gummerus J.* Michael Agricola — der Reformator Finnlands. Helsinki, 1941.
- Gustafson A.* Den svenska litteraturens historia. Stockholm, 1963. Bd. I.
- Hafström G.* De svenska rättskällornas historia. Lund, 1966.
- Hallencreutz C.-F.* Ansgar: visionär och politiker. Uppsala, 1980.
- Hallencreutz C.-F.* Reformatorn Olaus Petri som missionshistoriker // Kyrkohistorisk årsskrift. Uppsala, 1983. Årg. 83. S. 11–20.
- Hallman J.G.* The twenne bröder och Nerikeboer som then Evangeliska läran införde uti Nordlanden... Stockholm, 1726.
- Historia kring Stockholm: Vasatid och stormaktstid. Stockholm, 1952.
- Keralio [L.F.G.]* Chronicon regum sueciae scriptum ab Olao Petri / Nach einer schwedischen Handschrift herausgegeben. Hildburghausen, 1793.
- Keralio [L.F.G.]* Notice d'un manuscrit suédois de la bibliothèque du roi. [P., sine datum].
- Klockars B.* Birgittas värld. Uppsala, 1973.
- Leffler L.F.* Om den fornsvenska hednalagen // Kongl. vitterhets historie och antiqvitets akademiska månadsblad. Stockholm, 1879. Årg. 8. S. 103–104.
- Ljungberg B.* Ansgar och Björkö. Stockholm, 1945.
- Lundmark E.* Redaktionerna av Olavus Petris svenska krönika // Vetenskaps-Societetens i Lund Årsbok. Lund, 1940. S. 13–76.
- Lönnroth E.* Från svensk medeltid. Stockholm, 1959.
- Lönnroth E.* Sverige och Kalmarunionen. Göteborg, 1934.
- Murray R.* Olavus Petri. Stockholm, 1952.
- Norborg L.-A.* Källor till Sveriges historia. Lund, 1968.
- Nyrin-Heuman E.* Källkritiska, textkritiska och språkliga studier till Ericus Olais Chronica gothorum. Lund, 1944.
- Olaus Petri — den mångsidige svenske reformatorn. Uppsala, 1994.
- Olsson H.* Johannes Messenius Scandia illustrata. Lund, 1944.
- Palme S.-U.* Sten Sture den äldre. Stockholm, 1950.
- Parvio M.* Mikael Agricola ja hänen Uusi testamenttinsa // Sananjalka. Turku, 1968. O. 10. S. 13–36.
- Peterzen I.* Studier rörande Stockholms historia under Gustav Vasa. Stockholm, 1959.

Schmid T. Birgitta och hennes uppenbarelser. Lund, 1940.

Schmid T. Sveriges kristnande: Från verklighet till dikt. Stockholm, 1934.

Sjödin L. Tillkomsten av Olaus Petris krönika // Historisk tidskrift. Stockholm, 1921. Bd. 41. S. 48–68.

Stavenow L. Olaus Petri som historieskrivare. Göteborg, 1898.

Svanberg J. Obscene and Blasphemous Motifs in Swedish Medieval Art // Master Golyas and Sweden. The Transformation of a Clerical Satire. Stockholm, 1997. P. 453–499.

Svanberg J., Qwarnström A. Sankt Göran och draken. Stockholm, 1998.

Svenska kyrkans historia / Utg. H. Holmquist och H. Plejel. Stockholm, 1933. Bd. I–III.

Sveriges national-litteratur. Stockholm, 1912. Bd. I.

Tankar om ursprung. Forntiden och medeltiden i nordisk historieanvändning. Stockholm, 1952.

Tarkiainen K. Att vara på sin vakt när man brevväxlar med kungar och upprorsmän // Källor till den svenska historien. Årsbok för Riksarkivet och Landsarkiven. Stockholm, 1993. S. 60–64.

Tarkiainen V., Tarkiainen K. Mikael Agricola: Suomen uskonpuhdistaja. Helsinki, 1985.

Tjällén B. Church and Nation. The Discourse on Authority in Ericus Olai's *Chronica regni Gothorum*. Stockholm, 2007.

Valda stycken av svenska författare. 1526–1732 / Utg. E. Noreen. Stockholm, 1967.

Westin G.T. Historieskrivaren Olaus Petri. Svenska krönikans källor och krönikeförfattarens metod. Lund, 1946.

Westin G.T. Olaus Petri, Peder Svart och Gustav Vasa: Religion, politik och historieskrivning i början av 1500-talet. Stockholm, 2002.

Westman K.-B. Reformation och revolution: En Olavus Petristudie // Uppsala universitets årsskrift, 1941.

Zheltukhin A. Orthographic Codes and Code-Switching. A Study in 16th Century Swedish Orthography. Stockholm, 1996.

Zjeltuchin A. Svenska handskrifter i St Petersburg // Arkiv hemma och ute. Årsbok för Riksarkivet och Landsarkiven. Stockholm, 1995. S. 173–189.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ШВЕДСКОЙ ХРОНИКЕ	5
ШВЕДСКАЯ ХРОНИКА	18
КОММЕНТАРИИ	245
ПРИЛОЖЕНИЕ	317
<i>А.Д. Щеглов.</i> ОЛАУС ПЕТРИ И ЕГО ХРОНИКА	317
ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА.....	415

Петри Олаус

Шведская хроника / Олаус Петри ; пер., послесл., коммент. А.Д. Щеглова ; [отв. ред. А.А. Сванидзе]. Ин-т всеобщей истории РАН. — М. : Наука, 2012. — 421 с. : ил. — (Сер. «Памятники исторической мысли»). — ISBN 978-5-02-038032-5 (в пер.).

Вниманию читателей впервые предлагается полный русский перевод «Шведской хроники», созданной в XV в. шведским реформатором, просветителем и историком Олаусом Петри. Хроника охватывает огромный период — с древнейших времен до начала XVI в. Повествование насыщено и многогранно: освещена политическая история Швеции, формирование ее права, история городов и хозяйственных отношений, история церкви. В комментариях разъяснены исторические реалии, приведены результаты научных исследований «Хроники». В послесловии рассказано о жизненном пути Олауса Петри, об истории создания «Шведской хроники», об особенностях этого произведения и о его научном исследовании. Значительное внимание переводчик и комментатор уделил рукописям «Шведской хроники» — в том числе хранящимся в России.

Для историков, филологов и более широкого круга читателей.

Научное издание

ОЛАУС ПЕТРИ

ШВЕДСКАЯ ХРОНИКА

*Утверждено к печати
Редколлегией серии
«Памятники исторической мысли»,
Ученым советом
Института всеобщей истории
Российской академии наук*

Редактор *В.Н. Токмаков*

Художник *В.Ю. Яковлев*

Художественный редактор *Ю.И. Духовская*

Технический редактор *Э.Б. Павлюк*

Корректоры *Э.Д. Алексеева, Г.В. Дубовицкая,
Т.И. Шеповалова*

Подписано к печати 31.10.2012
Формат 60×90¹/₁₆. Гарнитура Академическая
Печать офсетная
Усл.печ.л. 26,5. Усл.кр.-отт. 27,5. Уч.-изд.л. 28,5
Тираж 925 экз. (РГНФ – 300 экз.). Тип. зак. 1694

Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

ООО «Цифровая типография № 21»
123022, Москва, Рочдельская ул., 15, стр. 13

ISBN 978-5-02-038032-5

9 785020 380325

